Академия наук Республики Татарстан
Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ

Археология евразийских степей

№1 2017

VII ХАЛИКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ:

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА: ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ, СОХРАНЕНИЯ И МУЗЕЕФИКАЦИИ

Материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию билярской археологической экспедиции

1–4 августа 2017 г.
Казань–Болгар–Билярск

Казань – 2017

Академия наук РеспубликиТатарстан
Институт археологии им. А. Х. Халикова АНРТ

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

№ 1 2017

VII ХАЛИКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ:

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА: ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ, СОХРАНЕНИЯ И МУЗЕЕФИКАЦИИ

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 50-ЛЕТИЮ БИЛЯРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

1–4 августа 2017 г., Казань – Болгар – Билярск

Казань – 2017

Серия
АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

№ 1 2017

Издание осуществлено в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ № 17-46-161007\17
и при поддержке Министерства культуры Республики Татарстан

Главный редактор:
чл.-корр. АН РТ, док. ист. наук А. Г. Ситдиков

Ответственный редактор:
чл.-корр. АН РТ, док. ист. наук Ф. Ш. Хузин

Ответственный секретарь:
М. В. Шорохов

Редакционный совет:
Атанасов Г., д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **Авербух А.**, д-р, (Париж, Франция); **Афонсо Марреро Х. А.**, проф. (Гранада, Испания); **Бороффка Н.**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Виноградов Н. Б.**, д.и.н., проф. (Челябинск); **Канторович А. Р.**, д.и.н., проф., (Москва); **Кожокару В.**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Напольских В. В.**, д.фил.н., чл.-корр. РАН (Ижевск); **Скакун Н. Н.**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **Франсуа В.**, д-р хабилитат (Экс-ан- Прованс, Франция); **Хайрутдинов Р. Р.**, к.и.н. (Казань); **Черных Е. Н.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **Шуньков М. В.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Янхунен Юха**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия:
Асташенкова Е.В., к.и.н. (Владивосток); **Бочаров С. Г.**, к.и.н. (Симферополь); **Доде З. В.**, д.и.н. (Ростов-на-Дону); **Зеленеев Ю. А.**, д.и.н. (Йошкар-Ола); **Кызласов И. Л.**, д.и.н. (Москва); **Мыц В. Л.**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **Руденко К. А.**, д.и.н., проф. (Казань); **Хузин Ф. Ш.**, д.и.н., чл.-корр. АН РТ (Казань); **Шакиров З. Г.**, к.и.н., доц. (Казань); **Яворская Л. В.**, к.и.н., доц. (Москва).

Ответственный за выпуск: **Б. Л. Хамидуллин**

Археология евразийских степей. № 1 2017. – Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2017; Институт археологии им. А .Х. Халикова АН РТ, 2017. – 380 с.: илл.

ISSN 2587-6112

© Академия наук Республики Татарстан, 2017
© Журнал «Археология евразийских степей», 2017
© ЗАО «Издательский дом» «Казанская недвижимость», 2017

Serial edition
ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES Vol. 1, 2017

Editor-in-Chief:
Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Executive editor:
Corresponding Member of the Tatarstan Academiy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **F. Sh. Khuzin**

Executive Secretary: M. V. Shorokhov

Editorial Council:
Atanasov Georgy, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **Afonso Marrero José Andrés,** PhD, Prof. (Granada, Spain); **Averbouh Aline**, Dr. (Paris, France); **Boroffka Nikolaus**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Chernykh Evgenii N.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Cojocaru Victor**, Dr. Hab. (Yassy, Romana); **Janhunen Juha**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland); **Kantorovich Anatolii R.**, Doktor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Khayrutdinov Ramil R.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Napolskikh Vladimir** V., Doctor of Philological Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk), **François Victoria**, Dr. Hab. (D'aix-en-provence, France); **Shunkov Michael V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Skakun Natalia N.**, Candidate of Historical Sciences (Saint-Petersburg); **Vinogradov Nikolay B.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk).

Editorial board:
Astashenkova Elena V., Candidate of Historical Sciences (Vladivostok); **Bocharov Sergey G.**, Candidate of Historical Sciences (Simferopol); **Dode Zvezdana V.**, Doctor of Historical Science (Rostov- na-Donu); **Yavorskaya Lilia V.**, Candidate of Historical Sciences, Associated Professor (Moscow); **Khuzin Fayaz Sh.**, Corresponding Member of the Tatarstan Academiy of Sciences, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Kyzlasov Igor L.**, Doctor of Historical Sciences (Moscow); **Mytz Victor L.**, Candidate of Historical Sciences (Saint-Petersburg); **Rudenko Konstantin A.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Kazan); **Shakirov Zufar G.**, Candidate of Historical Sciences, Associated Professor (Kazan); **Zeleneev Yurii A.**, Doctor of Historical Sciences, Associated Professor (Yoshkar-Ola).

Responsible for Issue: Candidate of Historical Sciences **B. L. Khamidullin**

Editorial Office Address:
30, Butlerov St., Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)236-55-42

Archaeology of the Eurasian Steppes. *Serial edition.* **Vol. 1, 2017.** – Kazan: «Kazanskaya Nedvizhimost» Publishing House, 2017. Khalikov Institute of Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences , 2017. – 380 p., illustrated

ISSN 2587-6112

© Tatarstan Academy of Sciences 2017
© Archaeology of the Eurasian Steppes Journal, 2017
© CJSC «Kazanskaya Nedvizhimost» Publishing House, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Хузин Ф.Ш., Валиулина С.И., Шакиров З.Г. Билярской археологической экспедиции – 50 лет: итоги и проблемы исследований Великого города 10

Батуева Н.С., Бубнова Р.В., Сарапулов А.Н., Шмуратко Д.В. Керамика курганной группы у деревни Митино: попытка реконструкции культурно-исторических процессов в эпоху Великого переселения народов 24

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Новые материалы раскопок Рождественского комплекса в Пермском крае 30

Блинова Д.С., Данилов П.С. Нумизматический комплекс Входоиерусалимского некрополя Царевококшайска (предварительный анализ) 39

Бугарчев А.И. Находки джучидских монет XIII – первой трети XIV в. с острова Семеновский (Спасский район РТ) 43

Валиев Р.Р. Проблемы локализации археологических объектов на примере Старокуйбышевского комплекса памятников 52

Визгалова М.Ю. Ремесленные изделия забытого промысла (по археологическим находкам из дерева XVI–XVIII вв. с острова-града Свияжска) 65

Волков И.В. Растения рая, чаша из Азова и причуды интерпретации, не связанные между собой 69

Воробьева Е.Е., Кутузова Д.О. Классификация бус Анаткасинского могильника 73

Вострокнутов А.В. Историческая динамика населения междуречья Камы и Иньвы в V–XV вв. н.э. по данным картографии. 78

Губайдуллин А.М. Письменные источники о фортификации X–XVI вв. на территории Поволжья 87

Губайдуллина А.В. Украшения из поделочных камней в коллекции Билярского музея 92

Евгеньев А.А. К истории изучения средневековых кочевниковОренбургского Предуралья 104

Иванов В.А., Проценко А.С. Погребальный обряд как индикатор генетической преемственности культур эпохи раннего железного века Прикамья и Предуралья 117

Иконников Д.С. Жилые постройки Юловского городища X–XIII вв. 130

Иконников Д.С., Баишева М.И. Деревообрабатывающие инструменты с территории Наровчатского городища и его окрестностей 138

Кабатов С.А., Курочкина С.А. Рыболовный промысел сельского населения Костромского Поволжья (по археологическим материалам селища Вежи) 145

Казаков Е.П. Проблемы становления салтово-маяцкой культуры 155

Колонских А.Г. Фортификация городищ бахмутинской культуры Уфимско-Бельского междуречья 171

Красильников К.И., Апареева Е.К. Статуарный культурогенез комано-кипчаков XI–XIII вв. восточноевропейских степей. (Обзор воззрений о камнерезном искусстве Степного Подонцовья) 187

Кузьминых С.В., Белозерова И.В. А.С. Башкиров и археология Волжской Булгарии 196

Купцова М.С. Лепная посуда булгарских памятников Нижнего Прикамья 219

Моряхина К.В. Хронология средневековых перстней с памятников Пермского Предуралья 222

Мухаметшина А.С. Археология в музее: проблемы приема и учета коллекций (из опыта Музея археологии Татарстана Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ) 228

Набиуллин Н.Г. Проблемы сохранения булгаро-татарских некрополей 234

Нигамаев А.З. Города Прикамья в позднедомонгольское и раннезолотоордынское периоды: к вопросу о преемственности населения 239

Никитина Т.Б. Выжумский археологический комплекс в контексте культурных связей в Поветлужье 243

Нуретдинова А.Р. Техническая керамика из раскопа V Билярского городища 254

Нуржанов А.А. Зубная щетка из городища Кастек 267

Огородников А.Д. Кожаные изделия Царевококшайска XVIII–XIX вв. с базарной площади Йошкар-Олы 271

Петров П.Н. Клады джучидских монет на территории Нижегородской области 275

Пигарев Е.М. Формирование городских центров ханского домена Улуса Джучи (городище Мошаик) 283

Пичугин А.Б. Эволюция пермского звериного стиля в многовековых традициях народов Центральной России и Волго-Камья 291

Руденко К.А. Стратиграфия Остолоповского селища XI–XII вв. в Алексеевском районе Татарстана 296

Садриев Н.Р., Валеева В.А., Сиразиев А.Л. Жилые и хозяйственные постройки периода Казанского ханства (по материалам археологических исследований на территории Казанского кремля в 1971–1978 гг.) 320

Сарапулов А.Н. Новый тип хозяйственных сооружений на территории Пермского Предуралья 324

Семенов И.Г. К этнической идентификации носителей позднесарматской культуры 329

Флеров В.С. Местная керамика Семикаракорской крепости 336

Халиков И.А. Проблемы уголовно-правового регулирования общественных отношений, связанных с нарушением требований сохранения или использования объектов культурного наследия, выявленных объектов культурного наследия народов Российской Федерации 356

Харламов П.В. Комплекс вооружения кочевых племен Волго-Уральского региона в IX–XI вв 364

Список сокращений 378

CONTENTS

Khuzin F.Sh., Valiulina C.I., Shakirov Z.G. (Kazan, Russian Federation). 50th Anniversary of Bilyar Archeaological Expedition: results and issues of Great Town investigation 10

Batueva N.S., Bubnova R.V., Sarapulov A.N. (Perm, Russian Federation). Group of pottery from burial mounds near the village of Mitino: an attempt of reconstruction of historical-cultural processes in the epoch of Great resettlement of peoples..... 24

Belavin A.M., Krylasova N.B. (Perm, Russian Federation). New materials from excavations at the Rozhdestvensk complex in Perm krai 30

Blinova D.S., Danilov P.S. (Yoshkar-Ola, Russian Federation). Numismatic complex of the Vkhodoierusalim necropolis of Tsarevokokshaisk (preliminary analysis) 39

Bugarchev A. I. (Kazan, Russian Federation). Jochid coins` findings of 13th – the first third of the 14th sentury from the island Semyonovka (Spassky district, Tatarstan)..... 43

Valiev R.R. (Kazan, Russian Federation). The problem of localization of archaeological sites for example of Staryi Kuibyshev complex of monuments 52

Vizgalova M.Yu. (Kazan, Russian Federation). The product of a forgotten craft (archaeological finds of wood of the 16–18 centuries. The island-fort Sviyazhsk)..... 65

Volkov I.V. Plants in paradise, bowl from Azov, and vagaries of interpretation unrelated among them 69

Vorobeva E.E., Kutuzova D.O. (Yoshkar-Ola, Russian Federation). Classification of beads from Anatkasi burial ground 73

Vostroknutov A.V. (Perm, Russian Federation). The historical population dynamic of Kama and Inva interfluve area during the 5th –15th centuries according cartography data 78

Gubaidullin A.M. (Kazan, Russian Federation). Written sources concerning fortification of the Volga region during the 10–16 centuries..... 87

Gubaidullina A.V. (Kazan, Russian Federation). Decorations made of ornamental stones in collection of Bilyar museum 92

Evgenyev A.A. (Orenburg, Russian Federation). Towards the history of the medieval nomads study of Orenburg Cis-Urals..... 104

Ivanov V.A., Protsenko A.S. (Ufa, Russian Federation). Funeral ceremony as an indicator of the genetic continuity of the cultures of the Early Iron age in the Kama River and the Cis-Ural region..... 117

Ikonnikov D.S. (Penza, Russian Federation**).** Residential buildings at the Yulovo fortified settlement in the 10–13 centuries..... 130

Ikonnikov D.S., Baisheva M.I. (Penza, Russian Federation**).** Woodworking tools from territory of Narovchat fortified settlement and its environs 138

Kabatov S.A., Kurochkina S.A. (Kostroma, Yoshkar-Ola, Russian Federation). Fisheries the rural population of the Kostroma Volga region (on archaeological materials of the settlements of the Vyozhi)..... 145

Kazakov E.P. (Kazan, Russian Federation). Issues of formation the Saltovo- Mayaki culture..... 155

Kolonskikh A.G. (Ufa, Russian Federation). Fortifications of Bachmutino culture hillforts of Ufa-Belaya interfluves 171

Krasilnikov K.I., Apareeva E.K. (Lugansk, Ukraina). The statuary cultural genesis of polovets tribes of the 11th – 13th centuries from the Eastern European Steppes (Survey of views about the lapidary art of the Steppe Donets River area)..... 187

Kuzminykh S.V., Belozyorova I.V. (Moscow, Russian Federation). A.S. Bashkirov and archaeology of Volga Bulgaria 196

Kuptsova M.S. (Elabuga, Russian Federation). Molded pottery in Bulgaria sites of Lower Kama region 219

Morjakhina K.V. (Perm, Russian Federation). Chronology of rings from monuments of Perm Cis-Ural of the Middle Ages 222

Muhametshina A.S. (Kazan, Russian Federation). Archeology in museum: problems of acceptance and accounting of collections (from experience of the Museum of Archeology of Institute of Archeology named after A.Kh. Khalikov) 228

Nabiullin N.G. (Kazan, Russian Federation). Problems of preservation Bulgaro-Tatar cemeteries 234

Nigamaev A.Z. (Elabuga, Russian Federation). Towns in Kama River region during the late pre-mongolian and early Golden Horde periods: concerning the issue of continuity of the population 239

Nikitina T.B. (Yoshkar-Ola, Russian Federation). Vyzhum archaeological complex in the context of cultural relations in Vetluga River area 243

Nuretdinova A.R. (Kazan, Russian Federation). Technical ceramics from excavation 5 at Bilyar fortified settlement 254

Nurzhanov A.A. (Almaty, Kazakhstan). Toothbruch from the Kastek hill-fort 267

Ogorodnikov A.D. (Yoshkar-Ola, Russian Federation). Leather products of Tcarevokokshaisk 18–19 centuries. From site Yoshkar-Ola marketplace 271

Petrov P.N. (Nizhny Novgorod, Russian Federation). Hoards Zhuchi coins on the territory of Nizhny Novgorod region 275

Pigarev E.M. (Yoshkar-Ola, Russian Federation). The formation of urban centres of the khan's domain of the ulus of Zhuchi (fortified settlement Moshaic) 283

Pichugin A.V. (Kazan, Russian Federation). Evolution of the perm animal style in the people centuries-old traditions of the peoples Central Russia and Volga-Kama region 291

Rudenko K.A. (Kazan, Russian Federation). Stratigraphy of the Ostolopovo settlement of the 11–12 centuries in Alekseevsky district of Tatarstan 296

Sadriev N.R., Valeeva V.A., Siraziev A.L. (Kazan, Russian Federation). Housing and household buildings of the Kazan khanate period (bazed on materials of archaeological research on the territory of the Kazan Kremlin in 1971–1978) 320

Sarapulov A.N. (Perm, Russian Federation). A new type of medieval farm buildings in the Perm Cis-Urals 324

Semenov I.G. (Makhachkala, Russian Federation). Ethnic identity of the bearers of the Late Sarmatian culture 329

Flerov V.S. (Moscow, Russian Federation). Local pottery of the Semikarakory fortess 336

Khali*kov I.A.* (Kazan, Russian Federation). Problems of criminal-legal regulation of social relations associated with the violation of the conservation or utilization of objects of cultural heritage, the revealed objects of a cultural heritage of the peoples Russian Federation peoples 356

Kharlamov P.V. (Orenburg, Russian Federation). Weapons complex of the nomadic tribes of the Volga-Ural region in the 9th–11th centuries 364

List of abbreviations 378

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Археологические исследования, активно проводимые в настоящее время на огромных пространствах степной зоны Евразии, отличаются своеобразием методики полевых исследований и анализа добытых материалов. Масштаб исследований обусловлен не только географией степной зоны, но и степенью концентрации исторических объектов археологического наследия. Степная зона в различные эпохи становилась источником возникновения новых социокультурных явлений, которые в результате тесных взаимосвязей народов степной, лесостепной и лесной зон находили отражение в материальной культуре населения всего Евразийского континента.

Археологические исследования создают новые источниковедческие возможности в изучении истории. Методическое своеобразие археологии степной зоны вызывает необходимость накопления, анализа, распространения коллективного опыта исследовательской работы. Совокупность сложившихся сегодня условий приводит к необходимости создания нового международного периодического издания – *Археология Евразийских Степей*, позволяющего упрочить международные научные связи России с Болгарией и Венгрией, Турцией и Ираном, Афганистаном и Китаем, Монголией и Кореей, странами СНГ, европейскими и североамериканскими археологическими центрами.

На страницах журнала будет представлен широкий спектр мнений специалистов, занятых в области степной археологии, как в самой России, так и за рубежом, что поспособствует выработке единой концепции на основе решения ряда дискуссионных проблем истории и культуры степных народов эпохи древности и средневековья.

Появление нового периодического научного издания является показателем качественного изменения организации работы научного сообщества. Существующие сейчас журналы и серийные издания позволяют разнообразить тематику представленных публикаций по проблемам степных культур и культур сопредельных территорий. Важную роль в развитии серийных изданий по проблемам археологии степной Евразии сыграла, выходившая в Казани с 2007 года серия «Средневековая археология Евразийских степей», созданная по решению Учредительного съезда Конгресса средневековой археологии. В данной серии вышло около 30 томов, где опубликованы результаты исследований степной и лесостепной Евразии по широкому кругу проблем с обширной географией и хронологией тем.

Создаваемое периодичное издание направлено, в первую очередь, на расширение публикационных возможностей исследователей. Каждый из шести номеров журнала будет ориентирован на представление конкретных проблемных вопросов, касающихся определенного периода и темы. Тематика издания создает благоприятные условия для объединения усилий исследовательских центров внутри большого евразийского пространства, занимающихся проблемами археологии степной зоны.

По мнению редколлегии журнала, основными публикационными направлениями его станут:

– проблемы возникновения, развития и взаимовлияния археологических культур евразийских степей;

– процессы взаимодействия кочевых и оседлых культур, формирования оседлых поселений и история архитектуры;

– археологическое изучение духовной культуры;

– исследования памятников искусства, размещенных в естественном ландшафте;

– изучение нумизматики и эпиграфических памятников;

– археология, вспомогательные исторические и естественнонаучные дисциплины в изучении материальной и духовной культуры населения степного мира;

– проблемы сохранения и использования археологического наследия;

– исследования по истории развития археологии степных культур и о личностях, оказавших влияние на ее становление.

На страницах журнала планируется публикация не только отдельных статей, но и монографических работ по проблемам археологии степной Евразии. Тематика каждого из номеров обусловлена годовым планом издания в соответствии с приоритетами, определяемыми редакцией.

Появление нового периодического издания накладывает большую ответственность на организаторов при подготовке номеров к выпуску, а на авторов – за качество предоставляемого ими материала. Редколлегия позиционирует журнал как международное издание, предоставляющее новую площадку для ученых, желающих сделать результаты своих исследований достоянием широкой научной общественности.

FROM THE EDITORIAL BOARD

Archaeological researches to be actively provided in the vast spaces of the Eurasian steppe zone, specify in their methods of field investigation and analysis of the data obtained. The scale of research due not only to the geography of the steppe zone, but to the degree of concentration the objects of archaeological heritage also. The steppe zone at different times became a source of new social-cultural phenomena that were the result of close interrelations of the peoples of the steppe, forest-steppe and forest zones and were reflected in the material culture of the population of the entire Eurasian continent.

Archaeological research creates new opportunities for the study of history by means of analysis the sources. Methodological originality of archaeology in the steppe zone calls for the accumulation, analysis, dissemination of the collective experience of research work. The set of existing conditions leads to the necessity of establishment a new international periodical – "Archaeology of the Eurasian Steppes", allowing to strengthen international scientific relations of Russia with Bulgaria and Hungary, Turkey, Iran, Afghanistan and China, Mongolia and Korea, CIS countries, European and North American archaeological centers.

The journal will feature a wide range of experts working in the field of steppe archaeology in Russia itself and abroad, who will contribute to the development of a unified concept based on a number of controversial issues on the history and culture of steppe peoples of Antiquity and the Middle Ages.

The appearance of a new periodical scientific edition is an indicator of a qualitative change in the organization of work of the scientific community. Current journals and serials publications allow us to diversify the themes of works on steppe cultures and cultures of the adjacent territories published there. The series "Medieval archaeology of the Eurasian steppes" published in Kazan since 2007, created by the decision of the Founding Congress of medieval archaeology, has played an important role in the development of serial publications on issues of the archaeology of the Eurasian steppes. About 30 volumes of this series were published concerning the results of investigations steppe and forest-steppe areas of Eurasia in a wide range of geographical and chronological issues.

The created periodical edition is aimed primarily at expanding the publication opportunities for researchers. Each of six issues of the journal will focus on specific period concerning a specific topic. The theme of the publication creates favorable conditions for uniting the efforts of research centers within the large Eurasian space, dealing with the issues of archaeology of the steppe zone.

In the opinion of the editorial Board of the journal, the main publication directions it will be:

–Questions of the origin, development and mutual influence of archaeological cultures of the Eurasian steppes;

– The processes of interaction of nomadic and sedentary cultures, the formation of sedentary settlements and the history of architecture;

– Archaeological study of spiritual culture;

–Investigation of art monuments located in the natural landscape

– The study of numismatics and epigraphic monuments;

– Archaeology, auxiliary historical and natural-science disciplines in the study of the material and spiritual culture of the population of the steppe world;

– Problems of preservation and use of archaeological heritage;

– Studies on the history of the development of archaeology of the steppe cultures and the personalities that influenced its formation.

Not only individual articles but also monographic works on issues of the archaeology of steppe Eurasia will be publish on the pages of the journal. The theme of each the volume will fit to the annual plan of the publication in accordance with the priorities determined by the editorial Board.

The appearance of a new periodical puts great responsibility on its organizers in preparing of the volume, and of the authors for the quality of their material. The editorial Board is positioning the journal as an international publication, providing a new platform for scientists wishing to make their research results known to a wider scientific community.

УДК 902/904

БИЛЯРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ – 50 ЛЕТ: ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ВЕЛИКОГО ГОРОДА

Ф.Ш. Хузин, С.И. Валиулина, З.Г. Шакиров

50TH ANNIVERSARY OF BILYAR ARCHEAOLOGICAL EXPEDITION: RESULTS AND ISSUES OF GREAT TOWN INVESTIGATION

Институт археологии АН РТ; Казанский федеральный университет

В статье подводятся основные итоги исследований Билярского городища – уникального памятника средневековой археологии Восточной Европы, расположенного в Алексеевском муниципальном районе Республики Татарстан. Небольшое количество сведений о Биляре сохранились в древнерусских летописях (в них он назван Великим городом) и в трудах арабо-персидских авторов X–XIV вв. В исторической науке памятник известен с XVIII в., однако археологические раскопки его по большому счету начались лишь в 1967 г. В течение 20 лет исследовались укрепления города, пять городских могильников (в т.ч. некрополь знати в центре города), открыты руинированные остатки трех кирпичных зданий и белокаменной Соборной мечети с отдельно стоящим минаретом, ремесленные мастерские (гончаров, стеклоделов, кузнецов-металлургов), десятки и сотни рядовых жилищ, хозяйственных построек и колодцев. Открытия Билярской экспедиции получили положительный резонанс в археологических кругах страны. С конца 1980-х годов работы экспедиции начали сворачиваться из-за отсутствия полноценного финансирования. Небольшие раскопки охранного порядка производились в основном на окрестных поселениях. Исследования на самом городище возобновились в 2015 г. Необходимость возобновления систематических раскопок на Биляре и памятниках его округи очевидна и с точки зрения научной, и с точки зрения практической – использования результатов исследования в туристических целях.

Ключевые слова: археология, Волжская Булгария, Билярское городище и его округа, история изучения, основные достижения, проблемы и перспективы исследований.

The article outlines the main results of the investigation of Bilyar fortified settlement – a unique monument of medieval East-European archaeology located in Alexeyevsky District of the Tatarstan Republic. A small amount of information on Bilyar has remained in Ancient Russian chronicles (in which it is referred to as Great Town) and the works by 10th – 14th century Arabic and Persian authors. The monument has been known to historians since 18th century, but its archaeological excavations only started in 1967. For 20 years researchers studied its fortifications, five urban burial grounds (including a necropolis of nobility in the centre of the town), discovered the ruined remains of three brick buildings and a white-stone Cathedral Mosque with a free-standing minaret, craft workshops (pottery, glass-making, blacksmithing and metallurgical), as well as tens and hundreds of common dwellings, utility structures and wells. The discoveries made by Bilyar expedition received a positive reaction from the archaeological community of the country. Since late 1980s the activity of the expedition gradually decreased due to the absence of adequate financing. Minor protective excavations were generally performed in the neighbouring villages. Investigation of the settlement it self continued in 2015. The necessity of continuing systematic excavations in Bilyar and the surrounding monuments is evident from both the scientific and practical viewpoints – application of investigation results for the purposes of tourism.

Keywords: archaeology, Volga Bulgaria, Bilyar fortified settlement and its surrounding areas, investigation history, major achievements, research issues and perspectives.

Биляр – уникальный памятник средневековой археологии Восточной Европы, один из немногих исторически известных городов Волжской Булгарии X – первой трети XIII в. – впервые упоминается в т.н. венгерском Анониме, рассказывающем о приходе в Венгрию во время правления Такшона, около 970 года, булгар-мусульман (bilers) из земли Булара (terra Bular) (Хвольсон, 1869, с. 108–109; Тарди, 1982,

с. 237). Древнерусские летописцы знали его под названием Великого города. Лаврентьевская летопись под 1164 г. содержит рассказ об удачном походе князя Андрея Боголюбского на Волжскую Булгарию, когда дружины булгарского князя вынуждены были отступить до Великого города на р. Черемшан (ПСРЛ, I, 1962, стб. 352–353). Второй раз Биляр-Великий город упоминается под 1183 годом при описании крупного похода объединенных отрядов русских князей на столицу страны. Всеволод с союзниками осаждал Великий город в течение десяти дней, но, видя невозможность взять его штурмом, заключил мир на условиях, предложенных булгарским эмиром (ПСРЛ, I, 1962, стб. 390). В 1220 году летописцы сообщают о военном походе русских на Ошель, к защитникам которого с некоторым опозданием пришла помощь из Великого города (ПСРЛ, Т. IX–X, 1965, с. 84). Под 1229 годом в Лаврентьевской летописи имеется рассказ о убиении булгарами, жителями Великого города, некоего Авраамия, христианина по вероисповеданию, причисленного позднее к лику святых (ПСРЛ, I, 1962, стб. 452).

Последующие сведения о Биляре в письменных источниках относятся к XIII в. и связаны преимущественно с походами монголо-татарских войск, предпринимавших неоднократные попытки покорить булгарские земли. В 1232 году монгольские отряды, как сообщает летописец, вынуждены были зимовать, «не дошедши Великого города Болгарского» (ПСРЛ, I, 1962, стб. 459). В 1235 году в районе Великого города (а может быть и в самом городе?) побывал в поисках своих сородичей венгерский монах Юлиан (Аннинский, 1940, с. 80–81). В последний раз Великий город упоминается при описании трагических событий 1236 года, когда столица булгар была полностью разгромлена и перестала существовать как город (ПСРЛ, I, 1962, стб. 460). О Биляре упоминают и авторы XIV–XV вв., но в связи с событиями монгольских завоеваний (см.: Халиков, Хузин, 1991, с. 43–45).

Археологические остатки города – Билярское городище – расположено в Западном Закамье, в бассейне р. Малый Черемшан в Алексеевском районе Республики Татарстан, примерно в 100 км к востоку от города Болгара на Волге. Территория городища – равнинная поверхность с легким уклоном с северо-востока на юго-запад – окружена концентрически вписанными друг в друга земляными валами и рвами, которые делят его на внутренний и внешний город. В плане они подпрямоугольной формы с округлыми углами, ориентированными по странам света. Внутренний город обнесен двумя линиями валов и рвов: протяженность внутренней, основной, линии около 4800 м, второй, дополнительной, недостроенной в некоторых участках линии – 5400 м. Обитаемая площадь внутреннего города составляет 116 га (130,6 га с укреплениями). Внешний город окружен тремя линиями укреплений. Длина внутренней линии составляет 9125 м, средней, местами недостроенной линии – 9400 м, наружной, отстоящей на 80–100 м от первых двух, – 10200 м. Обитаемая площадь внешнего города – 374 га (490 га вместе с укреплениями). Таким образом, обитаемая площадь городища составляет 490 га, вместе с укреплениями – более 620 га. За пределами городских стен, почти вплотную примыкая к наружным стенам города, располагаются пригородные поселения. С учетом неукрепленных пригородов общая площадь Билярского комплекса приближается к 800 га (8000000 кв. м). Есть все основания относить его к числу крупнейших городов средневекового мира.

Археологическое изучение памятника до создания Билярской экспедиции. Билярское городище известно в науке с XVIII в. О нем, основываясь на известные в те времена сведения письменных документов, писал автор первого обобщающего труда по истории России, крупный государственный деятель В.Н. Татищев. Ему были известны в рисунках и зарисовках «несколько древних зданий, а особенно портал или ворота великого храма», руины которых еще возвышались в центральной части городища (Татищев, 1962, с. 269).

Дошедшие до нас первые достоверные сведения о визуальных наблюдениях на Билярском городище, обследовании археологических памятников в его окрестностях связаны с деятельностью одной из знаменитых академических экспедиций 1768–1774 гг. – Оренбургской экспедиции профессора П.С. Палласа, в составе которой работал отряд капитана Н.П. Рычкова. Его отчет по результатам осмотра содержал описание общей топографии и оборонительных сооружений памятника. Им же был составлен первый план городища, «Буляра называемого, с развалинами каменных зданий, земляными валами и остатками кладбищ». Исследования Н.П. Рычкова показали наличие в окрестностях Билярского городища интересных археологических памятников, прежде всего, обширного Балынгузского городища с руина-

ми каменной мечети и кладбища с многочисленными надгробными камнями с арабской надписью, которые, по словам путешественника, «остались еще и доныне знаком бывшего великолепия и свидетелем искусства древнего народа» (Рычков, 1770, с. 11–22).

После Н.П. Рычкова и до обстоятельных обследований В.А. Казаринова в 80-х годах XIX в., т.е. в течение почти целого столетия, Билярское городище оставалось вне поля зрения исследователей. Можно отметить лишь деятельность отдельных краеведов и коллекционеров, например, М.С. Рыбушкина, А. Второва, А. Артемьева и др., которые посещали этот памятник в целях сбора древних вещей, оставляя иногда краткие записки о своих поездках (Рыбушкин, 1833; Второв, 1840; Артемьев, 1851).

Начальный этап изучения Биляра, носивший в основном характер археологических наблюдений и сбора коллекций древностей, завершился выходом в свет фундаментального труда проф. Казанского университета С.М. Шпилевского «Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии» (1877), ставшего значительным событием в историографии Волжской Булгарии. Анализ имеющихся к тому времени письменных, а также пока еще немногочисленных археологических источников позволил автору высказать мысль о том, что со второй половины XII в. Биляр становится столичным городом Булгарского государства и остается таковым вплоть до монголо-татарского нашествия 1236 г. (Шпилевский, 1877, с. 124–126, 137–139). Данная гипотеза была поддержана впоследствии главой советского булгароведения А.П. Смирновым, начавшим в 1938 г. планомерные раскопки Болгара (Смирнов, 1951, с. 229), и стала впоследствии официальной точкой зрения. Следует заметить, что такие известные археологи, как А.А. Спицын, П.А. Пономарев, М.Г. Худяков и В.Ф. Смолин, подвергая критике концепцию Шпилевского, выступали приверженцами точки зрения, высказанной впервые В.В. Григорьевым, о существовании единственной столицы государства булгар в домонгольское время, а именно Биляра-Булгара на р. Черемшан (Григорьев, 1836, с. 291–293; Спицын, 1916, с. 73 и сл.; Пономарев, 1919, с. 45, 48; Смолин, 1925, с. 34, 52, 56).

Следующий этап изучения Билярского городища (1878–1928 гг.) связан с деятельностью Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ), созданного при Казанском университете по решению IV Всероссийского археологического съезда, проходившего в 1877 г. в Казани. Наиболее полное археологическое обследование Биляра и его окрестностей в XIX в. осуществил В.А. Казаринов, активный член ОАИЭ, производивший и первые небольшие раскопки этого памятника. В 1881 г. он тщательно обследовал развалины городища и памятники булгарского времени, расположенные к северу от села Билярска, – Балынгузское, Николаев-Баранские I и II городища, Балынгузское кладбище с надгробиями. За восточным углом внутреннего города выявил остатки кирпичного здания, на плане городища зафиксировал местоположение отдельных ремесленных районов, например, «кузнечного мара» во внутреннем городе, гончарной слободы на правом берегу р. Билярка во внешнем городе, двух городских кладбищ и руины нескольких кирпичных зданий (Казаринов, 1983, с. 89 и сл.).

В течение более 30 лет после В.А. Казаринова значительных работ на городище не производилось. Следует отметить лишь деятельность многочисленных коллекционеров, во время кратковременных посещений памятника скупавших у местного населения богатую коллекцию билярских древностей. Часть этих древностей была опубликована в различных изданиях (Толмачев, 1884; Лихачев, 1891; Высоцкий, 1908; Aspelin, 1877; Tallgren, 1918). Заслуживают внимания находки куфических и джучидских монет с окрестных поселений (Шпилевский, 1877, с. 359–360, 363, 551; Марков, 1910, с. 10, № 52).

Археологические исследования начала XX столетия связаны с именами П.А. Пономарева и его ученика М.Г. Худякова. «Исходя из соображения, что на месте Биляра, древнейшего из памятников булгарской старины, никогда еще не производились раскопки с научной целью, а между тем через 7 лет исполнится тысячелетие с того замечательного момента, когда в июне 922 г. наш край посещен был впервые культурными арабами – Ибн Фадланом и его спутниками, положившими здесь начало просвещению и первому местному городу» (Пономарев, 1919, с. 45), они предприняли в 1915–1916 гг. разведочные поиски в окрестностях Биляра и раскопки во внутреннем городе. Крестообразная траншея, заложенная в районе известного еще с татищевских времен «каменного столпа», выявила следы мощного фундамента большого каменного здания и несколько мусульманских погребений в его восточной части (остатки

Соборной мечети и некрополя знати, по исследованиям 1970-х гг.). Кроме того примерно в 75 м к юго-западу от вскрытого сооружения были обнаружены руины кирпичного сооружения с дымоходными каналами и трубами, интерпретированного исследователями как остатки общественной бани. Полностью был раскопан деревянный колодец с хорошо сохранившимся срубом и значительным количеством находок в заполнении (Пономарев, 1919, с. 49). Результаты исследований показали «целесообразность и необходимость дальнейших работ, причем не только в пределах города, но и в окрестностях» (Пономарев, 1919, с. 57). К сожалению, в условиях продолжающейся Первой мировой волны и начавшихся революционных событий в стране исследователям не удалось полностью обрабатывать полученные материалы и более подробно опубликовать результаты своих исследований.

Первые раскопки в новых условиях советского времени производились на Билярском городище в 1928 г. экспедицией по изучению булгаро-татарской культуры под руководством проф. А.С. Башкирова. Геодезической группой проф. В.Н. Сементовского был снят инструментальный топографический план памятника (Сементовский, 1939). А.С. Башкиров производил разрез наружной линии валов в северо-восточной части внешнего города. На глубине около 2 м выявилась подошва вала, которая лежала на культурном слое мощностью 25–30 см. Внутренняя линия валов внешнего города изучалась методом шурфовки. Было установлено, что валы сооружались в несколько приемов и неоднократно подправлялись в период их функционирования (Башкиров, 1929, с. 30–31). В восточном углу внутреннего города для изучения вала со рвом было заложено 43 шурфа, которые вскрыли часть мусульманского могильника и остатки кирпичного здания «монументальных размеров, сложных конструкций и с развитой системой отопления». Структура и содержание культурного слоя территории внутреннего города изучались также при помощи шурфовки (всего был заложен 91 шурф с промежутком 25 м друг от друга). Мощность слоя с обилием находок составляла в среднем 60–70 см вне сооружений, достигая местами 150–170 см.

Поспешные раскопки А.С. Башкирова, осуществленные в течение 10 дней на основе несовершенной методики, дали небольшой материал для изучения основных этапов истории города и особенностей материальной культуры его населения. Анализируя керамику из шурфов внутреннего города, он выделил «три крупных периода его культурной жизни: раннеболгарский, позднеболгарский и болгаро-татарский» (Башкиров, 1929, с. 36). Для керамического комплекса «болгаро-татарского» периода он нашел аналогии в золотоордынских памятниках Поволжья, Прикубанья, Крыма. К сожалению, добытые экспедицией материалы не были опубликованы, тем не менее, выводы А.С. Башкирова в части хронологических рамок существования города без должной критики были восприняты последующими исследователями. Так, А.П. Смирнов писал о золотоордынском Биляре, восстановившем оборонительную систему после ухода монголо-татар (Смирнов, 1951, с. 230), в трудах Г.А. Федоров-Давыдова и А.Г. Мухамадиева Биляр фигурирует в числе городов, чеканивших в XIII–XIV вв. свои монеты (Федоров-Давыдов, 1963, с. 182, 198, № 445; Мухамадиев, 1983, с. 49).

После раскопок А.С. Башкирова Билярское городище почти 40 лет оставалось вне поля зрения археологов. Биляр спорадически упоминался лишь в энциклопедиях и обобщающих работах по истории и археологии Татарстана.

Исследования Билярской экспедиции. Систематические и планомерные раскопки Билярского городища начались в 1967 г. объединенной археологической экспедицией Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР и Казанского государственного университета. Экспедицию создал и возглавил известный советский археолог проф. А.Х. Халиков (1929–1994). С самого начала этих работ в центре внимания оказались вопросы внутренней структуры города, первоначальной его планировки и историко-социальной топографии. Предстояло на новых, научно документированных материалах разработать проблему происхождения и основных этапов исторического развития города, определить время его возникновения и окончательной гибели, т.е. ответить на те вопросы, решение которых по известным причинам оказалось не под силу предшествующим исследователям. Поэтому возобновление археологических исследований этого памятника означало принципиально новый этап в истории изучения Билярского городища.

Прошло 50 лет с начала работ Билярской археологической экспедиции. За это время в разных топографических частях городища было заложено более 40 раскопов

общей площадью около 30000 кв. м. Проводились исследования и на памятниках округи Биляра. В работах экспедиции активное участие принимали археологи Е.А. Беговатов, С.И. Валиулина, Г.И. Дроздова, С.М. Йовков, М.М. Кавеев, Н.А. Кокорина, А.Ф. Кочкина, Е.А. Халикова, А.В. Худяков, Ф.Ш. Хузин, З.Г. Шакиров, Р.Ф. Шарифуллин, археозоологи А.Г. Петренко, Г.Ш. Асылгараева, антропологи С.Г. Ефимова, Р.М. Фаттахов, палеоботаники В.В. Туганаев, В.И. Фролова, историки архитектуры С.С. Айдаров, Ф.М. Забирова, специалист по истории духовной культуры тюрко-татар Г.М. Давлетшин и др. В результате их исследований, нашедших отражение в коллективных сборниках «Исследования Великого города» (М., 1976), «Новое в археологии Поволжья» (Казань, 1979), «Культура Биляра» (Казань, 1985), «Посуда Биляра» (Казань, 1986), «Биляр – столица домонгольской Булгарии» (Казань, 1991), в авторских монографиях и в других многочисленных публикациях, Биляр стал эталонным памятником домонгольской Волжской Булгарии. Достижения Билярской экспедиции общеизвестны, перечислим основные из них:

В 1973–1974 гг. впервые в средней (лесостепной) полосе Восточной Европы были проведены аэрофотосьемка и аэронаблюдения Билярского городища и окрестных памятников, сопровождаемые наземными разведывательно-топографическими наблюдениями. Удалось составить точный план памятника, зафиксировать на распахиваемой поверхности более 1200 пятен различных сооружений (585 во внутреннем и 622 во внешнем городе, из них более 30 – следы кирпичных зданий), выявить следы неукрепленных пригородных поселений, древних водоемов, линии улиц и дорог (Халиков, Игонин, 1974; Игонин, Халиков, 1975).

Одной из первостепенных задач экспедиции стало изучение системы фортификации Биляра. Были сделаны разрезы всех пяти линий оборонительных укреплений города. Удалось установить строительство их в несколько приемов, выявить следы наземных деревянных сооружений, определить этапы их реконструкций. Судя по стратиграфическим данным и находкам из разных строительных горизонтов, древнейшими следует считать внутренние линии валов и рвов внутреннего и внешнего города, более поздними – наружные линии (Хузин, Кавеев, 1985; Хузин, 1985; Губайдуллин, Хузин, Шакиров, 2016).

В 1973–1977 гг. в центре внутреннего города исследовались руины древнейшей Соборной мечети, состоявшей из двух частей – деревянной и белокаменной, с большим отдельно стоящим минаретом у северо-восточного угла. Общая площадь молельных помещений достигала 2500 кв. м. Здание ориентировано, согласно мусульманским канонам, на юго-запад, в сторону священной Мекки. Внутри белокаменной части прослежены остатки 24 колонн, расположенных симметрично в 6 рядов. Фасадная часть здания, обращенная на северо-восток, была красиво оформлена пилястровыми выступами – полуколоннами (Халиков, Шарифуллин, 1979; Айдаров, Забирова, 1979). По мнению исследователей, мечеть была построена, скорее всего, в 922 г. и связана с пребыванием на булгарской земле Багдадского посольства. А.Х. Халиков допускал возможность строительства ее в конце IX в. (Халиков, 1991, с. 55).

В непосредственной близости от Соборной мечети в 1971–1972 гг. производились раскопки остатков двухэтажного (?) кирпичного здания с центральным отоплением (Халиков, 1979). Основная часть здания имела в плане квадрат размерами 11 х 11 м, разделенный крестообразной перегородкой на четыре части – комнаты нижнего этажа площадью по 16 кв. м каждая. Кладка стен осуществлялась из стандартных кирпичей квадратной формы (26 х 26 х 5 см). В основании фундамента выявлены остатки антисейсмической подушки из двух рядов сырцовых и полусырцовых кирпичей, характерной для архитектурной традиции Ближнего Востока и Средней Азии. По мнению специалистов, этот строительный прием является ярким доказательством деятельности в булгарских городах, в том числе и в Биляре, восточных (среднеазиатских?) мастеров, прибывших в 922 г. вместе с посольством халифа ал-Муктадира. Об этом же свидетельствуют остатки каркасно-глинобитых жилищ с печами-тандырами, имеющие ближайшие аналогии в Передней и Средней Азии (Хузин, 2001, с. 262). По мнению А.Х. Халикова, здание принадлежало одному из представителей духовной знати и использовалось в качестве жилого дома (Халиков, 1979, с. 18; Айдаров, Забирова, 1979, с. 55). Достаточно аргументировано также предположение Э.Д. Зиливинской о возможном назначении его в качестве общественной бани (Зиливинская, 1989, с. 228–230).

У восточных стен Соборной мечети в первой половине X в. возникло небольшое мусульманское кладбище, где было вскрыто

около 50 мусульманских погребений, часть которых помещалась в специальных наземных погребальных сооружениях, сложенных из хорошо обожженных квадратных кирпичей. Это, несомненно, некрополь знати, где хоронили правителя страны, членов его семьи и других близких родственников, а также высокопоставленных должностных лиц государства (Халикова, 1979; Шарифуллин, 1984).

А.Х. Халиковым и Р.Ф. Шарифуллиным изучены руинированные остатки еще двух кирпичных сооружений. Одно из них располагалось во внешнем городе (у восточных ворот внутреннего города), и, предположительно, входило в комплекс караван-сарая; другое находилось во внутреннем городе примерно в 200 м к северо-востоку от Соборной мечети. Первое из них А.Х. Халиков считал зданием гостиничного типа в комплексе караван-сарая (Халиков, Шарифуллин, 1976). Более доказательной является точка зрения Э.Д. Зиливинской, определившей здание в качестве общественной бани (Зиливинская, 1989). Такое же назначение имело и второе кирпичное здание во внутреннем городе, построенное в XII в. Р.Ф. Шарифуллин склонен считать его первым памятником собственно булгарской архитектурной школы (Шарифуллин, 1999).

Получены ценные сведения по истории застройки и реконструкции архитектурного облика средневекового булгарского города, а также материалы по его благоустройству. В этом плане представляют интерес раскопки рядовых жилищ горожан, хозяйственных сооружений и около двух десятков колодцев, изученных в центральной части внутреннего города (Хузин, 1979; Шарифуллин, 1979). Среди них выделяются жилища-мастерские русских ремесленников, занимавшихся изготовлением янтарных украшений (Хузин, 1979, с. 77–79). В их заполнении обнаружены более 9 кг необработанного янтаря и свинцовая вислая печать, принадлежавшая Всеволоду Юрьевичу, внуку Всеволода III Большое Гнездо (Янин, 1979, с. 101), или же, что более вероятно, самому Всеволоду Большое Гнездо (Седова, 1985, с. 358–359). Среди находок из жилищ представляют интерес фрагменты древнерусской посуды, глиняные пасхальные яйца-писанки, шиферные пряслица и обломки стеклянных браслетов киевского производства (Хузин, Валиуллина, 1986, с. 102 и сл.).

Уникальными в булгарской археологии являются остатки юртообразного жилища X в., обнаруженного в северо-восточной части внешнего города (Хузин, 1989, с. 65 и сл.). Такого типа юрты известны в памятниках салтово-мацкой культуры VIII–IX вв. (Флеров, 1996).

Одной из важнейших направлений исследований Билярской экспедиции было изучение торгово-ремесленной деятельности населения города. Еще в первые годы работ экспедиции, в 1967–1968 гг., во внутреннем городе А.Х. Халиковым исследовалась усадьба ремесленников-металлургов с остатками двух срубных домов и надворных построек. Поблизости стояли мастерские с кузнечными горнами, где обнаружены многочисленные производственные остатки (железный шлак, крица, глиняные тигли), в том числе более 100 бракованных замков и ключей, а также склад из 22 целых сфероконических сосудов (Халиков, 1976). Неизученным пока остается обширный район металлургов во внутреннем городе – т.н. «кузнечный мар» с огромным количеством железного шлака на распаханной поверхности.

Еще один ремесленный район – гончарная слобода, занимавшая площадь около 3 га, располагалась на территории внешнего города, на правом берегу рч. Билярка. Здесь Н.А. Кокориной вскрыты остатки около десятка двухъярусных гончарных горнов. Самые ранние из них датированы X в. (Кокорина, 1983, с. 50 и сл.). Высококачественная продукция билярских гончаров – горшки, котлы, кувшины, чашки, миски, блюда, светильники, стаканообразные сосуды («детские горшки») – вся неполивная и поливная керамика достаточно хорошо изучена (см.: Посуда, 1986; Кокорина, 2002).

Билярскому городищу принадлежит большая и уникальная коллекция стеклянных изделий, которая характеризуется узкой номенклатурой изделий (кубки, стаканы, флаконы, чаши, аламбики, банки, лампы, оконное стекло), простотой форм и способов орнаментации, обнаруживая устойчивую стандартизацию как по перечню морфологических признаков, так и по особенностям химического состава. Химический состав стекла Биляра в полной мере соответствует особенностям геобиохимической сырьевой провинции Центрального Закамья (Valiulina, 2014).

В полной мере уверенно можно говорить о собственном стеклоделии при условии наличия стеклоделательных мастерских. В Биляре выявлены выразительные свидетельства производства стекла – мастерские на XXXVIII и XLI раскопах, где, кроме остатков печей, обнаружены толстостенные стекловаренные горшки с невыработанной

стекломассой, тигли с каплями стекла, обломки железных предметов, которые могли быть инструментами стеклодувов, запасы сырья и производственные отходы – пена-хальмоза, многочисленные комочки, нити и капли стекла (Валиулина, 2005).

Датирующие возможности стеклянных украшений позволяют определить хронологические рамки всего комплекса стеклянных предметов. В целом стеклянные изделия Билярского городища датируются серединой XI – первой третью XIII вв. Билярское стеклоделие следует рассматривать как составную часть ближневосточной традиции. Причем период становления ремесла проходил в течение XII в. под влиянием закавказского и, возможно, среднеазиатского центров (Валиулина, 2015; Valiulina, 2016 b).

Находки химических сосудов в Биляре и в других домонгольских городах Булгарии, а затем и открытие мастерской алхимика, ювелира и стеклодува в центре Биляра позволили сделать вывод о существовании алхимии в Волжской Булгарии в XII – начале XIII вв. Таким образом, получена редкая возможность на археологических материалах представить начальный этап развития науки алхимии – опытной, ремесленной или практической химии в Восточной Европе (Valiulina, 2016 c).

Появление такого высокотехничного ремесла, как стеклоделие, в домонгольское время представляется глубоко закономерным явлением, отвечающим общему высокому уровню экономики Волжской Булгарии, ее городской культуры, в частности, расцвету городского ремесла.

В изучении мусульманских могильников Волжской Булгарии огромная заслуга принадлежит Е.А. Халиковой. Ею впервые в булгароведении подробнейшим образом изучен погребальный обряд языческих и мусульманских погребений, прослежена динамика изменений погребальной обрядности волжских булгар на протяжении VIII–XIII вв. Анализ огромного фактического материала, полученного в результате исследований пяти городских некрополей Биляра, позволили ей разделить погребения на два хронологических периода (X–XI вв. и XII – начало XIII вв.), что дало возможность проследить процесс постепенного перехода населения от язычества к исламу (Халикова, 1976; 1986). Концепция Е.А. Халиковой о степени распространения ислама в домонгольской Волжской Булгарии сегодня принята большинством исследователей.

Имеются определенные достижения и в изучении памятников Билярской округи, где на территории радиусом около 20 км известно 327 объектов археологического наследия, в том числе 78 первобытных памятников, 16 именьковских поселений эпохи раннего средневековья, 16 городищ, 203 селища, 18 могильников (в том числе кладбище с надгробиямиXIV в.), 10 монетных кладов домонгольско-булгарского и золотоордынского времени. На некоторых из них производились раскопки (Дроздова, 1997; Шакиров, 2012; 2014).

За большой период археологических исследований средневековых памятников окрестностей Биляра был накоплен значительный материал, открывающий возможности анализа поселенческой структуры, хозяйственного и демографического потенциала. Анализ топографии и расположения, особенностей материальной культуры археологических памятники округи Биляра X–XV вв. позволяют рассмотреть их как системообразующие элементы столичного региона домонгольского времени, тесно взаимосвязанный с городом, а в ордынское время – как одного из значительных периферийных центров Улуса Джучи (Шакиров, 2012a).

В раннезолотоордынский период «эстафету» административного и политического центра округи от уничтоженного Великого города принимает Биляр золотоордынский (Билярское II селище), расположенный на расстоянии 1,5 км северо-западнее укреплений внешнего города Билярского городища (Валиулина, 2000). Коллекция памятника, полученная раскопками 1994–1998 гг. и ежегодным сбором подъемного материала, включает предметы быта, ремесла, торговли, вооружения. Городской характер культуры поселения подтверждают дорогие престижные вещи: костяная обойма пояса с изображением дракона, выполненным в технике пропильной резьбы, стеклянная ближневосточная посуда, янтарь, коллекция художественной керамики и т.д. Неполивная круговая посуда демонстрирует преемственность традиций в гончарстве с производством домонгольского времени. Лепная керамика отражает миграционные процессы в сложной политической обстановке раннезолотоордынского периода. Время существования города определяется второй половиной XIII – первой половиной XIV вв. (Валиулина, 2004).

На расстоянии 3,5 км северо-западнее Билярского городища в 1998 г. открыт и активно исследуется неизвестный ранее город

XV в., практически не сохранившийся в исторической памяти и не запечатленный письменными источниками. Торецкое городское поселение занимает мысовую часть пологого склона второй надпойменной террасы правого берега р. М. Черемшан и правого берега Торецкого ручья (частично переходя на левый берег). Площадь памятника составляет 25 га, мощность культурного слоя достигает 40 см в центральной части, сходя «на нет» на южном склоне. Раскопами исследовано около 5000 кв. м, выявлены жилые постройки, хозяйственные сооружения, производственные комплексы, погребения, денежные и вещевые клады.

Город отличается своеобразием и богатством материальной культуры (Валиулина, 2011а; 2011б), размахом международной торговли – найдены китайский фарфор, сирийское стекло, янтарь; крымская поливная керамика, хорезмийская посуда и мозаичные плитки; ганзейские оловянно-свинцовые пломбы (Валиулина, 2010; Valiulina. 2015a), высокоразвитым многопрофильным ремеслом, полиэтничным и поликонфессиональным составом населения (Valiulina , 2015b).

О присутствии в городе не только мусульман, но и населения, исповедующего христианство, свидетельствуют находки культовых предметов (каменная иконка; нательные кресты, крест-энколпион), русская керамика (в отдельных объектах до 50%) и кости свиньи в составе остеологических материалов. Характер и объем нумизматического материала показывает, что Торецкое поселение могло быть центром чеканки монет в 20–30 годы XV в.

Памятник однослойный, существовал, очевидно, в XV или в самом конце XIV–XV в., погиб в результате военного нападения в конце XV в. Вероятно, нападавшими были ногайцы. К концу XV в. ногайские отряды поднимались до устья Камы, о чем свидетельствует кроме сообщений письменных источников практически полное отсутствие поселенческих памятников времени Казанского ханства в области Центрального Закамья.

Выразительной иллюстрацией последней страницы истории города служат клады и так называемые братские могилы – коллективные погребения, совершенные наспех, без соблюдения обрядности.

Таким образом, раскопки представили уникальный памятник раннего Казанского ханства – центр высокоразвитого ремесла и международной торговли XV в.

Кроме вышеперечисленных направлений в работах сотрудников Билярской экспедиции, следует отметить интересные исследования по антропологии населения Биляра (Ефимова, 1976; 1991; Фаттахов,1979), палеозоологии (Петренко, 1976, 1984; Асылгараева, 1997; 2002) и палеоботаники (Туганаев, 1976; Фролова, 1979). Билярские материалы активно привлекались также в исследованиях по истории духовной культуры (Давлетшин, 2004), декоративно-прикладного искусства татарского народа и его предков (Валеев, Валеева-Сулейманова, 1987; Валеева, 1983), во втором томе семитомной «Истории татар» (История татар, 2006).

В свете новых археологических открытий Биляр выступает как крупнейший экономический, политический и культурный центр Булгарского государства, поддерживавший тесные торговые связи с Киевской Русью, древнерусскими княжествами, со странами Востока и Запада (Валеев, 1995; Кочкина, 1999; Валиулина, 1999; Хузин, 2001, с. 237 и сл.).

В начале 1990-х годов из-за полного прекращения финансирования работы Билярской экспедиции на городище практически полностью приостановились. На средневековых памятниках окрестностей Биляра продолжала работать экспедиция Казанского государственного университета под руководством С.И. Валиулиной. На самом городище небольшие работы проводились экспедицией Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (до 2012 г.) в последние годы – Институтом археологии им. А.Х. Халикова АН РТ совместно с Институтом международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета (Шакиров, 2010).

Проблемы билярской археологии. Несмотря на масштабные раскопки, проведенные за 50 лет существования Билярской экспедиции, обширная территория города до сих пор еще остается совершенно не исследованной (раскопкам подверглось около 0,3% общей территории городища). Особенно это касается внешнего города и пригородных поселений. Лучше исследована территория внутреннего города, однако мы все еще не располагаем материалами, позволяющими хотя бы в общих чертах представить динамику исторического развития города в целом, его социальную топографию, ибо до сих пор четко не локализованы места размещения резиденции правителя, караван-сараев, квартальных мечетей, объектов ремесленной и торговой деятельности населения. В археологии Биляра долгие годы применялась методика вскры-

тия культурного слоя широкими площадями. К сожалению, даже эта, оправдавшая себя на практике методика, оказалась мало результативной в части изучения внутригородской планировочной структуры. Не выявлена специфика организации городского пространства, характер планировки и застройки отдельных частей огромной территории городища на каждом этапе его развития, особенно на раннем этапе.

Хронологические рамки существования городища на основе многолетних исследований были установлены в пределах начала X в. (922 г.?) – первой трети XIII в. (1236 г.). В последние годы предпринимаются попытки омоложения начальной даты города до второй половины – конца X столетия (см.: Хузин, 2010). Высказываются также сомнения по поводу первоначальной территории города в пределах укреплений внешнего города. Эти проблемы требуют решения как путем тщательного анализа материалов самого Биляра, так и путем сопоставления их с материалами Болгара и Сувара – «единственных памятников», по мнению наших оппонентов, существовавших уже в начале X в.

Современный этап развития археологии характеризуется активным внедрением в процедуру анализа артефактов естественнонаучных методов исследования. Такие методы, как металлография, химический и спектральный анализы цветного металла, стекла, поливной керамики применяются в археологии давно. К сожалению, изучение городского ремесла и его продукции до сих пор проводилось у нас сугубо традиционными методами (за небольшим исключением, см.: Семыкин, 1991; Валиулина, 2005). Между тем Биляр предоставляет огромные возможности в области изучения ремесленного производства, социальной организации ремесла. Ждут своих исследователей огромные по площади металлургическая и гончарная слободы, обещающие новые открытия, такие отрасли ремесла, как производство цветного металла и ювелирное дело, косторезное производство и строительное дело. Более углубленное изучение многогранной ремесленной деятельности билярского населения, результатом которого станет расширение информационного потенциала артефактов, возможно лишь при использовании современных методик. Новые подходы требуются и в изучении других видов хозяйственной деятельности жителей Биляра – животноводства и земледелия, охоты и рыболовства.

Перспективной задачей представляется исследование феномена булгарского города в тесной связи с породившей его земледельческой округой. Социально-экономическая природа средневекового города не может быть правильно понята без детального изучения хозяйственной структуры округи, ее экономического и демографического потенциала. Археологические исследования поселенческих памятников, синхронных Билярскому городищу, а также более поздних, возникших уже в золотоордынское время, но являющихся как бы продолжением домонгольских, будут способствовать решению проблемы преемственности булгарской и булгаро-татарской культур, ставшей актуальной в историографии последних лет.

Не нашла еще окончательного решения и остается дискуссионной проблема домонгольской столицы Волжской Булгарии, располагавшейся, по мнению ряда булгароведов, на месте Билярского городища. Она может найти свое решение при сопоставительном изучении археологических материалов т.н. «VI слоя» Болгарского городища, раннего Биляра и Измерского поселения на Каме, где, судя по материалам многолетних исследований Е.П. Казакова, располагалось крупное (площадью более 60 га) торгово-ремесленное поселение X–XI вв. Имеющиеся данные не противоречат возможности локализации здесь, на Итиле, место встречи булгарского правителя с Багдадским посольством (922 г.) и «стоянку русов». Поиски объективного ответа на этот вопрос в немалой степени связаны, на наш взгляд, с достижениями археологии Биляра.

Весьма актуальной является также изучение булгарского города в системе средневековых городских цивилизаций Древней Руси, Средней Азии и Казахстана, Ближнего Востока и Западной Европы; в связи со степной цивилизацией, в которой всегда присутствовал синтез кочевой и оседлой культур, и, наконец, в системе торгово-ремесленных поселений по Великому Волжскому пути, рассматриваемому обычно как северное ответвление Великого шелкового пути.

Конечной целью исследований является реконструкция архитектурного облика домонгольской столицы Булгарского государства на разных этапах ее развития, широкого спектра хозяйственной и духовной жизни, этнического состава и численности населения города и окрестных поселений, моделирование экологической обстановки, природно-географических условий жизни средневекового населения центральных районов Западного Закамья.

ЛИТЕРАТУРА

Айдаров С.С. Архитектурное исследование руин здания караван-сарая в Биляре // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 101–112.

Айдаров С.С., Забирова Ф.М. О реконструкции и консервации комплекса мечети // Новое в археологии Поволжья. (Археологическое изучение центра Билярского городища) / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 46–61.

Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. Т. III. С. 71–112.

Артемьев А. Древний булгарский город Джукетау // ЖМВД. 1851. Ч. XXXIII, № 1. С. 56–74.

Асылгараева Г.Ш. Остеологические материалы из Билярского III селища (по раскопкам 1995–1996 гг.) // Биляр и Волжская Булгария: изучение и охрана археологических памятников / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Ин-т истории АН РТ, 1997. С. 9–11.

Асылгараева Г.Ш. Предварительные результаты остеологических исследований с раскопок Билярского городища и Торецкого селища 1998–1999 гг. // Вопросы древней истории Волго-Камья / Отв. ред. Е.П. Казаков. Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 2002. С. 161–165.

Башкиров А.С. Экспедиция по изучению болгаро-татарской культуры летом 1928 года. (Краткие отчетные сведения) // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Вып. III. Казань, 1929. С. 27–36.

Беговатов Е.А. Новый клад куфических монет вблизи Билярска // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы науч. конф. / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М., 2000. (Тр. ГИМ. Вып. 122). С. 237–239.

Беговатов Е.А., Шакиров З.Г. Итоги исследования Билярского II селища // АО в Татарстане. 2002 год / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2004. С. 48–50.

Биляр и Волжская Булгария: изучение и охрана археологических памятников. Тез. науч. конф. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Ин-т истории АН РТ, 1997. 96 с.

Валеев Р.М. Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX–XIII вв. / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: Татар. кн. изд-во, 1995. 159 с.

Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф. Древнее искусство Татарии. Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. 166 с.

Валеева Д.К. Искусство волжских булгар (X – начало XIII вв.) / Науч. ред. А.Х. Халиков. Казань: Татар. кн. изд-во, 1983. 132 с.

Валиулина С.И. Международная торговля Биляра по археологическим данным // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Материалы Международ. симпозиума / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 1999. С. 140–154.

Валиулина С.И. Исследования золотоордынского Биляра // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы науч. конф. / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М., 2000. (Тр. ГИМ. Вып. 122). С. 273–285.

Валиулина С.И. Балынгузское (Торецкое) III селище и проблема преемственности городской культуры в округе Билярского городища в золотоордынский период // Татарская археология. 2004. № 1–2 (12–13). С. 157–191.

Валиулина С.И. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища) / Науч. ред. М.Д. Полубояринова. Казань: Изд-во КГУ, 2005. 280 с.

Валиулина С.И. Международные связи раннего Казанского ханства по материалам Торецкого поселения // Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования. М.: Наука, 2010. С. 183–191.

Валиулина С.И. Материальная культура раннего Казанского ханства по результатам исследований Торецкого поселения // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. Т. IV. М.: ИА РАН, 2011а. С. 118–123.

Валиулина С.И. Художественные изделия из цветного металла Торецкого поселения XV в. // РА. 2011б. № 4. С. 119–129.

Валиулина С.И. Средневековое исламское стекло в Восточной Европе // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX в. / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. М.; СПб.: ИА РАН, Нестор-История, 2015. С. 236 –261.

Второв А. Памятники древности в Казанской губернии // ЖМВД. 1840. Ч. XXXVII, № 8. С. 180–209.

Высоцкий Н.Ф. Несколько слов о древностях Волжской Булгарии // Известия ОАИЭ. Казань, 1908. Т. XXIV, вып. 4. С. 340–351, 10 л. ил.

Григорьев В.В. Булгар // Энциклопедический лексикон. М.: Изд-е тип. Плюшара, 1836. С. 292–293.

Губайдуллин А.М., Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. О фортификации «Великого города» – Биляра // Поволжская археология. 2016. № 1. С. 223–234.

Давлетшин Г.М. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа. (Истоки, становление и развитие). Казань: Татар. кн. изд-во, 2004. 431 с.

Дроздова Г.И. Исследование окрестностей Билярского городища (по материалам А.Х. Халикова) // Биляр и Волжская Булгария: изучение и охрана археологических памятников. Тез. науч. конф. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Ин-т истории АН РТ, 1997. С. 29–32.

Ефимова С.Г. Антропологические материалы из билярских некрополей // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 169–185.

Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.: Изд-во МГУ, 1991. 95 с.

Зиливинская Э.Д. Дома с подпольным отоплением в Волжской Булгарии // СА. 1989. № 4. С. 223–233.

История татар с древнейших времен. В семи томах. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. 960 с.

Казаринов В.А. Описание Билярских и Баранского городищ // ИОАИЭ. Казань, 1884. Т. III. С. 89–127.

Игонин Н.И., Халиков А.Х. Опыт применения авиации при изучении Билярского городища и его окрестностей // СА. 1975. № 1. С. 102–108.

Кокорина Н.А. Гончарные горны Билярского городища // Средневековые археологические памятники Татарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1983. С. 50–69.

Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV в. (К проблеме преемственности булгарской и булгаро-татарской культур) / Отв. ред. Т.А. Хлебникова. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2002. 383 с.

Кочкина А.Ф. Причерноморско-средиземноморские связи Волжской Болгарии в IX – начале XIII вв. // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Материалы Международ. симпозиума / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 1999. С. 132–139.

Лихачев А.Ф. Драгоценный клад, найденный в Казанской губ. в 1882 г. // Тр. VII АС в Ярославле (1887 г.). М., 1891. Т. II. С. 169–197.

Марков А.К. Топография кладов восточных монет (саманидских и куфических). СПб., 1910. 148 с.

Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1983. 164 с., 21 табл.

Петренко А.Г. Изучение костных остатков животных из раскопок Билярского городища в 1967–1971 гг. // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 228–239.

Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья / Отв. ред. П.Н. Старостин. М.: Наука, 1984. 174 с.

Пономарев П.А. Краткий отчет о раскопках и разведках в районе Билярска летом 1915 года // Известия ОАИЭ. Казань, 1919. Т. XXX, вып. 1. С. 45–57.

Посуда Биляра / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. 147 с.

ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. 580 с.

ПСРЛ. Т. IX–X. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. 504 с.

Рыбушкин М.С. Поездка в Болгары и Билярск // Заволжский муравей. 1833, Ч. 1, № 4. С. 187–202.

Рычков Н.П. Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 г. СПб., 1770. 189 с.

Седова М.В. Актовая княжеская печать из Суздаля // «Слово о полку Игореве» и его время / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1985. С. 357–362.

Сементовский В.Н. Билярское городище // Уч. зап. КГПИ. Вып. 1. Казань, 1939. С. 130–138.

Семыкин Ю.А. Технология кузнечного производства Биляра // Биляр – столица домонгольской Булгарии / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ КНЦ АН СССР, 1991. С. 79–108.

Смирнов А.П. Волжские булгары / Под ред. С.П. Толстова. М., 1951. (Тр. ГИМ. Вып. XIX). 275 с.

Смолин В.Ф. Археологический очерк Татреспублики // Материалы по изучению Татарстана. Казань, 1925. Вып. 2. С. 5–70.

Спицын А.А. Заметки о поездке 1898 г. // ИАК. 1916. Т. 60. С. 73–93.

Тарди Л. Ранние венгерские путешественники в Поволжье // Chuvash studies. (Bibliotheca Orientalis Hungarica.Vol. XXVIII). Budapest: Academiai Kiado, 1982. С. 237–246.

Татищев В.Н. История Российская с древнейших времен. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 500 с.

Толмачев Н.А. Об остатках древности в пределах Казанской губернии // Тр. IV АС. Казань, 1884. Т. I, отд. 1. С. 69–109.

Туганаев В.В. Состав и характеристика культурных и сорных растений билярских полей // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 240–245.

Федоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет // НЭ. 1963. Т. IV. С. 165–221.

Флеров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М.: ИА РАН, 1996. 100 с.

Фролова В.И. Новые материалы к характеристике культурных и сорных растений булгарских полей в окрестностях Биляра // Новое в археологии Поволжья. (Археологическое изучение центра Билярского городища) / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 139–141.

Халиков А.Х. Усадьба ремесленников-металлургов // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 64–74.

Халиков А.Х. Ислам и урбанизм в Волжской Булгарии // Биляр – столица Волжской Булгарии / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. – Казань: ИЯЛИ КНЦ АН СССР, 1991. С. 47–60.

Халиков А.Х., Игонин Н.И. Аэрофотосъемка крупных археологических объектов // Вест. АН СССР. 1974. № 7. С. 67–72.

Халиков А.Х., Шарифуллин Р.Ф. Караван-сарай древнего Биляра // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 75–100.

Халиков А.Х., Шарифуллин Р.Ф. Исследование комплекса мечети // Новое в археологии Поволжья. (Археологическое изучение центра Билярского городища) / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 21–45.

Халиков А.Х., Хузин Ф.Ш. К вопросу о названии столицы Волжской Булгарии домонгольского периода // Биляр – столица домонгольской Булгарии / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ КНЦ АН СССР, 1991. С. 42–47.

Халикова Е.А. Билярские некрополи // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 113–168.

Халикова Е.А. IV Билярский некрополь // Новое в археологии Поволжья. (Археологическое изучение центра Билярского городища) / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 114–118.

Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. / Науч. ред. М.А. Усманов. Казань: Изд-во КГУ, 1986. 160 с.

Хвольсон Д.А. Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея. СПб., XIII+199 с.

Хузин Ф.Ш. Рядовые жилища, хозяйственные постройки и ямы цитадели // Новое в археологии Поволжья. (Археологическое изучение центра Билярского городища) / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 62–99.

Хузин Ф.Ш. Укрепления внешней линии обороны Билярского городища (к вопросу о времени возникновения и этапах строительства) // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С. 58–90.

Хузин Ф.Ш. Салтовский компонент в культуре населения раннего Булгара (Билярского городища) // Ранние болгары в Восточной Европе / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1989. С. 64–73.

Хузин Ф.Ш. Великий город на Черемшане: Стратиграфия, хронология. Проблемы Биляра-Булгара / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1995. 223 с.

Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. / Отв. ред. А.М. Белавин. Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 2001. 480 с.

Хузин Ф.Ш. К вопросу о времени возникновения оседлости у волжских булгар // Научный Татарстан. 2010. № 4. С. 114–126.

Хузин Ф.Ш., Кавеев М.М. Исследования внутренней линии обороны Билярского городища // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. С. 41–57.

Хузин Ф.Ш., Валиуллина С.И. Славяно-русские материалы в Биляре // Волжская Булгария и Русь / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. С. 97–116.

Шакиров З.Г. Раскоп XLIII во внутреннем городе Биляра // Проблемы археологии и истории Татарстана. Вып. 2 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Изд-во МОН РТ, 2010. С. 65–74.

Шакиров З.Г. История изучения археологических памятников в округе Билярского городища // Тр. КАЭЭ. Вып. VIII: Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования проблемы сохранения и музеефикации / Под общ. ред. А.М. Белавина. Пермь: Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т., 2012. С. 276–283.

Шакиров З.Г. Округа Биляра в X–XV вв. (поселенческая структура, ресурсный потенциал). Автореф. дис… канд. ист. наук. Казань, 2012а. 27 с.

Шакиров З.Г. Материалы о Биляре и его округе в «Известиях ОАИЭ» (краткий обзор) // Роль Общества археологии, истории и этнографии в исследовании и сохранении культурного наследия Волго-Уралья. / Отв. ред. А.Г. Ситдиков. Казань: Изд-во «Яз», 2014. С.148–155.

Шарифуллин Р.Ф. Колодцы центра Билярского городища // Новое в археологии Поволжья. (Археологическое изучение центра Билярского городища) / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 101–113.

Шарифуллин Р.Ф. Исследования IV Билярского могильника в 1979 году // Археологические памятники Нижнего Прикамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1984. С. 65–82.

Шарифуллин Р.Ф. Второе кирпичное здание в центре Биляра // Археологическое изучение булгарских городов / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Ин-т истории АН РТ, 1999. С. 77–89.

Янин В.Л. Находка древнерусской вислой печати в Биляре // Новое в археологии Поволжья. (Археологическое изучение центра Билярского городища) / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 100–101.

Aspelin J.R. Antiquites du Nord Finno-Ougrien. II. L' Age du fer Antiquites Permiennes. Helsinki, 1877. P. 100–172.

Valiulina S. Geobiochemical Features of Source Materials in Glass of Volga Bulgaria // Proceedings of the 39th International Symposium for Archaeometry, Leuven (2012). Leven, 2014. P. 280–284.

Valiulina S. Some Evidence of South European Contacts of the Middle Volga and Kama in the Material Culture of Toretskoe Urban Settlement // Journal of Sustainable Development. Vol. 8, No 4. 2015 a. P. 292–301.

Valiulina S.I. Finnish component in the material culture of Toretskoe settlement (town Bulumer) of the early Kazan Khanate // Congressus Duodecimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Oulu, 2015 b. P. 180–181.

Valiulina S. Medieval Workshop of an Alchemist, Jeweller and Glassmaker in Bilyar (Middle Volga Region, Russian Federation) // Památky archeologické. 2016a. T. CVII. (Praha). P. 237–278.

Valiulina S. International Trade relations of the Middle Volga Region in the Medieval Period through the Glass Evidence // Archeologia Polski. 2016 b. T. LXI. P. 113–169 .

Tallgren A.M. Collektion Zaoussailov au Musee National de Finlande a Helsingfors.Vol. II. Helsingfors, 1918. 59 p.

Информация об авторах:

Хузин Фаяз Шарипович, доктор исторических наук, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, заместитель директора, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); khuzinfayaz@mail.ru

Валиулина Светлана Игоревна, кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия). svaliulina@inbox.ru

Шакиров Зуфар Гумарович, кандидат исторических наук, заведующий отделом средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); zufar_alchi@mail.ru

About the Authors:

Khuzin Fayaz Sh., Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Tatarstan Academiy of Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation);. khuzinfayaz@mail.ru

Valiulina Svetlana I., Candidate of Historical Sciences, Associated Professor, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Russian Federation); svaliulina@inbox.ru

Shakirov Zufar G., Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation); zufar_alchi@mail.ru

УДК 902.01

КЕРАМИКА КУРГАННОЙ ГРУППЫ У ДЕРЕВНИ МИТИНО: ПОПЫТКА РЕКОНСТРУКЦИИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

(подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16-11-59004)

© Н.С. Батуева, Р.В. Бубнова, А.Н. Сарапулов, Д.В. Шмуратко

GROUP OF POTTERY FROM BURIAL MOUNDS NEAR THE VILLAGE OF MITINO: AN ATTEMPT OF RECONSTRUCTION OF HISTORICAL-CULTURAL PROCESSES IN THE EPOCH OF GREAT RESETTLEMENT OF PEOPLES

Статья посвящена технико-технологическому анализу керамики Митинского курганного могильника. Изучено 268 фрагментов керамики. Рассмотрен состав формовочных масс и исходное сырье, проанализирована орнаментация. Проведен анализ керамического комплекса Митинского могильника с керамикой селища Большаки харинского периода и Красноярского могильника I–V вв.

Ключевые слова: археология, могильник, керамика, технико-технологический анализ, формовочная масса, сырье, харинский период.

The article examines results of the technical-technological analysis of the ceramics of the Mitino burial ground (barrow and barren parts). 268 fragments of ceramics were studied. The composition of the molding masses and the raw material are considered, and the ornament was analyzed. The analysis of the ceramic complex of the Mitino burial ground with ceramics of the Bolshaki settlement of the Harino period is carried out and Krasnoyarsk cemetery I-V cc.

Keywords: archaeology, burial ground, ceramics, technical- technological analysis, molding mass, raw materials, ornament, Harino period.

Митинская курганная группа расположена к востоку от восточной окраины д. Митино на левом берегу р. Кычдез (Кизис, Кыдзис; правый приток р. Лолог). Курганная часть памятника расположена на низкой надпойменной террасе левого берега р. Кычдез и занимает небольшую округлую возвышенность, ограниченную заболачиваемой поймой.

В результате археологических раскопок Митинской курганной группы за 2014–2016 гг. было исследовано 371 кв. м, в том числе 108 кв. м бескурганной части (Шмуратко, 2016).

Данная статья посвящена изучению традиций изготовления керамики, найденной на Митинском курганном могильнике. Керамический комплекс исследуемого памятника за 2014–2016 гг. составляет 268 фрагментов. В ходе исследований выделено 13 сосудов, относящихся к погребениям и ямам (курганным канавкам). 12 из них относятся к курганам, 1 – к бескурганной части могильника. Среди керамики из пахотного слоя выделено 20 сосудов (большая часть образцов представляют собой разрозненные фрагменты сосудов).

Исследование было выполнено в рамках историко-культурного подхода к изучению керамики и методики технико-технологического анализа, разработанных А.А. Бобринским (Бобринский, 1978, с. 76). Данная методика предполагает, что при создании керамического сосуда мастер последовательно выполняет ряд узких технологических задач. Производственные процессы в гончарстве А.А. Бобринский делит на три стадии, каждая из которых состоит из четырех ступеней: стадия I – подготовительная; стадия II – созидательная; стадия III – закрепительная.

В данной работе основной задачей являлось изучение ***подготовительной*** стадии гончарной технологии: исходного пластичного сырья (далее ИПС) и рецептов формовочных масс (далее ФМ).

К сожалению, могильник неоднократно подвергался пахоте, что затрудняет исследование керамического комплекса, поэтому керамика из погребений и ям анализировалась отдельно от керамики из пахотного слоя.

В первую очередь, технико-технологическому анализу подверглись фрагменты 13 сосудов из погребений и ям (курганных канавок).

Анализ ИПС показал, что все сосуды были изготовлены из глины во влажном состоянии. В четырех сосудах использовалось запесоченное сырье, что составляет 31% от общего количества образцов, найденных в погребениях и ямах (табл. 1).

При исследовании ФМ было выявлено два типа рецептов:

1. С несмешанным двухкомпонентным составом;

2. Со смешанным многокомпонентным составом (Цетлин, 2012).

К первому типу ФМ мы отнесли рецепты: «глина + органический раствор», «глина + дробленая раковина» и «глина + навоз». К смешанному многокомпонентному составу относится рецепт «глина + органический раствор + дробленая раковина». В большинстве случаев был использован несмешанный однокомпонентный рецепт в виде «глины + дробленой раковины», что составило 54% (7 сосудов) от общего числа сосудов. Вторым наиболее часто встречаемым является смешанный двухкомпонентный состав с добавлением дробленой раковины и органического раствора – 23% (3 сосуда) (табл. 1).

Поверхность всех выделенных сосудов заглажена мягким предметом.

Основная часть сосудов из погребений и ям Митинской курганной группы не орнаментирована – 70% (9 сосудов). Всего было выделено три типа орнаментации: гребенчатая, нанесенная с помощью прокатывания штампа (1 сосуд); ямочная (1 сосуд); шнуровая, представленная в виде оттисков веревки, выполненной горизонтальными линиями (1 сосуд) и зигзагами (1 сосуд) (табл. 1).

Отдельно стоит уделить внимание описанию керамики из бескурганной части могильника. Технико-технологический анализ показал, что данный сосуд был изготовлен из не запесоченной глины, взятой в увлаженном состоянии. В формовочную массу была добавлена дробленая раковина в качестве искусственной примеси. Сосуд имел серо-песочный цвет и шнуровую орнаментацию в виде горизонтальных оттисков. В целом мы видим, что сосуд не выделяется из общего описания керамики Митинского могильника и имеет с ним схожие технологические характеристики гончарных традиций.

Из распаханного слоя Митинского курганного могильника были проанализированы фрагменты керамики, типологически относящиеся к 20 разным сосудам.

Сосуды распаханного слоя были изготовлены из глин, в большинстве случаев использованных в не запесоченном состоянии (70%, 14 образцов).

В целом рецепты ФМ верхнего слоя идентичны составам фрагментов из погребений: «глина + навоз» – 5% (1 образец), «глина + дробленая раковина» – 50%, «глина + органический раствор» – 20% (4 образца), «глина + органический раствор + дробленая раковина» – 15% (3 образца). Стоит отметить, что, несмотря на сходство ФМ, в пахотном слое были найдены фрагменты иного состава: «глина + шамот + дробленая раковина» (1 образец) и «глина + шамот + органический раствор» (1 образец). Глина, использованная для данных рецептов, была не запесоченная и употреблялась во влажном состоянии. На данном этапе нельзя говорить о наличии существенных различий в изготовлении сосудов, так как последние рецепты встречены в малом количестве (табл. 1).

Большинство фрагментов, найденных в пахотном слое, не имеют орнаментации. На двух образцах обнаружен декор. Один фрагмент, представленный венчиком, украшен ямочными вдавлениями по торцу. Второй образец, относящийся к стенке сосуда, орнаментирован шнуровыми оттисками (табл. 1).

Таким образом, для керамической коллекции Митинской курганной группы характерны следующие черты: сосуды изготавливались из глин в увлажненном состоянии, наиболее часто использовались такие рецепты формовочных масс, как «ИПС + дробленая раковина» и «ИПС + дробленая раковина + органический раствор». Посуда изучаемого памятника орнаментировалась по верхней части сосудов – по венчику. Основными элементами узоров являются отпечатки гребенчатого штампа, оттиски шнура или ямочные вдавления.

Для установления культурной принадлежности керамической коллекций было проведено сравнительное исследование фрагментов сосудов Митинской курганной группы с керамикой селища Большаки. Оба памятника оставлены пришлым харинским населением. Близость керамических комплексов, в случае

ее обнаружения, могла бы свидетельствовать о сходстве культурно-исторического поля памятников. Для ответа на вопрос о степени близости керамических традиций Митинского могильника с традициями местных племен в анализ была включена керамика с Красноярского могильника (I–V вв.), принадлежащего пьяноборскому населению.

Селище Большаки расположено на правом берегу Камского водохранилища, в 4 км к северу от д. Новая Каменка Ильинского района Пермского края, исследовалось в 2009 г. Д.В. Шмуратко (Шмуратко, 2010).

Керамический комплекс селища Большаки представлен в анализе не полностью. Для формулировки предварительных выводов были исследованы фрагменты 10 сосудов, происходящих из канавы № 1, зафиксированой на уровне -0,40 м в виде широкой (около 0,6 м) дугообразной полосы. Вероятнее всего, обнаруженная канава представляет собой русло ручья, пересохшего в древности. Для большей части сосудов (80% – 8 сосудов) характерно использование незапесоченных глин во влажном состоянии в качестве ИПС, в двух случаях использовалась незапесоченная глина в дробленном состоянии.

В результате анализа ФМ было обнаружено 3 рецепта: «глина + дробленная раковина» (70% – 7 сосудов), «глина + дробленная раковина + органический раствор» (20% – 2 сосуда), «глина + органический раствор» (10% – 1 сосуд) (табл. 1).

Обработка поверхности сосудов селища Большаки была выполнена путем выбивания, что не было обнаружено в керамическом комплексе Митинской курганной группы.

Орнаментация керамического комплекса селища Большаки очень разнообразна (80% – 8 сосудов). Все орнаментированные сосуды были украшены по торцу венчика (62,5% – 5 сосудов), исключение составили 3 сосуда (37,5%), у которых были украшены и торец, и стенки венчика.

По торцу венчика было выделено 4 группы орнаментации: насечки по центру торца венчика (1 сосуд); оттиски гребенчатого штампа (2 сосуда); насечки с двух сторон торца венчика (1 сосуд); оттиски фигурного штампа (1 сосуд).

Орнаментальные композиции, представленные по торцу и стенке венчика: насечки по торцу + горизонтальные линии шнура и горизонтальная линия ямочного орнамента (1 сосуд); ямки углом штампа по торцу + вертикальное прокатывание гребенчатым штампом (1 сосуд); оттиски гребенчатого штампа с двух сторон торца + горизонтальные линии шнура (1 сосуд) (табл. 1).

Красноярский могильник расположен в Бардымском районе Пермского края в 400 м к северо-востоку от д. Краснояр. Площадка могильника занимает невысокий выступ распахиваемой коренной террасы правого берега р. Тулвы. Керамический комплекс был проанализирован О.А. Казанцевой (Казанцева, 2012, с. 40) и представлен в анализе 5 целыми сосудами, обнаруженными непосредственно в погребениях. Керамическая коллекция Красноярского могильника характеризуется следующим образом: 1) в качестве ИПС используются среднезапесоченные глины или равнинные илы; 2) рецепты ФМ представлены следующими составами: «ИПС + навоз» (20%), «ИПС + шамот» (20%), «ИПС + навоз + шерсть» (20%) и «ИПС + шамот + навоз» (40%); 3) в керамической коллекции был зафиксирован лишь один сосуд с орнаментом. Узор был представлен двумя горизонтальными рядами ямок по горлу горшка (табл. 1).

Сравнительный анализ керамических комплексов позволяет говорить о близости гончарных традиций Митинского курганного могильника и селища Большаки, о принципиальном отличии данных коллекций от керамики Красноярского могильника.

Сходство керамики Митинского могильника и селища Большаки наблюдается в выборе древним мастером исходного сырья: в обоих случаях преобладает использование не запесоченных глин. Соотношение запесоченных и не запесоченных глин между памятниками также сходно (30% / 70 %). Культурно-хронологическая близость памятников проявляется и в сходстве рецептов формовочных масс. Соотношение составов представлено следующим образом: «ИПС + дробленая раковина» – более 50% от всех сосудов; «ИПС + органический раствор» – примерно около 20% от всех сосудов; «ИПС + органический раствор + дробленая раковина» – примерно около 20% от всех сосудов (табл. 1).

При сравнении керамики Митинского могильника с сосудами, обнаруженными в погребениях Красноярского некрополя, фиксируются значительные отличия. Большинство «красноярских» сосудов изготовлено из запесоченных глин (40% – 2 сосуда) и равнинного ила (40% – 2 сосуда), особенностью памятника является использование в качестве исходного сырья смеси глин. Не обнаружено сходство и при анализе рецеп-

тов формовочных масс. Сосуды Красноярского могильника изготовлены с добавлением в исходное сырье навоза, что не характерно для керамики Митинского могильника и селища Большаки. Орнаментальные мотивы посуды Красноярского и Митинского могильников также не позволяют говорить о какой-либо культурной близости данных памятников.

Технико-технологический анализ керамического комплекса Митинской курганной группы по первой, подготовительной, стадии гончарной технологии продемонстрировал, с одной стороны, устойчивое сходство с керамикой селища Большаки, а с другой – существенное отличие от сосудов Красноярского могильника. Данный факт позволяет говорить о культурной и хронологической близости Митинского могильника и селища Большаки. Представленные на памятниках керамические коллекции иллюстрируют традиции, характерные для пришлого харинского населения. Уникальность и самобытность харинской керамики подтверждается ее существенным отличием от сосудов местного производства, обнаруженных при раскопках Красноярского могильника. Полученные данные еще раз свидетельствуют в пользу миграционной теории происхождения памятников харинского типа. Отсутствие факта смешения харинской и автохтонной традиций подтверждает гипотезу об изолированном характере расселения «харинцев» на территориях, ранее не заселенных местными племенами. Вопрос об интенсивности контактов харинского и местного постпьяноборского населения может быть решен в пользу их минимизации.

ЛИТЕРАТУРА

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978. 272 с.

Казанцева О. А. Красноярский могильник I–V вв. н.э. в бассейне р. Тулвы Среднего Прикамья. Ижевск, 2012. 180 с.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.

Шмуратко Д.В. Отчет об исполнении государственного контракта № 56 от 09.06.2016 г. на проведение охранных археологических раскопок на разрушающемся объекте археологического наследия «Митинская курганная группа». Пермь, 2016 // Хранится в ЛАЭ ПГГПУ.

Шмуратко Д.В. Раскопки на селище Большаки летом 2009 г. // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения). – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. С. 237–241.

Таблица 1. Итоги технико-технологического анализа керамических комплексов

Характеристика	Митинская курганная группа						Селище Большаки		Красноярский могильник	
	Погребения и ямы				Пахотный слой					
	Курганы		Бескурганная часть							
	кол-во сосудов	%	кол-во сосудов	%	кол-во сосудов	%	кол-во сосудов	%	кол-во сосудов	%
Исходное пластичное сырье										
запесоченная глина	3	30,8	-	-	6	30,0	2	20,0	2	40,0
не запесоченная глина	9	61,4	1	7,8	14	70,0	8	80,0	-	-
равнинный ил	-	-	-	-	-	-	-	-	2	40,0
смесь среднезапесоченных глин	-	-	-	-	-	-	-	-	1	20,0
Рецепты формовочных масс										
«ИПС + дробленая раковина»	6	46,0	1	7,8	10	50,0	7	70,0	-	-

«ИПС + органический раствор»	2	15,4	-	-	4	20,0	1	10,0	-	-
«ИПС + навоз»	1	7,7	-	-	1	5,0	-	-	1	20,0
«ИПС + навоз + шерсть»	-	-	-	-	-	-	-	-	1	20,0
«ИПС + органический раствор + дробленая раковина»	3	23,1	-	-	3	15,0	2	20,0	-	-
«ИПС + шамот + дробленая раковина»	-	-	-	-	1	5,0	-	-	-	-
«ИПС + шамот + органический раствор»	-	-	-	-	1	5,0	-	-	-	-
«ИПС + шамот + навоз»	-	-	-	-	-	-	-	-	2	40,0
«ИПС + шамот»	-	-	-	-	-	-	-	-	1	20,0
ВСЕГО:	13/100%				20/100%		10/100%		5/100%	
Орнаментация										
отпечатки гребенчатого штампа	1	25,0	-	-	-	-	3	27,3	-	-
ямочный орнамент	1	25,0	-	-	1	50,0	1	9,1	1	100,0
шнуровой, представленный в виде оттисков веревки выполненной горизонтальными линиями	-	-	1	25,0	1	50,0	2	18,2	-	-
шнуровой, представленный в виде оттисков веревки выполненной зигзагами	1	25,0	-	-	-	-	-	-	-	-
насечки	-	-	-	-	-	-	3	27,3	-	-
оттиски фигурного штампа	-	-	-	-	-	-	1	9,1	-	-
ямки, поставленные углом штампа	-	-	-	-	-	-	1	9,1	-	-
ВСЕГО:	4/100%				2/100%		10/100%		1/100%	

Информация об авторах:

Батуева Надежда Сергеевна, магистрантка 2 курса исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Пермь, Россия), nadiabat@yandex.ru

Бубнова Раиса Витальевна, аспирант кафедры древней и средневековой истории России Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Пермь, Россия), rayusha_10@mail.ru

Сарапулов Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой древней и средневековой истории России Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Пермь, Россия); ans05@mail.ru

Шмуратко Дмитрий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Пермь, Россия); dshmuratko@mail.ru

About Authors:

Batueva Nadezda S, Master of the Chair of Ancient and medieval History of Russia. Perm State Humanitarian-Pedagogical University. Sibirskaya str. 24, Perm, Russian Federation, 614990; nadiabat@yandex.ru

Bubnova Raisa V, Postgraduate student of the Chair of Ancient and medieval History of Russia. Perm State Humanitarian-Pedagogical University. Sibirskaya str. 24, Perm, Russian Federation, 614990; rayusha_10@mail.ru

Sarapulov Aleksey N, Candidate of Historical Sciences, Associated Professor of the Chair of Ancient and medieval History of Russia. Perm State Humanitarian-Pedagogical University. Sibirskaya str. 24, Perm, Russian Federation, 614990; ans05@mail.ru

Shmuratko Dmitriy V, Candidate of Historical Sciences, Dean of Historical Faculty, Associated Professor of the Chair of Ancient and medieval History of Russia. Perm State Humanitarian-Pedagogical University. Sibirskaya str. 24, Perm, Russian Federation, 614990; dshmuratko@mail.ru

УДК 904

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ РАСКОПОК РОЖДЕСТВЕНСКОГО КОМПЛЕКСА В ПЕРМСКОМ КРАЕ

(Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект №17-46-590780 «Хозяйственно-культурный облик средневекового Предуралья (комплексное исследование)»)

© А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова

NEW MATERIALS FROM EXCAVATIONS AT THE ROZHDESTVENSK COMPLEX IN PERM KRAI

В 2008 г. начался новый этап изучения крупнейшего в Пермском крае средневекового Рождественского археологического комплекса. За время исследований получены новые данные о структуре и характере фортификационных сооружений Рождественского городища – вдоль восточной границы площадке на краю лога выявлены засыпанный в древности ров и сооруженный позднее частокол. Детально исследованы остатки ряда жилищ, сделаны выводы о преобладании каркасно-столбовой техники в домостроительстве, прослежены элементы интерьера и сформировано новое представление о достаточно высоком уровне обустройства жилого пространства. Изучены остатки универсальных мастерских, ориентированных преимущественно на литейное и кузнечное производство. Первые раскопки за валом городища не только показали наличие здесь культурного слоя и построек, связанных с неукрепленным посадом. Продолжено изучение языческого и мусульманского некрополей. На языческом могильнике не только получены новые данные об особенностях погребальной и поминальной обрядности, но и обнаружено множество уникальных предметов, свидетельствующих об уровне культуры жителей городка, о характере их экономических и политических контактов. Впервые получен комплекс инструментов, свидетельствующих о наличии на Рождественском городище ювелирного производства.

Ключевые слова: археология, Пермский край, Рождественский археологический комплекс, средневековый город, жилища, металлообрабатывающее ремесло, погребения, уникальные находки.

A new research stage of the Rozhdestvensk archaeological complex, the largest medieval complex in Perm Krai, began in 2008. During the study, new data on the structure and typology of fortifications of the Rozhdestvensk settlement were obtained: along the eastern boundary of the site at the edge of a ravine an ancient filled up moat and a later constructed palisade were discovered. The remains of a number of dwellings were studied in detail, which demonstrated the prevalence of the frame-and-pillar construction technique. Studies of interior elements produced a new perspective on the sufficiently high level of living space arrangement. The remains of universal workshops oriented on foundry and forging were studied. First excavations behind the rampart of the settlement showed the presence of the cultural layer and buildings associated with the unfortified trade and craft quarter. The study of pagan and Muslim necropolises was continued. From excavation of the pagan burial ground not only new data on the features of burial and commemoration rituals were obtained, but also a number of unique items were found that indicate the cultural level of the settlement inhabitants, and the characteristics of their economic and political contacts. For the first time a set of tools was found that indicates to jewelry production at the Rozhdestvensk settlement.

Keywords*:* Parchaeology, Perm Krai, Rozhdestvensk complex, medieval town, dwellings, metalworking craft, burials, unique finds.

Археологический комплекс у с. Рождественск Карагайского района Пермского края включает в себя Рождественское городище с посадом, Филипповское городище и два некрополя: финно-угорский языческий и булгарский мусульманский. Общая площадь комплекса составляет около 10 га. Рождественский комплекс прочно ассоциируется с «касаба Афкула» восточных источников XIV – начала XV вв. (Белавин, 2000; Хузин, 2001; Пастушенко, 2002; Белавин, Крыласова, 2008; Коробейников, 2006). В средневековой терминологии арабов и персов слово «касаба» или «касабе» означает «административный центр,

большое село, местечко, маленький город» (Аракел Даврижеци, 1973, с. 584). По площади и структуре этот комплекс явно выделяется из большинства средневековых археологических объектов Урала. Важным отличием указанных комплексов от остальной массы средневековых городищ: детинец (цитадель) Филипповское городище – укрепленный город Рождественское городище – неукрепленный посад Рождественского городища. Подобная планировка средневековых городов хорошо известна в Волго-Камье. По две укрепленные площадки и неукрепленную часть имеют Николо-Райское, Зеленовское, Якимово-Стрелкинское, Чуру-Барышевское и ряд других городищ Волжской Булгарии – основы малых и средних городов. С точки зрения специалиста в области фортификации Волжской Булгарии А.М. Губайдуллина, укрепленная часть Рождественского комплекса, состоящая из двух укрепленных площадок, принадлежит к весьма распространенному типу сложномысовых и сложных городищ Волжской Булгарии (Губайдуллин, 2002, с. 29). Подобная схема известна и на Руси. Так, с двух укрепленных площадок (позже известных как Кром и Средний город) начиналась история Старой Рязани; также изначально выглядели Туров, Новогрудок и другие города и городки Руси.

Рождественский комплекс – касаба Афкула – активно исследуется нами с 1985 г. (с перерывом в 1998–2007 гг.), за это время исследованиям подверглись все части комплекса. Общая площадь вскрытий составила более 6000 кв.м., большая часть которых (3991 кв.м.) приходится на укрепленную часть Рождественского городища.

За период раскопок 2008–2016 гг. на территории комплекса выявлено и изучено большое количество разнообразных объектов. Исследованы остатки 10 крупных жилищ каркасно-столбовой конструкции, изучены остатки двух крупных мастерских, связанных с обработкой как цветных, так и черных металлов, с большим количеством металлургических горнов разного назначения, исследовано несколько десятков погребений как в языческой, так и в мусульманской части некрополя, исследован небольшой ров с частоколом, который отделял жилую часть площадки от мусульманского могильника, исследованы участки посада Рождественского городища.

Большой интерес представляют остатки производственной мастерской в восточной части площадки Рождественского городища, устроенной в небольшом логу, засыпанном еще в древности (Крыласова, Подосенова, 2015). Вдоль бортов лога выявлены ряды крупных столбовых ям, очевидно, связанных с конструкцией стен мастерской. Они располагались параллельно друг другу на расстоянии 6 м, следы торцевых стен постройки не зафиксированы.

Внутри мастерской выявлены остатки многочисленных очажных устройств разного характера, которые размещались вдоль условной оси постройки двумя рядами, расположенными на расстоянии около 3 м друг от друга. Некоторые из них использовались в течение непродолжительного периода, но несколько сооружений фиксировались от верхних слоев заполнения лога до материка. Среди последних наиболее интересны остатки двух крупных горнов с каменными сводами.

Наиболее хорошо сохранился горн в северо-западной части мастерской. В его устье, расположенном с западной стороны, были уложены крупные камни; из таких же камней, скрепленных глиной, сложены стенки прямоугольной печи. С разрушенным сводом горна связано скопление более мелких камней, расчищенное на глубине -0,7 м от поверхности. Судя по радиоуглеродной дате пробы, взятой с глубины -0,75 м, это сооружение функционировало до XII – начала XIII вв. Назначение горна на всем протяжении его эксплуатации носило универсальный характер, хотя прослеживается преобладание в нижних слоях фрагментов тиглей и бронзового лома, а к верхним горизонтам – увеличение доли предметов, связанных с кузнечным производством.

Анализ расположения находок в слоях заполнения лога показал, что первоначально мастерская была ориентирована в основном на литейное производство. Нижние слои были буквально усеяны обломками глиняных тиглей, здесь собрано наибольшее количество медных шлаков, а на зачистке возле второго горна в слое даже фиксировались зеленые пятна от окислившихся сплесков меди и шлака. Тиглей в мастерской собрано более 400 фрагментов почти от семи десятков сосудов, среди которых имеются и сосуды полных форм. Они представляли собой открытые цилиндрические тигли-стаканы из огнеупорной тонко отмученной глины с небольшими включениями мелкого песка и угольного порошка. На внутренней поверхности многих экземпляров сохранились следы металла. Металл разливался непосредственно из тиглей, поэтому некоторые из них были снабжены сливами. Подобные тигли, характерные для древнерусских

материалов середины X – конца XI вв. (Ениосова, Ререн, 2011 с. 246), были излюбленными и у булгарских ремесленников, поскольку, как отмечают исследователи, в этих высоких сосудах с нешироким устьем максимально ограничивался доступ воздуха к расплавленному металлу, что затрудняло его окисление, в таких тиглях был меньше выплеск металла (Культура Биляра, с. 86). Судя по всему, именно булгарские мастера привнесли эту форму тиглей в Пермское Предуралье, и в частности – на Рождественское городище, которое являлось торгово-ремесленной факторией Волжской Булгарии. О том, что в рассматриваемой мастерской могли работать булгарские ремесленники-мусульмане, свидетельствует находка костяного разделителя четок.

Анализ химического состава следов металла в реконструируемых тиглях (рентгенофлуоресцентный метод) свидетельствует о том, что тигли использовались для плавки высокотемпературных сплавов, таких, как низкопробное серебро, свинцовые и многокомпонентные латуни, многокомпонентные бронзы. Литье, очевидно, производилось преимущественно в уничтожаемые формы, поскольку при обилии плавильных сосудов литейных форм в мастерской практически не обнаружено.

Исключение составляет фрагмент глиняной формы-изложницы для отливки слитков в виде брусков шириной около 10 мм, толщиной 5–7 мм. Слитки представляли собой товарную форму металла стандартизованных формы и размеров. В северных районах Восточной Европы преобладают слитки длиной около 13 см и с весом 196–200 г (Федоров-Давыдов, 1987, с. 160). Они могли выступать в качестве средств платежа и сырья для литейного производства. При необходимости от них отрубали куски нужного для платежа или для конкретной отливки веса. В рассматриваемой мастерской на Рождественском городище найден обрубок палочковидного слитка длиной 6,5 см, т.е. половина стандартного. Кроме того, собрано еще 4 более мелких фрагментов слитков, а также два бракованных (недолитых) изделия. Анализ химического состава металла обнаруженных слитков (рентгенофлуоресцентный), показал, что слитки состоят из свинцовой бронзы (Cu–Pb) и свинцовой латуни (Cu–Pb–Zn). В слоях мастерской обнаружено около двух сотен предметов из цветного металла. Такая значительная концентрация может объясняться тем, что сломанные, вышедшие из употребления вещи преднамеренно собирались здесь для переплавки. В частности, в подочажной яме первого горна найдено скопление сильно окисленных предметов из медесодержащего сплава, под которыми сохранились фрагменты днищ двух берестяных туесков, в которых, очевидно, хранился лом. Среди предметов неопределенного назначения (68 экз.) выделяются полуфабрикаты в виде кусков проволоки и фрагментов прутков четырехугольного и округлого сечения, обрубленные литники, застывшие сплески металла, бракованные отливки.

Уже на раннем этапе существования мастерской кроме литья изделий из цветных металлов она была ориентирована и на кузнечную обработку, со временем это направление деятельности стало преобладающим. Основным доказательством наличия здесь кузнечного производства являются находки железных шлаков, криц и кузнечных заготовок. В слоях заполнения мастерской обнаружено более 3 сотен железных изделий. Значительную часть из них можно отнести к предметам, предназначенным для перековки, инструментам и личным вещам ремесленников, какие-то из находок являются готовой продукцией мастерской.

Таким образом, изученное сооружение представляло собой многопрофильную мастерскую, основным назначением которой являлось производство металлических изделий. Большое количество очажных конструкций и универсальное назначение мастерской позволяют предполагать, что в ней могло работать более десятка ремесленников, специализирующихся в разных направлениях. Продукция мастерской была ориентирована, прежде всего, на местный рынок, удовлетворяя спрос населения на украшения, детали костюма, всевозможные бытовые вещи, хозяйственный инструментарий. Однако размах литейного производства, наличие среди находок формы-изложницы позволяют предполагать, что здесь существовало и крупное товарное производство готовых сплавов цветных металлов, поставлявшихся в виде слитков за пределы Пермского Предуралья на рынки Восточной Европы.

Снимки Рождественского городища с дельтолета, полученные в 2011 г., показали наличие небольшой ровной канавки вдоль Постаноговского лога, ограничивающего с востока его площадку. В 2014 г. здесь был заложен раскоп IX с целью выяснения назначения этого сооружения, которое оказалось связано с остатками частокола, нарушившего существо-

вавшее здесь ранее большое жилище 1, погибшее в результате пожара. Остатки обугленных деревянных элементов дают уникальную возможность детально проследить его конструктивные особенности. В раскопах 2015–2016 гг. кроме периферийных участков жилища 1 были частично исследованы остатки еще 4 жилищ. Жилища 1–3, 5 располагались в ряд на расстоянии от 1 до 3 м параллельно друг другу вдоль борта Постаноговского лога, к которому они были обращены торцевой стеной, а жилище 4 – в 4 м к юго-западу от жилища 1. Улицы между рядом жилищ 1–3 и жилищем 4 не было, тамбур жилища 1 доходил почти до северо-восточного угла жилища 4, и далее от него вдоль северной стены жилища 4 следовала обустроенная мостками дорожка.

Жилище 1 было окончательно исследовано в 2016 г., размеры его: длина – 18 м, ширина – 10 м, площадь – 180 м². Жилище было ориентировано по линии ВСВ–ЗЮЗ, торцевой восточной стеной – к Постаноговскому логу. Основу стен составляли вертикально врытые в землю столбы, пространство между которыми было заполнено бревнами. Вдоль южной стены прослежены остатки завалинки. Параллельно столбовой конструкции в центре северной стены располагалась дренажная канавка, вдоль всей стены прослеживались опоры мостков. В основе восточной стены зафиксирован ряд больших столбовых ям, параллельно ему – опоры мостков и дренажная канавка. Основу западной стены жилища 1 составляли угловые столбы и крайние в рядах опорных столбов кровли; здесь возле СЗ угла располагался основной выход из жилища, дополненный тамбуром шириной 2,8 м, а далее вдоль стены – столбовая конструкция, связанная с галереей. В 4 м от западной стены выявлен ряд столбовых ям, связанных с опорами навеса над тамбуром и галереей.

Внутри жилища параллельно длинным стенам располагалось два ряда мощных столбов: один – по осевой линии, второй – на расстоянии 2 м от северной стены. Осевой ряд столбов, очевидно, служил опорой для князевой балки, второй ряд – опорой верхних концов стропил двускатной кровли, а нижние концы стропил опирались на столбы, врытые вдоль стен. Внутри в 6 м от западной стены находилась перегородка, делившая жилище на два помещения, соотносящиеся как 1: 2. Вдоль стен располагались нары, опирающиеся на столбовые конструкции из кольев небольшого диаметра, расположенных рядами перпендикулярно осевой линии жилища. Ширина нар у южной стены составляла 3 м. Пол в жилище 1 был из теса, уложенного на лагах из жердей, под нарами он не настилался. Пол обновлялся, как минимум, трижды, при втором обновлении деревянный пол был покрыт слоем глины.

Параллельно осевой линии жилища между рядами опорных столбов кровли находились простой наземный очаг и остатки трех печей на ямах-подпечьях, расположенные в одну линию. Они не могли функционировать одновременно, а, очевидно, возводились последовательно по мере обветшания прежних. В верхних слоях заполнения несколько южнее указанных объектов в углистом слое было зафиксировано еще одно сооружение, заполненное слоями сырой и прокаленной глины, связанное с остатками разрушенной печи. Основываясь на принципах реконструкции, разработанных для древнерусского жилища, можно предположить, что эти остатки связаны с обрушившимся при пожаре вторым этажом (Енукова, 2011).

Анализ вещевого инвентаря, собранного в пределах жилища 1, позволяет датировать период его функционирования XI–XII вв. Конечно, сложно представить, что жилище существовало целиком два века, но время его эксплуатации, безусловно, был длительным, о чем свидетельствуют многочисленные следы ремонта: обновление опорных столбов, пола, перенос печей на новое место, устройство новых перегородок и пр. (Белавин, Крыласова, 2016).

Остальные жилища, изученные на Рождественском городище в 2008–2016 гг., имели схожую каркасно-столбовую конструкцию и размеры от 90 до 120 кв.м. Они несколько различались в организации внутреннего пространства, но в целом построены по единой схеме.

Примечательным является жилище 2. В его западной части в углу, образованном южной стеной и перегородкой, располагалась печь на яме-подпечье, к северной стенке которой примыкала прямоугольная площадка, которая, судя по насыщенности культурного слоя и обилию находок, очень интенсивно использовалась, а у северо-западного угла печи – остатки сгоревшей квадратной столбовой конструкции размерами 1,0 х 1,0 м, которая предположительно могла являться основанием стола, входившего в единый комплекс с печью. Во втором помещении за перегородкой также имелась печь и располагались хозяйственные ямы. В пределах этого жилища найдено нескольких замков и ключей, железная булава, костяные шахматная фигурка и стилос, более 100 железных заклепок с округлыми крупны-

ми головками (возможно от кожаного доспеха типа «куяк» или «куртки с 1000 заклепок»), что свидетельствует о высоком социальном и имущественном статусе главы семейства, проживавшего в этом доме. Радиоуглеродные даты подтверждают датировку этого сооружения – XII–XIII в.

Данные о конструкции жилищ, полученные в ходе раскопок 2014–1015 гг., позволили выделить основные критерии для выделения наземных жилищ в «сухом» культурном слое средневековых поселений Пермского края (Крыласова, 2016).

В 2008 г. продолжено изучение мусульманского некрополя. Всего здесь вскрыто 26 погребений. Костяки лежали на слое красной материковой глины, на глубине 0,45–0,75 м от поверхности. Ориентировались они головой на запад, черепа были развернуты лицевой частью к югу на кыблу. Костяки расположены в соответствии с позой погребенного «лежащие на спине» с подворотом на правый бок, ноги чуть согнуты в коленях, остатки костей ступни развернуты вправо, правая рука вытянута вдоль бедренной кости или чуть подогнута, левая согнута в локте и уложена в области таза. Погребенные, вероятно, были обернуты тканью (саван), которая была зафиксирована в районе пояса, коленей и стоп. Впервые выделена семейная группа погребений (мужчина, женщина и четырехлетний ребенок – определение Н.Г. Брюховой), отделенная от остальной части могильника канавкой.

Следов дерева от погребальных конструкций не зафиксировано. Однако в предыдущие годы в 6-ти погребениях были встречены железные Г-образные гвозди, относящиеся к типу гвоздей, широко применявшимся в Волжской Булгарии в середине – второй половине домонгольского периода (конец XI – XIII вв.) для сколачивания гробовищ (Халикова, 1976, рис. 17). Но погребения, изученные в 2008 г. отличаются по конструкции могильной ямы. Здесь использовалось не сколоченное гвоздями гробовище, а дощатые рамы, у которых доски, установленные по периметру могильной ямы, укреплялись вбитыми в дно ямы кольями.

В целом погребения имеют аналогии с мусульманскими кладбищами Волжской Булгарии, наиболее полные аналогии, в том числе, по деталям обряда, топографии, характеру погребений просматриваются с IV и II Билярскими некрополями. Отмечается достаточно точное соблюдение кыблы, что, вероятно связано с инструментальными измерениями, последнее подтверждается письменными источниками, указывающими на периодические приезды в «касабу Афкуль» астрономов – измерителей времени из Булгарии (Белавин, Крыласова, 2008, с. 91).

В языческой части могильника за 2008–2016 гг. изучено 176 погребений (общее количество изученных языческих захоронений 304).

Погребения расположены рядами, которые вытянуты по линии ЗЮЗ–ВЮВ вдоль течения р. Обвы. Ориентировка могильных ям довольно устойчива: большинство погребений ориентировано по линии ССЗ–ЮЮВ с небольшими отклонениями или по линии С–Ю. Судя по расположению инвентаря и редких фрагментов костяков в захоронениях, можно судить о том, что погребенные лежали ногами к реке. Большинство погребений имеют овальную или овально-подпрямоугольную форму. Захоронения совершались в основном в простых ямах с почти вертикальными стенками, плавно переходящими в обычно ровное дно, нередко имеющее слабый уклон к С или к Ю.

Остатки погребальных сооружений обнаружены в фрагментарной сохранности. В отдельных погребениях на дне зафиксированы остатки древесины, на основании чего можно судить о том, что дно погребений покрывалось досками. У многих погребений зафиксированы следы наземных сооружений в виде расположенных по периметру могильных ям столбовых ямок, которые, вероятно, связаны с наземными сооружениями типа шалашей. В ряде погребений столбовые ямки выявлены на дне могильных ям, вероятно, это следы какого-либо погребального помоста.

Кости человеческого скелета в погребениях Рождественского могильника сохраняются очень плохо (изредка сохраняются части черепа, кости конечностей, в большинстве случаев это костный тлен), зачастую сохранность костей настолько плохая, что они не подлежат антропологическому анализу. Подобная сохранность человеческих костей характерна для большинства средневековых погребений Предуралья, в нашем случае она может объясняться не только какими-либо особенностями обряда, но и тем, что исследованная часть могильника была в XVII – начале XX вв. занята хозяйственными сооружениями и огородами д. Постаногово.

Погребения (за исключение двух десятков захоронений частично разрушенных «любителями металлодетекторного поиска древностей») сопровождаются погребальным инвентарем в виде инструментов и других орудий труда, украшениями костюма (в том

числе и поясными сумочками), расположенными в порядке прижизненного ношения, фрагментами сосудов (в головах или в ногах), фрагментами конской упряжи, изредка предметами вооружения (в основном наконечники стрел). В 3 погребениях найдены серебряные погребальные маски. В 22% погребений в ногах погребенного встречены зубы, черепа и фрагменты конечностей лошадей.

Кроме погребений изучено 45 жертвенно-поминальных комплексов в виде округлых ям, окруженных столбовыми ямками от кольев. Самые типичные находки в подобных ямах – зубы животных, 1 желтая бусина или удила (Крыласова, 2016).

Во время работ 2008–2016 гг. на памятнике собрана большая коллекция артефактов (более 19 тысяч находок), из которых порядка 10 тыс. единиц хранения – материалы языческого могильника.

Основная масса находок на городище, как в его укрепленной части, так и на посаде, представлена фрагментами лепной местной и гончарной булгарской керамики. Среди булгарской посуды выделятся фрагменты узкогорлых цилиндрошеих кувшинов, распространенных в Волжской Булгарии с X–XI вв., кружек и кринок с характерным резным орнаментом, горшков и корчаг. Преобладающий цвет черепков – светло оранжевый и яркий огненно-красный, часть сосудов имеет следы лощения. Это общебулгарская посуда гончарной выделки, относящейся к группе I (по Т.А. Хлебниковой). Большая часть этих сосудов, скорее всего, изготовлена на месте, на что указывает наличие трех гончарных горнов, изученных в предыдущий период раскопок городища. К числу наиболее интересных находок принадлежит найденный в пределах очертаний ямы 13 раскопа IX развал почти половины большой кружки с коническим туловом и ручкой с налепом в виде сосца (тип 6 по Н.А. Кокориной), но имеющий пышную отделку с широким рифлением, резными волютами и отпечатками гребенки, более характерным для кружек типа 5, получивших распространение в золотоордынский период (Кокорина, 2002, с. 135). Общее количество булгарских сосудов в материалах 2008–2016 гг. составляет на разных раскопах от 22% до 40,6% от всей керамической посуды.

Среди лепной посуды преобладают чашевидные и горшковидные сосуды разного размера с приземистым туловом. Цвет лепных сосудов варьирует от светло-серого, светло-коричневого до темно-серого, почти черного, в тесте присутствует примесь толченой раковины, иногда в сочетании с шамотом и рубленой растительностью. Орнаментировано не более 15% лепной посуды, орнамент представлен по шейке в виде многорядного шнура или горизонтальных рядов «гребенки»; по плечику – в виде вертикальных и наклонных отпечатков гребенки или «личинок», гребенчатый орнамент в виде горизонтальной елочки, зигзага, шнуровой орнамент в виде «подковок»; по тулову – пальцевые защипы, отпечатки подушечки пальца кольцевидные отпечатки трубчатой косточки, а также варианты резного орнамента в виде вертикальных или наклонных насечек, горизонтальной елочки), и косой решетки. Представленные варианты орнаментации характерны для ломоватовско-родановской культуры, резной орнамент связывают с культурными традициями населения бассейна р. Сылвы и Чусовой, орнаментальные композиции из горизонтальных рядов гребенки в сочетании с гребенчатыми зигзагами – с вымской культурой. Некоторые экземпляры лепных сосудов снабжались петельчатыми ручками иногда с площадкой вверху.

Железные изделия также многочисленны. Основное их количество представлено такими массовыми категориями, как ножи разных типов и размеров, швейные иглы и шилья, наконечники стрел разных форм и размеров (как плоскими черешковыми ромбическими или треугольными, так и бронебойными гранеными), рыболовные крючки, топоры (плотницкие и универсальные), пробои, гвозди, скобы. Найдено более сотни зубил разного размера – от крупных для работы по железу, до мелких – ювелирных, и другие инструменты для работы с железом, цветным металлом, деревом и костью. Интересны находки железных замков, некоторые экземпляры которых обтянуты медью, некоторые имеют волнистый орнамент, а также многочисленных ключей.

Костяные изделия представлены разбильниками, наконечниками стрел, манками, игольниками, гребешками, расческами в футляре, ложками, амулетами, пуговицами. Интересна находка разделителя четок, орнаментированного кружковым орнаментом. Аналогичные изделия хорошо известных в городах Волжской Булгарии. Яркими находками являются два роговых топорика, имитирующих универсальный и боевой с чеканом. Топорики орнаментированы, имеют изображение тамг, что указывает на их особую ценность для владельцев. Один топорик погрызен щенком (определение П.А. Косинцева). Вероятнее всего,

это детские игрушки, которых на городище найдено также много (миниатюрные костяные подражания боевым наконечникам стрел, детская «посудка», глиняные шарики и кубики, основы для куколок).

На языческом могильнике найдены многочисленные украшения и детали костюма, различные инструменты и другие предметы. Среди украшений присутствует ряд редких предметов, которые представлены на памятниках Пермского Предуралья единичными находками: фрагмент серебряной подвески-всадника, бронзовая копоушка с шумящими привесками, бронзовые амулеты, имитирующие гребешки, фрагмент креста «скандинавского типа», перстень с шумящими привесками. Присутствуют и совершенно уникальные находки, встреченные на данной территории впервые: калачевидные височные украшения с шумящими привесками, бронзовая «когтевидная» подвеска с имитацией зерно-сканого декора, фрагмент серебряной трапециевидной подвески со сложным орнаментом в виде плетенки, возможно, древнерусского происхождения. В 2009 г. в одном из погребений обнаружен фрагмент носка, связанного на спицах – первая находка вязаного изделия на территории Урала (Крыласова, 2010). Обнаружены новые экземпляры мужских поясных кошельков и женских поясных сумок (Крыласова, 2012), значительное количество полных наборных поясов, позволяющих представить их реконструкцию, в том числе, уникальный пояс с чернью, возможно, импортированный с территории Хазарии (Крыласова, Подосенова, 2015). В 2011 г. обнаружена третья на данном могильнике серебряная погребальная маска-личина (Белавин, Крыласова, Подосенова, 2016). В погребении № 250 найден уникальный серебряный медальон (рис.1), на одной стороне которого помещено изображение всадника с мечом на поясе, шлеме и птицей на плече, на другой – сидящего человека (царя?) в короне в окружении двух львов. Композиция на лицевой стороне медальона напоминает сюжет известных в Прикамье блях с «сокольничим», которые были распространены в XII–XIV вв., на оборотной стороне помещен какой-то постсасанидский сюжет – сидящий человек (царь) в окружении двух львов. По технике исполнения медальон не может быть местным изделием, не вызывает сомнений, что это импортный предмет, однако аналогий ему пока обнаружить не удалось.

Погребальная керамика представлена миниатюрными круглодонными горшочками преимущественно со шнуро-гребенчатой орнаментацией, зачастую с присутствием гребенчатого штампа в виде «подковок», что типично для ломоватовской культуры Пермского Предуралья, существовавшей до конца XI в. (Белавин, Крыласова, 2016).

Материалы раскопок комплекса в 2008–2016 гг. позволяют с уверенностью считать, что Рождественский комплекс в период средневековья представлял собой городское поселение торгово-ремесленной ориентации. Среди его жителей присутствовало немало ремесленников, занимающихся гончарным, кузнечным, бронзолитейным и ювелирным делом. Вполне вероятно, что гипотетический Прикамский ювелирный центр располагался именно в Афкуле. Из орудий, которые можно было бы связывать с ювелирным производством, на городище и в погребениях языческого могильника массово представлены небольшие зубила и бородки – универсальные орудия, которые одинаково широко применялись как в кузнечном, так и в литейном, и в ювелирном производствах. Встречены ювелирные щипчики и орудия, которые можно определить как чеканы с разной формой боя. Кроме того, представлены такие специализированные инструменты как слесарные ножницы для резки цветного металла, шабер – инструмент для отделки ювелирных изделий для подготовки их к полировке, тигельные щипцы, железные ювелирные молоточки, роговая киянка (Крыласова, Подосенова. 2016). Косвенным доказательством наличия ювелирного производства могут служить находки разнообразных заготовок из серебра – прутки, проволочки, обрезки пластин и пр.

ЛИТЕРАТУРА

Аракел Даврижеци. Книга историй. Пер. с армян., предисл. и коммент. Л. А. Ханларян. М.: Наука, 1973. 624 с.

Белавин А.М. Древняя Афкула (Рождественский археологический комплекс X–XIII вв. в Пермском Предуралье) // Современные проблемы археологии России. Материалы ВАС. Т. II. Новосибирск: ИАЭ СО РАН. 2006. С. 111–114.

Белавин А.М. Проблемы раннего этапа урбанизации в Волго-Камье // Тр. КАЭЭ. Вып. IV / Под. общ. ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГПУ, 2007. С. 4–12.

Белавин А.М. Торговые фактории волжских болгар и пути возникновения городов в Поволжье и Предуралье в средние века // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Междунар. науч. конф./ Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Ин-т истории АН РТ. 2000. С. 122–127.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН, 2008. 603 с.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Проблема периодизации средневековых археологических культур Пермского Предуралья // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016. № 1 (32). С. 28–41.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А. Металлические лицевые покрытия в погребальном обряде древних венгров Урала // HISTORICAL SCIENCES. Vol. 1, No 3 (3) (2016), P. 78–81.

Губайдуллин А.М. Фортификация городищ Волжской Булгарии / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2002. 232 с.

Ениосова Н.В., Ререн Т. Плавильные сосуды новгородских ювелиров // Новгородские археологические чтения. Великий Новгород: Новгород. гос. объед. музей-заповедник, 2011. С. 243–254.

Енукова О.Н. Вопросы методики реконструкции славяно-русского жилья в условиях «сухого» слоя // Уч. зап.: электронный научный журнал Курского гос. ун-та. 2011. № 3 (19). Т. 2. Доступно по URL: http://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-metodiki-rekonstruktsii-slavyano-russkogo-zhilya-v-usloviyah-suhogo-sloya. pdf

Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV вв. / Отв. ред. Т.А. Хлебникова. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2002. 383 с.

Коробейников А.В. Имитационное моделирование по данным археологии. Ижевск: Изд-во НОУ КИГИТ, 2006. 116 с.

Крыласова Н.Б. Исследование Рождественского могильника в Карагайском районе Пермского края: к вопросу о жертвенно-поминальных комплексах // Тр. КАЭЭ. Вып. XI / Под. общ. ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГПУ, 2016. С. 51–65.

Крыласова Н.Б. О первой находке фрагмента вязаного изделия в Пермском Предуралье // Вестник МАЭ Пермского Предуралья. Вып. 3 / Гл. ред. Н.Б. Крыласова. Пермь: ПГПУ, 2010. С. 7–12.

Крыласова Н.Б. Особенности средневекового домостроительства на территории Пермского края // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2016. № 3. С. 57–69.

Крыласова Н.Б. Поясные сумки X–XI вв. (по материалам раскопок Рождественского могильника в 2008–2010 гг.) // Тр. КАЭЭ. Вып. VIII: Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования, проблемы сохранения и музеефикации / Под. общ. ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГГПУ, 2012. С. 236–241.

Крыласова Н.Б., Белавин А.М. Жилища средневекового Прикамья // Средневековая археология Волго-Уралья. Сб. науч. трудов к 65-летнему юбилею Ф.Ш. Хузина / Отв. ред. А.Г. Ситдиков. – Казань: Ин-т археологии АН РТ. 2016. С. 67–71.

Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А. Металлургическая мастерская с Рождественского городища: к вопросу о развитии товарного производства в Пермском Предуралье // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2015. № 4. С. 27–41.

Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А. Поясной набор с чернью из Рождественского могильника X–XI вв. // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. V / Гл. ред. Н.Б. Крыласова. Пермь: ПГГПУ, 2015. С. 21–27

Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А. Ювелирные инструменты по материалам Рождественского археологического комплекса эпохи средневековья // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья. Материалы Всерос. науч.-практич. конф. Пермь: ПГНИУ, 2016. С.173–177.

Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1985. 216 с.

Пастушенко И.Ю. Еще раз о локализации Вису // Finno-Ugrica. 2001–2002, № 1 (5–6). Казань: Ин-т истории АН РТ. С. 56–62.

Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело и денежное обращение Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М.: Наука, 1987. С. 158–204.

Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. / Науч. ред. М.А. Усманов. Казань: КГУ, 1976. 160 с.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука. 1984. 240 с.

Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X начале XIII вв./ Отв. ред. А.М. Белавин. Казань: Мастер Лайн, 2001. 480 с.

Информация об авторах:

Белавин Андрей Михайлович, доктор исторических наук, профессор, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); belavin@pspu.ru

Крыласова Наталья Борисовна, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник, Пермский научный центр Уральского отделения Российской академии наук (г. Пермь, Россия); n.krylasova@mail.ru

About the Authors:

Belavin Andrey M., Doctor of Historical Sciences, Professor. Perm State Humanitarian Pedagogical University (PSHPU). Sibirskaya St., 24, Perm, 614990, Russian Federation; belavin@pspu.ru

Krylasova Natalia B., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor. Perm scientifi c center Ural branch of the Russian Academy of Sciences. Lenina st., 13A, Perm, 614990, Russian Federation; n.krylasova@mail.ru

Рис. 1. Медальон в «постасанисдском стиле». Погребение № 250 Рождественского могильника. Серебро.

УДК 904

НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ВХОДОИЕРУСАЛИМСКОГО НЕКРОПОЛЯ ЦАРЕВОКОКШАЙСКА (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

© Д.С. Блинова, П.С. Данилов

NUMISMATIC COMPLEX OF THE VKHODOIERUSALIMSKII NECROPOLIS OF TSAREVOKOKSHAISK (preliminary analysis)

Работа посвящена нумизматическому материалу, обнаруженному в погребениях Входоиерусалимского некрополя Царевококшайска. Монеты являются одним из наиболее характерных предметов погребального инвентаря этого исторического некрополя. Дана статистическая информация по соотношению монет в погребениях разных половозрастных групп, о расположении монет в погребениях и соотношении нумизматического материала разных хронологических периодов. Прослежены этнографические параллели этому элементу погребального инвентаря.

Ключевые слова: археология, Марийский край, Царевококшайск, XVII–XVIII вв., Входоиерусалимский некрополь, нумизматика, марийцы-новокрещены, погребальный обряд.

The study is devoted to the numismatic complex of the Vkhodoierusalimskii necropolis of Tsarevokokshaisk. Coin material is one of the most characteristic items of the funerary inventory of this historic necropolis. The statistical information on the ratio of coins in the burials of different sex-age groups, the location of coins in burials and the ratio of numismatic material of different chronological periods is given. Ethnographic parallels have been traced to this element of the funerary inventory.

Keywords: archaeology, Mari Region, Tsarevokokshaisk, XVII–XVIII centuries., Vkhodoierusalimskii necropolis, numismatics, Mari-the newly christened, funeral rite.

Летом 2010 г. проводились охранные археологические исследования в историческом центре г. Йошкар-Ола на территории восстановительного строительства Входоиерусалимской церкви и Богородице-Сергиева женского монастыря, которые существовали на данной территории в середине XVIII – начале XX вв. Участок расположен в квартале, ограниченном современными улицами Советская, Вознесенская, Пушкина и Чернышевского. В ходе раскопок был выявлен исторический некрополь, относящийся к начальному периоду существования Царевококшайска. В ходе работ было выявлено 554 погребения. Большая часть погребений относится к периоду, предшествующему строительству Входоиерусалимской церкви, то есть к XVI – первой половине XVII в. Это подтверждается нумизматическим материалом, найденным в ряде погребений.

Всего на Входоиерусалимском могильнике были обнаружены монеты в 75 погребениях, что составляет 13,6% от общего количества погребений (554). Антропологический анализ показал, что 67,4% всех монет принадлежало взрослым и 32,6% детским захоронениям. При этом монеты почти в равной мере фиксировались как в женских (54,8%), так и в мужских (45,2%) погребениях (табл. 1).

Табл. 1. Распределение нумизматического материала в погребениях Входоиерусалимского некрополя

Возраст		
Взрослое погребение	31	67,4%
Детское погребение	15	32,6%
Всего	46	

Пол		
Женское погребение	17	54,8%
Мужское погребение	14	45,2%
Всего	31	

Монеты целые	63	
Монеты пробитые	25	25,4%
Всего	88	

Погребений с монетами	68	12,3%
Погребений без монет	486	
Всего	554	

Традиция класть монеты вместе с погребенными характерна для культур многих народов. В нашем случае эта традиция связана с убеждением марийцев, что на пути в новый мир им предстояла борьба со злыми духами. Не всегда рассчитывая на успех, они снабжали умершего деньгами, чтобы тот смог откупиться. По этнографическим источникам известно, что марийцы-язычники верили в трех владык загробного мира, это – Азырен (смерть), Киамат-Тора (судья) и Киамат-Савуш (товарищ Киамат-Тора). После смерти душа умершего шла по «черемисским мытарствам» (через горы, пропасти. отбиваясь от собак и змей и т.п.), пока не добиралась до одного из владык – «старого адского судьи Киамат-Тора» (Кузнецов, 1907, с. 15–22). Именно с ним должен был договориться умерший и для его задабривания готовились деньги.

У марийцев, как и у многих других народов, прослеживается двойственное отношение к умершим родственникам – их почитали, но вместе с тем боялись их гнева. «Проявляя заботу о ранее умерших им через вновь погребаемых родственников посылали подарки: украшения (бусы, кольца, сюльгамы) брошенные в засыпь, орудия труда (косы и серпы) передавались через детские захоронения… Беспокоясь за судьбы своих предков после их земной смерти, часто в могилы и засыпь погребения бросали серебряные деньги» (Никитина,1992, с. 38–39).

Часть монет Входоиерусалимского некрополя были пробиты (25,4%). Однако деление монет на две группы – пробитые и не пробитые, является условным, так как не является точным показателем функционала. Как известно, пробитая монета, которая ранее использовалась в украшении, в дальнейшем могла вновь выполнять функции платежного средства. Среди марийцев известен также такой обряд: «после опускания гроба в могилу, от гроба до надмогильного столба протягивалась ниточка, на конце которой вешалась серебряная монета». Нить в данном случае выступала как «нить жизни», которая вела его к новому миру, а монета олицетворяло солнце (Попов, 1981, с. 168–169). Следовательно, пробитая монета могла выполнять функцию «обола мертвых». Это традиция прослеживается и на Входоиерусалимском некрополе. В одном из погребений над головой умершего была найдена пробитая монета.

Также стоит отметить, что подавляющее количество монет на данном некрополе одиночные, то есть не являются частью украшения погребенного и не имеют привязки к какой-либо части погребения. По всей вероятности, это проявление традиции посмертного дара погребенному, который давался ему в загробный мир. Родственники клали монету умершему человеку в руку. Это подтверждается фиксацией монеты в области груди, живота или таза, в зависимости от положения рук. Небольшая часть монет была найдена в засыпи погребения и, по всей вероятности, отрывались от украшения и также клались в качестве посмертного дара от родных и близких покойного во время погребальной церемонии. Монеты встречаются также в комплексе с другими украшениями. Так, например, в погребение № 101 монета лежала у берцовой кости в районе колена с бусиной и браслетом и, вероятнее всего, несла функцию посмертного дара.

Весь монетный комплекс был разделен на две хронологические группы: 1) монеты периода, начиная с реформы 1535–1538 гг. до конца XVII в.; 2) монеты первой половины XVIII в. Часть монет имеет плохую сохранность, что затрудняет их датировку.

Первая группа насчитывает 13 экземпляров. Самая ранняя монета, найденная на Входоиерусалимском некрополе, относится к периоду правления Ивана Грозного (1547–1584), чеканена в Новгороде. Кроме того, была обнаружена монета времен царствования Лжедмитрия I (1605–1606), чеканенная в Пскове, Михаила Федоровича (1613–1645 гг.), Федора Алексеевича (1676–1682) (рис. 1).

Вторая группа представлена монетами периода правления Петра I (1672–1721 гг.) в количестве 23 экз. (рис. 2).

Таким образом, нумизматический материал позволяет датировать могильник концом XVI – серединой XVIII вв. Однако важно учитывать, что нумизматический материал нельзя считать основанием для абсолютной датировки могильника, так как монета еще долгое время могла находиться в обращении с момента чеканки до момента попадания в погребение. Кроме того, монеты указывают на интересные особенности погребального обряда марийцев в XVI–XVIII вв. и открывает широкие горизонты для дальнейшего его изучения.

ЛИТЕРАТУРА

Беляков А.С. Серебряные монеты конца IX–XI в. из курганов у д. Плешково // Тр. ГИМ. Нумизматический сборник. Ч. 9. Новые нумизматические исследования / Отв. ред. М.П. Абрамова. М: ГИМ, 1986.

Добровольский И.Г., Дубов И.В., Седых В.Н. Монетные находки в Ярославском Поволжье и их значение для этносоциальных и хронологических характеристик комплексов // Монеты, медали, жетоны / Отв. ред. А. Мельникова. М: Археографический центр, 1995. С. 175–191.

Кузнецов С.К. Культ умерших и загробные верования луговых черемис // Этнографическое обозрение. Кн. 60, 61. Отд. отт. Вятка, 1907.

Никитина Т.Б. Марийцы (конец XVI – начало XVIII вв.) по материалам могильников. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1992. 159 с.

Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам) / Отв. ред. В.В. Седов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. – 432с.

Попов Н.С. Погребальный обряд марийцев в XIX – начале XX в. // АЭМК. Вып. 5. Материальная и духовная культура марийцев / Отв. ред. Г.А. Сепеев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1981. С. 154–173.

Равдина Т.В. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. М: Наука, 1988. 151 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Монеты из Дубовского могильника // АЭМК. Вып. 8 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1984. С. 160–172.

Шапран И.Г., Сенникова Л.А. Вятские марийцы XVI–XVIII вв. по материалам Кадочниковского могильника. Ижевск: Удмуртия, 2014. 248 с.

Сведения об авторах:

Блинова Дарья Сергеевна, магистрант, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия), daschenka93@mail.ru

Данилов Павел Степанович, заместитель начальника Учебно-научного археолого-этнологического центра, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия), paszulya@mail.ru

Information about authors:

Blinova Darya Sergeevna, master student, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russia), daschenka93@mail.ru

Danilov Pavel Stepanovich, Deputy Head of the Educational and Scientific Archaeological and Ethnological Center, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russia), paszulya@mail.ru

Рис. 1. Монеты XVII в.

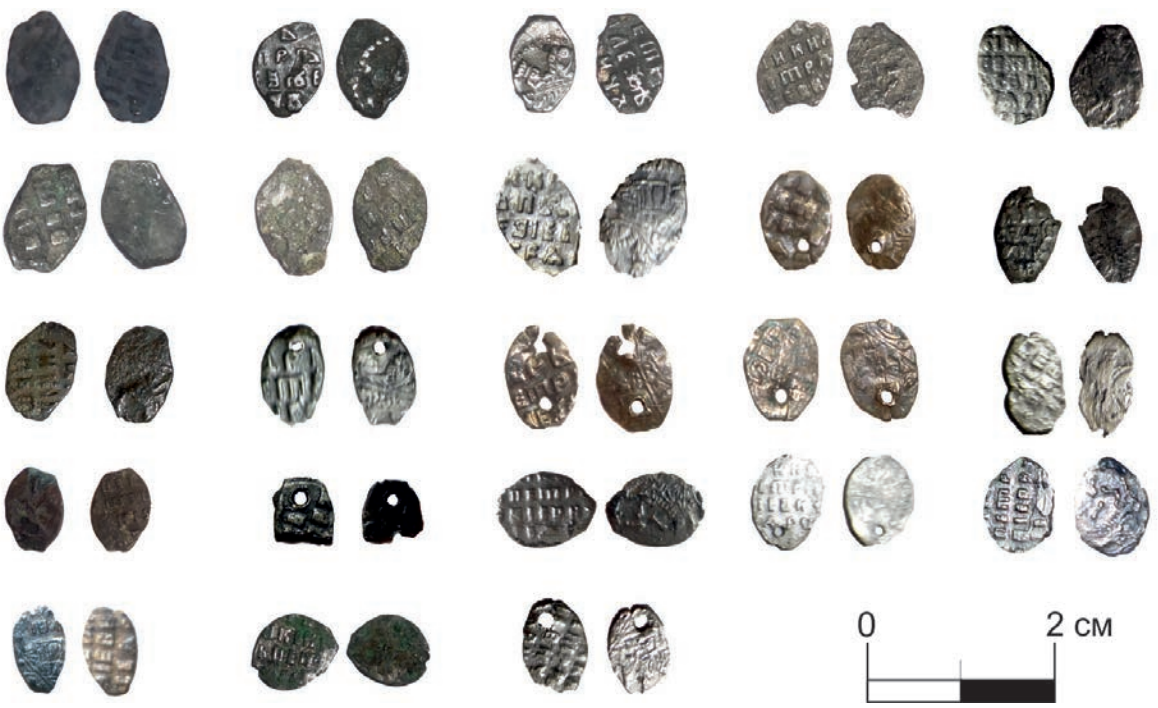


Рис.2. Монеты XVIII в.

УДК 737(470.41)«12/13»

НАХОДКИ ДЖУЧИДСКИХ МОНЕТ XIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIV В. С ОСТРОВА СЕМЕНОВСКИЙ (СПАССКИЙ РАЙОН РТ)

© А.И. Бугарчев

JOCHID COINS` FINDINGS OF 13TH – THE FIRST THIRD OF THE 14TH SENTURY FROM THE ISLAND SEMENOVKA (SPASSKY DISTRICT, TATARSTAN)

В статье собрана информация о джучидских монетах XIII – начала XIV в., обнаруженных в разные годы на археологических памятниках острова Семеновский. Использованы как изданные ранее сведения, так и неопубликованные материалы. Суммарно нумизматический комплекс состоит из 200 монет: 55 серебряных и 145 медных. Автор рассматривает отдельные типы монет, разбирает метрологические особенности некоторых групп и приводит свои комментарии к особо редким и значимым экземплярам. В конце статьи делается вывод о значительном уровне денежного обращения на средневековых поселениях Семеновского комплекса.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Семеновский остров, золотоордынский период, XIII–XIV века, нумизматика, монетные находки, динар, дирхам, пул.

In article the information about the jochid coins of 13 – the beginnings of the 14th century, found in different years on archaeological monuments of the island Semenovka is collected for the first time. The data published earlier as well as unpublished materials have been used by the author. Totally numismatical complex consists of 200 coins – 55 silver and 145 copper. The author considers separate types of coins, sorts metrological features of some groups and leads the comments to especially rare and significant copies. At the end of article the conclusion about the considerable level of monetary circulation on medieval settlements of the Semyonovsky complex is made.

Keywords: archaeology, Middle Volga area, Semenovka island, Golden Horde, 13-14th century, numismatics, monetary finds, dinar, dirham, pool.

Археологические памятники острова Семеновский на на Куйбышевском водохранилище хорошо известны археологам Татарстана. Начиная с 1955–1956 гг. здесь проводились исследования под руководством А.Х. Халикова и Е.П. Казакова. В результате были выявлены средневековые объекты, известные как I–V Семеновские селища (Свод памятников, 2007). Нумизматический материал Семеновского комплекса представлен серебряными и медными монетами, начиная с сасанидского времени и до XV в. Например, на территории I Семеновского селища зафиксированы сотни куфических монет X в. (Беговатов, 2002, с. 194).

В данной статье предлагается рассмотреть следующие нумизматический блок объектов – джучидские монеты XIII – первой трети XIV в., обнаруженные на селищах Семеновского острова в ходе археологических исследований. Отдельные монеты ранее уже публиковались (Беговатов, 2005; Беговатов, Пачкалов, 2013). В статье использованы материалы из фондов Музея археологии РТ, Болгарского ГИАМЗ и архива Е.А. Беговатова. В предлагаемой таблице собраны все известные на сегодняшний день нумизматические материалы указанного периода.

Сводная таблица находок джучидских монет с острова Семеновский (Спасский район РТ)

№	*Эмитент*	*МД*	*Время чеканки*	*Вес, г*	*Примечание*
Серебряные монеты					
1*	Анонимная	Булгар	(1240-е)	1,16 - обломана	С/5** (с именем халифа ан-Насира
2-8	Мунке	Булгар	(1251-1259)	0,63; 0,91; 0,92; 0,99; 1,04; 1,10; 1,48	7 экз.
9-15	Арыг-Буга	Булгар	(1260-1264)	0,40; 0,43; 0,48; 0,57; 0,60-2; 0,68	7 экз.
16	Арыг-Буга	Булгар	(1260-1264)	Не сохранился	
17-18	«Ан-Насир»	Булгар	(1266-1270)	0,62; 0,82	2 экз. С/64
19	Анонимная	Биляр	(1266-1271)	0,47 обломана	С/216~218
20	Анонимная	Биляр	(1266-1271)	0,51	Тип не ясен
21	Анонимная	Не указан	(1266-1271)	0,32	С/40-42
22-24	Анонимная	Не указан	(1266-1273)	0,77; 0,72; 0,70	3 экз. С/205
25	Анэпиграфная	Не указан	(1266-1273)	1,07	С/79
26	Анонимная	Не указан	(1266-1273)	0,66 обломана	С/42
27	Менгу-Тимур	Не указан	(1271-1283)	0,74 обломана	С/33-35
28	Анонимная	Булгар	692 (1292-1293)	1,36	С/61
29	Анэпиграфная	Не указан	(1300-е – 1320)	1,23	С/161
30	Анэпиграфная	Не указан	(1300-е – 1320)	1,37	С/165
31	Анэпиграфная	Не указан	(1300-е – 1320)	1,33	С/172
32-33	Анэпиграфная	Не указан	(1300-е – 1320)	1,27; 1,33	2 экз. С/195
34	Анэпиграфная	Не указан	(1320-е гг.)	1,33	С/131
35-36	Анэпиграфная	Не указан	(1320-е гг.)	1,29; 1,34	2 экз. С/157
37-38	Анэпиграфная	Не указан	(1320-е гг.)	1,15; 1,29	2 экз. С/173
39	Анэпиграфная	Не указан	(Конец XIII в. – до 1328)	0,23	С/154
40	Анэпиграфная	Не указан	(Конец XIII в. – до 1328)	1,37	С/164
41	Анонимная	Не указан	(Конец XIII в. – до 1328)	1,37	С/184
42	Анонимная	Не указан	(1313 – до 1328)	1,1	С/202
43	Анонимная	Булгар	728 (1327-1328)	Не сохранился	С/59
44	Токта	Сарай ал-Махруса	710 (1310-1311)	1,41 (отверстие)	
45-46	Узбек	Сарай	717 (1317-1318)	1,45; 1,51	2 экз.
47	Узбек	Сарай	721 (1321-1322)	1,33	
48-49	Узбек	Сарай ал-Махруса	722 (1322-1323)	1,48; 1,49	2 экз.
50-51	Узбек	Булгар ал-Махруса	731 (1330-1331)	1,51; 1,54	2 экз.

52-53	Узбек	Булгар ал-Махруса	732 (1331-1332)	1,48; 1,54	2 экз.
54-55	Узбек	Сарай	734 (1333-1334)	1,24; 1,51	2 экз.
Медные монеты					
56	Ан-Насир	Не указан	(Конец 1230-х – 1240-е гг.)	6,85	«Архаичный» тип
57-118	Ан-Насир	Не указан	(1240-е гг.)	1,01; 1,37; 1,46; 1,67; 1,68; 1,72; 1,77; 1,78; 1,83; 1,87; 1,92; 2,02; 2,15-2; 2,16; 2,21; 2,22; 2,23; 2,26; 2,30; 2,31; 2,32; 2,33; 2,36; 2,39; 2,42; 2,46; 2,49; 2,53; 2,56-2; 2,62; 2,65; 2,67; 2,72; 2,76; 2,80; 2,87; 2,88; 2,93; 2,95; 2,96; 3,01; 3,13; 3,18-2; 3,27; 3,28; 3,29; 3,30; 3,31; 3,37-3; 3,42; 3,49; 3,61; 3,78-2; 3,99; 4,19; 4,45;	62 экз.
119	Ан-Насир	Не указан	(1240-е гг.)	2,47	Легенда Л.С. в 4 строки
120	Ан-Насир	Булгар	(Конец 1240-х гг.)	1,76	О.с. «Динар чекан Булгара»
121-123	Ан-Насир? Мунке?	Булгар?	(1240-е – 1250-е гг.)	0,93; 1,99; 2,09	3 экз.
124	Мунке	Булгар	(1251-1259)	2,82	Л.с. «Мунке/ кан»
125-156	Мунке	Булгар	(1251-1259)	0,92; 1,60; 1,67-2; 1,71; 1,76; 2,01; 2,06; 2,11; 2,18; 2,34; 2,38; 2,44; 2,48; 2,53; 2,63; 2,66; 2,69; 2,85; 2,91; 2,99; 3,11; 3,13; 3,18; 3,35; 3,38; 3,41; 3,50; 3,55; 3,56; 4,12; 5,95	32 экз.
157	«Ан-Насир»	Булгар	(1266-1270)	2,93	С/65.
158-181	Анонимная	Не указан	(Конец 1320-х гг. – до 1331)	0,5; 0,61; 0,64; 0,69; 0,75; 0,87; 0,98; 1,02-2; 1,05-2; 1,07; 1,13; 1,14-2; 1,16; 1,18-2; 1,24; 1,42-2; 1,52; 1,54; 1,64	24 экз. «Тамга в треугольнике»

182-199	Анонимная	Булгар	(1331-1336)	1,03; 1,08; 1,09; 1,16; 1,17; 1,22; 1,32; 1,37; 1,44; 1,51; 1,56; 1,62; 1,73; 1,74; 1,76; 1,84; 2,12; 2,22	18 экз. «Тамга в звезде»
200	Анонимная	Булгар	736 (1335-1336)	1,96	«Тамга в звезде»

Сокращения: МД – монетный двор; Л.с. – лицевая сторона; О.с. – оборотная сторона.

*Порядковые номера соортветствуют номерам в фототаблицах.

**Типы булгарских серебряных монет определены по монографии А.З. Сингатуллиной (2003).

Распределение серебряных монет по хронологии:

– имперского периода 1240-х – 1264 г. – 16 экз.;

– правление Менгу-Тимура, 1266–1281 гг. – 11 экз. (из них 1266–1273 гг. – 10 экз.);

– времени Токты и первой половины правления Узбека, 1292–1328 г. – 28 экз.

По этим данным фиксируется лакуна на протяжении с 1273 до 1292 г. К данному отрезку в 20 лет относится всего один дирхам С/33-35 и не исключено, что он был утрачен не в эти годы, а позднее.

Распределение серебряных монет по монетным дворам:

– Булгар – Булгар ал-Махруса – 24 экз.;

– Сарай – Сарай ал-Махруса – 8 экз.

– Биляр – 3 экз.,

– неуказанные МД Булгарского вилайата – 20 экз.

Рассмотрим отдельные моменты серебряной чеканки.

Два экземпляра не имеют указания МД (№№ 21, 26). Оформление лицевых сторон данного типа имеет прямые аналогии с монетами Биляра С/218. Не исключено, что наши две монеты, как и все экземпляры из каталога А.З. Сингатуллиной (Сингатуллина, 2003, с. 135, №№ 40–42) чеканились на одном монетном дворе – Биляре.

К монетам без указания МД относятся три экземпляра (тип С/205, №№ 22–24). Круговая легенда л.с. до сих пор остается непрочитанной. Факт обнаружения фракций подобного типа в Лаишевском кладе позволил отнести их к чеканке периода 1266–1273 гг. (Бугарчев, Степанов, 2015).

Монетный двор, чеканивший дирхамы с изображением «лебедя» С/79 (№25) находился, судя по результатам изучения топографии находок, на территории Болгарского городища или в его округе (Бугарчев, Степанов, Дзюба, 2017, с. 66–68).

Большая группа анонимных и анэпиграфных дирхамов относится к широкому периоду 1290-х – конца 1320-х годов. Необходимо отметить существование разновесных серебряных монет раннезолотоордынского периода. Среди необломанных экземпляров присутствуют фракции как минимум четырех весовых групп: 0,32–0,51 г, 0,70–0,77 г, 1,1–1,15 г и 1,23–1,37 г. Данный факт подтверждает наши выводы, сделанные на кладовом материале о функционировании в регионе развитой системы серебряного денежного обращения. После 1330 г. в Булгарском вилайате стали выпускаться данги одного указного веса 1,56 г – это монеты монетного двора Булгар ал-Махруса (№№ 50-53).

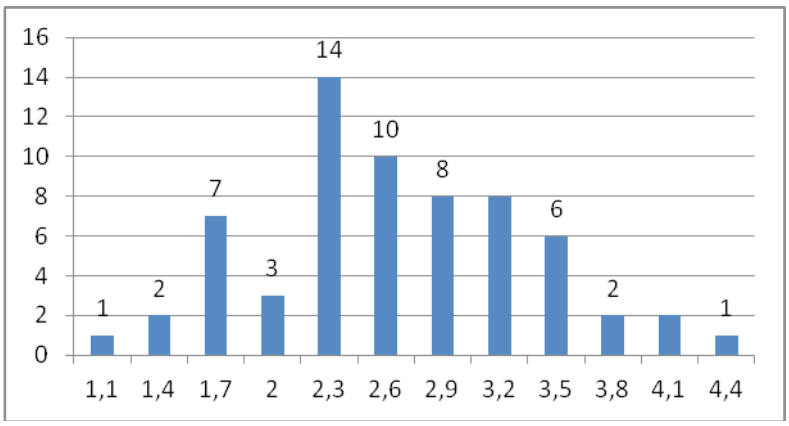
В статье Е.А. Беговатова 2013 г., а также в его архиве сохранилась информация о находках дангов нижневолжских монетных производств середины – второй половины XIV в., однако в нашей работе они не затрагиваются.

Изучение медных монет.

Медная чеканка представлена большой группой булгарских монет середины XIII в. и периодом с конца 1320-х годов. Самыми ранними в булгарской чеканке являются медные динары «архаичного» типа. Топография их находок до данной работы выглядела следующим образом: Болгарское городище – 8 экз., Старо-Куйбышевское селище – 2 экз., Джукетау, Чакма, Белая Гора (все – Чистопольский район), Дубъязы – по одному экз. (Бугарчев, 2016, с. 24). Теперь к этому списку можно добавить Семеновский остров.

Рассмотрим метрологию рядовых динаров с именем ан-Насира (*гистограмма 1*).

Зависимость количества медных динаров ан-Насира от значения их веса. Учтено 64 экз. (без учета «архаичного» типа). Шаг 0,3 г. Ось X – вес в г, ось Y – кол-во в экз. Гистограмма 1.



Мода$_{max}$ 2,3±0,2 г (14 экз., 21,9%). Второстепенные максимумы при построении суммарной гистограммы – 3,3±0,2 г (11 экз.) и 1,8±0,2 г (9 экз.) (сама суммарная гистограмма не приводится).

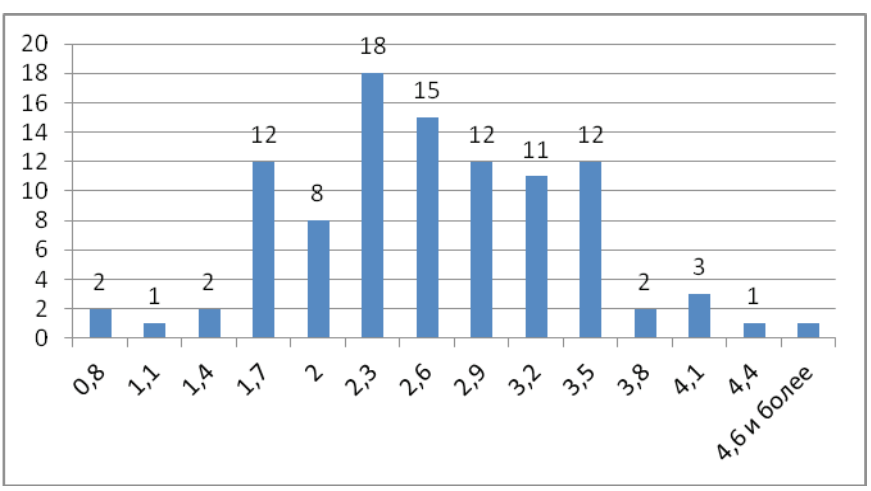
Среди медных динаров был обнаружен экземпляр с написанием легенды л.с. в 4 строки. Впервые данный вариант был выделен Д.Г. Мухаметшиным в рукописном каталоге, составленном в 2015 г. (Мухаметшин, 2015). Метрологические особенности позволяют говорить, что динары с л.с. в 4 строки чеканились вместе с динарами, имеющими моду 2,8±0,2 г, в 1240-х годов (Бугарчев, Федорова, 2015, с. 70).

Еще один редкий тип медного динара был обнаружен среди монет Семеновского острова – это экземпляр с легендой л.с. «Динар чекан Булгара». По нашим представлениям, данный тип чеканился самым последним в эмиссиях медных монет с именем ан-Насира, на рубеже 1240-х – 1250-х годов.

С 1251 г. (возможно, чуть позднее) в регионе началось массовое перечеканивание «меди» ан-Насира штемпелями с именем каана Мунке. Самыми первыми, по нашему мнению, стали выпускаться монеты с вариантом л.с. «Мунке/ кан». Наиболее массовыми стали монеты с легендой л.с. «Мунке ка/ н».

В передел 1250-х гг. попадали самые разные по весу динары ан-Насира. Из монет Семеновского острова можно указать на № 156 весом 5,95 г. Известны экземпляры «архаичного» типа со следами перечеканки в Мунке. В то же время монеты с именем ан-Насира не выводились из обращения и функционировали на местных рынках вместе с «медяками» Мунке. Исходя из этого, можно рассмотреть суммарную метрологию монет с именами ан-Насира и Мунке.

Зависимость количества медных монет с именами ан-Насира и Мунке от значения их веса. Учтено 100 экз. Шаг 0,3 г. Ось X – вес в г, ось Y – кол-во в экз. Гистограмма 2

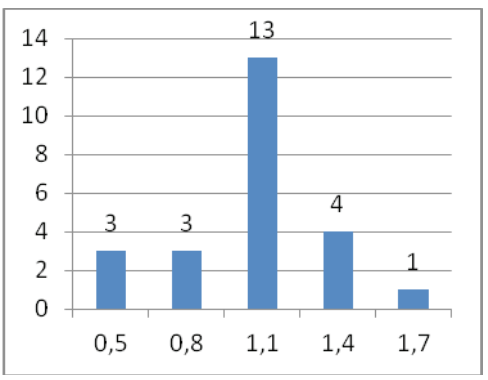


Мода$_{max}$ 2,3±0,2 г (18 экз., 18,0%). На гистограмме, построенной с шагом 0,1 г, второстепенные моды прослеживаются на значениях 1,8±0,2 г и 3,3±0,2 г. Из гистограммы 2 видно, что максимум и второстепенные моды совпадают с пиками гистограммы 1. В Сводной таблице учтено 100 экз. медных монет с именами ан-Насира и Мунке. Однако это не окончательные цифры. Е.П. Казаков пишет: «При этом на последнем (Семеновском могильнике. – *А.Б*), расположенном между I и V Семеновскими селищами, собрано много монет, в том числе Насир лид-Дина XIII в.» (Казаков, 1988, с. 74). Большое количество медных монет середины XIII в. свидетельствует об их востребованности и, следовательно, о существовании активной мелко-розничной торговли не только в Булгаре.

После прихода к власти в Улусе Джучидов Менгу-Тимура в Булгарском вилайате была сделана попытка выпускать медные монеты с его тамгой. Один экземпляр такой монеты (С/65 – см. в таблице № 157) был обнаружен среди находок с Семеновского острова.

После кратковременной эмиссии С/65 медная монета в регионе не чеканилась почти 60 лет. В конце 1320-х гг. здесь снова было налажено производство «меди». Пулы «тамга в треугольнике» чеканились в большом количестве со множеством штемпельных вариантов, возможно – на нескольких монетных дворах.

Зависимость количества пулов «тамга в треугольнике» от значения их веса. Учтено 24 экз. Шаг 0,3 г. Ось X – вес в г, ось Y – кол-во в экз. Гистограмма 3



Мода$_{max}$ 1,1±0,2 г. Средний вес пулов (без учета одной самой легкой и одной самой тяжелой) – 1,08 г, что сопоставимо с показателем 0,97 г (средний вес 16 пулов «тамга в треугольнике» из раскопа CLXXXV Болгарского городища; Бугарчев, Сивицкий, 2016, с. 212).

В 732/ 1332 г. на монетном дворе Булгар стали выпускаться новые монеты – пулы «тамга в звезде».

Среди многочисленных находок медных монет последующих периодов встречаются пулы с указанием места чеканки Сарай, Сарай ал-Джадида, Гулистан и Мохши.

Таким образом, нумизматический материал XIII – первой трети XIV в. свидетельствует о существовании на территории поселений Семеновского региона значительного уровня денежного обращения. По нашим данным, Семеновский комплекс по общему количеству монетных находок указанного времени, находится в одном ряду с Джукетау и Старонохратским комплексом. Большее количество нумизматического материала было найдено только на Болгарском городище.

ЛИТЕРАТУРА

Беговатов Е.А. Волжская Булгария (Измерский регион) конца X – начала XI в. по нумизматическим данным // Клады: состав, хронология, интерпретация / Отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб., 2002. С. 193–196.

Беговатов Е.А. Находки золотоордынских монет в Нижнем Прикамье // Тр. I Междунар. нумизмат. конф. М.: Нумизмат. лит-ра, 2005. С. 45–46.

Беговатов Е.А. Пачкалов А.В. Новые находки джучидских монет в Республике Татарстан // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне. Тр. ГИМ. Вып. 184. М., 2013. С. 183–196.

Бугарчев А.И. Топография находок медных монет с именем ан-Насира «архаичного» типа // Материалы II Региональной науч.-практич. конф. «Болгарский музей-заповедник – хранитель культурного наследия». Болгар, 2016. С. 19–27.

Бугарчев А.И., Степанов О.В. Клад золотоордынских монет из Татарстана // Нумизматика Золотой Орды. 2015. № 5. С. 16–21.

Бугарчев А.И., Степанов О.В., Дзюба Ю.В. К атрибуции булгарского дирхема XIII в. с изображением «лебедя» // Традиционная культура тюркских народов в изменяющемся мире: материалы I Междунар. науч. конф. Казань: Изд-во «Ак Буре», 2017. С. 66–68.

Бугарчев А.И., Федорова Е.А. Медные булгарские монеты XIII в. из фондов БГИАМЗ // Материалы научно-практического семинара «Болгарский музей-заповедник – хранитель культурного наследия», посвящ. пятилетию создания Республиканского Фонда возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан. Болгар, 2015. С. 66–77.

Казаков Е.П. Булгарские памятники приустьевой части Закамья и монгольское нашествие // Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань, 1988.

Мухаметшин Д.Г. Медные монеты Болгара и других золотоордынских городов. Каталог монет из фондов Института археологии АН РТ. Часть I. Казань, 2015. Рукопись.

Руденко К.А., Беговатов Е.А. Редкие археологические находки с Семеновского острова // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней) / Отв. ред. К.М. Байпаков. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 186–201.

Свод памятников археологии Республики Татарстан / Отв. ред. А.Г. Ситдиков, Ф.Ш. Хузин. Том 3. Казань, 2007. 528 с.

Сингатуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов XIII в. / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: «Заман», 2003. 192 с.

Информация об авторе:

Бугарчев Алексей Игоревич, младший научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Казань, Россия). Abugar.61@rambler.ru

About the author:

Bugarchev Alexey I., Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russia). Abugar.61@rambler.ru

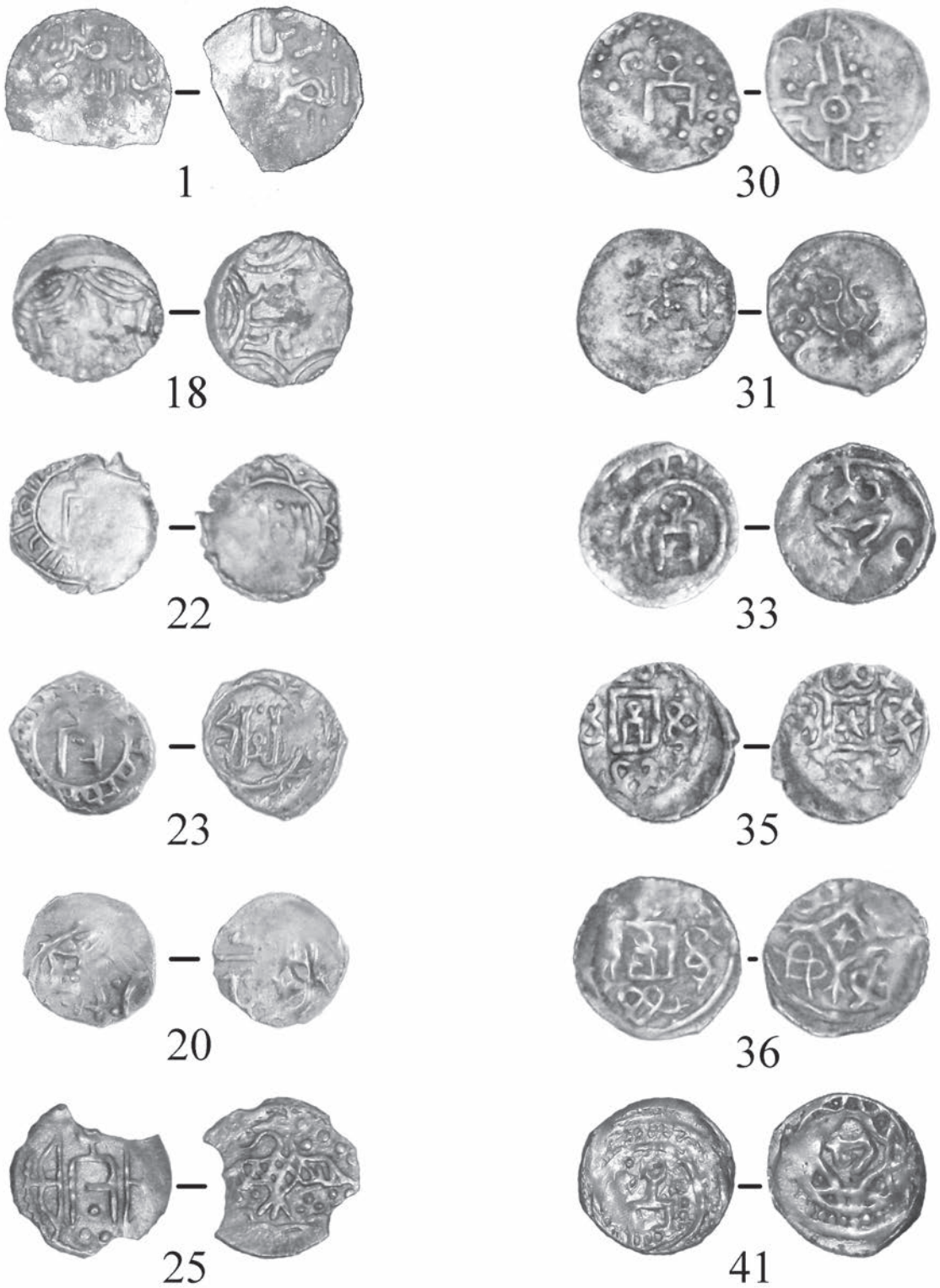


Рис. 1. Серебряные монеты Семеновского острова. Номера соответствуют номерам сводной таблицы.

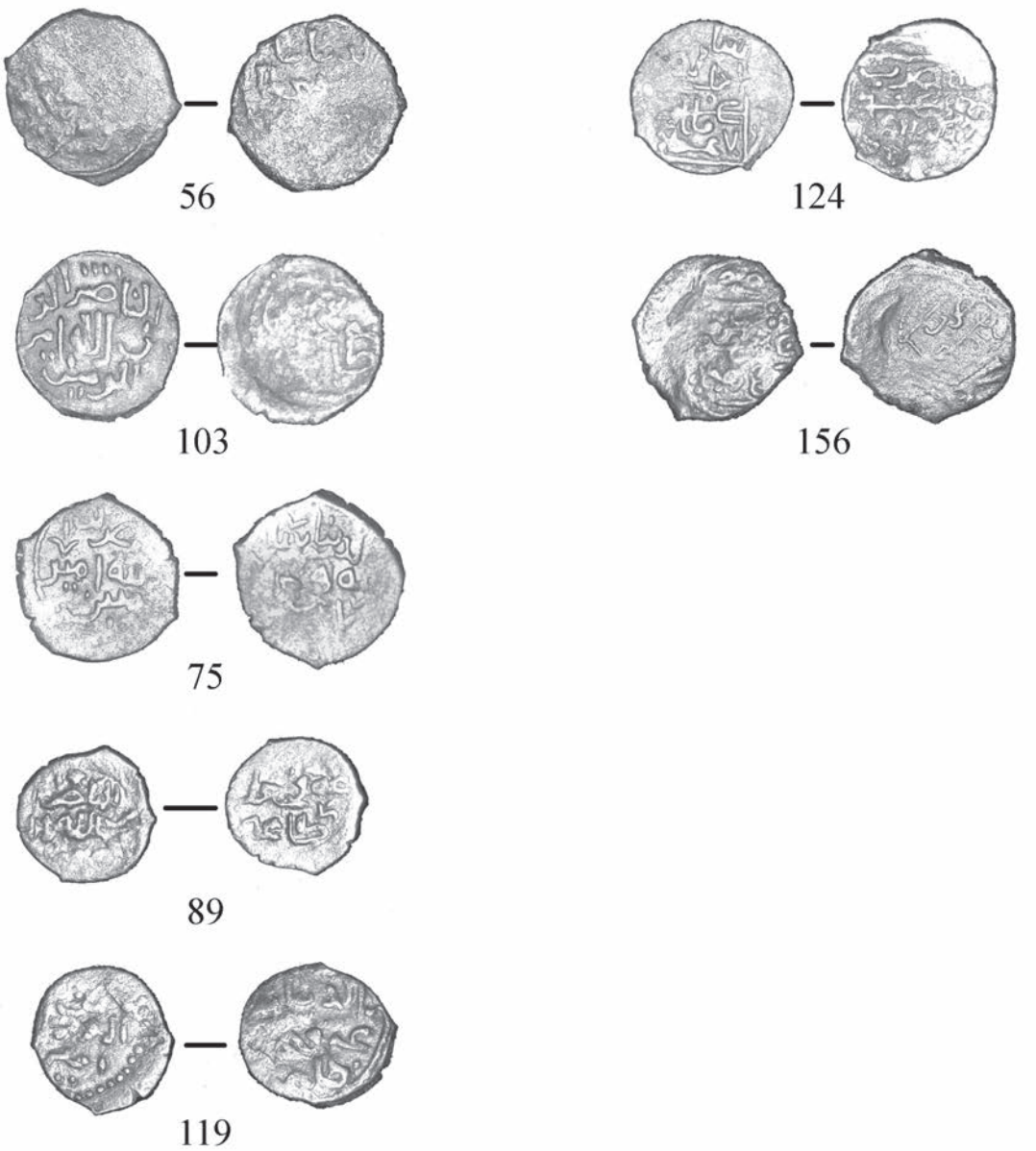


Рис. 2. Медные монеты XIII в. с Семеновского острова. С именем ан-Насира: 56 – 6,85; 103 – вес 3,27; 75 – вес 2,26; 89 – вес 2,65; 119 – вес 2,47. С именем Мунке: 124 – вев 2,82; 156 – вес 5,95.

удк 902.2

ПРОБЛЕМЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ НА ПРИМЕРЕ СТАРОКУЙБЫШЕВСКОГО КОМПЛЕКСА ПАМЯТНИКОВ

(работа подготовлена в рамках гранта Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ РФ № НШ-7170.2016.6.)

© 2017 г. Р.Р. Валиев

THE PROBLEM OF LOCALIZATION OF ARCHAEOLOGICAL SITES FOR EXAMPLE STARYI KUIBYSHEV COMPLEX

Работа посвящена проблемам, с которыми археологам приходится сталкиваться во время разведочных обследований памятников археологии и при составлении научных отчетов по итогам исследований, а именно проблемам локализации и атрибуции объектов культурного наследия. На примере Старокуйбышевского комплекса памятников рассмотрена история их изучения, динамика изменения месторасположения и смена наименования, вызванные различными объективными и субъективными факторами. Анализ имеющихся источников и литературы, а также проведенные полевые исследования и составление инструментальных топопланов памятников с использованием современных геоинформационных систем позволили упорядочить и картографировать объекты, входящие в Старокуйбышевскую группу памятников.

Ключевые слова: археология, археологические разведки, объекты культурного наследия, археологические памятники, локализация, Старокуйбышевский комплекс памятников.

The work examines the problems that archaeologists face during exploratory surveys of archaeological sites, and further in the preparation of scientific reports on the results of the research, namely to problems of localization and attribution of the objects of cultural heritage. A case study of the Staryi Kuibyshev complex of archaeological sites considers the history of their investigation, dynamics of their location and change of their names due to various objective and subjective factors. Analysis of the available sources and literature as well as field investigations and drafting the tool topoplans using modern geographic information systems, allowed the authors to organize and map the objects in the Staryi Kuibyshev group of sites.

Keywords: archaeology, archaeological survey, cultural heritage, archaeological sites, localization, Staryi Kuibyshev complex of monuments.

Локализация археологических памятников, являющихся объектами культурного наследия (далее ОКН) федерального значения, на современном этапе тесно связана с проблемами их научной интерпретации, определением историко-культурной значимости и организации охраны. Одним из комплексов археологических памятников на территории РТ, где ведется работа в этом направлении, является группа объектов в районе современного с. Куралово Спасского района, известного как Старокуйбышевский комплекс.

Локализация Старокуйбышевского комплекса археологических памятников ведется в рамках реализации программы Республиканского Фонда возрождения памятников истории и культуры, направленного на содействие развития Болгарского музея-заповедника, достопримечательного места «Остров-град Свияжск» и иных памятников истории и культуры, расположенных на территории Татарстана. Разведочные обследования начались с 2014 г. в округе Болгарского городища, в основном в островной и прибрежной зоне Куйбышевского водохранилища. Эти работы предполагали мониторинг и локализацию ранее известных археологических памятников, а также выявление новых ОКН, определение их культурно-хронологических параметров и границ, составление инструментальных топопланов памятников с использованием современных средств позиционирования и геодезии.

В процессе подготовительных изысканий, во время разведочных обследований и при составлении отчетов столкнулись с проблемой локализации и атрибуцией некоторых ранее известных и вновь выявленных памятников археологии. В первую очередь, данная проблема связана с удаленностью от существующих населенных пунктов или отсутствием их или иных недвижимых объектов в ближайшем расстоянии, к которым привязывались археологические памятники. Некоторые памятники сориентированы на населенные пункты, располагающиеся на значительном расстояние (до 8 км и более), при этом расстояние измерялось «на глаз». Кроме того, большинство памятников, выявленных на момент или после заполнения водохранилища, привязаны к несуществующим ныне населенным пунктам, перенесенным в связи с образованием водохранилища. Во-вторых, после заполнения водохранилища в результате затопления участков суши, рек, проток, озер, оврагов, ложбин и т.д. сильно изменился облик местности. Вследствие размывания берегов островов и полуостровов, образовавшихся после заполнения, их конфигурация меняется в зависимости от расположения в акватории водохранилища. Острова, расположенные к югу и юго-востоку от основного бассейна водохранилища, интенсивно размываются с севера и запада, так как открыты для ветров, и наоборот заболачиваются, прирастают намытыми участками, зарастают камышом с юга и юго-востока, где они прикрыты участками суши. В-третьих, для многих неукрепленных памятников (селищ, стоянок, поселений, могильников и т.д.) отсутствуют топографические планы, что в совокупности с ошибочным указанием стороны света затрудняет их локализацию. Тем более, практически невозможно определить точное месторасположение памятников, привязанных относительно друг друга, если хотя бы один из них не имеет жесткой привязки. Ярким примером этому служат Старокуйбышевские поселения I–V и могильник. Еще одной причиной, затрудняющей определение месторасположения памятников, является разночтения в названиях. Так, один и тот же памятник у одного и того же исследователя может именоваться и располагаться абсолютно по-иному, не говоря о памятниках, обследованных разными исследователями в другие годы. Наша работа была направлена на выправление ситуации с конкретной Старокуйбышевской группой памятников[1].

Старокуйбышевская группа археологических памятников располагается в прибрежной зоне и на островах в акватории Куйбышевского водохранилища в пределах Спасского района Республики Татарстан (рис. 1). Они получили свое название от ближайшего населенного пункта – г. Куйбышева (бывш. Спасск), который перед заполнением водохранилища перенесен в современный г. Болгар. Вследствие этого, местность, где раньше располагался г. Куйбышев (Спасск), именуется «Старый город». Соответственно, ближайшие памятники получили названия «Куйбышевские» или «Старокуйбышевские».

До образования водохранилища данная территория представляла собой пойму и первую надпойменную террасу левого берега р. Волги, изрезанную малыми и средними реками, ручьями, протоками и старичными озерами (рис. 2). После образования Куйбышевского водохранилища в 1955–1957 гг. сохранились только наиболее возвышенные участки первой надпоймы в виде островов и полуостровов, возвышающихся на высоту от 1 м до 5 м над уровнем водохранилища по «низкой» воде и почти полностью затопляемые в период половодий (рис. 3). В 2001 г. на данной территории общей площадью 17979 га образован государственный природный комплексный заказник «Спасский». Он включает в себя 60 островов, на которых локализовано более 100 памятников археологии (рис. 4).

Первые памятники археологии на данной территории были известны еще со второй четверти XIX в., главным образом, это городища, окруженные валами и рвами, а также засечные укрепления позднего средневековья и Нового времени. В частности, у С.М. Шпилевского со ссылкой на статью неизвестного автора, сообщается о «признаках древнейшего поселения» на месте г. Спасска (Шпилевский, 1877, с. 329). Кроме того, в 1869 г. близ г. Спасска был обнаружен клад

[1] Историографический обзор исследования Старокуйбышевского комплекса памятников, относящихся к домонгольской Волжской Булгарии, частично опубликован. См.: Валиев Р.Р. Старокуйбышевский комплекс памятников: новый взгляд и перспектива исследований // III Междунар. конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй / Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдиков. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 68–72.

ювелирных изделий IX–XI вв. (Шпилевский, 1877, с. 330).

В 1946 г. в Восточном Закамье работала экспедиция под руководством Н.Ф. Калинина, которая выявила и обследовала 78 памятников археологии, в том числе ***Старокуйбышевское городище***[2], могильник и три селища (I, II и III) (Калинин, 1946). Им составлено подробное описание городища на момент заполнения водохранилища, снят топографический план и в целях выяснения характера отложения культурных напластований произведены зачистки обнажений и заложен шурф. Результаты разведочного обследования Н.Ф. Калинина были опубликованы (Калинин, 1952, с. 52–66; Калинин, Халиков, 1954).

Позднее городище посещалось во время разведочных обследований, однако стационарные охранные раскопки проводились лишь в 80–90-х гг. XX в. В 1984 г. на городище работал отряд М.М. Кавеева (Кавеев, 1985). Раскопки городища проводились И.Л. Измайловым и А.М. Губайдуллиным в 1987 г. и 1989–90 гг. Исследователями изучен южный вал, выявлены остатки внутривальных конструкций. Результаты раскопок частично опубликованы (Измайлов, Губайдуллин, 1992, с. 79–89).

В 1996 г. А.М. Губайдуллин и М.М. Кавеев продолжили раскопки на городище. Ими был заложен раскоп площадью 80 кв. м в северо-западной части, вдоль обрыва, подвергающегося интенсивной береговой эрозии (Губайдуллин, Кавеев, 1997). Раскопом изучены хозяйственные и жилые постройки XI – начала XIII вв. (Губайдуллин, 2012, с. 223–229).

В настоящее время городище сильно размывается водохранилищем, особенно интенсивно разрушается северо-западная и северо-восточная части памятника. В относительно удовлетворительном состоянии находятся только южные укрепления в виде рва и расплывшегося вала. Сохранившаяся площадь городища составляет чуть более 11 тыс. кв. м.

Старокуйбышевское (Куйбышевское) I селище, по сведениям Н.Ф. Калинина, впервые открывшим памятник, располагалось в 4,5 км к западу от г. Куйбышева (г. Спасск) на левом берегу р. Бездна. В отчете, на карте археологической экспедиции, составленном по результатам разведок, селище локализовано на месте впадения в р. Бездну истока Монастырский и поворота р. Бездна на север (Калинин, 1946, л. 4, 30, чертеж 1). В Археологической карте ТАССР селище представлено согласно описанию Н.Ф. Калинина (Археологическая карта, 1986, с. 46, № 264), в Своде археологических памятников Республики Татарстан не обозначен. Таким образом, Старокуйбышевское (Куйбышевское) I селище располагается 4,5 км к ЗЮЗ от западной оконечности бывш. г. Куйбышева. В настоящее время размыт.

Старокуйбышевское (Куйбышевское) II селище, впервые выявленное в 1946 г., располагалась, по данным Н.Ф. Калинина, в 1,5 км к востоку от г. Куйбышева (г. Спасск) на левом берегу р. Бездна и имел протяженность в 500 м. Памятник отнесен к «раннебулгарской» и «позднегородецкой», т.е. к домонгольской булгарской и именьковской культурам. На карте археологической экспедиции, составленном по результатам разведок, селище отмечено к востоку от городища и к северу от Куйбышевско-Кураловского вала (Калинин, 1946, л. 4, 30, чертеж 1). Позднее, в процессе разводочных работ на водохранилище в 1964 г., Старокуйбышевское (Куйбышевское) II селище Е.П. Казаковым уже локализовано в 1 км к востоку от бывш. г. Куйбышева на левом берегу р. Бездна напротив Старокуйбышевского городища (Казаков, 1967, л. 11, табл. V). В результате разведок в последующие годы у того же исследователя на том же месте уже располагается Старокуйбышевское III селище и II могильник (Казаков, 1974, л. 21, рис. 5), V селище (Казаков, 1984; 1991, с. 21, рис. 7), или же, по составленному им плану, локализация памятников не представляется возможным (Казаков, 1979, л. 14, рис. 33). В Археологической карте ТАССР и в Своде археологических памятников Республики Татарстан данный памятник не упоминается. Таким образом, исходя из первоначальных данных, составленных Н.Ф Калининым, Старокуйбышевское (Куйбышевское) II селище, скорее всего, располагалось в 600 м к востоку от городища (1,5 км от бывшего г. Куйбышева), на затопленной косе, выступаемой только по «низкой» воде. В настоящее время памятник размыт.

Старокуйбышевское (Куйбышевское) III селище открыто в 1946 г., по описанию первооткрывателя Н.Ф. Калинина, оно располагается на левом берегу р. Бездна на территории бывшего г. Куйбышева (Спасска). Судя

[2] Постановлением Совета министров ТАССР № 591 от 30.11.1959 г. включен в число объектов культурного наследия, подлежащих государственной охране.

по Карте археологической экспедиции 1946 г., составленного тем же Н.Ф. Калининым, селище находится на юго-восточной окраине бывшего г. Куйбышева, в излучине р. Бездна, к югу напротив городища и к юго-западу от Куйбышевско-Кураловского вала. Размеры памятника 200 х 60 м. Культурная принадлежность определена как именьковская и булгарская (Калинин, 1946, л. 4, 30, чертеж 1). Разведочные исследования на Куйбышевском водохранилище, начавшиеся с 1960-х гг., внесли путаницу в локализацию и данного памятника. Так, по результатам разведок 1964 г. Е.П. Казаков, обозначая Старокуйбышевскую группу памятников, III селище со знаком вопроса расположил к югу от II селища и II могильника, в излучине левого берега р. Бездна на месте впадения в нее безымянной протоки, на правом берегу последней. Описание в отчете отсутствует (Казаков, 1967, л. 11, табл. V). В последующем тот же исследователь территорию III селища располагал на всем левобережье р. Бездны к востоку, напротив городища (Казаков, 1974, л. 4–5, 21, рис. 5), а позднее неправильно указывал на искаженном плане расположения Старокуйбышевской группы памятников (Казаков, 1979, л. 14, рис. 33).

В Археологической карте ТАССР Куйбышевское (Старокуйбышевское) III селище, со ссылкой на разведочные исследования Н.Ф. Калинина 1946 г., локализован «в 1 км к юго-востоку от центра бывшего города» (Археологическая карта, 1986, с. 48, № 278). В Своде археологических памятников Республики Татарстан памятник под названиями «Куйбышевское селище III» и «Старокуйбышевское селище III» обозначен аж дважды (Свод памятников, 2007, с. 332, 345, № 2867, № 3022).

Разведочными обследованиями, проведенными под руководством Р.Р. Валиева в 2015 г., Старокуйбышевское III селище локализовано на левом берегу излучины р. Бездна на месте впадения в нее безымянной протоки, на левом берегу последней, в 450 м к югу от южных оборонительных сооружений Старокуйбышевского городища (Валиев, 2016, Т. I, л. 117, 134–142; Т. III, с. 2, 168–169, 197–211, рис. 1, 236–237, 274–295).

В 2016 г. вдоль размываемой северной береговой линии селища проведены исследования двумя раскопами общей площадью 978 кв. м. На раскопах изучены остатки двух жилищ-полуземлянок с тяготеющими к ним круглыми в плане хозяйственными ямами. Одна из полуземлянок квадратной формы размерами 4 х 4 м с центральным опорным столбом и очагом, вторая плохой сохранности с очажным прокалом по центру. Вероятно, данные комплексы составляют две усадьбы одного поселения. По совокупности находок памятник можно отнести к эпохе Великого переселения народов и датировать IV в. н.э. (Валиев и др., 2017, с. 24–25).

На этом же месте, т.е. «на юго-восточной окраине бывшего города на мысу, образованном излучиной реки Бездна и левым безымянным ее притоком» разведкой ТАЭ в 1967 и 1971 гг. выявлен новый памятник, обозначенный как ***Старокуйбышевская II стоянка***. Подъемный материал состоял из каменных изделий и фрагментов накольчатой керамики (Археологическая карта, 1986, с. 48, № 279). Однако, стоянка под этим названием уже была открыта в 1946 г. разведочной экспедицией под руководством Н.Ф. Калинина. По его данным, Старокуйбышевская II стоянка располагалась «на левом низменном берегу р. Бездны (надпойменная терраса) в 1 км к западу от г. Куйбышева, по дороге из него в Куйбышевский затон» (Калинин, 1946, л. 4, 7, чертеж 1). Памятник в настоящее время размыт и затоплен. В Археологической карте ТАССР оба памятника учтены под одним названием и получили №№ 279 и 265 соответственно (Археологическая карта, 1986, с. 46, 48), в Своде присутствует только один под № 3007, соответствующий № 279 в Археологической карте ТАССР (Свод памятников, 2007, с. 344).

Кроме того, в 1973 г. в ходе разведочного обследования Е.П. Казакова в зоне Куйбышевского водохранилища в пределах Спасского и Алексеевского районов после сильного спада уровня воды на водохранилище открыты три стоянки, в том числе и «Старокуйбышевская II стоянка». Однако, по данным Е.П. Казакова, «стоянка расположена на вышедшем из-под воды узком полуострове на левом берегу р. Бездны к северу от II Старокуйбышевского могильника» (Казаков, 1974, л. 5, 21, рис. 5). В Археологической карте ТАССР, стоянка, выявленная Е.П. Казаковым, обозначена как «Старокуйбышевская III стоянка» (Археологическая карта, 1986, с. 48 № 282). В Свод археологических памятников Республики Татарстан, куда сведения скопированы из Археологической карты, данный памятник также включен как ***«Старокуйбышевская III стоянка»*** (Свод памятников, 2007, с. 344, № 3008).

Таким образом, выявлены три разных памятника, обозначенных как «Старокуйбышевская II стоянка». На основании данных 1946 г. Постановлением № 591 Совета министров Татарской АССР от 30 октября 1959 г. «Стоянка Куйбышевская 2-я (Старокуйбышевская стоянка II)» была включена в число объектов культурного наследия, подлежащих государственной охране. В настоящее время две стоянки размыты или затоплены, третий памятник, расположенный на месте локализации Старокуйбышевского III селища, размывается.

К сожалению, планомерные археологические исследования на памятниках у бывшего г. Куйбышева начали производиться только с 60-х годов XX в., когда территория уже была затоплена. В 1960–80-е гг. на городище и на прилегающих памятниках неоднократно работал разведочный отряд Е.П. Казакова (Казаков, 1961; 1967; 1974; 1976; 1981). Кроме обследования уже известных памятников, Е.П. Казаковым был открыт ряд объектов различных эпох, в том числе Старокуйбышевские IV, V селища и II могильник (Казаков, 1961). Результаты разведок частично опубликованы (Казаков, 1979, с. 177; 1984, с. 39–64; 1991).

Старокуйбышевское IV селище располагается в западной части одного из островов в 500 м к северу от городища. До затопления место расположения селища представляло собой участок поймы между правым берегом р. Бездна и его безымянным притоком. Первоначально размеры селища определены как 300 х 150 м (Археологическая карта, 1986, с. 58, № 349). По Е.П. Казакову, площадь селища составляет уже около 100 тысяч кв. м (Казаков, 1991 с. 22), что подтверждается последними исследованиями (Валиев, 2016, Т. I, с. 117, 142-151; Т. III, с. 2, 168–169, 212–223, рис. 1, 236–237, 296–312).

В последующие годы Старокуйбышевское IV селище не раз посещалось исследователями в ходе разведочных обследований. В процессе разведок в основном производилось описание состояния памятника, сбор подъемного материала и реже составлялась схема местности с указанием Старокуйбышевской группы памятников (Беговатов, 1986, л. 3–4; 1988, л. 7; Зарифуллин, 2006, л. 6–7; Кавеев, 1985, л. 4–6; Халиков, 1971, л. 65–70).

На восточной окраине селища располагается ***Старокуйбышевский I могильник***[3]. Он находится в 550 м на северо-восток от городища. Могильник выявлен в 1946 г. (Калинин, 1946), обследовался в 1961–1979 гг. (Казаков, 1961; 1967; 1974), а в 1972 г. на памятнике проводила раскопки Е.А. Халикова (Халикова, 1976, с. 39–59). В общей сложности с разведочными исследованиями на могильнике вскрыты 45 погребений XI – XIII вв. (Халикова, 1986, с. 118–120). Размываемые погребения данного могильника зафиксированы и во время разведочного обследования 2015 г. (Валиев, 2016).

Судя по Археологической карте, в 1961 г. археологическим отрядом КФАН СССР под руководством Е.П. Казакова на левом берегу р. Бездна в 300 м к югу от городища открыто ***Старокуйбышевское V селище.*** Отмечается, что памятник сильно подтоплен, при этом его площадь составляет около 5 га. Собранный подъемный материал представлен как именьковскими, так и домонгольскими булгарскими находками. Культурный слой составлял 80–90 см. На размытой части зафиксированы различные объекты (Археологическая карта, 1986, с. 48, № 280). Однако в материалах разведок 1961 г. (ни в отчете, ни в дневниках и чертежах) памятника с таким названием нет. Тем более, во время разведочных работ в последующие 1960–1970-е гг., данный памятник никак не фиксируется. По результатам разведочных работ 1964 г. на месте расположения Старокуйбышевского V селища Е.П. Казаков локализовал Старокуйбышевские II селище и II могильник, на южной окраине которых выделено III селище (со знаком вопроса) (Казаков, 1967, л. 11, табл. V). По данным разведок 1971 и 1973 гг. у того же исследователя на рассматриваемом участке уже расположено Старокуйбышевское III селище (Казаков, 1974, л. 4–5, 21, рис. 5), а в отчетах и публикациях с 1984 г. памятник уже обозначен как Старокуйбышевское V селище (Казаков, 1984, с. 39–64; 1991, с. 21, рис. 7; Кавеев, 1985, л. 6, 21, рис. 11). В публикации 1976 г., посвященной ранним домонгольским булгарским памятникам, видимо, речь идет также о рассматриваемом селище (Хлебникова, Казаков, 1976, с. 117–118).

До 80-х гг. XX в. на памятнике в основном производился сбор вымытого из слоя находок, а также велись исследования объектов, выявленных на размытых участках селища. Так, «в 1982 г. на северо-восточной части памятника (на самом деле в северной части. – *Р.Р.*) была проведена шурфовка остатков слоя и фиксация сооружений» (Казаков, 1984, с. 40), когда удалось зафиксировать остатки

[3] Постановлением Совета министров ТАССР № 591 от 30.11.1959 г. включен в число объектов культурного наследия, подлежащих государственной охране.

прямоугольного в плане жилища размерами 340 х 320 см и круглых хозяйственных ям диаметром 120–200 см. Сообщается, что на размыве берега прослеживались развалы очагов из известняковых и песчаниковых камней размером 110 х 110 см. Стратиграфия представляла собой дерн (10 см), подстилаемый черноземом толщиной 80 см, который покоится на материковой глине. Мощность слоя 40 см (Казаков, 1984, с. 40).

Исходя из анализа широкого ассортимента находок, представленных лепной и круговой керамикой, серебряными арабскими дирхемами X – начала XI вв., металлическими предметами, изделиями из кости, стекла, глины и камня, памятник датирован X – началом XIII вв. (Казаков, 1979, с. 177; 1984, с. 39-64)

В 1986–1987 гг. в северной части памятника проводил раскопки М.М. Кавеев. Однако отчеты по итогам исследований V селища в архивах отсутствуют. В тех же полевых сезонах М.М. Кавеев юго-западную часть селища размером 200 х 40–45 м по границе заболоченной ложбины выделил в отдельный памятник под названием ***«Старокуйбышевское VI селище»*** и провел на нем раскопки. В общей сложности им было заложено три раскопа, однако, сведения имеются только по двум. Раскоп I площадью 100 кв. м (1986 г.) располагался вдоль размываемой береговой линии. Раскопом I исследовано 5 объектов: зерновые, хозяйственные и столбовые ямы (Кавеев, 1986). Судя по плану, раскоп II (1987 г.) заложен как продолжение раскопа I (1986 г.), однако других сведений о нем найти не удалось. Раскоп III (1987 г.) площадью 44 кв. м располагался по центру «Старокуйбышевского VI селища». Раскопом выявлено 6 сооружений, из которых вследствие высокого уровня воды удалось выбрать лишь две зерновые ямы. Стратиграфия на данном участке памятника выглядела следующим образом: дерн толщиной 15–25 см располагался на плотном зернистом черноземе с редкими включениями угля и линзами глины (мощность 30–50 см), который покоился на серо-желтом материковом суглинке. Находки с раскопов и со сборов подъемного материала с размытых участков представлены булгарской домонгольской круговой керамикой, лепной керамикой, железными предметами и изделиями из камня (Кавеев, 1987). Памятник под названием «Старокуйбышевское VI селище» отсутствует в едином государственном реестре ОКН и Списке выявленных объектов археологического наследия Министерства культуры РТ, а также не учтен в Археологической карте ТАССР (1986 г.) и Своде памятников археологии Республики Татарстан (2007 г.).

В 1989 г. в северной части селища проводили исследования И.Л. Измайлов и И.Р. Газимзянов. Они на размытом мысовом выступе после спада уровня воды расчистили ряд объектов, выявленные на фоне материкового суглинка. На одном объекте, исследованном раскопом площадью 36 кв. м, удалось зафиксировать прямоугольную в плане яму размерами 3,2 х 3,7 м, углами ориентированную по сторонам света. На уровне дна сооружения выявлены две круглые ямы диаметрами 80 см и 125 см, оконтуренные полосой прокала. Сооружение интерпретировано исследователями как полуземлянка с разновременными печами. К северо-западу от сооружения располагались две круглые хозяйственные ямы, в заполнении одной из которых расчищено братское захоронение – 13 человеческих костяков. Второе такое же захоронение с тремя костяками обнаружено в заполнении зерновой ямы, остатки которой расчищены в 350 м к югу от землянки (Измайлов, Газимзянов, 1992, с. 89–105).

В 2015 г. на Старокуйбышевском V селище снят инструментальный топографический план, определены границы памятника, произведены зачистки обнажения берега и собран подъемный материал (Валиев, 2016). Памятник интенсивно размывается водохранилищем. Современная его площадь составляет около 57750 кв. м.

В 2016 г. на Старокуйбышевском V селище были проведены исследования двумя раскопами общей площадью 704 кв. м. Раскопами выявлены остатки двух деревянных наземных сооружений, погреб жилища, 66 хозяйственных и столбовых ям. Жилища представлены срубами размерами 4 х 4 м, в углу которых были устроены печи, сложенные из известняка, кирпичей и глины. После гибели большинства объектов в результате пожара на данном участке появляется кладбище (Валиев и др., 2017, с. 26–28).

В южной части Старокуйбышевского V селища во время разведочного обследования 1961 г. выявлены человеческие костяки (Археологическая карта, 1986, с. 48. № 281). В том же году и во время последующих изысканий здесь вскрыт ряд мусульманских погребений, отнесенных к периоду домонгольской Волжской Булгарии (Казаков. 1967, л. 11–13, табл. V; 1974, л. 5, 21, рис. 5). Памятник получил

название ***Старокуйбышевский II могильник.*** Погребения, совершенные по мусульманскому обряду, выявлены и в северо-восточной части Старокуйбышевского V селища (Казаков, 1991, с. 21, рис. 7).

Во время исследований Старокуйбышевского V селища в 2016 г. удалось зафиксировать северную границу Старокуйбышевского II могильника. На раскопе II, заложенном в западной части памятника вдоль береговой линии, расчищено 8 погребений, совершенных по мусульманскому обряду. Установлено, что могильник связан с V селищем. Горизонт слоя запустения территории поселения перекрывает могильник.

По сведениям, содержащимся в Археологической карте ТАССР, в 1964 г. разведкой ТАЭ в северо-восточном конце бывшего г. Куйбышева (Спасск) был открыт еще один мусульманский некрополь – ***Старокуйбышевский III могильник***. Он располагался на краю высокой песчаной террасы левого берега р. Бездна, в 700 м к северо-западу от Старокуйбышевского городища (Археологическая карта, 1986, с. 47–48, № 277). В 1964 г. в рассматриваемом районе разведочные обследования отрядом ТАЭ проводил Е.П. Казаков. Однако в научном отчете, составленном по итогам работ, сведения о таком памятнике отсутствуют. Судя по описанию, вероятно, в настоящее время памятник полностью размыт.

Сведения о ***«Старокуйбышевском IV могильнике»*** отсутствуют.

В 1964 г. Е.П. Казаковым в северной части перешейка между городищем и IV селищем (у южной оконечности IV селища) после спада воды обнаружены размываемые погребения. Памятник получил название ***«Старокуйбышевский V могильник»*** (Археологическая карта, 1986, с. 57–58. № 348). Здесь выявлены две неправильные могильные пятна с выступающими костяками. В одном погребении костяк ориентирован головой на запад, руки согнуты на локтях, кисти уложены на правое плечо, ноги согнуты и свалены вправо. Другой погребенный, судя по непотревоженным костям, ориентирован на восток – северо-восток, лежал на спине (один с поворотом на левый бок), ноги подогнуты. Вещевой материал отсутствовал. По расположению костяков могильник отнесен к эпохе бронзы – к срубной КИО (Казаков, 1974, л. 5–6, 21, рис. 5).

В настоящее время могильник затоплен.

В 1995 г. И.Р. Газимзяновым на правом берегу протоки левого притока р. Бездна обнаружен размываемый некрополь, обозначенный им как ***«Старокуйбышевский VI могильник»***. Он располагается в 1,16 км к югу от городища и 0,9 км к югу юго-западу от V селища. В том же году на могильнике расчищены 15 мусульманских погребений. Памятник отнесен к периоду домонгольской Волжской Булгарии (Газимзянов, 1996). Однако результаты исследований не были опубликованы, а также не вошли в итоговый «Свод памятников археологии Республики Татарстан в 3-х томах», изданный в 2007 г., данный памятник отсутствует в едином государственном реестре ОКН и Списке выявленных объектов археологического наследия Министерства культуры РТ. Вследствие этого, ***Старокуйбышевским VI могильником*** обозначен новый некрополь позднего бронзового века, выявленный в 2015 г. в 350 м к северо-востоку от IV селища и в 360 м к северу от I могильника (Валиев, 2016, Т. I, с. 151–158; Т. III, с. 224–236, рис. 313–329). Результаты разведок частично опубликованы (Лыганов и др., 2015, с. 83–103). Исходя из вышеизложенного, могильник, выявленный и исследованный И.Р. Газимзяновым в 1995 г. предлагается обозначить как ***«Старокуйбышевский VII могильник»***.

В 2015 г. во время разведок в зоне Куйбышевского водохранилища при обследовании северо-восточной оконечности Спасского острова у края обрывистого берегового склона, на участке протяженностью около 80 м было обнаружено скопление подъемного материала, состоящее в основном из булгарской домонгольской круговой керамики. Указанная территория находится на расстоянии 3,1 км к западу от западной окраины с. Куралово и 420 м к северо-западу от Старокуйбышевского городища. До заполнения водохранилища исследуемая территория представляла собой левый берег р. Бездна, и располагалась в восточной оконечности г. Куйбышева (Спасска) (Валиев, 2016). В процессе анализа всех имеющихся отчетных материалов и публикаций, посвященных изучению Старокуйбышевской группы памятников, установлено, что данное селище является новым памятником, и он обозначен как ***«Старокуйбышевское VII селище»***.

В 2016 г. здесь проведены исследования раскопом площадью 106 кв. м. Мощность слоя вне ям составила 26–112 см. Выявлены 7 объектов X–XIII вв., частично разрушенных поздними перекопами строений г. Куйбышева (Спасска). Один из объектов (сооружение 9) является оборонительным рвом. Его макси-

мальная ширина составляет 380 см, глубина от дневного уровня 220 см. Ров треугольный в сечении и с канавкой по дну. Он вытянут по оси северо-восток – юго-запад практически параллельно руслу р. Бездна. Ближайшие аналогии – ров Коминтерновского II городища и раннедомонгольский ров Болгарского городища, также частично вытянутый вдоль Иерусалимского оврага. По мнению А.М. Губайдуллина, такого рода оборонительные укрепления датируются началом X в. (Губайдуллин, 2002; 2004, с. 78–79; 2011, с. 109–111; 2012, с. 250–253, рис. 2). Ров на обнаруженном нами памятнике во второй половине домонгольского времени (XII – начале XIII вв.) был засыпан и на его месте возникли хозяйственные и производственные объекты – гончарный горн и хозяйственные ямы.

Находки с селища представлены в основном круговой булгарской керамикой домонгольского периода. Встречено несколько фрагментов лепных именьковских сосудов и керамика салтово-маяцких истоков.

На расстоянии 450 м к западу северо-западу от Старокуйбышевского VII селища, в северо-восточной оконечности Спасского острова, у края обрывистого берега, на участке протяженностью около 90 м обнаружено скопление подъемного материала. Находки состояли из булгарской домонгольской керамики, фрагментов посуды салтово-маяцких истоков, а также именьковской и срубной культуры. Памятник обозначен как ***«Старокуйбышевское VIII селище»*** (находится на расстоянии 3,5 км к западу от западной окраины с. Куралово). До ввода в эксплуатацию Куйбышевского водохранилища исследуемая территория представляла собой левый берег р. Бездна. В позднее время территория являлась частью территории г. Куйбышева (Спасска) (Валиев, 2016). В настоящее время памятник интенсивно разрушается водохранилищем.

Кроме вышеперечисленных памятников Старокуйбышевскй комплекс включает такие объекты культурного наследия, как ***Старокуйбышевские могильник и поселения I–V***. Они обозначены в Археологической карте ТАССР под №№ 267, 270, 268, 269, 271 и 266, в Своде памятников археологии Республики Татарстан – №№ 3011 и 3017–3021, соответственно (Археологическая карта, 1986. с. 46–47; Свод памятников, 2007, с. 344–345). Однако из-за отсутствия точных координат и реперных привязок определить их месторасположение затруднительно. Памятники локализованы только относительно друг друга, в отчетных материалах сведения о них не содержаться. Вследствие этого они здесь не рассматриваются.

Таким образом, на сегодняшний день Старокуйбышевская группа памятников представляет собой слабоизученный археологический комплекс, к тому же с запутанной историей изучения. Освещенные нами проблемы позволяют упорядочить представления и картографировать объекты, входящие в Старокуйбышевскую группу памятников. Рассматриваемые памятники требуют проведения постоянного мониторинга их состояния и срочных исследований в силу интенсивного разрушения водохранилищем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Археологическая карта Татарской АССР (Западное Закамье) / Отв. ред. П.Н. Старостин. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. 112 с.

Беговатов Е.А. Отчет по разведочным работам по берегам Куйбышевского водохранилища в пределах ТАССР за 1985 год. Казань, 1986 / Архив НФ ИА АН РТ.

Беговатов Е.А. Отчет. Разведочные работы по берегам Куйбышевского водохранилища в пределах ТАССР за 1988 год. Казань, 1988 / Архив НФ ИА АН РТ.

Валиев Р.Р. Отчет об археологической разведке островов и участков береговой линии Куйбышевского водохранилища на территории Спасского района Республики Татарстан в 2015 г. Казань, 2016. Т. I / Архив НФ ИА АН РТ.

Валиев Р.Р. Отчет об археологической разведке островов и участков береговой линии Куйбышевского водохранилища на территории Спасского района Республики Татарстан в 2015 г. Казань, 2016. Т. II / Архив НФ ИА АН РТ.

Валиев Р.Р. Отчет об археологической разведке островов и участков береговой линии Куйбышевского водохранилища на территории Спасского района Республики Татарстан в 2015 г. Казань, 2016. Т. III / Архив НФ ИА АН РТ.

Валиев Р.Р. Отчет об археологической разведке островов и участков береговой линии Куйбышевского водохранилища на территории Спасского района Республики Татарстан в 2015 г. Казань, 2016. Т. IV / Архив НФ ИА АН РТ.

Валиев Р.Р., Вязов Л.А., Серых Д.В., Ситдиков А.Г. Новый памятник эпохи Великого переселения народов в Западном Закамье / Археологические исследования 2016 г.: Болгар и Свияжск. Казань: ЗАО «Издат. дом «Казанская недвижимость»», 2017. С. 24–25.

Валиев Р.Р. Старокуйбышевский комплекс памятников: новый взгляд и перспектива исследований // III Междунар. конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй / Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдиков. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 68–72.

Газимзянов И.Р. Научный отчет по раскопкам VI Старокуйбышевского могильника в 1995 году. Казань, 1996 / Архив НФ ИА АН РТ.

Губайдуллин А.М., Кавеев М.М. Отчет. Археологические исследования Старокуйбышевского (Кураловского) городища в 1996 г. Казань, 1997 / Архив НФ ИА АН РТ.

Губайдуллин А.М. Фортификация городищ Волжской Булгарии / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2002. 231 с.

Губайдуллин А.М. Исследование фортификационных сооружений X в. Болгарского городища // АО в Татарстане: 2002 год / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: «РИЦ» Школа, 2004. С. 78-79.

Губайдуллин А.М. Новые данные по оборонительным сооружениям Болгарского городища X в. // Научный Татарстан. 2011. № 2. С. 109–111.

Губайдуллин А.М. Исследования на Старокуйбышевском городище // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 223–229.

Губайдуллин А.М. Коминтерновское II городище // Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования, проблемы сохранения и музеефикации. (Тр. КАЭЭ. Вып. VIII) / Под. общ. ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГГПУ, 2012. С. 250–253.

Зарифуллин С.А. Отчет по разведочным работам в Спасском районе Республики Татарстан в зоне Куйбышевского водохранилища в 2005 году. Казань, 2006 / Архив НФ ИА АН РТ.

Измайлов И.Л., Газимзянов И.Р. Исследования полуземлянки и братских могил на Старокуйбышевском V селище // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань, 1992. С. 89–105.

Измайлов И.Л., Губайдуллин А.М. Укрепления Старокуйбышевского (Кураловского) городища // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1992. С. 79–89.

Кавеев М.М. Отчет о разведочно-охранных работах в зоне Куйбышевского водохранилища в пределах ТАССР в 1984 г. Казань, 1985 / Архив НФ ИА АН РТ.

Кавеев М.М. Отчет об исследовании VI Старокуйбышевского селища на раскопе I в 1986 году. Болгар, 1986 / Архив БГИАМЗ.

Кавеев М.М. Отчет об исследовании VI Старокуйбышевского селища на раскопе III в 1987 году. Болгар, 1987 /Архив БГИАМЗ.

Казаков Е.П. Отчет о разведочных работах IV отряда Татарской археологической экспедиции в 1961 г. Казань, 1961 / Архив НФ ИА АН РТ.

Казаков Е.П. Отчет о работах I-го разведывательного отряда Татарской археологической экспедиции в 1964 г. Казань, 1967 / Архив НФ ИА АН РТ.

Казаков Е.П. Отчет об охранных работах в зоне Куйбышевского водохранилища. Казань, 1974 / Архив НФ ИА АН РТ.

Отчет об охранно-разведочных работах в зоне водохранилищ Волго-Камского каскада в пределах Татарии в 1975 году. Казань, 1976 / Архив НФ ИА АН РТ.

Казаков Е.П. Отчет о работах в зоне водохранилищ на территории Татарии в 1978 году. Казань, 1979 / Архив НФ ИА АН РТ.

Казаков Е.П. Работы в зонах Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ. АО. 1979. С. 177.

Казаков Е.П. Отчет о работе раннеболгарской экспедиции в 1980 г. Казань, 1981 / Архив НФ ИА АН РТ.

Казаков Е.П. Отчет о работе раннеболгарской экспедиции в 1981 г. Казань, 1981 / Архив НФ ИА АН РТ.

Казаков Е.П. V Старо-Куйбышевское селище // Археологические памятники Нижнего Прикамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1984. С. 39–64.

Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.

Калинин Н.Ф. Отчет об археологической экспедиции по рекам Ахтаю и Бездне. Казань, 1946 / Архив НФ ИА АН РТ.

Калинин Н.Ф. Экспедиция по западным районам татарской АССР // КСИИМК. 1952. Вып. XLIV. С. 52–66.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1954. 126 с.

Лыганов А.В., Чижевский А.А., Валиев Р.Р., Еремин И.О. Погребальные памятники начала бронзового века в приустьевом Закамье // Поволжская археология. 2015. № 2. С. 83–103.

Свод археологических памятников Республики Татарстан. Т. 3 / Отв. ред. А.Г. Ситдиков, Ф.Ш. Хузин. Казань, 2007. 528 с.

Халиков А.Х. Отчет о работах на Куйбышевском водохранилище в 1971 г. Том I. Казань, 1971 / Архив НФ ИА АН РТ.

Халикова Е.А. Сельские кладбища Волжской Булгарии XII – начала XIII вв. // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1976. С. 39–59.

Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII вв. / Науч. ред. М.А. Усманов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986. 160 с.

Хлебникова Т.А., Казаков Е.П. К археологической карте ранней Волжской Богарии на территории ТАССР // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань, 1976. С. 109–136.

Шпилевский С.М. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Университетская типография, 1877. 620 с.

Информация об авторе:

Валиев Ренат Рафаилович, Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); vrr80@yandex.ru

About the Author:

Valiev Renat R. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; vrr80@yandex.ru

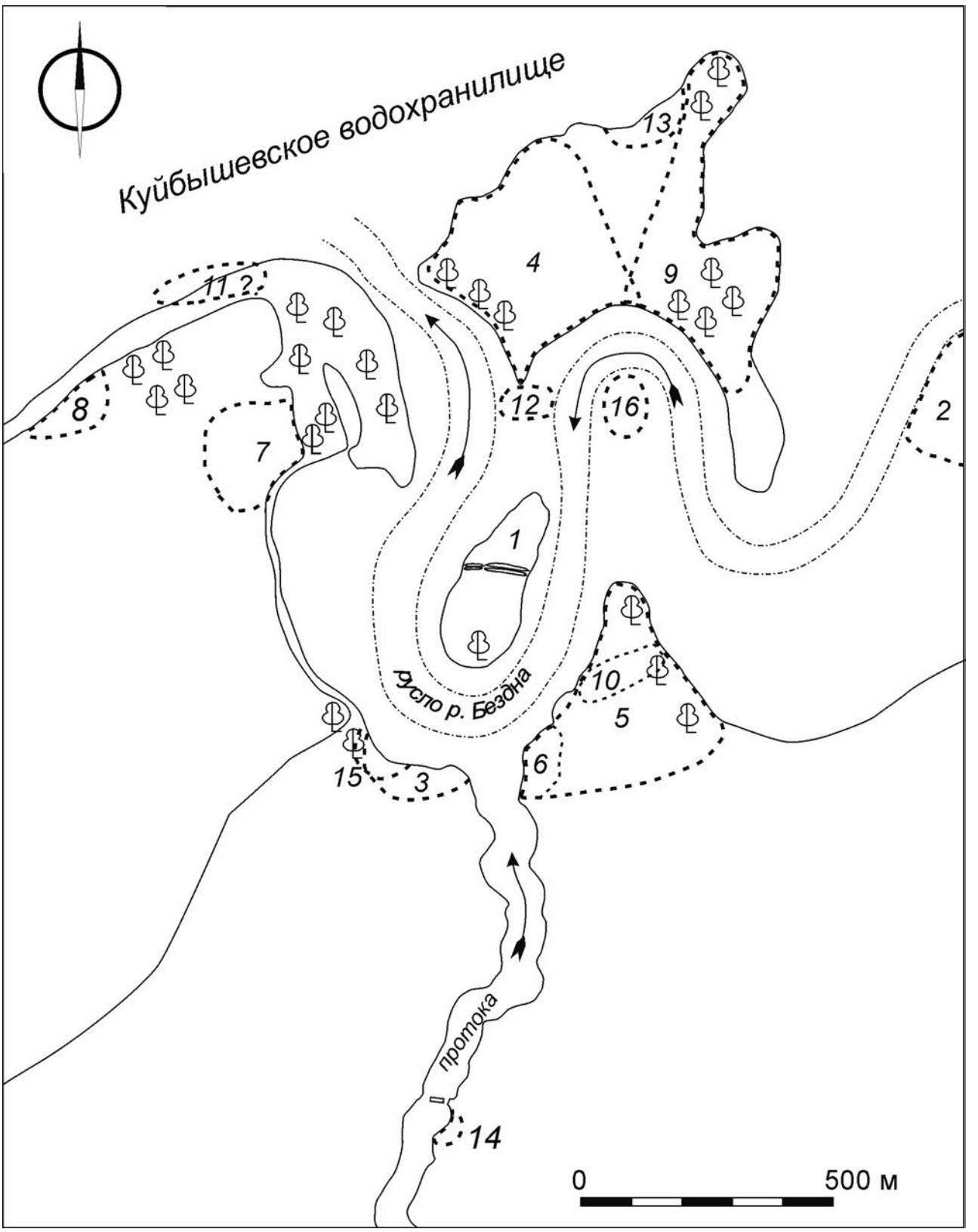


Рис. 1. Топосхема расположения Старокуйбышевской группы археологических памятников: 1 – городище, 2 – II селище, 3 – III селище, 4 – IV селище, 5 – V селище, 6 – VI селище, 7 – VII селище, 8 – VIII селище, 9 – I могильник, 10 – II могильник, 11 – III могильник, 12 – V могильник, 13 – VI могильник, 14 – VI (VII) могильник, 15 – II стоянка, 16 – III стоянка.

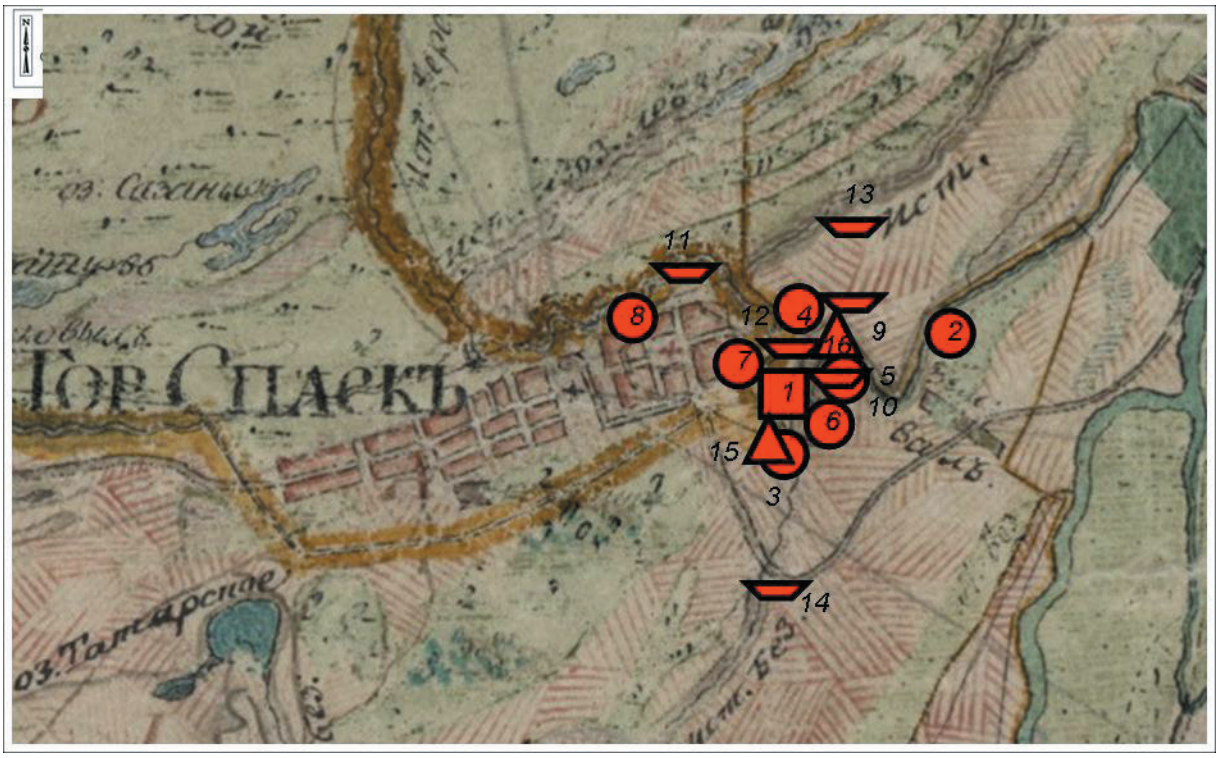


Рис. 2. Увеличенный фрагмент Генерального плана Спасского уезда конца XVIII в. с локализацией Старокуйбышевской группы археологических памятников: 1 – городище, 2 – II селище, 3 – III селище, 4 – IV селище, 5 – V селище, 6 – VI селище, 7 – VII селище, 8 – VIII селище, 9 – I могильник, 10 – II могильник, 11 – III могильник, 12 – V могильник, 13 – VI могильник, 14 – VI (VII) могильник, 15 – II стоянка. 16 – III стоянка.

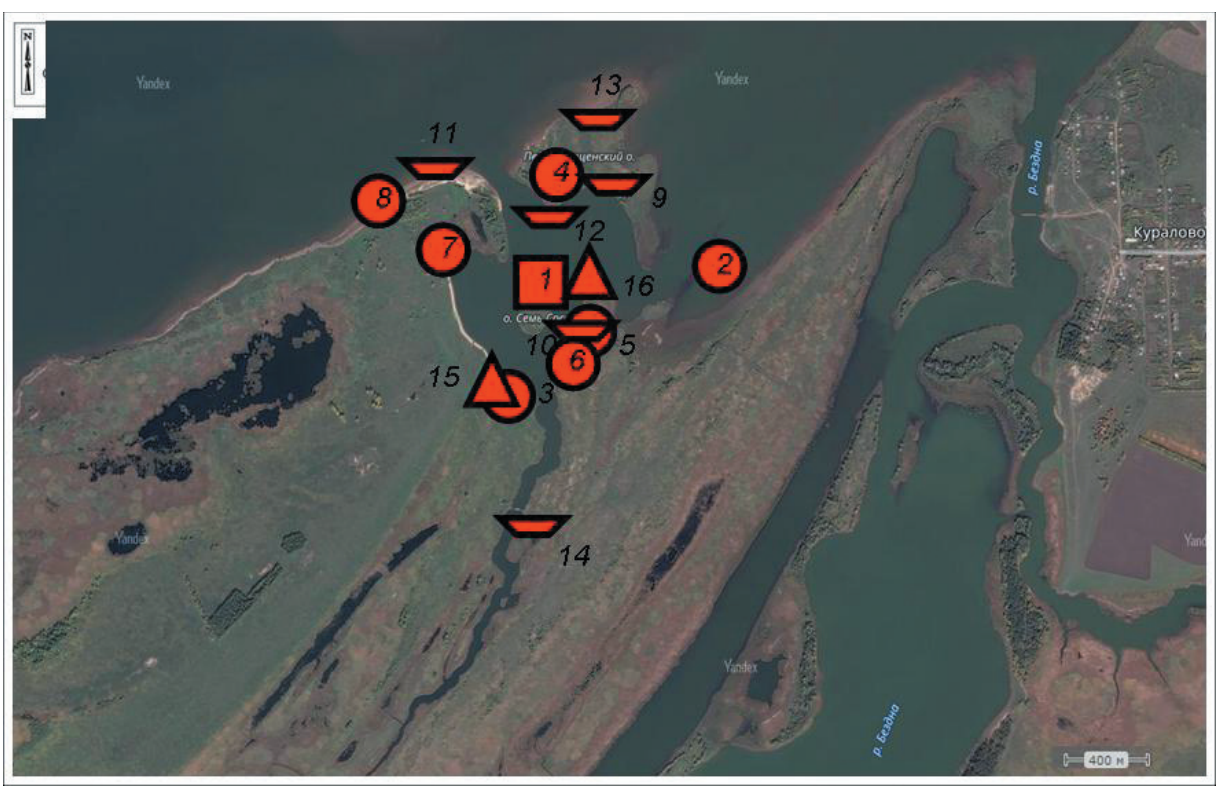


Рис. 3. Космоснимок рассматриваемого района с локализацией Старокуйбышевской группы археологических памятников: 1 – городище, 2 – II селище, 3 – III селище, 4 – IV селище, 5 – V селище, 6 – VI селище, 7 – VII селище, 8 – VIII селище, 9 – I могильник, 10 – II могильник, 11 – III могильник, 12 – V могильник, 13 – VI могильник, 14 – VI (VII) могильник, 15 – II стоянка, 16 – III стоянка.

Рис. 4. Фрагмент схемы Спасского района Республики Татарстан с памятниками археологии с указанием Старокуйбышевской группы памятников.

УДК 902.34:069.44

РЕМЕСЛЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ ЗАБЫТОГО ПРОМЫСЛА (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ НАХОДКАМ ИЗ ДЕРЕВА XVI–XVIII ВВ. С ОСТРОВА-ГРАДА СВИЯЖСКА)

© М.Ю. Визгалова

THE PRODUCT OF A FORGOTTEN CRAFT (ARCHAEOLOGICAL FINDS OF WOOD OF THE XVI-XVIII CENTURIES. THE ISLAND-FORT SVIYAZHSK)

Исследование посвящено находкам из древесного материала, который является на сегодняшний день совершенно «выпавшим» из археологического и этнографического оборота. Анализ археологических находок из дерева средневековых памятников показывает, что поделки из материала «балбера» присутствуют на многих из них. Характерные предметы правильных геометрических форм, вырезанных из коры темного цвета встречаются в раскопках городов и сельских поселений, расположенных на берегах рек, озер, морей. Данные изделия являются продуктом балберного промысла, обслуживающего в основном рыбаков. В статье дается полная типология поплавков и других изделий из подобного материала, проведена реконструкция некоторых рыболовных снастей.

Ключевые слова: археология, позднее средневековье, Средняя Волга, Свияжск, забытый промысел, балбера, рыболовство.

The results of study the finds from wood material, which is today completely disappearing from the archaeological and the ethnographic turn are represented in the article. The analysis of the archaeological finds of wood from medieval monuments shows that the artefacts of a material “Barbera” were found in many of these sites. Typical objects of regular geometric forms, carved from the bark of the dark color found in excavation trenches of towns and settlements located on the banks of rivers, lakes, seas. These products are the product balbinova fishery that is mostly fishermen. A complete typology of floats and other articles of similar material, reconstruction of some fishing gear is represented in the article.

Keywords: archaeology, Late Middle Ages, Middle Volga, Sviyazhsk, forgotten craft, balbera, fishing.

Археологические исследования посада города-крепости Свияжска позволили собрать богатейшую коллекцию (около 2000 ед.) находок из дерева и древесных материалов: лыка, бересты, коры (Шакиров и др., 2012, с.184–209). Последний материал привлек внимание исследователей благодаря хорошей, практически полной сохранности. Это были предметы округлых геометрических форм. Анализ археологической литературы показал, что в ряде случаев предметы именуются изделиями из «коры» или «коры сосны» (Завьялов, 2011, с. 214–215), иногда описаны как «дерево». Задачей данного исследования было показать на примере многочисленной коллекции из органического материала, собранной во время раскопок Свияжского посада, что некоторая часть находок является изделиями так называемого «балберного» промысла или резьбой из коры черного тополя или осокоря. Об этом промысле встречаются упоминания в редких технологических источниках начала XX в. Сам промысел просуществовал до 50-х годов прошлого века, однако очень скоро был совершенно забыт. Некоторые свойства данного материала – балберы (удельный вес – 3,5 при известной прочности), являются незаменимым при производстве поплавков разнообразных рыболовных снастей, каблуков, игрушек, пеналов, форм для печатей и др. изделий. Материаловедческий анализ археологических находок удалось провести благодаря привлечению этнографической, технологической, промысловой и лингвистической литературы конца XIX – начала XX вв.

Балбера (Даль, 2015, с. 50) является корой черного тополя или осокоря (лат. *populus nigra*), вида произрастающего от Псковской области до Сибири. Растет осокорь на берегах рек, в болотистых местах, около прудов, озер (Лопатин, 1929, с. 30). Это дерево произрастает в одиночку или небольши-

ми группами, достигая 1,2 м в диаметре. Сотрудниками Института археологии им. А. Х. Халикова АН РТ на берегу Архиерейского озера Лаишевского р-на Татарстана был обнаружен осокорь, имеющий возраст около 150 лет, диаметром ствола в комлевой части 1,4 м. Фактура коры имеет характерные утолщения, чередующиеся параллельно с бороздами.

Рассмотрим заготовку коры и производство балберы. Для съемки коры необходимо было срубить дерево. Делали это в течение всего лета. Использовалась кора тополя возрастом от 100 лет. Толщина коры должна быть не менее 4,5 см. У самых старых экземпляров толщина достигает 18 см. Снимали утолщения коры топором. Снятая кора просушки не требовала. Следующим процессом являлась обработка коры в балберу. Выработка балберы состояла в придании коре определенных размеров и формы (Лопатин, 1930, с. 39), в сечении трапеция или овал (рис. 1: 1). Для обработки использовали топор, скобель, нож или рубанок. Выполнялись следующие операции (Залкинд, 1932, с. 30–31): распиливали пилой на куски определенных размеров. После этого топором, ножом или кобелем снимали с кусков коры верхнюю мягкую корку и придавали нужную форму. Края и неровности балберы сглаживали таким образом, чтобы фигура имела гладкую поверхность с помощью рубанка, но опытные мастера – ножом, топором или скобелем. По окончании работ ремесленник проводил ее сортировку.

Заготовки балберы являлись объектом купли-продажи, из нее вырезали поплавки и множество других изделий. Автором была проведена типологизация данной коллекции изделий из коры черного тополя с раскопа Татарской (деревянной) слободки острова-града Свияжска.

Поплавки (119 экз). Для неводов и сетей применяли следующие типы: лепестковые, прямоугольные, ромбовидные (рис. 1: 2–4). Реконструкция фрагмента ставных сетей с использованием данных поплавков на рис. 1: 5. Поплавки для снастей или «шашки» были трапецевидными или шайбовидными (рис. 1: 6, 7). Черная или шашечная снасть представляла собой веревку, иногда до 1 км длиной, к которой привязывали крючки на расстоянии 20 см друг от друга, каждый из которых был прикреплен к леске длиной до 40 см, с шашкой-поплавком. Эту снасть натягивали поперек реки, прикрепив ее концы к кольям или камням. Благодаря течению реки крючки начинали шевелиться и захватывали рыбу за бок или за хвост. В начале XX в. снасть такого типа была запрещена. Аналогичная снасть, но с наживкой на каждом крючке называлась *кусовой* или *животной* (Зеленин, 1991, с. 102–103). Реконструкция части перемета или «черной» снасти на рис. 1: 8. Встречаются единичные находки поплавков других форм: сегментовидные (рис. 1: 9), с «ушком» (рис. 1: 10), каплевидные (рис. 1: 11), шашки-розетки (рис. 1: 12), поплавок на удочку (рис. 1: 19), поплавок-вешка (лепестковый с длинным стержнем – 55 см).

Каблуки (32 экз.). Следующей категорией находок являются каблуки (рис. 1: 13), следы гвоздей или других креплений к обуви отсутствуют. Внутренние каблуки, вероятно, использовались в подошве с каракулем (Осипов, 2006, с. 54–55). Кожаная деталь огибала каблук снаружи, со стороны пятки, другой кожаной деталью. Использование балберы для изготовления внутренних каблуков говорит о ее прочности на износ. После износа обуви каблуки могли использоваться вторично в качестве поплавков для снастей, для чего в них пробивали отверстие.

Пеналы и коробочки (7 экз.). Еще один вид изделий, вырезанный из балберы – пеналы и коробочки разных размеров, на некоторых имеются след крепления крышки в виде бокового отверстия, на длинных пеналах имеются выдвижные крышки (рис. 1: 14).

Лодочки (14 экз.). В коллекции балберных изделий находятся и лодочки (рис. 2: 15) – детские игрушки, повторяющие формой различные суда речного транспорта (лодки, челноки и т.д.).

Посуда (2 экз.) представлена ложкой (рис. 1: 16) и миской (рис. 1: 17), вырезанной, вероятно, рыбаками для обеда в походных условиях.

Различные изделия (8 экз.) бытового назначения, обнаружены как единичные находки: фрагмент чесала для шерсти, скребок, элементы конской упряжи (?), скребки, шахматная фигурка, свисток, антропоморфная фигурка (рис. 1: 18). Особняком стоит уникальная находка пряничной формы с солярным орнаментом (рис. 1: 20), представляющей собой часть пряничной доски с двумя формами (сохранилась часть второго штампа).

Изучение изделий из коры с раскопок прибрежной зоны о. Свияжска позволило выявить новый материал археологических находок – кору черного тополя или балберу, ранее не выделяемый в отдельную категорию археологических находок. Была проведена

типологизация данного материала, основными критериями здесь являлись функциональное назначение предметов и их морфология, удалось провести реконструкцию некоторых приспособлений рыболовного промысла. Дальнейшее изучение уникальной коллекции изделий из дерева с раскопок позднесредневекового города Свияжска позволит создать полноценную картину ремесел и промыслов деревообрабатывающих отраслей населения Поволжья в XVI–XVIII вв. наряду с уже выделенными здесь ранее производством изделий из лыка (Визгалова, Старков, 2016, с. 266–277).

ЛИТЕРАТУРА

Визгалова М.Ю., Старков А.С. Плетеные изделия из растительных волокон «Татарской (Деревянной) слободки» острова Свияжск // Поволжская археология. 2016. № 4. С. 266–277.

Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Иллюстрированное издание. М, 2015. 896 с.

Завьялов В.И. Позднесредневековые деревянные изделия из Переяславля Рязанского // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 7. М., 2011.

Залкинд И.Б. Производство изделий из коры липы и осокоря. М.; Л., 1932. 36 с.

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. 512 с.

Лопатин. О балберном промысле. Техника заготовки коры и ее производство // Лесная кооперация. 1929. № 9. С. 29–35.

Лопатин. О балберном промысле // Лесная кооперация. 1930. № 5. С. 36–39.

Осипов Д.О. Обувь Московской земли: Материалы охранных археологических исследований. Т. 7. М., 2006. 202 с.

Шакиров З.Г., Валиев Р.Р., Ситдиков А.Г. О застройке посадской части Свияжска (по материалам раскопок 2008 г.) // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 184–210.

Информация об авторе:

Визгалова Мария Юрьевна, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); mutqueen@mail.ru

About the author:

Vizgalova Mariya Yu., Institute of Archaeology named after A. Kh. Halikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russia; mutqueen@mail.ru

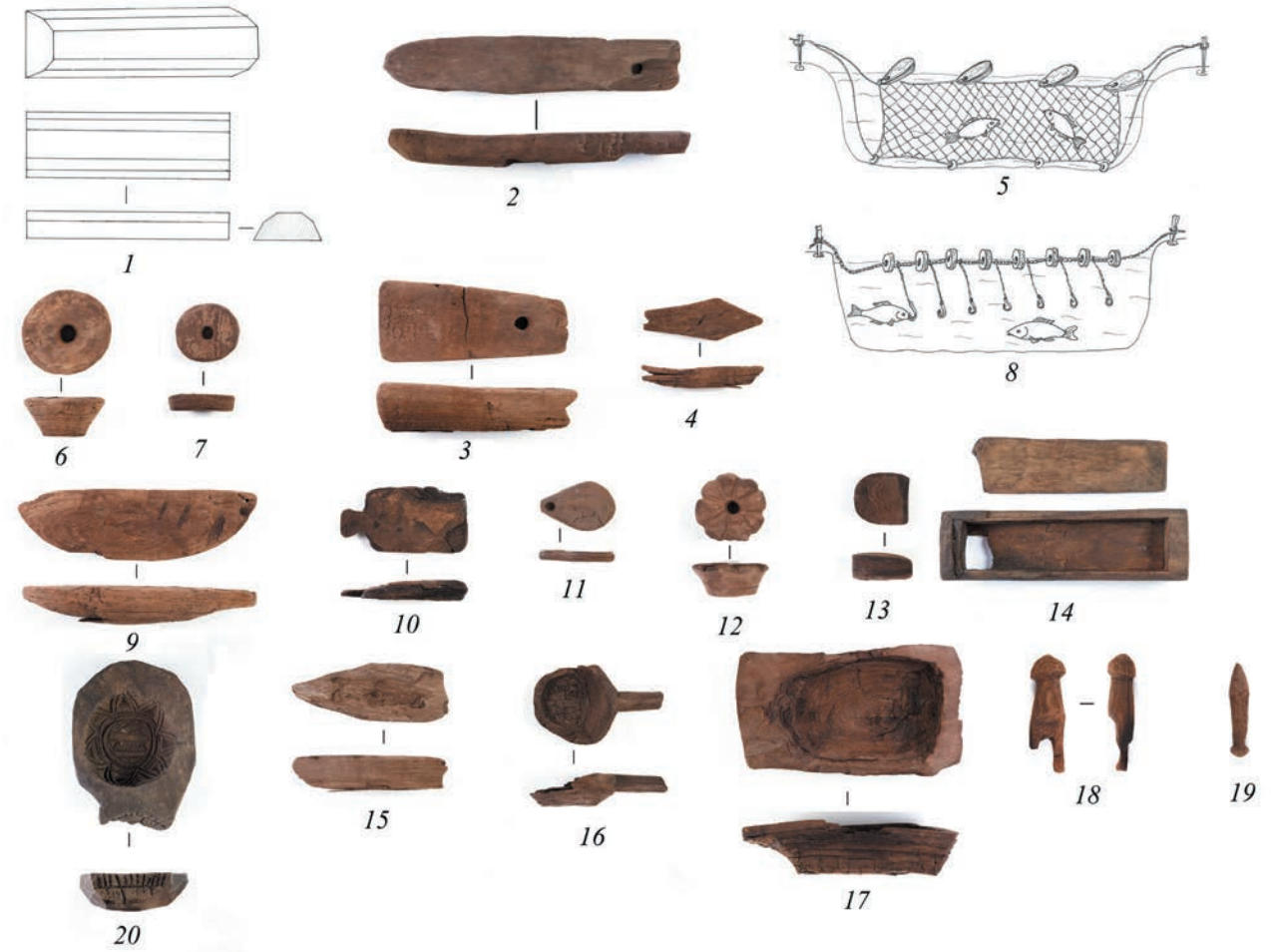


Рис.1. Изделия из балберы. 1 – общий вид заготовки, 2 – лепестковый поплавок, 3 – прямоугольный поплавок, 4 – ромбовидный поплавок, 5 – реконструкция сети с балберой, 6 – трапецевидная «шашка», 7 – шайбовидная «щашка», 8- реконструкция «черной снасти», 9 – сегментовидный поплавок, 10 – поплавок с «ушком», 11 – каплевидный поплавок, 12 – «шашка» с розеткой, 13 – внутренний каблук, 14 – пенал, 15 – лодочка, 16 – ложка из коры, 17 – миска, 18 – антропоморфная фигурка, 19 – поплавок на удочку, 20 – пряничная доска (фрагмент).

УДК 904

РАСТЕНИЯ РАЯ, ЧАША ИЗ АЗОВА И ПРИЧУДЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ, НЕ СВЯЗАННЫЕ МЕЖДУ СОБОЙ

© 2017 г. И.В. Волков

PLANTS IN PARADISE, BOWL FROM AZOV, AND VAGARIES OF INTERPRETATION UNRELATED AMONG THEM

В материале рассматривается один из вариантов интерпретации изображения на известной чаше из Азова (Азака) в технике минаи (персидский импорт), неоднократно рассматривавшейся в литературе. Теперь рассматриваются не технология, время и место производства, а только искусствоведческое определение сюжета как изображения рая. Обращается внимание на то, что парное изображение объектов связано вовсе не с аль-Фирдаусом, ограниченным пространством круглого изделия, а два «райские водоема» изображены, как обычные «кочки» сбоку которых помещаются растения на расписных чашах. Использованная М.Г. Крамаровским для иллюстрации рая цитата из Корана характеризует вовсе не Эдем, а наказание за вероотступничество. Таким образом, интерпретация не соответствует росписи.

Ключевые слова: кашинная чаша, минаи, Азак, рай, персидская расписная керамика, Коран, Саба, Золотая Орда.

In the paper one variant on interpretation of the famous bowl (minai technique) from Azov (Azak) is discussed. This item (Persian import) was repeatedly examined in literature. Now we consider no technique, time and place of production but interpretation of the subject as presentation of paradise only. Pairwise representation of the subjects do not connected with Al-Firdaus absolutely, but established by fixed space of round item. Two “paradisical spings” are signed as usual “hummocks” with plants on one side in painted bowls. The quotation from the Qur’an used by M.G. Kramarovsky to illustrate the paradise describes no Eden at all, but punishment for apostasy. So, interpretation don’t correspond to painting.

Keywords: kashi ware bowl, minai ware, Azak, paradise, Persian painted pottery, the Qur’an, Sheba, the Golden Horde.

Определение изображаемого сюжета, и даже отдельных элементов орнамента часто оказывается делом достаточно сложным. Например, до настоящего времени можно встретить название «арочный орнамент» для описания кашинных чаш и иных сосудов, хотя давно достоверно установлено, что это изображение лепестков лотоса. Совместно с ними встречаются китайский фарфор и селадон с натуралистичным представлением лепестков. Проще бывает интерпретировать сложные сюжетные композиции, например, миниатюр, сопровождающих книжный текст, или изображения на хрестоматийные религиозные темы. Сложнее, когда речь идет не о простом орнаменте, а о сюжете, где только часть образов поддается надежному определению.

Например, при некоторой стилизации в росписи кашинной керамики довольно сложно различить утку, гуся и лебедя, тут образуется почва для субъективных суждений. Иногда напротив, едва ли не единственный почти однозначно определяемый вид изображаемых птиц на черно-синей росписи (райские мухоловки) воспринимается как фазаны (Лисова, 2012, с. 80, табл. 26 :4, рис.12).

Безразмерным кладезем открытий является интерпретация в качестве изображения мусульманского рая сюжета на чаше в технике минаи из Азова, сделанная М.Г. Крамаровским, неоднократно повторенная, подновленная, и даже серьезно воспринимаемая в определенных кругах (вероятно, последняя версия: Крамаровский, 2010).

Поскольку стиль в целом (и отдельные элементы декора) на чаше воспроизводит китайские прототипы, следует осторожнее связывать их с мусульманской символикой. Китайцы часто ориентировались на мусульманский рынок, но для этого они копировали западные прототипы и надписи, а не свои собственные.

Одним из аргументов в пользу того, что изображен рай, было то, что в мусульманском раю всего по два. Уже говорилось о том, что фениксы и пионы восходят к китайским прото-

типам, получившим затем распространение в Иране. Например, парный сюжет с фениксами и бабочками известен в керамике цыджоу (Catalogue, 1971, № 101), но не полихромной, в которой видел аналогию М.Г. Крамаровский, а обычной серо-коричневой династии Южная Сун, которая встречается и в золотоордынских городах XIV в. Полагаю, понятно, что китайцы едва ли стремились изобразить аль-фирдаус для собственного употребления.

Еще сложнее дела обстоят с двумя «райскими» водоемами. Можно только предполагать, что для М.Г. Крамаровского основным стимулом для интерпретации был синий цвет изображенных объектов и невнимание к их выпуклому верху с дополнительными штрихами. Увы, синий цвет не всегда обозначает воду.

Обращаю внимание, здесь необходимо простейшее исследовательское действие, которое проще всего назвать «внутренним стандартом» (на языке спектрального анализа). То есть, если что-то изображено определенным образом, надо не просто давать этому произвольную интерпретацию, а посмотреть, что еще изображено аналогично на том же предмете и однотипных, и уже на этом основании судить о реальности предложенной фантазии.

Классический пример отсутствия этого действия – суждение А.Г. Юрченко об отношении золотоордынского хана, изображенного в Атласе Авраама Креска 1375 г. к суфизму. Хан изображен сидящим на подушке без обуви, на основании чего делается вывод, что «в данном случае, босоногость означает приверженность Джанибека суфийским ценностям и демонстрирует смирение на пути к Аллаху» (Юрченко, 2012, с. 318). Но если посмотреть на карту целиком, то окажется, что большая часть правителей, босоноги, включая чернокожего африканца и венценосцев восточнее Индии. Увы, трудно их заподозрить в приверженности к «суфийским ценностям», поэтому и предложенная интерпретация, по меньшей мере, не убедительна.

Трактовка азовской чаши упрощается тем, что предметов этой категории много и в Золотой Орде, и в Персии, где она была сделана, и в Китае, откуда происходила мода. На самой чаше синим изображены также побеги и листья, которым следовало бы иметь зеленый или иной цвет. Но если мы посмотрим на чаши с китайскими цветами шире, то обнаружим, что на «тимуридской» керамике, распространившейся во второй половине XIV в. и копирующей китайскую керамику с росписью цинхуа (кобальтом по белому фону), именно так изображали «холмик» сбоку которого растет пион или иное растение (Федоров-Давыдов, 1976, с. 156; Лисова, 2012, табл. 35). Цветы в водоеме или рядом изображались обычно иначе (Chuimei, 1996, fig. 7).

Таким образом, говорить об изображении рая, мягко говоря, преждевременно. Еще интереснее оказывается утверждение: «Коранические *«два сада»* – реальный образ Марибского оазиса после прорыва плотины у сабейской столицы (последний прорыв около 570 г.), перенесенный на мифологию Рая» (Крамаровский, 2010, с.18). Мифология в тексте имеет место, но связать с ней слова суры Саба не представляется возможным. Рассмотрим те три аята, которые имеют отношение к теме.

14. Для жителей Савы, в их обиталище, было некогда знамение: два сада, на правой стороне и не левой стороне: «вкушайте от даров Господа вашего, и будьте благодарны Ему!»… добрая страна… прощающий Господь… 15. Но когда они отступили, тогда Мы послали на них разлив вод Гарима, и два сада их сменили для них двумя садами, приносящими плоды кислые, тамаринды, кое-какой мелкий лотос. 16. Так воздали Мы им за их неверие. Только одним неверным Мы воздаем так! (Коран, 1991, с. 803).

14(15). У Сабā в их жилище было знаменье: два сада справа и слева – питайтесь уделом вашего Господа и благодарите Его! Страна благая, и Господь милосердный. 15 (16). Но они уклонились, и послали Мы на них разлив плотины[8] и заменили им их сады двумя садами, обладающими плодами горькими, тамариском и немногими лотосами. 16 (17). Этим воздали им за то, что они не веровали! Разве Мы воздаем кому-нибудь кроме неверных? (Коран, 1990, с. 352).

[8] سَيْل ٱلْعَرِم [встречается] единственный раз здесь. Размывы в 450 и 542-545 гг., см. Horovitz, Untersuchungen, стр. 116. Слово ʿарим ‘плотина’ [встречается] в надписи Абрахи, см. там же; свод – O’Lesry, Arabia, стр. 89–90.

15. В поселении сабейцев было знамение: два сада с правой стороны [города] и левой. [И было им сказано:] «Вкушайте из удела, дарованного Господом вашим, и возблагодарите Его. Страна [ваша] прекрасна, Господь – милосерден». 16. Но они ослушались, и Мы наказали их прорывом плотины[9] и взамен двух [прежних] садов дали два [новых], с горькими плодами, тамариском да

лотосами кое-где. 17. Так покарали Мы их за то, что они не уверовали! Разве караем Мы кого-либо, кроме неблагодарного? (Коран, 1995, с.272).

Как видим, наиболее распространенные варианты перевода этой суры Корана, особенно 15 аят, существенно отличаются. При этом чувствуется влияние традиции. Рассмотрим только средний стих.

بَدَّلْنَاهُمْ بِجَنَّتَيْهِمْ جَنَّتَيْنِ ذَوَاتَىْ أُكُلٍ خَمْطٍ وَ أَثْلٍ وَ شَىْءٍ
مِنْ سِدْرٍ قَلِيلٍ ١٥ فَأَعْرَضُوا فَأَرْسَلْنَا عَلَيْهِمْ سَيْلَ الْعَرِمِ وَ

На мой взгляд, текст заметно проще. Во-первых, слово, предлагаемое как плотина, (الْعَرِمِ), непросто вывести из исходного корня. Напротив, при этом корне (عرم) есть вполне подходящее по смыслу слово عَرِمٌ (злой, сильный, бурный), логично сочетающееся с предыдущим словом سَيْلٌ (поток, ручей). Хотя перевод его как «плотина» фиксируется в двух взаимосвязанных словарях (Григас, 2006, с.522; Аттая, 1913, с. ٣٨٤), это, вероятно, дань традиции интерпретации. Равным образом в тексте нет слова «горькие» или «кислые», это только попытка переводчиков заменить название растения его свойствами, хотя в действительности плоды арака вполне вкусные (Григас, 2006, с.235; Растения…, дата обращения 01.05.2017). Слово плоды использовано условно по смыслу, а скорее, укуль – это мн. ч. слова «еда».

В результате перевод ключевого аята получается следующим: «И отвернулись они, и послали мы на них поток бурный и заменили мы им два сада их двумя садами, обладающими плодами арака [Salvadora persica, он же арвак] и тамариска [Tamarix aphilla, он же – гребенщик, дженгил, астраханская сирень, божье дерево] и немного из сидра [Ziziphus jujube, он же – лотосовое дерево или зизифус, юююба, жужуба, унаби, чапыжник, китайский финик] небольшого».

Все растения – вовсе не райские, а растущие в предельно засушливых местах. В наше время определить, каков их внешний вид, не сложно. Естественно, даже в пределах вида могут быть существенные отличия внешности, но только полные искусствоведы могут увидеть сходство между упомянутыми пустынными кустарниками и растениями, изображенными на чаше из Азака. Но с точки зрения интерпретации изображения важнее другое.

При любых вариантах перевода смысл этого фрагмента Корана вполне понятен. Вероотступничество с точки зрения ислама вообще самое страшное преступление, а все изменившие – попадут в ад. Пока сабейцы были правоверными, у них были два сада (не райских, но делающих местечко приятным, растения там не оговорены), а когда они отступились от Господа, им было послано наказание в виде двух «садов» с полупустынной растительностью (полная разруха). Но, по мнению М.Г.Крамаровского, это и есть образ рая, и как раз арак изображен на чаше (Крамаровский, 2010, с.19). Возникает вопрос: как следует относиться к исследователям, которые называют черное белым, а также к тем, кто считает это нормальным?

ЛИТЕРАТУРА

Аттая М.О. Словарь арабско-русский. М.: Изд. на средства почетного попечителя Лазаревск. ин-та вост. яз. кн. С. С. Абамелек-Лазарева, 1913. 1020, [2] с.

Григас В.Ф. Арабско-русский словарь к Корану и хадисам. М.; СПб.: Диля, 2006. 928 с.

Коран / Пер. Г.С. Саблукова. М.; Минск: Интербук, 1991. Т. 2. VIII, 571–1169.

Коран / Пер. и коммент И.Ю. Крачковского. 2-е изд. М.: Наука, Гл. ред. восточной литературы, 1990. 727 с., ил.

Коран / Пер. и коммент М.-Н. О. Османова. М.: Ладомир, Вост. лит-ра, 1995. 576 с.

Крамаровский М.Г. Феникс из Ургенча. К проблеме полихромии в керамике Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. Вып 3 / Ред. И.М. Миргалеев. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. С. 11–22.

Лисова Н.Ф. Орнамент глазурованной посуды золотоордынских городов Нижнего Поволжья / Археология евразийских степей. Вып. 15. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2012. 184 с. + 24 с. цв. вкл.

Растения, упоминаемые в Священном Коране: http://amalgrad.ru/viewtopic.php?id=2126

Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М.: Искусство, 1976. 228 с., ил.

Юрченко А.Г. Хан Узбек: Между империей и исламом (структуры повседневности). Книга-конспект. СПб.: Евразия, 2012. 400 с., ил.

Catalogue of an exhibition of the ceramic art of China organized by the Art Council of Great Britain and the Oriental Ceramic Society to commemorate the founding of the Society in 1921. June 9th to July 25th 1971. Victoria and Albert Museum. – London: Drydens Printers, 1971. 74 p., 61 pls.

Chuimei Ho. Social life under the Mongols as seen in ceramics // Transactions of the Oriental Ceramic Society. Vol. 59. 1994–1995. Whitstable, Kent: Oriental Ceramic Society, 1996. P. 33–47.

Информация об авторе:

Волков Игорь Викторович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Российского научно-исследовательского института имени Д.С. Лихачёва (г. Москва, Россия); plany_2010@mail.ru

About the Author:

Volkov Igor V., Candidate of Historical Sciences. Russian Research Institute for Cultural und Natural Heritage named after Dmitry Likhachev (Voscow, Russian Federation)

УДК 902.01

КЛАССИФИКАЦИЯ БУС АНАТКАСИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

© Е.Е. Воробьева, Д.О. Кутузова

CLASSIFICATION OF BEADS FROM ANATKASY BURIAL GROUND

Статья посвящена типологии бус Анаткасинского могильника, расположенного на правобережье р. Волги Марийско-Чувашского Поволжья. Классификация данных археологических артефактов позволяет решить ряд проблем. В частности, используя типологию бус, определено время существования Анаткасинского некрополя. В основе проделанной работы по систематизации бус Анаткасинского могильника лежит комплексный анализ, включающий в себя такие показатели, как морфология и технология изготовления.

Ключевые слова: археология, Марийско-Чувашское Поволжье, Анаткасинский могильник, раннее средневековье, бусы, типология.

The article examines the typology of the beads from the Anatkasy burial ground, located on the right bank of the Volga river in Mari-Chuvash Volga area. The classification of these archaeological artifacts allows to solve some issues. In particular, a lifetime of Anatkasy burial ground was defined using the typology of the beads. Systematization of the beads from the Anatkasy fulfilled by means of a comprehensive analysis that includes variables such as the morphology and technology of manufacture was the basis of the work.

Keywords: archaeology, Mari-Chuvash Volga region, Anatkasy burial ground, Early Middle Ages, beads, typology.

В 2011 г. на правом берегу р. Волги Поволжской археологической экспедицией МарГУ под руководством Е.Е. Воробьевой был открыт Анаткасинский могильник (Воробьева, 2012). Он располагается в 700 м к ЗСЗ от д. Анаткасы (чув. Анаткасси) Мариинско-Посадского района Чувашской республики, в 10 км к востоку от г. Новочебоксарска на мысу коренной террасы с крутыми склонами. Холм доминирует над поймой более чем на 30 м. В 2012–2016 гг. на данном памятнике вскрыта площадь 556 кв. м, зафиксировано и изучено 32 погребения, 2 жертвенных комплекса, 2 ямы с остатками ритуальных действий. Ряд указанных объектов содержали бусы в общем количестве 340 экз.

Поскольку значительная часть могильника была подвергнута несанкционированным «раскопкам», возникла трудность в определении хронологического диапазона функционирования могильника. Данный вопрос был решен благодаря бусам, которые как импортный продукт, поступавший в регион в определенное время, имели, соответственно, свои рамки бытования.

В основе проделанной работы по систематизации бус Анаткасинского могильника лежит комплексный анализ, включающий в себя такие показатели, как морфология и технология изготовления. Все бусы Анаткасинского могильника изготовлены из стекла.

Классификация основана на работе Ю.Л. Щаповой «Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав» (М., 1989). При систематизации бус учитывались такие морфологические признаки: наличие декора, поперечное и продольное сечения, размер и цвет бусин.

Технология изготовления определялась для каждого типа отдельно, для ее описания использовались работы З. А. Львовой (Львова, 2008).

На основании наличия или отсутствия декора бусы подразделяются на группы, обозначенные римскими цифрами: **группа I** – без декора, г**руппа II** – с декором. Группы разделены на отделы по форме поперечного сечения – обозначенные арабскими цифрами (1 – округлые в поперечном сечении, 2 – граненые и т.д.), которые, в свою очередь, делятся на типы по форме продольного сечения: а – кольцевидный; б – цилиндрический; в – шаровидный; г – зонный; д – бочонковидный; е – лимоновидный; з – битрапецоидный; «неопределенный». Далее бусы делятся на: разряд (размер); цвет (вид).

Внутри группы II по характеру декора выделяются подгруппы, отмеченные заглав-

ными буквами русского алфавита: А – с металлической прокладкой, Б – глазчатые, В – «слоеное стекло».

Цвет бус с декором и без декора определяется по цвету основы, для бус металлической прокладкой дается цвет прокладки.

По системе Й. Каллмера бусы разделяются по размерам (диаметр): малый (до 0,89 см); средний (0,9–1,79 см); большие (1,8–2,79 см) и гиганты (2,8 см и более) (Callmer J., 1977).

Таблица деления стеклянных бус на разряды

Размер (D),см	малый (до 0,89 см)	средний (0,9-1,79 см)	большие (1,8-2,79 см)	гиганты (2,8 см и больше)	Всего
Группа I (без декора)	319	7	-	-	326
Группа II (с декором)	5	7	1	1	14

На основании вышеприведенных характеристик мы можем предложить следующую классификацию бус Анаткасинского могильника.

Группа I – бусы без декора, 326 экз. (95,9%).

По размеру бусы группы I визуально можно разделить на два разряда: бисер и бусы. Бисер отличает небольшой диаметр, который не превышает 0,2 – 0,5 см, по системе Й. Каллмера, и относится к разряду малых.

На долю бисера приходится 317 экз. – 97,2% от общего количества бус группы I.

Отдел 1 – округлые в поперечном сечении, 317 экз.

Тип а – кольцевидные, 67 экз.

Вид (цвет) – желтый, коричневый.

Кольцевидный бисер желтого цвета изготовлен путем навивки стеклянной массы на твердую основу, что З.А. Львова (Львова, 2008) относит к IV технологической группе. Это позволяло изготовлять бусы как серийно, так и индивидуально. Бисер коричневого цвета относится к VIII группе по З.А. Львовой, которая называет его «рубленным».

Тип б – цилиндрические, 104 экз.

Вид (цвет) – светло-голубой.

Светло-голубой бисер цилиндрической формы изготавливался серийно из тянутой трубочки. Спецификой обработки бус, изготовленных таким способом, является растянутость структуры стекла, что заметно при визуальном осмотре; относится к VIII технологической группе (Львова, 2008).

Тип в – шаровидные, 12 экз.

Вид (цвет) – коричневый, песочный, зеленый.

Как и кольцевидный бисер коричневого цвета, бисер типа в коричневого и песочного цвета относится к VIII группе (по классификации З.А.Львовой), зеленый бисер типа – к IV технологической группе.

Тип г – зонные, 85 экз.

Вид (цвет) – зеленый, коричневый.

Зонный коричневый бисер принадлежит к группе VIII, зеленый – к IV.

Тип д – бочонковидный, 49 экз.

Вид (цвет) – зеленый, песочный, коричневый.

Бисер типа д коричневого и песочного цвета относится к VIII технологической группе («рубленный»), зеленый бисер – IV технологическая группа.

Тип е – лимоновидные, 7 экз.

Представлены одно- (3 экз.) и двухчастными (4 экз.) экземплярами.

Вид (цвет) – желтый. Средний диаметр 0,7–1,2 см; разряд – малый, средний.

Лимонообразные бусы делались из отрезков тянутых стеклянных трубочек, которые делили щипцами на округлые дольки. З.А. Львова относит их к VIII технологической группе.

Аналогии лимоновидным бусам известны на территории всей Восточной Европы: в комплексе средневековых памятников у с. Рождественск (Абдулова, 2008, с. 515), в кочевнических памятниках (Федоров-Давы-

дов, 1966, с. 72), в Чашкинском II селище (Археологические памятники, 2014, с. 448:1). В Ростове лимоновидные бусы распространены в X – первой половине XI вв. (Самойлович, 2006, с. 380). Двухчастные лимоновидные бусы встречаются на Билярском городище (Валиуллина, 2005, с. 224, рис. 28: 5–6), в Огурдинском могильнике X–XI вв. (Абдулова, 2012, с. 224), на I Семеновском селище (Валиуллина, 2005, с. 260 рис. 48: I–III). По материалам Великого Новгорода дата существования лимонных бус выясняется очень четко – X в. Начало XI в., первые два десятилетия его – период доживания этих форм, а затем они полностью и бесследно исчезают (Щапова, 1956, с. 174). На Белоозере бусы данного типа включены в группу вещей, бытование которых не выходит за рамки XI в. (Захаров, 2004, с. 45). X—XI вв. датируются желтые лимоновидные бусы в памятниках юго-восточного Приладожья и Прионежья, где большая часть лимонок встречена в погребениях X в., а их верхняя дата ограничивается, первой половиной XI в. (Кочкуркина, 1989, с. 265). В Старой Ладоге они встречены в слоях VIII–XI вв., для ранних слоев характерны многочастные экземпляры, которые в X в. сменяются одно- и двухчастными (Захаров, 2004, с. 45) В Мининском археологическом комплексе желтые лимоновидные бусы датируются не позднее третьей четверти XI вв. (Захаров, Кузина, 2008, с. 174, рис. 162) в Болгаре лимоновидные бусы отнесены к раннему домонгольскому периоду (X – начало XI в.) (Полубояринова, 1988, с.152, рис. 81: 1).

Тип – битрапецоидный, 1 экз.

Вид (цвет) – песочный. Диаметр 0,4 см; разряд – малый.

В основу изготовления бусины типа з был положен принцип навивки стеклянной массы на твердую основу. Трубочку изготовляли путем многократной навивки на стержень сравнительно тонкой полоски стекла, затем формировали бусину. По З.А. Львовой, бусина типа з принадлежит к IV группе.

Тип «неопределенный» – 1 экз.

Вид (цвет) – черный, на просвет темно-зеленый. Средний диаметр 1 см; разряд – средний.

Данная бусина изготовлена навивкой стеклянной массы на стержень, относится к IV технологической группе.

Группа II – бусы с декором, 14 экз. (4,1%).

Подгруппа А – с металлической прокладкой, 5 экз.

Отдел 1– округлые в поперечном сечении, 5 экз.

Тип е – лимоновидные, 5 экз.

Вид (цвет) – серебростеклянные, 4 экз. Средний диаметр 0,55 –0,8 см; разряд – малый.

Вид (цвет) – золотостеклянные, 1 экз. Средний диаметр 0,6 см; разряд – малый.

Изготавливались серийно из тянутой трубочки. Среди стеклянных украшений бусы с внутренней металлической прокладкой образуют своеобразную в технологическом отношении группу. Бусы изготовлялись из перехваченной в нескольких местах щипцами и разделенной таким образом на дольки трехслойной трубочки, тонкий слой металла помещался между слоями стекла. Отличие бус, изготовленных из тянутой трубочки, в том, что неровности и прожилки в поверхностном слое всегда имеют продольное направление.

Лимоновидные одночастные с металлической прокладкой и прозрачным внешним слоем встречаются на территории Восточной Европы очень широко с X до начала XII века (Абдулова, 2008, с. 533). Аналогии лимоновидным бусам с металлической фольгой были найдены в Мининском археологическом комплексе, где данный тип датируется не позднее третьей четверти XI в. (Захаров, Кузина, 2008, с. 178 рис. 169). Аналогии найдены в Новгороде, по ярусам распространены с 20 до 28-го, что по новгородской стратиграфии соответствует X–XI вв. (Щапова, 1956). В Муроме лимоновидная серебро-стеклянная бусина датируется X–XI вв. (Бейлекчи, 2005, с. 197:14-5). На территории Верхнего Прикамья лимоновидные бусы с металлической прокладкой С.И. Абдулова относит к периоду IX – первой половины XI века (Абдулова, 2012, с. 223).

Подгруппа Б – глазчатые, 8 экз.

Отдел 1 – округлые в поперечном сечении, 8 экз.

Тип д – бочонковидные, 8 экз.

№ 1. Черная бусина с реснитчатыми глазками и белыми петлями; глазки: красно-белые реснички с голубой серединкой. Диаметр 1,5 см; разряд – средний. Имеет аналогии в Лядинском могильнике IX–XI вв. (Альбом древностей, 1941, с. 48. табл. XII: 21). В Новгороде подобные бусы сосредоточены в 25–28-м ярусах, что соответствует X в. – началу XI в. (Щапова, 1956, с. 178).

№ 2. Черная глазчатая бусина с плоскими реснитчатыми глазками (красно-бело-черные) и белыми плоскими петлями. Диаметр

1,5 см; разряд – средний. На территории Марийского края аналогии встречены в Дубовском могильнике в женском погребении в районе груди, бусы датируются X–XI вв. (Никитина, 2012, с. 396 рис. 290: 12, 21.). Подобные бусы с реснитчатыми глазками встречаются в Муроме (Бейлекчи, 2005, с. 197: 14-№ 10).

№ 3. Черная глазчатая бусина с выпуклыми концентрическими глазками (цвет глазков – красный-белый ободок, черная серединка) и белыми плоскими петлями. Диаметр 1,5 см; разряд – средний. Аналогии данных бус встречаются в курганах Приладожья и Прионежья X – начала XI в. (Кочкуркина, 1989, с. 264, рис. 83: 2).

№ 4. Черная глазчатая бусина с реснитчатыми выпуклыми глазками (цвет глазков – красный-белый-зеленые, серединка – зеленый-красный-черный; один глазок красный-черный, красная середка). Петли белые плоские. Диаметр 1,5 см; разряд – средний. Аналогичные бусы с реснитчатыми глазками и белыми петлями зафиксированы в Ростове в отложениях конца X – первой половины XI вв. (Самойлович, 2006, с. 376, рис. 1: 31).

№ 5. Черная глазчатая бусина с глазками: одноцветные – цвет желтый, глазки плоские и выпуклые; реснитчатые глазки – на голубом фоне красно-белые реснички. Белые петли выпуклые и плоские. Диаметр 3 см; разряд – гиганты. Аналогии представлены в Херсонесе в составе ожерелья, где таких крупных бус несколько. Бусы датированы X–XI вв. (Меч и Златник, 2012, с. 202, ил. 524). Подобные крупные бусы представлены в ожерелье в курганах реки Ояти, где их насчитывается 18 экз. (Кочкуркина, 1990, с. 43).

№ 6. Черная глазчатая бусина, орнамент представляет собой гладкий красный и выпуклый белый глазки, с петлями бирюзового цвета. Диаметр 1,2 см.; разряд – средний.

№ 7. Черная глазчатая бусина с выпуклыми глазками: один глазок одноцветный (концентрический) – черно-красный; два реснитчатых глазки, цвет – зелено-красно-белый, темно серые реснички. Белые петли плоские. Диаметр 1,5 см; Разряд – средний. Аналогии представлены в I Семеновском селище, который датируется X–XIII вв. (Валиуллина, 2005, с. 260, рис. 48: IV).

№ 8 Белая глазчатая бусина; глазки реснитчатые плоские, цвет – красно-белый и серая серединка. Диаметр 1,5 см; разряд – средний. Боченкообразная форма белой глазчатой бусины была достигнута путем прессования с концов. Это делалось уже после того, как навитая бусина была орнаментирована, поэтому орнамент заходит на образовавшиеся от прессования площадочки. Аналогии белой глазчатой бусине найдены в раскопе II Запосельского могильника (Крыласова, Лычагина, 2014, с. 448:41).

Бусы подгруппы Б изготовлены навивкой стекла на инструмент, что можно увидеть по расположению структуры стекла вокруг продольной оси. З.А. Львова относит навитые бусы к IV технологической группе.

Подгруппа В – из слоеного стекла, 1 экз.

Отдел 1 – округлый в поперечном сечении.

Тип к – кольцевидный.

Вид (цвет) – серый. Диаметр 2 см; разряд – большие.

В отличие от кольцевидных и зонных бус, которые имеют значительный по диаметру внутренний канал, данная бусина отличается сравнительно узким каналом (0,2 мм) относительно диаметра (2 см).

В основе изготовления этих бус лежит вторичная обработка многослойного стекла, З.А. Львова относит бусы из слоеного стекла к V технологической группе.

Таким образом, подавляющее большинство бус Анаткасинского могильника было распространено в X–XI вв. и относится к группе I (без декора, 326 экз., 95,9%). Ко II группе (с декором) относятся бусы: с металлической фольгой, глазчатые, из слоеного стекла (14 экз., 4,1%).

ЛИТЕРАТУРА

Абдулова С.И. Бусы Рождественского комплекса // Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН, 2008. С. 515–535.

Абдулова С.И. Бусы Огурдинского могильника // Огурдинский могильник / Под ред. А.М. Белавина, Н.Б. Крыласовой Пермь: Пермский гос. пед. ун-т, 2012. С. 221–233.

Альбом древностей мордовского народа / Отв. ред.: Ю.В. Готье, А. И. Яковлев. Саранск: Изд-е Морд. НИИ, 1941. 138 с.

Бейлекчи В.В. Древности летописной муромы (погребальный обряд и поселения). Муром, 2005. 275 с.

Валиуллина С.И. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища) / Отв. ред. М.Д. Полубояринова. Казань: Изд-во КГУ, 2005. 280 с.

Воробьева Е.Е. Отчет «Археологические полевые работы на территории выявленного объекта археологического наследия «Анаткасинский могильник» в Мариинско-Посадском районе Чувашской республики в 2012 г. Йошкар-Ола / Архив ИА РАН, 2012.

Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: ИНДРИК, 2004. 592 с.

Захаров С.Д., Кузина И.Н. Изделия из стекла и каменные бусы // Археология северно-русской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: Наука, 2007. С. 142–215.

Кочкуркина С.И. Памятники юго-восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. Петрозаводск, 1989. 347 с.

Крыласова Н.Б., Лычагина Е.Л., Белавин А.М., Скворнякова С.В. Археологические памятники Чашкинского озера / Археология Пермского края. Свод археологических источников. Пермь: ПГГПУ, 2014. 565 с.

Львова З.А. Стеклянные бусы Старой Ладоги как исторический источник. 2008. URL: http://chernovtrezin.narod.ru/ZLATA_LVOVA.htm#nashapochta (Дата обращения 22.05.2017 г. 10:30).

Меч и Златник: К 1150-летию зарождение Древнерусского государства: каталог выставки / Науч. ред.: Д.В. Журавлев, В.В. Мурашева. М.: Кучково поле, 2012. 320 с., ил.

Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья (Археология евразийских степей. Вып. 14) / Отв. ред. Е.П. Казаков. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2012. 408 с.

Полубояринова М. Д. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 149–218.

Самойлович Н.Г. Стеклянные бусы Ростова Великого // Археология Верхнего Поволжья / Под ред. А.В. Кашкина. М., 2006. С. 371–386.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.

Щапова Ю.Л. Стеклянные бусы Новгорода // Тр. Новгородской археол. эксп. Том I. / МИА. 1956. № 55. С.165–179.

Щапова Ю.Л. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав: Учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 1989. 120 с.

Callmer J. Trade beads and bead trade in Scandinavia ca 800–1000 A. D. – Lund: Malmö, 1977. 230 p. (Acta archaeologica Lundensia; Ser. 4; N 11).

Информация об авторах:

Воробьева Елена Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент, Казанский Федеральный университет (г. Казань, Россия); veer47@mail.ru

Кутузова Дарья Олеговна, лаборант-исследователь, Учебно-научный археолого-этнологический центр Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола, Россия); homjak2012@mail

About the authors:

Vorobeva Elena E. Candidate of Historical Sciences. docent, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Russian Federation); veer47@mail.ru

Kutuzova Darja O., laboratory researcher, Educational-scientific archeology and Ethnology centre of Mary State University. Ryabinina Str., 8, Yoshkar-Ola, Russian; homjak2012@mail

УДК 902/904

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ МЕЖДУРЕЧЬЯ КАМЫ И ИНЬВЫ В V–XV ВВ. Н.Э. ПО ДАННЫМ КАРТОГРАФИИ

(Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект №16-11-59004 «Система расселения «харинских» племен во второй половине I тыс. н.э. на территории Прикамья» и РФФИ, проект №17-46-590780 «Хозяйственно-культурный облик средневекового Предуралья (комплексное исследование)»

© А.В. Вострокнутов

THE HISTORICAL POPULATION DYNAMICS OF KAMA AND INVA INTERFLUVE AREA DURING THE 5TH - 15TH CENTURIES ACCORDING CARTOGRAPHY DATA

В статье представлены результаты картографирования исторической динамики населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья. Несмотря на ряд недостатков этого метода, полученные данные подтверждают выводы исследователей об изменениях в социокультурной ситуации в Пермском Предуралье эпохи средневековья, полученные при изучении других категорий материала. Картографирование памятников археологии позволило выделить 32 территориальные группы этих объектов. Дальнейшая их интерпретация планируется в ближайшее время.

Ключевые слова: археология, Пермское Предуралье, территориальная группа, эпоха средневековья, динамика, археологическая культура, население

This article presents results of the research in cartography the historical dynamics of the population Perm Cis-Urals during the Middle Ages. Despite this method has several drawbacks, however, the data obtained confirm the results of other researchers on socio-cultural changes in medieval history of the Perm Cis-Urals obtained in the study of other categories of artifacts. The mapping the archaeological sites allowed to allocate 32 territorial groups among them. The interpretation of these groups is planed in the near future.

Keywords: archaeology, Perm Cis-Urals, territorial group, Middle Ages, dynamics, archaeological culture, population

Данная работа посвящена изучению динамики населения междуречья рек Камы и Иньвы в V–XV вв. На современном этапе эта территория занимает северо-западную часть Пермского края и включает в себя (с севера на юг) Гайнский, Косинский, Кочевский, Юрлинский, Кудымкарский и Юсьвинский районы, до 2005 г. составлявшие Коми-Пермяцкий автономный округ.

Имеющаяся масса памятников археологии V–XV вв. была разделена по векам и нанесена на карту в программе Quantum GIS 2.12.1, куда также были добавлены векторные данные о речной сети Пермского края (OpenStreetMap).

Рассматривая группы памятников по векам, мы сможем проследить процесс движения местного населения по интересующей нас территории на протяжении эпохи средневековья.

По сегодняшний день междуречье рек Камы и Иньвы является территорией компактного расселения коми-пермяков. Таким образом, территориальные рамки исследования включают в себя течение р. Камы с притоками в пределах современного Гайнского района на севере до р. Иньвы с притоками на юге.

Еще одной крупной рекой региона является р. Коса, пересекающая интересующую нас территорию с юго-запада на северо-восток. Рельеф составляет Верхнекамская возвышенность на западе, Северные увалы и Веслянская низменность на севере, Косинская низменность в центре и Кондасские увалы на востоке.

Драматические события эпохи Великого переселения народов не обошли территорию Пермского Предуралья и междуречья Камы

и Иньвы, в частности. На смену существовавшей здесь гляденовской археологической культуре приходят памятники харинского типа, затем – ломоватовской археологической культуры и, наконец, родановской. Кратко охарактеризуем каждый из этих своеобразных этапов.

Харинское время (V–VII вв.) ознаменовалось не только появлением нового для указанного региона курганного обряда захоронений, но и расширением территории обитания прикамского населения от центральной артерии, р. Кама, по периферии, которое началось еще на позднем этапе гляденовской культуры (Перескоков, 2013).

Памятники археологии ломоватовского времени (VII–XI вв.) свидетельствуют о расцвете культуры местного населения, формировании ремесленных центров, установлении торговых связей с сопредельными и дальними регионами. Теме изучения различных аспектов существования ломоватовской культуры посвящены многие работы (Голубева, 1966; Голдина, 1985; Крыласова, 2001; Белавин, 2000; Крыласова, Иванов, 2007; Подосенова, 2009 и т.д.).

С конца XI в. по XIV (XV) в. функционирует родановская археологическая культура. Ранее этот временной промежуток датировался IX–XV вв., что делало многие позднеломоватовские памятники «раннеродановскими». Однако, на наш взгляд, А.М. Белавин и Н.Б. Крыласова, привлекая многочисленные данные по анализу керамики, погребальному обряду, костюму населения этого спорного времени, смогли убедительно доказать правомочность датировки родановской археологической культуры с конца XI–XII по XV вв. (Белавин, Крыласова, 2016). Справедливости ради стоит отметить, что М.В. Талицкий, выделивший родановскую культуру из прикамских средневековых древностей, также был склонен относить ее к периоду XII–XIV вв., отделяя ее от ломоватовской «загарской эпохой» X–XI вв. (Талицкий, 1951, с. 55–59).

Помимо вышеперечисленного, для родановской археологической культуры характерно появление пашенного земледелия (Сарапулов, 2015, с. 52–54) и нового ювелирного стиля (переход от литья в одно и двусторонние формы к т.н. «кружевному литью» – наборной технике), очевидно, принесенного населением из Поволжья (Востроknутов, 2016, с. 182, 185).

Таким образом, временные рамки данной работы, как уже говорилось, охватывают три периода: V–VII вв., VII–XI вв. и конца XI–XV вв., всего 11 веков.

Картографические данные. Предлагаемое ниже исследование носит характер «постановки вопроса». Суть его, как уже говорилось, заключается в нанесении известных памятников археологии на картографическую основу по векам и дальнейший анализ полученных данных.

Недостатком этого метода, как верно подметил В.А. Иванов, является малый процент изученных раскопками археологических объектов от общего числа памятников (Иванов, 2017). Однако, если смотреть реалистично, то, на наш взгляд, этот процент так и останется крайне малым, что, конечно, не может служить основанием для отказа от построения выводов на основе картографического метода.

Еще одним «слабым местом» является условность датировки тех памятников, которые не подверглись широкомасштабным раскопкам. Эта проблема вытекает из указанной выше. Однако, несмотря на «условность» в датировке многих памятников археологии, применяя картографический метод, можно получить весьма ценные сведения об исторических процессах для региона. Данные, полученные в результате анализа карт, даже с большим количеством условно датированных (или широко датированных) объектов подтверждают выводы, сделанные исследователями, опирающимися на другие источники своих изысканий. Об этом будет сказано дополнительно.

Приведенные далее картографические данные были составлены с привлечением как картографических источников, сводов памятников археологии (Материалы к археологической карте Пермской области, 1996; Талицкая, 1952), так и данных полевых обследований, в которых автор принимал личное участие. В качестве источников не привлекались те памятники археологии, которые имеют весьма условную датировку (например, «железный век» или «средние века»).

V век. В это время начинается освоение интересующей нас территории – об этом свидетельствует группа памятников, которая появляется в междуречье р. Лолог и р. Кычдез в северо-восточной оконечности Верхнекамской возвышенности, она насчитывает 6 могильников, 1 городище и 4 селища.

Памятники располагаются группами из могильника и селища (в одном случае двух селищ). Расстояние между этими группами составляет от 4 до 6 км. У трех могильников

сопутствующие селища еще не выявлены, однако, они попадают в указанный интервал расстояний.

Особенностью этой группы памятников является то, что городище (Карашор), которое, по идее, должно прикрывать собой местное население, находится на довольно большом удалении от основной группы: в 10 км к западу.

Следует отметить, что помимо Лологской группы памятников в своде присутствует могильник Имасы, имеющий весьма широкую датировку, начинающуюся с V в. Он расположен на левом берегу р. Лолог и не имеет близко находящихся поселенческих памятников. Но, на наш взгляд, их открытие – вопрос времени. Поэтому логично было бы вывести Имасовскую группу памятников, т.к. могильник без поселенческих памятников возникнуть не может.

VI век. Население начинает осваивать территории на север: в это время мы фиксируем группу памятников, состоящую из 4 могильников и 1 городища, которая расположена в районе современного с. Гайны на северной оконечности Верхнекамской возвышенности. Там же, в 15 км к западу начинает формироваться Весская группа памятников (расположенная по берегам р. Вес). К сожалению, селищ, которые были бы отнесены к VI в. в этой группе еще не выявлено. Также не выявлено поселений (кроме городища) в Гайнской группе.

В это же время появляются памятники южнее – в бассейне среднего течения р. Иньва. Однако они располагаются не на главной водной артерии, а на притоках. Здесь можно зафиксировать формирование Кувинской (1 городище и 2 селища), Велвинской (1 городище, 1 могильник и 2 селища) и Юсьвинской (1 городище) групп памятников. Особняком стоит Стариковское селище на р. Гыркашор. Оно просуществует до IX в., однако, около него, в отличие от других групп, не будет происходить формирования новой группы памятников. Возможно, здесь мы имеем дело с недостаточной изученностью этой территории.

VII век. В Лологской группе прекращают существование 2 селища, хотя, это, скорее всего, можно связать с проблемами датировки – ведь не могут остаться существовать могильники без поселений. В Гайнской группе появляется 1 селище; в 15 км юго-восточнее Кувинской группы начинает функционировать Кудымкарское городище – центр Кудымкарской группы; в Велвинской группе также появляется 1 городище.

В 25 км к западу от Гайнской группы памятников на левом берегу р. Кама появляется могильник Плес. Ближайшее к нему селище датируется только начиная с IX в., что, скорее всего, говорит о необходимости коррекции датировки.

Интересно отметить появление двух новых групп памятников, располагающихся между лологскими и иньвенскими. Это Онолвинская группа, состоящая из 2 селищ и Боголюбовская (по дер. Боголюбово) из 3 селищ.

VIII век. В Гайнской группе перестают функционировать 2 могильника, но появляются 2 новых некрополя, а также 8 селищ. В Весской группе памятников вообще не фиксируется, однако, в следующем столетии картина изменится.

Исчезает Лологская группа памятников. Очевидно, это связано с окончанием т.н. «харинского времени».

В Онолвинской группе появляются 2 могильника; в Боголюбовской – 3 новых селища.

В бассейне Иньвы появляется еще одна группа, Пешнигортская, из 2 селищ и могильника. В Велвинской группе прекращают функционировать 1 могильник и 1 селище.

IX век. Оформляется Плесинская группа памятников, состоящая из 1 могильника и 1 селища. Вновь появляется Весская группа из 2 городищ и 2 селищ. Изменения касаются и Гайнскую группу: здесь появляются 13 новых селищ, 3 городища и 1 могильник, причем исчезает всего 1 некрополь. Интерес вызывает соседство на небольшой площади 3 новых городищ (Устин I–III) – расстояние между ними не превышает 0,2 км.

Немного севернее Сальниковской группы появляется 1 городище (Сеполь), что, очевидно, позволяет нам говорить о функционировании Сепольской группы с пока еще не выявленными поселениями и некрополем.

В районе современного с. Верх-Иньва начинает функционировать новое городище (Левино), однако, на сегодняшний день не известно близко расположенных к нему поселенческих памятников и некрополей. Ближайшие поселенческие памятники к этому городищу, селища Мушарино I–III, располагаются в 15 км к западу, но их датировка пока не ясна; селище Васево, расположенное в 5 км к юго-востоку, появляется гораздо позднее. Таким образом, выявление остальных памятников,

слагающих Верх-Иньвенскую группу, вопрос времени.

В Велвинской группе появляются 2 селища, 1 городище и 1 могильник. На это время приходится формирование Пожевской группы памятников, состоящей из 1 селища и 1 могильника

Вновь фиксируются следы Лологской группы памятников – у слияния рек Кычдез и Лолог появляется могильник и городище Кычдез.

X век. Заселение междуречья Лолога и Кычдеза продолжается. Группа памятников здесь состоит из 3 городищ и 2 могильников. Однако появившийся в 9 в. могильник и городище Кычдез отстоит от основной группы минимум на 16 км (к северо-востоку от основной группы). Аналогичная картина и с появившимся в X в. могильником Красильниково I – он отстоит от Лологской группы на 8 км (к юго-востоку). На наш взгляд, эти памятники (2 могильника и 1 городище) являются свидетельствами существования в то время по соседству с Лологской группой памятников еще двух других групп (Кычдезовской и Красильниковской). Поскольку могильник не может существовать без поселений, то их выявление – вопрос времени.

Весская группа памятников теперь состоит из 3 городищ, 3 селищ и 1 могильника.

В Гайнской группе памятников также происходят изменения: здесь исчезают 1 городище и 1 могильник, но появляются 8 селищ. Говоря о Гайнской группе, следует сделать небольшое отступление. Количество археологических памятников здесь столь велико и они вытянуты на столь большое расстояние вдоль основной водной артерии, р. Кама, что сам напрашивается вывод о возможности разделения Гайнской территориальной группы на несколько более мелких (например, Харинская, Агафоновская, Устиновская), что, возможно, будет сделано в развитии данного исследования.

Аналогичное деление можно провести с X в. и для Онолвинской территориальной группы, где в это время появляются 2 новых городища и 1 могильник, хотя 1 могильник исчезает, что, возможно, указывает на необходимость коррекции датировки памятников. Расстояния между кустами памятников, содержащих в себе селище, могильник и городище (в одном случае только селище и могильник), составляют от 3 до 6 км. Наличие в каждом кусте некрополя и довольно значительное расстояние их друг от друга также могут позволить выделить из Онолвинской группы три новых (Урьинская, Большекочевская и Вежайская).

В 40 км к северо-западу от Гайнской территориальной группы начинается формирование Лупьинской группы, пока только в виде 1 селища. Городище и могильник появятся там в последующее время, что, на наш взгляд, свидетельствует о необходимости корректировки датировки этих памятников.

На левом берегу среднего течения р. Коса начинают функционировать 2 могильника, расстояние между которыми составляет 9 км, что позволяет говорить о появлении 2 новых территориальных групп: Варышской и Войвылской (обе названы по могильникам). Поселений, к сожалению, в этих группах не выявлено, но, как и в остальных подобных случаях, это вопрос времени.

В районе современного с. Коса начинает функционировать крупное одноименное городище, очевидно, являющееся центром Косинской группы.

В бассейне р. Иньва практически исчезает Кувинская территориальная группа. В Велвинской группе также происходят перемены: исчезают 2 городища, 2 селища и 1 могильник, но появляется 1 новое городище. На территории Юсьвинской группы прекращает функционирование Ручевское городище, но ему на смену приходит городище Гырчи. В Пешнигортской территориальной группе перестает функционировать могильник. Поскольку нового могильника там не появляется, то можно поставить вопрос о корректности датировки 2 селищ, составляющих эту группу в IX в.

В нижнем течении р. Иньва начинает формироваться Купросская группа памятников, пока состоящая из одноименного городища, но получившая развитие впоследствии. В 15 км к северу от нее появляется Мартыновское селище – начинается формирование Исыло-Ядьвинской территориальной группы.

На иньвенском правобережье фиксируется Полютовская территориальная группа, состоящая из 1 городища и 1 могильника. На противоположном берегу Иньвы находится Майкорское городище, являвшееся центром Майкорской группы памятников. К сожалению, здесь пока не выявлено ни других поселенческих памятников, ни некрополей, однако, имеется информация о возможном могильнике (Талицкая, 1952, с. 133). Получает развитие и Пожевская группа памятников –

здесь начинает функционировать 1 городище (Роданово).

XI век. Самая северная группа памятников, Лупьинская, получает развитие в виде 1 городища. Южнее, в Гайнской и Весской группах изменения не происходят, но исчезает Плесинская территориальная группа.

В Онолвинской группе исчезают 2 селища и могильник. Прекращает существование Сальниковская территориальная группа, но в 5 км к югу от нее появляется 1 селище, являющееся, очевидно, свидетельством начала функционирования Зулинской группы памятников. В данном случае могильников вблизи этого селища не выявлено, однако, как и в предыдущих случаях, на наш взгляд, их открытие должно произойти в будущем.

В Велвинской группе прекращают функционировать 2 селища, 1 городище и 1 могильник; в остальных группах бассейна Иньвы изменений практически не происходит, только в Полютовской группе прекращает функционировать 1 могильник, но появляется новый. Интерес вызывает появление селищ по левобережным иньвенским притокам: рекам Доег, Пой и Исыл. Начавшие здесь функционировать селища Доег I и Калино, очевидно, являются свидетельствами появления новых групп памятников с еще не выявленными некрополями, а селище Вакино было бы правильнее отнести к Исыло-Ядьвинской группе. Исключение составляет Доеговская группа: здесь известен Доеговский могильник, который не был включен в исследование из-за неясной датировки.

XII век. С наступлением XII в. на территории Лупьинской группы появляется 1 могильник. Как было сказано ранее, здесь, возможно, имеет место быть необходимость корректировки даты памятников.

Южнее, в Гайнской группе, появляются 3 новых городища. Изменений в междуречье Лологской группе не происходит, как и в других группах, находящихся в бассейне р. Коса.

В XII столетии в 20 км к юго-западу от Зулинской группы начинает функционировать Лопвинское городище, очевидно, являющееся центром Лопвинской группы памятников с еще не выявленным некрополем.

В бассейне Иньвы исчезает Пешнигортская группа памятников. В Пожеской группе также происходят изменения: здесь исчезают 1 селище и 1 могильник. Сокращается и Велвинская группа – здесь исчезает 1 городище.

В 5 км к северо-западу от Купросского городища начинает функционировать Гуринский могильник, возможно, имеющий отношение к Купросской группе.

XIII век. В Лупьинской группе исчезает 1 городище. Южнее, в Весской группе памятников, прекращают функционирование 2 селища и 1 могильник. В Гайнской группе исчезают 16 селищ и 3 могильника.

Исчезают Кычдезовская и Варышская территориальные группы.

Южнее прекращает функционирование городище Сепоть (Сепольская группа).

Также прекращает функционирование Верх-Иньвенская группа. Временно прекращает существование Велвинская группа; в Кудымкарской группе, наоборот, появляется 1 новый некрополь. Также новый могильник появляется в Исыло-Ядьвинской группе. Кроме этого, исчезает могильник в Полютовской группе, что, возможно, связано с необходимостью коррекции датировки.

XIV век. Исчезает Лупьинская группа памятников. Сокращается и Гаинская группа – исчезают 4 селища, 2 городища и 1 могильник.

Незаселенным (по крайней мере, по археологическим данным) становится огромное пространство междуречья рек Лолог и Коса (Лологская, Войвылская, Косинская и Онолвинская группы).

Прекращает функционирование городище Лопва. Южнее, на территории Велвинской группы, возникают два новых селища (некрополи пока не известны). Два селища появляются и на правом притоке Иньвы, р. Котыс, расположенной в юго-западной части интересующего нас региона. Таким образом, можно говорить о формировании Визяевской группы памятников.

В запустение приходят земли ниже по течению Иньвы: исчезают памятники Купросской, Калинской, Полютовской, Майкорской и Пожевской групп. К XIV в. на территории Исыло-Ядьвинской группы фиксируется 1 могильник, что, разумеется, говорит о необходимости корректировки в датировании здешних памятников.

XV в. На всей огромной территории междуречья Камы и Иньвы остаются функционировать 6 селищ: 1 на территории Гайнской группы, 2 – Велвинская группа, 2 – Визяевская группа и 1 новое селище возникает в 22 км к северо-востоку от Визяевской группы – очевидно, это поселенческий центр Васевской группы.

Таким образом, начиная с V в. междуречье Камы и Иньвы активно осваивалось сначала харинским, потом ломоватовским и, наконец, родановским населением. Как в начале, так и в конце интересующего нас временного промежутка количество известных памятников археологии невелико: 12 – в V в. и 6 – в XV в. За все изученное время в регионе зафиксировано 144 памятника археологии (68 селищ, 35 городищ и 41 могильник).

Оценим развитие плотности археологических объектов на карте (таблица 1).

Как видно из приведенных данных, начиная с V и до IX в. наблюдается постепенное равномерное увеличение археологических объектов в интересующем нас регионе. В IX в. это количество резко возрастает (с 42 до 74). Наибольшее количество памятников археологии отмечено в X в., 92 памятника (на это время приходится и максимальное количество территориальных групп). Затем в период XI–XII вв. происходит незначительное сокращение археологических объектов (до 81 памятника в XII в.), после этого в XIII в. следует резкое сокращение – 51 памятник. В XIV в. сокращение продолжается (27 памятников) и в XV в. существует лишь 6 объектов археологического наследия.

Сравнив количественные показатели (таблица 2) всех 32 двух территориальных групп (рисунок 1), можно отметить, что, в целом период VIII–XII вв. является «периодом стабильности», который был нарушен в XIII в., а наиболее резкий перепад в сторону уменьшения памятников (следовательно – населения) отмечен в XIII–XIV вв. Конечно внутри территориальных групп спады отмечались и ранее: на два столетия (VIII–IX вв) прекращала существовать Лологская группа, в Велвинской группе спад начался в IX в., а к XIII в. она прекратила свое существование; Сальниковская группа памятников перестала существовать еще раньше – в X в. Но в целом динамика памятников по региону выглядит стабильно именно с VIII в.: количество их равномерно увеличивается, либо незначительно сокращается (как в XI–XII вв.).

Мы уже приводили различные варианты, чем вызван такой резкий спад в плотности населения Камско-Иньвенского междуречья. Сюда можно отнести похолодание климата и другие неблагоприятные погодные условия, монгольские походы первой трети XIII., болезни (Востроκнутов, 2011).

Следует отметить, что приведенные выше данные, несмотря на недостатки метода, указанные в начале данной работы, подтверждают вывод ряда исследователей (А.М. Белавина, Н.Б. Крыласовой, А.Н. Сарапулова и др.) о том, что смена ломоватовской культуры родановской произошла не в IX в. Период VIII–XII вв. является наиболее стабильным. Перемены начинаются как раз в XII–XIII вв. Учитывая, что процесс смены археологических культур имеет длительный характер, мы склонны считать, что данные картографического анализа также подтверждают выводы исследователей о правомочности смены культур в конце XI–XII вв., который, возможно, завершился к середине XII в. К сожалению, в XIII в. начинается спад в развитии местной культуры, который, скорее всего, был вызван комплексом причин, начиная от природных, заканчивая т.н. «человеческим фактором».

Из приведенных выше данных следует, что многие памятники еще только предстоит выявить. К сожалению, процесс этот весьма длительный.

Данное исследование носит начальный характер большого картографического анализа средневековых культур Пермского Предуралья. Благодаря современным технологиям и привлечению данных различных наук, данный недеструктивный подход позволит более полно осветить средневековую историю интересующего нас региона.

ЛИТЕРАТУРА

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Проблема периодизации средневековых археологических культур Пермского Предуралья // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016. № 1 (32). С. 28–41.

Белавин А.М. Камский торговый путь: средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: ПГПУ, 2000. 200 с.

Востроκнутов А.В. Археологические памятники бассейна Верхней Камы XI–XV вв.: опыт картографического анализа с применением климатических данных // Казанская наука. 2011. № 8. С. 15–17

Востроκнутов А.В. Шумящие украшения Пермского Предуралья конца XI–XIV вв.: культурно-хронологическая и технологическая идентификация. Дис… канд. ист. наук. Пермь, 2016. 336 с.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье / Науч. ред. В.Ф. Генинг. Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1985. 280 с.

Голубева Л.А. Коньковые подвески Верхнего Прикамья // СА. 1966. № 3. С. 80–98.

Иванов В.А. Памятники эпохи раннего железного века – средневековья Южного Предуралья: источниковедческий контекст (лес и лесостепь) // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 130–144.

Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья (по материалам костюма) / Науч. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН, 2006. 163 с.

Крыласова Н.Б. История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья / . Пермь: ПГПУ, 2001. 220 с.

Памятники истории и культуры Пермской области. Том I. (Материалы к археологической карте Пермской области) / Отв. ред. Ю.В. Ушаков. Пермь: Арабеск, 1996. 299 с.

Перескоков М.Л. Территория и локальные варианты позднего этапа гляденовской культуры в Пермском Прикамье // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2013. № 1 (21). С. 58–66.

Подосенова Ю.А. Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья. Дис… канд. ист. наук. Пермь, 2009. 272 с.

Сарапулов А.Н. Средневековое земледелие Пермского Предуралья по археологическим данным / Науч. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГГПУ. 170 с.

Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы // МИА. 1952. № 27. 226 с.

Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // МИА. 1951. № 22. С. 33 – 96.

Таблица 1. Количественные характеристики типов памятников археологии в междуречье Камы и Иньвы в V–XV вв.

Века	Селища	Городища	Могильники	Итого
V	4	1	7	12
VI	9	5	13	27
VII	12	7	15	34
VIII	23	7	11	42
IX	43	16	15	74
X	49	24	19	92
XI	43	24	16	83
XII	38	27	16	81
XIII	19	20	12	51
XIV	16	7	4	27
XV	6	0	0	6

Таблица 2. Количественные показатели памятников археологии различных территориальных групп

Номер на рисунке	Название территориальной группы	Количество памятников по векам										
		V	*VI*	*VII*	*VIII*	*IX*	*X*	*XI*	*XII*	*XIII*	*XIV*	*XV*
4	Гайнская	0	5	7	15	33	39	39	39	21	14	1

3	Весская	0	1	1	0	4	7	7	7	4	4	0
2	Плесинская	0	0	1	1	2	2	0	0	0	0	0
1	Лупьинская	0	0	0	0	0	1	2	3	2	0	0
6	Лологская	11	11	8	0	0	4	4	4	4	0	0
12	Онолвинская	0	0	2	4	4	6	3	3	3	0	0
14	Сальниковская	0	0	3	6	6	5	0	0	0	0	0
13	Сепольская	0	0	0	0	1	1	1	1	0	0	0
11	Варышская	0	0	0	0	0	1	1	1	0	0	0
10	Войвылская	0	0	0	0	0	1	1	1	1	0	0
18	Велвинская	0	4	5	5	9	6	3	2	0	2	2
28	Стариковская	0	1	1	1	1	0	0	0	0	0	0
32	Пожевская	0	0	0	0	2	3	3	1	1	0	0
31	Майкорская	0	0	0	0	0	1	1	1	1	0	0
17	Кувинская	0	3	3	3	3	0	0	0	0	0	0
27	Юсьвинская	0	1	1	1	1	1	1	1	0	0	0
26	Кудымкарская	0	0	1	1	1	1	1	1	2	2	0
25	Пешнигортская	0	0	0	3	3	2	2	0	0	0	0
23	Верх-Иньвенская	0	0	0	0	1	1	1	1	0	0	0
30	Полютовская	0	0	0	0	0	2	2	2	1	0	0
29	Купросская	0	0	0	0	0	1	1	2	2	0	0
20	Калинская	0	0	0	0	0	0	1	1	1	0	0
19	Исыло-Ядьвинская	0	0	0	0	0	1	2	2	3	2	0
21	Доеговская	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0
7	Кычдезовская	0	0	0	0	2	2	2	2	0	0	0
8	Косинская	0	0	0	0	0	1	1	1	1	0	0
9	Красильниковская	0	0	0	0	0	1	1	1	1	0	0
16	Лопвинская	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0
15	Зулинская	0	0	0	0	0	1	1	1	1	1	0
22	Визяевская	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	2
24	Васевская	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
5	Имасы	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0	0

Информация об авторе:

Востроknутов Артем Викторович, кандидат исторических наук, специалист по музейному делу Музея археологи и этнографии Пермского Предуралья ПГГПУ (г. Пермь, Россия); art-vostr@mail.ru

About the author:

Vostroknutov Artem V., Candidate of Historical Sciences, Specialist of Museum Work. Perm State Humanitarian-Pedagogical University. Sibirskaya str. 24, Perm, Russian Federation, 614990; art-vostr@mail.ru

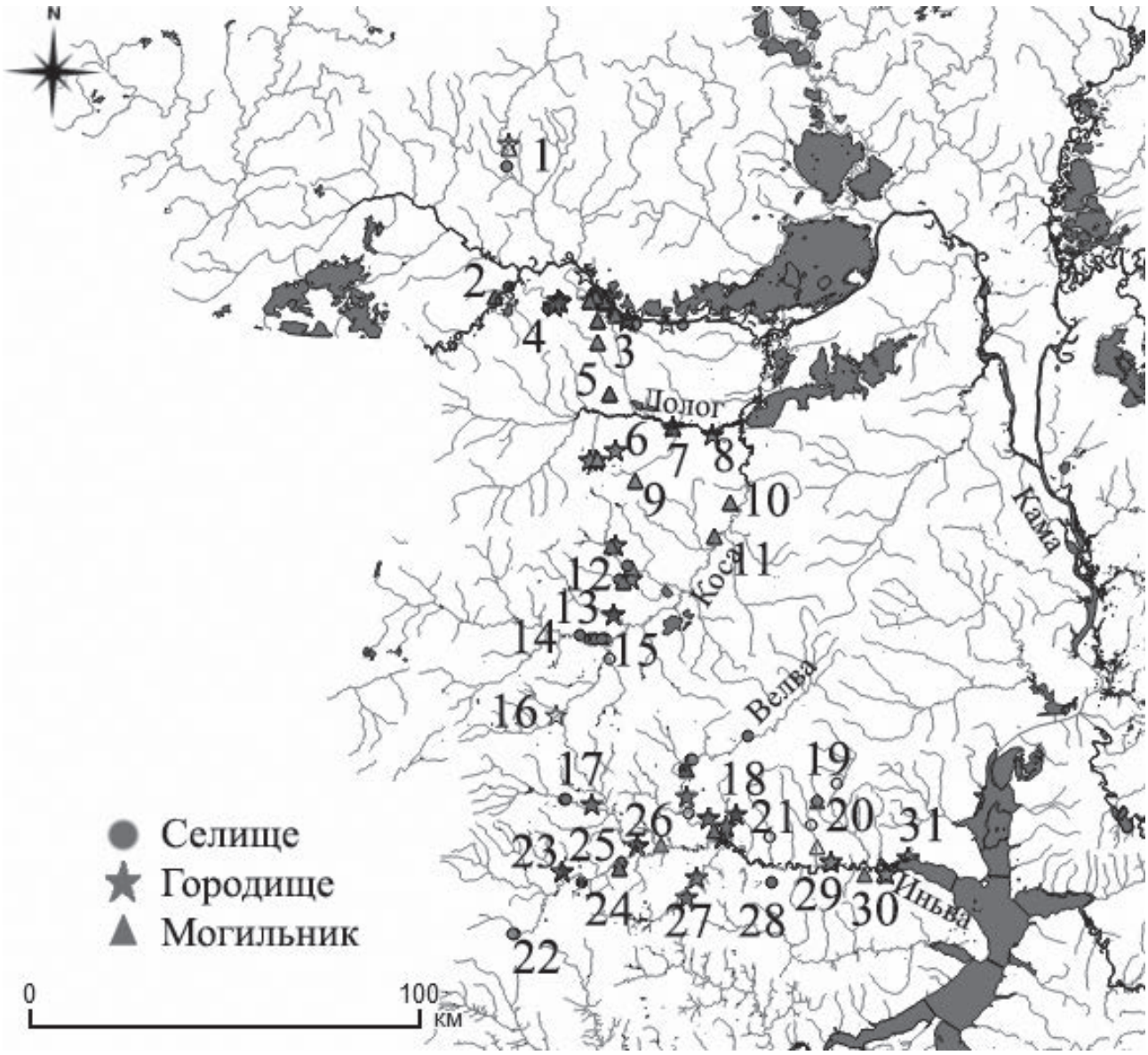


Рис. 1. Расположение территориальных групп памятников археологии V–XV вв. в междуречье Камы и Иньвы. 1.Лупьинская, 2. Плесинская, 3. Гайнская, 4. Весская, 5. Имасовская, 6. Лолгская, 7. Кычдезовская, 8. Косинская, 9. Красильниковская, 10. Войвылская, 11. Варышская, 12. Онолвинская, 13. Сепольская, 14. Сальниковская, 15. Зулинская, 16. Лопвинская, 17. Кувинская, 18. Велвинская, 19. Исыло-Ядьвинская, 20. Калинская, 21. Доеговская, 22. Визяевская, 23. Верх-Иньвенская, 24. Васевская, 25. Пешнигортская, 26. Кудымкарская, 27. Юсьвинская, 28. Стариковская, 29. Купросская, 30. Полютовская, 31. Майкорская, 32. Пожевская.

УДК 623.11

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ О ФОРТИФИКАЦИИ X–XVI ВВ. НА ТЕРРИТОРИИ ПОВОЛЖЬЯ

(работа подготовлена в рамках гранта Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ РФ № НШ-7170.2016.6.)

© А.М. Губайдуллин

WRITTEN SOURCES CONCERNING FORTIFICATION IN THE VOLGA REGION DURING THE X-XVI CENTURIES

Статья посвящена рассмотрению средневековых письменных источников, в которых упоминаются крепостные сооружения Волжской Булгарии и Казанского ханства. Автор статьи также обращает внимание и на отражение в данных источниках способов осады и обороны крепостей. Сведения арабских и персидских писателей, а также ногайских и русских источников дают нам некоторое представление о фортификации того времени. На основе этих сведений мы можем попытаться реконструировать облик некоторых оборонительных конструкций и эволюцию всего военного зодчества на протяжении X–XVI вв.

Ключевые слова: археология, Волжская Булгария, Казанское ханство, фортификация, письменные источники.

Medieval written sources in which the fortifications of Volga Bulgaria and Kazan khanate have been mentioned are analized in the article. The author also pay attention to the revealing in these sources the ways of a siege and defenses of fortresses. Data by the Arab and Persian writers as well as by the Nogai and Russian sources give us some idea of fortification during that period. Based on these sources we can try to reconstruct a shape of some defensive designs and evolution of all military architecture throughout the X–XVI centuries.

Keywords: archaeology, Volga Bulgaria, Kazan khanate, fortification, written sources.

Для изучения фортификации, в том числе и памятников военного зодчества любого народа и государства, несомненно, важную роль играют сообщения письменных источников. В них так или иначе отражены не только происходившие исторические события, но и приводятся некоторые сопутствующие им краткие описания, касающиеся городов и их оборонительных сооружений. Так, например, наиболее ранние сведения по укреплениям поселений Волжской Булгарии мы можем почерпнуть в арабо-персидских и русских источниках.

О Булгарском государстве появляются сообщения в арабских письменных документах еще практически со времени становления его в Среднем Поволжье. Несмотря на их краткость, мы имеем некоторое представление о предмете исследования. Пожалуй, первым здесь можно назвать среднеазиатского географа Абу-Абдаллаха Мухаммада ал-Джайхани, писавшего в первые десятилетия X в. Его перу принадлежит интересное, на наш взгляд, сообщение: «У них два города, один из них называется Сувар, а другой называется Болгар; между двумя городами пространство пути в два дня по берегу реки в очень густых зарослях, в которых они укрепляются против врагов» (Заходер, 1967, с. 37). Судя по нему, мы видим, что здесь булгары использовали для своей защиты т.н. «естественную фортификацию». Нельзя исключать также и дополнительного применения засек, устройство которых уходит корнями в древность[1].

К одним из ранних упоминаний крепостных сооружений булгар можно отнести и краткие сведения из письма хазарского кагана Иосифа в Кордовский халифат. В нем, в частности, говорится: «Они живут на открытой местности и в укрепленных стенами городах» (Коковцов, 1932, с. 98–99). Примечательно, что эти данные относятся к середине – второй половине X века, в наше же время они подтверждаются и археологически. Об этом свидетельствуют оборонительные сооружения многих городищ Волжской Булгарии,

[1] Засека – тип заграждения, состоявшего из не менее трех рядов деревьев, которые повалены крест на крест в сторону возможного нападения неприятеля.

например, Билярского, Суварского, Коминтерновского II, Танкеевского и др.

Посетивший Волжскую Булгарию в первой половине XII века арабский путешественник Абу-Хамид Мухаммад ал-Гарнати писал: «А Булгар тоже огромный город, весь построенный из сосны, а городская стена – из дуба» (Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати, 1971, с. 30). Его современник, знаменитый арабский географ Абу Абдаллах Мухаммад ал-Идриси в своем сочинении указывал, что в стране булгар «находится город Сабун. Это укрепленный город, (расположенный) на вершине горы…» (Коновалова, 1999, с. 192). Для написания своей работы он заимствовал сведения у более ранних авторов и нам сложно идентифицировать и локализовать этот памятник. Все же само упоминание такого, возможно, неординарного укрепленного поселения является интересным фактом. Тем более что подобного типа булгарские городища известны науке.

В сочинении середины XIII в. «История завоевателя мира» (закончено в 1260 г.) персидского историка Ала ад-Дина Ата-Мелика ибн Мухаммеда Джувейни имеются некоторые сведения о городах Волжской Булгарии времени захвата их монголами: «Сначала они (царевичи) силою и штурмом взяли город Булгар, который известен был в мире недоступностью местности и большою населенностью…» (Тизенгаузен, 1941, с. 22–23; Арсланова, 1988, с. 40). Интересным, на наш взгляд, может быть и описание окрестностей одного из городов: «…а окрестности были покрыты болотами и лесом до того густым, что нельзя было проползти змее» (Тизенгаузен, 1941, с. 22–23; Арсланова, 1988, с. 41). Является ли это только указанием на природные защитные свойства местности или здесь говорится еще и о дополнительных рукотворных засеках – вопрос открытый. Ала ад-Дином Джувейни показан и один из способов штурма городов, которые использовали монголы. В данном случае это осада неизвестного города – М.л.с. или М.к.с. (по Джувейни): «Царевичи сообща окружили (город) с разных сторон и сперва с каждого бока устроили такую широкую дорогу, что (по ней) могли проехать три–четыре повозки, а потом против стен его выставили метательные орудия. Через несколько дней они оставили от этого города только имя его, и нашли (там) много добычи» (Тизенгаузен, 1941, с. 22–23; Арсланова, 1988, с. 41).

В русских же летописях даются более конкретные сведения, где уже упоминаются «ворота городные», «плотъ», «твердь оплотом», а также некоторые способы осады и штурма крепостных сооружений, которые применяли как булгарские, так и русские дружины: «обьстоупиша градъ…», «приидоша Болгаре… безъ вести и остоупиша градокъ в лодияхъ, бе бо малъ градокъ, и изнемогаху людие въ граде гладомъ и жажею, и не бе лзе никомоу же изити изъ града и дати весть…», «расекше плотъ, вбиша я в градъ и отяша у нихъ врата, и зажгоша градъ ихъ, и взяша и на щитъ» (ПСРЛ, т. I, 1962, с. 390, 443–444; ПСРЛ, т. II, 1962, с. 625; ПСРЛ, т. VII, 1856, с. 96; ПСРЛ, т. XV, 1965, стлб. 269; ПСРЛ, т. 24, 1921, с. 72–73, 77). Вызывает интерес система укреплений булгарского города Ошеля и эпизод его обороны, отраженные в летописях: «... около же града бе острогъ, тын дубовъ, а за нимъ два оплота и межи ними вал съсыпанъ, и по тому валу рышуще из затыниа бияхуся» (ПСРЛ, т. VII, 1856, с. 127; ПСРЛ, т. XV, 1965, с. 330).

Если для золотоордынского времени письменных сведений по булгарской фортификации недостаточно, то для эпохи Казанского ханства они представлены более широко. К наиболее ранним источникам здесь можно отнести сообщения Никоновской и Воскресенской летописей, «Записки о Московии» австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна, «Историю о Казанском царстве (Казанский летописец)» неизвестного автора и «Историю о великом князе Московском» князя А.М. Курбского.

В Никоновской летописи под 1500 г. говорится: «Царь же казанский повеле около града нарядити острог…» (ПСРЛ, т. XII, 1965, с. 253). Этот тип укреплений упоминается и под 1530 г.: «острогъ у нихъ по Булаку взяша», «въ острозе» (Воскресенская летопись, т. 3, 1998, с. 360); те же и другие оборонительные конструкции упомянуты под 1552 г.: «на Арьскую засеку», «обламки», «острог бе их рублен городнями и землею насыпан», «многыми засеками засечено», «крыющеся в ямы и рвы копающе под врата градцкые и под стену и рыюще норы под тарасы», «у всяких ворот за рвом тарасы великие, землею насыпаны», «на мостех градных и воротех и такожде и о стенах», «на стенах градных и ворот града и в башне града» (ПСРЛ, т. XIII, 1965, с. 201–221).

Насколько достоверными являются эти описания, нам судить трудно, тем более памятуя о том, что зачастую авторы летописей плохо представляли себе некоторые отображаемые ими предметы. В значительно степени, конечно, это касается военно-инженерной науки.

С. Герберштейн в своих записках, касающихся событий 1524 г., упоминает «Казанскую крепость, построенную из дерева» и «крепостной холм» (Герберштейн, 1988, с. 177). Не совсем только понятно по тексту, что он имел в виду, говоря о «крепости» – крепостную ограду посада или кремля, так как нам известно и о построенном ранее посадском остроге.

Из «Истории о Казанском царстве» мы также можем почерпнуть некоторые сведения по фортификации XV – первой половины XVI вв. Интересен факт строительства ханом Улу-Мухаммедом ледяной крепости: «и здела себе град ледяныи, из реки влача толстыи лед, и снегом осыпа, и водою полия…», «и затворися во граде ледяном», упоминаются здесь также и «градные врата» (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 214, 218). Впоследствии летопись приписывает ему и перестройку укреплений Казани, где он «постави собе деревяныи град крепок, на новом месте, крепчайше стараго, не далече от старые Казани…» (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 220).

Одним из серьезных примеров наличия в Казанском ханстве военно-инженерной науки и существования специалистов–фортификаторов является описание разгрома в 1524 г. «казанской черемисой» судовой рати князя И. Палецкого, когда в узких местах реки, «в местех островных запрудиша великим древием и камением, и доспеша аки праги», что привело к скоплению многих судов, которые стали разбиваться друг о друга. После этого, срубив толстые деревья «и держаху на ужех, и на ладия пущаху со брехов, удуже миновати им», в результате чего «от единого древа ладеи пять болши погружахуся с людми и з запасом» (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 248). Здесь мы видим применение прообраза т.н. «албанского камнемета»[2], только вместо камней были использованы бревна – тип катков, укладываемых обычно на крепостных стенах, чтобы во время штурма сбрасывать на противника в ближнем бою (Губайдуллин, 2006, с. 31, 72).

Под 1530 г. автор «Истории о Казанском царстве» пишет, что хан Сафа-Гирей повелел строить «подле Булака острог, окало посаду, по Арскому полю, от Булаку же и до Казани реки, и около его рвы копати по-за острогу,… яко граду помочь будет и посады от запаления, от огня, целы отстоят» и, таким образом «зделану бывшу острогу повелением царевым вскоре крепку, и велику, с камением и з землею, двема же концами ко граду притчену ему…» (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 252, 254). Впоследствии автор также замечает: «И кто может град таков стрелами взять едиными, без пушек, аще не Господь его некако предасть» (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 282).

В 1552 г. перед приходом войск Ивана IV казанцы начали «крепити град, и застениша вси врата граду камением и землею…с приступных мест града брещи, и да ведает кождо их воевод свою страну и крепце блюдет и вся устраяет и готовит…» и стала Казань «яко великая гора каменная твердо стояше град и неподвижимо ни откуду же…» (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 131, 133). Об укреплениях города также говорится: «Много град же Казань тверд бяше, паче меры, подобен каменнои горе; стена дубовая рублена в целых древесех, а в городни сыпан ил да хрящ…» (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 452).

Основные крепостные сооружения Казани вызывали удивление и уважение противника. В «Истории о Казанском царстве» под 1552 г. пишется, что Иван IV при объезде вокруг Казани «смотряше стенныя высоты и мест приступных, и увидев удивися необычнои красоте стен крепости града» и было отчего: «Град же Казань зело крепок, велми, стоит на месте высоце, промеж двою рек Казани и Булака, и сограждeн в седмь стен, в велицех и толстых древесей дубовых: в стенах же сыпан внутри хрящь и песок и мелкое каменье, толстина же градная от рек, от Казани и от Булака, трех сажен, и те бо места ратным неприступныи» и далее: «и яко крепкими стенами и водами вкруг обведен бе град, и токмо со единыя града с поля Арского приступ мал, но туда стена градная была в толстоту 7 сажен и прекопана около ея стремнина велия, глубока. И от сего Казанцы не малу себе притяжаша крепость, не бояхуся никого же, аще и вси царства околная совокупльшася восстанут и подвигнутся на них, крепок бо бе град их» (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 119–120).

Кроме собственно Казани здесь упоминаются также «крепи черемисские», «великие и малые остроги» и «укрепления», а также «острог стары, Ареск зовом, зделан аки град тверд, и з башнями, и з бойницы, и живет людей много в нем, и брегут велми, и не бе взиман ни от коих же ратей никако же, стоит от Казани 60 верст, в местех зело крепких и в непроходных, в дебрех и блатах, единем путем к нему притти и отоити» (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 126–127).

[2] Албанский камнемет – препятствие, которое применялось при обороне в горных условиях. Состояло из камней, удерживаемых бревенчатой стенкой. Для приведения в действие, веревки, держащие бревна, обрубались и камни скатывались вниз на противника.

Определенный интерес вызывает информация, отраженная в ханских ярлыках. Так, в ярлыке хана Ибрагима упоминается место его выдачи – «в Арке», т.е. в Кремле (Усманов, 1979, с. 34–35, 265). Эти косвенные данные указывают на то, что в Казани уже в XV в. укреплен был не только посад и ханский двор, но и существовала такая единица обороны, как кремль. Впрочем, это подтверждается археологически (Хузин, Ситдиков, 2005, с. 96–98).

Некоторые дополнительные сообщения, имеющие отношение к фортификации можно почерпнуть и из посольских книг XVI в. Несмотря на то, что она довольно отрывочна и скудна, мы имеем некоторые сведения, отраженные в дипломатических грамотах, касающихся связей с Ногайской Ордой. Сюда можно отнести сообщения под 1551 г. о подготовке завоевания Казанского ханства и постройке Свияжска во время похода Шейх-Али: «землю Казанскую воюют добре и села жгут и городы ставят», способах осады Казани: «силу взяв, пришед, Казань облег» и ее обороны с использованием пушек и пищалей (Посольские книги, 2006, с. 54, 59, 61). Говорится в документах и о некоторых переправах через р. Каму, в частности, о «Чаллыеве перевозе», для контролирования которого, как нам известно, существовал Чаллынский городок – современное Чаллынское городище (Борынгы Чаллы, 2000), а также упоминаются «остроги и крепости по Арской дороге» (Посольские книги, 2006, с. 61).

Будучи очевидцем и участником осады, а также последнего штурма Казани, А.М. Курбский оставил ценные сведения о некоторых фортификационных постройках города 1552 г. Автор указывает, что Казань стоит на неприступном месте, упоминает об угловой вышке в районе впадения протоки Булак в р. Казанку, а также пишет об очень глубоком крепостном рве, выкопанном от Булака до озера Поганое, высоких башнях и городских стенах (Древняя Казань, 1996, с. 122, 123). Кроме этого, неоднократно А.М. Курбский говорит о большой башне, «что стояла на горе у ворот», башенных амбразурах, больших крепостных воротах; также ханском дворе, обнесенном «большим забором» и Тезицком рве (Древняя Казань, 1996, с. 129, 130, 131, 133). Сведения о наличии крепостных башен города относятся и к более раннему времени – походу на Казань князя Дмитрия Углицкого в 1508 г, когда упоминается «стрелница града», с которой казанский хан Мухаммед-Эмин наблюдал за русским войском (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 235)[3].

Представляет интерес и краткий эпизод обороны казанцев, которые «на стены вскакаху, и бияхуся з града,…и колием изостренным и каменем бросяху, и смолою, и водою кипящею в котлех на подскакающуя воины блиско к стене возливаху…» (ПСРЛ, т. XIX, 1903, стлб. 132–133). А.М. Курбский дает краткие сведения и о центральной части цитадели – ограде ханского двора: «бо бе зело крепок, между палат и мечетей каменных, оплотом великим обточен» (Источники по истории Татарстана, 1993, с. 33).

Есть у А.М. Курбского и упоминание о заставе «в двух примерно милях от города», где казанцы «соорудили было стены на горе между большими болотами…» и Арской крепости, которая стояла пустая (Древняя Казань, 1996, с. 127, 128).

После захвата Казани войсками Ивана IV ее сохранившиеся фортификационные постройки продолжали использоваться по своему прямому назначению. Поэтому некоторые источники второй половины XVI в. еще отражают необходимую для нас информацию.

Английский купец и дипломат Антоний Дженкинсон во время путешествия по р. Волге в 1558 г. оставил краткое замечание об еще остававшихся крепостных сооружениях ханской Казани: «Замок был обнесен земляным валом с деревянными укреплениями, но русский царь приказал снести старые стены и выстроить новые из белого камня» (Знаменитые люди, 1999, с. 32).

Интереснейшим источником по топографии ханской Казани являются «Писцовые книги города Казани», составленные в 1565–1568 гг. Они содержат подробные сведения, касающиеся, в том числе, и оборонительных сооружений. Здесь отмечаются «старые городовые стены», «старые городовые городни», «старый острог», а также упомянуто т.н. «Старое городище» (Древняя Казань, 1996, с. 141, 147, 148, 151).

Отрывочность сведений письменных источников, недостаточная их полнота по исследуемому вопросу конечно не случайна. Они были призваны, в первую очередь, отображать наиболее важные события, с точки зрения того времени. Поэтому задача полного описания некоторых аспектов военного дела и не стояла перед теми или иными авторами, безотносительно их профессиональных знаний или отсутствия таковых. Вместе с тем, мы имеем довольно значительный материал для попытки раскрытия общей картины булгарского и «ханского» оборонительного зодчества.

[3] Стрельница – древнерусское название крепостной башни.

ЛИТЕРАТУРА

Арсланова А.А. Сведения Ала ад-Дина Джувейни о завоевании монголами Волжской Булгарии // Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 33–43.

Борынгы Чаллы. Древние Чаллы / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2000. 320 с.

Воскресенская летопись // Русские летописи. Рязань: Узорочье, 1998. Т. 3. 624 с.

Герберштейн С. Записки о Московии / Под ред. В.Л. Янина. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.

Губайдуллин А.М. Фортификационный словарь. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2006. 144 с.

Древняя Казань глазами историков и современников / Сост.и и авт. коммент. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдиков. Казань: Фест, 1996. 448 с.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М.: Наука, 1967. 212 с.

Знаменитые люди о Казани и Казанском крае / Сост., авт. биографий и коммент. А.В. Гарзавина, И.А. Новицкая. Казань: «Kazan–Казань», 1999. 424 с.

Источники по истории Татарстана (XVI–XVIII вв.) / Сост. С.Х. Алишев, Р.Г. Фахрутдинов. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1993. 160 с.

Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. 184 с.

Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси / Отв. ред. В.Л. Янин. М.: Вост. лит-ра, 1999. 254 с.

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. / Сост. Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов. Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. 392 с.

ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по академическому списку. М.: Вост. лит-ра, 1962. 578 с.

ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Наука, 1962. 384 с.

ПСРЛ. Т. VII. Воскресенская летопись. СПб.: Тип. Э. Праца, 1856. 355 с.

ПСРЛ. Т. XII. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Наука, 1965. 272 с.

ПСРЛ. Т. XIII. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Наука, 1965. 310 с.

ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Наука, 1965. 505 с.

ПСРЛ. Т. XIX. История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб.: Тип. И.Н. Скорходова, 1903. 546 с.

ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. Петроград: Археографическая комиссия, 1921. 272 с.

Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публикация О.Г. Большакова, А.Л. Монгайта. М.: Гл. ред. вост. лит-ры, 1971. 137 с.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений / Под ред. А.А. Ромаскевича, С.Л. Волина. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 2. 308 с.

Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1979. 322 с.

Хузин Ф.Ш., Ситдиков А.Г. Древняя Казань. Казань: Изд-во КГУ, 2005. 152 с.

Информация об авторе:

Губайдуллин Айрат Маратович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); airg_g@mail.ru

About the Author:

Gubaidullin Airat M. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

УДК 902.01

УКРАШЕНИЯ ИЗ ПОДЕЛОЧНЫХ КАМНЕЙ В КОЛЛЕКЦИИ БИЛЯРСКОГО МУЗЕЯ

(работа подготовлена в рамках гранта Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ РФ № НШ-7170.2016.6.)

© 2017 г. А.В. Губайдуллина

DECORATIONS MADE OF ORNAMENTAL STONES IN COLLECTION OF BILYAR MUSEUM

Статья посвящена классификации бус и подвесок из сердолика, янтаря, гагата, хрусталя, халцедона, лазурита, хранящихся в экспозиции Билярского музея. Билярское городище является реперным памятником домонгольской Волжской Булгарии. Учтено 64 украшения, доступные для исследования. В описании и классификации украшений используется схема, предложенная А.В. Арциховским. Приводится описание украшений, аналогии на других памятниках, торговые пути и города, откуда поступали бусы и их заготовки. Украшения из поделочных камней шли в основном из Средней Азии или через Среднюю Азию. Широко распространены были украшения из сердолика и янтаря. Наличие на Билярском городище находок янтаря-сырца говорит о местном производстве янтарных поделок. Также наличие бракованных сердоликовых бус, говорит о местной доработке этой категории товаров.

Ключевые слова: археология, Билярское городище, Волжская Булгария украшения из поделочных камней, бусы, подвески, сердолик, гагат, лазурит, янтарь, хрусталь, халцедон, классификация.

The article highlights classification of the beads and pendants from carnelian, amber, gagat, crystal, chalcedony, lapis lazuli stored in the exposition of the Bilyar Museum. Bilyar fortress is considered a reference monument of the pre-Mongol Volga Bulgaria. 64 decorations were studied. The scheme proposed by A.V.Artsihovsky were used for description and classification of the decorations. The author describes decorations, gives the analogies from the other medieval settlements, traces the trade routes and specifies the towns, where the beads and their preparations came from. Decorations made of ornamental stones were mainly spread from Central Asia or through Central Asia. Carnelian and amber decorations were widespread. The availability of amber raw materials on the Bilyar fortified settlement testifies about the local production of amber artifacts. Also, the presence of defective carnelian beads, tells about the local refinement of this category of goods.

Keywords: archaeology, Bilyar fortified settlement, Volga Bulgaria, decorations made of ornamental stones, beads, pendants, carnelian, gagat, lapis lazuli, amber, crystal, chalcedony, classification.

Начиная с IX в. одним из приоритетных направлений во внешней торговле Волжской Булгарии были связи со странами Востока – государствами Средней Азии, Закавказья, Персией, Ираком, Китаем и Индией (Хузин, 2001, с. 244 и сл.; Валеев, 2010, с. 89). Из этих стран ввозился огромное количество товаров, пользовавшихся широким спросом среди булгарского, в первую очередь, городского населения. Одной из ярких категорий товаров были украшения из поделочных и полудрагоценных камней.

Научная проблема, на решение которой направлено данное исследование – создание подробной классификации украшений из поделочных камней с домонгольских памятников Волжской Булгарии. Данная тема до сих пор слабо разработана, несмотря на обилие источников, хранящихся в фондохранилищах и музейных экспозициях. В данной работе анализируются украшения из коллекции Билярского музея, накопленной в результате многолетних исследований Билярской археологической экспедиции.

Специальные работы, посвященные каменным украшениям Биляра, отсутствуют, но при исследовании данной темы нами активно привлекаются труды археологов, занимавшихся изучением интересующей категории находок из средневековых памятников других территорий. Так, для нас очень ценными оказались разработки А.В. Арци-

ховского, занимавшегося изучением каменных бус у вятичей (Арциховский, 1930). Г.Г.Леммлейн выпустил обобщающее исследование по классификации форм каменных бус (Леммлейн, 1950). Изучением каменных бус на славянских землях X–XIII вв. занималась М.В. Фехнер (Фехнер, 1959). Античные бусы Северного Причерноморья рассматривала Е.М. Алексеева (Алексеева, 1974). Большая работа по описанию и классификации каменных бус Крыма, Северного Кавказа, Черноморского побережья и Закавказья IV–IX вв. была проделана В.Б. Ковалевской (Ковалевская, 1998). Описанием и типологизацией украшений из цветных камней Болгара и Золотой Орды занималась М.Д. Полубояринова (Полубояринова, 1991) и др.

Для изучения торговли Волжской Булгарии в домонгольский период наиболее важным и ярким памятником является Билярское городище, относящееся к числу крупнейших городов средневекового мира. В истории развития Биляра выделяются два крупных этапа: 1) вторая четверть X – первая половина XI вв.; 2) вторая половина XI – первая треть XIII в. (Хузин, 1995, с. 106 и сл., 128). XI – первая треть XIII в. – период наибольшего подъема в социально-экономическом развитии Биляра. В этот период Волжская Булгария являлась главным посредником в торговле Восточной Европы с Востоком по Волго-Балтийскому торговому пути, и Биляру, как главному городу страны, принадлежала ведущая роль в международной торговле государства (Хузин, 2001, с. 244 и сл.). Ярким показателем служат многочисленные привозные изделия, обнаруженные на Билярском городище, в том числе и украшения из цветных камней.

Украшения из поделочных камней на Волгу шли в основном из Средней Азии или через Среднюю Азию. Из дальних стран груз доставляли обычно в один из крупных торговых пунктов, где он переходил в другие руки и откуда он, дополненный товарами этого рынка, следовал дальше. Такими пунктами, где могли пополняться и переформировываться грузы, были Мерв, Бухара, Самарканд, Отрар, Ургенч, т.к. все эти города стояли на известном еще в раннее средневековье торговом пути из Арабского халифата в Восточную Европу. Этот путь шел через Иран и Афганистан, Среднюю Азию, плато Усть-Юрт, разделяющее Аральское и Каспийское моря, а дальше – или через Каспийское море в низовья Волги или севернее, посуху, на Среднюю Волгу. Этим же путем через Кабул – Балх – Термез к городам Согда шел мощный поток индийских сердоликовых бус, наводнивших с середины I по середину II тыс. области Восточной Европы (Полубояринова, 1991, с. 108). Из Ирана поступали йеменский сердолик, из более южных стран мадагаскарский горный хрусталь, из Мавераннахра шли согдийский хрусталь и среднеазиатская бирюза, из Хорезма – сердолик, из Синда (Индия) – горный хрусталь, из Бадахшана (Северный Афганистан) привозили лазурит (Валеев, 2010, с. 94) (рис. 1).

Янтарь с Балтийского побережья на Русь проникал тремя путями. Первый из них – морской – из Балтийского моря по Неве, Ладожскому озеру и Волхову в Старую Ладогу, Новгород и Старую Руссу. Второй путь с побережья вглубь Руси шел по Западной Двине. Этим же путем поступал янтарь в Полоцк, Витебск, Смоленск. По-видимому, весьма оживленным был и третий путь – сухопутный тракт с Балтийского побережья к Пскову. Перечисленные города были основными центрами, из которых прибалтийский янтарь поступал в другие города, в том числе и в Волжскую Булгарию (Розенфельдт, 1978, с. 198).

Для исследования был использован только доступный мне материал Билярского музея, происходящий из раскопов XVII, XIX, XXII, XXIII, XXV, XXVI, XXVII, XXXVIII, XXXIX, XLIII (табл. 1), которые исследовались в разные годы А.Х. Халиковым, Ф.Ш. Хузиным, Р.Ф. Шарифуллиным, З.Г. Шакировым. Всего было изучено 64 изделия (рис. 1). Следует отметить, что в работе Ф.Ш. Хузина, посвященной стратиграфии и хронолоии культурного слоя Биляра, учтено из раскопок 1968–1986 гг. 66 сердоликовых, 35 янтарных, 5 хрустальных, 5 халцедоновых, 4 гешировых (гагатовых) бус и 1 бусина из розового шифера (Хузин, 1995, с. 115, 120), поступивших на хранение в разные музеи.

В предлагаемой работе проводится анализ морфологических признаков предметов (материал и форма), изделия структурируются, в первую очередь, по типу материала (группы), внутри групп выделяются категории украшений, а далее идет деление по формам. В описании украшений отдельно для каждого камня используется схема, предложенная А.В. Арциховским (Арциховский, 1930, с. 28), т.е. по отделам – по поперечному сечению, по типам – по продольному. Эта классификация успешно использована также в работах М.Д. Полубояриновой (Полубояринова, 1991, с. 20).

Группа I. СЕРДОЛИКОВЫЕ УКРАШЕНИЯ

Сердолик – это оранжево-красный или просто оранжевый халцедон, структура которого состоит из тонких кристаллов кварца, и имеет волокнистое строение. Встречаются сердолики оранжево-желто-розовые, каштановые, коричнево-красные, красные, оранжево-желтые и желтые оттенки. Название «karneol» происходит от латинского слова «carnes», т.е. мясо, мясной камень (Пыляев, 1990, с.348). Бируни, описывая различные сорта сердолика, указывает, что самым дорогим он считает красный сердолик, «в котором красный цвет преобладает над желтым». По поводу качества сердолика Бируни писал: «Вообще у сердолика ценятся те сорта, которые свободны от пороков, не имеют жилок, мути, черноты, белизны, пестроты, и в которых отдельные части не отличаются друг от друга по цвету и чистоте…» (Бируни, 1963, с. 162).

В статье Г.Г.Леммлейна «Минералогические сведения…» обобщаются данные о местонахождении халцедонов, в том числе и сердолика: «С Аравийского полуострова – из Йемена, из окрестностей селений Мукри, На'ами, Кысас ал-Сахри – вывозились, по-видимому, в весьма значительных количествах сердолик, агат, оникс и мокский камень» (Леммлейн, 1963,с. 347). «В античной литературе между камнями собственно Индии и Цейлона обычно различия не делалось. Все камни, привозимые с Востока через Красное море и Египет, считались индийскими… Из Синда, т.е. северо-западной части Индостанского полуострова, поступали: сердолик, оникс… Сердолик привозится из Бахруджа (древняя Боригаза, современный Бароч), где кустарная обработка сердолика, оникса и других поделочных камней процветала еще во времена эллинизма» (Леммлейн, 1963, с. 349).

М.И. Пыляев отмечает, что «для увеличения густоты и яркости цвета в сердоликах, их обыкновенно, перед ошлифовкою, несколько прокаливают в герметически закрытых железных сосудах» (Пыляев, 1990, с. 348). О термической обработке сердолика также пишет Бируни (Бируни, 1963, с. 160).

Категория 1. Бусы.

Отдел 1. Круглые в поперечном сечении.

Тип 1. Шарообразные – 4 экз. В.Б. Ковалевская данный тип делит на два подтипа по качеству обработки – прекрасной и небрежной, т.к. они отражают разницу в производстве (А – дорогостоящий восточный импорт, Б – продукт местного производства):

Подтип А представлен 1 экз. с диаметром 7 мм (мелкая), изготовлена из качественного камня красного цвета, тщательной обработки с центрованным каналом (рис. 2: 1).

Подтип Б представлен 3 экз. – одной мелкой и двумя средними бусами с диаметрами 7,3 9 и 10,3 мм; изготовлены из низкосортного камня оранжевого и красного цветов с темными прожилками, небрежной обработки, неправильной формы и не центрованным каналом (рис. 2: 2).

Вследствие простоты формы, шарообразные бусы распространены широко и имеют аналогии на большой территории: в Мерве в V–VI вв., в Хорезме VII–VIII вв., в памятниках салтово-маяцкой культуры Дона и Донца, в могильниках Верхнего Прикамья конца VI–IX вв., в ранних слоях Старой Ладоги и на северо-западе вплоть до Бирки IX–X вв. (Ковалевская, 1998, с. 17), на Афрасиабе в X–XI вв. (Путешествие Ибн Фадлана, 2016, с. 135, № 86). В могильнике Саркел–Белая Вежа (конец X–XI вв.) шарообразные бусы наиболее многочисленны и сопровождают бусы других форм, также как и бипирамидальные (Артамонова, 1963, с. 62, 86, рис. 65). В Средней Азии подобные бусы встречены на многих памятниках преимущественно рубежа I и II тыс. н.э. М.В. Фехнер на древнерусской территории датирует их X–XI вв. (Полубояринова, 1991, с. 22).

Данный тип представлен в коллекции с Билярского городища (25 экз.), а также из Танкеевского могильника (Руденко, 2014, табл. 28) археологического собрания Национального музея РТ. С раскопа XLIV 2015 и 2016 гг. на центральной части Билярского городища происходят 2 шарообразные мелкие бусы, относящиеся к подтипу Б.

Тип 2. Зонные (рис. 2: 3). Данный тип является вариантом бус небрежной обработки, у которых поперечное сечение значительно больше продольного. Представлен 1 экз. крупной бусы (диаметр 15 мм, высота 11,3 мм), выполнена из низкосортного сердолика оранжево-коричневого цвета с серыми прожилками, хорошей обработки.

Подобные бусы происходят из комплексов VII–VIII вв. Северного Кавказа (Ковалевская, 1998, с. 18). М.Д. Полубояринова указывает аналогии таким бусам в материалах позднеантичного Хорезма, а также в памятниках Прикамья VI–IX вв. В археологической коллекции Билярского городища и Национального музея РТ зонные сердоликовые бусы представлены в количестве 13 экз.

Отдел 2. Граненые (в поперечном сечении многогранник).

Тип 1. Бипирамидальные (рис. 2: 4), 5 экз. Делится на подтипы по поперечному сечению:

Подтип Б – в поперечном сечении шестиугольник, т.е. имеет 12 граней – представлен 1 бракованной бусой (высота 24 мм, диаметр 10,8 мм), выполненной из камня низкого качества, желто-оранжевого цвета со множеством прожилок. Грани выражены не четко, не симметричны. Канал для подвешивания не досверлен.

Подтип В – в поперечном сечении семиугольник, т.е. имеет 14 граней – представлен 4 экз. бус, выполненных из камня разного качества оранжево-красного цвета, но тщательной обработки. Все экземпляры имеют технологический брак при сверлении канала для подвешивания, т.е. отколотые основания или неправильно просверленный канал. Размеры варьируются в пределах от 15 до 23,9 мм.

Максимального распространения сердоликовые бипирамидальные (6-, 7- и 8-гранные) бусы достигают в IX–XII вв., составляя в древнерусских курганах до 63%. Они подробно рассмотрены в работах М.В. Фехнер и М.Д. Полубояриновой Этот тип представляет собой пример длительной традиции изготовления определенного типа бус в камнерезных мастерских Индии, ставшие предметом импорта на протяжении ряда веков, хотя интенсивность и пути их проникновения в Восточную Европу менялись на протяжении этого времени (Ковалевская, 1998, с. 21). Встречаются в Новгороде в слоях XII–XIII вв., в могильниках Верхней Камы датируются XI в. (Полубояринова, 1991, с. 27), в погребениях Саркел-Белой Вежи бипирамидальные бусы такая же частая находка, как и шарообразные, и сопровождают бусы из других материалов (Артамонова, 1963, с. 62). Бипирамидальные бусы были найдены в слоях X в. цитадели Джигербента (Хорезм) (Путешествие Ибн Фадлана, 2016, с. 182, № 126).

Наличие бус с технологическими браками говорит о том, что сюда привозили сырье или заготовки и на месте их дорабатывали. Такие бусы можно датировать по качеству обработки. Тщательно обработанные бусы относятся к более раннему периоду. К XII в. качество обработки снижается. Соответственно, рассмотренные здесь экземпляры можно отнести к более раннему периоду.

Данный тип бус представлен большим количеством (59 экз.) с Билярского городища в археологическом собрании Национального музея РТ. С раскопа XLIV 2015 и 2016 гг. на центральной части Билярского городища происходят 7- и 8-гранные бусы (2 экз.) с производственным браком.

Тип 2. Битрапецоидные (рис. 2: 5) – в продольном сечении 2 сомкнутых основаниями трапеции – 3 экз. Делится на два подтипапо наличию или отсутствию «пояска» – плоской грани по периметру бусины. Здесь представлен тип с «пояском».

Подтип А – с «пояском», в сечении семиугольник. Размеры: диаметр от 11,5 до 18 мм при высоте от 7,1 до 8,6 мм. Две бусы выполнены из оранжевого и красного сердолика высокого качества и тщательной обработки. Одна из низкосортного камня оранжево-красного цвета с темными прожилками и пустой полостью, небрежной обработки.

Битрапецоидные бусы с пояском найдены в могильниках Верхнего Прикамья в погребениях XII в. Бусы разных размеров встречаются на Афрасиабе в X–XII вв. (Путешествие Ибн Фадлана, 2016, с. 135, № 86). У В.Б. Ковалевской такой тип бус не рассмотрен, поэтому можно отнести его распространение, начиная с домонгольского периода. Подобные бусы представлены в билярской коллекции Национального музея РТ (11 экз.).

Тип 3. Призматические (рис. 2: 6), уплощенные в сечении – данный тип бус делится на подтипы по количеству граней. Но количество граней не влияет на датировку.

Подтип Б – восьмигранные – представлен 1 экз. Выполнена из сердолика высокого качества желто-оранжевого цвета, но небрежной обработки. Высота 15,3 мм при ширине 8,9 мм.

Известны очень широко. Встречаются в вятических курганах и в ряде других славянских захоронений и датируются X–XI вв. В небольшом количестве встречены в могильнике Саркел-Белая Вежа (Артамонова, 1963, с. 106, погр. 4). Есть в памятниках Средней Волги и Прикамья. Время бытования данного типа бус на территории Восточной Европы – IX–XI вв. На территории Средней Азии призматические бусы встречаются в течение всего домонгольского периода: на поселении Карабулак, на городищах старого Мерва, (Полубояринова, 1991, с. 26), в слое X в. цитадели Джигербента (Путешествие Ибн Фадлана, 2016, с. 182, № 126).

Тип 5. «*Плитчатые*» (рис. 2: 7) представляют собой куб или уплощенный парал-

лелепипед со срезанными углами. По количеству граней делим на два подтипа:

Подтип А – четырнадцатигранные – представлен 1 бусой (высота 10,8 мм, поперечное сечение 9,8 х 7,5 мм), выполненной из сердолика высокого качества персикового цвета, высокой техники огранки и тщательной обработки, с сильно потертыми гранями, что говорит о длительном бытовании. Качество камня и тщательность обработки говорят о восточном производстве.

Такой тип бус отмечен в курганах вятичей, в Старой Ладоге, могильнике Бирка. По курганам Северо-Восточной Руси датируются IX – началом XII вв. Встречаются в могильниках Юго-Восточной Европы: в Салтовском, Саркел-Белая Вежа и датируются в основном VIII–IX вв. Известны на Афрасиабе X–XII вв. и в слое X в. цитадели Джигербента (Путешествие Ибн Фадлана, 2016, с. 135, № 86; с. 182, № 126).

Представлен 3 экз. в билярской археологической коллекции Национального музея РТ.

Отдел 3. Уплощенные в поперечном сечении.

Тип 1. Дисковидные с поперечным каналом (рис. 2: 8), 1 экз. (диаметр 15,8 мм при высоте 4,6 мм). Выполнена из качественного сердолика оранжевого цвета с небольшими вкраплениями темных прожилок, но небрежной обработки и неправильной формы, канал не центрован. По периметру проходит узкий ободок (3 мм), в котором просверлен канал.

Подобные бусы встречаются в слое X в. Старой Ладоги, в Танкеевском могильнике IX–Xвв., а также в слое X в. цитадели Джигербента (Путешествие Ибн Фадлана, 2016, с. 182, № 126).

Отдел 5. Орнаментированные.

Бируни писал: «на камнях для перстней, [выточенных] из сердолика, пишут, что пожелают, посредством раствора поташа и нашатыря; затем камень приближают к огню, и написанное становится белым» (Бируни, 1963, с. 160).

Тип 1. Шарообразные (рис. 2: 9) – 11 экз. мелких бус (диаметр от 6,8 до 7,8 мм). На каждую нанесен орнамент в виде четырех рунических букв «А», разделенных линией. Цвет камня варьируется от светло-персикового до оранжевого. Все бусы прекрасной обработки, но камень разного качества.

Что же касается орнамента, то одним из основных символов булгарского государства являлась руническая буква, напоминающая перевернутую кириллическую букву «А» с различными вариантами оформления внутренней перекладины. Наиболее часто подобные знаки встречаются на булгарской домонгольской керамике. Существует несколько предположений об их назначении: 1) знаки собственности гончаров; 2) семейно-родовые знаки гончаров; 3) родовые знаки-тамги; 4) родовые знаки покупателей (Кокорина, 1989, с. 89). По хронологии гончарных клейм с Билярского городища тип клейма, представленный на этих бусах, относится к X в. (Кочкина, 1983, с. 89).

Аналогии бусам с нанесенным А-образным знаком автору не известны. В целом находки орнаментированных сердоликовых бус единичны, как и предметы с тамгами в виде буквы «А», за исключением керамики. Поэтому бусы с подобным орнаментом можно считать уникальными изделиями, так как указывают на специальный выпуск для определенного круга заказчиков.

Бусы с белым орнаментом распространялись через Среднюю Азию. Такие бусы встречаются на Северном Кавказе в VI–IX вв., в могильниках Прикамья в VII в. В более позднее время (XI–XII вв.) подобные бусы попадают в славянские курганы (Полубояринова, 1991, с. 32). Бусы с щелочным орнаментом изготавливают в Индии и в наши дни.

Группа II. ЯНТАРНЫЕ УКРАШЕНИЯ

Янтарь – ископаемая смола, отличительными особенностями которой являются солнечный цвет, прозрачность, горючесть, способность электризоваться при трении (Савкевич, 1970, с. 7).

Самым лучшим считается янтарь, который добывался в Балтийско-Днепровской янтароносной провинции. На прибалтийский, как на самый лучший янтарь, указывал Бируни: «Восточные тюрки… предпочитают янтарь румийский за его чистоту и блеск… и не ценят китайский» (Бируни, 1963, с.197). «Румийским» (византийским) Бируни называл прибалтийский янтарь, т.к. он попадал на Восток через Византию.

Для изготовления украшений в основном использовали янтарь красноватого цвета. Это тот же желтый прибалтийский янтарь, но прокаленный в глиняных горшках, в которых куски его засыпали песком. При такой технологии получали янтарь, сходный по цвету с сердоликом. Одновременно с изменением цвета янтарь частично разрушался. Изделия из томленого янтаря легко покрывались белесой коркой.

В центральной части внутреннего города в 1976 и 1980 годах Ф.Ш. Хузиным и С.И. Валиуллиной были изучены два жилища второй половины XII в., служившие одновременно и мастерской для изготовления янтарных украшений, в которых было обнаружено огромное количество – около 9 кг! – янтаря-сырца и отходов производства (Хузин, 1979, с. 67; Хузин, Валиуллина, 1986, с. 102).

Категория 1. БУСЫ.

Формы янтарных бус в целом повторяют формы бус, выполненных из более твердых пород камня.

Отдел 1. Круглые в поперечном сечении.

Тип 1. Шарообразные (рис. 2: 10) представлены 2 бусами четкой формы (диаметры 16 и 11,4 мм), выполнены из оранжево-красного янтаря. Более крупная буса не имеет белого налета, тщательно обработана, полупрозрачная. Вторая буса небрежно обработана, имеет налет, без полировки.

Аналогий подобным крупным бусам, изготовленным из оранжево-красного янтаря, автору найти не удалось. Но Р.Л. Розенфельдт и М.Д. Полубояринова определяют бытование всех шарообразных янтарных бус домонгольским периодом. В.Б. Ковалевская указывает в своей работе, что янтарные украшения Кавказа и Крыма V–IX вв. изготавливались из материала красно-коричневого цвета.

Тип 2. Зонные (рис. 2: 11) также представлены 2 бусами четкой формы и тщательной обработки (диаметры 20 и 13,6 мм при высоте 14,3 и 10 мм соответственно). Первая буса выполнена из желто-оранжевого янтаря, вторая – из янтаря глубокого оранжево-красного цвета.

Зонные янтарные бусы – нередкая находка в некрополе Саркел-Белая Вежа (Артамонова, 1963, с. 62). Много подобных бус найдено при раскопках в Старой Ладоге и Новгороде, есть в Пскове, Белоозере, Старой Руссе (Розенфельдт, 1978, с. 200–202). Р.Л. Розенфельдт датирует их XI–XIII вв.

К шарообразным бусам можно отнести 1 экз. (21 х 15,2 мм) (рис. 2: 12), выполненный из желто-оранжевого янтаря, но без придания формы и без обработки, т.е. полуфабрикат.

Отдел 2. Граненые (в поперечном сечении многогранник).

Тип 1. Бипирамидальные (рис. 2: 13) – 1 экз. бусы нечеткой формы и сглаженной гранью в средней части, слегка уплощена (высота 18 мм, поперечное сечение 7,9 х 5,8 мм), в сечении – шестигранник. Выполнена из желтого янтаря с производственными сколами у канала на обоих основаниях. Нечеткость формы, возможно, обусловлена длительным бытованием.

Данный тип бус не рассмотрен в вышеуказанных работах М.Д. Полубояриновой и В.Б. Ковалевской. Р.Л. Розенфельдт отмечает, что подобные бусы были широко распространены на Руси в домонгольское время: небольшое количество бипирамидальных бус найдено в северных городах Руси, но массово встречаются в южнорусских городах и в курганных могильниках вятичей, радимичей, кривичей и датируются по аналогии с сердоликовыми XII–XIII вв. (Розенфельдт, 1978, с. 202).

Тип 2. Призматические (рис. 2: 14) представлены 4 экз. шестигранных в сечении бус. Выполнены из янтаря желто-оранжевого, желто-красного и темно-красного цветов, четких форм и отличной обработки, но канал не центрован, слегка уплощены в сечении. Размеры: 1) высота 18 мм, сечение 7,5 х 6 мм; 2) высота 11,5 мм (обрезана по месту совпадения каналов), сечение 10 х 7,8 мм; 3) высота 17,1 мм (небольшая часть бусины отколота), сечение 8,8 х 6,1 мм; 4) высота 17 мм, сечение 10 х 8,3 мм. Все бусы высокого качества исполнения.

Р.Л. Розенфельдт указывает, что подобные бусы были найдены в курганах бывшей Владимирской губернии и датирует их по аналогии с сердоликовыми бусами такой же формы XI – началом XII вв. В могильнике Саркел-Белая Вежа призматические янтарные бусы также встречены в некоторых погребениях, но с менее четкими гранями (Артамонова, 1963, с. 102).

Отдел 3. Уплощенные в поперечном сечении.

Тип 1. Дисковидные с поперечным каналом (рис. 2: 15) представлен 1 фрагментом крупной бусы (радиус 15 мм при высоте 6,8 мм). Выполнена из янтаря оранжево-красного цвета, четкой формы и тщательной обработки. По аналогии с подобными сердоликовыми бусами можно датировать X–XII вв.

Тип 2. Фигурные (рис. 2: 16) представлены 1 бусой (высота 15,6 мм, сечение 15,3 х 8,1 мм). Выполнена из темно-красного янтаря, тщательной обработки. Аналогии пока не найдены. Можно указать широкую датировку – XI–XIII вв.

Отдел 4. Бусы без дополнительной обработки (рис. 2: 17).

В коллекциях имеются янтарные бусы, изготовленные из кусочков сырцового янтаря

подходящей формы практически без дополнительной обработки (имеются следы небольшой полировки) и просверленным каналом для подвешивания, поэтому подобные изделия были отнесены в отдельную группу. Были обработаны 2 экземпляра: 1) достаточно крупная буса, выполненная из оранжевого янтаря, высота (по длине канала) 11,4 мм, сечение 25 х 13 мм; 2) небольшая уплощенная буса, выполненная из оранжево-красного янтаря, высота (по длине канала) 4,9 мм, сечение 15 х 9,3 мм. Они бытовали в домонгольское время и даже позднее.

Категория 2. ПОДВЕСКИ.

Тип 4. Подвесок-панделок (в виде граненой трапеции с продольным каналом для подвешивания) (рис. 2: 18) – 1 экз. Выполнен из желто-оранжевого непрозрачного янтаря, тщательной обработки и полировки, грани четкие. Размеры: высота – 19,5 мм, длина – 35 мм, толщина 10 х 7,6 мм. Подобный панделок представлен в Билярской археологической коллекции Национального музея РТ. Аналогий данному предмету не выявлено.

Тип 8. Амулеты-тенгре (рис. 2: 19) – представлен 1 предметом (высота – 21 мм, сечение 21,9 х 12,3 мм), переделан в пронизку: утрачена «головка» амулета, вдоль кубического тела просверлен канал. Изготовлен из полупрозрачного красного янтаря без полировки. 4 экземпляра амулетов-тенгре представлены в билярской археологической коллекции Национального музея РТ.

Тип 9. Трапециевидные (рис. 2: 20) – представлен 1 миниатюрной подвеской (высота – 12,2 мм, сечение 10 х 6,2 (3,5) мм), изготовленной из непрозрачного янтаря красного цвета четкой формы, но плохой полировки, т.к. видны следы шлифовки. Подобные подвески встречены в детском погребении № 21 насыпи 24/6 могильника Саркел-Белая Вежа (Артамонова, 1963, с. 94, 96, рис. 71). Как указывает автор, все янтарные подвески встречены в наиболее богатых детских захоронениях и датируются XI в. Р.Л. Розенфельдт отмечает единичные находки таких украшений на городище Воинь в Новгороде (Розенфельдт, 1978, с. 203).

Тип 10. Каплевидные (круглые в поперечном сечении и с плоским нижним основанием) – 1 подвеска, выполненная из желто-оранжевого непрозрачного янтаря, нечеткой формы, небрежной обработки и без полировки. Размер: высота – 22 мм, диаметр – 14 мм). Каплевидные подвески представлены разными подтипами, но аналогий данному предмету не выявлено (рис. 2: 21).

Тип 11. Без дополнительной обработки (рис. 2: 22). Представлен 2 плоскими подвесками (высота – 16,5 и 22,5 мм, сечение 13,6 х 7 и 16,1 х 5,9 мм соответственно), выполненными из красного и темно-оранжевого янтаря, с небольшой шлифовкой, но не полированы. Р.Л. Розенфельдт отмечает, что на домонгольских памятниках Руси находки янтарных подвесок немногочисленны и большая часть их – это куски необработанного или плохо обработанного янтаря с каналом для подвешивания в верхней части (Розенфельдт, 1978, с. 203). Подобные предметы датируются домонгольским периодом.

Группа III. ГАГАТОВЫЕ УКРАШЕНИЯ

Гагат, или его армянское название «гешир», т.е. ночь (черный камень) – смолистый уголь, является прекрасным поделочным материалом, который издавна имел широкое применение для бус, четок, ожерелий и других мелких изделий. Легкость обработки, напоминающая обработку твердых пород дерева, малый удельный вес, красивая черная полировка привлекли внимание еще за тысячу лет до н.э. (Ферсман, 2003, с. 258).

Бируни сообщает, что «мягкие черные камни, которые горят в огне, привозят из страны Гаур, с восточного холма, принадлежащего к цепи холмов, окружающей Мертвое озеро, оттуда, где расположена пустыня евреев». «По-персидски он называется шаба» (Бируни, 1963, с. 186). Залежи гагата есть в Крыму, на Урале, на Кавказе, в Средней Азии, в Сибири (Полубояринова, 1991, с. 16).

Категория 1. БУСЫ.

Отдел 1. Круглые в поперечном сечении.

Тип 1. Шарообразные. Представлены 2 мелкими бусинами (диаметр 8 мм) из блестящего, хорошо отполированного гагата (рис. 2: 23).

Подобные мелкие бусы встречаются в погребениях могильника Саркел-Белая Вежа (Артамонова, 1963, рис. 49: 9а), на памятниках VII–X вв. Кавказа и Крыма (Ковалевская, 1998, с. 36), в Танкеевском могильнике (Руденко, 2014, табл. 28), на Афрасиабе X–XI вв. (Путешествие Ибн Фадлана, 2016, с. 135, № 86).

Тип 2. Зонные (рис. 2: 24). Данный тип представлен 1 крупной уплощенной бусой, выполненной из блестящего, хорошо отполированного гагата (диаметр – 19,5 мм, высота – 14,2 мм). Найдены в Танкеевском могильнике (Руденко, 2014, табл. 28).

Тип 3. Эллипсоидные бусы (уплощенные с концов, т.е. с плоскими основаниями) представлены 2 крупными экземплярами (высота

20 и 21,2 мм, диаметр 17 и 16 мм) из блестящего, хорошо отполированного гагата (рис. 2: 25).

Подобные эллипсоидные, но более мелкие бусы, известны на памятниках VII–X вв. Кавказа и Крыма (Ковалевская, 1997, с. 37).

Тип 4. Боченковидные. 1 экземпляр, выполненный из блестящего, хорошо отполированного гагата (высота 16,2 мм, диаметр 17,9 мм) (рис. 2: 26).

Отдел 2. Напускные бусы

Тип 1. Каплевидная (рис. 2: 27). Тип представлен 1 каннелированной бусиной. В сечении дает шестигранную розетку. Каннелюры крупные, редкие, идут между отверстиями канала. Гагат блестящий черного цвета, тщательной обработки (высота 23,7 мм, сечение 15,8 х 9,8 мм). Подобная бусина была найдена в 2016 г. на раскопе XLIV на центральной части Билярского городища. Подобная каннелированная, но больше биконической формы встречена на Афрасиабе X–XI вв. (Путешествие Ибн Фадлана, 2016, с. 135, № 86). Граненые гагатовые бусы встречаются в могильнике Саркел-Белая Вежа и в Танкеевском могильнике. Но большее распространение имеют бусы из гагата простейших форм.

Группа IV. ХРУСТАЛЬНЫЕ УРАШЕНИЯ

Хрусталь является прозрачной разновидностью мелкокристаллического бесцветного кварца. Благодаря широкому распространению в природе и непревзойденной красоте своих кристаллических разновидностей кварц вызывал восхищение человека с самой глубокой древности. В чудесных кристаллах горного хрусталя кварц нашел свою наиболее совершенную форму. Древние греки, считая горный хрусталь льдом, называли его crysstallos, что в переводе означает «лед» (Ферсман, 2003, с. 261).

Бируни указывает месторождения хрусталя на островах Занзибаре и Мадагаскаре, в Кашмире (Индия), в Вахане и Бадахшане (Афганистан), на Цейлоне, в Армении (Бируни, 1963, с. 171–172).

Категория 1. БУСЫ.

Отдел 1. Круглые в поперечном сечении.

Тип 1. Шарообразные представлены 1 экземпляром крупной бусы (диаметр 15,4 мм) небрежной обработки, плохой полировки, но четкой формы (рис. 2: 28).

Подобные бусы, как отмечает М.В. Фехнер, имели широкое распространение в курганах Северной Руси X–XII вв. В Новгороде они встречаются в слоях XI–XII вв. Обнаружены в погребениях Танкеевского могильника IX – первой половины X вв. (Полубояринова, 1991, с. 33–34), на Афрасиабе X–XII вв. (Путешествие Ибн Фадлана, 2016, с. 135, № 86). В могильнике Саркел-Белая Вежа имеются находки более мелких хрустальных шарообразных бус (Артамонова, 1963, рис. 49: 9а). На памятниках Кавказа и Крыма V–IX вв. шарообразные и, в целом, все остальные типы хрустальных бус выполнены из качественного прозрачного хрусталя тщательной обработки и четких форм (Ковалевская, 1998). Хрустальные шарообразные бусы представлены в небольшом количестве в билярской коллекции Национального музея РТ.

Тип 2. Зонные (рис. 2: 29). Представлен 1 бусой среднего размера (диаметр 14,2 мм при высоте 11,1 (7) мм). Выполнена из прозрачного хрусталя неправильной формы, небрежной обработки, плохой полировки, канал просверлен с двух сторон, сходится под углом.

Зонные бусы отмечены в могильниках Верхнего Прикамья в комплексах VI–XI вв., на городище Старого Мерва в комплексе XI–XIII вв. (Полубояринова, 1991, с. 34).

Группа V. ХАЛЦЕДОНОВЫЕ УКРАШЕНИЯ

Халцедоновые бусы включают в себя все цветовые варианты микрокристаллического кварца. Халцедоны могут быть одноцветными (желтоватый, молочно-серый, голубоватый и бурый) и полосатыми (ленточные разновидности, т.е. сардоникс, агат, оникс). Он может быть разной степени прозрачности; бусы, как правило, тщательной обработки. (Ковалевская, 1998, с. 26). Вследствие чего, все бусы из различного халцедона рассмотрены в одной группе.

Категория 1. БУСЫ.

Отдел 1. Круглые в поперечном сечении.

Тип 2.Эллипсоидные (рис. 2: 30) представлены 1 молочно-серой бусой и 2 бусами из бело-серого оникса (диаметры 11,1 мм, 14,2 и 12,3 мм при высоте 15,2 мм, 17,4 и 15 мм). Все три бусы имеют правильную форму при небрежной обработке и плохой полировке.

Эллипсоидные халцедоновые бусы достаточно редкая находка на памятниках Кавказа и Крыма V–IX вв. Такой формы халцедоновые бусы найдены в Танкеевском могильнике. Агатовые эллипсоидные бусы есть в сводке по аланским могильникам VI–IX вв. (Полубояринова, 1991, с. 38). Крупные халцедоновые бусы (агат) присутствуют в некоторых погребениях могильника Саркел-Белая Вежа (Артамонова, 1963, рис. 49: 8д).

Тип 3. Усеченно-эллипсоидные (сигарообразные) представлены 1 бусой из коричне-

во-серого агата (высота 44,6 мм при диаметре 14,3 мм), хорошей формы, но небрежной обработки (рис. 2: 31).

Сигарообразные бусы не встречаются на памятниках Кавказа и Крыма V–IX вв., но известны в слое X в. цитадели Джигербента (Путешествие Ибн Фадлана, 2016, с.182, № 126).

Отдел 2. Уплощенные в поперечном сечении.

Тип 1. Эллипсоидные уплощенные – 1 молочно-серая бусина (высота 17 мм при сечении 10,4 х 8,6 мм), неправильной формы, небрежной обработки и плохой полировки, канал не центрован (рис. 2: 32). Подобные бусы также не встречаются на памятниках Кавказа и Крыма V–IX вв. Они являются разновидностью эллипсоидных, круглых в поперечном сечении халцедоновых бус.

Группа VI. ЛАЗУРИТОВЫЕ УКРАШЕНИЯ

«Это замечательный камень цвета неба. Лазурит – алюмосиликат сложного состава с содержанием серы. Особенно известен лазурит Бадахшана (Афганистан), который в древности продавался на рынках Индии и Бухары…» (Ферсман, 2003, с. 217).

Лазурит вывозится в Аравию из Армении, а в Хорасан и Ирак – из Бадахшана. Лазурит в виде цельного куска имеет оттенок индиго, иногда склоняется к черноте; а на поверхности отшлифованных и отполированных его [кусков] в большинстве случаев видны золотые звезды (Бируни, 1963, с. 182).

Категория 2. ПОДВЕСКИ.

Тип 1. *Ромбовидные* (рис. 2: 33) представлены 2 экземплярами (19,1 х 20 х 4,7 мм и 25,2 х 21 х 6,4 мм). Первая, более мелкая подвеска, изготовлена из камня синего цвета неплохого качества; «головка» не выделена, плечики выделены нечетко, присутствует гравированный узор на обеих поверхностях в виде двух параллельных желобков по плечику и отходящих от них 2-х пар диагональных желобков на одной стороне, на другой – подобный, но с одиночными желобками. Вторая выполнена из серовато-синего лазурита низкого качества, канал просверлен перпендикулярно плоскости подвески, «головка» не выделена, плечики выражены четко, также есть гравированный узор на обеих поверхностях в виде двух параллельных желобков по плечику и отходящих от них 2-х диагональных желобков на одной стороне, на другой – подобный, но с одиночными желобками.

По данным Ф.Ш. Хузина, подвески-амулеты из лазурита подтреугольной или ромбической формы с орнаментом в виде косых насечек известны в Биляре в количестве 5 экз. Одна из них обнаружена в жилище № 9 XI в. (раскоп XXII), другая – в постройке № 1 XII в. (раскоп XXXVII), остальные находки происходят из нижнего горизонта культурного слоя внутреннего города (Хузин, 1995, с. 117, рис. 19: 41, 42, 24: 35–37, 38:12).

На памятниках Кавказа и Крыма VII–IX вв. встречаются только лазуритовые бусы. По мнению Т.И. Макаровой, лазуритовые подвески-амулеты были распространены преимущественно в первой половине XI в. у тюркоязычных кочевников восточноевропейскмх степей (Макарова, 1962, с. 134). В культурном слое городища Белой Вежи такие подвески находились, главным образом, в цитадели, занятой тюркским гарнизоном. В могильнике Саркела они встречены в наиболее богатых женских погребениях (Артамонова, 1963, с. 92; рис. 53: 1, 4).

Лазуритовые украшения из Волжской Булгарии можно датировать в целом серединой XI – началом XIII вв. и связать их с миром тюркских (хазаро-болгаро-кыпчакских) кочевников. Г.М Давлетшин рассматривает их как символы Тенгре (ромбовидные мужские) и Умай (треугольные женские) (Давлетшин, 1990, с. 60).

Таким образом, все украшения из поделочных камней, представленные в данном исследовании, датируются домонгольским периодом и распределяются следующим образом: 1) к периоду X–XI вв. относятся сердоликовые шарообразные, призматические, уплощенные дисковидные с поперечным каналом, шарообразные орнаментированные бусы, а также все типы гагатовых бус; 2) к периоду X–XII вв. относятся сердоликовые бипирамидальные, битрапецоидные, «плитчатые», а также хрустальные шарообразные бусы; 3) к середине XI – первой трети XIII вв. относятся ромбовидные лазуритовые подвески; 4) имеют широкую датировку (X–XIII вв.) все типы янтарных украшений, за редким исключением.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е.М. Классификация античных бус // Статистико-комбинаторные методы в археологии / Под ред. Б.А. Колчина, Я.А. Шера. М.: Наука, 1970. С. 59–82.

Артамонова О.А. Могильник Саркела-Белой Вежи / МИА. 1963. № 109. С. 9–215.

Арциховский А.В. Курганы вятичей. М.: РАНИОН, 1930. 223 с.

Бируни. Абу-р Райхан Мухаммед Ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей. (Минералогия). Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 519 с.

Валеев Р.М. Внешняя торговля Волжской Булгарии с Востоком в IX–XIII вв. // Научный Татарстан. 2010. № 2. С. 89–100.

Валиулина С.И. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища) / Отв. ред. М.Д. Полубояринова. Казань: Изд-во КГУ, 2005. 280 с.

Давлетшин Г.М. Волжская Булгария: духовная культура (Домонгольский период, X – начало XIII вв.) / Отв. ред. А.Х. Халиков. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. 192 с.

Ковалевская В.Б. Хронология восточно-европейских древностей V–IX вв. Вып.1. Каменные бусы Кавказа и Крыма. М.: Наука, 1998. 86 с.

Кокорина Н.А. Об одной группе знаков на керамике Волжской Булгарии // Ранние болгары в Восточной Европе / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань, 1989. С. 89–97.

Кочкина А.Ф. Гончарные клейма Билярского городища // Средневековые археологические памятники Татарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань, 1983. С. 69–92.

Леммлейн Г.Г. Минералогические сведения, сообщаемые в трактате Бируни // Бируни. Абу-р Райхан Мухаммед Ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). Изд-во АН СССР, 1963. С. 292–418.

Леммлейн Г.Г. Опыт классификации форм каменных бус // КСИИМК. 1950. Вып. XXXII. С. 157–172.

Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды / Отв. ред. В.П. Даркевич. М.: Ин-т археологии АН СССР, 1991. 112 с.

Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки / М.: Гос. Эрмитаж, Изд. дом Марджани, 2016. 560 с.

Пыляев М.И. Драгоценные камни: их свойства, местонахождения и употребление (репринтное воспроизведение издания 1888 г.). М.: Совместное советско-австрийское предприятие «Х.Г.С.», 1990. 404 с.

Розенфельдт Р.Л. Янтарь на Руси // Проблемы советской археологии. М.: Наука, 1978. С. 197–208.

Руденко К.А. Украшения из лазурита XI-XIII вв. из Волжской Булгарии и древности Сибири // Древности Сибири и Центральной Азии. Сб. науч. тр., посвящ. юбилею В.И. Соенова. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2014. № 7 (19). С. 224–244.

Савкевич С.С. Янтарь. Л.: Недра, 1970. 192 с.

Ферсман А.Е. Очерки по истории камня: В 2 т. Т. 1. М.: ТЕРРА– Книжный клуб, 2003. 304 с.

Фехнер М.В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Вып. 2. (Тр. ГИМ, вып. 33). М., 1959.

Хузин Ф.Ш. Рядовые жилища, хозяйственные постройки и ямы цитадели // Новое в археологии Поволжья. (Археологическое изучение центра Билярского городища) / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 62–99.

Хузин Ф.Ш. Великий город на Черемшане. Стратиграфия, хронология. Проблемы Биляра-Булгара / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1995. 223 с.

Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. / Отв. ред. А.М. Белавин. Казань: «Мастер-Лайн», 2001. 480 с.

Хузин Ф.Ш., Валиуллина С.И. Славяно-русские материалы в Биляре // Волжская Булгария и Русь / Отв. ред. А.Х. Халиков.. Казань, 1986. С. 97–116.

Информация об авторе:

Губайдуллина Антонина Викторовна, научный сотрудник, Национальный музей Республики Татарстан (г.Казань, Россия); antonina.gubaidullina@mail.ru

About the Authors:

Gubaidullina Antonina V. Researcher, National museum of the Republic of Tatarstan. Kremlevskaya St., 2, Kazan, 420111 , the Republic of Tatarstan, Russian Federation; antonina.gubaidullina@mail.ru

Рис.1. Торговые пути и основные города, через которые поступал поделочный камень и украшения

Рис.2. Каменные бусы Билярского музея-заповедника

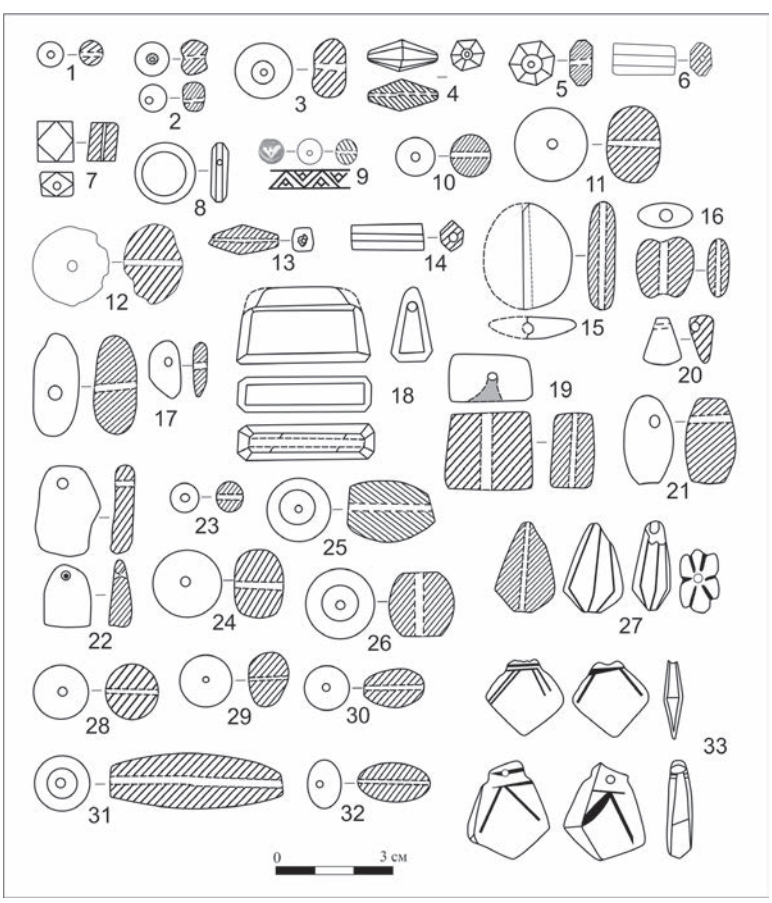


Рис.3. Типы бус Билярского музея-заповедника

УДК 902/905

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ ОРЕНБУРГСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

(Работа выполнена при поддержке Задания № 33.1389.2017/ПЧ на выполнение научно-исследовательской работы в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности Министерства образования и науки РФ)

© 2017 А.А. Евгеньев

TOWARDS THE HISTORY OF THE MEDIEVAL NOMADS STUDY OF ORENBURG CIS-URALS

В данной работе рассматривается история накопления источниковой базы по археологии средневековья в пределах Оренбургского Предуралья. Выделены основные закономерности в истории исследования памятников средневековых кочевников в XVIII – начале XXI вв., также как особенности публикации результатов этих исследований.

Ключевые слова: археология, история изучения, источниковая база, Оренбургское Предуралье, огузо-печенежский, кыпчакский, золотоордынский периоды.

The history of accumulation of sources on Middle Ages archeology within the Orenburg Cis-Urals is considered in the article. The main regularities in investigation history of the Medieval nomads monuments are determined concerning the period of the 18 – the beginning of the 21st centuries, the features of publication the results of these investigations are marked out also.

Keywords: archaeology, studying history, source base, Orenburg Cis-Urals, Oguz-Pecheneg period, Kipchak period, Golden Horde period.

История изучения средневековой археологии Волго-Уралья достаточно полно освещена в ряде работ обобщающего характера (Иванов, Кригер, 1988; Иванов, Гарустович, Пилипчук, 2014; Матюшко, 2015). В данной статье предпринимается попытка систематизировать информацию о накоплении источниковой базы по археологии средневековых кочевников на территории Оренбургского Предуралья от XVIII до начала XXI в. Главной закономерностью в этом процессе является достаточно неоднородная динамика: целенаправленный характер в регионе традиционно имеет изучение комплексов бронзового и раннего железного века, исследование же средневековых погребений происходит «попутно» или же отмечается кратковременными периодами активизации.

Примечательно, что первые раскопки на Южном Урале состоялись именно на средневековом памятнике. В 1736 г. художник Оренбургской экспедиции И.К. Кирилова Джон Кэстль произвел раскопки, как он сам пишет, «в районе рек Илека и Каргалы» (по всей видимости, территория современного Казахстана), обнаружив «языческое» погребение с костями человека и лошади и «печатью из белого индийского агата, на которой вырезаны пеликан и два птенца». Также им описаны «монгольские» могильные памятники близ г. Сакмарска, содержавшие погребения «людей и скелетов лошадей в полном убранстве» (Матвиевский, 1958, с. 144).

Первый оренбургский историк П.И. Рычков (1712–1777) в работе «Топография Оренбургская» привел сведения о средневековых городищах – «развалинах старинных городов и строений», находящихся главным образом на территории современного Казахстана (Рычков, 1887, с. 184–186, 275–277). С объяснением происхождения этих памятников в «Топографии» связаны первые попытки реконструкции этнической истории южноуральских степей в древности и средневековье: «до нашествия татар… болгары, угры или венгры, и команы жительствовали.… Можно вероятным образом заключить, что во всех оных местах издревле были многие тех народов города и жительства, и усматриваемые ныне в разных здешних местах руины

и признаки старинных городищ… могут признаваемы быть за остатки тех … народов» (Рычков, 1887, с. 274).

Завершающим моментом исследования памятников древности в XVIII в. стала работа так называемых «академических» экспедиций. В июне 1769 г. П.С. Паллас доисследовал разграбленный большой «могильный холм» недалеко от р. Самары; были найдены человеческие кости, кусок шлифованной раковины, несколько каменных изваяний грубой работы. П.С. Паллас предположил, что курганы, сложенные из камней, и с каменными бабами на вершине принадлежат либо ногайским татарам, либо киргизам (Паллас, с. 335–336).

Во второй половине XIX в. исследовательская деятельность в отношении памятников археологии сводилась главным образом к выявлению и картографированию памятников, что, прежде всего, связано с работой на Южном Урале краеведа Р.Г. Игнатьева (1818–1886). В 1863–1865 гг. он предпринял серию разведочных поездок по Оренбургской губернии, результатом чего стали его своды памятников древности (Игнатьев, 1869; 1903), содержащие подробные сведения о расположении, размерах и особенностях различных памятников археологии Южного Урала. Все древности Оренбургской губернии Р.Г. Игнатьев делил на чудские и монгольские, определяя при этом этническую принадлежность археологических памятников на основе сведений, сообщаемых местным населением. Этот же довольно употребительный в провинциальной археологии XIX – начала XX вв. способ датировки отмечен и в работах продолжателей дела Р.Г. Игнатьева по составлению археологической карты Оренбургской губернии – краеведов Оренбургской ученой архивной комиссии (ОУАК) И.С. Шукшинцева и И.А. Кастанье. И.С. Шукшинцевым на рубеже веков было проведено анкетирование представителей провинциальной интеллигенции Оренбургской губернии, в результате которого была получена информация о 459 курганах, а также разнообразные народные предания об их происхождении. В итоге был подготовлен свод, состоящий из двух частей – «Сведения о курганах Оренбургской губернии» и «Предания о курганах Оренбургской губернии» (Шукшинцев, 1900).

Логическим завершением работы по картографированию памятников стала фундаментальная работа И.А. Кастанье (1876–1958) «Древности Киргизской степи и Оренбургского края», сводившая воедино всю известную к началу XX в. информацию об археологических памятниках Приуралья и Казахстана. Последние были систематизированы по географическому и типологическому принципу (курганы, городища, каменные бабы, руины, надписи и изображениях на камнях, рудники и т.д.) (Кастанье, 1910). Информация, собранная И.А. Кастанье, при всех методических недостатках его публикации активно использовалась последующими поколениями исследователей, в том числе средневековой археологии Южного Урала и Казахстана.

Первым исследователем, применившим археологический метод по отношению к средневековым памятникам в степном Оренбуржье, стал писатель, этнограф Филипп Диомидович Нефедов (1838–1902). В 1884 и 1887–1888 гг. он проводил археологические изыскания на Южном Урале (главным образом в трех пунктах: междуречье Урала и Илека, территория около Илецкой защиты и Бузулукский уезд Самарской губернии) (Нефедов, 1886; 1899). Нельзя не отметить недостатки полевой методики Ф.Д. Нефедова, не являвшегося профессиональным археологом: курганы копались траншеями или колодцем, иногда не докапывались, не прослеживалось расположение и форма могильных ям, приводились в основном сведения о положении костяков и найденных предметах. Все это снижает возможности использования полученных при раскопках материалов в современных научных исследованиях.

Ф.Д. Нефедов предпринимал попытки, исходя из собственных знаний, интерпретировать полученный археологический материал. Он классифицировал курганные памятники по форме насыпи, отмечал различия в способе захоронения. Так называемые «массовые» курганы Ф.Д. Нефедов относит к «одному народу, известному под названием Чуди», курганы с безынвентарными захоронениями он называл ногайскими или киргизскими (Нефедов, 1899, с. 11, 14).

Парадоксально, что при всех огрехах полевой методики и недостатках интерпретации Ф.Д. Нефедов на долгие десятилетия явился самым активным исследователем средневековых памятников Оренбургского Предуралья. По подсчетам Г.Н. Гарустовича и В.А. Иванова, за три полевых сезона он раскопал 116 курганов эпохи средневековья в 14 могильниках. При этом среди раскопанных комплексов присутствуют захоронения различных этапов эпохи средневековья – огузо-печенежского, половецкого, золото-

ордынского языческого и мусульманского; инвентарь погребений содержателен и разнообразен, и в настоящее время составляет коллекции Государственного исторического музея и Эрмитажа. Таким образом, деятельность Ф.Д. Нефедова способствовала началу накопления источниковой базы по археологии эпохи средневековья Южного Предуралья, и в дальнейшем материалы из его раскопок были использованы в работах Г.А. Федорова-Давыдова, В.А. Иванова, В.А. Кригера, Г.Н. Гарустовича и других исследователей средневековых кочевников.

После работ Ф.Д. Нефедова полевые исследования средневековых памятников развития не получили. Впускное захоронение средневекового времени было исследовано в одном из курганов могильника на Бердинской горе, раскопанного А.В. Поповым (Попов, 1897); средневековые комплексы изучались на территории Западного Казахстана И.А. Кастанье. Событием в изучении средневековой археологии в рамках деятельности Оренбургской ученой архивной комиссии стала публикация в 26 выпуске «Трудов ОУАК» работы И.А. Кастанье «Надгробные сооружения киргизских степей». В этой монографии были описаны основные типы средневековых надгробных сооружений, которые автор разделил надгробные сооружения на сооружения доисламской эпохи (курганы) и сооружения мусульманской эпохи (мавзолеи). Работу И.А. Кастанье отличает присутствие большого количества таблиц и рисунков, воспроизводящих различные типы курганов в Оренбургской губернии и Тургайской области. Автором была предпринята попытка реконструкции обряда погребения у народов, оставивших курганы, а также реконструкции технологии сооружения мавзолеев (Кастанье, 1911, с. 28–29, 35–41). Несмотря на то, что интерпретаторские выкладки И.А. Кастанье в настоящее время являются скорее феноменом историографии, чем содержательным этапом накопления знаний, огромный фактический материал, содержащийся в работе, остается актуальным и сейчас.

После Октябрьской революции 1917 года ОУАК прекратила свое существование; некоторые из деятелей Комиссии продолжали исследовательскую деятельность в рамках Общества изучения Киргизского края, однако, археологическая составляющая этой деятельности была крайне минимальной. Поэтому закономерно акцент в исследовании памятников археологии в Оренбургском Предуралье, включая средневековые комплексы, сместился в пользу работ ученых из других научных центров.

Известный скифолог Борис Николаевич Граков (1899–1970) в 1927–1929 гг. проводил исследования в окрестностях г. Оренбурга, в районе поселков Нежинка и Благословенка. В 1927 г. было изучено пять погребений эпохи средневековья, материалы были опубликованы О.А. Кривцовой-Граковой (Кривцова-Гракова, 1928), и, по сути, это первая специальная публикация о средневековых кочевниках Южного Предуралья в советской археологии. Средневековые комплексы выявлены Б.Н. Граковым и в 1928–1929 гг. в урочищах Горбатый мост и Бис-Оба (Гущина, Фирсов, 2000, с. 18), однако эти материалы не были опубликованы ни автором работ, ни в последующих сводах средневековых памятников.

В 1930 г. (экспедиция Казкомпристариса) и 1933 г. (Южноуральская новостроечная экспедиция ГАИМК) Б.Н. Граков проводил разведочные исследования в бассейне р. Ори (восток Оренбургской обл. и Западный Казахстан). В 1933 г. у аула Худай-Берген (ныне территория Казахстана) под овальными и круглыми площадками из камней им были исследованы погребения кочевников золотоордынского времени с характерным для XIII–XIV вв. инвентарем (Граков, 1936, с. 96).

Немалый вклад в изучение археологии Оренбуржья в 1920–30-е годы внес работник краеведческого музея Иван Антонович Зарецкий (1856–1936). В 1927 г. И.А. Зарецким было проведено археологическое обследование р. Илек, описаны курганы на расстоянии 5 верст по обоим берегам Илека, и раскопано 20 курганов, относящихся главным образом к эпохе средневековья (Зарецкий, 1935, л. 3). Информация о работах 1927 г. крайне фрагментарна, то же относится и к охранным работам Зарецкого в 1929–1930 гг. в Губерлинских горах – у хутора Белошапочного, где местные жители раскопали несколько курганов. В отчете о деятельности музея указано: «В Губерлинских горах на реке Каяле открыты позднекочевнические могилы (половецкие), примерно 9–10 столетия, и рядом коллективная могила бронзового века, в которой кроме прочих предметов (браслет, серег, колец бронзовых, серебряных и золотых, бронзовых наконечников стрел, бус и др. предметов) сохранилась на костях рук часть одежды с мехом и тканью» (ГАОО. Ф. Р-2554, оп. 1, д. 26, л. 81). Материалы этих раско-

пок не введены в научный оборот, датировки И.А. Зарецкого крайне условны.

Материалы эпохи средневековья были также обнаружены в доисследованном И.А. Зарецким разрушенном геологической разведкой погребении кургана у села Благословенка на р. Бердянке. На это указывают такие находки, как шелковая ткань, пластинка от костяной обкладки колчана, обломки железных удил и стремян, и т.д. (Зарецкий, 1941, с. 153). В 1935 г. краевед раскопал средневековый курган у пос. Акбулак, найдены 3 медные пластинки с орнаментом в виде четырехлопастной розетки, медная пряжка, костяной наконечник стрелы, обломки железных удил и стремян (Зарецкий, 1941, с. 154).

В послевоенный период, в третьей четверти XX в., изучение археологии Оренбургского края связано с деятельностью функционировавшей в 1956–1974 гг. Южно-Уральской (Оренбургской) археологической экспедиции под руководством К.Ф. Смирнова (1917–1980). Цель изучения средневековых погребений не преследовалась руководителями экспедиции в силу отсутствия в ее составе специалистов по этой проблеме; сам К.Ф. Смирнов указывает, что погребения I–II тыс. н. э. были исследованы «лишь попутно». В то же время даже при таком «попутном» подходе экспедицией были исследованы памятники различных периодов эпохи средневековья – от огузо-печенежского до золотоордынского времени. Некоторые из них публиковались руководителями экспедиции, как, например, погребение знатной кочевницы печенежского времени с богатым инвентарем в могильнике Увак 10/2 (Федорова-Давыдова, 1969, с. 262–266). В то же время несколько средневековых комплексов не были авторами опубликованы и введены в научный оборот более поздними сводами средневековых памятников (Гарустович, Иванов, 2014).

Особое значение в рамках деятельности Южно-Уральской экспедиции имели раскопки М.Г. Мошковой (1958, 1959, 1962 гг.) и К.Ф. Смирновым (1971–1973 гг.) Ново-Кумакского могильника. Максимально полное исследование этого уникального некрополя, содержащего материалы эпох бронзы, РЖВ и средневековья, позволило выявить особенности археологии кочевников XII–XIV вв. в восточном Оренбуржье. В конце 1970-х гг. исследование Ново-Кумакского могильника было продолжено В.А. Кригером и С.Н. Заседателевой, средневековые материалы были введены в научный оборот В.А. Кригером (Кригер, 1983). Анализ погребального инвентаря позволил исследователю установить три периода существования могильника: предмонгольский (XII – начало XIII), золотоордынский языческий (XIII – первая половина XIV вв.), к которому относится большинство погребений могильника, и золотоордынский мусульманский (до начала XV в.) (Кригер, 1983, с. 178–181).

Большой интерес представляют раскопки средневековых мавзолеев в курганной группе у пос. Тептяри в Тоцком районе в 1969–1970 гг. работником Оренбургского краеведческого музея С.А. Поповым. Здания сооружались без фундамента, стены были сделаны из обожженного или сырцового кирпича; погребения как безынвентарные, так и с разнообразным инвентарем. По находке изразца в кургане 6 эти курганы были датированы XIV–XV вв. В 1968 г. экспедицией С.А. Попова была раскопана обжигательная печь у пос. Кзыл-Мечеть, и по предположению автора раскопок, она была специально сооружена для изготовления кирпича для постройки мавзолеев. По мнению С.А. Попова, в раскопанных мавзолеях «хоронили представителей феодальной верхушки родовых объединений золотоордынского времени, кочевавших по берегам Бузулука в XIV–XV вв.» (Попов, 1970, л. 27). Следует заметить, что материалы раскопок, хотя и используются в различных работах по золотоордынской археологии, до сих пор еще полноценно не опубликованы. Сведения о работах присутствуют в кратких сводках в «Археологических открытиях» и научно-популярной книге С.А. Попова «Тайны Пятимаров».

Выявление и исследование Южно-Уральской академической экспедицией и Оренбургской экспедицией краеведческого музея разнообразных погребальных памятников эпохи средневековья не могло не привлечь внимание специалистов в изучении данной эпохи, что в дальнейшем послужило причиной целенаправленного исследования средневековых могильников Оренбургской области археологами из Башкирии – В.А. Ивановым и Н.А. Мажитовым. В 1974–1975 гг. в центральных районах Оренбургской области разведочные исследования и раскопки средневековых курганов были проведены Н.А. Мажитовым (1933–2015). К сожалению, материалы раскопанных памятников не введены в научный оборот, сведения о комплексах присутствуют весьма обобщенно в монографии автора работ (Мажитов, 1977, с. 35–36, 112–118).

В 1980-е годы изучение средневековых памятников впервые в истории оренбургской археологии стало целенаправленным, что связано с работами на Южном Урале уфимского археолога В.А. Иванова. Выявление и раскопки могильников в Оренбуржье являлись частью большой работы Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР в Оренбургской, Самарской и Актюбинской областях. В ходе разведок в центральных и восточных районах Оренбуржья В.А. Ивановым открыты десятки средневековых памятников, на многих из них проведены раскопки (КМ Новочеркасский VII, Воздвиженский, Тлявгуловский, Линевский, Урта-Буртя, Уральский, и многие другие). Ряд средневековых комплексов введены в научный оборот еще в 1980-е гг. (Иванов, 1984) или же опубликованы в 2000-е (Иванов, 2001; 2004; Гарустович, Иванов, Проценко, 2014; 2015). Особо следует подчеркнуть, что результаты раскопок были осмыслены и интерпретированы автором работ и активно использовались для научных построений – в диссертации, монографии (Иванов, Кригер, 1988) и статьях разных лет.

На востоке Оренбургской области исследования могильников, содержащих погребения РЖВ и эпохи средневековья, в 1980–2000-е годы проводились силами Орского краеведческого музея и археологической лаборатории ОГТИ ОГУ (С.Н. Заседателева, О.Ф. Бытковский). В частности, были исследованы II и III группы Ново-Кумакского могильника (Бытковский и др., 2014) и несколько курганов I и II Новоорских могильников. В начале 1990-х годов несколько впускных средневековых погребений и курганов золотоордынского мусульманского периода (с безынвентарными захоронениями) были изучены комплексной Илекской экспедицией ИА РАН (Л.Т. Яблонский, Т.Н. Трунаева) и Оренбургского пединститута (Н.Л. Моргунова) в Соль-Илецком районе, в II, VIII, IX курганные могильниках у с. Покровка (Веддер и др., 1993, Яблонский и др., 1994, 1995).

Современный этап исследования средневековых кочевников на территории Оренбуржья связан с деятельностью образованной в 1977 г. Оренбургской археологической экспедиции Оренбургского госпединститута, возглавляемой Н.Л. Моргуновой. Следует признать, что основным акцентом в деятельности экспедиции является изучение памятников бронзового века, тогда как памятники средневековых кочевников исследуются, используя терминологию К.Ф. Смирнова, «лишь попутно». В 1988 г. были исследованы впускные средневековые комплексы могильника Буранчи I, относившиеся к золотоордынскому языческому и золотоордынскому мусульманскому периодам (Моргунова, Дойникова, Краева, 2004). В 1993 г. при раскопках II курганного могильника у с. Изобильное был раскопан мавзолей золотоордынского времени (Матюшко, 2011).

Однако расцвет исследования средневековых комплексов силами ОАЭ приходится на начало 2000-х годов. Традицию изучения средневековых комплексов в многомогильных поликультурных памятниках продолжили раскопки Шумаевских и Мустаевских курганов. Во II Шумаевском КМ уникальным является погребение забальзамированного воина (курган 7, погребение 5), сопровождавшееся богатым инвентарем (предметы вооружения, элементы конской упряжи, железный котел, бронзовые пряжки, серебряная чаша и др.) (Моргунова и др., 2003). В V Мустаевском КМ помимо курганов со стандартным для средневековых кочевников погребальным обрядом был обнаружен золотоордынский мавзолей с богатым инвентарем (Моргунова, Краева, Матюшко, 2005). Еще один мавзолей был исследован в 2011 г. в III могильнике у с. Имангулово 2-е (Матюшко, 2016)

Активизация изучения средневековых памятников в начале 2000-х имела своим результатом целенаправленное обращение к данной тематике сотрудника ОАЭ И.В. Матюшко (Дойниковой). В 2008 г. ею была защищена кандидатская диссертация на тему «Погребальный обряд кочевников степей Приуралья в IX–XIV вв. н.э.», в которой на основе статистических методов были выделены разные типы погребений средневековых кочевников степей Приуралья, предложена авторская интерпретация этнической принадлежности археологических материалов. В дальнейшем результаты диссертационного исследования были опубликованы в виде монографии (Матюшко, 2015). В настоящее время в рамках Оренбургской археологической экспедиции средневековая проблематика (в частности, особенности вооружения и военного дела) разрабатывается П.В. Харламовым (Харламов, 2015).

Таким образом, в изучении средневековой археологии Оренбургского Предуралья в XVIII – начале XXI в. можно выделить следующие закономерности:

1). Целенаправленная деятельность по выявлению и исследованию памятников средневековых кочевников степного Оренбургского Предуралья отмечается только в 1980-е годы (работы В.А. Иванова) и отчасти в 2000-е годы (работы И.В. Матюшко в рамках ОАЭ);

2). Значительная часть материалов по археологии средневековых кочевников получена при работах в конце XIX в. Ф.Д. Нефедова, но их применение в научных построениях в силу особенностей полевой методики возможно с известными оговорками;

3). Большая часть средневековых комплексов с территории Оренбургского Предуралья получена при раскопках, имеющих целью исследование памятников более ранних эпох, что сказывается на особенностях обработки полевых материалов;

4). Средневековые материалы имеют специфические особенности публикации: зачастую они не вводятся в научный оборот совсем, либо публикуются в виде предварительных сообщений, обзоров или публикаций отдельных аспектов или комплексов. Смеем надеяться в этой связи, что фундаментальная работа по созданию свода средневековых комплексов, сделанная уфимскими археологами (Гарустович, Иванов, 2014) для периода исследований с XVIII в. по 1975 г., будет продолжена и для современного периода развития науки.

5). Несмотря на все указанные выше недостатки исследовательской практики, памятники Оренбургского Предуралья активно используются для исследования истории средневековых кочевников такими специалистами, как Г.А. Федоров-Давыдов, Н.А. Мажитов, В.А. Кригер, В.А. Иванов, Г.Н. Гарустович и другие, что подчеркивает необходимость дальнейшего изучения этой категории памятников Оренбуржья.

Таблица 1. Сводная таблица раскопок средневековых памятников, проведенных в границах Оренбургской области в XIX–XXI вв.

Год, автор раскопок	**Памятник**	**Отчет или архивные сведения**	**Публикация материалов**
1884 Ф.Д. Нефедов, К.А. Фишер	КМ Пчельник К1-8,10,19-23, 25-29	Архив ИИМК. Ф. 1. 1888. № 56	Нефедов, 1886
1887-1888 Ф.Д. Нефедов	КМ Кара-Бутак К2,4 КМ Пчельник К1-7 КМ Мертвецовский К1-3,5-8,10 КМ Илецкая защита К2-19 КМ Тимашев Колок К1-8 КМ Лиман К2-7 КМ Казенная мельница К1-8 КМ Мертвые соли К1-3, мог. I-X КМ Аул №1 К1-4 КМ Аул №4 К1-3 КМ Павловская ст. К1-7 КМ Алебастровые горы К1-20 ОК Ханская могила КМ Сорочинское К3 КМ Новосергиевское К2		Нефедов, 1899.
1897 А.В. Попов	КМ Бердинская гора К2/2	Архив ИИМК. Ф. 1. 1897. № 44	Попов А.В., 1898.
1927 Б.Н. Граков	КМ Башкирское стойло К3, К4/1,2	Архив ИИМК. Ф. 2. 1927. № 167	Кривцова-Гракова, 1928.
	КМ Алебастрова гора К1/4		
	КМ Красный Яр К2		

Год, автор раскопок	**Памятник**	**Отчет или архивные сведения**	**Публикация материалов**
1928 Б.Н. Граков	КМ Горбатый мост К1	Архив ИИМК. Ф. 2. 1928. № 178	Материал не опубликован
1929 Б.Н. Граков	КМ Бис-Оба К1	Архив группы Б ОАП ГИМ. № 397/218	
1929 И.А. Зарецкий	КМ Белошапочный	ГАОО. Ф. Р-2554. Оп. 1. Д. 26. Л. 81	
1935 И.А. Зарецкий	ОК Благословенка	Архив ИИМК. Ф. 2. 1935. № 89	Зарецкий, 1941.
	ОК Ак-Булак		
1956 К.Ф. Смирнов	КМ Черный Яр К1	Архив ИА РАН. Р-1. № 1255	Гарустович, Иванов, 2014, с. 161-162.
1957 К.Ф. Смирнов	КМ Увак К2/6, К3/1	Архив ИА РАН. Р-1. № 1686	
	КМ Близнецы К3/2		
1957 М.Г. Мошкова	Новая Белогорка производственный комплекс	Архив ИА РАН. Р-1. № 1648	Материал не опубликован
1958 М.Г. Мошкова	КМ Новый Кумак К1	Архив ИА РАН. Р-1. № 1820	Кригер, 1983.
1959 М.Г. Мошкова	КМ Новый Кумак К11	Архив ИА РАН. Р-1. № 2034	
1960 Э.А. Федорова-Давыдова	КМ Увак К10/2	Архив ИА РАН. Р-1. № 2227	Федорова-Давыдова, 1969.
1962 М.Г. Мошкова	КМ Новый Кумак К28, 29, 35-39	Архив ИА РАН. Р-1. № 2543	Кригер, 1983.
1966 К.Ф. Смирнов	КМ Шиханы К10/1	Архив ИА РАН. Р-1. № 3273	Гарустович, Иванов, 2014, с. 181.
1967 К.Ф. Смирнов	КМ Перевозинка К1/1, К2/29,31	Архив ИА РАН. Р-1. № 3557	Материал не опубликован
1968 С.А. Попов	Кзыл-Мечеть, обжигательная печь	Архив ИА РАН. Р-1. № 3955	*Попов С.А. Работы в Оренбургской области // АО 1968 года. М., 1969. С. 144-145.*
1969 С.А. Попов	КМ Тептяри К7	Архив ИА РАН. Р-1. № 3956	Попов С.А., 1982, с. 142-144.
1970 С.А. Попов	КМ Тептяри К6,8	Архив ИА РАН. Р-1. № 5438	
1971 К.Ф. Смирнов	КМ Новый Кумак («курганы у котельной»), к. I/2	Архив ИА РАН. Р-1. № 4510	Материал не опубликован
	КМ Новый Кумак К2,8,9		Кригер, 1983.
1972 К.Ф. Смирнов	КМ Новый Кумак К1/2, 12, 14-16	Архив ИА РАН. Р-1. № 4814	
1973 К.Ф. Смирнов	КМ Новый Кумак К28,29	Архив ИА РАН. Р-1. № 5036	

Год, автор раскопок	**Памятник**	**Отчет или архивные сведения**	**Публикация материалов**
1974 Б.Б. Агеев	КМ Бугурусланский К5/1	Архив МАЭ УНЦ РАН. А/АО/1-3а,б	Материал не опубликован
1974 Н.А. Мажитов, Н.Г. Рутто	КМ Колычево II К2/2 КМ Октябрьский III К2,3 КМ Имангулово 2-е III К1	Архив ИА РАН. Р-1. № 5500	*Мажитов Н.А. Работы на р. Салмыш // АО 1974 года. М., 1975. С. 163.*
1975 Н.А. Мажитов	Сакмарское городище КМ Россыпинский К1,2 КМ Каменно-Озерный К1 КМ Жанаталап I К1,2 КМ Жанаталап II К1 КМ Карагач К1,2 КМ Алабайтал К1	Архив ИА РАН. Р-1. № 5395	Частично опубликовано в: *Мажитов, 1977, с. 35-36, 112-118*
1976 С.А. Попов	КМ Яман К2	Архив ИА РАН. Р-1. № 5960	*Попов С.А. Раскопки в Илекском районе Оренбургской области // АО 1976 года. М., 1977. С. 176.*
1978 Л.Н. Корякова	КМ Кардаилово II (III) К1	Архив АЛ ОГПУ. II-6/1978	*Корякова Л.Н., Чемякин Ю.П. Работы в Оренбургской области // АО 1978 года. М., 1979. С. 183.*
1979 В.А. Кригер, С.Н. Заседателева	КМ Новый Кумак II К1-4 КМ Новый Кумак III К1-2	Архив ИА РАН. Р-1. №7874	Кригер, 1983.
1980 С.Н. Заседателева	КМ Новый Кумак II К5,6, КМ Новый Кумак III К3,4 Новый Кумак курган у Обелиска Славы	Архив ИА РАН. Р-1. №8855	Кригер, 1983.
	КМ Новоорский I К2		*Заседателева С.Н. Исследование Новоорског;о 1 могильника // АО 1981 года. М., 1982. С. 146-147*
1980 В.А. Иванов	КМ Новочеркассовский VII К2 КМ Тлявгуловский I К1-4 КМ Воздвиженский К1	Архив ИА РАН. Р-1. №8025	Иванов, 1984.
1982 В.А. Иванов	КМ Уральский К3,4,5,8,9	Архив АЛ ОГПУ. II-22/1982	Иванов, 1984.
	КМ Рычковка К3 КМ Линевка К4 КМ Урта-Буртя К1,3,4,14-19		*Иванов В.А. Исследование средневековых могильников в Оренбургской области // АО 1982 года. М., 1983. С. 148-149.*

Год, автор раскопок	**Памятник**	**Отчет или архивные сведения**	**Публикация материалов**
1983 С.Н. Заседателева	КМ Новоорский II	Архив ИА РАН. Р-1. №9719	*Заседателева С.Н. Исследование могильника Новоорский II // АО 1983 года. М., 1984. С. 146-147.*
1983 О.И. Порохова	КМ Чкаловский К1/1,2, К3/6, К4/14,16, К6/1-3	Архив АЛ ОГПУ. II-27/1983	Материал не опубликован
1983 А.Х. Пшеничнюк	КМ Белый Ключ К9 КМ Тамар-Уткуль (Черный Яр) К3,7,9,10,12	Архив АЛ ОГПУ. №II-22.1982	Иванов, 2001. *Иванов В.А. Раскопки в Оренбуржье и Южной Башкирии // АО 1983 года. М., 1984. С. 148-149.*
1984 О.И. Порохова	КМ Новотроицкий I К6/1, К8/2	Архив АЛ ОГПУ. II-33/1984	Материал не опубликован
1984 А.Х. Пшеничнюк	Андреевский К1	Архив АЛ ОГПУ. II-34/1984	
	КМ Красный Яр К17/1КМ		Пшеничнюк, 1989.
1984 В.А. Иванов	КМ Хабарный I К1,4,6-11	Архив МАЭ УНЦ РАН. А/АО/1-26	Иванов, 2004.
1985 В.А. Иванов	КМ Озерновский III К3	Архив ИА РАН. Р-1. №10676	Частично опубликовано: *Овсянников В.В. К вопросу о защитном вооружении поздних кочевников Южного Урала // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 141-149*
1985 А.Ю. Кравцов	Привольненский могильник на дюне	Архив АЛ ОГПУ. II-35/1985	Материал не опубликован
1987 В.А. Иванов	КМ Большевик II К1-3 КМ Большевик III К1-2	Архив МАЭ ИЭИ УНЦ РАН	Гарустович, Иванов, Проценко, 2014.
	КМ Колпаковский I К2-4		Гарустович, Иванов, Проценко, 2015.
1988 С.Н. Заседателева	КМ Новоорский I К13 КМ Новоорский II К1,12	Архив ИА РАН. Р-1. №13345	Материал не опубликован
1988 Н.Л. Моргунова	КМ Буранчи К7, К1/1-2, К4/1	Архив АЛ ОГПУ. II-60/1988	Моргунова, Дойникова, Краева, 2004.
1988 В.А. Иванов	КМ Линевка I К4-9,14-17, ОК Линевка I, II, III	Архив ИА РАН. Р-1. №14087	Материал не опубликован
1989 В.С. Горбунов	КМ Кривое озеро I К2,12,13	Архив ИА РАН. Р-1. №14630	

Год, автор раскопок	**Памятник**	**Отчет или архивные сведения**	**Публикация материалов**
1989-1990 С.Н. Заседателева, О.Ф. Бытковский	КМ Новый Кумак III К5-9	Архив ИА РАН. Р-1. №14220	Бытковский и др., 2014.
1991 Н.Л. Моргунова	КМ Покровка IX К1, К3/1-11, К4/1-4,6-8, К5/1	Архив АЛ ОГПУ. II-68-69/1991	Частично опубликовано: *Харламов П.В. Захоронение печенежского воина в кургане 1 могильника Покровка IX // АПО. Вып. 12. Оренбург, 2016. С. 193-196.*
1992 Л.Т. Яблонский, Н.Л. Моргунова	КМ Покровка II К1П1	Архив АЛ ОГПУ. II-71/1992	Веддер и др., 1993.
	КМ Покровка VIII К1/8,9, К4/1		
1993 Л.Т. Яблонский, Н.Л. Моргунова	КМ Покровка I К1/1	Архив АЛ ОГПУ. II-77/1993	Яблонский и др., 1994.
1993 М.А. Турецкий	КМ Изобильное II К2	Архив АЛ ОГПУ. II-90/1994	Матюшко, 2011.
1994 Л.Т. Яблонский	КМ Покровка I К3/4	Архив АЛ ОГПУ. II-77/1993	Яблонский и др., 1995.
2000 Н.Л. Моргунова	КМ Шумаево I К5	Архив АЛ ОГПУ. II-103/2001	Моргунова и др., 2003.
2001 Н.Л. Моргунова	Шумаево II ОК/3 КМ Шумаево II К6/5	Архив АЛ ОГПУ. II-105/2002	
2002 Н.Л. Моргунова	КМ Шумаево I К6	Архив АЛ ОГПУ. II-108/2003.	
	КМ Шумаево II К7/5, К11		
2004 Н.Л. Моргунова	КМ Мустаево V К5-7,10,11,14,15	Архив АЛ ОГПУ. II-109/2005.	Моргунова, Краева, Матюшко, 2005.
2008 Н.Л. Моргунова	КМ Скворцовка К6/2	Архив АЛ ОГПУ. II-118/2009.	Моргунова и др., 2010.
2010 Н.Л. Моргунова	КМ Имангулово 2-е II К5/1, К11/1	Архив АЛ ОГПУ. II-138/2011.	Материал не опубликован
2010 О.Ф. Бытковский	КМ Свистунка I К1,2 комплекс Мазар Гранитный	Архив НИАЦ г. Орск	Бытковский, Матвеев, 2014.
2011 О.Ф. Бытковский	КМ Новый Кумак III К10		Материал не опубликован
2011 Н.Л. Моргунова	КМ Боголюбовка К6/2	Архив АЛ ОГПУ. II-146/2012.	Матюшко, 2014.

Год, автор раскопок	Памятник	Отчет или архивные сведения	Публикация материалов
2011 И.В. Матюшко	КМ Имангулово 2е III К2	Архив АЛ ОГПУ. II-141/2012	Матюшко, 2016.
2014 Л.В. Купцова	Грунтовое погребение у с. Чебеньки	Архив АЛ ОГПУ.	Матюшко, Краева, Купцова, 2016.

В столбце «Публикация материалов» наименования источников формата «Кригер, 1983» отсылают к основному списку литературы настоящей статьи. Предварительные публикации материалов (например, статьи в «Археологических открытиях»), а также публикации отдельных комплексов даны в полном библиографическом описании и выделены курсивом

ЛИТЕРАТУРА

Государственный архив Оренбургской области. Ф. Р-2554, оп. 1, д. 26, л. 81.

Бытковский О.Ф., Заседателева С.Н., Матюшко И.В., Харламов П.В. Средневековые захоронения Новокумакского могильника (III северо-западная группа) // АПО. Вып. 11. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. С. 214–226.

Бытковский О.Ф., Матвеев А.А. Погребения эпохи средневековья в Восточном Оренбуржье // АПО. Вып. 11. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. С. 226–239.

Веддер Дж., Егоров В., Дэвис-Кимболл Дж., Моргунова Н., Трунаева Т., Яблонский Л. Раскопки могильников Покровка 2 и Покровка 8 в 1992 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 1. М.: ИА РАН, 1993. С. 18–55.

Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Материалы по археологии средневековых кочевников Южного Урала (IX–XV вв. н.э.). Уфа: Изд-во БГПУ, 2014.

Гарустович Г.Н., Иванов В.А., Проценко А.С. Погребения кочевников Улуса Шибана (XIII–XIV вв.) в верховьях р. Урал // Изв. СНЦ РАН. Т. 16. № 3 (2). 2014. С. 626–633.

Гарустович Г.Н., Иванов В.А., Проценко А.С. Колпаковский I курганный могильник // Вестник ЧелГУ. 2015. № 6 (361). История. Вып. 63. С. 28–34.

Граков Б.Н. Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций // Археологические работы Академии на новостройках в 1932–1933 гг. Ч. 2. М.; Л.: ОГИЗ, 1935. С. 91–118.

Гущина И.И., Фирсов К.Б. Коллекции из раскопок Б.Н. Гракова в собрании Государственного Исторического музея (краткий обзор фонда) // Скифы и сарматы в VII–III до н. э.: палеоэкология, антропология и археология. М.: ИА РАН, 2000. С. 15–21.

Зарецкий И.А. Отчет И.А. Зарецкого об археологических исследованиях и раскопках в районах Оренбургском, Ак-Булакском, Соль-Илецком по открытому листу № 43 // Архив ИИМК. Ф. 2. 1935. № 89.

Зарецкий И.А. Пос. Благословенка и Ак-Булак // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 152–153.

Зобов Ю.С. Историки и исследователи Оренбургского края. Историко-биографические очерки. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007.

Иванов В.А. Погребения кыпчаков в бассейне р. Урал // Памятники кочевников Южного Урала / Отв. ред. В.А. Иванов. Уфа, 1984. С. 75–96.

Иванов В.А. Средневековые погребения могильника Тамар-Уткуль на Илеке // АПО. Вып. 5. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2001. С. 155–165.

Иванов В.А. Хабарный I – могильник золотоордынского времени в Центральном Оренбуржье // АПО. Вып. 6. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2004. С. 74–83.

Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.) / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1988.

Иванов В.А., Гарустович Г.Н., Пилипчук Я.В. Средневековые кочевники на границе Европы и Азии. Уфа: Изд-во БГПУ, 2014.

Игнатьев Р.Г. Курганы и городища Оренбургского края // Тр. I АС в Москве, 1869 г. М., 1871. С. 153–158.

Игнатьев Р.Г. Городища и курганы Оренбургской губернии // ИАК. Вып. 5. СПб., 1903. С. 96–122.

Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края // Тр. ОУАК. Вып. 22. Оренбург, 1911. С. 1–300.

Кастанье И.А. Надгробные сооружения Киргизских степей // Тр. ОУАК. Вып. 26. Оренбург, 1911. С. 3–197.

Кривцова-Гракова О.А. Погребения поздних кочевников из раскопок в Оренбургском уезде летом 1927 года // ТСА РАНИОН. Вып. 4. М., 1928. С. 288–299.

Кригер В.А. Средневековые захоронения Ново-Кумакского могильника (Оренбургская область) // СА. 1983. № 3. С. 171–187.

Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. Отв. ред. А.К. Амброз. М.: Наука, 1977.

Матвиевский П.Е. Дневник Джона Кэстля как источник по истории и этнографии казахов // История СССР. 1958. № 4. С. 133–145.

Матюшко И.В. Средневековые мавзолеи в Оренбургской области // АПО. Вып. 9. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. С. 146–155.

Матюшко И.В. Погребальный обряд кочевников Степного Приуралья IX–XIV вв. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2015.

Матюшко И.В. Новое огузское погребение у с. Боголюбовка в Оренбургской области // Известия СНЦ РАН. 2014. Т. 16. № 3-2. С. 620–625.

Матюшко И.В. Сырцовый мавзолей на территории Оренбуржья // Изв. СНЦ РАН. 2016. Т. 18. № 3-1. С. 153–160.

Матюшко И.В., Краева Л.А., Купцова Л.В. Серебряные дирхемы Золотой Орды в степном Приуралье // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международ. конф., посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова. 2016. С. 177–179.

Моргунова Н.Л., Дойникова И.В., Краева Л.А. I курганный могильник у с. Буранчи // АПО. Вып. 6. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2004. С. 3–15.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003.

Моргунова Н.Л., Краева Л.А., Матюшко И.В. Курганный могильник Мустаево V // АПО. Вып. 7. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2005. С. 5–49.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярева А.Д., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А. Скворцовский курганный могильник. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010.

Нефедов Ф.Д. Журнал курганных раскопок, произведенных летом 1884 г. в Тургайской области Ф.Д.Нефедовым и К.А.Фишером // Антропологическая выставка 1879 г. // Изв. ОЛЕАЭ. Т.49. Вып.3. М., 1886. С. 482–488.

Нефедов Ф.Д. Археологические исследования в Южном Приуралье (1887–1888 год) и в Прикамье (1893–1894 год) // Материалы по археологии восточных губерний России. Т. 3. М., 1899.

Попов А.В. Дневник раскопок кургана «Шихан» и других в окрестностях г. Оренбурга, произведенных летом 1897 года А.В. Поповым // Тр. ОУАК. Вып. 4. Оренбург, 1898. С. 105–116.

Попов С.А. Отчет о работе Оренбургской археологической экспедиции 1970 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5438.

Попов С.А. Тайны Пятимаров. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1982.

Пшеничнюк А.Х. Сарматский могильник Красный Яр в Оренбургской области // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1989. С. 99–119.

Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург: Тип. Б. Бреслина, 1887.

Федорова-Давыдова Э.А. Погребение знатной кочевницы в Оренбургской области // Древности Восточной Европы / Отв. ред. Л.А. Евтюхова. М.: Наука, 1969. С. 262–266.

Харламов П.В. Древковое вооружение кочевников Волго-Уральского региона в X–XIV вв. // Изв. СНЦ РАН. 2015. Т. 17. № 3-2. С. 576–586.

Шукшинцев И.С. Сведения о курганах Оренбургской губернии // Труды ОУАК. Вып. 6. Оренбург, 1900. С. 75-127; он же. Предания о курганах Оренбургской губернии // Тр. ОУАК. Вып. 6. Оренбург, 1900. С. 128–138.

Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В.Л. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 2. М.: ИА РАН, 1994. С. 4–56.

Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В. Раскопки курганов у с. Покровка в 1994 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 3. М.: ИА РАН, 1995. С. 9–47.

Информация об авторе:

Евгеньев Андрей Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия), oren-arch@mail.ru

About the Author:

Evgenyev Andrey A. Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Orenburg State Pedagogical University. Orenburg, Russian Federation; oren-arch@mail.ru

УДК 902.01

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД КАК ИНДИКАТОР ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ КУЛЬТУР ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ПРИКАМЬЯ И ПРЕДУРАЛЬЯ

(Работа выполнена при поддержке РГНФ «Сравнительно-статистическая характеристика археологических культур Прикамья и Предуралья эпохи раннего железного века», проект № 16-31-00010)

© В.А. Иванов, А.С. Проценко

FUNERAL CEREMONY AS AN INDICATOR OF THE GENETIC CONTINUITY OF THE CULTURES OF THE EARLY IRON AGE IN THE KAMA RIVER AND THE CIS-URALS REGION

В статье приводятся результаты сравнительно-статистического анализа погребального обряда ананьинской, пьяноборской и караабызской культур. В качестве базы источников были взяты случайные выборки из 527 погребений ананьинской культуры, 532 погребений пьяноборской культуры и 581 погребения караабызской культуры. По законам математической статистики это дает нижний порог значимости каждого из признаков равный 0,7% при критерии вероятности равном 0,95. Значения коэффициента формально-типологического сходства (C_3) по 91 альтернативному признаку погребального обряда сравниваемых культур, расположенные в диапазоне 0,60 – 90,67, показывают, что эти культуры, без всякого сомнения, связаны между собой генетически. Однако формирование пьяноборской и караабызской культур, составлявших пьянобоскую этнокультурную общность, происходило не только на основе ананьинской культуры, но при участии какого-то другого этнокультурного компонента.

Ключевые слова: археология, ананьинская, пьяноборская, караабызская культуры, погребальный обряд, сравнительно-статистический анализ, статистическая выборка, коэффициент типологического сходства.

This paper presents the results of a comparative statistical analysis of the burial rite of the Ananyino, Pianyi Bor and Kara-Abyz cultures. As a source base the random samples were taken from 527 burials of the Ananyino culture, 532 burials of the Pianyi Bor culture and 581 burials of the Kara-Abyz culture. According to the laws of mathematical statistics, this gives a lower threshold for the significance of each of the features equal to 0.7% with a probability criterion of 0.95. The values of the coefficient formal typological similarity (C3) on the basis of 91 alternative funeral ceremony compared crops situated in the range 0.60 - 90.67, show that these cultures without any doubt linked genetically. However, the formation of the Pianyi Bor and Kara-Abyz cultures, which comprised the Pianyi Bor ethnic-cultural community, occurred not only on the basis of the Ananyino culture, but with the participation of some other ethnic-cultural component also.

Keywords: archaeology, Ananyino, Pyanyi Bor, Kara-Abyz cultures, funeral rite, comparative statistical analysis, statistical sampling, coefficient of typological similarity.

Культуры эпохи раннего железного века Прикамья и Предуралья – ананьинская, пьяноборская, караабызская, гляденовская – имеют такую длительную и насыщенную историю своего изучения (и соответствующую историографию), что, на первый взгляд, нерешенных проблем в их историческом понимании и интерпретации осталось немного. В первую очередь, это относится к генетической преемственности перечисленных культур, в историческом контексте напрямую восходящей к проблеме этногенеза современных финно-пермских и восточно-финских народов региона. Еще в начале 1950-х годов А.П. Смирнов – один из основоположников научной археологии Урало-Поволжья – выдвинул идею о прямой генетической преемственности ананьинской и пьяноборской культур, определив последнюю как более позднюю стадию ананьинской культуры (Смирнов,

1952, с. 69). Эту концепцию поддержали О.Н. Бадер и В.А. Оборин, считавшие, что «ананьинская культура является первой, для которой устанавливаются конкретные и достаточно многочисленные связи с современными народами Прикамья, сохранившими в своей культуре эти еще ананьинские серты, перешедшие к ним через ряд промежуточных звеньев (выделено нами. – *Авт.*). Особенно ясно это прослеживается по некоторым элементам современных жилищ и старинной национальной одежды удмуртов и коми-пермяков» (Бадер, Оборин, 1958, с. 110). Такими «промежуточными звеньями» являлись, в частности, гляденовская, пьяноборская и караабызская культуры, по мнению названных исследователей, их коллег, учеников и последователей, являвшиеся прямым генетическим продолжением ананьинской культуры (Генинг, 1970, с. 170; Пшеничнюк, 1973, с. 225; Агеев, 1992, с. 106; Голдина, 1999, с. 209). К концу XX столетия в историографии культур эпохи раннего железного века сложилась такое видение проблем исторического взаимодействия их носителей, которое Б.Б. Агеев в одной из своих работ изложил предельно емко: «преемственность в развитии ананьинско-пьяноборских племен общепризнанна» (Агеев, 1992, с. 102). И действительно, идею о генетических связях носителей ананьинской, караабызской и пьяноборской культур проводят в своих исследованиях В.Ф. Генинг, А.Х. Халиков, Р.Д. Голдина, Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова, в тех или иных формулировках трактовавшие и трактующие караабызскую культуру как среднебельский (караабызский) вариант единой ананьинской культуры (Генинг, 1988, с. 62; Халиков, 2011, с. 41; Голдина, 1999, с. 245; Мажитов, Султанова, 2009, с. 86).

Следуя логике указанных построений, Р.Д. Голдина линию генетической преемственности пьяноборской и караабызской культур от ананьинской проводит дальше во времени. Караабызская культура, по ее мнению, это один из вариантов пьяноборской общности (Голдина, 1999, с. 242), а хронологически следующая за ней мазунинская культура – это поздняя стадия пьяноборской (чегандинской) (Голдина, 2004, с. 307–308).

Генетическая преемственность «пьяноборье – мазунино» едва ли может подвергаться сомнению. Тем более что она подтверждается и результатами сравнительно-типологического анализа погребального обряда пьяноборских и мазунинских могильников, проведенного разными исследователями в разные годы (Останина, 1997, с. 174; Белавин и др., 2009, с. 67–68; Шмуратко, 2012, с. 29). Сложнее обстоит дело с вопросом о генетической связи по линии «ананьино – пьяноборье» и «ананьино – караабыз». И не только по тому, что его никто не проводил вообще, но и по тому, что долгое время (фактически до середины 1990-х гг.) характеристика погребального обряда ананьинской культуры давалась по материалам могильников, разбросанных в пространстве, небольших по объему, не всегда удовлетворительно опубликованных, а главное, относящихся, как это сейчас очевидно, к разным культурам, составлявшим ананьинскую культурно-историческую общность (АКИО). Поэтому, когда предшественники выделяли набор признаков, свидетельствующих, по их мнению, о генетической преемственности рассматриваемых культур, то к таковым они в первую очередь относили ориентировку погребенных ногами к реке, отсутствие в погребениях сосудов, форму и технику изготовления сосудов, ассортимент основных украшений костюма (височные подвески, поясные наборы, всевозможные бляшки, обоймицы и подвески) и, наконец, непрерывность остатков обеих культур как на поселениях, так и на могильниках (Генинг, 1988, с. 62; Халиков, 2011, с. 41; Агеев, 1992, с. 102).

В настоящее время ситуация с объемом источниковой базы по культурам эпохи раннего железного века Прикамья и Предуралья существенно изменилась. И прежде всего это относится к накоплению материала по погребальному обряду могильников ананьинской культуры шнуровой керамики (АКШК), увеличившегося в несколько раз, благодаря изысканиям С.Н. Коренюка в Пермском Прикамье в 1980-е – начале 1990-х годов. И сейчас нам известны данные по 550 погребениям АКШК (Ананьинский, Залазинский, Зуевский, Котловский, Луговской, Оханский, Першинский, Скородум и Таш-Елга могильники).

Еще более объемную источниковую базу мы имеем по погребальному обряду могильников пьяноборской и караабызской культур: пьяноборская культура – 2039 погр. (Кушулевский III, Юлдашевский, Новосасыкульский, Ошкинский, Уяндыкский, Чеганда II, Ныргында I и др.); караабызская – 1435 погр. (Биктимировский, Охлебининский, Шиповский, Уфимский).

Имеющийся объем источников позволяет дать суммарную характеристику и провести сравнительно-статистический анализ погребального обряда рассматриваемых куль-

тур с высокой степенью точности. Если взять могильники АКШК, то нижний порог представительности признаков обряда при критерии значимости (R), равном 0,95 будет равен 0,7%. Для пьяноборской и караабызской культур – еще ниже – 0,2% и 0,3% соответственно (Генинг и др., 1990, с. 64).

Поскольку наша задача в данный момент – дать сравнительно-статистическую характеристику погребального обряда АКШК, караабызской и пьяноборской культур с целью выявления степени их генетической преемственности, мы должны выбрать тот объем материала, который позволил бы получить максимально объективный результат. Самый надежный в этом отношении метод – сравнение *случайных статистических выборок*. А далее, дабы не вводить в ненужный искус тех коллег, которые сами либо подзабыли, либо не знают расшифровки этого понятия, данной основоположниками внедрения статистических методов в археологию, но пожелают выступить в роли критиков наших выводов, обратимся к первоисточникам. Г.А. Федоров-Давыдов: «Одним из основных понятий математической статистики является понятие «генеральная совокупность», представляющая собой модель источника данных. Применительно к археологии это понятие можно интерпретировать как совокупность объектов, объединенных какими-либо признаками или качествами, бывших в употреблении, обиходе, «бытовавших» в определенный период на определенной территории. Это «генеральная совокупность» предметов или явлений недоступна для полного изучения. Некоторое количество элементов этой совокупности превращается в археологический материал и образует *выборку* из генеральной совокупности. Выборку из этой выборки составляет тот археологический материал, который попал в поле зрения исследователя. Таким образом, археологи по выборке пытаются, используя методы и приемы математической статистики, судить о тех или иных свойствах генеральной совокупности.

Упрощенно говоря, генеральная совокупность – это то, из чего произведена выборка. Если выборка – могильник, то генеральная совокупность – все погребения того населения, которое хоронило на могильнике. Если выборка – сосуды из раскопанной части могильника, то генеральная совокупность – все сосуды могильника, но также и все сосуды населения, хоронившего в могильнике. Если выборка – клад монет, то генеральная совокупность – денежное обращение в момент зарытия клада, если выборка – ножи из определенного слоя данного раскопа в городе, то генеральная совокупность – все ножи в культурном слое города или все ножи, бывшие в употреблении в этом городе или в данном районе города в данный момент.

Для статистического исследования особенно важна и ценна *случайная выборка*. Если все элементы генеральной совокупности имеют одинаковые шансы попасть в выборку, то такую выборку мы называем случайной. Случайная выборка статистически отражает генеральную совокупность. Но при этом должны быть устранены все субъективные, неслучайные факторы образования выборки. Случайной выборкой из клада монет можно признать его часть, оставшуюся после хищения клада находчиками, в монетах не разбирающимися. Не является случайной выборкой часть клада, отобранная коллекционерами. Она отражает не столько состав клада, сколько интерес коллекционера…» (Федоров-Давыдов, 1987, с. 14–15).

В.Ф. Генинг: «В археологии существует мнение о том, что для решения каких-либо определенных проблем необходимо использовать как можно больше материала. Из этого вытекают упование и надежды на дальнейшее накопление материала. Однако часто дальнейшее накопление происходит достаточно успешно, а проблемы, несмотря на это, не решаются. Более того, сильное увеличение количества археологических объектов затрудняет их сравнение и обобщение. Работать с таким подчас огромным материалом становится трудно.

В тех случаях, когда накоплен большой объем археологического материала (порядка более 1000 единиц), возникает возможность работать с определенной выборкой из него. Причем для наиболее успешной работы выборка должна быть оптимальной: не столь малой, чтобы не считаться непредставительной, и не столь большой, чтобы не создавать для исследователя излишних трудностей при подготовке материала и работе с ним» (Генинг и др., 1990, с. 62–63).

Применительно к нашему материалу, генеральной совокупностью являются все известные погребения сравниваемых культур. Из них самой малой совокупностью являются погребения АКШК. Поэтому, чтобы приблизить ее к караабызской и пьяноборской, из последних двух были сделаны случайные выборки. Принцип их отбора соответствует

следующим требованиям: во-первых, территориальный охват[1] (рис. 1), во-вторых, представительность[2]. Особо следует остановиться на 151 пьяноборском погребении Тарасовского могильника. Первоначально памятник вошел в историографию как один из поздних могильников мазунинской культуры (Останина, 1997, с. 20). Что касается пьяноборских погребений Тарасовского могильника, то Т.И. Останина трактует их как переходные между пьяноборской и мазунинской культурами (Останина, 1997, с. 176), а Р.Д. Голдина – как ранний, икский, этап чегандинской культуры (Голдина, 2004, с. 307). В нашем случае использование пьяноборских погребений Тарасовского могильника[3] обеспечивает, в-третьих, и хронологический охват пьяноборского погребального обряда в целом в течение всего времени существования пьяноборской культуры.

Ассортимент и содержание признаков погребального обряда определяются исключительно теми сведениями, которые приводят исследователи памятников в своих научных отчетах или публикациях. Среди них объективными, то есть, с точки зрения археологического источниковедения, реально фиксируемыми являются тип и планиграфия могильника, способ захоронения, ориентировка и поза погребенного, детали ритуала, ассортимент погребального инвентаря. Некоторую настороженность вызывает такой морфологический признак погребального обряда, широко используемый ижевскими коллегами, как метрические параметры – длина, ширина, глубина – могильных ям. Подробно разбирать его мы здесь не будем, но отметим, что, с учетом почвенных условий Прикамского региона, он представляется нам несколько субъективным[4]. Впрочем, сами мы в номенклатуру морфологических признаков обряда сравниваемых культур включили такой метрический признак, как глубина захоронения. Возможно, он окажется каким-то образом действующим.

Суммарная характеристика погребального обряда АКШК, пьяноборской и караабызской культур по 90 представительным альтернативным признакам[5] дана в табл. 1. Она вполне наглядна, поэтому не нуждается в пространных комментариях. За исключением, пожалуй, некоторых пунктов. Так, большинство погребений АКШК происходят из могильников, состоящих из не более чем 200 погребений (56,7%), тогда как в пьяноборской и караабызской культурах – из могильников, объемом более 200 погребений (78,7% и 88,4% соответственно). Рядами расположены 67% погребений АКШК, тогда как среди пьяноборских погребений четкая рядность фиксируется только в 6%, а среди караабызских таковых нет вообще. Зато 32,2% погребений АКШК и 29,7% пьяноборских погребений происходят из могильников или их участков, на которых захоронения расположены и рядами, и беспорядочно. И 64,3% пьяноборских и 100% караабызских погребений не обнаруживают какой-либо системы в своем расположении относительно друг друга.

По номинации *тип и глубина могильной ямы* абсолютно преобладают простые ямы, глубиной до 0,5 м (47% – АКШК, 68,2% – пьяноборских) или до 1 м (АКШК – 38,8%, пьяноборских – 29,7%, караабызских – 48%). На наш взгляд, это обусловлено тем, что над могилами возводились дополнительные насыпи или сооружались какие-то конструкции (деревянные?), следы которых до нас не дошли. Могилы глубиной до 1,5 м выделяются только на могильниках караабызской культуры (24,8%).

Способ захоронения, количество погребенных в могиле, их пол и поза определяются следующими признаками: там, где сохранились какие-то остатки костяков – это, безусловно, ингумация, причем индивидуальная. Парные и коллективные (3 и более костяков) захоронения выделяются только в АКШК (9,8% и 3,2% соответственно). Пол погребенного, по мнению исследователей памятников, определяется у 30,4% погребений АКШК,

[1] Могильники АКШК задействованы практически все за исключением Залазинского, 23 погребения которого не вошли в статистику по техническим причинам.

[2] Из пьяноборских могильников использованы данные из могильников Кушулевский III (48,7% исследованных погребений), Юлдашевский (61,8%), Чеганда II (50%), Ошкинский (100%).

[3] По нашему мнению, Тарасовский могильник состоит из двух некрополей – пьяноборского в южной части и мазунинского в северной, разделенных между собой пустыми площадками в 10–20 м шириной.

[4] Хотя исследователи Тарасовского могильника прослеживают устойчивую корреляцию размеров могильной ямы с половозрастной принадлежностью погребенного (Голдина и др., 2015, с. 13–14). Но, применительно к основной массе погребений рассматриваемых культур – это исключение.

[5] Напомним, что для сравниваемых выборок нижний уровень представительности признака при критерии значимости 0,95 равен 0,7%.

60% – пьяноборских и 51,3% – караабызских. Среди них в караабызской выборке мужских, женских и детских погребений оказалось примерно поровну (16,3%; 18,5% и 16,5% соответственно), в пьяноборской – 20,1%; 25,7% и 15%, в АКШК – 29,6%; 8,6% и 6,6%. В могильниках АКШК и пьяноборских встречаются могилы, в которых кости погребенных просто не зафиксированы (15,5% и 9% соответственно). Что это такое – следствие геоморфологических условий региона или кенотафы – мы пока объяснить затрудняемся.

Поза погребенных стандартная – на спине с вытянутыми конечностями, хотя в пьяноборских погребениях выделяются такие, у которых кисть одной или обеих рук уложены на тазе (5,6% и 6,4%).

Ориентировка погребенных по азимуту самая разнообразная, однако, когда мы скорелировали ее с ориентировкой *относительно реки,* обнаружилась некоторая закономерность: в АКШК и караабызской культурах абсолютно доминирует ориентировка ногами к реке (51,9% и 75,6% соответственно), в пьяноборской культуре – головой к реке (67,6%). Кроме того, в АКШК и пьяноборской культурах выделяется группа погребений, ориентированных вдоль по течению реки (17,9% и 15,9% соответственно).

Среди *деталей ритуала* выделяются только размещение костей животных в изголовье могилы (33% караабызских погребений), помещение глиняного сосуда в изголовье могилы (27,5% погребений АКШК и 9,3% – караабызских), помещение глиняного сосуда у ног погребенного (20,1% караабызских погребений) и наличие в заполнении могилы кусков угля (11,7% погребений АКШК).

Ассортимент погребального инвентаря никаких особых неожиданностей не приносит. В погребениях АКШК это бронзовые наконечники стрел, копье и кельт – из предметов вооружения; спиральные пронизки, круглые литые бляшки сферической формы, бронзовые нашивки – из предметов убранства костюм; нож – из предметов хозяйственного обихода. Для пьяноборской культуры, соответственно, железные и костяные наконечники стрел; поясные накладки, эполетообразные застежки, витые, с трубицей и листовидные подвески, круглые бляшки, обоймы, застежки-сюльгамы, украшения обуви, нож в ножнах. Для караабызской культуры – удила, железные наконечники стрел, кинжал (боевой нож), копье; поясные накладки (в том числе – зооморфные), поясные застежки-бляхи, трапецевидные подвески, перстни, «портупеи» с обоймами, медные нашивки, бляхи-зеркала, нож, оселок и пряслице.

Таблица 1 Суммарная характеристика погребального обряда культур Прикамья и Предуралья эпохи РЖВ (в %%)

№	Признак	Тенденция признака		
		АКШК	Караабыз	Пьяноборье
Тип, объем и топография могильников				
1	бескурганный	100	100	100
2	от 10 до 50 погр.	8,8	-	6,0
3	более 50 погр.	56,7	-	15,2
4	более 200 погр.	38,5	88,4	78,7
5	расположение могил: рядами	67,0	-	6,0
6	смешанное	32,2	-	29,7
7	бессистемное	-	100	64,2
Тип и глубина могильной ямы				
8	простая	69,0	99,8	95,6
9	стенки обложены камнем	-	14,0	-
10	до 0,5 м	47,0	25,3	68,2
11	до 1 м	38,8	48,0	29,7
12	1-1,5 м	8,6	2,5	1,3
13	не установлена	16,4	1,2	3,4
Тип захоронения, количество погребенных в могиле, их пол и поза				
14	ингумация	94,1	98,0	91,1

15	костей нет	15,5	-	9,0
16	один	81,5	98,0	89,2
17	два	5,6	-	3,0
18	три и более	3,2	-	-
19	Мужской	29,6	16,3	20,1
20	женский	8,6	18,5	25,7
21	ребенок	6,6	16,5	15,0
22	не установлен	52,6	21,0	37,4
23	вытянуто на спине	50,1	76,3	69,3
24	руки вытянуты	12,0	1,8	5,4
25	кисти на груди	-	-	0,7
26	одна на тазе	1,5	-	5,6
27	обе на тазе	1,1	-	6,4
28	поза не установлена	48,6	21,0	29,9
Ориентировка погребенных: по азимуту и относительно реки				
29	север	19,0	8,6	25,9
30	юг	3,6	3,2	8,2
31	восток	3,4	1,1	33,2
32	запад	8,8	11,0	3,2
33	северо-восток	6,2	7,4	12,9
34	северо-запад	25,4	38,5	2,4
35	юго-восток	5,2	8,1	4,3
36	юго-запад	8,6	-	0,7
37	не установлена	19,8	22,1	9,2
38	головой к реке	8,6	1,5	67,6
39	ногами к реке	51,8	75,6	6,4
40	вдоль по течению реки	17,9	-	15,9
Детали ритуала				
41	дощатая рама	2,2	-	-
42	дощатый настил	2,2	9,0	5,6
43	завернут в бересту	3,0	-	-
44	кости животных в изголовье	3,0	33,0	-
45	кости животных у ног	3,2	3,7	-
46	глиняный сосуд в изголовье	27,5	9,3	1,1
47	глиняный сосуд у ног	3,2	20,1	-
48	жертвенный комплекс у ног	-	-	1,7
49	жертвенный комплекс в изголовье	-	-	4,1
50	угли в могиле	11,7	-	-
Ассортимент погребального инвентаря				
51	удила	-	13,0	3,5
52	псалии	-	3,9	0,9-
53	стрелы жел.	0,7	19,2	7,5
54	стрелы бронзовые	*9,0*	7,8	0,7
55	стрелы кост.	4,3	5,9	***13,1***
56	кинжал/меч	1,7	8,2	3,9
57	копье	10,5	16,2	5,0
58	кельт/топор	21,9	1,3	-
59	топорик-чекан	0,7	-	-
60	накладки ремня зооморфные	-	4,4	-
61	поясные накладки	-	19,2	14,3
62	наконечник пояса	-	10,9	1,3

63	эполетообразная застежка	-	-	6,0
64	поясная пряжка	-	26,7	22,7
65	пояс целый	-	2,2	1,8
66	портупея	-	2,5	-
67	подвески трапецевидные	-	13,8	1,1
68	витая височная подвеска	1,1	2,4	24,0
69	височная подвеска с трубицей или литая	-	-	7,7
70	подвеска листовидная	-	-	4,5
71	серьга-кольцо	2,4	-	2,6
72	перстень	1,5	10,2	4,3
73	браслет	1,7	1,8	3,7
74	гривна	3,4	3,5	3,2
75	1-5 бусин	1,7	18,5	10,7
76	ожерелье из бус	1,8	18,0	17,1
77	пронизки спиральные	5,8	2,7	4,7
78	обоймы	2,2	30,8	8,6
79	бляха литая круглая	13,9	5,5	18,4
80	бляха с умбоном	-	1,3	0,7
81	бляхи-зеркала	-	12,0	-
82	нашивки медн. / мелкие круглые бляшки	10,5	22,0	5,4
83	фибула	-	-	1,8
84	сюльгама	-	-	4,1
85	украшения обуви: пряжки, накл.	-	-	9,4
Бытовые вещи				
86	нож	15,0	43,0	22,7
87	ножны	-	-	3,4
88	шило	0,9	3,0	1,8
89	оселок	1,3	4,7	-
90	пряслице	1,1	13,1	-
91	без вещей	37,0	12,5	24,8
Всего погребений:		527	581	532

Значения коэффициента формально-типологического сходства (C_3), подсчитанные по 91 альтернативному представительному признаку, показывают: АКШК – караабызская культура C_3 = 0,65; АКШК – пьяноборская культура C_3 = 0,67; караабазская – пьяноборская C_3 = 0,60.

Следует отметить, что наши результаты заметно отличаются от результатов подсчета коэффициента типологического сходства ананьинских и пьяноборских могильников, полученных в свое время О.А. Арматынской на материалах Зуевского, Котловского и Луговского могильников (Арматынская, 1991, с. 101). Объясняется это, на наш взгляд, тем, что исследователь имела в своем распоряжении вдвое меньшую по объему источниковую базу[6], а кроме того, была вынуждена пользоваться весьма поверхностно представленными эмпирическими данными исследователей этих памятников. Поэтому, конечно, некоторые данные о степени представительности тех или иных признаков погребального обряда ананьинских могильников, приведенные О.А. Арматынской, вызывают некоторое недоумение. Так, в погребениях перечисленных выше могильников глиняные сосуды встречаются гораздо чаще: 32,9% против 12,1% у О.А. Арматынской, а следы огня и кости животных – значительно реже (4,6% и 14,5 % против 27,7% и 24,9% соответственно). Ориентировку погребенных исследователь освещает только по двум азимутам: северная (41,1%) и западная (49,2%). Здесь тоже не все ясно: северная ориентировка фиксируется только в 25,1% погребений указанных могильников,

[6] В общей сложности 278 погребений, которые действительно могут идентифицироваться как ананьинские.

чисто западной нет вообще, зато есть северо-западная (36,3%) и юго-западная (2,8%).

Поэтому, как и наши предшественники, мы также считаем, что рассматриваемые культуры являли собой культурно-историческую общность. Правда, в отличие от Р.Д. Голдиной, мы не считаем, что в течение тысячелетия (начиная с ананьинского времени) она развивалась гомогенно (Голдина, 2004, с.308). Наглядное тому свидетельство – результаты анализа тенденции признаков погребального обряда АКШК, пьяноборской и караабызской культур. «Важным результатом сравнительного анализа является возможность группировки признаков, а вместе с этим выявление общих и особенных черт каждой выборки. В процессе этой процедуры как бы происходит конкретизация результатов сравнительного анализа, нашедших отражение в определенном общем показателе, осуществляется переход от чисто формального анализа к качественному (выделено нами. – *Авт.*). Появляется возможность определить, какие отдельные признаки повлияли на степень сходства, в чем заключается конкретное сходство и отличие выборок. Здесь уже возможен групповой, а не только парный анализ выборок.

Анализу распределения признаков в отдельной выборке помогает вычисление *тенденции признака…*» (Генинг и др., 1990, с. 85). Результаты выявления тенденции признаков погребального обряда в рассматриваемых выборках приведены в табл. 2.

Таблица 2 Норма распределения и тенденция признаков погребального обряда культур эпохи раннего железного века Прикамья и Предуралья

№	признак	Норма распределения	Тенденция признака		
			АКШК	караабыз	пьяноборье
Тип, объем и топография могильников					
1	бескурганный	100	**1**	**1**	**1**
2	от 10 до 50 погр.	2,9	-	-	***2,06***
3	более 50 погр.	24	***2,3***	-	0,6
4	более 200 погр.	68,5	0,56	*1,3*	*1,15*
5	расположение могил: рядами	24,3	***2,7***	-	0,24
6	смешанное	20,6	*1,58*	-	*1,4*
7	бессистемное	54,7	-	*1,8*	*1,2*
Тип и глубина могильной ямы					
8	простая	88,1	0,78	*1,13*	*1*
9	стенки обложены камнем	4,6	-	***3,04***	-
10	до 0,5 м	46,8	*1,04*	0,54	*1,4*
11	до 1 м	38,3	*0,99*	*1,2*	0,7
12	1-1,5 м	4,1	***2,09***	0,6	0,3
13	не установлена	7,0	***2,3***	0,17	0,48
Тип захоронения, количество погребенных в могиле, их пол и поза					
14	ингумация	94,4	**0,99**	**1,04**	**0,96**
15	костей нет	8,16	*1,9*	-	*1,1*
16	один	89,5	**0,91**	**1,09**	**0,99**
17	два	2,8	***2,0***	-	*1,07*
18	три и более	1,06	***3,0***	-	-
19	Мужской	22	*1,3*	0,74	*0,91*
20	женский	17,6	0,48	*1,05*	*1,46*
21	ребенок	12,7	0,52	*1,3*	*1,18*
22	не установлен	37,0	*1,4*	0,56	*1,0*
23	вытянуто на спине	65,3	0,76	*1,16*	*1,06*
24	руки вытянуты	6,3	***1,9***	0,28	0,85
25	кисти на груди	0,23	-	-	***3***

26	одна на тазе	2,3	0,65	-	***2,4***
27	обе на тазе	2,5	0,44	-	***2,5***
28	поза не установлена	33,1	*1,4*	0,6	*0,9*
Ориентировка погребенных: по азимуту и относительно реки					
29	север	17,8	*1,06*	0,48	*1,45*
30	юг	5	0,7	0,64	***1,64***
31	восток	12,5	0,27	0,09	***2,65***
32	запад	7,6	*1,15*	*1,44*	0,42
33	северо-восток	8,8	0,7	0,84	***1,46***
34	северо-запад	22,1	*1,1*	*1,7*	0,1
35	юго-восток	5,9	*0,9*	*1,4*	0,7
36	юго-запад	3,1	***2,77***	-	0,22
37	не установлена	17,03	*1,16*	*1,29*	0,54
38	головой к реке	25,9	0,33	0,05	***2,6***
39	ногами к реке	44,6	*1,16*	*1,69*	0,14
40	вдоль по течению реки	11,3	*1,58*	-	*1,41*
Детали ритуала					
41	дощатая рама	0,7	***3***	-	-
42	дощатый настил	5,6	0,4	*1,6*	*1*
43	завернут в бересту	1,0	***3***	-	-
44	кости животных в изголовье	12,0	0,25	***2,75***	-
45	кости животных у ног	2,3	*1,4*	*1,6*	-
46	глиняный сосуд в изголовье	12,6	***2,18***	0,73	0,08
47	глиняный сосуд у ног	7,8	0,4	***2,6***	-
48	жертвенный комплекс у ног	0,56	-		***3***
49	жертвенный комплекс в изголовье	1,3	-	-	***3***
50	угли в могиле	3,9	***3***	-	-
Ассортимент погребального инвентаря					
51	удила	5,5	-	***2,4***	0,6
52	псалии	1,6	-	***2,4***	0,56
53	стрелы жел.	8,4	-	***2,1***	0,9
54	стрелы бронзовые	5,8	*1,55*	*1,3*	0,12
55	стрелы кост.	7,7	0,5	0,8	***1,7***
56	кинжал/меч	4,6	0,3	*1,8*	*0,9*
57	копье	10,5	*0,9*	*1,5*	0,5
58	кельт/топор	7,7	***2,8***	0,17	-
59	топорик-чекан	0,23	***3***	-	-
60	накладки ремня зооморфные	1,5	-	***2,9***	-
61	поясные накладки	11,1	-	*1,7*	*1,3*
62	наконечник пояса	4,07	-	***2,7***	0,3
63	эполетообразная застежка	2	-	-	***3***
64	поясная пряжка	16,5	-	*1,6*	*1,4*
65	пояс целый	1,3	-	*1,7*	*1,4*

66	портупея	0,8	-	***3***	-
67	подвески трапецевидные	4,9	-	***2,8***	0,2
68	витая височная подвеска	9,2	0,1	0,3	***2,6***
69	височная подвеска с трубицей или литая	4,07	-	-	***3***
70	подвеска листовидная	1,5	-	-	***3***
71	серьга-кольцо	1,6	*1,5*	-	*1,6*
72	перстень	5,3	0,3	***1,9***	0,8
73	браслет	2,4	0,7	0,75	***1,5***
74	гривна	3,4	**1**	**1**	**0,9**
75	1-5 бусин	10,3	0,2	*1,8*	*1,04*
76	ожерелье из бус	12,3	0,1	*1,5*	*1,4*
77	пронизки спиральные	4,4	*1,3*	0,6	*1,06*
78	обоймы	13,9	0,1	***2,2***	0,6
79	бляха литая круглая	12,6	*1,1*	0,4	*1,5*
80	бляха с умбоном	0,66	-	*1,9*	*1,06*
81	бляхи-зеркала	4	-	***3***	-
82	нашивки медн. / мелкие круглые бляшки	12,6	0,8	***1,7***	0,4
83	фибула	0,6	-	-	***3***
84	сюльгама	1,3	-	-	***3***
85	украшения обуви: пряжки, накл.	3,1	-	-	***3***
Бытовые вещи					
86	нож	26,9	0,5	***1,6***	0,8
87	ножны	1,1	-	-	***3***
88	шило	1,6	-	*1,87*	*1,12*
89	оселок	2	0,65	***2,35***	-
90	пряслице	4,7	0,2	***2,8***	-
91	без вещей	24,8	*1,5*	0,5	*1*
Всего погребений:			527	581	532

По частоте своей встречаемости в сравниваемых выборках признаки разделяются на *общие,* обнаруживающие близкую к норме или повышенную тенденцию во всех трех выборках; *локальные,* обнаруживающие повышенную тенденцию в двух из трех сравниваемых выборок, и *частные*, обнаруживающие повышенную тенденцию встречаемости в какой-то одной из выборок. К *первым* относятся[7]: бескурганный тип могильников, ингумация как способ захоронения, одно захоронение в могиле, гривна в составе украшений.

Ко *вторым*[8] – погребения, находящиеся в крупных (более 200 погр.) могильниках, их смешанное или бессистемное расположение, простая могила глубиной до 50 см или до 1 м, распределение погребенных по полу, ориентировка их по азимуту или относительно реки, дощатый настил на дне могилы и др.

К *третьим, которые можно трактовать как этнографические для каждой из культур*[9], относятся: АКШК – преобладание сравнительно небольших – не менее 50, но не более 200 погребений – могильников, расположение могил рядами, три и более погребенных в одной могиле, захоронения в относительно глубоких ямах, невозможность проследить их конструкцию[10], остатки деревянных рам и

[7] Выделены полужирным шрифтом.

[8] Выделены курсивом.

[9] Выделены полужирным курсивом.

[10] Что, по-видимому, обусловлено как почвенными

берестяной обертки погребенного, помещение сосуда в изголовье и наличие угля в могиле, из вещей – кельт. Пьяноборская – заметная доля погребений из небольших – не более 50 погребений – могильников, кисти рук на груди или на тазе, южная, восточная и юго-восточная ориентировка погребенных, что означает их ориентировку головой к реке, жертвенный (по Р.Д. Голдиной – подарочный) комплекс в ногах или изголовье могилы, костяные наконечники стрел, эполетообразная застежка, височные подвески, браслет, фибула и сюльгама. Караабызская – укрепление стенок могилы камнем, кости животных в изголовье, сосуд у ног, удила с псалиями, железные наконечники стрел, кинжал, зооморфные поясные накладки, «портупея», трапецевидные подвески, перстни и др. (табл. 2).

Среди последних, конечно, наиболее важны признаки, отражающие те или иные детали погребального обряда, которые можно проследить археологически, и которые позволяют проследить этнокультурную динамику населения, оставившего сравниваемые могильники.

Если учесть, что большинство локальных и частных признаков оказываются таковыми *по тенденции*, то есть, присутствуют во всех сравниваемых выборках, но с разной частотой встречаемости, наличие между ними генетической связи несомненно. Другое дело, что значения коэффициентов этой связи не дают нам оснований разделить точку зрения Р.Д. Голдиной о спокойном и плавном развитии культуры местного населения вплоть до V в. н.э., исключавшим смену общественно-экономического уклада или населения в регионе (Голдина, 2004, с. 308). Во-первых, этот «идиллический» вариант этнокультурного развития населения Прикамья и Предуралья в эпоху раннего железного века сложился в результате «коллекционерского отбора» признаков[11], проведенного исследователями и аналитиками Тарасовского могильника (Голдина и др., 2015, с. 53–60). Во-вторых, анализ **действительно случайной выборки** показывает, что какие-то инокультурные (иноэтничные?) импульсы извне население региона начинает испытывать уже во второй половине I тыс. до н.э. Результатом этого явилось завершение истории АКШК и начало формирования караабызской, а следом за ней и пьяноборской культур. Потомки носителей АКШК в этом процессе не могли не участвовать, но, очевидно, только в качестве субстрата. Во всяком случае, рассматривать их как единственную этногенетическую основу «караабызцев» и «пьяноборцев» теперь уже заведомо неверно.

ЛИТЕРАТУРА

Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа, 1992. 140 с.

Арматынская О.А. Особенности погребальных традиций населения Камско-Бельского междуречья в эпоху железного века (конец IV в. до н.э. – V в. н.э.) // Материалы по погребальному обряду удмуртов / Отв. ред. М.Г. Иванова, Н.И. Шутова. Ижевск, 1991. С. 92–104.

Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958. 244 с.

Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: Издат. дом БГПУ, 2009. 262 с.

Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Часть I. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) // ВАУ. Вып. 10. Свердловск, 1970. 223 с.

Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н. э. – II в. н. э.) / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. М.: Наука, 1988. 240 с., ил.

Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев : Наукова думка, 1990. 304 с.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск. Издат. дом «Удмуртский университет», 1999. 464 с.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник на Средней Каме. Т. I. Ижевск: Удмуртия, 2004. 318 с.

условиями, так и качеством методики производимых раскопок. Нравится нам это или нет, но это объективная реальность.

[11] См. цитату из Г.А.Федорова-Давыдова. Но анализ методики анализа погребальных памятников, применяемой ижевскими коллегами, и полученных ими результатов – это тема отдельной работы.

Голдина Р.Д., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М. Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Т. III. Казань; Ижевск, 2015. 297 с.

Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана. Древность. Средневековье. Уфа: Китап, 2009. 496 с.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. / Отв. ред. В.В. Седов. Ижевск: Удм. ИИЯЛ УрО РАН, 1997. 326 с.

Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т. V. Уфа, 1973. С. 162–243.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. 1952. № 28. 274 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии: Учеб. пособие для вузов по спец. «История». М.: Высшая. школа., 1987. 216 с.

Халиков А.Х. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья / Отв. ред. С.В. Кузьминых, Ф.Ш. Хузин. Казань: ООО «Фолиант». Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. 336 с.

Шмуратко Д.В. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье в контексте культурно-исторических процессов эпохи Великого переселения народов (статистический анализ погребальных комплексов). Автореф. дис. … канд. ист. наук. Казань, 2012. 32 с.

Информация об авторах:

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (г. Уфа, Российская Федерация); ivanov-sanych@inbox.ru

Проценко Антон Сергеевич, аспирант кафедры Всеобщей истории и культурного наследия, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (г. Уфа, Российская Федерация); anton.procenko@mail.ru

About the Authors:

Ivanov Vladimir A., Doctor of Historical Sciences, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah. Oktyabrskoy Relolyutsii St., 3a, building 1, Ufa, 450000, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; ivanov-sanych@inbox.ru, ivanov-sanych@rambler.ru

Protsenko Anton S., Postgraduate, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah. Oktyabrskoy Relolyutsii St., 3a, building 1, Ufa, 450000, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; anton.procenko@mail.ru.

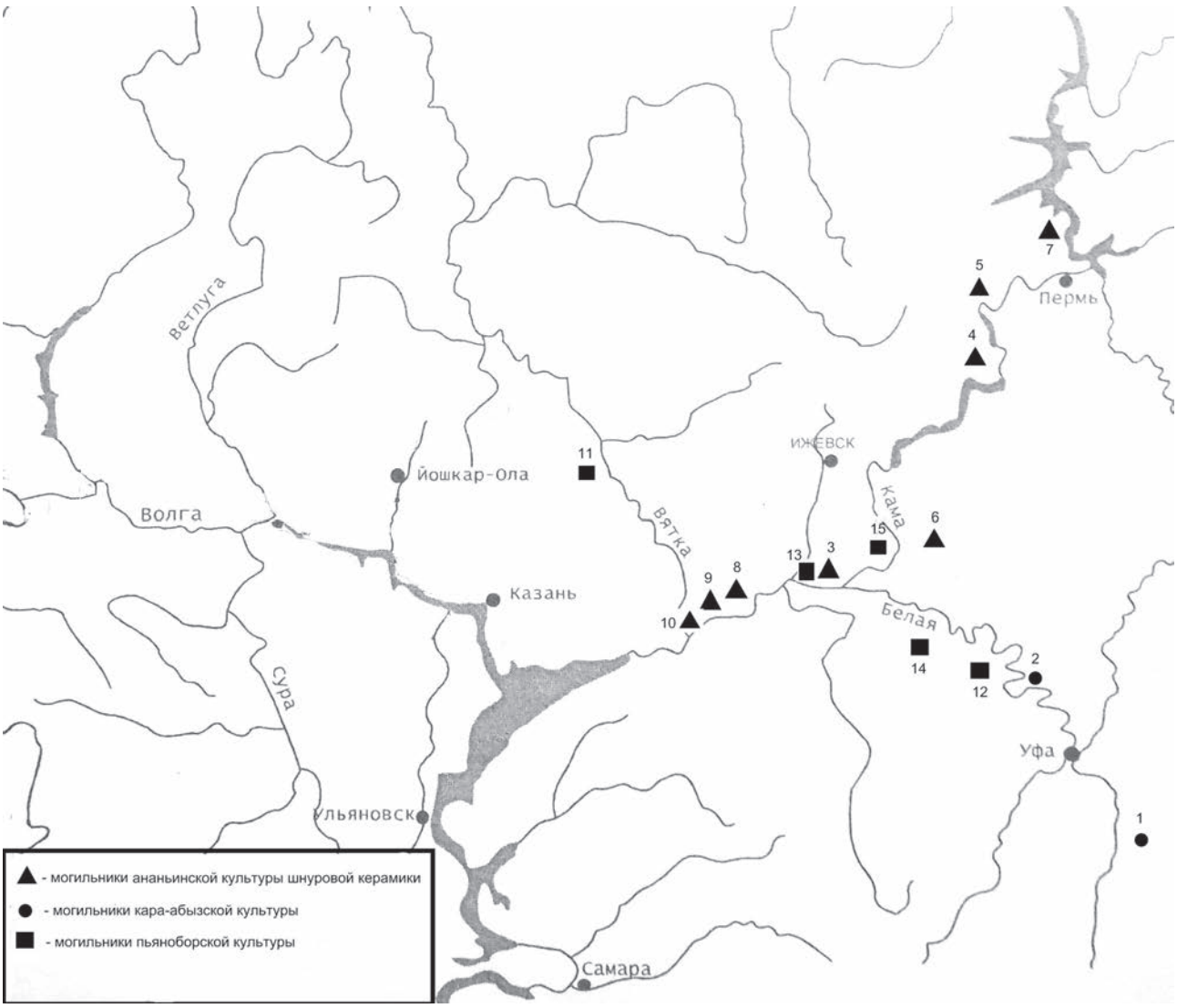


Рис. 1. Карта могильников ананьинской (АКШК), пьяноборской и караабызской культур, из которых была сделана выборка для анализа.

1 – Охлебининский; 2 – Биктимировские.3 – Зуевский; 4 – Оханский; 5 – Першинский; 6 – Таш-Елгинский; 7 – Скородумский; 8 – Луговской; 9 – Ананьинский; 10 – Котловский; 11 – Ошкинский; 12 – Кушулевский III; 13 – Чеганда II; 14 – Юлдашевский; 15 – Тарасовский.

УДК 902/904

ЖИЛЫЕ ПОСТРОЙКИ ЮЛОВСКОГО ГОРОДИЩА X–XIII ВВ.

© Д.С. Иконников

RESIDENTIAL BUILDINGS AT THE YULOVO FORTIFIED SETTLEMENT IN THE 10–13 CENTURIES

В статье характеризуются сооружения, интерпретируемые как следы жилых построек, происходящие с территории Юловского городища – одного из наиболее крупных памятников булгарского типа Верхнего Посурья. Городище датируется X–XIII вв. На этом памятнике в течение длительного времени проходили археологические работы под руководством М.Р. Полесских и Г.Н. Белорыбкина. Материалы раскопок дали обширный материал, представляющий большой научный интерес. В частности, было обнаружено большое число сооружений домонгольского периода. В настоящее время на территории Юловского городища известно не менее пяти жилых построек. Во всех случаях они представляли собой сравнительно небольшие сооружения (размерами от 385 х 280 см до 520 х 310 см), слабо углубленные в землю. Как правило, в плане жилища представляли собой слабо вытянутый прямоугольник. Во всех постройках присутствовали следы очажных конструкций, нередко внутри сооружения находился погреб, стены которого были укреплены срубными конструкциями. На территории Юловского городища было обнаружено три жилых постройки с такими погребами. Представляет интерес то обстоятельство, что недалеко от некоторых жилых построек располагались следы открытых очагов.

Ключевые слова: археология, Верхнее Посурье и Примокшанье, памятники булгарского типа, Юловское городище, жилые постройки, очажные конструкции.

The structures interpreted as remnants of residential buildings studied at the Yulovo fortified settlement are examined in the article. Yulovo settlemen of the Bulgarian type dates from 10-13 centuries. It is located on the Upper Sura. It is of great scientific interest. Archaeologists M.R. Polesskikh and G.N. Belorybkin leaded archaeological studies of this monument in the second half of the XX century. Very interesting material was obtained during archaeological excavations. Traces of numerous constructions of the 10th-13th centuries were found. Five residential constructions were discovered at the Yulovo fortified settlement. The buildings were small in size. The maximum dimensions of the structure are 520x310 cm. The minimum dimensions of the construction were 385x280 cm. All the buildings were deepen into the ground on 20-40 cm. The constructions were rectangular in plan. The hearths were situated in all dwellings. Cellars were in three buildings. They were fortified with logs. Open hearths constructions sometime were located near some residential structures.

Keywords: archaeology, Upper Sura and Moksha Rivers area, settelments of the Bulgarian type, Yulovo fortified settlement, residential buildings, hearths structures.

Юловское городище находится в Верхнем Посурье (территория современного поселка городского типа Городище, районного центра Пензенской области) и датируется X–XIII вв. Оно является одним из наиболее важных археологических объектов в системе памятников булгарского типа Верхнего Посурья и Примокшанья. На этом памятнике в 1960-х гг. и в конце 1980-х – начале 1990-х гг. экспедициями Пензенского Краеведческого музея под руководством М.Р. Полесских (Полесских, Отчет, 1950, 1961, 1968) и Пензенского государственного педагогического института им. В.Г. Белинского под руководством Г.Н. Белорыбкина (Белорыбкин, Отчет, 1985, 1987, 1988, 1989, 1990, 1991, 1992, 1993) проходили археологические исследования, в том числе раскопки. В ходе работ были обнаружены следы множества сооружений различного функционального назначения, в том числе и следы жилых построек. Жилые постройки известны только на двух археологических памятниках булгарского типа Верхнего Посурья и Примокшанья – на Юловском и Золотаревском городищах. Раскопки на Неклюдовском I и Садовском II городищах не дали следов сооружений, которые могли бы интерпретироваться как жилые постройки. Поэтому Юловские материалы представляют большой научный интерес.

В данной работе будут охарактеризованы особенности сооружений, которые могут

быть интерпретированы как следы жилых построек. В настоящее время в материалах Юловского городища известно не менее семи построек, которые могут интерпретироваться как жилые. Критериями, на основе которых было определено функциональное назначение сооружения, являются относительно крупные размеры постройки, присутствие следов отопления в виде очагов, сложенных из камня или линз прокалов, а также находки бытовых предметов в заполнении сооружения.

Ниже приводим описание сооружений, которые с большей или меньшей достоверностью могут быть интерпретированы как жилые постройки.

Жилище № 1 (яма 1, раскоп 2, исследовано в 1985 г., кв. В1-В4, Г1-Г3, Д2 – рис. 1). Сооружение было выявлено на глубине 20 см от современной поверхности. Глубина ямы от уровня выявления составляла 40 см, дно было ровным. Стенки ямы были отвесными, поэтому сооружение практически не меняло свою форму на всей глубине. Яма в плане имела вид правильного прямоугольника, вытянутого с юго-запада на северо-восток (420 х 336 см). Правильную форму сооружения нарушали только крупные выступы, заполненные щебнем (предположительно следы вспомогательных сооружений), располагавшиеся в северо-западном, юго-западном и восточном углах.

В центральной части сооружения располагалась линза прокала подпрямоугольной в плане формы (140 х 120 см). В восточной и западной части пятна прокала были сосредоточены два скопления камней, возможно, представлявшие собой следы очага.

В заполнении ямы были встречены железный скобель (у северо-западной стенки), железный нож (у средней части юго-западной стенки), развал глиняного сосуда (в юго-западном углу), два наконечника железных стрел (у середины юго-западной стенки и к северо-востоку от прокала), бронзовая пластинка (к югу от пятна прокала).

Жилище № 2 (яма 110, раскоп 2, кв. Ф1-Ф2, Х1-Х3, Ц1-Ц2 – рис. 2) было выявлено на глубине 40 см от дневной поверхности в виде подпрямоугольного пятна серой супеси, вытянутого с северо-востока на юго-запад (385 х 280 см). Глубина ямы составляла 20 см от уровня выявления. Дно ямы корытообразное. Северный угол сооружения разрушен полосой 23. В северной половине сооружения встречены две ямки. Одна из них имела Г-образную в плане форму (120 х 80 см при глубине 20 см), другая – округлую (диаметр 30 см, глубина 20 см). В заполнении ямы встречались крупные камни. Небольшое скопление камней (предположительно, очаг) было выявлено в юго-западном углу. В заполнении ямы были обнаружены фрагменты керамической посуды (круговой керамики 100 фр., лепной керамики 15 фр.), два глиняных пряслица, железный гвоздь, кости животных (Белорыбкин, Отчет, 1990, с. 15, рис. 32, 35).

Жилище № 3 (яма 53 с раскопа 4, кв. 70–72, 78, 79, 84–86 – рис. 3). Следы сооружения выявлены на глубине 30 см от дневной поверхности и представляли собой темно-серое пятно почти правильной прямоугольной формы, вытянутого с севера-северо-востока на юг-юго-запад (390 х 340 см). В юго-западной части пятно имело небольшой выступ (возможно остатки входа). Стенки ямы отвесные. Дно ровное. На дне сохранились следы настила из деревянных плах. Глубина сооружения от уровня выявления 130 см, северная часть сооружения (2/3 всего помещения) была обложена бревнами, которые образовывали здесь сруб (280 х 300 см). В центре той части сооружения, которая была окружена срубом, располагается квадратная яма, представляющая собой остатки погреба. Стенки погреба отвесные и также были укреплены бревенчатым срубом (230 х 230 см). Пространство между обоими срубами заполнено глиной. В верхних слоях южной части сооружения встречены два скопления камней (предположительно следы очагов). Первый «очаг» располагался в юго-восточном углу (диаметр 80 см, мощность 20 см), второй – в юго-западной части сооружения на глиняной подушке (диаметр 130 см, мощность 40 см).

В заполнении ямы обнаружены керамика (круговой посуды 187 фр., лепной посуды 4 фр.), железные кольцо, нож, наконечник стрелы, топор, бронзовые сюльгама, чашечка весов, полоска (предположительно фрагмент сосуда), глиняное лощило, два глиняных пряслица, кости животных (Белорыбкин, Отчет, 1992, с. 9–10).

Жилище № 4 (яма 100 раскопа 4, исследована в 1991 г., кв. 10, 11, 14–16, 20–22, 26, 27). Сооружение выявлено на глубине 25 см от современной поверхности и имело вид подпрямоугольного пятна темно-серой супеси, вытянутого с северо-запада на юго-восток (520 х 310 см). Северо-западная стенка ямы частично деформирована позднейшим сооружением (полоса 13). Стенки ямы были почти отвесными, дно – ровным на глубине 50 см от уровня современной поверхности.

В центральной части сооружения располагалась еще одна яма прямоугольной в плане формы, предположительно погреб размерами 250 х 280 см, глубиной 75 см). Дно погреба было ровным, оно было застелено деревянными досками.

У юго-восточной стенки было встречено скопление камней (возможно очаг) диаметром 50 см, напротив него, в восточном углу также встречено скопление камней, среди которых были встречены фрагменты жерновов (не менее 8 экз.). Под скоплением камней был обнаружен железный лемех, который, предположительно, был скрыт здесь преднамеренно. В заполнении ямы были встречены фрагменты керамической посуды (75 фр. круговой, 11 фр. лепной посуды). Кроме того были встречены железные изделия: ключ, два ножа, замок, изделие неясного функционального назначения и предметы из бронзы: фрагменты посуды (две полоски и семь пластин) и браслет. В заполнении сооружения также были встречены глиняное лощило и кости животных (Белорыбкин, Отчет, 1992, с. 14–15).

Жилище № 5 (яма 115 раскопа 4, квадраты 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145 – рис. 4) выявилось на глубине 20 см от современной поверхности. Сооружение представляло собой яму, близкую по форме квадрату (450 х 450 см).

В северо-восточном углу ямы выявлено пятно обожженной глины с камнями (очаг округлой формы, диаметром около 1 м), выходящее за пределы квадратного пятна на 50 см. Очаг подстилался глиняной подушкой мощностью около 50 см и размерами 200 х 120 см при глубине 20 см от уровня выявления. Дно было корытообразным. В углах сооружения (кроме северо-восточного угла, где расположен очаг) прослежены глинистые пятна. На дне ямы было углубление квадратной формы с отвесными стенками (370 х 370 см, гл. 80 см). Внутри углубления прослеживались следу срубной конструкции (220 х 240 см). Сохранилась нижняя часть сруба высотой около 40 см.

В заполнении сооружения обнаружены два каменных жернова (в юго-восточном углу), фрагменты керамической круговой посуды (303 экз.), железные пластина, гвоздь, фрагмент цепи, глиняное лощило, кости животных, куски глины (Белорыбкин, Отчет, 1993, с. 5, рис. 3–4).

Все сооружения Юловкого городища, интерпретируемые как жилища, были слабо углублены в землю. Как правило, глубина залегания дна не превышала 20–40 см от уровня выявления. Практически все известные жилые сооружения имеют в плане форму слабо вытянутого прямоугольника. Только в одном случае наблюдалась форма правильного квадрата (жилище № 5). Как правило, сооружения имеют сравнительно небольшую величину. Длина стены сооружения не превышает 520 см. Самым малым по площади было жилище № 2, размеры которого составляли всего 385 х 280 см, наибольшая площадь наблюдалась у сооружений № 4 (520 х 310 см) и № 5 (450 х 450 см). Сравнительно небольшая величина жилых сооружений была характерна для многих памятников Волжской Булгарии (см., напр., жилые сооружения Биляра: Хузин, 1979, с. 62–99). Для средневековой Казани в домонгольский период были характерны «жилища срубной конструкции, наземные, размерами 240 х 260 см с небольшим углублением фундамента в землю» (Ситдиков, 2013, с. 31: Хузин, Ситдиков, 2014, с. 130). Здесь речь идет, скорее всего, о подпольной, хозяйственной части наземного жилища.

Во всех жилищах были встречены конструкции, которые можно интерпретировать как очаги. Как правило, они локализировались в одном из углов сооружения, и только в одном случае (жилище № 1) – близко к его центральной части. В некоторых случаях в непосредственной близости от жилой постройки располагались следы открытого очага (как у жилищ 2 и 5).

Интересной особенностью некоторых жилых построек было наличие в центральной части подвала (жилища 3, 4 и 5). При этом во всех случаях, в подвалах наблюдались следы деревянных конструкций. У жилищ 3 и 5 это были следы срубов, укреплявших стенки подвалов, у жилища 4 – следы деревянного настила на дне.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Белорыбкин Г.Н. Отчет о раскопках Пензенской археологической экспедиции в 1985 г. // Архив ПГПУ им. В.Г. Белинского. Казань., 1985. 29 с.

Белорыбкин Г.Н. Отчет об археологических исследованиях Юловского городища в 1986 году // Архив ПГПУ им. В.Г. Белинского. Пенза, 1987. 19 с.

Белорыбкин Г.Н. Отчет об археологических исследованиях Юловского городища в 1987 году // Архив ПГПУ им. В.Г. Белинского. Пенза, 1988. 14 с.

Белорыбкин Г.Н. Отчет об археологических исследованиях Юловского городища в 1988 году // Архив ПГПУ им. В.Г. Белинского. Пенза, 1989. 23 с.

Белорыбкин Г.Н. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1989 г. // Архив ПГПУ им. В.Г. Белинского. Пенза, 1990. 22 с.

Белорыбкин Г.Н. Отчет об археологических исследованиях Юловского городища в 1990 году // Архив ПГПУ им. В.Г. Белинского. Пенза, 1991. 16 с.

Белорыбкин Г.Н. Отчет об археологических исследованиях Юловского городища в 1991 году // Архив ПГПУ им. В.Г. Белинского. Пенза, 1992. 20 с.

Белорыбкин Г.Н. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1992 году // Архив ПГПУ им. В.Г. Белинского. Пенза, 1993. 11 с.

Полесских М.Р. Отчет об археологических раскопках и разведках в Пензенской области 1961 года // Рукописный фонд Пензенского гос. объединенного краеведческого музея. № 644. Пенза, 1962. 27 с.

Полесских М.Р. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1968 году // Рукописный фонд Пензенского государственного объединенного краеведческого музея. № 431. Пенза, 1969. 34 с.

Ситдиков А.Г. Средневековая Казань: историко-археологическое исследование (XI – первая половина XVI в.): Автореф. дис. …док. ист. наук. Казань, 2013. – 59 с.

Хузин Ф.Ш. Рядовые жилища, хозяйственные постройки и ямы цитадели // Новое в археологии Поволжья. (Археологическое изучение центра Билярского городища) / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 62–99.

Хузин Ф.Ш., Ситдиков А.Г. Средневековая Казань в свете новых археологических исследований // Tatarica. 2014. № 1. – С. 114–137.

Информация об авторах:

Иконников Дмитрий Сергеевич, кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО Пензенский государственный университет, (г. Пенза, Россия), ikonnikof-ds@mail.ru

About the authors:

Ikonnikov Dmitry S., Candidate of Historical Sciences, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education “Penza State University”, 440026 Penza, Krasnaya street, 40, Russia, ikonnikof-ds@mail.ru**.**

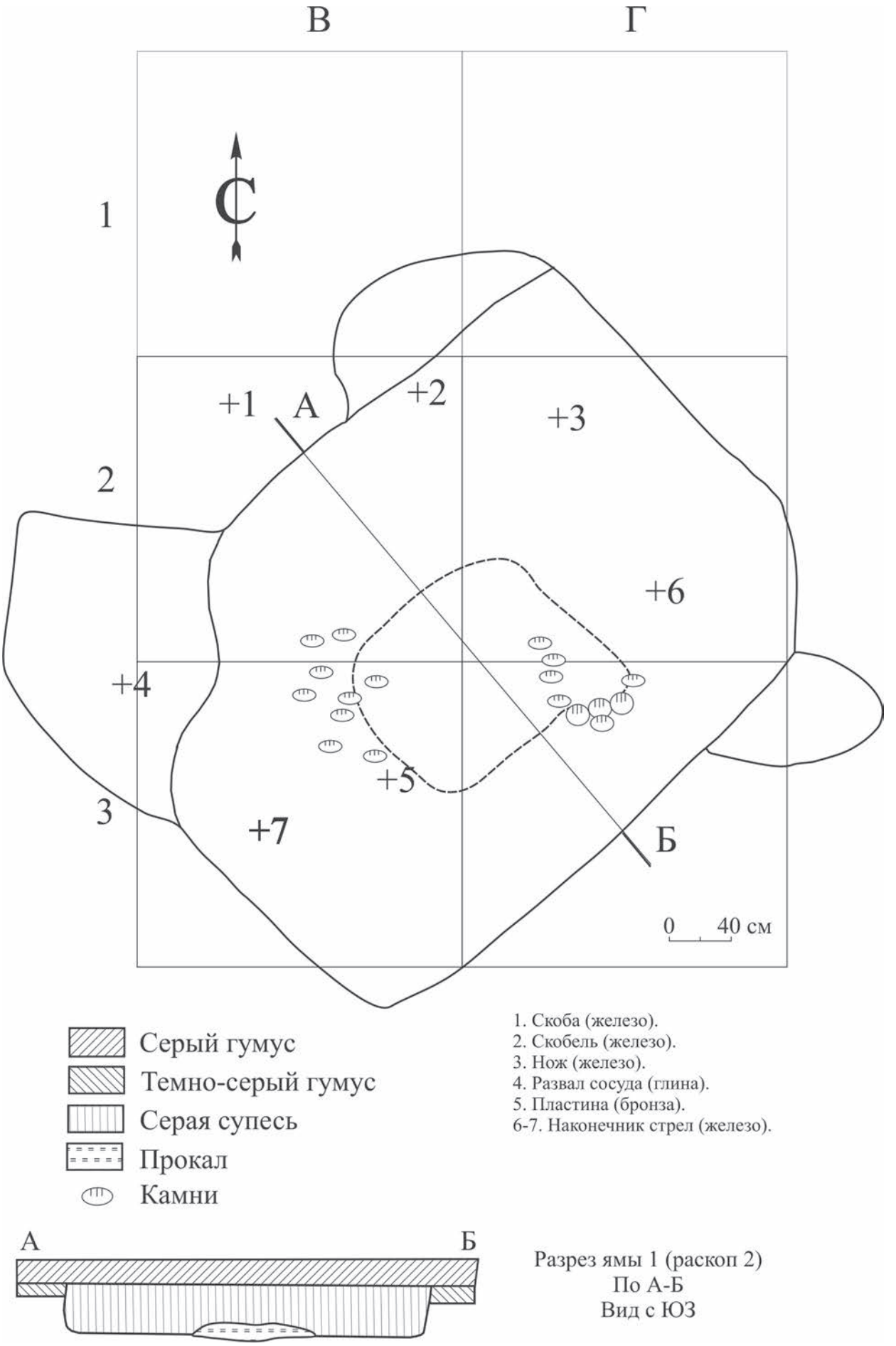


Рис. 1. Жилище № 1.

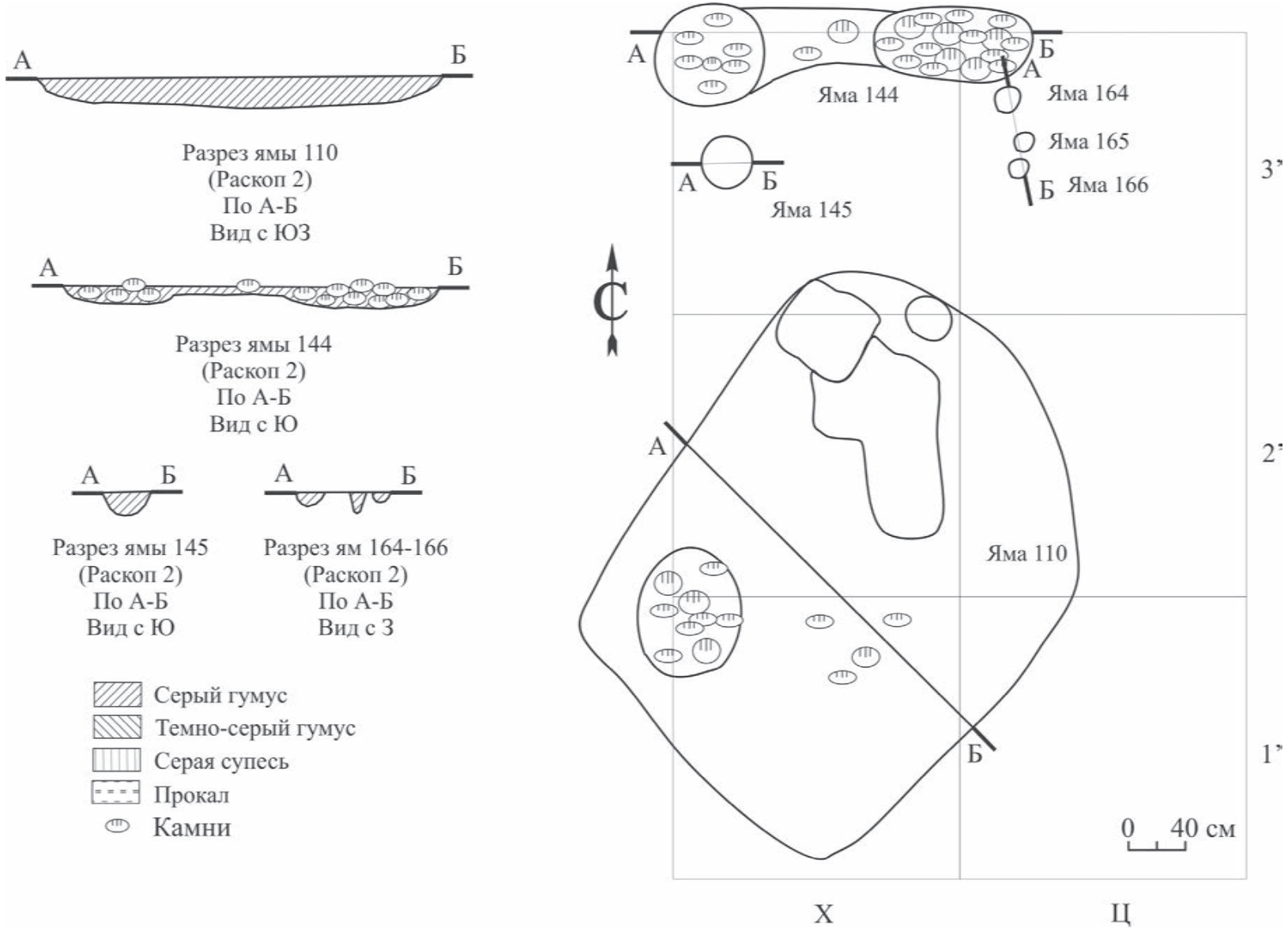


Рис. 2. Жилище № 2 и прилегающая территория.

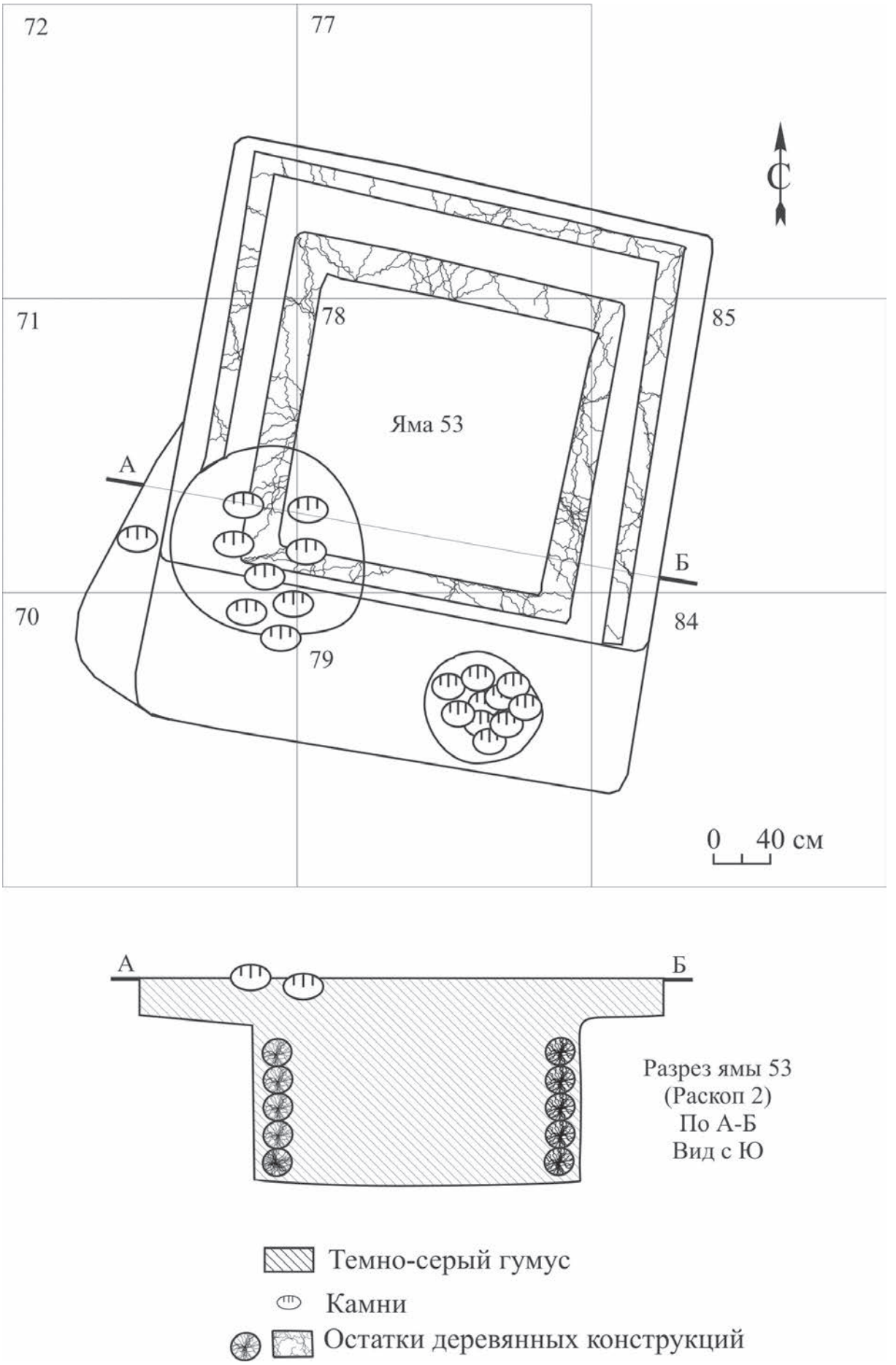


Рис. 3. Жилище № 3.

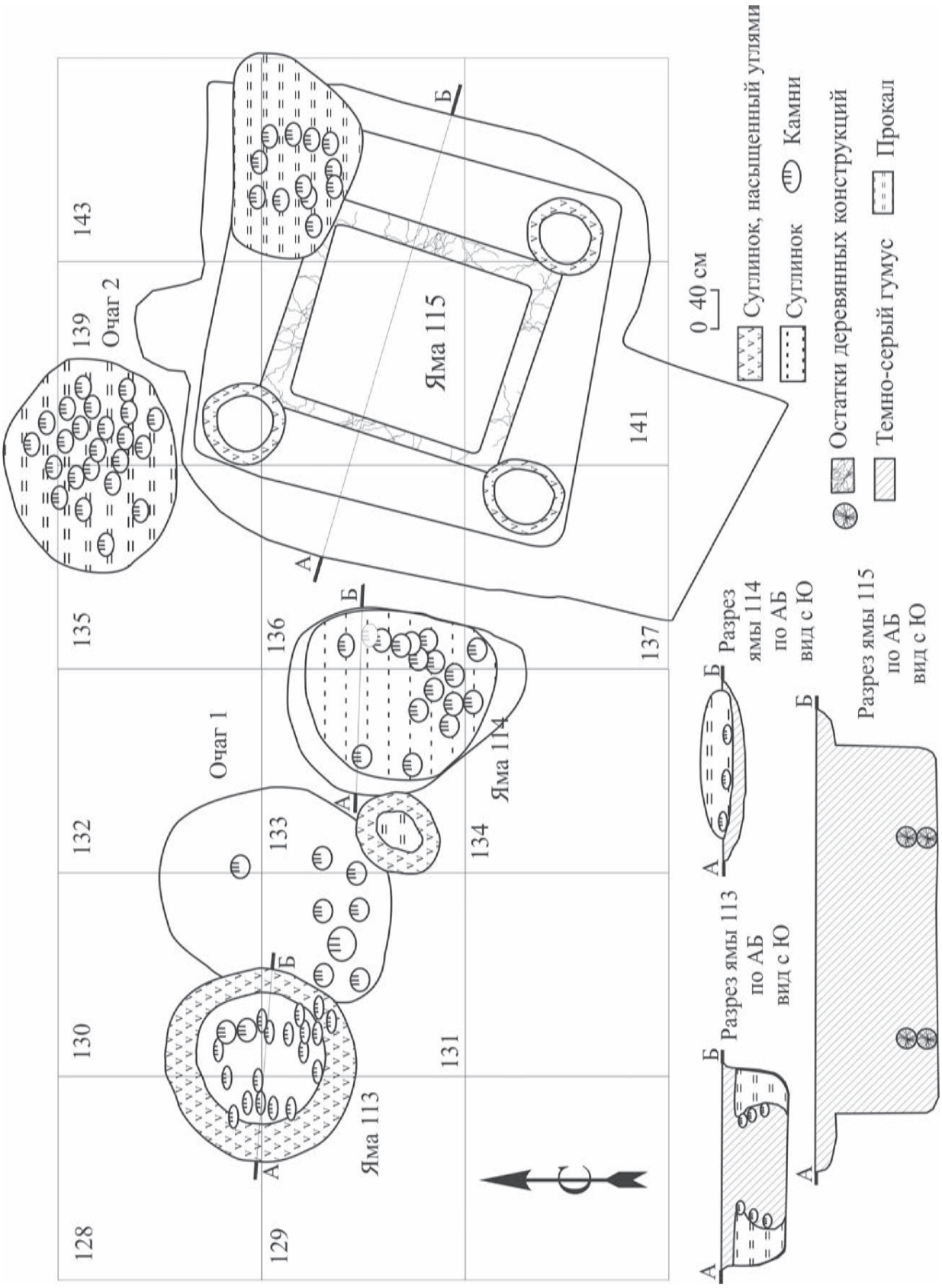


Рис. 4. Жилище № 5 и прилегающая территория.

УДК 902/904

ДЕРЕВООБРАБАТЫВАЮЩИЕ ИНСТРУМЕНТЫ С ТЕРРИТОРИИ НАРОВЧАТСКОГО ГОРОДИЩА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

© Д.С. Иконников, М.И. Баишева

WOODWORKING TOOLS FROM THE TERRITORY OF NAROVCHAT FORTIFIED SETTLEMENT AND ITS ENVIRONS

Статья посвящена изучению деревообрабатывающих орудий, в разное время обнаруженных на территории Наровчатского городища, в его окрестностях, и хранящихся в фондах музеев и археологических лабораторий. В золотоордынское время на Наровчатском городище находился крупный улусный центр – город Мохши (XIV в). Затем на его территории возник русский город Наровчат (в XVII в.). В связи с этим культурный слой золотоордынского времени сильно потревожен, а многие находки не имеют точной территориальной привязки. В статье предпринята попытка охарактеризовать особенности деревообрабатывающего дела золотоордынского времени. Для этого, каждое деревообрабатывающее орудие исследуется на предмет датировки и территориальной привязки. Большинство топоров не имеют точной территориальной привязки. Они могут происходить не с Наровчатского городища, а с отдаленных археологических памятников. Для реконструкции истории деревообрабатывающего дела города Мохши находки топоров непригодны. Достоверно золотоордынским временем датируется сравнительно небольшое число предметов: фрагмент полотна ножовки, скобелок, одно из тесел, кочедыки. Эти находки свидетельствуют о том, что жителями города Мохши использовались разнообразные приемы деревообработки: распиловка, выдалбливание пазов и т.д. Находка скобелка может свидетельствовать о зарождении бондарного дела.

Ключевые слова: археология, Наровчатское городище, город Мохши, золотоордынский период, деревообрабатывающие инструменты, территориальная привязка

The article examines a large number of archeological artifacts found on the territory of the Narovchat fortified settlement stored within collections of museums and archaeological laboratories now. Narovchat fortified settlement is an archaeological monument of the Golden Horde (the 14th century). Another name for this settlement is the town of Mohshi. It was a major regional center of the Golden Horde. In the 17th century the Russian town of Narovchat was built here. On this territory there were two different settlements. It was the town of Mohshy (the time of its foundation – the 14th century) and Narovchath (the time of its foundation – the 17th century). The cultural layer of the settlement is mixed. Many archeological artifacts have no localization. Some archaeological artifacts can not be dated. The finds of woodworking tools are analyzed in the article. Each artifact was studied and dated. There are many axes in the collections of museums and archaeological laboratories. But all axes do not have localization. There is no evidence that axes connected with the town of Mohshy. Some tools are dated back to the Golden Horde time. This is a fragment of hacksaw, a cooperage tool, etc. These artifacts indicate the existence of woodworking craft with use of some technical methods such as cutting, sawing, planning etc.

Keywords: archaeology, Narovchat fortified settlement, town of Mokshy, Golden Horde period, woodworking tools, territorial localization.

В данной статье авторы изучают археологические материалы, происходящие с территории Наровчатского городища и хранящиеся в фондах Пензенского государственного краеведческого музея, Наровчатского государственного музея-заповедника и археологической лаборатории историко-филологического факультета Пензенского педагогического института им. В.Г. Белинского Пензенского государственного университета.

В золотоордынское время на территории современного Наровчата находился улусный центр – город Мохши, позднее, в ходе русской колонизации региона в XVII в. на его территории была основана русская крепость, которая позднее превратилась в населенный пункт, существующий до настоящего времени в виде

районного центра. Сложность изучения археологических материалов Наровчатского городища состоит в том, что подъемный материал всегда трудно датировать. Он может относиться как к золотоордынскому, так и позднейшему, русскому времени. С научной точки зрения больший интерес представляют материалы золотоордынского времени. В данной статье будут помещены материалы о деревообрабатывающих инструментах, в разное время обнаруженных на территории Наровчатского городища и в его окрестностях.

На территории Наровчатского городища и в его окрестностях были обнаружены деревообрабатывающие инструменты и их конструктивные детали. Набор инструментов разнообразен: топоры, тесла, скобелки и т.д. Находки свидетельствуют о существовании у местного населения развитого деревообрабатывающего дела.

Топоры (11 экз., железо) разнообразны по форме. Выделяется несколько типов топоров:

Тип I (2 экз., инв. №№ НКМ /3515, НКМ /754; подъемный материал, обнаружены в районе Старосотенского могильника – рис. 1: 1–2) представлен проушными узколезвийными топорами с сильно удлиненными пропорциями рабочей части. Такие топоры известны под названием «бортевых». Общая высота обоих изделий соответственно составляла 232 и 228 мм. Обух имел округлую форму и нес две пары щековиц. Проух первого топора имел округлую форму с небольшим треугольным выступом книзу, что придавало ему каплевидную форму. Диаметр проуха составлял 33 мм. Проух второго топора имел форму слабо вытянутого сверху вниз овала. Его высота составляет 34 мм, а ширина 25 мм. Высота рабочей части топоров соответственно была равна 189 и 201 мм. В обоих случаях лопасть имела прямоугольное сечение. Лопасть первого топора была почти прямой, и только в нижней части слегка наклонялась в сторону древка. У второго топора лопасть имела дугообразную форму.

Данный тип топоров был распространен в Примокшанье в XII–XIV вв. Два аналогичных изделия были также обнаружены в Посурье (Белорыбкин, 2003б, с. 413). Функциональное назначение топоров этого типа вызывает дискуссии. Часть исследователей считает, что эти топоры применялись для выдалбливания бортей при промысле дикого меда, другие считают их боевым оружием.

Тип II (2 экз., инв. №№ НКМ /3161, НКМ /3464; подъемный материал, точное место находок неизвестно, рис. 1: 3) – проушные топоры с округлым обухом и проухом в виде правильной окружности. Лопасть топоров этого типа имела форму полосы, немного расширяющейся книзу. С тыльной стороны обуха находилась пара слабо выраженных щековиц сглаженной формы. Общая высота обоих изделий составляла 178 и 165 мм соответственно, высота лопасти – 132 и 117 мм.

Кроме этих двух изделий, в окрестностях Наровчатского городища были обнаружены обломких еще двух топоров, которые относятся, скорее всего, к данному типу (инв. №№ НКМ /937, НКМ /756). Обе находки хранятся в фондах Наровчатского музея-заповедника. Полностью сохранились лопасти топоров. Их высота составляла 126 и 144 мм. Обух одного из фрагментированных топоров был округлым. Нижняя часть проуха имела дугообразную форму, так что сам проух характеризовался округлой или овальной формой.

Этот тип топоров датируется VIII–XI вв. Аналоги имеются на Стародевиченском могильнике, Золотаревском поселении и на могильнике Татарская Лака II (Белорыбкин, Отчет, 2002, рис. 113: 5, 120: 1, Белорыбкин, 2003а, с. 85).

Тип III (2 экз., инв. №№ НКМ /828, ПКМ /753, Старосотенский могильник, рис. 1: 4) объединяет топоры с округлым обухом и слабо вытянутым овальным или округлым проухом. На обухе прослеживаются две пары хорошо выраженных щековиц. Лопасти топоров имели форму вытянутой трапеции. Общая высота топоров составляла 110 и 125 мм, размеры проуха, соответственно, 39 х 33 м и 33 х 35 мм. Высота лопасти равна 110 и 125 мм. Наименьшая ширина лопасти (в верхней части) – 26 и 20 мм, наибольшая ширина (у лезвия) – 43 и 60 мм.

Один из топоров происходит из погребения, раскопанного в 1927 г. (Алихова, 1948, с. 217, табл. V, рис. 64). Топоры этого типа известны на Стародевиченском могильнике XI–XIII вв. (Петербургский и др., 1990, с. 67, 70), на Золотаревском поселении VIII–XIII вв. (Белорыбкин, 2001, с. 85) и на русских поселениях X–XI вв. (Археология СССР, 1985, с. 225). Высока вероятность, что старосотенские топоры относятся к домонгольскому времени.

Тип IV (3 экз., инв. №№ НКМ /2365, НКМ /3569, Алихова, 1948, с. 217; 2 экз. из Старосотенского могильника, 1 экз. – подъемный материал, место находки неизвестно, рис. 1: 5) – топоры с округлой формой обуха, с

двумя парами выраженных щековиц и массивной лопастью с выемкой в верхней части.

Один из топоров (из Старосотенского могильника) известен только по публикации А.Е. Алиховой (Алихова, 1948, табл. V, рис. 65), поэтому определить точные размеры невозможно.

Общая высота двух изделий составляла 165 и 148 мм. Проух у одного топора имел овальную форму (размеры 38 х 32 мм), у другого – округлую (диаметр 29 мм). Наименьшая ширина лопасти обоих топоров находилась рядом с обухом и составляла соответственно 29 и 15 мм, ширина лопасти под выемкой была равна 54 и 45 мм. Наибольшая ширина лопасти располагалась в нижней части рядом с режущей кромкой лезвия и составляло соответственно 79 и 69 мм.

Кроме того, в Наровчатского музее-заповеднике хранится лопасть топора с характерной выемкой (инв. № НКМ /752). Точное место находки неизвестно. Сохранившаяся высота изделия составляла 125 мм. Наименьшая ширина лопасти (у края обуха) равна 24 мм, ширина ниже выемки – 60 мм, наибольшая ширина лопасти – 79 мм. Верхняя часть лопасти несет следы механического сплющивания, что говорит о том, что топор после поломки некоторое время использовался в качестве долота. Вероятно, этот топор относился к тому же типу.

Данный тип принято датировать XI–XII вв. (Белорыбкин, 2001, с. 85). Однако аналогичный топор был встречен на территории золотоордынского Никольского селища в Верхнем Посурье (Иконников, 2012). Таким образом, нельзя однозначно отнести этот тип топоров к домонгольскому времени.

Тип V (1 экз., инв. № НКМ /3043, подъемный материал, место находки неизвестно, рис. 1: 6) – топор с молотообразным обухом, проухом в виде слабо вытянутого овала и парой приостренных щековиц. Лопасть топора не имеет выемки, она представляет собой массивную железную полосу, слабо расширяющуюся книзу. Общая высота изделия составляет 189 мм, высота лопасти – 127 мм, размеры проуха 47 х 44 мм, ширина лопасти в верхней части – 35 мм, в нижней, наиболее широкой части у режущей кромки лезвия – 55 мм.

Данный тип топоров был датирован И.Л. Измайловым IX–XII вв. Однако есть основания считать, что в Верхнем Посурье и Примокшанье этот тип использовался и в более позднее время. На это указывает находка топора такого типа в составе клада железных предметов на Золотаревском III селище, погибшем в 1237 г. (Белорыбкин, 2001, с. 85, Белорыбкин, 2003б, с. 413).

Тип VI (1 экз., инв. № НКМ /3464, подъемный материал, точное место находки неизвестно, рис. 1: 7) – топор имеет округлый обух и овальный проух без щековиц. Лопасть имеет форму трапеции с широким основанием. Общая высота изделия составляет 194 мм, размеры проуха – 45 х 36 мм, высота лопасти – 144 мм. Топор по форме близок современным изделиям, но отличается от них округлой формой обуха. Данный тип топоров датируется XIII в. (Археология СССР, 1985, с. 255).

Клин от топора (1 экз., железо, инв. № ПАМ-10 /9, место хранения – археологическая лаборатория Пензенского педагогического института им. В.Г. Белинского Пензенского гос. ун-та, точное место находки неизвестно) был обнаружен в ходе разведки 1996 г. Изделие представляет собой железную пластину длиной 58 мм и шириной 37 мм. При вбивании клина в топорище одна из сторон клина была сплющена. Сечение клина прямоугольное.

Тесла (2 экз., подъемный материал, точное место находки неизвестно) применялись для выдалбливания пазов и полостей в деревянной основе. Все тесла, обнаруженные в районе Наровчатского городища, были проушными. В отличие от топоров у тесел рабочая часть лопасти расположена не параллельно, а перпендикулярно оси проуха. Наровчатские тесла сильно отличаются друг от друга, поэтому ниже мы приводим описание каждого инструмента по отдельности.

Первое тесло (инв. № НКМ /3463 /2, место хранения – Наровчатский краеведческий музей-заповедник, рис. 2: 1) имеет округлый обух и вытянуто-прямоугольную рабочую часть. Общая высота изделия составляет 155 мм, размеры овального проуха 38 х 29 мм, высота лопасти – 107 мм.

Ширина лопасти во фронтальной проекции почти одинакова на всем ее протяжении, и только книзу наблюдается небольшое сужение. По передней части лопасти прослеживается небольшой продольный гребень, идущий сверху вниз и имеющий подтреугольное сечение. Высота гребня составляет примерно 1,5 мм, ширина основания – около 2 мм. Ширина лопасти у основания обуха равна 35 мм, ширина лопасти у режущей кромки лезвия – 22 мм.

В боковой проекции в нижней половине лопасти заметен ярко выраженный коленчатый изгиб. Переднезадняя толщина лопасти,

что также хорошо видно только в боковой проекции, постепенно снижается от обуха к лезвию.

Тесло имеет определенное сходство с теслом, обнаруженным на Серенском городище XII–XIV вв. Серенское тесло имеет лезвие, изготовленное методом косой наварки стального полотна на более мягкую основу. На этом памятнике подобный метод использовался в XIII–XIV вв. (Завьялов и др., 2007, рис. 40–37). Следовательно, близкое по форме наровчатское тесло может быть отнесено к золотоордынскому времени.

Второе тесло (инв. № ПАМ-10 /61, место хранения – археологическая лаборатория Пензенского педагогического института им. В.Г. Белинского Пензенского государственного университета, рис. 2: 2) представляет собой массивный инструмент с плоским молотообразным обухом. Проух имеет подтреугольную форму и рассчитан на рукоятку с клиновидной передней частью, так как размеры проуха в передней части изделия имеет меньшую площадь, чем его размеры в задней части. Лопасть во фронтальной проекции имеет вытянуто-трапециевидную форму. Верхняя часть лопасти имеет прямоугольное сечение. Примерно посередине лопасть изгибается в сторону рукоятки под углом 145° , ниже уровня изгиба сечение лопасти становится дугообразным. Конечная часть лопасти и лезвие не сохранилась. Сохранившаяся высота изделия –т 193 мм, размеры проуха в передней части составляют в высоту 56 мм, в ширину – 31 мм. Сохранившаяся высота лопасти – 130 мм.

Второе тесло напоминает по конструкции обуха тесло из нижнеборковского клада. Тесла с аналогичной формой обуха использовались в XIV–XVI вв. (Белорыбкин, 2003а, с. 53), следовательно, это изделие могло относиться как к золотоордынскому периоду, так и к позднейшему, русскому, времени.

Фрагмент полотна ножовки (1 экз., железо, инв. № ПКМ /Сб. пл. 59 /183, место хранения – Пензенский государственный краеведческий музей, рис. 2: 3) представляет собой подпрямоугольный обломок полотна с зубьями, сохранившимися в его нижней части. Сохранившаяся длина полотна составляет 31 мм, ширина полотна неодинакова: у одного края (за вычетом длины зубьев) – 24 мм, у другого – 22 мм. Наблюдается, таким образом, постепенное уменьшение ширины полотна, что характерно для ножовок. Зубья имеют треугольную форму и несколько наклонены в одном направлении, в сторону более широкого края полотна. Ширина основания треугольных зубов колеблется в пределах от 3 до 7 мм, высота зубьев составляет 2,5–3 мм. Толщина полотна постоянна и составляет примерно 2 мм, сужения полотна книзу, как у некоторых средневековых ножовок, не прослеживается.

Изделие было обнаружено в 1959 г. во время раскопочных работ в районе Советской (Соборной) площади Наровчата, в заполнении околотопочной ямы гончарных горнов 1 и 2. Значительная глубина залегания свидетельствовала о том, что предмет датировался золотоордынским временем. Вероятнее всего, находку следует датировать второй половиной XIV в. (Алихова, Отчет, 1959, с. 6–7). Подобные ножовки широко бытовали в Восточной Европе в средние века (Археология СССР, 1985, с. 256).

Скобелок (1 экз., железо, инв. № НКМ / Нар. 61 /278, место хранения – Наровчатский краеведческий музей, рис. 2: 4) – деревообрабатывающий инструмент с дугообразной рабочей частью и широким сильно изогнутым клинком. Два конца клинка смыкались друг с другом, так что образовывалась одна ручка, от которой сохранилось только основание. Сохранившаяся длина изделия – 108 мм, наибольшая ширина дуги овала клинка – 74 мм, ширина клинка – 42 мм. Данное изделие было обнаружено во время раскопок на Мизгитном поле в отвале. Нельзя точно установить глубину залегания находки. Учитывая, что на Мизгитном поле нет позднейшей застройки, скобелок с высокой долей вероятности относится к золотоордынскому времени.

Скобелки были распространены в средние века в Восточной Европе и применялись для обработки внутренних полостей деревянных изделий. Чаще всего скобелки использовались в бондарном деле (Археология СССР, 1985, с. 257).

Кочедыки (2 экз., железо, Мизгитное поле, инв. №№ ПКМ /Нар. 61 /366, без номера, места хранения Наровчатский краеведческий музей и археологическая лаборатория Пензенского педагогического института Пензенского государственного университета) – черенковые инструменты с дуговидной заостренной рабочей частью, имеющей линзовидное сечение. Кочедыки применялись для плетения из бересты и лубяных волокон, поэтому отнесение их к деревообрабатывающим орудиям весьма условно.

Первый кочедык был обнаружен в 1961 г. во время работ за пределами современной

территории Наровчата, в урочище Мизгить, где находился золотоордынский могильник. Вероятность датировки этого предмета золотоордынским временем велика. Общая длина изделия составляет 149 мм, в том числе длина черенка, на который насаживалась деревянная рукоятка, – 92 мм. Наибольшая ширина рабочей части – 13 мм. Черенок имел четырехугольное сечение, наибольшая ширина – 6 мм.

Второй кочедык был обнаружен во время разведочных работ 1996 г. Точное место находки неизвестно – орудие можно отности и к золотоордынскому, и к позднейшему, русскому времени. Общая длина изделия составляла 114 мм при длине черенка 70 мм. Наибольшая ширина рабочей части – 13 мм, наибольшая ширина черенка, имеющего прямоугольное сечение – 11 мм.

Находки данной категории наиболее близки и с территориальной и с конструктивной точки зрения кочедыку с Золотаревского поселения (Белорыбкин, 2003б, с. 413), хотя золотаревский кочедык заметно крупнее наровчатских (общая длина около 160 мм).

Ассортимент железных деревообрабатывающих инструментов, обнаруженных на территории Наровчатского городища и его окрестностей, разнообразен. Однако многие находки, как уже отмечалось, представлены подъемным материалом и не имеют точной территориальной привязки. Однако все вышеуказанные артефакты свидетельствуют о том, что у жителей Наровчатского городища и окрестных сел в XIII–XIV веках существовало развитое деревообрабатывающее дело.

Приемы обработки древесины в золотоордынское время были разнообразны. Среди них можно назвать рубку, распиловку, выдалбливание пазов при помощи тесла. Кроме того, находка скобелка свидетельствует о том, что на памятнике уже могло развиваться бондарное дело.

P.S. Авторы выражают искреннюю благодарность сотрудникам Пензенского государственного краеведческого музея и Наровчатского музея-заповедника за возможность работать с коллекциями из фондов этих музеев.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Алихова А.Е. Отчет об археологических работах Мордовской археологической экспедиции в Наровчате // Архив ИА РАН. – Р-1. № 1910. М., 1959. 19 с.

Алихова А.Е. Отчет о раскопках Наровчатской археологической экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. № 2318. М., 1961. 15 с.

Алихова А.Е. Старосотенский могильник // Археологический сборник. Саранск, 1948. С. 138–230

Археология СССР. Древняя Русь. Город. Замок. Село / Отв. ред. Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. М.: Наука, 1985. 429 с.

Белорыбкин Г.Н. Отчет об археологических исследованиях могильника «Татарская Лака II» в 2002 году // Архив ПенГПУ им. В.Г. Белинского. Пенза, 2002. 47 с.

Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение / Отв. ред. А.Н. Кирпичников. СПб, 2001. 197 с.

Белорыбкин Г.Н. Западное Поволжье в средние века. Пенза, 2003а. – 199 с.

Белорыбкин Г.Н. Новые материалы Золотаревского поселения // Археология Восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2003б. С. 410–432.

Завьялов В.И, Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. М., 2007.170 с.

Иконников Д.С. Материалы Никольского селища XIII–XIV вв. // Пензенский археологический сборник. Вып. 4 / Отв. ред. Г.Н. Белорыбкин. Пенза, 2012. С. 107–162.

Петербургский И.М., Т.В. Аксенова Т.В., В.В. Гришаков В.В., Первушкин В.И. Стародевичен-ский могильник // Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья / Отв. ред. В.И. Вихляев. Саранск, 1990. С. 64–99.

Информация об авторах:

Иконников Дмитрий Сергеевич, кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО Пензенский государственный университет, (г. Пенза, Россия), ikonnikof-ds@mail.ru

Баишева Мария Ивановна, МБОУ средняя общеобразовательная школа с. Комаровка, (с. Комаровка, Кузнецкий район, Пензенская область, Россия), poisonous11@gmail.com

About the authors:

Ikonnikov Dmitry S., Candidate of Historical Sciences, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Penza State University", 440026 Penza, Krasnaya street, 40, Russia, ikonnikof-ds@mail.ru

Baisheva Maria Ivanovna, Municipal Budget Educational Institution, secondary school of the village of Komarovka, Molodezhnaya street, 31, 442510, Komarovka village, Kuznetsky district, Penza region, Russia, poisonous11@gmail.com

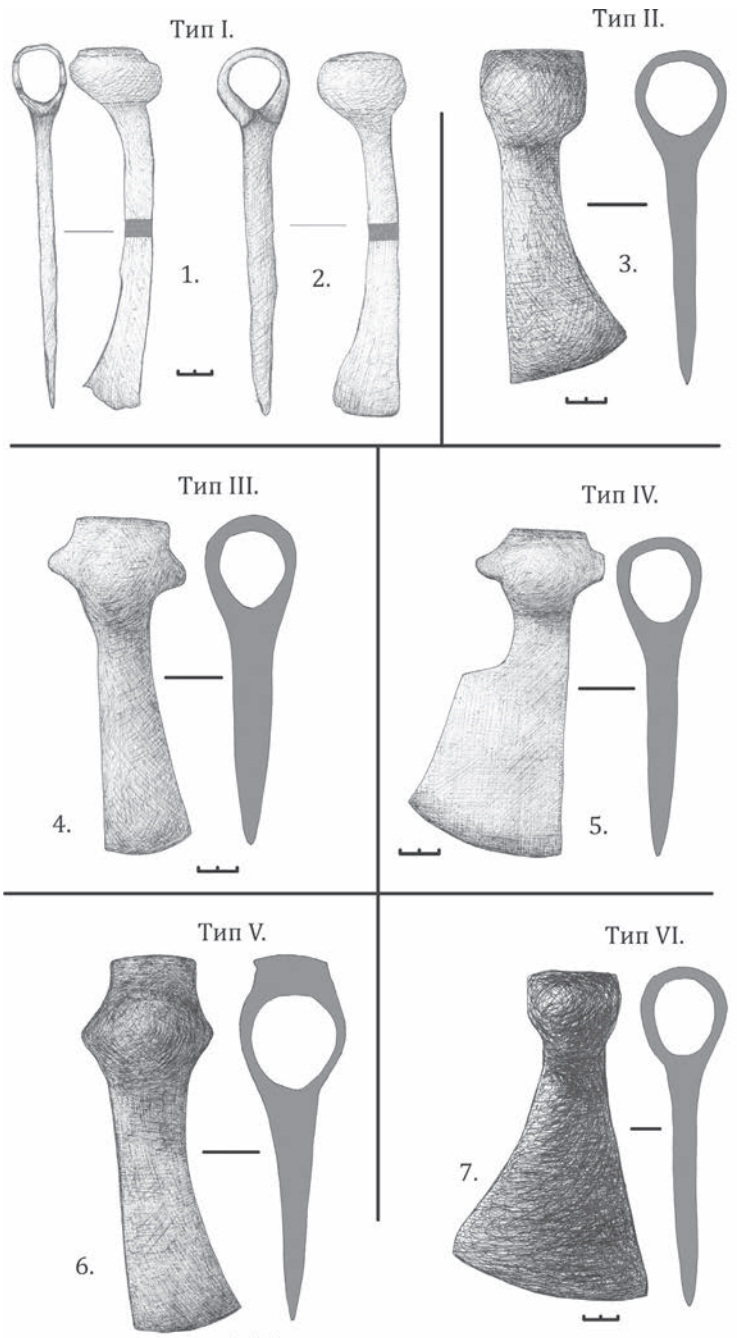


Рис. 1. Железные топоры с территории Наровчатского городища и его окрестностей
1–2. Тип I, «бортевые» топоры. 3. Тип II. 4. Тип III. 5. Тип IV. 6. Тип V 7. Тип VI.

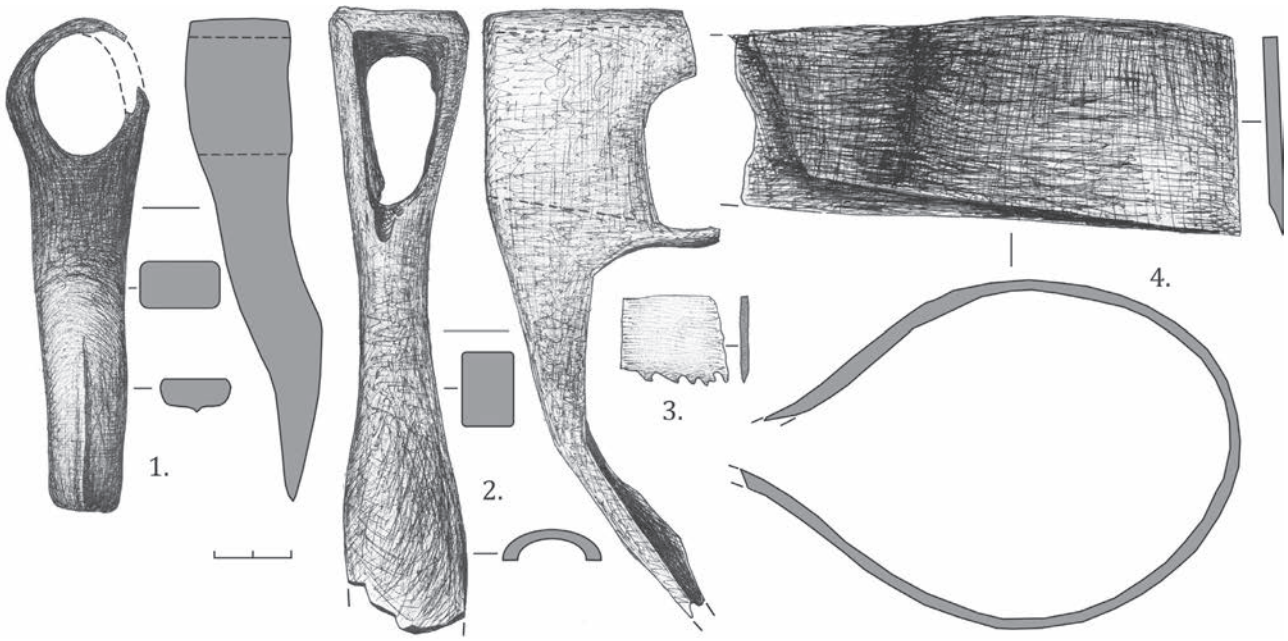


Рис. 2. Деревообрабатывающие инструменты с территории Наровчатского городища и его окрестностей
1–2. Тесла. 3. Фрагмент полотна ножовки . 4. Скобелок.

УДК 902.2

РЫБОЛОВНЫЙ ПРОМЫСЕЛ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ СЕЛИЩА ВЕЖИ)

© С.А. Кабатов, С.А. Курочкина

FISHERIES THE RURAL POPULATION OF THE KOSTROMA VOLGA REGION (ON ARCHAEOLOGICAL MATERIALS OF THE SETTLEMENTS OF THE VYOZHI)

В статье рассматривается рыболовный промысел, развитый в XVI–XVIII вв. в среде сельского населения Костромского Поволжья. Авторами сделана попытка реконструкции рыболовного инвентаря селища Вежи. В статье рассматриваются две группы рыболовного инвентаря. Первая группа – принадлежности сетевого лова: фрагменты сетей, поплавки, грузила, инструменты для плетения сетей. Вежские рыболовы могли использовать волоковые и ставные сети, у которых грузила (керамические и каменные) подвешивались к нижнему подбору, а поплавки (из бересты и сосновой коры) крепились к верхнему подбору. Из инструментов для вязания сетей сохранились деревянные игла и ячейки-шаблоны. Вторая группа – железные рыболовные крючки (переметные и насадные). Они связаны с индивидуальным способом ловли и предназначались для лова крупной рыбы. Обе группы рыболовные орудий встречаются в слоях XVI–XVIII вв. На селище Вежи выделяются еще две вспомогательные категории находок, связанных с рыболовным промыслом: деревянные весла и крышки рыбных бочек для посола рыбы. Можно отметить, что для жителей селища Вежи рыболовный промысел являлся одним из источников дохода. Причем промысловые способы сетевого лова преобладали над индивидуальными. Возможно, вежское рыболовство приобрело к XVI–XVIII вв. промысловый характер и было рассчитано на массовый лов рыбы

Ключевые слова: археология, Костромское Поволжье, XVI–XVIII века, группы рыболовных орудий, волоковые и ставные сети, керамические и каменные грузила, поплавки из бересты и сосновой коры, железные рыболовные крючки, коллективный и индивидуальный рыбный лов, рыболовный промысел, , орудия, сети, грузила, поплавки, крючки.

Fishing which was developed by the rural population of the Kostroma region n the 16th and 18th centuries is studied in the article. The authors attempted to consider and partially reconstruct the fishing inventory of the rural population of the Kostroma region according to the finds from the Vyozhi settlement. The only two groups of fishery equipment are considered in the article. The first group consists of netting devices: net fragments, floats, sinkers, netmaking tools. The Vezhi fishermen could use dragnets and set nets. Their sinkers (ceramic and stone) were attached to the lower part, and floats (made from elm and pine bark) were fixed to the higher part. Wood needles and net patterns survived to the present days in among netmaking tools. The second group joins iron fish hooks (multiple and single). They are connected with an individual way of fishing and were for use in catching a big fish. Both groups of fishery equipment were found in the layers of the XVI and XVIII centuries. In addition, two categories of findings connected with fishing on the Vezhi settlement are also distinguished: wood oars and covers of barrels for salting fish. It's worth to remark that fishing was the main source of income for residents of the Vezhi settlement. Commercial fishing prevailed over individual way of fishing. Possibly, it became commercial in the XVI-XVIII centuries and was for widespread use.

Keywords: archaeology, Kostroma region, 16th and 18th centuries, groups of fishery equipment, ceramic and stone sinkers, elm and pine bark floats, iron fish hooks, commercial and individual fishing.

В XVI–XVIII вв. в среде сельского населения Костромского Поволжья, особенно в наиболее благоприятных для этого районах, например, в так называемой Костромской низине (ныне затоплено водами Горьковского водохранилища), развивается рыболовный промысел. Жители селища Вежи (до затопления оно располагалось на левом береге р. Идоломки, в бассейне р. Костромы) активно использовали окружающие водные ресурсы.

Многолетние археологические исследования селища в большом количестве выявили предметы, связанные с рыболовным промыслом: глиняные и каменные грузила, берестяные поплавки, кованые крючки, остатки сетей и т.п. Несмотря на то что исследования селища Вежи с определенной периодичностью продолжаются с 1996 г., а также на то, что большая часть аспектов этого памятника уже получила должное освещение, рыболовный инвентарь до сих пор остается «белым» пятном.

В связи с этим авторами сделана попытка освещения и частичной реконструкции рыболовного инвентаря сельского населения Костромского Поволжья на примере материалов, выявленных в результате археологических исследований селища Вежи в 1999–2015 гг. (Кабатов, 1999; 2004; 2008–2009; 2012–2015).

Ранние группы рыболовных орудий были охарактеризованы А.В. Кузой, который по назначению и способу применения разделил их на колющие орудия, крючные снасти, сети и запорные системы с ловушками (Куза, 2016, с. 35).

В данной статье рассматриваются только две группы рыболовного инвентаря: сети и крючные снасти. Для их характеристики были использованы основные положения классификационных схем Е.В. Салминой (Псков) и Н.Н. Грибова, Е.А. Цепкина (Н. Новгород), но с учетом специфики местных находок (Салмина, 1994, с. 153–168; Грибов, Цепкин, 2004, с. 76–82).

Распределение находок, связанных с рыболовным промыслом, по ярусам и их датировка, приводятся в таблице 1.

***К первой группе рыболовных орудий относятся принадлежности сетевого лова*:** фрагменты сетей, поплавки, грузила; здесь также рассматриваются инструменты для плетения сетей (Салмина, 1997, с. 334).

Фрагменты самих сетей сохраняются редко и Вежи не составляют исключения. Поэтому рассматривают, прежде всего, оснастку и огрузку сетей. Хотя на селище встречено 15 небольших фрагментов веревок из льна, лыка, пеньки (толщина волокон 0,2–0,3, см), но отнести их к фрагментам сетей затруднительно (рис. 1: 21–23).

В ходе археологических исследований на селище Вежи найдено 2536 грузил и 493 поплавка (рис. 1: 1–20).

Все грузила делятся на две группы: керамические и каменные.

Согласно классификационной схеме костромской керамики грузила соотносятся с тремя группами керамики: красноглиняной, сероглиняной, чернолощеной (Кабатов, 2004, с. 7–25). Для выделения видов внутри данных групп была использована классификационная схема, предложенная А.Б. Мазуровым и Е.А. Цепкиным (для Коломенского Поочья), но с учетом специфики местного материала (Мазуров, Цепкин, 2003, с. 129–138).

Несмотря на многочисленность *керамических грузил* (2531 экз.), по форме они делятся лишь на два вида.

Вид 1. Овальные (боченковидные) грузила, в разрезе имеющие форму овала (рис. 1: 7–8). Всего на селище грузил данного вида найдено 583 экз., что составляет 23,03% от общего количества керамических грузил.

Все овальные грузила относятся одной группе керамики – красноглиняной. Их размеры: длина 5,4–6,2 см, максимальный диаметр тулова 3,8–4,6 см, минимальный диаметр тулова 2,2–4,1 см, диаметр отверстия 1,3–1,8 см, вес 70–80 гр.

По классификации А.Б. Мазурова и Е.А. Цепкина они соотносятся с типом 3. В Коломенском Поочье грузила данного типа, изготовленные из кремовой или желтоватой глины с примесью песка, бытовали в XVII–XVIII вв. и в первой половине XIX в. (Мазуров, Цепкин, 2003, с. 130, рис. 2).

На селище Вежи в массовом количестве красноглиняные овальные грузила присутствуют в слоях второй половины XVII – середины XIX вв. (табл. 1).

Вид 2. Сферические (шарообразные) грузила, в разрезе имеющие форму шара (рис. 1: 1–6). На селище Вежи сферических грузил найдено 1497 экз., что составляет 59,14% от общего количества керамических грузил.

В отличие от красноглиняных овальных грузил, сферические грузила соотносятся с двумя группами костромской керамики: сероглиняной и чернолощеной, причем в количественном соотношении преобладают сероглиняные грузила: 1484 экз., что составляет 58,63% от общего количества керамических грузил. Чернолощеных грузил за все годы археологических исследований селища найдено всего 13 экз., что составляет 0,51% от общего количества.

Размеры сероглиняных грузил: длина 3,3–4,3 см, максимальный диаметр тулова 4,0–4,7 см, диаметр отверстия 1,0–1,2 см, вес 40–60 гр. Размеры чернолощеных грузил: длина 3,0–3,5 см, максимальный диаметр тулова 3,9–4,2 см, диаметр отверстия 0,9–1,0 см, вес 40–59 гр.

Все вежские сферические грузила по классификации А.Б. Мазурова и Е.А. Цепкина соотносятся с типом 1. В Коломенском Поочье грузила данного типа, красноглиняные и сероглиняные, бытовали в XIII–XV в. (Мазуров, Цепкин, 2003, с. 130–131, рис. 2).

На селище Вежи единичные экземпляры сероглиняных сферических грузил встречаются с первой половины XV в., но их массовое распространение приходится на период с первой половины XVII до середины XIX в.

Сферические чернолощеные грузила, скорее всего, на Вежах не получили массового распространения. Их единичные экземпляры встречаются в слоях начала XVI – первой половины XVIII вв. и середины XIX в. (табл. 1).

Бытование чернолощеных грузил на селище в период с начала XVI до середины XIX вв. не противоречит мнению Р.Л. Розенфельдта о том, что в русских городах появление чернолощеной керамики датируется XVI–XVII вв., а массовая лощеная керамика приходится на XVIII – первую половину XIX вв. Мореная керамика получает массовое распространение в XVIII в. (Розенфельдт, 1968, с. 28).

Форма овальных и сферических грузил приспособлена для того, чтобы они свободно катились по дну реки, не цепляясь за препятствия. Поэтому мы предполагаем, что ими могли сгружаться небольшие волоковые сети.

Аналогичные грузила встречаются в Москве (XIV–XVII вв., см.: Розенфельдт, 1968, с. 16–17, табл. 2: 29, 32), на селищах Мякинино-2 (XV–XVI вв., см.: Хижняков, 2008, с. 16, рис. 1) и Тарасовка 1 (первая половина XIX в., см.: Сыроватко, Панченко, 2002, с. 10, рис. 3: 6), Коломенском Поочье (XVI – первая половина XIX вв., см.: Мазуров, Цепкин, 2003, с. 131, рис. 2), на посаде г. Свияжска (вторая половина XV – XVIII вв., см.: Шакиров и др., 2012, с. 195, рис. 7: 1–8, 10), средневековых Козельске (Прошкин, 2005, с. 81, рис. 86: 8) и Пскове (Салмина, 2004, с. 155, рис. 3: 1–2).

Немногочисленные *каменные грузила* по форме и функциональному назначению делятся на три вида.

Вид 1. Неправильно-округлое с направляющим желобком для крепящей веревки по краю (1 экз.), размер: длина 12,6 см, ширина 10,8 см, диаметр отверстия 1,4 см, толщина 3 см (рис. 1: 9).

Данный вид грузил мог использоваться для крупной волоковой сети. Благодаря своей массивности (по сравнению с керамическим), каменные грузила могли удержать более крупную передвижную сеть.

Вид 2. Овально-уплощенное (массивное грузило с процарапанным знаком), размер: длина 15 см, ширина (в максимальной части) 20,2 см, диаметр отверстия 2,4 см, толщина 3,5 см (рис. 1: 10).

Данный вид грузил мог использоваться для ставных сетей. Аналогичные грузила встречаются средневековых Пскове (Салмина, 1994, с. 157, рис. 4: 1) и Н. Новгороде (Грибов, Цепкин, 2004, с. 82, рис. 2: 23–24), Орешке (XV–XVI вв., см.: Кильдюшевский, 1973, с. 105, рис. 36: 9–10).

Оба вида грузил подвешивались к нижнему подбору сетей за отверстие, расположенное в верхней части. Для более четкой фиксации мог делаться направляющий желобок для крепежной веревки. Характерная черта вежских каменных грузил – отверстие для веревки находится в его верхней части.

Вид 3. Комбинированное (грузило в «мешочке» из бересты): высота «мешочка» 8,1 см, ширина 7,5 см, размеры камня 6 х 5 см (рис. 1: 11). Аналогий ему пока не встречено. Хотя А.В. Куза упоминает грузила из камней, обернутых берестой наподобие кошелька, которые использовались для более крупных сетей (Куза, 2016, с. 45, рис. 10).

Скорее всего, данный вид грузил мог использоваться для многостенной крупноячеистой ставной сети. Данная форма не давала грузилу проскакивать в ячею, и тем самым не путало сеть.

Следующий вид сетевой оснастки – *поплавки,* которые крепились к верхнему подбору сети. По материалу изготовления они делятся на две группы: берестяные и из сосновой коры. Материал и форма поплавков зависели от их функционального назначения.

Берестяные поплавки имеют одну форму – в виде трубочки-свитка с небольшим фрагментом крепящей веревочки, размеры: длина 3,5–3,6 см, диаметр 2,1–2,3 см, толщина веревочки 0,2–0,3 см (рис. 1: 12–12).

Так как эти поплавки обладают хорошей подъемной силой, то сгружались ими небольшие снасти (Салмина, 1994, с. 163).

Поплавки из сосновой коры по форме делятся на трапецевидные и прямоугольные с одним и двумя отверстиями.

Трапецевидные и прямоугольные поплавки с одним отверстием в верхней части могли использоваться для оснащения простых ставных и волоковых сетей (Салмина, 1994, с. 161). Размерытрапецевидных поплавков:

длина 9–17,5 см, ширина 6–6,5 см, толщина 1,2–2,4 см, диаметр отверстия 0,6–0,8 см (рис. 1: 14, 16–17). Размеры прямоугольных поплавков: длина 14,6–17,5 см, ширина 5–6,5 см, толщина 3–3,5 см, диаметр отверстия 0,7–0,8 см (рис. 1: 18, 20).

Трапецевидные и прямоугольные поплавки с двумя отверстиями могли использоваться для оснащения многостенных ставных сетей, так как для них необходима более четкая фиксация поплавка (Салмина, 1994, с. 163). Размер трапецевидного поплавка: длина 13,5 см, ширина 7 см, толщина 0,7 см, диаметр отверстий 1,2 см (рис. 1: 15). Размер прямоугольного поплавка: длина 17 см, ширина 5,7 см, толщина 1,7 см, диаметр отверстий 0,6 см (рис. 1: 19).

Аналогичные поплавки находили в Чебоксарах (XIV-XIX вв., см.: Краснов, Каховский, 1978, рис. 59), Переяславле Рязанском (слой XVI – п.п. XVII вв., см.: Завьялов, 2011, с. 214), Орешке (XV–XVI вв., см.: Кильдюшевский, 1973, с. 106, рис. 36: 17), Пскове (Салмина, 1994, с. 163, рис. 9/2), Свияжске (в сооружении рубежа XVI–XVII вв., см.: Шакиров и др., 2012, с. 196, рис. 8: 7, 11, 12).

Из инструментов для вязания сетей сохранились во фрагментарном состоянии *простая деревянная игла* и деревянный предмет, возможно, это ячейки-шаблоны (ярус 9, конец XVI – начало XVII вв., рис. 2: 11–12).

Исходя из вышесказанного, мы предполагаем, что вежские рыболовы могли использовать следующие виды сетей:

1. *Волоковые сети*:

– небольшие, для оснащения которых использовались овальные и сферические керамические грузила, берестяные поплавки и поплавки из сосновой коры с одним отверстием в верхней части;

– крупные, для оснащения которых использовались неправильно-округлые каменные грузила.

2. *Ставные сети*:

– простые, для оснащения которых использовались массивные овально-уплощенные по форме каменные грузила и поплавки из сосновой коры с одним отверстием в верхней части;

– многостенные крупноячеистые, для оснащения которых использовались каменные грузила в «мешочке» из бересты и поплавки из сосновой коры с двумя отверстиями.

У всех видов сетей грузила подвешивались к нижнему подбору за отверстие, расположенное в верхней части, а поплавки крепились к верхнему подбору.

Судя по количеству находок, на Вежах более широко использовались небольшие волоковые сети. Причем, по мнению И.И. Тарасова, промысел ставными и малыми волоковыми сетями не отличался сложностью и не требовал больших коллективных усилий (Тарасов, 2009, с. 179).

Разное количество промысловых сетей (невод, простейшая волоковая сеть типа бредня, ставные сети для добычи определенных рыб) свидетельствует о промысловом характере рыболовства вежских жителей, так как они были рассчитаны на массовый лов рыбы.

Ко второй группе рыболовных орудий относятся крючные снасти, представленные рыболовными крючками.

Распределение рыболовных крючков по ярусам и их датировка показаны в таблице 2.

За все годы исследований на селище найдено 18 железных рыболовных крючков: 60% из них выкованы из стержня круглого сечения (рис. 2: 2–3, 6–7, 9–10), 40% – из четырехгранного стержня (рис. 2: 1, 4–5, 8).

Е.В. Салмина выделяет 4 вида рыболовных крючков, исходя из их функционального назначения; также следует учитывать материал изготовления, размер, длину цевья (стержня), способ крепления, способ оформления жала (с бородкой или без) (Салмина, 1994, с. 165).

В вежских материалах представлено два вида крючков (исходя из их промыслового назначения):

Вид 1. Переметные крючки с прямым стержнем (рис. 2: 1–6).

Данный вид крючков использовался для ловли крупной рыбы на живца или на «дурилку» (рыба насаживалась на крючок случайно, боком). Снасти типа перемета более уловисты и не требуют постоянного присутствия рыболова в месте установки снасти (Салмина, 1994, с. 165, 168; Грибов, Цепкин, 2004, с. 77). И.И. Тарасов считает, что «только перемет может претендовать на лов в промышленных масштабах. Он мог снаряжаться несколькими десятками и даже сотнями крючков, использоваться с наживкой и без нее, по типу самолова, то есть когда рыба сама засекается на крючок какой-либо частью тела» (Тарасов, 2009, с. 178).

Размеры крючков: диаметр изгиба колеблется от 1,5 до 2,5 см; длина – от 8,0 до 11,4 см; «ширина» – от 2,0 до 3,5 см. Для них характерна бородка с хорошо выраженным противошипом – острый угол до 45°.

Вид 2. Насадные крючки для донок, закидушек, поставуш и других сходных по конструкции снастей (рис. 2: 7). Размер крючка: диаметр изгиба 6,0 см; длина – 12,6 см; «ширина» – 6,5 см. Для него характерен заостренный отогнутый конец стержня.

Данный вид крючков, по мнению К.В. Кудряшова, мог использоваться для пассивной ловли рыбы (Кудряшов, 1999, с. 42).

Вид и тип еще трех рыболовных крючков не определяются, так как они сохранились частично (рис. 2/8-10).

На вежских крючках можно проследить несколько способов крепления крючка к лесе: утолщение, конец цевья раскован в «лопаточку», нарезка. Но они не соотносятся с определенным видом и типом крючка.

Аналогичные крючки встречаются в Пскове (Салмина, 1994, с. 164–168, рис. 12), Н. Новгороде (Грибов, Цепкин, 2004, с. 77, рис. 2: 1–14), Ростове Великом (Кудряшов, 1999, с. 42–43, рис. 1: 4), Коломенском Поочье (Мазуров, Цепкин, 2003, с. 129, рис. 1: 1–2).

Предметы оснастки крючных снастей присутствуют в слоях с XVII по XIX вв., но основная их масса (61%) приходится на 1600–1650-е годы. В остальных случаях это просто единичные находки. Поэтому можно предположить, что основное время бытования железных рыболовных крючков на селище Вежи – XVII в. Причем связаны они, прежде всего, с индивидуальным способом рыбной ловли и, как можно полагать исходя из размеров, предназначались для лова крупной рыбы.

Можно отметить еще две *вспомогательные категории находок*, связанных с рыболовным промыслом.

В слое первой половины XV в. (ярус 14) найдено два целых *лодочных весла*, сделанных из единого массива дерева. Их параметры приводятся в таблице 3.

Весло 1 (рис. 2: 16) – лопасть листовидной формы, ручка весла – овальная в сечении.

Весло 2 (рис. 2/17) – лопасть неправильной подпрямоугольной формы, ручка весла – округлая в сечении.

Практически аналогичные по форме и параметрам весла были найдены в Чебоксарах в слоях XV–XVI вв. Там они интерпретируются как кормовые весла от небольших лодок-челноков (Краснов, Каховский, 1978, с. 124–125, рис. 58). Весло, вырезанное из ясеня, найдено Переяславле Рязанском (слой XVI – п.п. XVII вв., см.: Завьялов, 2011, с. 211, рис. 1: 4).

Кроме того, на селище выявлены фрагменты *крышек* от 5 *деревянных бочек* (или кадок): 4 экз. – в слое первой половины XVIII в. и 1 – подъемный материал (рис. 2: 13–15). Размеры крышек: диаметр 27–32 см, толщина 1–1,2 см. Возможно, деревянные бочки (или кадки) использовались для хранения засоленной рыбы и ее дальнейшей транспортировки.

Подводя итог данному исследованию, можно констатировать следующее. Для жителей селища Вежи рыболовный промысел являлся одним из источников дохода. Причем промысловые способы сетевого лова преобладали над индивидуальными. Возможно, что вежское рыболовство приобрело к XVI–XVIII вв. промысловый характер и было рассчитано на массовый лов рыбы, в связи с чем в нем могли быть задействованы десятки человек.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Грибов Н.Н., Цепкин Е.А. Рыболовный промысел в окрестностях Нижнего Новгорода в средние века // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород, 2004. С. 71–95.

Завьялов В.И. Позднесредневековые деревянные изделия из Переяславля Рязанского // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 7 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2011. С. 209–216.

Кабатов С.А. Отчет об археологических раскопках селища Вежи Костромского района Костромской области в 1999 г. / Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. № 158. 1999.

Кабатов С.А. Отчет об археологических раскопках селища Вежи Костромского района Костромской области в 2004 г. / Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. № 210. 2004.

Кабатов С.А. Отчет об археологических раскопках селища Вежи (раскоп II) Костромского района, Костромской области. Том III / Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. № 306. 2008.

Кабатов С.А. Отчет об археологических исследованиях на селище Вежи в 2009 г. Том I–II / Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. № 315. 2009.

Кабатов С.А. Отчет по итогам археологических исследований, направленных на сохранение объекта археологического наследия «селище Вежи», эпоха бронзы, железный век, средневековье, II тыс. до н.э. – XVIII в. / Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. № 476. 2013.

Кабатов С.А. Научный отчет по итогам археологических исследований (раскопок) объекта археологического наследия «селище Вежи», расположенного по адресу: Костромская область, Костромской район, Шунгенская с/а / Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. № 500. 2014.

Кабатов С.А. Научный отчет по итогам археологических исследований (раскопок) в 2015 г. объекта археологического наследия «селище Вежи», расположенного по адресу: Костромская область, Костромской район, Шунгенская с/а, остров Вежи / Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. № 545. 2015.

Кабатов С.А. Сельская керамика Костромского Поволжья XIII–XVII вв. Российская провинция в динамике исторического развития: взгляд из XXI века. XI межрегион. науч. конф. // Новейшие археологические исследования в Российской провинции. Работы молодых исследователей провинции как социокультурного феномена. Часть II. Кострома, 2004. С. 7–25.

Кабатова Е.А. Отчет об археологических исследованиях в 2012 г. на территории объектов культурного наследия регионального значения селище Вежи и поселение Малые Ведерки / Архив инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. № 400. 2012.

Кильдюшевский В.И. Рыболовные принадлежности из раскопок древнего Орешка // КСИА. 1973. Вып. 135. С. 105–108.

Краснов Ю.А., Каховский В.Ф. Средневековые Чебоксары. Материалы Чебоксарской экспедиции 1969–1973 гг. М.: Наука, 1978. 292 с.

Кудряшов К.В. Рыбный промысел Ростова Великого (X–XIII вв.) // История и культура Ростовской земли, 1998. Ростов, 1999. С. 40–47.

Куза А.В. Рыбный промысел в Древней Руси. М.; СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2016. 320 с.

Мазуров А.Б., Цепкин Е.А. Рыболовный промысел в XII–XVIII вв. (по данным раскопок в Коломне) // РА. 2003. № 4. С. 129–138.

Прошкин О.Л. Типология и хронология находок из культурного слоя, остатков построек и разреза вала г. Козельска // Древний Козельск и его округа: Тр. отдела охранных раскопок. Т. 4 / Отв. ред. А.С. Смирнов, А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2005. С. 75–85.

Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. / САИ. В. Е 1-39. М.: Наука, 1968. 124 с.

Салмина Е.В. Рыболовный инвентарь из раскопок в Пскове (классификация находок и способов ловли) // Археологическое изучение Пскова. Вып. 2. Псков, 1994. С. 151–170.

Салмина Е.В. Рыболовство средневекового Пскова по данным археологии // Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии. Славянский средневековый город. Т. 2. М., 1997. С. 334–342.

Сыроватко А.С., Панченко К.И. Археологический материал XVIII–XIX вв. из раскопок на селище Тарасовка 1 // Археологическое изучение Подмосковья (Дмитров, Мытищи, Тарасовка). Тр. Подмосковной экспедиции ИА РАН. Том. 1 / Отв. ред. В.С. Ольховский. М.: ИА РАН, 2002. С. 7–26.

Тарасов И.И. Рыболовство в средневековой Ладоге // Староладожский сборник. Вып. 7. Старая Ладога, 2009. С. 177–184.

Хижняков О.И. Керамические изделия из раскопок селищ Мякинино-1 и Мякинино-2 // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 4 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: Институт археологии, 2008. С. 12–20.

Шакиров З.Г., Валиев Р.Р., Ситдиков А.Г. О застройке посадской части Свияжска (по материалам раскопок 2008 г.) // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 184–210.

Таблица 1 Рыболовные орудия, связанные с сетевым ловом

Ярус /датировка	**Грузила**				**Поплавки**			
	Глина	%	Камень	%	Береста	%	Кора сосны	%
1. с. XIX вв.	611		1					
Постройки	83				2			
Всего	*694*	*27,41*	*1*	*20*	*2*	*0,41*		
2. п.п. XIX в.	349				8			
Постройки	55				2			
Всего	*404*	*15,96*			*10*	*2,07*		
Итого за век	***1098***	***43,38***	***1***	***20***	***12***	***2,48***		
3. к. XVIII в.	536				*9*			
Постройки	22		1					
Всего	*558*	*22,04*	*1*	*20*		*1,86*		
4. с.– в.п. XVIII в.	37						1	
Постройки	36				1			
Всего	*73*	*2,88*			*1*	*0,20*	*1*	*10*
5. п.п. XVIII в.	*170*		1		108			
Постройки			1					
Всего	*170*	*6,71*	*2*	*40*	*108*	*22,36*		
Итого за век	***801***	***31,64***	***3***	***60***	***118***	***24,43***	***1***	***10***
6. в.п. XVII в.	215				117		3	
Постройки	3							
Всего	*218*	*8,61*			*117*	*24,22*	*3*	*30*
7. с. XVII в.	*46*	*1,81*			*15*	*3,10*	*1*	*10*
8. п.п. XVII в.	*176*	*6,95*			*84*	*17,39*	*1*	*10*
9. к. XVI - н. XVII вв.	*7*	*0,27*						
Итого за век	***447***	***17,66***			***216***	***44,72***	***5***	***50***
10. с. XVI в.	69	*2,72*						
11. н. XVI в.	19	*0,75*			*7*	*1,44*		
Итого за век	***88***	***3,47***			*7*	***1,44***		
12. к. XV в.	11				*16*			
Постройки	3							
Всего	*14*	*0,55*			*16*	*3,31*		
13. с.–в.п. XV в.	*38*	*1,50*			*79*	*16,35*		
14. п.п. XV в.	*32*	*1,26*			*23*	*4,76*		
15. к/с XIV - н. XV вв.	*7*	*0,27*	1	*20*	*4*	*0,82*	*4*	*40*
Итого за век	***91***	***3,59***	***1***	***20***	***122***	***25,25***	***4***	***40***
Подъемный материал	*7*	*0,27*			*1*	*0,20*		
Всего	***2531***		***5***		***483***		***10***	
ИТОГО	***2536***				***493***			

Таблица 2 Крючные снасти: рыболовные крючки

Ярус /датировка	**Кол-во**	**%**
1. с. XIX вв.	*1*	***5,55***
5. п.п. XVIII в.	*1*	***5,55***
6. в.п. XVII в.	1	
7. с. XVII в.	4	
8. п.п. XVII в.	6	
Всего в слое XVII в.	*11*	***61,11***
Подъемный материал	5	***27,77***
Всего	***18***	

Таблица 3 Параметры деревянных весел (в см)

Находка	**Длина весла**	**Длина ручки**	**Диаметр ручки**	**Длина лопасти**	**Ширина лопасти**	**Толщина лопасти**
Весло 1	120	80	5	40	10,4	1,1
Весло 2	98,2	68	5,2	30,2	9,3	1,2-1,8

Информация об авторах:

Кабатов Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института гуманитарных наук и социальных технологий, заведующий лабораторией археолого-этнологических исследований Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Костромской государственный университет» (г. Кострома, Россия); kabatov74@mail.ru.

Курочкина Светлана Александровна, кандидат исторических наук, консультант управления по сохранению, использованию и охране объектов культурного наследия Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл (г. Йошкар-Ола, Россия); kurochkina-sveta@bk.ru

About the authors:

Kabatov Sergey A., Candidate of Historical Sciences, Federal State budget institution of higher education «Kostroma State University named after N. Nekrasov», Kostroma, Russian Federation - a Professor of world history Institute of Philology and history; kabatov74@mail.ru.

Kurochkina Svetlana A., Candidate of Historical Sciences, The Department of Conservation, Usage and Protection of Objects of Cultural Heritage, Ministry of Culture, Media and Ethnic Affairs of the Republic of Mari El; kurochkina-sveta@bk.ru.

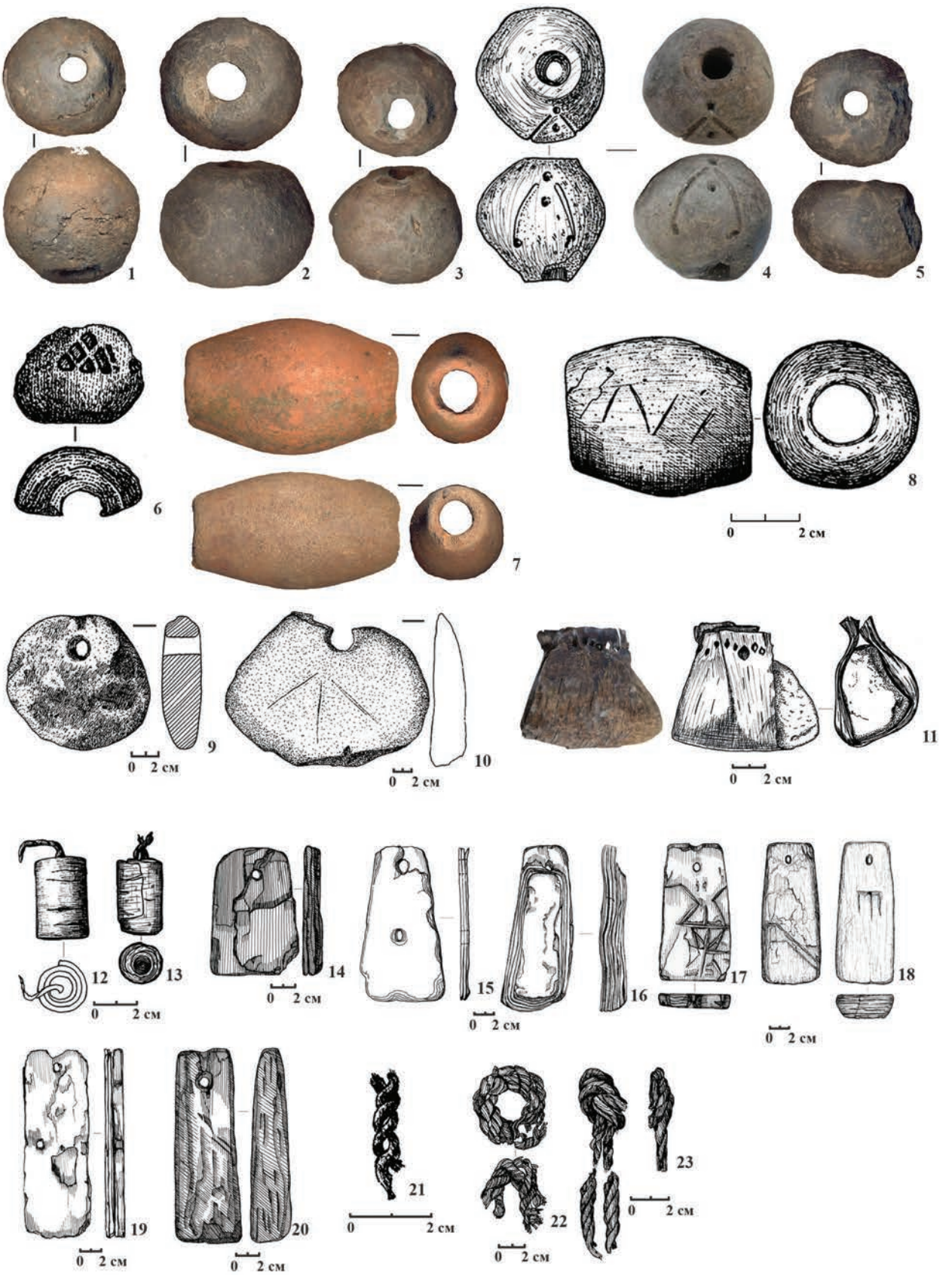


Рис. 1. Рыболовный инвентарь, связанный с сетевым ловом: 1–11 – грузила; 12–20 – поплавки; 21–23 – веревки (1–8 – керамические; 9–10 – каменные; 11 – камень и береста; 12–13 – береста; 14–20 – кора сосны; 21–23 – лен).

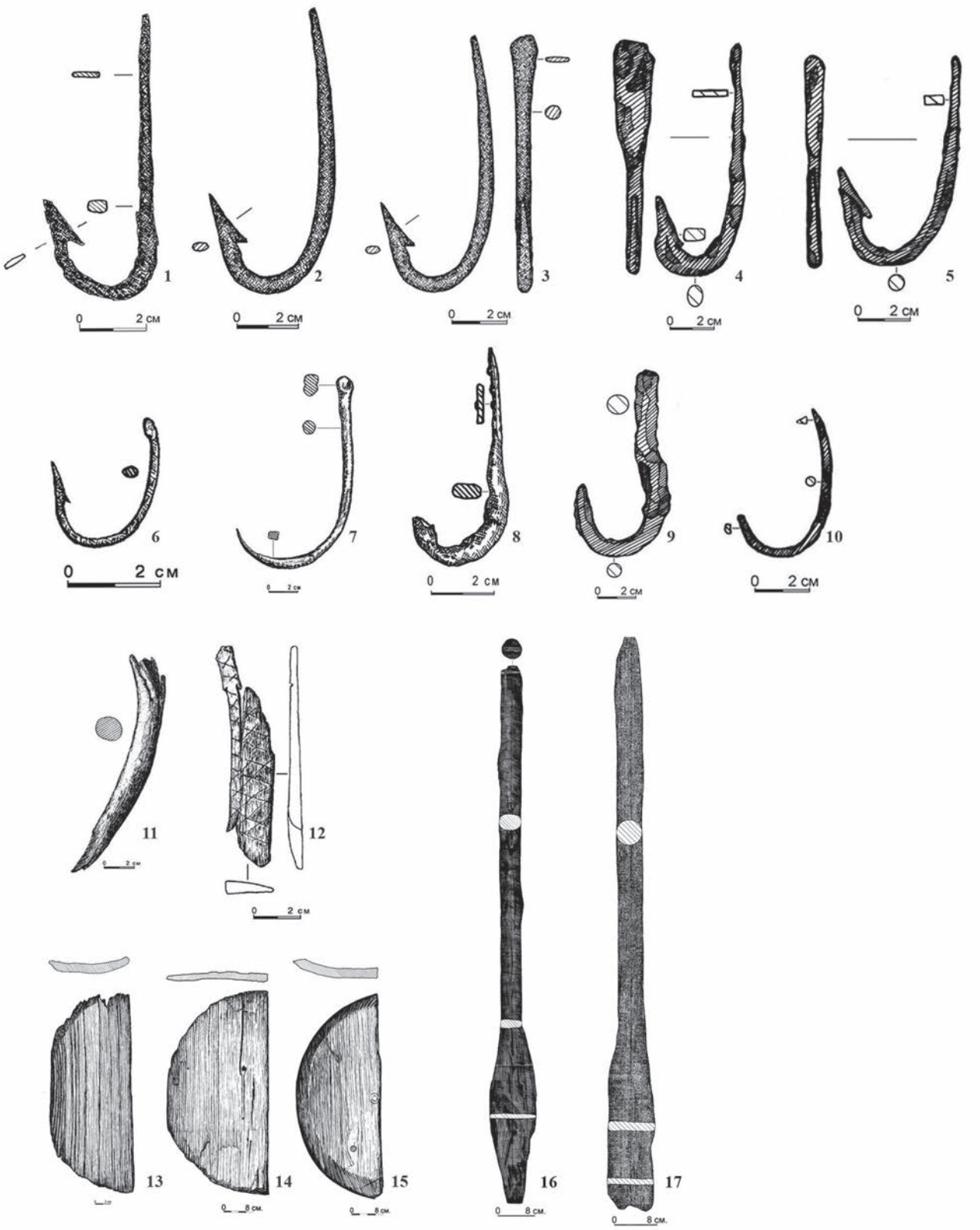


Рис. 2. Рыболовный инвентарь: 1–10 – крючки; 11 – игла; 3 – ячейки-шаболоны; 13–15 – крышки кадок; 16–17 – весла (1–10 – железо; 11–17 – дерево).

УДК 902

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ САЛТОВСКО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

© Е.П. Казаков

ISSUES OF FORMATION THE SALTOVSKO- MAYAKI CULTURE

Автор статьи начиная с 60-х гг. XX в. занимался изучением археологических памятников, связанных с салтово-маяцкой культурой VIII–X вв. Им разработана культурно-хронологическая стратиграфия древностей населения этой культуры, мигрировавшим в Среднее Поволжье и заложившим начало формирования наследницы Хазарии – Волжской Булгарии. Общая культурная основа обоих отмеченных государств позволяет специфические черты их рассматривать на всей громадной территории салтовской общности. Некоторые глобально-политические события четко отражаются на всей ее территории.

Ключевые слова: археология, салтовская культура (СМК), хазары, аланы, волжские булгары, Хазария, Волжская Булгария, миграции.

The author of the article, starting with the 60-ies of XX century was engaged in studying of archaeological monuments associated with the Saltovo-Mayaki culture of the VIII - X centuries The author developed a cultural-chronological stratigraphy of the antiquities of the population of this culture who migrated to the Middle Volga region and laid the beginning of the formation of the successor of the Khazars – the Volga Bulgaria State. A common cultural basis of both observed States allows specific features to consider them on the whole vast territory of the Saltovo community. According to the author, some global-political events clearly affected the whole of its territory.

Keywords: archaeology, Saltovo culture (SMC), the Khazars, the Alans, the Volga Bulgarians, Khazars, Volga Bulgaria, and migration.

Салтово-маяцкая культура (СМК) VIII–X вв. находилась в Подонье и Нижнем Поволжье. Получила название по некрополю, открытому в 1900 г. около с. Верхнее Салтово Харьковской обл., а также Маяцкому городищу и могильнику, выявленным в 1890 г. на р. Тихая Сосна Воронежской обл. Исследования памятников этой культуры ведется с конца XIX – начала XX вв. (М.И. Артамонов, И.И. Ляпушкин, С.А. Плетнева и др.). Выделена салтово-маяцкая культура М.И. Артамоновым, который определил ее территорию и хронологические рамки. Политически культура входила в состав Хазарского каганата. Здесь проживали хазары, аланы, болгары и другие народы, которые занимались земледелием, скотоводством, ремеслами, торговлей. У них были поселения, города. В степях и лесостепях обитали кочевники.

После ухода из жизни вышеуказанных крупнейших ученых, фундаментально занимавшихся проблемами СМК, в ее изучении наступил явный спад, который иногда определяют как критический. Как отмечал Е.В. Круглов, «не решена проблема несоответствия времени существования Хазарского каганата (вторая половина VII – вторая половина X в.) и реальной хронологии салтово-маяцкой археологической культуры (вторая половина VIII–IX вв.), понимаемой как государственная культура этого государства. Дискуссионны вопросы хронологии и этнической природы предсалтовских памятников второй половины VII – первой половины VIII вв., их соотношение с СМК, а также механизм формирования «самой СМК» (Круглов, 2006, с. 76). Проблемы общей характеристики данной общности, видимо, заключается не только в громадной территории, где проживали разные народы с различным социально-экономическим уровнем развития, происходили постоянные миграции, борьба идеологий, политическая борьба между сторонниками догосударственного и государственного направления, сторонниками союзов с теми или другими могущественными государствами Евразии и т.д. Этот безграничный край проблем хорошо понимал М.И. Артамонов, который четверть века работал над книгой «История хазар». «Мне, – писал он, – вероятно, лучше, чем кому-либо другому, известны недостатки моей работы, и если я все же решаюсь, наконец, поставить точку и выпустить ее в свет, так только пото-

му, что иначе я рискую никогда ее не завершить» (Артамонов, 2001, с. 62).

В целом можно сказать, что, кроме М.И. Артамонова, И.И. Ляпушкина, С.А. Плетневой и ряда других исследователей мало кто основательно изучал салтовские древности. В отношении северных древностей салтова наибольший вклад внесли археологи Татарстана, проведя многолетние широкие раскопки на некрополях салтовского круга: Большетарханском I, II, Танкеевском и других. По их материалу можно констатировать, что этапы ранней и заключительной истории салтова отражаются в комплексах Волжской Булгарии, включающих сотни захоронений. На их основании опубликованы труды, освещающие СМК в целом. Вследствие этого многие проблемы салтово-маяцкой общности могут решаться с привлечением материалов волжских булгар VIII– IX вв. Так, в работе, посвященной анализу Большетарханского могильника, авторы рассматривали вопросы этнического состава и происхождения болгарских племен в Восточной Европе (Генинг, Халиков, 1964, с. 100–176). В монографии Е.П. Казакова 1992 г. отмечаются массовая миграция в Волжскую Булгарию из гибнущей Хазарии салтово-маяцкого населения, что привело к резкому изменению всей культуры (Казаков, 1992, с. 272– 322).

В статье 1999 г. предпринята попытка анализа материалов подкурганных захоронений хазарского времени в Среднем Поволжье (рис. 3) сравнительно с такими же комплексами в центральной части Хазарии (Казаков, 1999, с. 64–73). Об этнической принадлежности таких захоронений имелись две точки зрения: хазарская и печенегская (Власкин, Ильюков, 1990, с. 137–149). В работе отмечалось, что локализация таких памятников, датировка (VIII в.) могут свидетельствовать о принадлежности их к хазарам (рис. 2). В отмеченных работах проведена типология, датировка болгаро-салтовских древностей, выделены специфические черты их на протяжении второй половины VIII–X вв. По мнению В.Ф. Генинга, А.Х. Халикова, Е.П. Казакова болгары переселились на Волгу во второй половине VIII – начале IX вв.

В 1998 г. опубликована коллективная монография самарских коллег «Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья)» (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998). Книга состоит из двух частей. В первой представлен научно-популярный очерк по болгарской проблематике, во второй рассмотрен материал могильников, в большинстве одиночных подкурганных захоронений. В отличие от казанских археологов, авторы датируют приход болгарского населения в Среднее Поволжье VII–VIII вв. С болгарами они связывали и могильники новинковского типа.

К сожалению, стремление объединить в целом в добротной книге под «праболгарской» эгидой порою разнокультурные и даже разновременные захоронения досадно. Например, вставлена постпетрогромская керамика конца X в. (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 268, табл. LVI, 5). Явно мусульманские захоронения (там же, с. 247, табл. XXXV, 4, 5, 7–9) могли быть впущены в насыпи курганов значительно позже их сооружения.

В 1997 г. вышла книга Г.И. Матвеевой, которая прямо связывает новинковские памятники с ранними булгарами, приводя не очень убедительные подтверждения (Матвеева, 1997).

В целом древности Среднего Поволжья, сопоставляемые с СМК, можно разделить на три хронологических этапа. К первому относятся памятники хазарского времени, предшествующие этой культуре. Среди них привлекают внимание комплексы новинковского типа, изученные в 80–90 гг. XX в. на Самарской Луке и датированные в основном VII – первой половиной VIII в. Наиболее выразительные материалы получены на I, II Новинковских могильниках: в них изучены подкурганные захоронения с разнообразной ориентировкой костяков. Характерны каменные обкладки-панцири как самих курганов, так и захоронений. Камни встречаются иногда в несколько слоев в самих могилах. Ряд могил сопровождались кусками мела или белых (известняковых?) камней, угольками. Большинство захоронений сильно ограблены, чему способствовали небольшая высота курганов (0,14–1,4 м) и малая глубина могил (2/3 из них имели глубину 40–100 см), хотя ряд авторов полагали, что это не ограбления, а ритуальное обезвреживание костяков еще до сооружения курганов.

Вещевой материал представлен керамикой (рис. 1: 4, 9–12), предметами вооружения, быта и одежды, украшениями. Характеристика новинковских комплексов представлена в вышеуказанной монографии Г.И. Матвеевой «Могильники ранних болгар на Самарской Луке» (Самара, 1997). Она сразу же отнесла новинковские памятники к ранним булгарам. Она отметила пришлый характер новинковского населения, «почти полностью сложившийся

салтово-маяцкий вещевой комплекс». К нему был отнесен в основном, комплекс железных предметов вооружения и конского снаряжения воина-кочевника (Матвеева, 1997, с. 89–90). Истоки этого населения она локализовала в Северном Причерноморье (там же, с. 90–91).

Можно предполагать, что появление новинковского населения в правобережной петле р. Волги было связано с очередной миграцией, вызванной какими-то событиями в Тюркском каганате. В числе пришельцев находились племена разных языковых групп, в том числе тюркоязычных и индоиранских. Так, в Новинковском могильнике встречена женская культовая позднесарматская бронзовая подвеска в виде кольца с характерными утолщениями (рис. 1: 8). Такие изделия широко встречается в турбаслинско-именьковских памятниках Урало-Поволжья и в аланских древностях Северного Кавказа (Казаков, 2011, с. 39, рис. 17). В этих районах отмечены специфичные для поздних сармат сосуды с коническими налепами по тулову и одноручные кувшины с рифлено-резной орнаментацией (рис. 2: 6, 7). В этих областях отмечаются массивные культовые поделки из обожженной глины (рис. 2: 8–10).

Касаясь в целом евразийских древностей в период от Первого Тюркского каганата до становления СМК можно констатировать, что коренные изменения в них были определены глобальными военно-политическими событиями, вызвавшими массовые миграции народов. По материалам позднесармато-аланских комплексов Восточной Европы возможно выделить два этапа миграций, оставивших четкие специфические элементы в культуре. На первом этапе они фиксируются деталями предгеральдического облика, тесной связью с джетыасарскими древностями и пр. (Шиповский, II Коминтерновский могильник и др.). Второй этап характеризует расцвет геральдических изделий, появление железных стремян, богатейших кладов из серебра и золота (Бураковско-Коминтерновский, Малое Перещепино и др.), которые, возможно, являлись жертвенными комплексами, пришедших из Азии сарматских и тюркских вождей.

Время образования СМК в пределах государственной власти Хазарии большинство исследователей относят к середине VIII в. Освоение народами тех или иных регионов в пределах этого государства нередко происходило в процессе миграций. Особенно большое значение имело переселение северокавказких алан в Подонье. Появление здесь населения с катакомбным обрядом погребений с высоким уровнем культуры в разных областях и его взаимодействие с другими народами за короткое время привело к формированию СМК с ее специфическими чертами.

Судя по карте, предложенной С.А. Плетневой, основная масса алан осела в лесостепной части Подонья (рис. 4). Вместе с ними проживали и болгары. Однако основная масса последних обитала в Приазовье и в низовьях р. Кубани, где ранее находился центр Великой Болгарии и где жили потомки «черных болгар» Батбая. К северу и западу от лесостепного Подонья проживали славянские племена вятичей, северян, полян.

При наличии господствующей политической власти государства сами хазары могли проживать в различных его частях. Однако основная территория их – своеобразный «домен» каган, вероятно, находился в Сальских степях. Здесь изучены ранние, еще до формирования СМК, захоронения времени дружбы Хазарии с Византией, окруженные кольцевыми ровиками (Казаков, 1999, с. 64–73). Подобные комплексы отмечены и в Волжской Булгарии на Средней Волге, находившейся в зависимости от хазар. Они сопровождались и одноручными кувшинами, имеющих ряд заметных отличий от собственно болгаро-салтовской керамики (рис. 3: 7).

Несомненно, большой интерес представляют материалы, свидетельствующие о первой массовой миграции болгаро-салтовского населения в Среднее Поволжье, что привело к созданию нового государства - Волжской Булгарии. Свидетельством этого является разнообразный и многочисленный материал вышеотмеченных Большетарханских, Танкеевского и других могильников. Не имея возможности рассматривать его, тем более что он освещен в вышеуказанных публикациях преимущественно казанских археологов, коротко рассмотрим лишь керамические комплексы. Судя по ним, мигрировавшие в Среднее Поволжье болгары кочевали на правобережье р. Волги к северо-востоку от основной территории СМК. В этом районе в соответствии с письменными источниками, М.И. Артамонов и С.А. Плетнева локализовали и буртас (Артамонов, 2001, с. 522, Плетнева, 1981, с. 153, рис. 39).

Судя по карте, предложенной С.А. Плетневой (рис. 4), переселение болгар на Волгу происходило в начале IX – начале X вв. Однако материалом это не подтверждается: миграция была одновременной и шла она по

правому берегу р. Волги (рис. 5). Она принесла в регион две группы керамики: лепные с редким орнаментом, плоскодонные горшки, характерные для многих групп кочевников и типичные салтовские круговые кувшины с наибольшим диаметром в нижней части тулова (т.н. «бомбовидной формы»). Последние были заимствованы у алан Северного Кавказа, но в Среднем Поволжье выступали как четкий показатель круговой посуды булгар.

То, что переселившиеся на Среднюю Волгу булгары первой волны кочевали на северо-восточной части от ремесленно-развитой части СМК, стало очевидным через короткое время. В могилы стали ставить отжившие свой срок кувшины с отбитыми ручками, горловинами (рис. 6). Кроме того, местное население, прежде всего угорское, нашедшее убежище в стране волжских булгар, стало изготовлять по форме полностью болгаро-салтовские, но лепные кувшины (рис. 7). Такие поделки составляли 10% всей посуды.

Кроме салтовских болгар, вместе с ними пришли буртасы. Проблема последних десятилетиями дискутируется в научных трудах. Открытие и изучение в низовьях Камы Коминтерновского II, Новославского, Ташкирменьского могильников позволило выявить на широкой территории Урало-Поволжья характерные позднесарматские турбаслинско-именьковские захоронения. События вышеуказанного второго этапа (VII в.) вынудили сармат укрыться на территории самарско-саратовского правобережья р. Волги в соседстве с кочевыми болгарами. Когда последние во второй половине VIII в. пришли в Среднее Поволжье, вместе с ними пришли и буртасы. В отличие от характерных захоронений булгар (рис. 8) последние, как и в VII в., хоронили умерших в длинных и глубоких ямах с уступами и заплечиками в сопровождении различных изделий, а также черепа и костей ног (шкуры) лошади. Такие захоронения составляют в Большетархановском более 62 могил (17%), в Танкеевском – 80 могил (12%) (Казаков, 2014, с. 224).

Причины, по которым болгаро-сарматское население мигрировало в Среднее Поволжье, мы можем только предполагать. Но вот путь, по которому они двигались, без сомнения подтверждают их некрополи в Саратовском, Самарском, Ульяновском Предволжье и в Татарстане (рис. 5). Пришедшее население образовало раннюю Волжскую Булгарию первоначально как догосударственное, кочевое и языческое объединение (Казаков, 1994). Археологические памятники его, как нигде в салтовском мире, широко изучены казанскими исследователями, но в их интерпретацию важнейший вклад вносят и письменные источники.

Судя по ним, страна волжских булгар оставалась в зависимости от Хазарского каганата. С последним ее связывали не только политические, но и экономические связи, в частности, посредством торговли по Великому Волжскому пути. Удивительно быстро, чему способствовала военно-политическая ситуация в регионе, волжские булгары наладили тесные контакты с огромным миром своих финно-угорских соседей. Через них же осуществлялась по рр. Волге, Каме и торговые связи центральных районов СМК с Приуральем. Об этом говорят шумящие женские нагрудные подвески в ранних болгарских могилах (Аксенов, 1998, с. 11, рис. 1, 28; с. 12, рис. 2, 2). С самого начала формирования культуры местные купцы, видимо, по рр. Волге и Каме достигли Верхнего Прикамья, о чем могут свидетельствовать образцы типично салтовской круговой посуды из городища Лобач и других памятников кунгурского региона (раскопки В.Ф. Генинга В.Ф., И.Ю. Пастушенко).

Самое важное описание ранней Волжской Булгарии содержат сведения Ибн Фадлана, который сам побывал в этой стране в 922 г. в связи с желанием принять ислам царем булгар Алмушем. В записках Ибн Фадлан сообщает, что жители страны живут в шатрах, их племена совершают перекочевки. Эти сведения полностью подтверждаются археологическими данными. За все десятилетия работ археологов, за исключением временных или сезонных стоянок, не выявлено каких-либо крупных селищ болгар IX – первой четверти X в. с мощным культурным слоем.

О начале седентаризации булгар, о противоборстве ислама и язычества сообщают восточные источники, собранные Б.Н. Заходером. В них говорится, что у булгар два города – Болгар и Сувар, где живут мусульмане, которые воюют с «неверными» из тюрок, т.е. идут религиозные войны (Заходер, 1967, с. 36–39). По мнению исследователей, эти сведения относятся к 40-м годам X в. В них имеются также сведения, что жители страны летом располагаются в шатрах, а зимой укрываются в деревянных строениях. Несмотря на исламизацию, даже в третьей четверти X в., значительная часть Волжской Булгарии оставалась языческой.

Положение кардинально изменилось после падения Хазарии вследствие походов Святослава в 965 г. и набегов кочевников. В Среднее Поволжье идет массовая миграция (вторая волна) населения из гибнущей СМК. Это были уже мусульмане, оседлые земледельцы с развитым ремесленным производством, торговлей, скотоводством. Приход нового населения был настолько массовым, что он, во многом, изменил этнокультурный состав местного населения.

За короткое время здесь появились селища, города, могильники с мусульманским обрядом погребения, торгово-ремесленные поселения.

Среди пришельцев, видимо, преобладали болгары, еще на юге принявшие ислам и проживавшие, скорее всего, в Приазовье и Нижнем Прикубанье (бывшая центральная часть Великой Болгарии со столицей в Фанагории); по мнению ряда исследователей, именно здесь широкое распространение получил ислам. Пришельцы принесли новые типы круговой керамики разнообразных форм: даже одноручные кувшины (рис. 9) по всем показателям резко отличаются от алано-салтовской посуды (рис. 6). Ясно, что при изготовлении этих изделий были использованы постантичные навыки и заимствования в технологии, формах и орнаментации.

Вместе с этой группой посуды в массе пришли и горшковидная посуда с рифлением по тулову. Такая керамика, также с раннего этапа фиксируется в СМК (рис. 10). В дальнейшем она явно связана со славянами. В Волжской Булгарии она вместе с постантичной (которую определяют термином «общеболгарская») присутствует на поселениях и городищах. О том, что вместе со второй волной в Среднее Поволжье пришли группы славян, свидетельствуют не семи-, а пятилучевые височные женские подвески, изделия со знаком Рюриковичей с I Измерского селища. Кроме того, в состав переселенцев входили и поздние тюркские кочевники, о чем свидетельствует специфическая керамика: котлы с внутренними ушками и др. Среди них были и огузы: на ряде памятников встречены характерные для последних женские украшения в виде стилизованных летящих птиц, копоушек с широкой ажурной рукоятью и пр. Скорее всего, огузы и принесли в Среднее Поволжье руническое письмо, которого не было в ранней Волжской Булгарии. Таким образом, в результате военно-политических событий в СМК произошел «великий разгон», что привело к появлению на Волге разноэтничного населения, среди которого преобладали булгары-мусульмане (Казаков, 2013, с. 79–83). Это привело к созданию нового государства, которое, во-многом выполняло роль наследника Хазарии на Волге.

В то же время до 60-х годов X в. в могильниках страны булгар сохранялись пережитки язычества. Так, на поздней части Танкеевского могильника в окружении типично мусульманских безинвентарных захоронений находилось погребение 406 (видимо, женское) в сопровождение салтовского одноручного сосуда с отбитой горловиной и ручкой, горшка с рифленым орнаментом, серпа развитых салтовских форм (которых не было у ранних булгар), а также бус, серьги, браслета (рис. 11). Данный комплекс вещей может быть синхронен с приходом второй волны болгар.

ЛИТЕРАТУРА

Аксенов В. Новые находки коньковых подвесок в салтовских захоронениях на Харьковщине // Finno-Ugrica. 1988. № 1 (2). С. 3–12.

Артамонов М.И. История хазар. Изд. 2-е. СПб. 2001. 688 с.

Афанасьев Г.Е. К проблеме локализации Хазарии и Фурт-асии (о противоречии данных археологии и письменных источников) // Форум «Идель-Алтай». Материалы науч.-практич. конф. «Идель–Алтай»: истоки евразийской цивилизации» I Междунар. конгресса средневековой археологии евразийских степей / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань, 2009. С. 7–17.

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге: у истоков истории татар Волго-Камья / Отв. ред. В.Б. Ковалевская. Самара, 1998. 286 с.

Власкин М.В., Ильюков Л.С. Раннесредневековые курганы с раковинами в междуречье Сала и Маныча // СА. 1990. № 1. С. 137–149.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге (Больше-тархановский могильник) / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. М., 1964. 200 с., ил.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. М., 1992. 334 с.

Казаков Е.П. К вопросу о хазарском и угорском компонентах в культуре ранней Волжской Болгарии // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань, 1999. С. 64–73.

Казаков Е.П. Этнокультурная ситуация IV–VII вв. н.э. в Среднем Поволжье // Finno-Ugrica. 2011. № 12–13.

Казаков Е.П. Новые археологические материалы к проблеме ранней тюркизации Урало-Поволжья // Татарская археология. 1999. № 1–2 (4–5), 1999. С. 23–38.

Казаков Е.П. Падение Хазарии и ее отражение в археологических материалах Волжской Болгарии // Вестник Удмурт. гос. ун-та. 2013. Вып. 1. С. 79–83.

Казаков Е.П. Хронология древностей Волжской Болгарии в системе средневековых миграций Восточной Европы // Поволжская археология. 2014. № 3 (9). С. 222–241.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. 348 с.

Комар А.В. К вопросу о дате и этнокультурной принадлежности Шиловских курганов // Степи Евразии в эпоху средневековья. Том 2. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк, 2001. С. 11–44.

Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке / Отв. ред. В.Б. Ковалевская. Самара: Изд-во «Самарский ун-т», 1997. 226 с.

Флерова В.Е. Подкурганные погребения восточноевропейских степей и пути сложения культуры Хазарии // Степи Евразии в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк, 2001. С. 163–190.

Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 62–75.

Информация об авторе:

Казаков Евгений Петрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); epkaz@mail.ru

About the Author:

Kazakov Evgenii P. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; epkaz@mail.ru

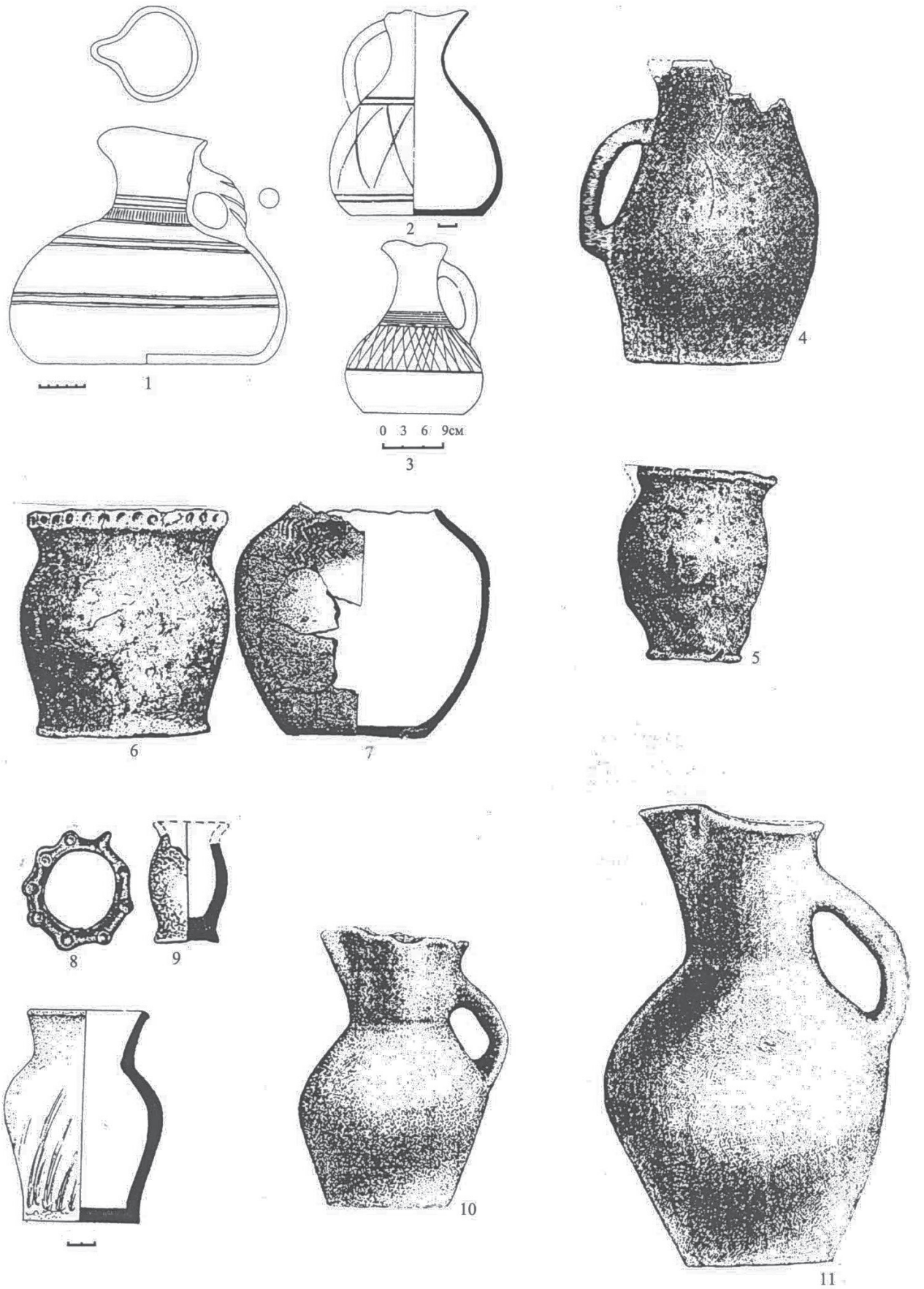


Рис. 1. Вещевой материал из памятников Новинковского типа: 1–7. 9–11 – керамика, 8 – бронза.

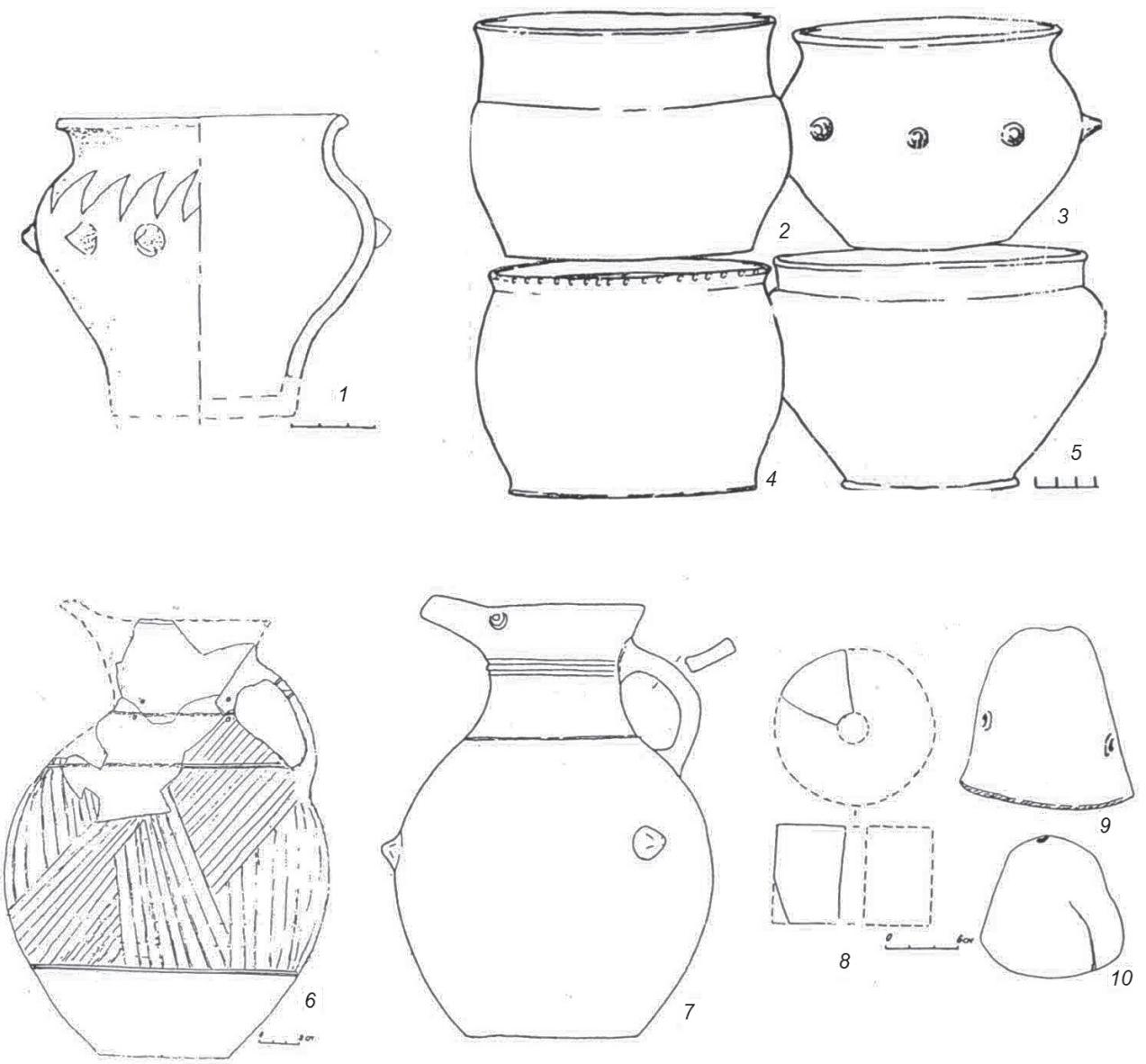


Рис. 2. Изделия поздних сармат предсалтовского времени в Восточной Европе (турбаслинско-именьковская общность. 1 – Полянское селище именьковской культуры в Татарстане; 2–5 – керамика из мордовских могильников; 6 – погр. 86 II Коминтерновского могильника, 7 – алано-сарматский кувшин из могильника Мокрая Балка; 8–9 – сармато-аланские культовые поделки из именьковских памятников второй половины VI в.

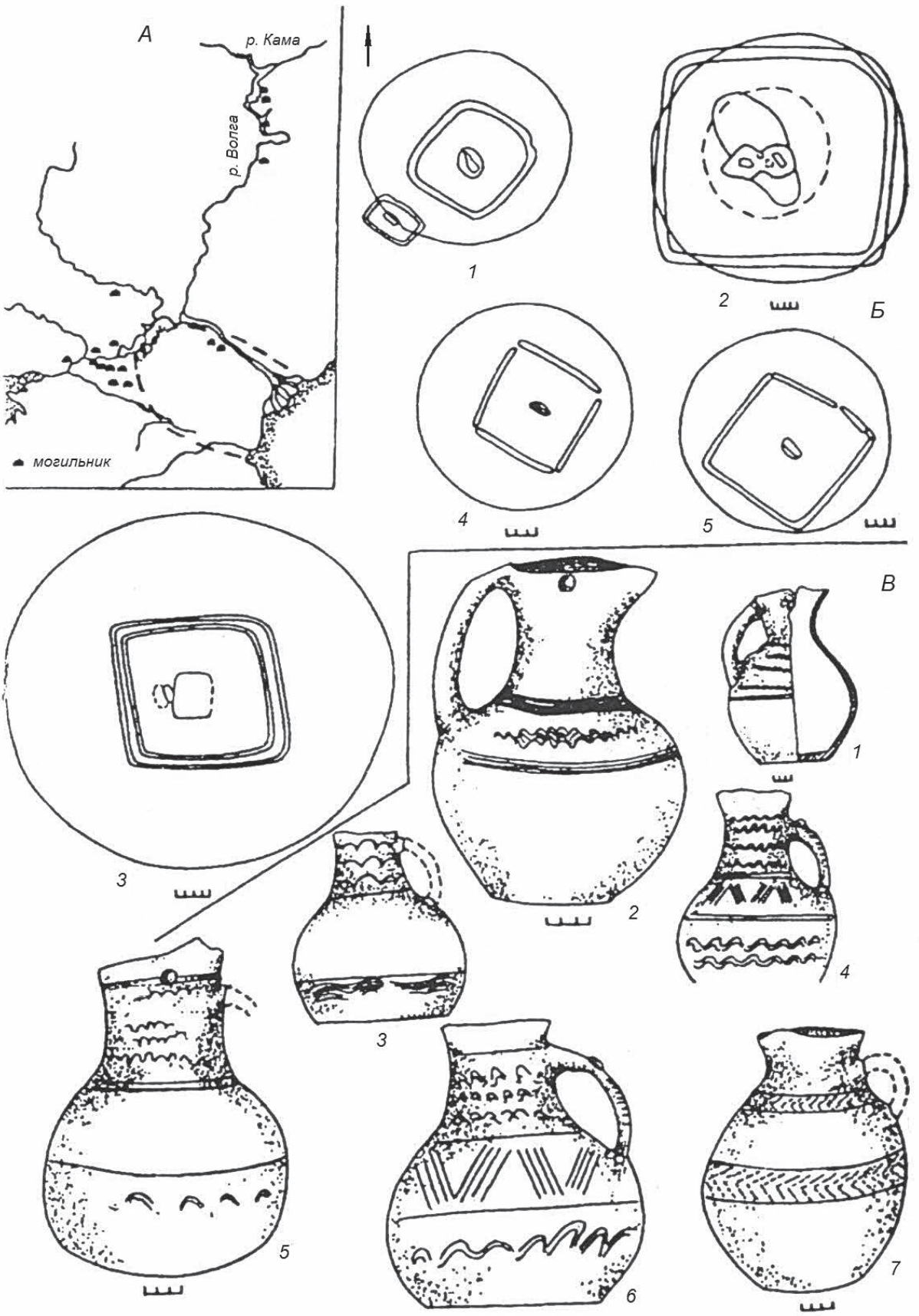


Рис. 3. Локализация хазарских погребений, керамика (могильники Кривая Лука, Танкеевский).
А – могильники, Б – планы погребений. В – керамика.

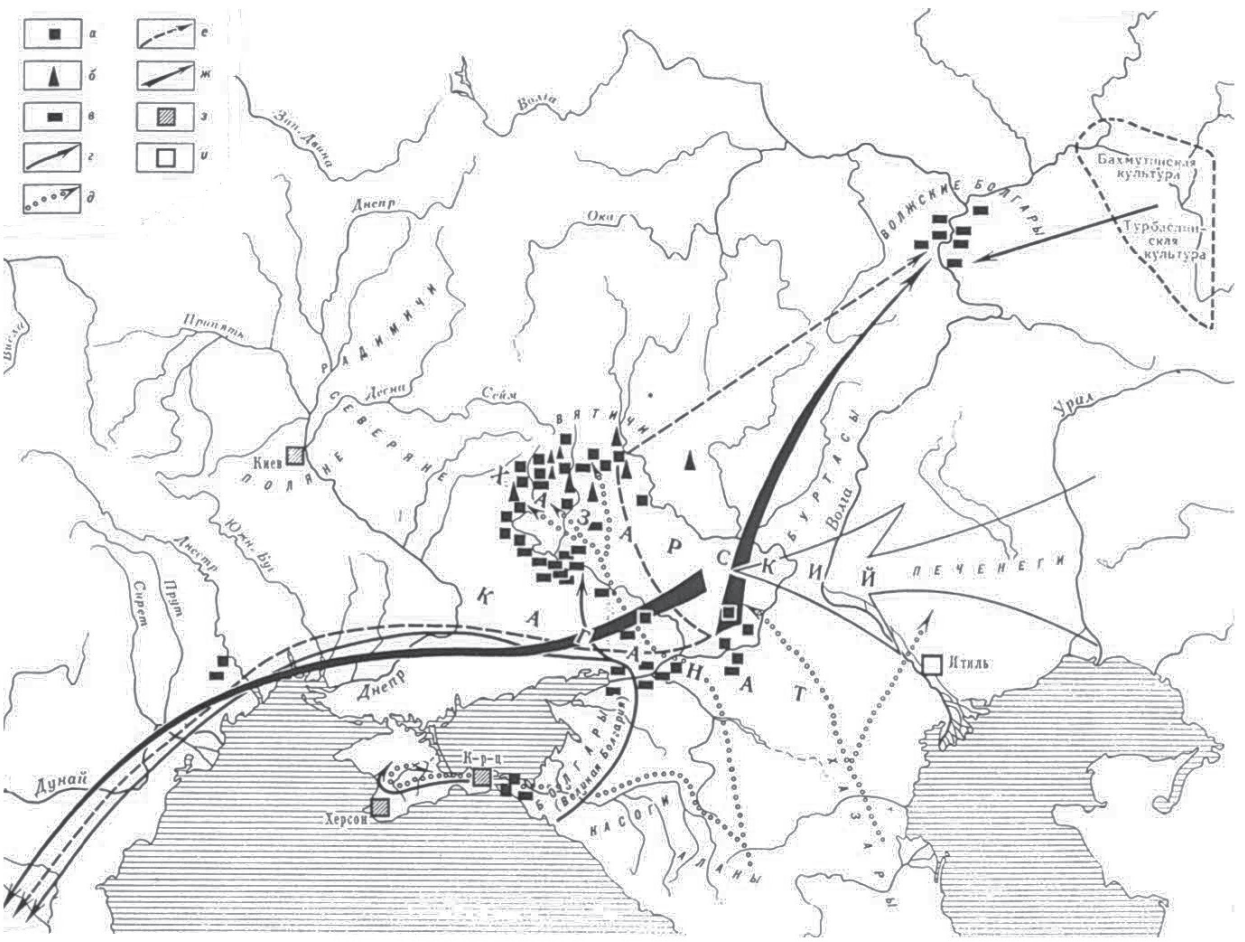


Рис. 4. Историческая карта Хазарского каганата (по С.А. Плетневой): а – городища. б – катакомбные могильники, в – ямные могильники, г – перекочевка праболгар в VII в., д – переселение алан, авар и хазар в VIII в., е – переселение праболгар в начале IX в., ж – переселение праболгар в начале X в., з – русский город, и – предполагаемое место г. Итиль.

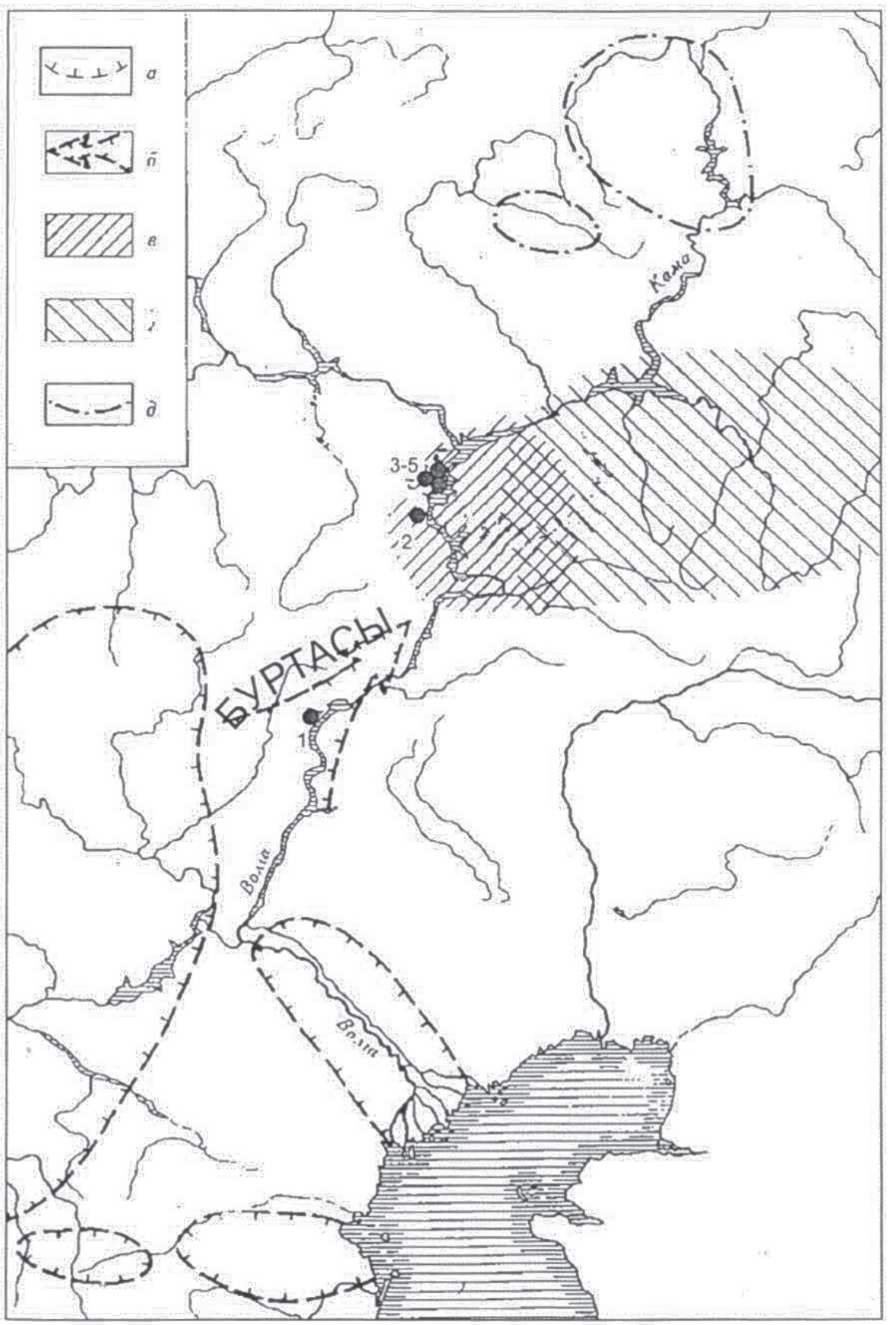


Рис. 5. Этнокультурная ситуация Урало-Поволжья в раннеболгарский период: а – районы концентрации болгаро-салтовских памятников, б – направление движения болгаро-салтовских племен в Среднее Поволжье, в – территория ранней Волжской Булгарии, г – территория кушнаренковской общности (до мадьяро-кушнаренковской конфронтации), д – территория ломоватовской и поломской культур.

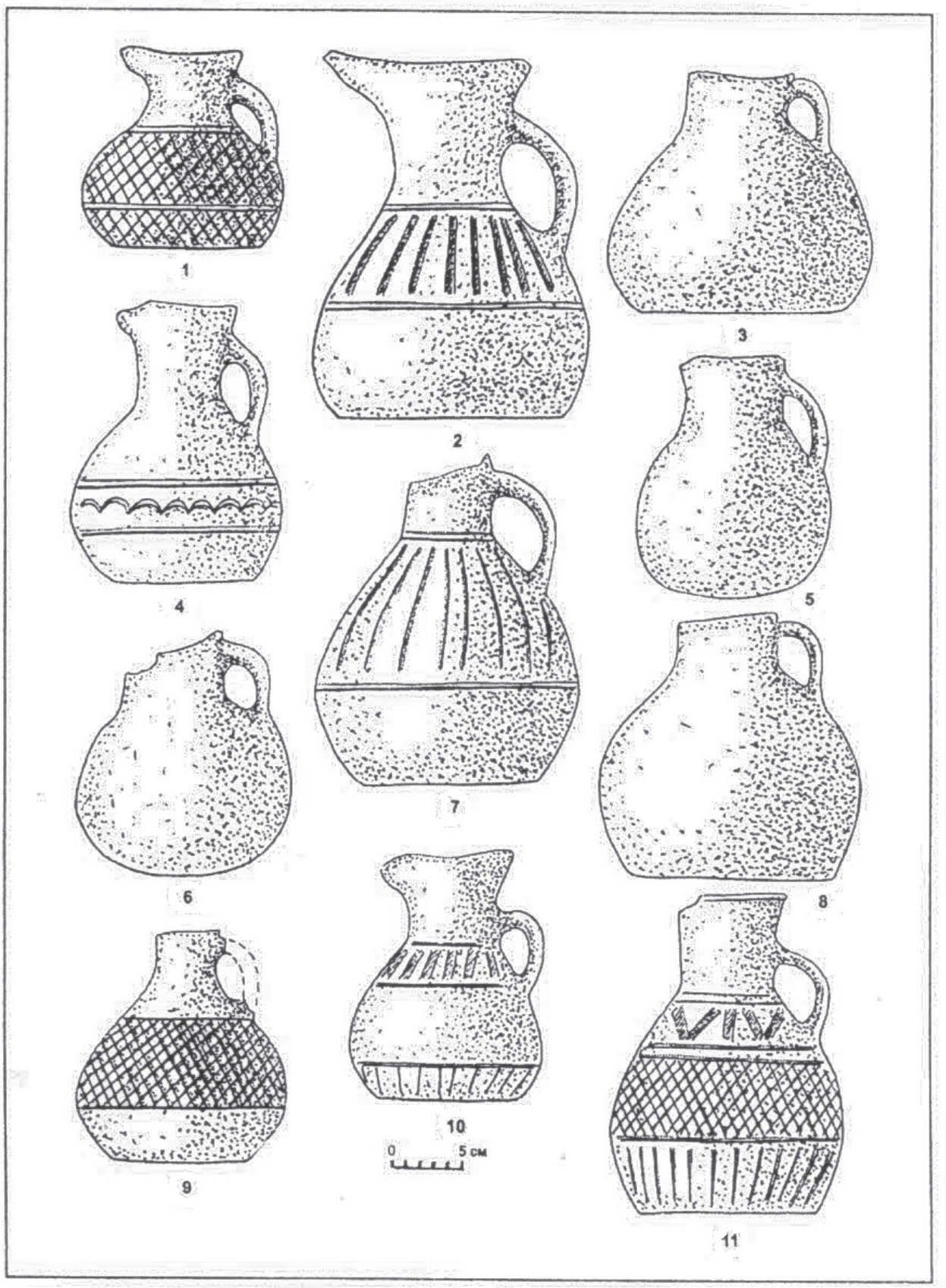


Рис. 6. Болгаро-салтовские круговые кувшины, Такеевский могильник.

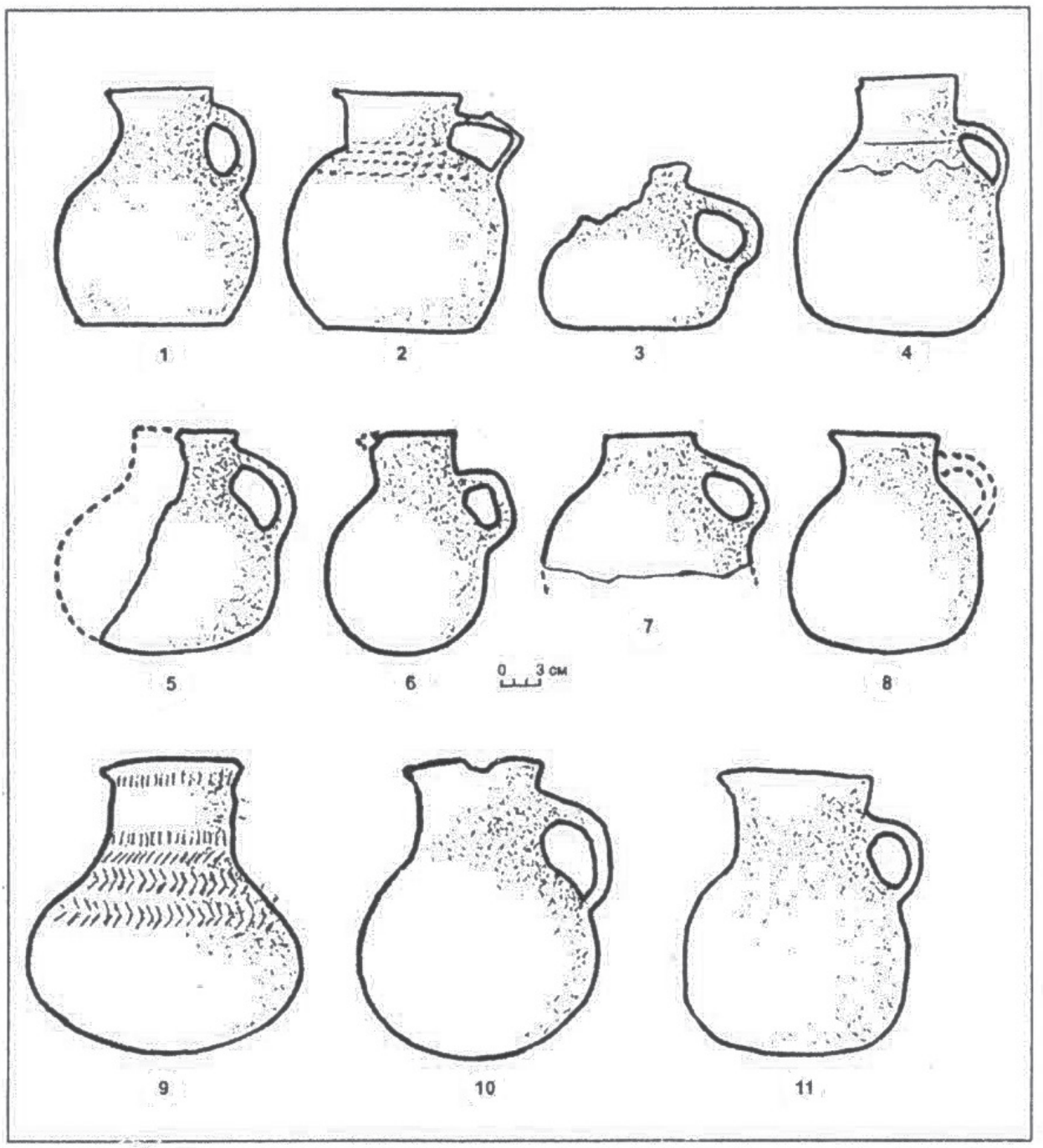


Рис. 7. Болгаро-салтовские лепные одноручные кувшины (подражания), Танкеевский могильник.

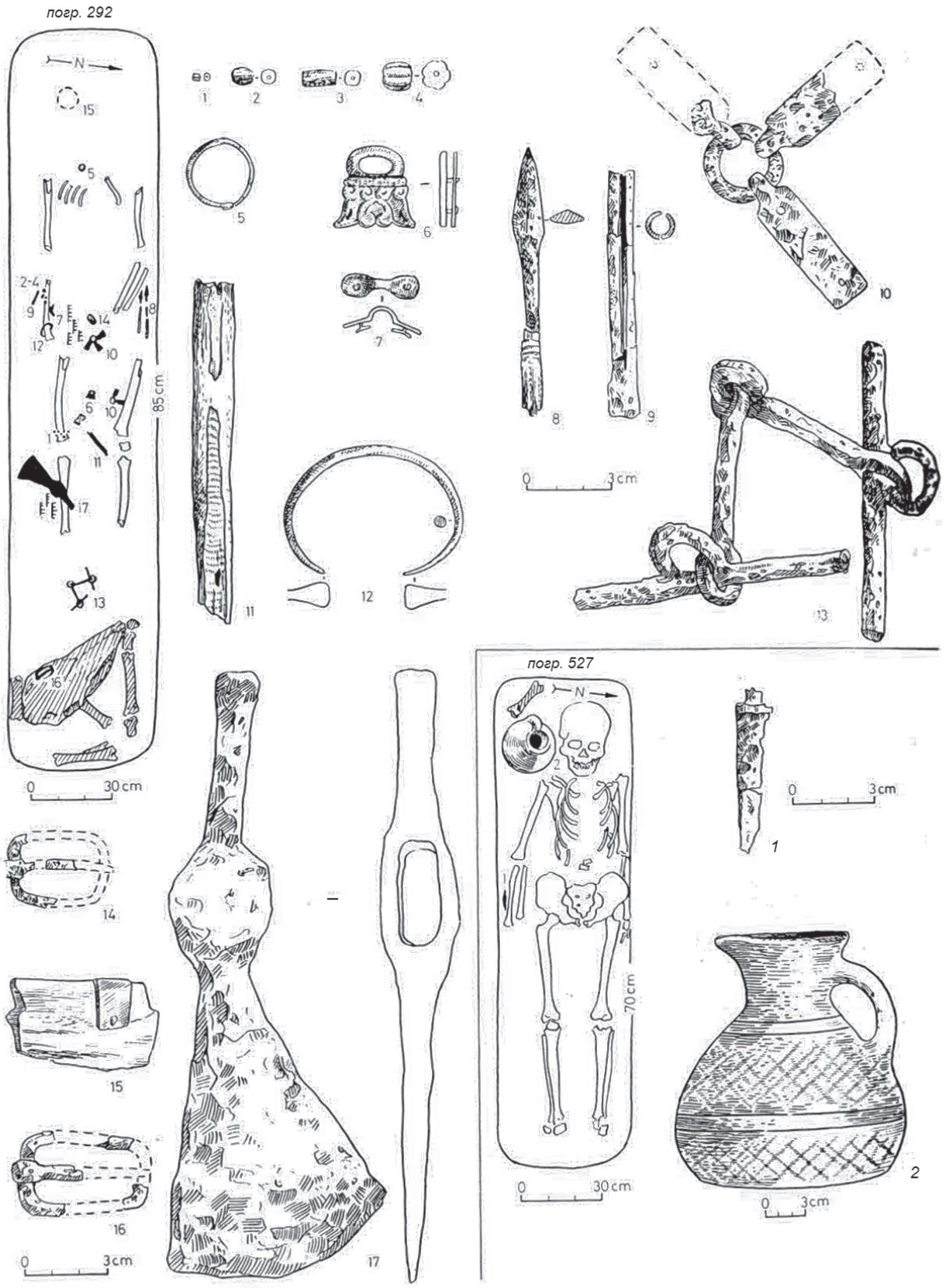


Рис. 8. Болгаро-салтовское (погр. 527) и буртасское (погр. 292) захоронения, Танкеевский могильник.

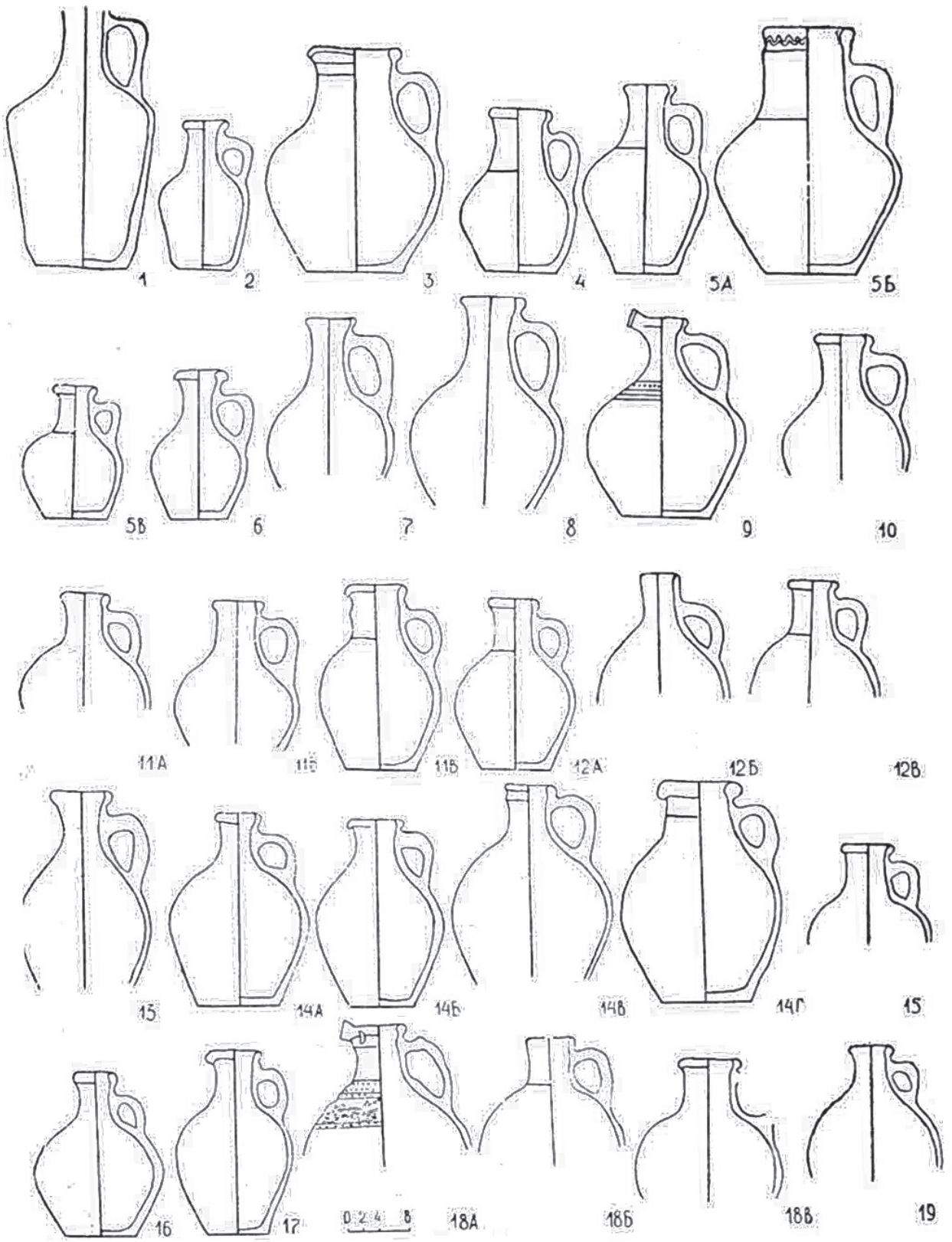


Рис. 9. Классификация типов керамики Билярского городища, привнесенной в Волжскую Булгарию с второй волной болгаро-салтовского населения (по А.Ф. Кочкиной).

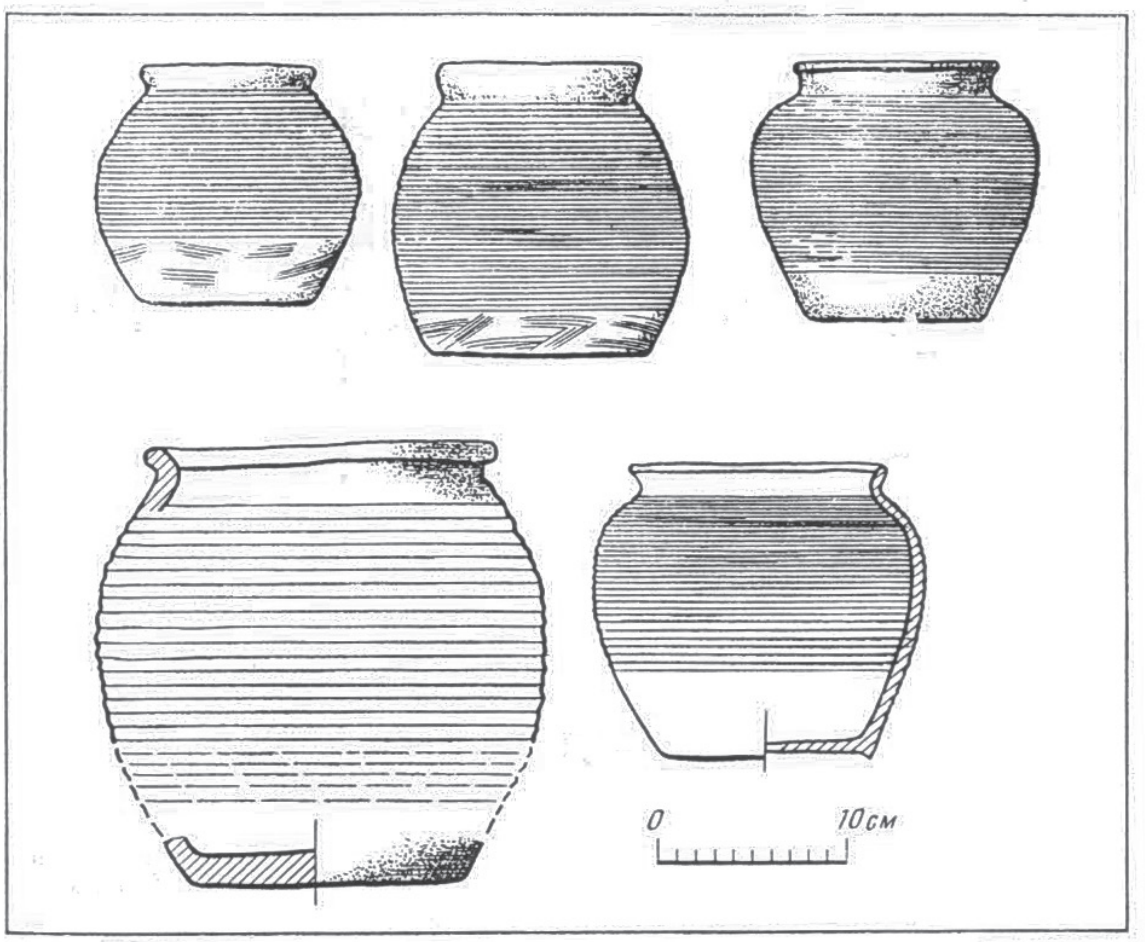


Рис. 10. Сосуды с рифленой орнаментацией салтово-маяцкой культуры, Маяцкое городище.

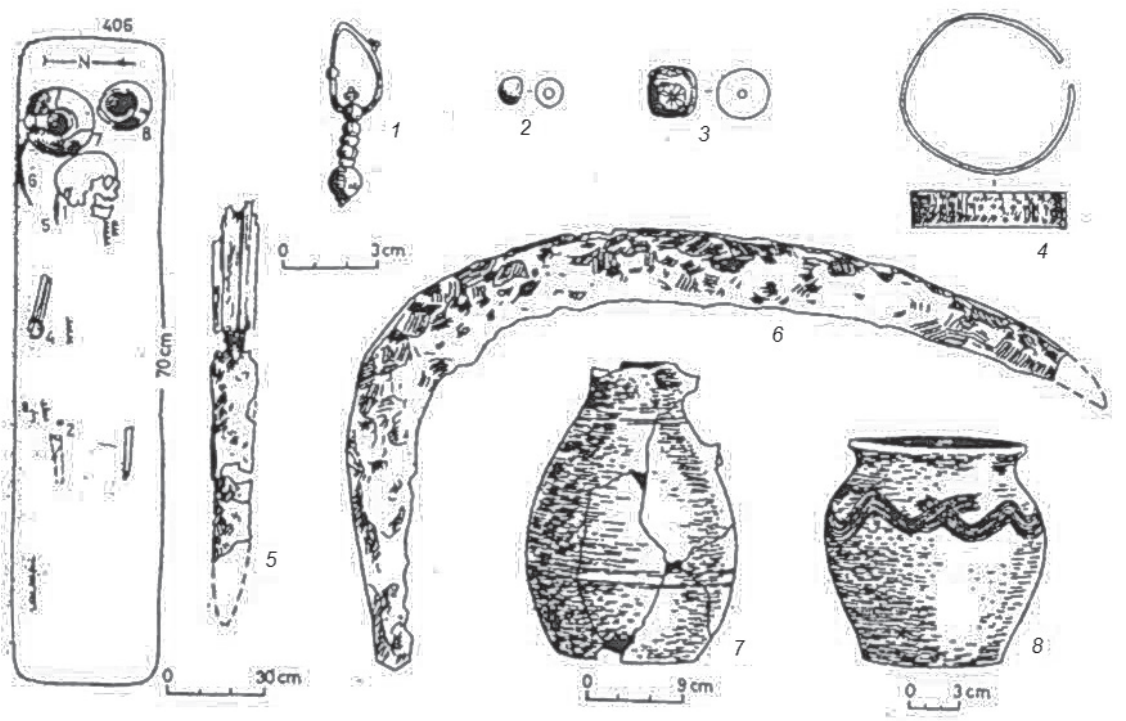


Рис. 11. План и вещевой комплекс погребения 406 из поздней части Танкеевского могильника:
1-4 – бронза; 2, 3 – стекло, 5, 6 – железо; 7, 8 – керамика.

УДК 902/904

ФОРТИФИКАЦИЯ ГОРОДИЩ БАХМУТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ УФИМСКО-БЕЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

© А.Г. Колонских

FORTIFICATIONS OF BACHMUTINO CULTURE HILLFORTS OF THE UFA-BELAYA INTERFLUVES

Рассматривается фортификация раннесредневековых городищ бахмутинской культуры Уфимско-Бельского междуречья. На основе анализа топографических особенностей и укреплений городищ выделены группы памятников, которые отражают поселенческие традиции раннесредневекового населения. Установлено, что городищам бахмутинской археологической культуры свойственны определенные характерные черты, выраженные в выборе населением площадок поселений и устройстве основных и дополнительных линий укреплений (вал, ров, гласис, эскарп). Сравнение бахмутинских городищ с городищами, оставленными предшествующим ананьинским, пьяноборским и кара-абызским населением эпохи раннего железного века и последующим (кушнаренковская, кара-якуповская, чияликская культуры) раннего средневековья, указывает на наличие определенного типа поселений, характерных именно носителям бахмутинских культурных стереотипов.

Ключевые слова: Уфимско-Бельское междуречье, раннее средневековье, бахмутинская культура, топография, фортификация.

The paper considers the fortification of the early medieval hillforts of the Bakhmutino culture of the Ufa-Belaya interfluve area. Based on the analysis of topographical features and fortifications of fortified settlements, the groups of monuments that reflect the settlement traditions of the early medieval population have been singled out. It has been established that the ancient sites of the Bakhmutino culture were characterized by certain features, expressed in the choice of ground for settlements and in the arrangement of basic and additional lines of fortifications (wall, moat, glacis, escarp). Comparison of the Bakhmutino fortifications with the ancient fortresses left by the Ananinyino, Pyanyi Bor and Kara-Abyz population of the early Iron Age and the subsequent (Kushnarenkovo, Kara-Yakupovo, Chiyalik cultures) of the early Middle Ages indicates the existence of a certain type of settlements characteristic of the carriers of Bakhmutino cultural stereotypes.

Keywords: archaeology, Ufa-Belaya interfluves area, the early Middle Ages, Bakhmutino culture, topography, fortification.

Укрепленные поселения Уфимско-Бельского междуречья функционируют в широком хронологическом диапазоне, начиная с эпохи раннего железного века (ананьинская археологическая культура), вплоть до примеров использования укрепленных площадок городищ предшествующих эпох населением ранних этапов (постпетрогромский, мрясимовский) чияликской культуры (Овсянников, 2012, с. 218; Гарустович, 2015, с. 185). Наиболее широкое использование подобного типа поселений приходится на момент бытования памятников бахмутинской культуры. В это время количество городищ аналогичного типа значительно превышает их число, как в предыдущие, так и в последующие эпохи (Иванов, Останина, 1983, с. 104; Бахшиев, Колонских, 2015, с. 60).

Исследованиями бахмутинских городищ в Уфимско-Бельском междуречье занимались в свое время В.В. Гольмстен, А.В. Шмидт, Н.А. Мажитов, Г.И. Матвеева, В.А. Иванов, Т.И. Останина, Ю.А. Морозов, Б.Б. Агеев, В.В. Овсянников, Ф.А. Сунгатов (Колонских, 2014, с. 354–356). Однако до сих пор мы не имеем четкой картины использования площадок поселений. Стационарные раскопки, проводившиеся на девяти однослойных объектах, не выявили четких следов проживания или производства на площадках памятников. Известно лишь о четырех остатках прямоугольных, слабо углубленных в материк жилищ, исследованных на Кансияровском, Юмакаевском и Казакларовском I городищах (Мажитов, 1959. с. 99–100; Матвеева, 1970, с. 8–9; Иванов, 1981, с. 3–4). Фортификацион-

ные сооружения исследованы на Варьязском, Казакларовском I и Бажинском (Каменная гора) городищах (Иванов, 1974; Иванов, 1981, Сунгатов, 2000).

Довольно часто на площадках городищ бахмутинской культуры залегают материалы предшествующих бахмутинской – ананьинской, пьяноборской и кара-абызкой археологических культур эпохи раннего железного века. По мнению некоторых исследователей, данное население генетически родственно раннесредневековому населению бахмутинской археологической культуры (Мажитов, 2012, с. 125; Голдина, 1999, с. 307, 309; Овсянников, 2009, с. 233). В меньшей степени известны городища, материал которых наряду с бахмутинским связан с населением турбаслинской, кушнаренковской, кара-якуповской и чияликской культур (рис. 1) (Матвеева, 1966, с. 12–14, 16; Русланов и др., 2016, с. 58; Овсянников, Сунгатов, с. 237).

Основным источником раннесредневековых городищ, определяющим принадлежность к бахмутинской археологической культуре, становятся подчас сильно фрагментированные обломки лепной керамики. В ходе исследования В.В. Овсянниковым и Ф.А. Сунгатовым городища Каменная гора (Бажинское) авторами публикации разработана классификация бахмутинской керамики. Керамика выделенных исследователями типов на памятниках, в границах Уфимско-Бельского междуречья, довольно часто залегает совместно (Овсянников, Сунгатов, 2004, с. 218–240).

Наличие данного вида керамического материала на городище, определило включение поселения в базу данных настоящего исследования.

Цель исследования – анализ топографии и конфигурации фортификационных сооружений городищ бахмутинской культуры.

Для возможности сравнения и выявления особенностей, кроме собственно городищ бахмутинской культуры, в работе привлекаются данные объектов предшествующей и последующей эпох, расположенных в границах Уфимско-Бельского региона и непосредственной к нему близости.

В результате базу данных сформировали 105 городищ ананьинской (2 объекта), пьяноборской (17 объектов), кара-абызской (12 объектов), бахмутинской (44 объекта), кушнаренковской и караякуповской (4 объекта) археологических культур, а также 26 укрепленных поселений, площадки которых заселялись несколько раз (табл. 1). Все указанные памятники расположены в бассейне р. Белой (включая левый приток р. Сюнь), от устья р. Сим до впадения в р. Каму и бассейне р. Уфа. Отметим, что ввиду многочисленных примеров разрушения площадок городищ, в выборку включены объекты, конфигурация площадок и линий укреплений которых поддаются реконструкции. Источниками для проведения исследования стали справочные материалы, публикации и отчеты по результатам многолетних экспедиций на территории Южного Приуралья, а также самостоятельные полевые исследования автора.

Ближайшее рассмотрение количества линий укреплений городищ дало вполне предсказуемые результаты (табл. 2). Как в эпоху раннего железа, так и в раннем средневековье преобладают городища с одной линией укреплений (66 объектов) и составляют около 63% от общего количества. Почти третья часть (28 объектов) городищ укреплена двумя валами. Стоит заметить, что все поселения, укрепленные более чем тремя линиями фортификации, являются многослойными, то есть площадки этих городищ заселялись как в эпоху раннего железного века, так и в средневековье.

В свою очередь, обращает на себя внимание то, что для населения бахмутинской культуры в Уфимско-Бельском междуречье устройство одной линии укреплений наиболее традиционно (32 объекта, 73%). Кроме того, для однослойных бахмутинских городищ нам не известны примеры устройства более чем трех основных линий фортификации. Городища Барьязинское, Бирское (Чертово), Камышинское I Тра-Тау, укреплены 4–6 линиями валов и рвов, однако эти памятники многослойны и существовали довольно продолжительное время, при этом точных сведений о времени сооружения на них линий фортификации нам не известны.

Уникальным в плане количества валов на площадке городища является Юмакаевское городище (рис. 2). Памятник открыт Н.А. Мажитовым и Г.В. Юсуповым в 1956 г. В 1957 г. раскопки на нем проводил первооткрыватель, а в 1969 г. стационарные исследования проведены Г.И. Матвеевой (Мажитов, 1957, с. 23–27, 41; Матвеева, 1969, с. 1–11, рис. 2–5). В соответствии с описаниями Н.А. Мажитова на площадке городища зафиксировано девять валов. При этом стоить заметить, что шесть из них находятся на южном окончании мыса. Данные фортификационные элементы не имеют рвов и на наш взгляд

служат не основным, а дополнительным типом фортификации. Подобные укрепления известны по материалам булгарских городищ (Ивашкинское, Красногорское, Старокамкинское и Чуру–Барышевское городища) домонгольского времени (Губайдуллин, 2015, с. 299–301). Поселения, укрепления которых расположены на склонах мысовых стрелок, хорошо известны и в Уфимско-Бельском междуречье уже в эпоху раннего железного века: Серенькино, Кипчаковское, Кызыл-Юлдузское, Кызыл-Ярское, Умировское, Акбердинское III городища (табл. 1). По мнению некоторых исследователей, данный вид дополнительной фортификации возникает именно в пьяноборское время (Борзунов, Новиченков, 1988. с. 94). Интересным наблюдением является то, что для бахмутинского населения также отмечены примеры использования дополнительных валов на Кансияровском, Сорвихинском, Юмакаевском, Баразинском, Чандарском городищах. Валы на конце мысовой части площадки зафиксированы также на Кувыковском городище, укрепления которого не исследовались, а наряду с преобладающим археологическим материалом бахмутинской культуры встречена керамика кушнаренковского и турбаслинского типов (Матвеева, 1966, с. 12–14).

К дополнительным фортификационным сооружениям можно отнести и примеры террасирования склонов городищ (эскарп). Подобные виды укреплений для эпохи раннего железа известны лишь на двух караабызских городищах – Акбердинского II и Акбердинское III (Овсянников, 2003; 2005). Совсем иначе в этом плане обстоят дела с раннесредневековыми городищами. Яркими примерами устройства эскарпов вдоль склонов городищ служат городища Шульгановское, Урское, Краснохолмское, Юг-Хуторское, Сорвихинское и др. Всего на сегодня известно о 22 памятниках бахмутинской культуры, имеющих следы эскарпирования склонов. Использование данного вида фортификации зафиксировано и на кушнаренковских и караякуповских городищах (Старо-Калмашевское и Кара-Якуповское городища).

Особое внимание привлекает своеобразная конструкция основных линий укреплений, встреченная на 21 городище, 17 из которых являются однослойными памятниками бахмутинской культуры (Исхаковское, Кудашевское, Юг-Хуторское, Краснохолмское, внутренний вал Югамашевского I, Сараштыбашевское, Шульгановское, Казакларовское III и др. городища). Стационарные исследования подобного рода укреплений в регионе не проводились.

Фортификационные сооружения в этом случае устраивались непосредственно с использованием естественного положительного рельефа укрепляемых площадок (Агеев, 1989, с. 14, 23; Колонских, 2017, с. 26, 28–29, рис. 48, 63). Можно предположить, что естественная возвышенность подрезалась (эскарпировалась), на месте ее основания выкапывался ров, а грунт, предположительно изъятый при рытье, укладывался поверх эскарпа (рис. 3). Автор прекрасно понимает, что для подтверждения данного тезиса необходимо проведение стационарных полевых исследований, однако, своеобразие данной конструкции на данный момент кажется вполне очевидной. Кроме того, высота дошедших до нас подобных «валов-эскарпов» с напольной стороны порой в несколько раз превышает высоту насыпи от укрепленной площадки расположенной за валом с мысовой части городища (рис. 4).

Подобные фортификационные сооружения не являются новацией местного раннесредневекового населения бахмутинской культуры, примеры их широко известны на памятниках эпохи железа и раннего средневековья соседних территорий. В центральных регионах это укрепленные древнерусские поселения, в Поволжье – поселения булгар, восточнее Уральского хребта – городища позднего этапа железного века баитовской археологической культуры и памятники, оставленные саргатским и гороховским населением (Губайдуллин, 2002, с. 34; Раппопорт, 1965, с. 12; Рафикова и др., 2013, с. 49–50).

Не менее интересным наблюдением является еще один вид фортификации – гласис (Губайдуллин, 2003, с. 38). Наиболее отчетливо следы подобного сооружения визуально фиксируются на Кудашевском, Краснохолмском, Исхаковском и Янтузовском городищах бахмутинской культуры (рис. 4: 1).

Не менее интересным оказались и наблюдения за городищами (11 объектов), имеющими кольцевую линию обороны. Данная форма фортификации имеет наибольшее распространение (7 однослойных объектов) на памятниках пьяноборской археологической культуры. Два объекта оставлены бахмутинским населением, еще два объекта функционировали как в пьяноборскую, так и в бахмутинскую эпоху.

Своеобразные выводы дал анализ топографических особенностей площадок городищ. Наибольшее количество городищ

расположено на вершине коренной террасы (51 объект, рис. 5: 1), 28 объектов расположено на мысовидных выступах береговых террас (рис. 5: 2), 12 объектов находятся на отдельно стоящих возвышенностях, горах или холмах (рис. 5: 3), 9 городищ занимают отроги водоразделов, расположенные в глубине террасы (рис. 5: 4), 3 городища располагаются на останцах (рис. 5: 5), 2 – на стрелках образованных поворотом реки (рис. 5: 6). При этом большинство пьяноборских городищ расположено на краю коренных террас, кара-абызских – на мысовидных выступах коренных террас, а бахмутинские городища представлены более широкой топографией, формами укрепленных площадок и конфигурацией линий обороны (табл. 2; рис. 6, 7). Во-первых, это объяснимо с точки зрения преобладающего количества, а во-вторых, тем, что население бахмутинской культуры более плотно осваивала территорию не только крупнейших водоемов региона, но и их притоков или как утверждалось ранее «спустилось» с высоких террас крупных рек (Останина, 1997, с. 86).

Характерным для бахмутинской культуры является тип городищ, расположенных на отдельно стоящих возвышенностях, горах и холмах (табл. 2; рис. 5: 3). Довольно часто подобные элементы ландшафта на современных топографических картах обозначены как горы (Калатау, Уаратау, Кызтау, Ялантау, Такмантау, Кармигурезь и т.д.), кроме того, данные возвышенности в рельефе имеют схожие названия и у местного населения (Калатау, Красный Холм, Калай-Туба, Кылыс-Тау и т.д.) (Тузбеков, Колонских, 2016, с. 118). Подобный вид памятников в Уфимско-Бельском междуречье практически не известен ни в предшествующую, ни в последующую эпохи (Иванов, 1984, с. 67).

Примечательно, что существует некоторая взаимосвязь в топографии и фортификации городищ бахмутинской культуры, а именно: 9 однослойных укрепленных поселений, расположенных на отдельно стоящих возвышенностях, имеют четкие следы фортификационных сооружений, приуроченных к естественным возвышенностям (табл. 1, 2). Данная взаимосвязь известна лишь для бахмутинских городищ Уфимско-Бельского междуречья.

Таким образом, проведенные наблюдения позволяют выявить некоторые характерные особенности укрепленных площадок городищ бахмутинской культуры в Уфимско-Бельском междуречье. С одной стороны, полученные выводы отчасти повторяют выводы предыдущих исследований (Овсянников, 1997, с. 11; Иванов, Останина, 1983. с. 108–112; Иванов, 1984, с. 65–67; Останина, 1997, с. 87–91). Это преимущественно однорядная система укреплений, которая известна на 32 однослойных бахмутинских поселениях. Во-вторых, применение эскарпов (22 объекта). Данный признак довольно редко встречается в Уфимско-Бельском междуречье в эпоху раннего железного века, в частности, для укрепленных поселений ананьинской и пьяноборской культуры он и вовсе не известен. Кроме этого, характерной для бахмутинских укреплений является прямая или несколько изогнутая форма вала, которая довольно часто встречена и на кара-абызских городищах. Наименее характерна для бахмутинских городищ (2 объекта) и особенно часто встречаемая на укрепленных площадках пьяноборских городищ (7 объектов) кольцевая форма вала.

Форма площадок городищ в Уфимско-Бельском междуречье очень часто имеет прямую зависимость от топографии их расположения. Расположенные на краю ровных коренных террас крупных рек, пьяноборские городища чаще имеют подтреугольную форму. Укрепленные площадки кара-абызских городищ тоже имеют довольно очевидную приуроченность к крупнейшей водной артерии региона р. Белой, потому их поселения чаще занимают площадки коренных террас и мысовидных выступов этих террас. Совсем иная ситуация с городищами бахмутинской археологической культуры. В этом плане можно расширить некоторые выводы предыдущих исследований. Мысовой тип городищ бахмутинской культуры имеет такие же отличия, как отличны мысовидные выступы коренной террасы р. Белой и Уфы от мысов и отрогов водоразделов рр. Быстрый Танып, Буй, Гарейка, Юг. Так, к примеру, мыс Камышинского-I, Бустанаевского, Казакларовского-I и Сандугачевского городищ, на наш взгляд, вещи совершенно различные, а потому в работе были применены дополнительные признаки, которые встречены не только на материалах городищ бахмутинской кульруы.

Определенным маркером системы фортификации городищ в Уфимско-бельском междуречье являются виды дополнительной фортификации. Многие городища бахмутинской культуры имеют следы террасирования склонов (22 объекта) и дополнительных валов на конце мысовой части площадок (6 объектов). При этом примеры устройства допол-

нительных валов на склонах стрелок мыса известны в пьяноборсокое время, а эскарпы вдоль склонов площадок городищ – традиция, возникшая, скорее всего, в эпоху раннего средневековья.

Наиболее ярким примером, характерным для городищ бахмутинской культуры, является устройство своеобразных видов основных линий фортификации с использованием естественного положительного рельефа площадок и устройство укрепленных поселений на отдельно стоящих возвышенностях. Два этих признака довольно часто встречены совместно (9 городищ).

В результате вполне очевидным выводом является утверждение, что традиции выбора площадок городищ бахмутинским населением, а также устройства на них фортификационных сооружений своими корнями уходят в эпоху раннего железного века. При этом в бахмутинское время появляются и некоторые черты, не характерные предшествующему населению. Определение их истоков как внутреннего развития военно-инженерных традиций или как привнесенного компонента возможно лишь при дальнейшем исследовании данного корпуса источников.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Агеев Б.Б. Научный отчет об итогах полевых исследований в 1988 г. Уфа, 1989.

Бахшиев И.И., Колонских А.Г. Методы пространственного анализа в характеристике поселенческой структуры населения бахмутинской культуры Уфимско-Бельского междуречья // Поволжская археология. 2016. № 3 (17). С. 59–82.

Борзунов В.А., Новиченков Н.Н. Ранние укрепленные поселения финно-угров Урала // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Свердловск: УрГУ, 1988. 160 с.

Гарустович Г.Н. Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // Уфимский археологический вестник. 2015. Вып. 15. С. 181–198.

Гольмстен В.В. Отчеты о произведенных археологических раскопках в 1910, 1911 и 1912 гг. на Чортовом городище (близ г. Уфы), на могильнике близ него и на месте бывшего Вознесенского монастыря на р. Усолке (в Гафурийском районе) / Архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 5. Д. 32.

Губайдуллин А.М. Фортификация городищ Волжской Булгарии / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2002. 232 с.

Губайдуллин А.М. Фортификационный словарь. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2003. 104 с.

Губайдуллин А.М. О дополнительных укреплениях средневековых городищ // Филология и культура. Philology and culture. 2015. № 2(40). С. 299–302.

Иванов В.А. Отчет о раскопках памятников, расположенных в бассейне рек Белой и Уфы, по открытому листу № 327. Уфа, 1975 // Архив археологической лаборатории БашГУ. Ф 6. Д. 13.

Иванов В.А. Отчет о разведках и раскопках в Башкирской АССР. Уфа, 1981 // Архив ИЭИ УНЦ РАН.

Иванов В.А., Останина Т.И. К вопросу о бахмутинско-мазунинской проблеме (по материалам поселений) // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа: БФАН СССР, 1983. С. 104–127.

Колонских А.Г. Динамика накопления данных и история изучения археологических памятников бахмутинской культуры // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 7. Том 1. С. 353–360.

Колонских А.Г. Научный отчет об итогах разведочных археологических исследований на территории Дюртюлинского, Калтасинского, Янаульского и Бураевского районов Республики Башкортостан в 2015 г. Уфа, 2017 / Архив ИЭИ УНЦ РАН.

Мажитов Н.А. Научный отчет об археологической экспедиции в Бураевский и Балтачевский районы Башкирской АССР за 1957 г. Уфа, 1958 / Научный архив УНЦ РАН. Ф. 1, оп. 6, д. 11.

Мажитов Н.А. Научный отчет о результатах археологической экспедиции в Бирский, Бураевский, Балтачевский и Калтасинский районы БАССР за 1959 г. Уфа, 1959 // Научный архив УНЦ РАН. Ф. 3, оп. 2, д. 459.

Матвеева Г.И. Отчет археологической экспедиции Башкирского университета за 1965. Уфа, 1966 // Архив археологической лаборатории БашГУ. Ф. 3, д. 4.

Матвеева Г.И. Отчет археологической экспедиции БГУ. Уфа, 1970 // Научный архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1, оп. 1, кн. 7, д. 3951.

Овсянников В.В. Вооружение и военное дело населения лесостепного Урала в эпоху средневековья (V–XIV вв.). Автореф. дис. … канд. ист. наук. Уфа, 1997. 19 с.

Овсянников В.В. Научный отчет о полевых исследованиях, проведенных в Иглинском районе в 2003 году. Уфа, 2003 // Научный архив УНЦ РАН. Ф. 3, оп. 2, д. 1031.

Овсянников В.В. Научный отчет об археологических работах в Иглинском районе и на территории г. Уфы в 2005 г. Уфа, 2005 // Научный архив УНЦ РАН. Ф. 3, оп. 2, д. 1037.

Овсянников В.В. Население лесостепной зоны Приуралья. Ананьинская культура // История башкирского народа (в семи томах). Том. 1 // Ред. В.В. Овсянников, В.К. Федоров, Ф.Г. Хисамитдинова. М.: Наука, 2009. С. 213–223.

Овсянников В.В., Сунгатов Ф.А. Городище Каменная гора в среднем течении р. Уфы // Уфимский археологический вестник. Вып. 5 / Ред. В.Г. Котов, Н.С. Савельев, А.Х. Пшеничнюк. Уфа, 2004. С. 218–240.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. / Отв. ред. В.В. Седов. Ижевск: Удм. ИИЯЛ УрО РАН, 1997. 328 с.

Раппопорт П.А. Древние русские крепости. М.: Наука, 1965. 87 с.

Рафикова Т.Н., Берлина С.В., Кайдалов А.И., Сечко Е.А. Фортификации раннего и развитого средневековья лесостепного и подтаежного Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 4 (23). С. 42–51.

Русланов Е.В., Шамсутдинов М.Р., Романов А.А. Раннесредневековые древности Уфимского полуострова. Городище Уфа-II. Материалы археологических раскопок 2015 года. Уфа: Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа», 2016. 266 с.

Сунгатов Ф.А. Научный отчет о раскопках Бажинского (Каменная гора) городища в 1998. Уфа, 2000 // Научный архив ИЭИ УНЦ РАН. Ф. 3, оп. 2а, д. 58.

Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук / Приложение к № 8–9 // Хозяйство Башкирии. Уфа: Изд. Госплана Башкирской СССР. 1929. 28 с.

Таблица 1. Исследуемые городища

№	Название	Эпоха	Культура*	К-во валов	Вал-эскарп	Эскарп склонов	Доп. вал	Форма вала	Топогр.	Форма**
1	Сандугачское	РСВ	бахм.	1	нет	нет	нет	дуга	гора	язык.
2	Афанасьевское	РСВ	бахм.	1	нет	нет	нет	полукруг	мыс	округ.
3	Кансияровское	РСВ	бахм.	3	есть	есть	есть	прям.	мыс	сложн.
4	Тучубаевское	РСВ	бахм.	1	нет	есть	есть	дуга	мыс	прям.
5	Урское	РСВ	бахм.	1	есть	есть	нет	кольцо	гора	округ.
6	Имяновское	РСВ	бахм.	1	есть	есть	нет	полукруг	гора	округ.
7	Сорвихинское	РСВ	бахм.	1	нет	есть	есть	дуга	мыс	сложн.
8	Вознесенское	РСВ	бахм.	2	нет	нет	нет	полукруг	терраса	треуг.
9	Ново-Кульчубаево	РСВ	бахм.	2	нет	нет	нет	дуга	мыс	округ.
10	Пономаревское	РСВ	бахм.	1	нет	нет	нет	дуга	отрог	округ.
11	Поповское	РСВ	бахм.	1	нет	нет	нет	полукруг	терраса	треуг.
12	Ново-Петровское	РСВ	бахм.	1	нет	есть	нет	дуга	терраса	прям.
13	Янтузовское	РСВ	бахм.	2	есть	нет	нет	полукруг	терраса	треуг.
14	Михайло-Никольск-2	РСВ	бахм.	1	нет	есть	нет	прям.	терраса	язык.
15	Михайло-Никольск-5	РСВ	бахм.	1	нет	нет	нет	прям.	терраса	прям.
16	Варьязское	РСВ	бахм.	2	нет	нет	нет	дуга	терраса	язык.
17	Богородское	РСВ	бахм.	1	нет	нет	нет	н.д.	гора	округ.

18	Бустанаевское	РСВ	бахм.	1	есть	нет	нет	прям.	отрог	язык.
19	Кудашевское	РСВ	бахм.	1	есть	нет	нет	прям.	мыс	язык.
20	Кудашевское 2	РСВ	бахм.	3	нет	есть	нет	дуга	мыс	язык.
21	Юмакаевское	РСВ	бахм.	3	есть	есть	есть	дуга	мыс	язык.
22	Ардашевское	РСВ	бахм.	2	нет	нет	нет	прям.	отрог	язык.
23	Баразинское	РСВ	бахм.	2	нет	есть	есть	дуга	отрог	язык.
24	Казакларовское I	РСВ	бахм.	2	нет	нет	нет	прям.	мыс	язык.
25	Казакларовское II	РСВ	бахм.	1	нет	нет	нет	прям.	мыс	язык.
26	Казакларовское III	РСВ	бахм.	1	есть	есть	нет	дуга	гора	треуг.
27	Маядыкское I	РСВ	бахм.	1	нет	нет	нет	прям.	отрог	язык.
28	Бишкураевское	РСВ	бахм.	1	нет	нет	нет	полукруг	терраса	треуг.
29	Манякское	РСВ	бахм.	1	нет	нет	нет	полукруг	остан.	округ.
30	Горновское	РСВ	бахм.	1	нет	нет	нет	дуга	терраса	треуг.
31	Камеевское	РСВ	бахм.	1	нет	нет	нет	дуга	терраса	прям.
32	Чандарское	РСВ	бахм.	1	нет	есть	есть	дуга	мыс	треуг.
33	Шульгановское	РСВ	бахм.	1	есть	есть	нет	кольцо	гора	округ.
34	Юг-Хуторское	РСВ	бахм.	1	есть	есть	нет	прям.	гора	прям.
35	Ново-Татышлинское	РСВ	бахм.	1	нет	нет	нет	н.д.	гора	округ.
36	Уразгильдинское	РСВ	бахм.	1	нет	есть	нет	сложн.	терраса	прям.
37	Сараштыбашевское	РСВ	бахм.	1	есть	есть	нет	дуга	гора	округ.
38	Вотикеевское	РСВ	бахм.	1	нет	нет	нет	прям.	мыс	язык.
39	Бадряш-Актауское	РСВ	бахм.	1	есть	есть	нет	дуга	отрог	язык.
40	Исхаковское	РСВ	бахм.	1	есть	есть	нет	прям.	отрог	язык.
41	Краснохолмское	РСВ	бахм.	2	есть	есть	нет	прям.	гора	язык.
42	Югомашевское I	РСВ	бахм.	2	есть	есть	нет	дуга	гора	треуг.
43	Месягутовское	РСВ	бахм.	1	есть	есть	нет	дуга	мыс	прям.
44	Таулинское	РСВ	бахм.	1	есть	есть	нет	дуга	гора	округ.
45	Камышинское II	РЖВ	кара-абыз.	2	нет	нет	нет	полукруг	терраса	сложн.
46	Бирское («Соколок»)	РЖВ	кара-абыз.	1	нет	нет	нет	дуга	терраса	язык.
47	Охлебининское II	РЖВ	кара-абыз.	1	нет	нет	нет	сложн.	терраса	сложн.
48	Шиповское	РЖВ	кара-абыз.	2	нет	нет	нет	сложн.	терраса	сложн.
49	Акбердинское II	РЖВ	кара-абыз.	1	нет	есть	нет	дуга	мыс	язык.
50	Мончазинское	РЖВ	кара-абыз.	1	нет	нет	нет	прям.	мыс	язык.
51	Жилинское	РЖВ	кара-абыз.	1	нет	нет	нет	сложн.	терраса	сложн.
52	Охлебининское I	РЖВ	кара-абыз.	2	нет	нет	нет	прям.	терраса	язык.
53	Усть-Уфимское	РЖВ	кара-абыз.	1	нет	нет	нет	прям.	терраса	язык.
54	Нагаевское 1	РЖВ	кара-абыз.	1	нет	нет	нет	прям.	мыс	язык.
55	Нагаевское 2	РЖВ	кара-абыз.	1	нет	нет	нет	прям.	мыс	язык.
56	Кызыл-Юлдуз	РЖВ	пьян.	2	нет	нет	есть	полукруг	терраса	треуг.
57	Кипчаковское	РЖВ	пьян.	2	нет	нет	есть	дуга	терраса	треуг.
58	Серенькино	РЖВ	пьян.	1	нет	нет	есть	полукруг	терраса	треуг.
59	Уяндыкское	РЖВ	пьян.	1	нет	нет	нет	прям.	терраса	треуг.
60	Ново-Медведевское II	РЖВ	пьян.	1	нет	нет	нет	кольцо	терраса	прям.
61	Турачинское	РЖВ	пьян.	2	нет	нет	нет	прям.	мыс	язык.
62	Шамметовское	РЖВ	пьян.	1	нет	нет	нет	прям.	мыс	прям.
63	Ябалаковское	РЖВ	пьян.	1	нет	нет	нет	полукруг	терраса	треуг.
64	Чудково	РЖВ	пьян.	2	нет	нет	нет	кольцо	отрог	язык.
65	Кереметьевское	РЖВ	пьян.	1	нет	нет	нет	кольцо	терраса	округ.
66	Кызыл-ярское	РЖВ	пьян.	1	нет	нет	есть	прям.	стрел.	язык.
67	Дербешкинское	РЖВ	пьян.	1	нет	нет	нет	дуга	терраса	треуг.
68	Тат-Ямалы 2	РЖВ	пьян.	1	нет	нет	нет	кольцо	терраса	округ.

69	Тат-Ямалы 1	РЖВ	пьян.	1	нет	нет	нет	кольцо	терраса	прям.
70	Такталачукское	РЖВ	пьян.	1	нет	нет	нет	кольцо	терраса	треуг.
71	Ильчибаевское	РЖВ	пьян.	2	нет	нет	нет	кольцо	терраса	язык.
72	Умировское	РЖВ	пьян.	3	нет	нет	есть	полукруг	терраса	треуг.
73	Таш-елгинское	РЖВ	анан.	1	нет	нет	нет	прям.	мыс	округ.
74	Ирмяшевское	РЖВ	анан.	2	нет	нет	нет	дуга	терраса	округ.
75	Биктимировское	РЖВ	м.с.	3	нет	нет	нет	прям.	терраса	язык.
76	Бирское (Чертово)	РЖВ+РСВ	м.с.	5	нет	нет	нет	прям.	мыс	сложн.
77	Камышинское I	РЖВ+РСВ	м.с.	5	нет	нет	нет	полукруг	терраса	прям.
78	Костаревское	РЖВ+РСВ	м.с.	1	нет	нет	нет	прям.	терраса	округ.
79	Михайло-Никольск-1	РЖВ+РСВ	м.с.	1	нет	нет	нет	прям.	мыс	язык.
80	Такталачук	РЖВ+РСВ	м.с.	1	нет	нет	нет	полукруг	терраса	треуг.
81	Охлебининское III	РЖВ+РСВ	м.с.	1	нет	нет	нет	прям.	терраса	язык.
82	Акбердинское I (Кыз-кала-тау)	РЖВ+РСВ	м.с.	1	нет	есть	нет	прям.	мыс	язык.
83	Уфа-V	РЖВ+РСВ	м.с.	1	есть	нет	нет	прям.	мыс	треуг.
84	Бажинское	РСВ	м.с.	2	нет	нет	нет	полукруг	терраса	язык.
85	Кара-Абызское	РЖВ+РСВ	м.с.	2	нет	нет	нет	прям.	терраса	прям.
86	Чертово Уфа 1	РЖВ+РСВ	м.с.	1	нет	нет	нет	дуга	терраса	язык.
87	Балтачевское	РЖВ	м.с.	2	нет	нет	нет	полукруг	терраса	треуг.
88	Дюртюлинское	РЖВ	м.с.	2	нет	нет	нет	дуга	терраса	язык.
89	Маядыкское II	РЖВ	м.с.	1	нет	нет	нет	дуга	терраса	треуг.
90	Аначевское	РЖВ	м.с.	1	нет	нет	нет	полукруг	терраса	язык.
91	Ново-Кабановское	РЖВ	м.с.	2	нет	нет	нет	дуга	терраса	треуг.
92	Бурнюшское	РЖВ	м.с.	1	нет	нет	нет	полукруг	терраса	треуг.
93	Ново-Медведевское I	РЖВ+РСВ	м.с.	1	нет	нет	нет	полукруг	терраса	треуг.
94	Андреевское	РЖВ+РСВ	м.с.	2	нет	нет	нет	кольцо	терраса	язык.
95	Трикольское	РЖВ+РСВ	м.с.	3	нет	нет	нет	прям.	терраса	язык.
96	Юлдашевское	РЖВ+РСВ	м.с.	3	нет	есть	есть	кольцо	стрел.	язык.
97	Барьязинское	РЖВ+РСВ	м.с.	4	есть	есть	нет	прям.	остан.	округ.
98	Какры-Куль	РЖВ+РСВ	м.с.	2	нет	нет	нет	полукруг	терраса	треуг.
99	Тра-Тау	РЖВ+РСВ	м.с.	6	есть	нет	есть	прям.	остан.	округ.
100	Кувыковское	РСВ	м.с.	2	есть	нет	есть	прям.	отрог	язык.
101	Уфа-II	РСВ	м.с.	1	нет	нет	нет	прям.	мыс	язык.
102	Кушнаренковское	РСВ	кушн.	1	нет	нет	нет	полукруг	мыс	язык.
103	Таптыковское	РСВ	кушн.	2	нет	нет	нет	дуга	мыс	треуг.
104	Старо-Калмашевское	РСВ	кушн.	1	нет	есть	нет	прям.	мыс	прям.
105	Кара-Якуповское	РСВ	кушн.	2	нет	есть	нет	полукруг	терраса	треуг.

* «бахм.» – бахмутинская культура; «анан.» – ананьинская культура; «кара-абыз» – кара-абызская культура; «пьян.» – пьяноборская культура; «м.с.» – многослойный памятник; «кушн.» – кушнаренково/кара-якупово.

** «язык.» – языкообразная; «треуг.» – подтреугольная; «прям.» – подпрямоугольная; «округ.» – округлая; «сложн.» – сложная.

Таблица 2. Характеристика топографии и фортификации городищ Уфимско-Бельского междуречья

Культ. принадл*.	Количество линий укреплений						Топография площадки городища						Дополнительная фортификация			Конфигурация линий укреплений**						Форма площадок городищ***				
	1	2	3	4	5	6	терраса	мыс	гора, холм	отрог	останец	стрелка	Доп. вал	Эскарп	вал-эскарп	дуга	округ	прям	кольц	сложн.	Н.д.	язык.	округл.	треуг.	прям.	сложн.
Бахм.	32	9	3	0	0	0	11	13	12	7	1	0	6	22	17	19	7	13	2	1	2	16	11	8	7	2
Кара-Абыз	8	3	0	0	0	0	7	4	0	0	0	0	0	1	0	2	1	5	0	3	0	7	0	0	0	4
Пьян.	11	5	1	0	0	0	13	2	0	1	0	1	5	0	0	2	4	4	7	0	0	4	2	8	3	0
Анан.	1	1	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	0	2	0	0	0
М.с.	12	8	3	1	2	1	18	5	0	1	2	1	3	3	4	4	8	13	2	0	0	13	3	8	2	1
Кушн.	2	2	0	0	0	0	1	3	0	0	0	0	0	2	0	1	2	1	0	0	0	1	0	2	1	0
Всего	66	28	7	1	2	1	51	28	12	9	3	2	14	28	21	29	22	37	11	4	2	41	18	26	13	7

* «бахм.» – бахмутинская культура; «анан.» – ананьинская культура; «кара-абыз» – кара-абызская культура; «пьян.» – пьяноборская культура; «м.с.» – многослойный памятник; «кушн.» – кушнаренково/кара-якупово.

** «дуга» – дугообразная; «округ» – полукруглая; «прям.» – прямая; «кольц.» – колцеобразная; «сложн.» – сложная; «н.д.» – нет данных.

*** «язык.» – языкообразная, удлиненная; «округл.» – округлая; «треуг.» – подтреугольная; «прям.» – подпрямоугольная «сложн.» – сложная.

Информация об авторе:

Колонских Александр Геннадьевич, младший научный сотрудник, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН (г. Уфа, Россия); kontrobazzz@mail.ru

About the Author:

Kolonskikh Aleksandr G. Federal State Institution of Science Institute of Ethnological Studies of R.G. Kuzeev. Karl Marx St., 6, Ufa, 450077, Russian Federation; kontrobazzz@mail.ru

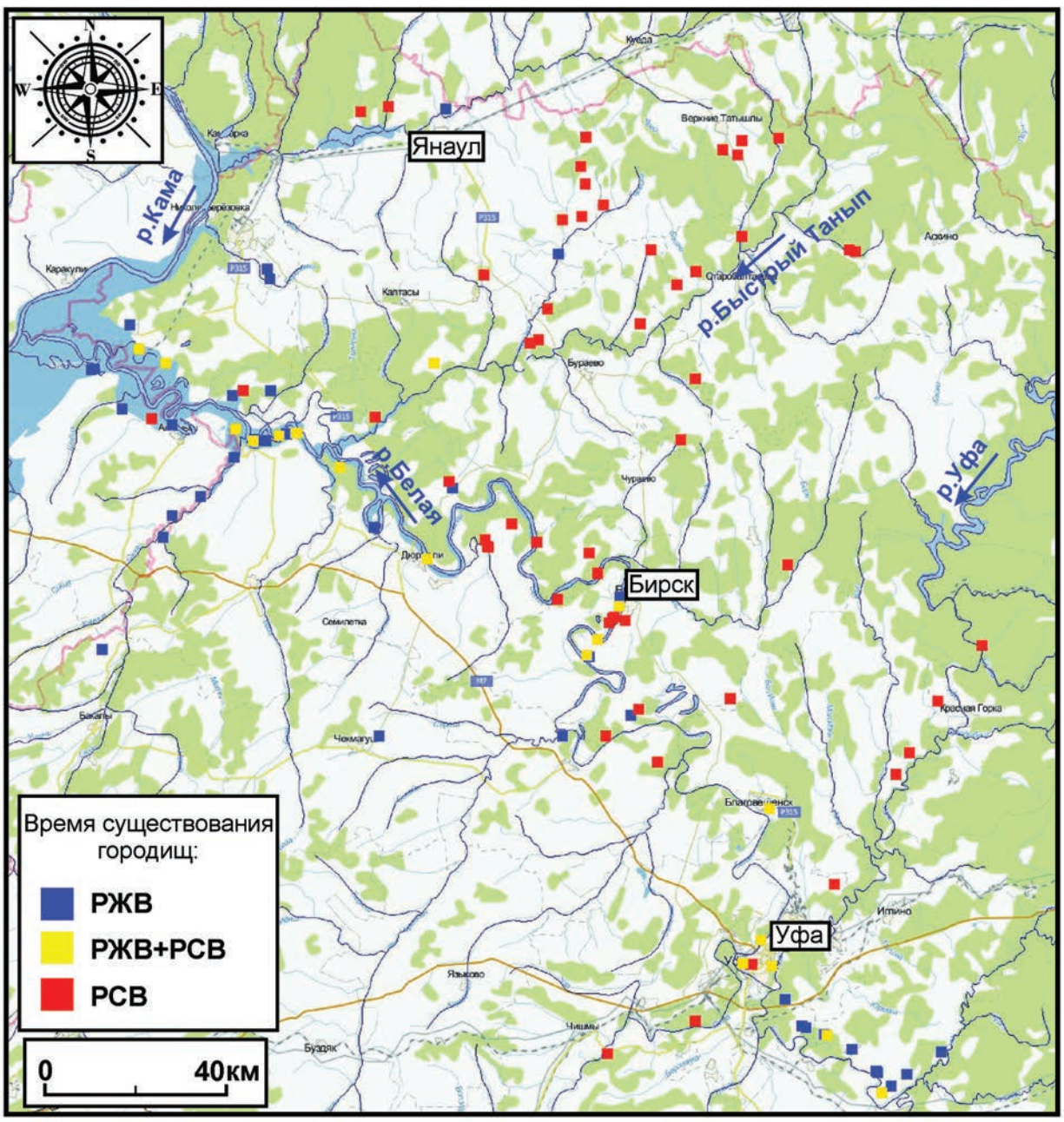


Рис. 1. Карта-схема исследуемых городищ.

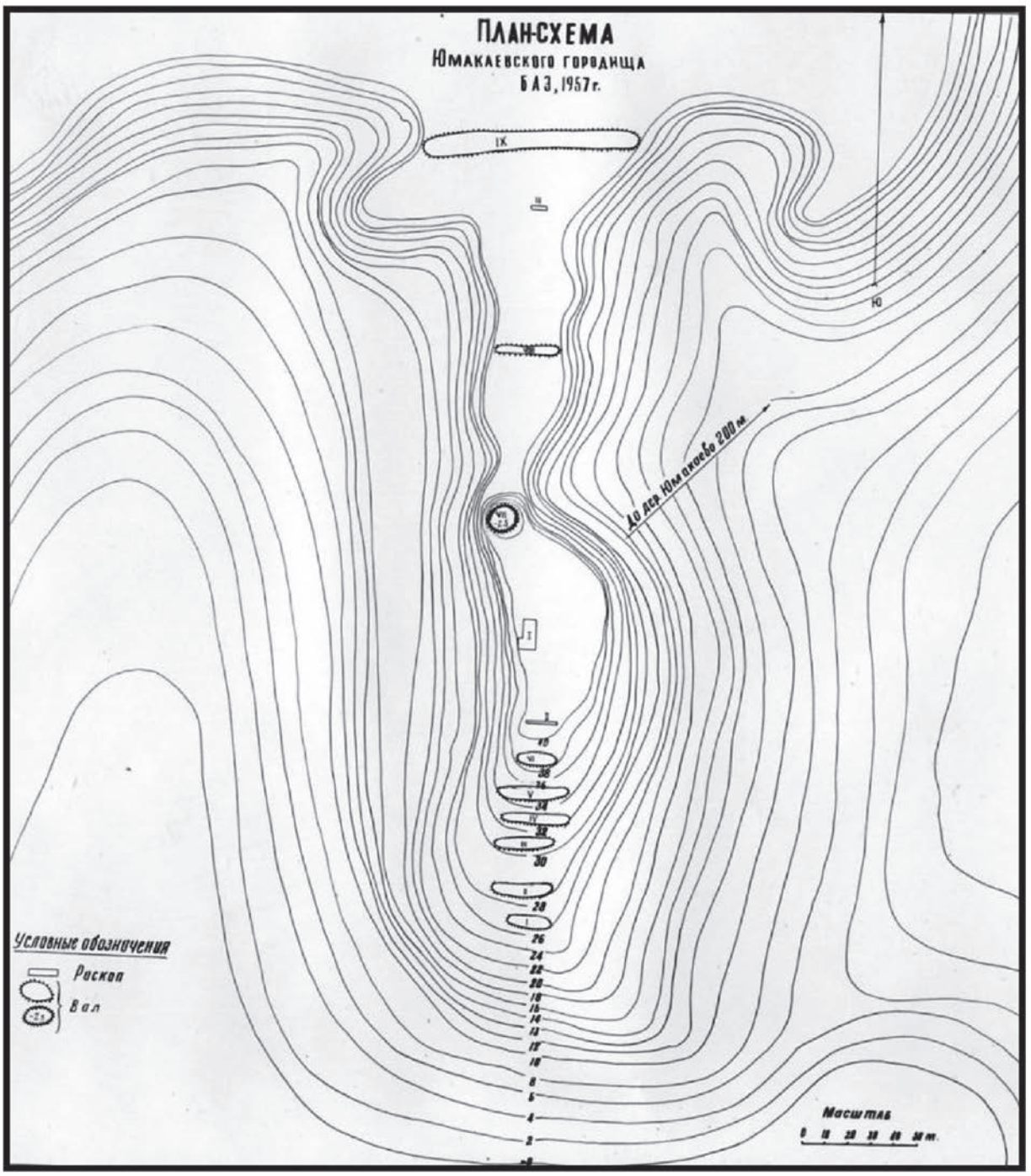


Рис. 2. План Юмакаевского городища (Мажитов, 1959).

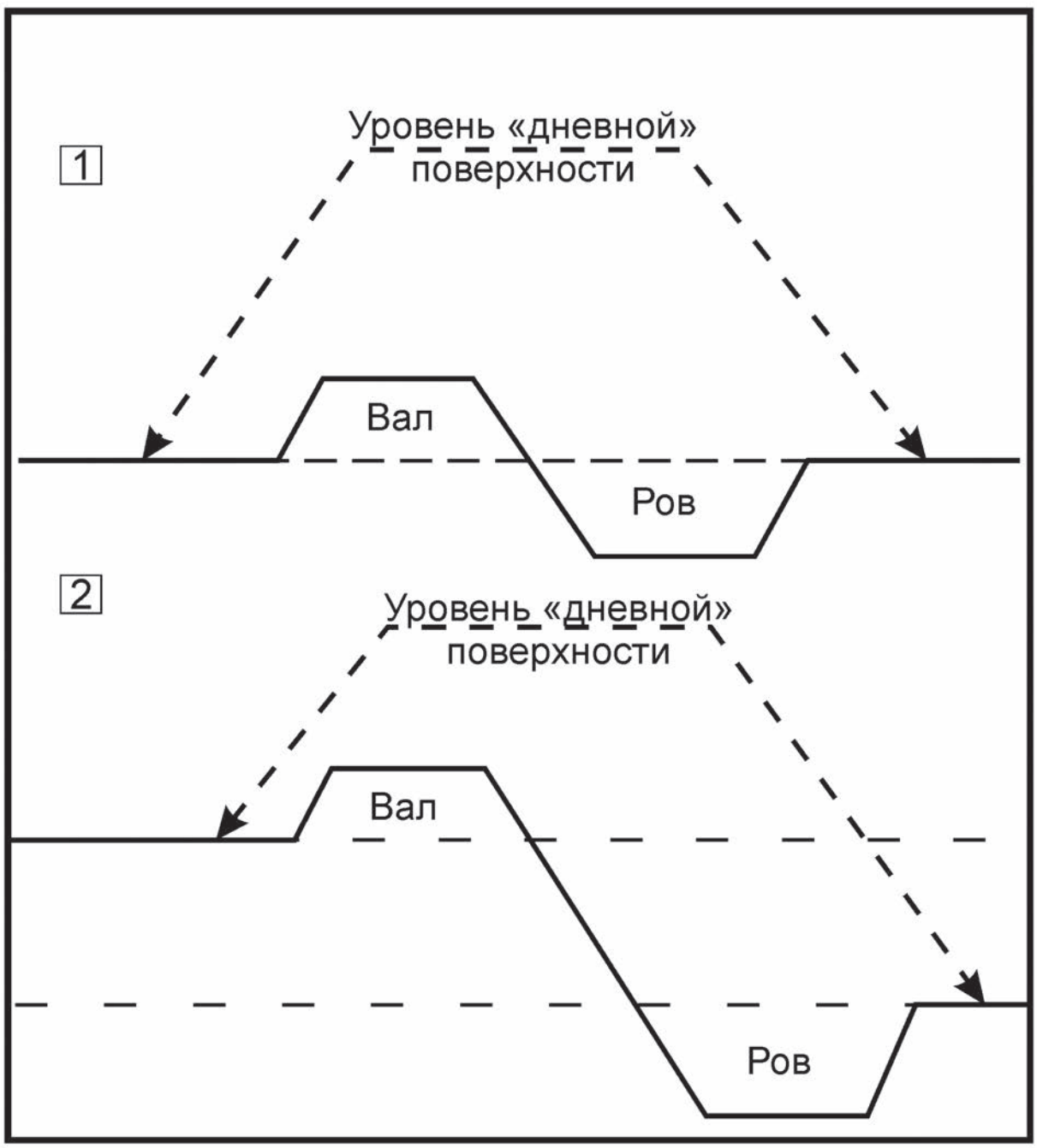


Рис. 3. «Вал-эскарп» городищ бахмутинской культуры: 1) Схематическое изображение профиля «традиционной» линии фортификации; 2) Схематическое изображение профиля «вала-эскарпа».

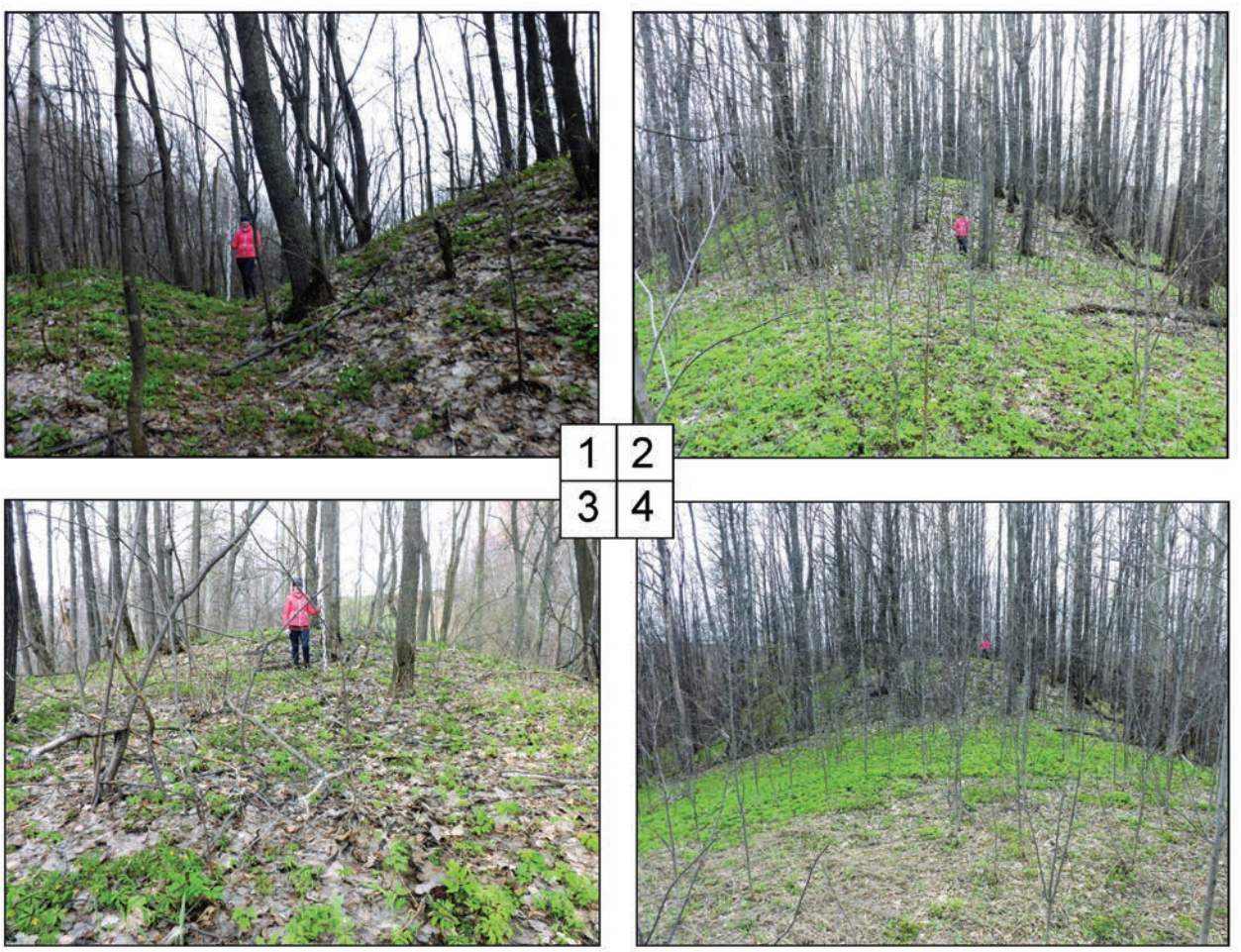


Рис. 4. Укрепления Исхаковского городища: 1) вид с востока на вал и ров; 2) вид с северо-востока на вал и ров; 3) вид с юго-запада на вал (с внутренней площадки); вид с северо-востока на уровень внутренней площадки.

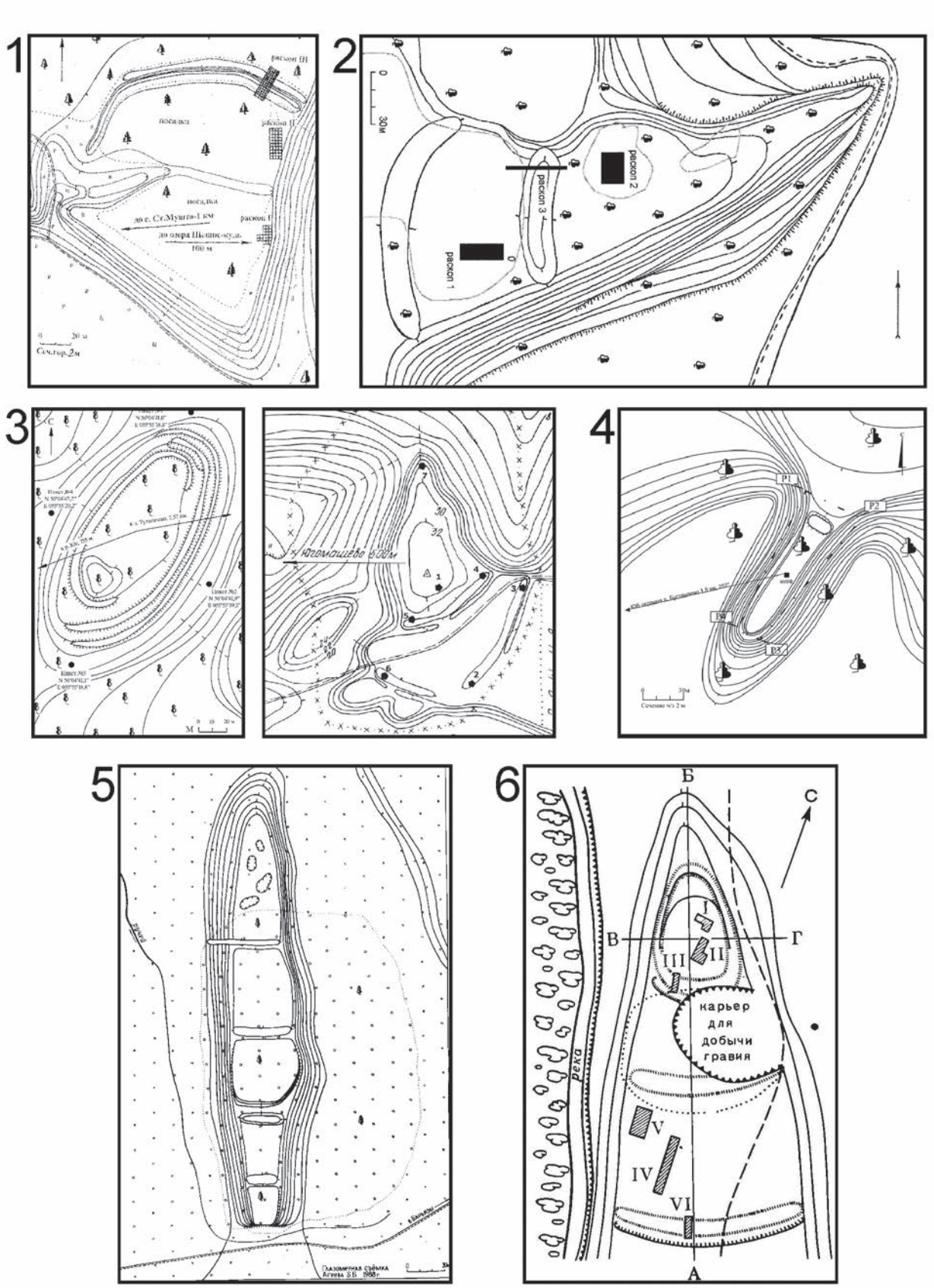


Рис. 5. Топография площадок городищ: 1) Какры-Кульское; 2) Бажинское (Каменная гора); 3) Урское и Югамашевское I; 4) Бустанаевское; 5) Барьязинское; 6) Юлдашевское (Петер-Тау).

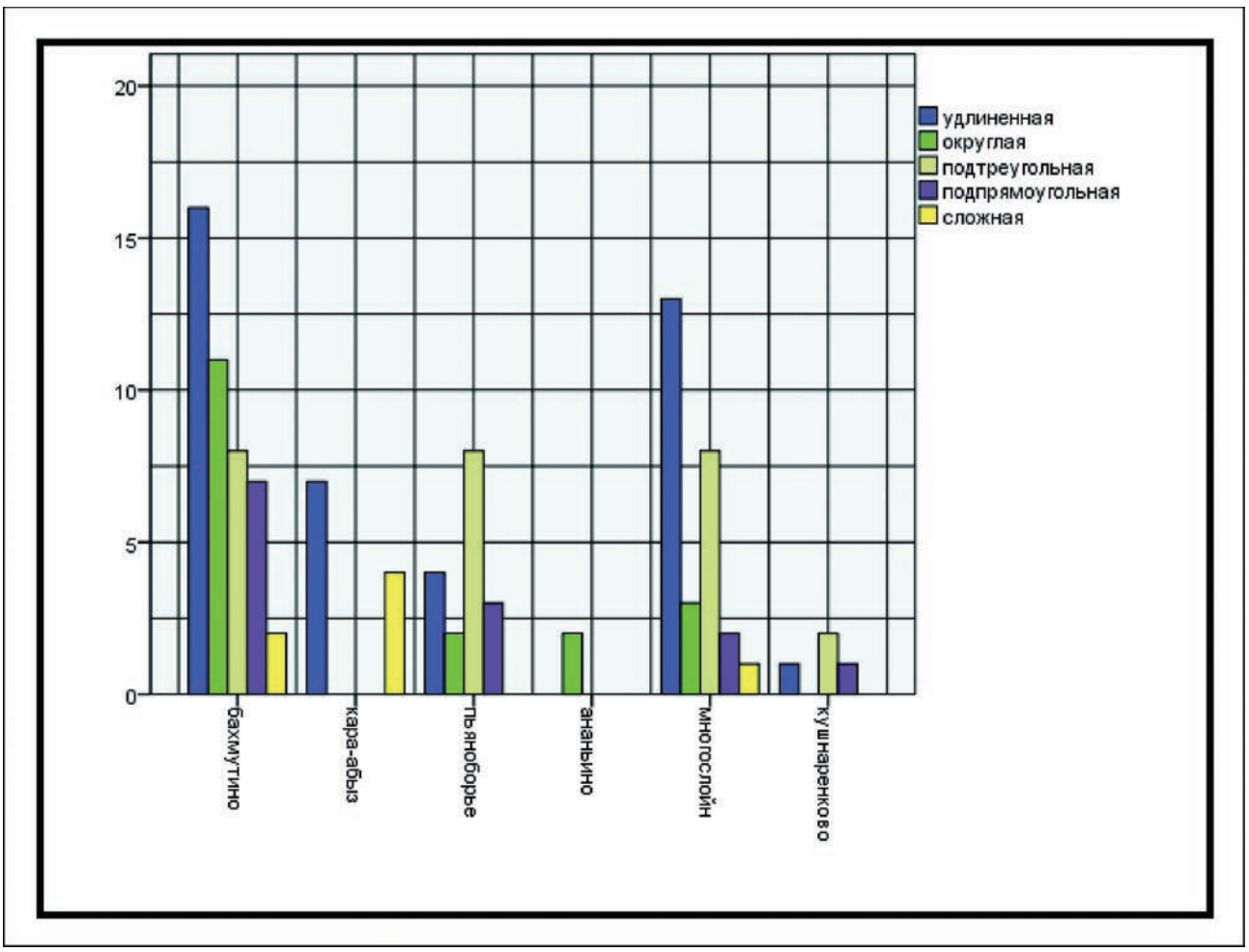


Рис. 6. Формы площадок городищ.

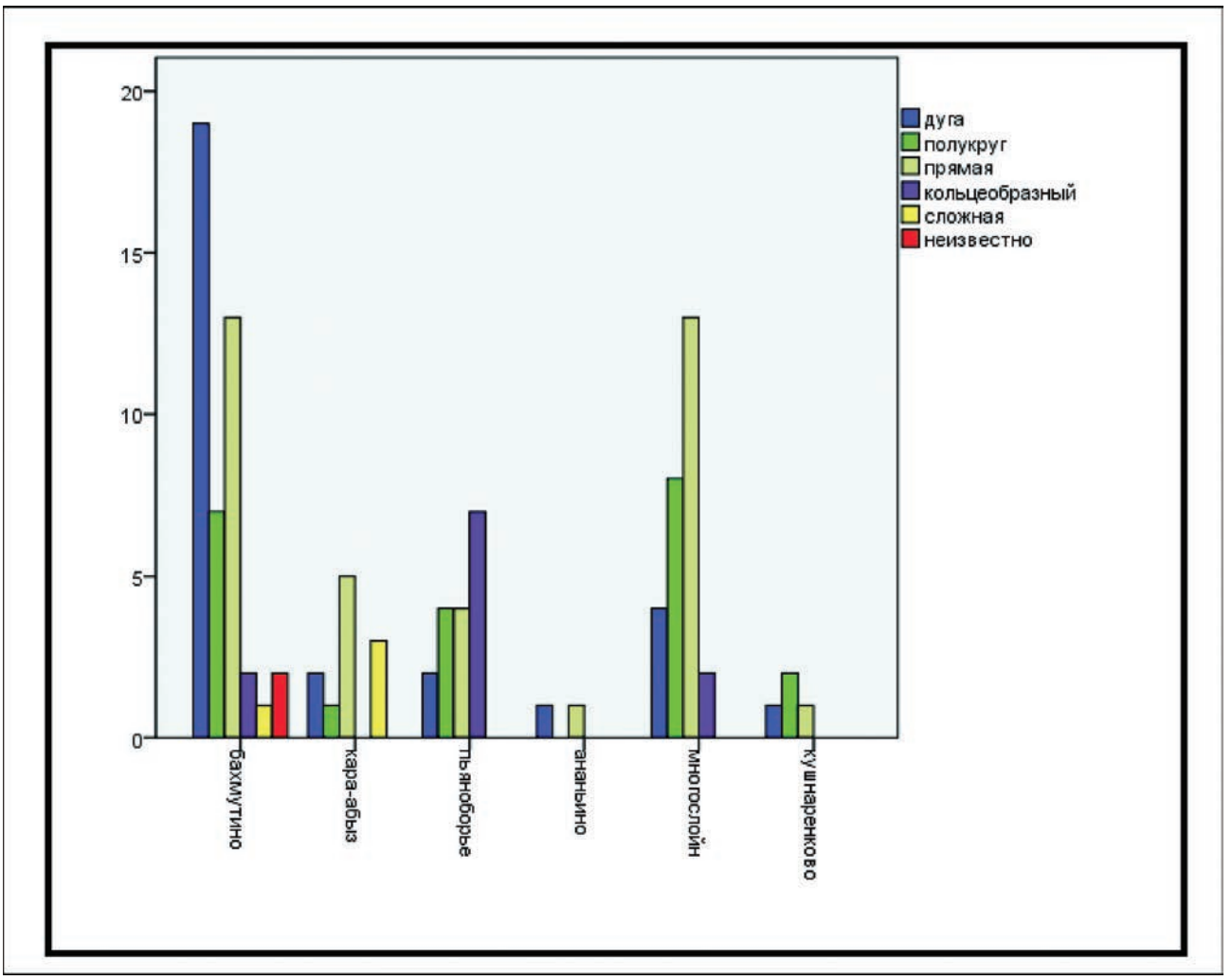


Рис. 7. Конфигурации линий укреплений.

УДК [903’15:73](251.1)(4-11)

СТАТУАРНЫЙ КУЛЬТУРОГЕНЕЗ КОМАНО-КИПЧАКОВ XI–XIII ВВ. ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ СТЕПЕЙ. (ОБЗОР ВОЗЗРЕНИЙ О КАМНЕРЕЗНОМ ИСКУССТВЕ СТЕПНОГО ПОДОНЦОВЬЯ)

© К.И. Красильников, Е.К. Апареева

THE STATUARY CULTURAL GENESIS OF POLOVETS TRIBES OF THE 11th-13th centuries FROM THE EASTERN EUROPEAN STEPPES (Survey of views about the lapidary art of the Steppe Donets River area)

В восточноевропейских степях в XI–XIII вв. пребывала тюркская группа племен комано-кипчаков. Помимо литературных сообщений и погребений, их присутствие подтверждено изваяниями. Предметом рассмотрения является серия половецких скульптур из Степного Подонцовья, которые раскрывают процессы культурогенеза тюркского монументального искусства. Культурогенез затрагивает вопросы типологии, композиции, иконографии, которые связаны с восприятием ими европейской скульптуры. Социокультурогенез обозначают мужские и женские образы, по ним возрастные социальные особенности, портретность, религиозность. Статуи из сакральных мест и святилищ уточняют вопросы семантики.

Ключевые слова: археология, изваяние, комано-кипчаки, тюркский этнос, культурогенез, степное Подонцовье.

The Turkic group of the Polovtsian tribes had inhabited Eastern European steppes in the 11th-13th centuries. Their presence had confirmed not only by literary sings and burials, but also by balbals. A subject of the authors’ consideration is series of Polovtsian sculptures from the Seversky Donets basin, which reveals the processes of cultural genesis the Turkic’s monumental art. Cultural genesis touches the questions of typology, composition and iconography, which associated with the perception of European sculpture. Male and female images denote social cultural genesis. According to them determined, age social characteristics, portraiture, religiosity. Statues from sacred places and sanctuaries clarify semantics questions.

Keywords: archaeology, balbal, Polovtsian tribes, Turkic ethnos, cultural genesis, Seversky Donets basin.

Средневековье восточноевропейских степей в пределах XI–XII вв. немыслимо без присутствия в них номадов. Наиболее заметный след здесь оставлен наследниками народа «тюрк» (Кызласов, 2010, с. 199). Из него особое место отводим кипчакам, о которых на протяжении ряда столетий «не умолкали» исторические придания как со стороны близких к ним соседей, например, Русь, так и отдаленных народов Евразии. Примером тому варианты их названия: «половцы» у славян, «комано-куманы» у греко-латинян, «кипчако-кафчаки» у арабов, «хардали» у армян, «кумо-куюты» у венгров, «сирами» у китайцев и другие этнонимы. Однако при всем многообразии археологических и документально-литературных сведений мало что известно о сакрально-художественном культурогенезе в виде статуарно-монументального искусства тюрок.

Прецедентом к продолжению темы половецких каменных изваяний (Плетнева, 1974а) послужили факты, имевшие место во второй половине прошлого столетия, суть которых – выявление, сбор и музеефикация более 120 статуарных форм, созданных в XI–XIII вв. комано-кипчаками, в то время расселившимися в восточноевропейских, прежде всего, Степном Подонцовье, Донецком кряже массивах. Данная серия изваяний в «Своде археологических источников» учтена лишь частично, к тому же не более чем в списочном варианте (Плетнева, 1974а, с. 95–97).

Предлагаемые к рассмотрению материалы выявлены на пространстве площадью около 8,5–9 тыс. кв. км массива Нижнедонского Правобережья с географической привязкой к степному Подонцовью, в пределах северного склона средней части Донецкого кряжа (рис. 1).

Среди более чем 140 выявленных здесь изделий древнего камнерезного искусства, часть из которых создана индоевропейскими племенами эпохи ранних металлов V–III тыс. до н.э., другая в скифо-сарматское время I тыс. до н.э., убедительно выделяется серия статуарных форм средневековья начала II тыс. н.э. Они составляют самостоятельный пласт камнерезной отрасли, созданной комано-кипчаками (половцами).

Значимость музеефицированных статуарных образов не столько в том, что они в количественном отношении занимают вторую после Днепропетровского собрания изваяний позицию, но более всего в том, что происходят из компактного массива Донецкого кряжа, который с середины XI по XIII вв. являлся средой расселения доно-донских половцев, как бы второй родиной наследников народа «тюрк», продолжателями его культуры. Научно-познавательный потенциал коллекции изваяний определяется еще и тем, что в ней сосредоточены не отдельные, зрелищно-эксклюзивные образцы тюркского искусства, напротив, комплекс позволяет проследить вехи статуарного культурогенеза в территориальном и хронологическом пространствах Евразии от VI до XIII ст. в направлении от «балбалов» Центральной Азии, к антропоморфным изваяниям Тувы, Средней Азии, Казахстана и статуарным произведениям восточноевропейских степей. В этой связи тюркское камнерезное искусство олицетворяет одно из направлений диалога культур евразийских народов, имевшего место в средние века.

Прежде всего, по статуарным образам определяем тюркские этнотипы изображенных персонажей, их гарнитуры, амуниции. С учетом географии местонахождений скульптур обозначаем природно-экологические среды обитания, зафиксировав места их средоточения, предполагаем возможности обустройства сакральных зон и святилищ. В целом петрографические данные о материалах, технические приемы исполнения, композиционно-иконографические особенности форм всей серии изваяний позволяют констатировать существование в Степном Подонцовье самостоятельного центра монументального искусства, созданного переселенцами из Азии.

В числе проблемных и актуальных для нас вопросов остаются: изваяния и погребения их времени, обоснования понятий «сакральные места» или «святилища», их статус в системе социализации общества номадов, динамизм восточноевропейского скульптурного культурогенеза, обстоятельства исчезновения и дальнейшая судьба сохраненного временем наследства.

Поиск статуй не являлся целью проводимых в 60–90-х годах XX в. археологических разведок степных зон, правобережья и левобережья Северского Донца. Картографирование случайно обнаруженных «бесхозных» изваяний обозначило географию их сосредоточения в основном в пределах плоскогорий Донецкого кряжа, рельеф и природно-экологические характеристики которого близки к центральноазиатским, тувино-алтайским степным массивам.

Следует заметить, что лишь незначительное число скульптурных форм находилось, возможно, in situ, что подтверждалось находками как бы «погребенных» изваяний в специально для этих целей выкопанных ямах. Также имеют место случаи разрушения скульптурных форм, в этой ситуации обломки находятся на некотором удалении от сохранившихся in situ постаментах. В данном случае констатируем их «умерщвления» путем физических разрушений.

Основная серия изваяний собрана в музейный комплекс-скансен, и в этом случае достаточно проблем, связанных с их сохранением, направлениями изучения искусства доно-донецких половцев в контексте скульптурных традиций и их трансформаций в новых территориально-исторических условиях.

Прежде всего заметим, что среди всей серии артефактов музейной коллекции вполне узнаваемы изваяния тюркского этнотипа, его гарнитурно-аксессуарные наборы, «стоящие» и «сидящие», нередко исполненные в полный рост антропоидные статуи. Их происхождение связываем с миграцией и расселением с середины XI в. в степях Восточной Европы комано-кипчаков, потомков народов «тюрк».

Для понимания направлений статуарного культурогенеза половцев в восточноевропейском пространстве отталкиваемся от известного монументального искусства на их прародине – Центральноазиатском массиве (Евтюхова, 1952; Грач, 1961; Кызласов, 1964; Чариков, 1979).

Позднее, в VII–X вв., камнерезная традиция в виде антроповидных изваяний наблюдается в Средней Азии, Семиречье, Казахстане, что свидетельствует о передвижении кипчаков к западу (Шер, 1966; Чариков, 1976; 1980; 1986). С XI в. скульптурное наследие народа «тюрк» вступает в активную фазу творчества, проявившегося в восточноевропейских

степях. Обозначим признаки, свидетельствующие об имевшем место трансгрессивном культурогенезе.

Прежде всего, принимая во внимание наблюдаемые композиционные, следовательно, и типологические изменения, заметим, что эти направления в изучении половецких изваяний прежде уже имели место (Уваров, 1871, с. 501–521; Уварова, 1908, с. 92–98). Позднее эти же темы актуальны в исследованиях Г.А. Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов, 1966, с. 167–168, 184–186), но наиболее полный типоанализ изложен С.А. Плетневой (Плетнева, 1974а, с. 60 и сл.). Рассматриваемый нами статуарный комплекс в целом вписывается в ранее обозначенные типообразующие параметры, однако, разнообразия скульптурных форм Степного Подонцовья вносят коррективы в прежде созданные схемы. В частности, намечаем шесть типов композиционно-статуарных форм.

Тип 1 – плоские, раннего периода, антропоморфные стелы, исполненные в технике низкого барельефа (рис. 1: 1–2).

Тип 2 – стело-столбовидные, едва округлые с наметившимися формами головы, туловища, гарнитуры (рис. 2: 3).

Тип 3 – круглые «стоящие» статуи, исполненные в технике высокого барельефа с подчеркнутой реальностью антропообраза (рис. 2: 4).

Тип 4 – небольшая, возможно, промежуточная группа, в системе формирования последующего композиционного направления, «полусидящих» скульптурных изображений. Угол изгиба ног по отношению к вертикали туловища в пределах 130–140^0, что придает позе «приселость» на край постамента (рис. 2: 5).

Тип 5 – круглые, горельефные статуи «сидящего» вида, «усажены» на массивные постаменты. Углы соотношения туловища к изгибу ног в пределах 90–95^0 (рис. 2: 6).

Тип 6 – круглые, разнообъемные от уплощенных, близко с стеловидным, до классических, почти античных выразительных форм и образов (рис. 2: 7).

Предложенная нами типология композиционных изменений в целом соответствует схеме, разработанной С.А. Плетневой, и лишь «полусидящие» (тип 4) формы автором тогда еще не приняты были во внимание. Мы же усматриваем в «полусидящем» статуарном образе переходную, заметно усложненную композицию в промежутке между «стоящими» столбовидными (тип 3) и «сидящими» (тип 5) изваяниями. Наблюдаемый композиционный динамизм, в нашем представлении, – свидетельство культурогенеза в направлении усложнений и совершенствований форм изваяний, вызванных формированием сакралитета феодальной аристократии второй половины XII в.

Признаки динамики наблюдаются и во внешне менее выразительных деталях. К примеру, в каждом нами обозначенном типе изображений, как следствия трансформации статуарного дела, прослеживаем композиционно-иконографические элементы праформ прежних и будущих протоформ. Например, сочетание различных типообразующих признаков наблюдаем в изваяниях первого и второго, второго и шестого, четвертого и пятого типов. В этой же связи порой имеют место прослеживаемая «невыразительность» их форм.

Типологический симбиоз одинаково наблюдаем в иконографии и технике исполнения. Например, скульптуры первого и второго типов даже в условиях значительного удаления от азиатской прародины, сохраняют признаки, характерные иртышским, тувинским стелам VI–VII вв., но все же более всего семиреченским, казахстанским изваяниям VIII–X вв.

Изваяния 3–6 типов, ведущими признаками которых являются округлая объемность, устойчивая композиционность, иконографическая художественность, очевидная портретность, технологичность изготовления, формировались в условиях пребывания кипчаков в европейском пространстве. Здесь тюрки как бы вышли из этнотерриториальной замкнутости и теперь могли воспринимать художественно-скульптурные традиции европейских обществ, возможно, даже из античного наследия. Контакты комано-кипчаков с европейцами, длившиеся около 200 лет, не могли не повлиять на культурный облик номадов, запечатленный в камнерезном искусстве. Например, тюркоязычный этнос в условиях его пребывания в восточноевропейском массиве мог воспринимать, а затем в варваризированном варианте воспроизводить прототипы античных герм, скифских, позднее сарматских статуй, которые характеризуют антропоидность, монументальная округлость форм, присутствие гарнитуры, экипировки, наборы разнофункциональных предметов.

Восточноевропейским скульптурам характерен портретный дуализм. В одних случаях – типично тюркская портретность, в других – исполненные образы заметно «вышли» за каноны собирательного тюрко-

монголоидного этнотипа, появились не только европеизированные личино-лица, но и персонофицированные еврообразы, прослеживаемые на половецких статуях 3–5, и серии изваяний 6 типов. И это естественно, так как датируемое XII– началом XIII вв. статуарное искусство формировалось в новых для номадов хозяйственных и этнокультурных условиях. Видимо, здесь же они могли наблюдать сохранившиеся к тому времени образцы статуарного искусства не только ираноязычных племен, но и поздней античности. В этой связи заметим, что тюркские скульптуры из Центральной и Средней Азии на протяжении более чем пяти столетий (VI–XI вв.) практически не отходят от традиционной стело-столбообразной композиционности, плоскостной иконографии тюркообразных личин. Но этот же этнос в невероятно короткий отрезок времени, буквально в одно, в основном в XII столетии, создает скульптурные варианты, которые с полным правом могут обозначать собственные грани статуарного искусства не только в формате собственного культурогенеза, но и культуры человечества в целом.

Однако в 30–40-х годах XIII в. статуарное дело в восточноевропейском пространстве не только был приостановлен, но безвозвратно прервано. Дегресс прежде сложившегося культурного феномена вызван событиями вторжения в земли Дешт-и-Кипчак монголов.

Не менее значимым показателем социокультурогенеза является прослеживаемая гендерность и элементы гинекократии в социально-сакральном укладе донецких половцев (Апареева, Красильников, 2016, с. 92–96). Известно, что тюркские изваяния V–VII вв. Центральной Азии передают образы воинов, женские изображения появляются заметно позднее в Семиречье и Казахстане (Шер, 1966, с. 22; Чариков, 1980, с. 213–234; его же, 1986, с. 87–103). Как исключение М.П. Грязнов среди Минусинских изваяний выделяет образ девы, на которой показана женская грудь «в виде двух округлых выпуклостей, передающих форму девичьей груди, а не кормящей матери» (Грязнов, 1950, с. 128–156).

Среди полоопределяемых статуарных изображений степного Подонцовья соотношение женские персонажи к мужским представлено следующим показателем – 64,7% женских к 35,3% мужских.

Женские образы, помимо присущим им головным уборам, гарнитуры, аксессуаров, лиц, сопровождаются женской грудью, исполненной в обнаженном состоянии в различных иконографических вариантах, посредством которых обозначаем четыре возрастных группы: пожилых прародительниц, женщин-матерей репродуктивного возраста, молодых дев и даже младенец. В числе редких статуарных образов – женщины в состоянии беременности или образ роженицы с новорожденной девочкой. Оба персонажа обнажены, причем сделаны акценты на изображение детородных органов (Плетнева, 1974а, с. 74, рис. 37; ее же, 1974 б, с. 258–261). В данном случае в контексте вопросов культурогенеза обратим внимание на сложившийся иконографический порядок обозначения не только возрастного, но и социально-сакрального статуса женских представительниц. Каждая возрастная группа сопровождена ей приемлемой формой груди, варьируемой от контурных, едва выпуклых, небольших окружностей, до реального вида груди матери, «вскармливающей» ребенка, и массивной низкоопущенной груди пожилой женщины. В системе женской серии изваяний в степном Подонцовье, возрастные параметры представлены примерно такими показателями: 59% – женщины репродуктивного возраста, 25% – девы дорепродуктивного возрастного периода, 13,6% – тучные фигуры пожилых прародительниц, 2,4% – младеница.

В трагические для половцев годы второй четверти XIII в. идеи женского покровительства в борьбе с агрессией монголов оказались настолько востребованными, что даже изменили иконографический порядок исполнения части мужских образов, наделив их девичьей или женской грудью (рис. 2: 7).

Разнообразия гарнитуры, амуниции, аксессуарий, изображенных предметов, как и монументализм, свидетельствуют о художественно-иконографическом совершенстве восточноевропейской серии изваяний.

Несомненно, мужским и женским образам приемлема различная атрибуция, однако, элементы одежды характеризуются однообразием кафтанов, халатов, шароваров, поножей, обуви (сапожки). Многообразие форм женских шляп, предметов аксессуарного и бытового назначений исполнены на статуях как обычных половчанок, так и аристократок, здесь же отсутствуют прорисовки изделий из системы вооружения.

Головные уборы и амуниция мужских персонажей одинаково свидетельствую о принадлежности исполненного образа к социальной группе и роду деятельности номадов. Воины изображены в шлемах различных форм, технологии изготовления и художественного

оформления. Среди мужских изображений, видимо, с целью обозначить принадлежность к гражданскому статусу, прослеживаем кафтаны, халаты, шапки, шапочки, тюбетейки.

На женских, костюмированных статуях, социально-сакральный статус определяют: многообразие форм шляп, орнаментальная изысканность одежды, аксессуарно-бижютерные наборы. Среди признаков, подчеркивающих тюркскую идентичность исполненных образов, назовем изображенную на них посуду: горшки, чаши, кубки, пиалы, расположенные только в обеих руках на уровне пояса. Лишь в одном случае на статуе-стеле первого типа изображены руки с кувшином в состоянии ассиметрии (рис. 2: 1).

Статуарный культурогенез, естественно, проявляется в портретности или, напротив, безликости личин. В первом случае реальность образа достигалась сочетанием художественных способностей скульптора с петрографоморфологическими знаниями о поделочных материалах, пригодных к обработке, а также употребляемыми инструментами, что наблюдаем по трассологическим признакам, которые просматриваются практически на каждом изваянии. Индивидуальные портретные статуарные шедевры обычно исполнены в мергеле из левобережья Северского Донца, но в большинстве были востребованы различной плотности и структурности песчаники Донецкого кряжа. В этой связи совершенно убеждены, что вся серия выявленных здесь изваяний, несомненно, местного изготовления. Условием высокой степени сохранности художественных образов являлось их пребывание в ситуации изолированности от климатических и физических воздействий (Красильникова, Красильников, 2009, с. 181–184).

Портретность, характерная восточноевропейским изваяниям, является иконографическим правилом и уже в этой связи она имеет отношение к культурогенезу, определяемому сочетанием монголоидных с европеоидными, словом, евротюркскими чертами. Однако здесь же значительная серия личин без каких-либо признаков лиц, то есть, как бы с чадропокрытием, что, видимо, определено внедрением в среду половцев мусульманской обрядности. В этой же связи нельзя не заметить признаки преднамеренных, физическим путем, разрушений лиц с последующим их затиранием абразоидными материалами. Тогда поверхность личины абсолютно плоская, равномерно заполированная. Подобные действия в большей степени касаются статуарных образов взрослых, зрелых женщин – прародительниц и нет ни одного случая разрушения личин скульптур, изображающих дев. Видимо, обряды мусульманства для подросткового возраста не являлись обязательными.

Наиболее проблемными в тюркском статуарном искусстве, как и его культурогенезе, остаются вопросы семантического содержания (Рубрук, 1957, с. 102, 108; Низами, 1968, с. 657). На рубеже XIX–XX вв. и позднее это направление познаний стало предметом дискуссий (Городцов, 1907; Веселовский, 1915; Кызласов, 1964; Плетнева, 1974а и др.)

Практика обустройства сакральных мест и пантеонов возникла в Азии и, естественно, вместе с их создателями переместилась в Европу. На Правобережном Подонье, в Донецком кряже их теперь раскрыто более десяти (Гугуев, Гуркин, 1992, с. 114–143; Гугуев, 2001, с. 72–83; Гуркин, 1991, с. 103–113; 1987, с. 100–109; Евглевский, 1996, с. 214–224; Швецов, 1979, с. 199–210; Евдокимов, 1975). В настоящее время получены дополнительные сведения о сакралитете донецких комано-кипчаков и связанных с ними каменных изваяниях (Апареева, Красильников, 2016, с. 327–341). Святилище «Мечетная гора» включает ряд курганов, каждый из которых связан с определенными обрядовыми действиями. В одном из курганов находились фрагменты двух изваяний моложавых аристократического вида воинов. Умышленное разрушение скульптур рассматриваем как ситуацию их «умерщвления» (Красильникова, Красильников, 2009, рис. 2).

Во втором кургане имеются признаки обрядов, связанных с огнепоклонством и складированием изделий упряжи и вооружения (Красильникова, Красильников, 2009, рис. 4).

В третьем кургане находился жертвенник (конина), фрагменты кувшина крымского импорта, пластины доспеха ламеллярного типа и здесь же палаш (Красильникова, Красильников, 2009, рис. 5).

Исследования курганных памятников, в которых обнаружены обломки изваяний, убеждают в правомерности предлагаемой нами классификации половецких сакральных объектов в двух направлениях: *сакральные места*, предусматривающие массовые посещения с исполнением обрядов, изложенных очевидцами, наблюдавшими их проведение (Низами, Рубрук) и *святилища*, обустроенные в системе социально-имущественных структур комано-кипчаков. Статуи святилищ,

исходя из художественно-композиционных и монументальных особенностей, очевидно, не равнозначны. Они могли быть предназначены к обозначению военно-аристократических, гражданско-аристократических, родо-племенных, семейных культовых мест. На данном этапе знаний вопросы семантики изваяний все еще нуждаются в археологически обоснованных материалах серии исследованных объектов сакралитета.

Итак, статуарный культурогенез, наблюдаемый в изваяниях Степного Подонцовья, убеждает в том, что ближайшим массивом, из которого кипчаки переместились в западном направлении в восточноевропейские степи, являлась Средняя Азия (Казахстан). Массовая миграция произошла около середины XI в., о чем сообщают древнерусские летописи. Тогда же кипчаки привнесли в европейские степи, скультурное наследие племен VI–VII вв. Центральной Азии в виде изваяний.

Наглядным проявлением дальнейшего статуарного культурогенеза тюрок восточноевропейского этапа являются: композиционный динамизм и разнообразность поз, монументальность, художественно-иконографическая выразительность исполненных образов, в отдельных случаях портретность, усиливающая антроповидность, дополненную гарнитурно-аксессуарными элементами. Все эти и другие проявления характерны евразийскому скульптурному феномену в предмонгольское время.

ЛИТЕРАТУРА

Апареева Е.К., Красильников К.И. Обрядовая практика половецкого святилища Донецкого кряжа // Степи Восточной Европы в средние века: Сб. памяти С.А. Плетневой. М.: Изд-во «Авторская книга», 2016. С. 327–341.

Веселовский Н.И. Современное состояние вопроса о «каменных бабах» или «балбалах» // ЗООИД. Т. XXXII. Одесса, 1915. С. 408–444.

Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Под ред. Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1957. 272 с.

Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии, в 1903г. // Тр. XIII АС в Екатеринославе в 1905 г. Т. 1. / Под ред. П. С. Уваровой. М., 1907. С. 211–285.

Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961. 96 с.

Грязнов М.П. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми данными // СА. 1950. Вып. XII. С. 128–156.

Гугуев Ю.К., Гуркин С.В. Половецкое святилище середины XI – начала XIII вв. на правобережье Нижнего Дона // Донские древности. Вып. 1. / Под ред. В.Я. Кияшко, В.Е. Максименко. Азов, 1992. С. 114–143.

Гугуев Ю.К. Половецкое святилище необычной конструкции на Северском Донце // Донская археология. 2001. № 3–4 (12–13). С. 72–83.

Гуркин С.В. Половецкие святилища с деревянными изваяниями на Нижнем Дону // СА. 1987. № 4. С. 100–109.

Гуркин С.В. К вопросу о семантике половецких святилищ // Историко-археологические исследования в г. Азове и Нижнем Дону в 1987г. Азов, 1989. С. 39–43.

Гуркин С.В. Святилище половецкого времени с каменными изваяниями на Нижнем Дону // Историко-археологические исследования в г. Азове и Нижнем Дону в 1990 г. Вып. 10. Азов, 1991. С. 103–113.

Евглевский А.В. Культурное захоронение половецких каменных изваяний в святилище на Мечетном поле в Донбассе // Древние культуры Восточной Украины. Луганск: ВУГУ, 1996. С. 214–224.

Евдокимов Г.Л., Симоненко А.В., Загребельный А.И. Отчет о раскопках курганов у с. Астахово Свердловского района Ворошиловградской области в 1975г. // Архив НА ИА НАНУ. 1975. Ф. 6. Од.зб. 1975/50.

Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. 1952. № 24. С. 72–120.

Красильникова Л.И., Красильников К.И. Комплексное святилище в Степном Подонцовье. (Новые сюжеты к теме «Сакральные памятники») // Дивногорский сборник. Тр. Музея-заповедника «Дивногорье». Вып. 1. Воронеж: ВГУ, 2009. С. 179–193.

Кызласов Л.Р. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей // СА. 1964. № 2. С. 27–40.

Кызласов И.Л. Ряд особенностей археологического изучения тюркских народов в России // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. А. Н. Бессуднов. Липецк: РИЦ ФГБОУ ВПО «ЛГПУ», 2010. С. 198–207.

Низами Гянджеви. Искандер-намэ. Пять поэм. М.: Худ. лит-ра, 1968. 863 с.

Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // САИ. Вып. Е-4 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1974а. 200 с.

Плетнева С.А. Женская половецкая статуя с ребенком // СА. 1974б. № 3. С. 258–262.

Уваров А.С. Сведения о каменных бабах // Тр. I АС. Т. II. / Под ред. А.С. Уварова. М.: Синодальная Типография на Никольской улице, 1871. С. 501–521.

Уварова П.С. К вопросу о каменных бабах // Тр. XIII АС в Екатеринославе. 1905 г. Т. 2. / Под. ред. П.С. Уваровой. М.: Тов-во тип. А.И. Мамонтова, 1908. С. 92–97.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966. 274 с.

Чариков А.А. Раннесредневековые скульптуры из Восточного Казахстана // СА. 1976. № 4. С. 153–166.

Чариков А.А. О локальных особенностях каменных изваяний Прииртышья // СА. 1979. № 2. С. 179–191.

Чариков А.А. Новая серия каменных статуй из Семиречья // Средневековые древности евразийских степей / Отв. ред. С.А. Плетнева. М., 1980. С. 213–234.

Чариков А.А. Изобразительные особенности каменных изваяний Казахстана// СА. 1986. № 1. С. 87–103.

Швецов М.Л. Половецкие святилища // СА. 1979. № 1. С. 199–210.

Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья / Отв. Ред.. А.М. Мандельштам. М.; Л.: Наука, 1966. 139 с.

Информация об авторах:

Красильников Константин Иванович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества Луганского национального университета им. Тараса Шевченко (г. Луганск, Украина); lena_ap11@mail.ru

Апареева Елена Константиновна, директор Центра археологии и этнографии Луганского национального университета им. Тараса Шевченко (г. Луганск, Украина); lena_ap11@mail.ru

About the Author:

Krasilnikov Konstantin Ivanovich, candidate of historical Sciences, associate Professor of history of Luhansk Taras Shevchenko national University (Luhansk, Ukraine); lena_ap11@mail.ru

Apareeva Elena Konstantinovna, the Director of the centre of archaeology and Ethnography of Luhansk Taras Shevchenko national University (Luhansk, Ukraine); lena_ap11@mail.ru

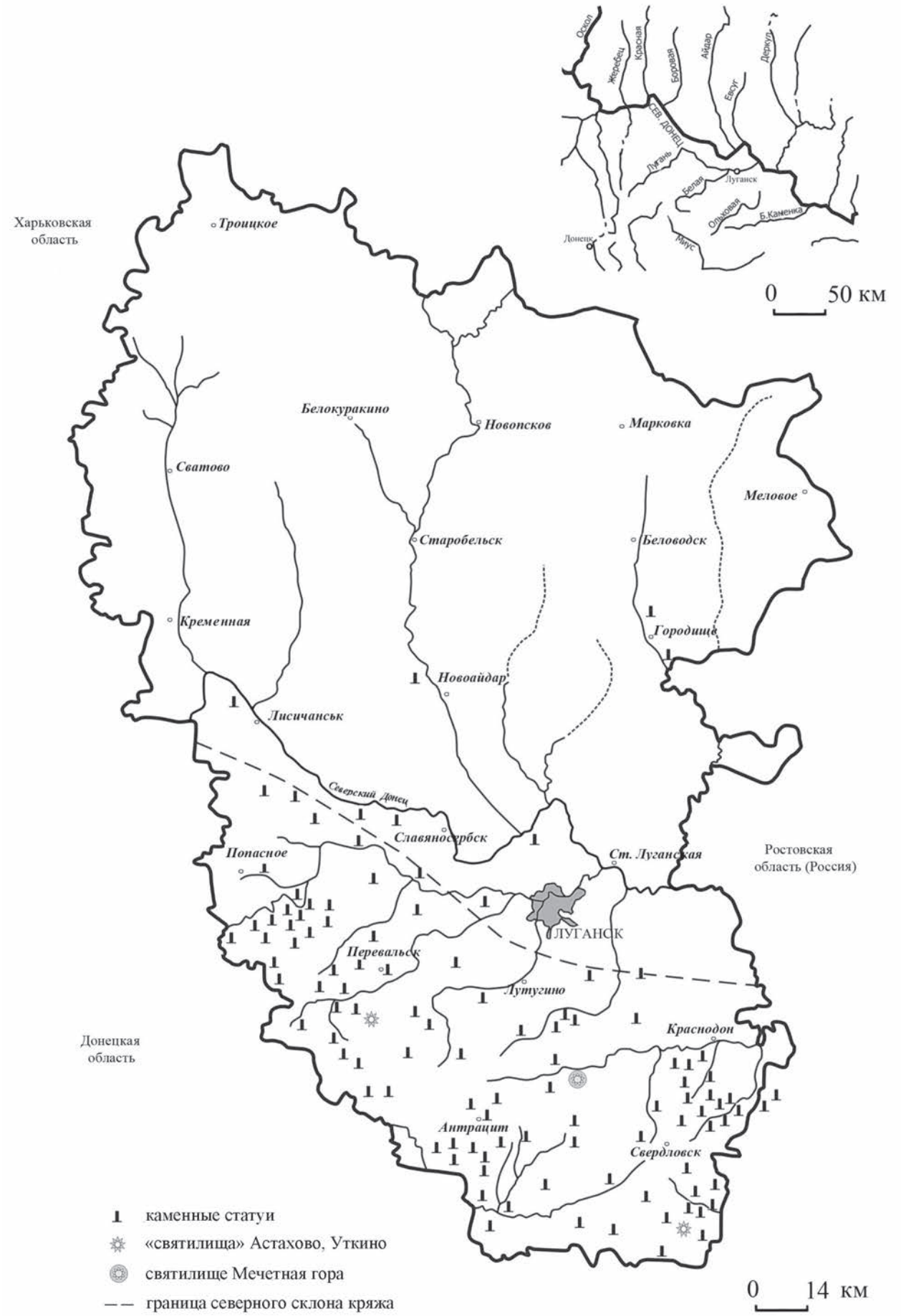


Рис. 1. Местонахождения скульптур и святилищ северного склона средней части Донецкого кряжа.

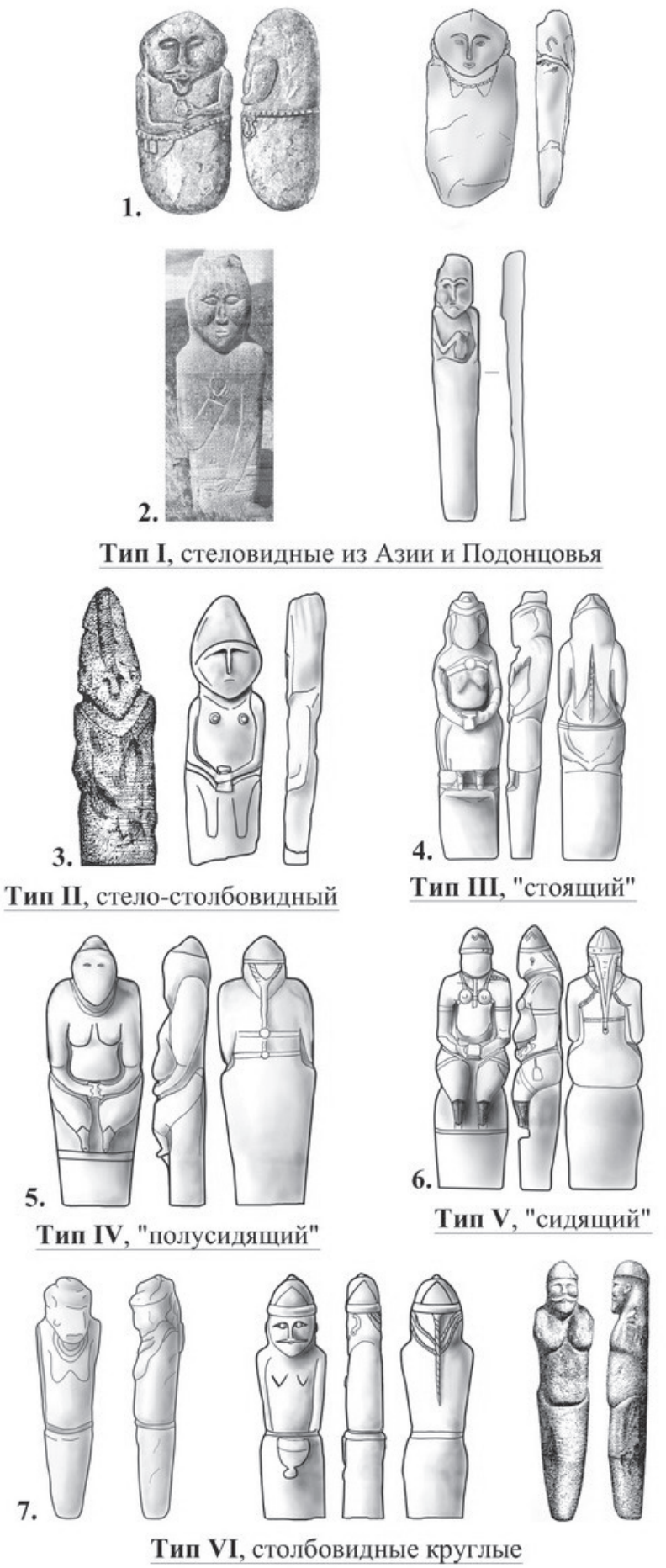


Рис. 2. 1–7. Статуарные формы (типы) половецких изваяний Степного Подонцовья.

УДК 902

А.С. БАШКИРОВ И АРХЕОЛОГИЯ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ

© С.В. Кузьминых, И.В. Белозерова

A.S. BASHKIROV AND ARCHAEOLOGY of VOLGA BULGARIA

Статья посвящена вкладу А.С. Башкирова в археологию Волжской Булгарии и Золотой Орды. В 1919 г. ученый провел историко-архитектурное исследование памятников монументального зодчества и оборонительных сооружений Болгарского городища. В 1928 г. состоялась экспедиция по изучению болгаро-татарской культуры. Отрядом под руководством А.С. Башкирова были проведены рекогносцировочные изыскания на Билярском городище и в его округе, а также в Джукетау и Болгаре. Раскопки А.С. Башкирова на крупнейших булгарских археологических памятниках явились продолжением дореволюционных исследований, осуществлявшихся ОАИЭ при Казанском университете в конце XIX – начале XX в. К сожалению, они стали эпизодом в многогранной деятельности ученого в 1920–30- годы и не вылились в долгосрочную программу изучения городов Волжской Булгарии.

Ключевые слова: археология, А.С. Башкиров, В.В. Гольмстен, В.А. Городцов, Н.Ф. Калинин, Л.И. Вараксина, Али Рахим, Биляр, Болгар, Джукетау, Иски Казань, Волжская Булгария, Золотая Орда, экспедиция Самарского университета, Поволжская этнолого-археологическая экспедиция.

The article is devoted to contribution by A. S. Bashkirov in archaeology of Volga Bulgaria and the Golden Horde. In 1919, the scientist conducted a historical and architectural study of the sites of monumental architecture and fortifications of the Bulgar fortified settlement. In 1928 took place an expedition to study the Bulgarian-Tatar culture. A detachment under A. S. Bashkirov was conducted reconnaissance surveys on the Bilyar settlement in his district, and in Juketau and Bulgar. Excavations By A. S. Bashkirova on the biggest Bulgarian archaeological monuments were a continuation of pre-revolutionary studies undertaken OAI associated to Kazan University in the late XIX – early XX centuries. Unfortunately, they have become an episode in the multifaceted activities of the scientist in 1920-30th years and resulted in a long-term program for the study of the Volga Bulgaria towns.

Keywords: archaeology, A.S. Bashkirov, V.V. Gol'msten, V.A. Gorodcov, N.F. Kalinin, L.I. Varaksina, Ali Rahim, Bilyar, Bolgar, Dzhuketau, Iski Kazan', Volga Bulgaria, Golden Horde, expedition of Samara University, the Volga region ethnological-archaeological expedition

Алексей Степанович Башкиров (19.07.1885–1.01.1963) – археолог-антиковед, этнограф, музейный деятель, известный специалист по древней и средневековой истории, искусствоведению и архитектуре, один из первопроходцев отечественной палеосейсмологии, доктор исторических наук, профессор. Он был организатором многочисленных археологических и историко-этнографических экспедиций 1920–60-х гг. в Крым, на Северный Кавказ, в Закавказье, Поволжье и Среднюю Азию. Имя А.С. Башкирова часто упоминается в научной литературе в связи с археологическими исследованиями, но биографических работ, посвященных личности ученого и его научной деятельности, немного (Пятышева, 1963; Войтов, 2003, с. 438; Формозов, 2006, с. 228; Ватлин, Канторович, 2001; Лысенко, 2013; Руденко, 2014, с. 608, 609; Винокуров, 2016; Белозерова, 2017; Белозерова, Кузьминых, 2017).

Вклад Алексея Степановича в археологическую науку, на наш взгляд, в отечественной историографии недооценен. Связано это с тем, что гонения на академическую науку и репрессии 1930-х годов сломали успешно развивавшуюся научную карьеру и, вне всякого сомнения, сказались на судьбе ученого, не позволив в полной мере раскрыться его большому исследовательскому потенциалу. В итоге Башкирову не удалось довести до конца многочисленные проекты, опубликовать в полном объеме материалы своих экспедиций и раскопок, не говоря уже об обобщении результатов этих исследований. На протяжении почти пятидесяти лет Алексей Степанович вел кропотливую полевую и кабинетную работу. Она заключалась не только в органи-

зации экспедиций и проведении раскопок. Им осуществлены поиски, учет и описание многих десятков археологических памятников. Исследования Башкирова позволили внести существенный вклад в археологическое изучение Крыма, Тамани, Среднего Поволжья, Северного Кавказа и Средней Азии. Они стали базой не только для его собственных работ, но прежде всего учеников и последователей (Л.П. Харко, В.Д. Блаватский, М.М. Кобылина, А.Л. Якобсон, К.В. Голенко и др.). Большая черновая работа ученого в науке была зачастую первопроходческой. Это и изучение городов и городской культуры Волжской Булгарии, и средневековая история и археология Крыма, Северного Кавказа и Средней Азии, и античные древности Гераклейского полуострова и Тамани, и главное его дело в науке – антисейсмизм древней архитектуры. Эти направления исследований продолжают оставаться актуальными в отечественной археологической науке во многом благодаря трудам А.С. Башкирова, его учеников и последователей.

В настоящей статье речь пойдет о вкладе ученого в археологическое изучение Волжской Булгарии. Его опубликованных трудов по теме – единицы (Башкиров, 1928; 1929а; 1929б), но в личном архиве А.С. Башкирова в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея (Ф. 598) сохранился большой блок документов (315 единиц хранения), характеризующих его исследования на крупнейших городищах Волжской Булгарии в 1919 и 1928 гг.

До переезда в Самару из голодного и холодного Петрограда в 1919 г. А.С. Башкиров имел лишь литературные представления о булгарских археологических памятниках. В том же году и, вероятно, по той же причине, оставив работу в Российском Историческом музее, в Самару переехала В.В. Гольмстен, и для нее непосредственное погружение в булгарскую археологию произошло в этом волжском городе (см. подробнее: Кузьминых и др., 2007, с. 15–38). Самарский период деятельности обоих ученых – достаточно короткий у Башкирова (1919–1922) и более длительный у Гольмстен (1919–1929) – совпал с оживлением археологических исследований в Среднем Поволжье.

Одна из первых послереволюционных экспедиций, организованных А.С. Башкировым весной 1919 г., в разгар Гражданской войны, была связана как раз с изучением памятников Волжской Булгарии. Ученый возглавил экспедицию Самарского университета и губернского музея для изучения булгарских поселений в Симбирской и Казанской губерниях и, прежде всего, Болгарского городища. В работах ему помогали инженер-геолог П.Н. Ефимов и историк П.А. Преображенский. Башкиров оказался в числе трех первых исследователей в послереволюционной России, кому только что созданный научно-методический центр – Археологический подотдел Музейного отдела НКП РСФСР выдал открытый лист (Городцов, 1985, с. 269). В деле организации и снабжения большую помощь экспедиции оказали Реввоенсовет Восточного фронта (В.В. Куйбышев) и Самарский губернский отдел народного образования (В.А. Тронин) (Башкиров, 1928, с. 7).

Экспедицией была произведена графическая фиксация, описание, «зондажное» исследование (шурфовка), инструментальная съемка объектов в Болгаре – Четырехугольника, Черной и Белой палат, тюрбе, Малого минарета, Большого и Малого городка и валов городских укреплений. Они отражены на плане, снятом П.Н. Ефимовым (Башкиров, 1928, табл. 1).

С первой информацией о результатах работ в Болгаре ученый познакомил летом того же года Совет Общества археологии, истории, этнографии при Казанском университете (Башкиров, 1928, с. 7). В Симбирске и Казани им были изучены археологические коллекции губернских музеев. По результатам экспедиции на заседаниях Самарского Общества археологии, истории, этнографии и естествознания (СОАИЭЕ) Башкиров сделал сообщения «Древний город Булгар в русской исторической и археологической литературе», «Тюркские памятники в Поволжье и Приуралье» и др. (Гольмстен, 1925, с. 5).

Результаты рекогносцировочных работ 1919 г. скупо использованы им в книге «Памятники булгаро-татарской культуры на Волге» (Башкиров, 1928). Она задумана, прежде всего, как историко-архитектурное исследование. Археологические материалы обсуждаются ученым лишь в контексте изучения Четырехугольника, Большого минарета и Белой палаты. Алексей Степанович к 1928 г. имел уже немалый опыт исследования средневековых архитектурных памятников Малой Азии, Крыма, Кавказа и Средней Азии и, безусловно, мог со знанием дела судить об архитектурных памятниках Болгара. Книжка В.Ф. Смолина (1926) о развалинах древнего Булгара, вышедшая двумя годами ранее, в профессиональном отношении ей замет-

но уступала. Все последующие исследователи памятников монументального зодчества Болгара (А.П. Смирнов, В.В. Егерев, С.С. Айдаров и др.) высоко оценивали очерки А.С. Башкирова о Четырехугольнике, Большом минарете и Белой палате.

Подготовительные материалы к книге, собранные во время экспедиции 1919 г., отложились в архиве ученого. Это – планы, чертежи, рисунки Г. Прокофьева и А. Васильевой Черной палаты, Четырехугольника, архитектурных деталей, орнаментов и пр.; зарисовки находок в Казанской губернии; планы и чертежи И. Пехтерева Большого минарета и Четырехугольника, П.Н. Ефимова – восточного и южного фасадов Белой палаты; рисунки фрагментов керамики из Болгар (ОПИ ГИМ. Ф. 598, ед. хр. 47); план и разрез руин в Болгарах (по Казаринову, 1887); эскизы орнамента оконных проемов Соборной мечети; фото выставки, посвященной раскопкам 1919 г.; иллюстрация из книжного издания древней болгарской мечети, обращенной в церковь св. Николая; план и профиль церкви св. Николая; иллюстрации из книжных изданий (с видами развалин, планов и храма в Болгарах); рисунок и план Белой палаты, вид и план развалин палат близ церкви св. Николая и в Малом городке и пр. (там же, ед. хр. 48); фото А.С. Башкирова развалин Белой палаты; различные фото Болгар, надгробного памятника и др. (там же, ед. хр. 49). Здесь же отложились и материалы исследований в Болгаре, проведенных в 1928 году (там же, ед. хр. 49, 50).

Общество археологии, истории, этнографии и естествоиспытателей (А.С. Башкиров был его председателем и одновременно товарищем (заместителем) председателя археологической комиссии) стало тем учреждением, на базе которого в 1920-е годах велось разведочное обследование территории Самарской губернии. Направления работы общества Башкиров изложил на одном из его заседаний (14.12.1919 г.) в докладе «Ближайшие задачи археологических исследований в Самарском крае» (Зудина, 2008а, с. 17).

Принципиальные изменения в подходе к изучению памятников археологии Самарского края произошли осенью 1920 г. после инспекционной поездки В.А. Городцова – руководителя Археологического подотдела Музейного отдела НКП РСФСР, профессора кафедры первобытной археологии 1 МГУ и одного из лидеров российской археологии тех лет. Во время пребывания в Самаре он предложил СОАИЭЕ провести систематическое обследование Самарской губернии. Методические указания Городцова (см. подробнее о них: Кузьминых и др., 2007, с. 20) были едины для всех губерний и областей России: первоочередные разведочные маршруты необходимо было провести в пределах двух 20-верстных полос. Одна из них должна пересечь губернию с запада на восток, другая – с юга на север, причем маршруты необходимо было привязать к течению крупных рек. На заседаниях СОАИЭЕ Башкиров, в частности, предлагал: «…в ближайшее время сосредоточить внимание на детальном изучении района Утки и Майны в непосредственной связи с проведенной уже экскурсией на развалины Болгар. Обследование болгарской культуры, несомненно, имевшей большое влияние в нашем крае, является обязательной задачей нашего Общества» (Зудина, 2008а, с. 22). Сама разработка общего плана обследования региона была поручена П.Н. Ефимову, который предложил три первоочередных маршрута: северный, южный и восточный. План был утвержден в НКП РСФСР, и с 1921 г. началось разведочное археологическое обследование губернии.

В архивных материалах А.С. Башкирова отложились документы, связанные с выявлением и изучением в том году археологических памятников по течению р. Самары под его руководством, а именно: «Археологическая карта части долины р. Самарки», «План места археологических раскопок, произведенных Самарским археологическим обществом в 1921 г. под руководством проф. А.С. Башкирова» и пр. (ОПИ ГИМ. Ф. 598, ед. хр. 46).

В реальности Открытый лист на археологические работы в бассейне р. Самары был выдан В.В. Гольмстен (Кузьминых и др., 2007, с. 21, 22). Именно отряд под ее руководством в тяжелейших условиях начавшегося в Поволжье голода провел основные исследования. Участие Башкирова в этих работах в отчетных документах экспедиции Гольмстен не подтверждается, но, тем не менее, некоторые общие документы, связанные с обследованием р. Самары, отложились в его архиве. В частности, летом 1921 г. Башкиров со студентами Семинария археологии и искусств при историко-филологическом факультете Самарского университета провел первые масштабные раскопки средневекового мордовского Барбашинского могильника около Самары, на которые университет ассигновал миллион рублей (в ценах тех лет) (Зудина, 2008б, с. 337). Алексей Степанович подготовил к печати статью «Археологические раскопки

могильника Барбашинской Поляны ок. Самары летом 1921 г.», но, к сожалению, она осталась не опубликованной.

В дальнейшем, после отъезда А.С. Башкирова из Самары, археологическое обследование края в труднейших условиях Гражданской войны и далее на протяжении всех 1920-х годов было продолжено В.В. Гольмстен и ее учениками (Кузьминых и др., 2007).

Встреча с В.А. Городцовым сыграла важную роль в дальнейшей судьбе А.С. Башкирова. В октябре 1922 г. он переехал в Москву. Василий Алексеевич фактически ввел его в круг московской научной элиты. Еще в июне 1922 г. Башкирова избрали на должность профессора педагогического факультета 2 МГУ по кафедре теории истории искусств и археологии. Более десяти лет он вел здесь курсы по античному и средневековому искусству и археологии. По рекомендации Городцова Башкиров был избран также профессором археологического отделения 1 МГУ; за ним закреплялись три курса – по истории археологических открытий, археологии средневековья и археологии болгарской культуры (спецкурс) (ОПИ ГИМ. Ф. 431, ед. хр. 345, л. 1).

1920-е годы стали вершиной в научной карьере А.С. Башкирова. Научно-исследовательская работа ученого была связана, кроме вузов, с ведущими археологическими и музейными учреждениями Москвы – Институтом археологии и искусствознания при ФОН 1 МГУ (с 1924 г. при РАНИОН), Московской секцией РАИМК, НИИ этнических и национальных культур народов Востока РАНИОН, Государственным Историческим музеем, в котором Алексей Степанович возглавил Отделение византийских памятников (1925–1933), Государственным музеем Востока (1926–1935). Кроме того, он постоянный участник различных научных заседаний в Московском археологическом обществе, Центральном бюро краеведения при Российской Академии наук, Всесоюзной научной ассоциации востоковедения. Первые доклады Башкирова после переезда в Москву были связаны как раз с булгарской проблематикой: в МАО – «Археологические памятники Среднего Поволжья», в ЦБК – «Краеведческая работа Общества археологии, истории, этнографии при Самарском государственном университете», во ВНАВ – «Культура болгар на Волге в историко-археологической литературе» (Архив РАН. Ф. 478, оп. 1а, д. 2, л. 6).

На протяжении 1920-х годов основные экспедиционные работы А.С. Башкирова были связаны с Крымом, Таманью, Абхазией, Чечней и Дагестаном. Возможность продолжить полевые исследования на булгарских памятниках представилась лишь в конце этого десятилетия.

Летом 1928 г. Алексей Степанович принял участие в экспедиции по изучению болгаро-татарской культуры, организованной НИИ этнических и национальных культур народов Востока РАНИОН, Всесоюзной научной ассоциацией востоковедения и Академическим центром НКП ТССР. В состав экспедиции входили представители научных и краеведческих организаций Казани (Дом татарской культуры, Научное общество татароведения, Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете, Музейный отдел НКП ТССР, Центральный музей ТССР и др.). Для успешного проведения экспедиции был организован особый Комитет из представителей всех этих организаций под председательством М.Х. Тагирова. В состав Комитета входили: В.В. Егерев (зам. председателя), А.С. Башкиров, И.Н. Бороздин, А.К. Булич, П.М. Дульский, Н.Ф. Калинин (секретарь), П.Е. Корнилов, Конов (от ВКПб), Али Рахим, Сюнчилеев и З.Ш. Тагиров (Башкиров, 1929а, с. 36). Непосредственное руководство экспедицией вела «руководящая группа» Комитета (там же, с. 27).

Археологические разведки в Казанском Кремле (у церкви Киприяна и башни Сююмбеки), а также в районе Старой Казани (Русско-Урматское селище и Камаевское городище) были проведены отрядом под руководством И.Н. Бороздина (1929). Работы велись по открытому листу, информация о них отражена в официальной хронике ГАИМК тех лет (Археологические экспедиции, 1962, с. 56). А.С. Башкиров (1929а) возглавил рекогносцировочные изыскания на Билярском городище и в его округе – между селениями Горки и Никольский Баран. В Билярском отряде работали: А.С. Башкиров (НИИ народов Востока), Али Рахим (НОТ), В.Н. Сементовский (географ, профессор КГУ), А.К. Булич (ЧКМ), Н.Ф. Калинин (ЦМТР), П.Е Корнилов (МО ТССР), Л.И. Вараксина (ЦМТР), Гафаров, З.Ш. Тагиров, А.А. Баишева (НИИ народов Востока), А.А. Марущенко (студент 1 МГУ), З.А. Акчурина, Н.Г. Спиридонов, Усеинов, Абдуллин (студенты ВПИ), Конов и А.А. Некрасов (студенты ЛВИ), а также билярские педагоги-краеведы (Башкиров, 1929а, с. 36). Работы велись в течение 10 дней – с 17 по 27 июня. Как выяснил позднее А.Х. Халиков в

архиве ЛОИА, эти работы осуществлялись без открытого листа, отчет о раскопках в ГАИМК не поступил, методика раскопок, и прежде всего шурфовка всей территории городища, «получила резкое осуждение полевого комитета» (Халиков, 1976, с. 22).

В задачи экспедиции входили: «а) топографический и инструментальный обмер городища и его обороны; б) разрез внешнего, среднего и внутреннего валов со рвами для выяснения их архитектурной структуры; в) рекогносцировочный зондаж основной территории городища шурфовкой для выяснения культурного содержания и характера культурных слоев по азимуту (С–Ю), взятому в восточной половине городища[1] и г) общий обзор окрестностей городища к С в пределах между сс. Горки (на В) и Никольский Баран (на З) с глазомерной съемкой памятников и сбором подъемного материала» (Башкиров, 1929а, с. 27). Все запланированные исследования были проведены.

В 1929 г. планировалось продолжить работы Поволжской этнолого-археологической экспедиции по изучению болгаро-татарской культуры, проводимой НИИ этнических и национальных культур народов Востока РАНИОН под руководством А.С. Башкирова в сотрудничестве с научными организациями ТССР (см. Приложение 1). В объяснительной записке Алексея Степановича в Коллегию НИИ народов Востока пояснялось, что «если исследовательские работы 1928 г. были с чисто археологическим уклоном, то летом 1929 г. они, сохраняя археологический характер полностью, одновременно вносят и характер этнологический по изучению быта в живых его условиях (язык, материальная культура). <…> Культура булгар отныне не может быть изучаема как культура других племен территории в оторванном виде. <…> Изучение культуры в свете яфетической теории будет вестись при освещении материала и вымерших поколений и живущих» (ОПИ ГИМ. Ф. 598, ед. хр. 53, л. 1).

В ходе работ 1929 г. планировалось продолжение: а) исследования культурных напластований в юго-западной части Билярского городища; б) раскопок здания с центральным отоплением (А.С. Башкиров, Ю.В. Готье, Н.Ф. Калинин, Л.И. Вараксина и др.); в) детальных инструментальных топографических обмеров обороны городища и его окрестностей (В.Н. Сементовский). Этнологические разыскания экспедиции переносились на восток Татарской республики – в Елабужский и Мензелинский кантоны. Силами казанских ученых – этнографа Н.И. Воробьева, социолога Н.-Б.З. Векслина, лингвистов Н.И. Ашмарина и Али Рахима намечалось рекогносцировочное изучение материальной культуры и языка населения региона. Этнологическая часть плана была бы продолжением исследований, которые активно велись учеными ТССР под эгидой Научного общества татароведения вплоть до начала 30-х годов (Воробьев, 1930; Векслин, 1930; и др.), и ее выполнение не было жестко привязано к планам работ Поволжской экспедиции.

В итоге археологическая часть плана, кроме работ геодезической группы В.Н. Сементовского (при участии Н.Ф. Калинина) по инструментальной съемке Билярского городища (Сементовский, 1939), осталась на бумаге. Раскопки в Биляре в 1929 г. не состоялись, скорее всего, не из-за отказа в финансировании или несогласия с планом работ Поволжской экспедиции со стороны административных органов ТССР. Продолжение достаточно масштабных полевых работ требовало их «легализации» в ГАИМКе. Резкая критическая позиция полевого комитета Академии, с которым не были согласованы раскопки 1928 г., и не предоставление отчета о полевых исследованиях за этот год, вероятно, вынудили ГАИМК пойти на крайние меры и сигнализировать в НИИ этнических и национальных культур народов Востока и в Академический центр НКП ТССР об отказе Башкирову в выдаче открытого листа.

Возвращаясь к работам 1928 г., отметим, что ученый опубликовал лишь краткие отчетные сведения о раскопках в Биляре, сопроводив их только двумя фото части кирпичного здания, вскрытого в урочище «форт» (Башкиров, 1929а, вклейка 4). Отсутствие полевого отчета и полноценной публикации, а также утрата коллекций, переданных в ЦМТР (см. Приложение 2), в итоге свели на нет научные результаты раскопочной кампании 1928 г. на Билярском городище. Сохранившиеся архивные материалы А.С. Башкирова и Н.Ф. Калинина[2] ни в коей мере их не восполняют, особенно в свете масштабных исследований на памятнике в последней трети XX и в начале XXI века. Но история археологических исследований в Татарстане, и Билярско-

[1] Обозначены на плане В.Н. Сементовского (Халиков, 1976, рис. 5).

[2] Н.Ф. Калинин. Материалы археологических раскопок Билярского городища. Экспедиция 1928 г. // Архив КФАН, ф. 8, оп. 1, д. 88.

го городища прежде всего, нуждается в том, чтобы историки науки обратились к изучению и анализу архивных материалов, связанных с экспедицией 1928 года (ОПИ ГИМ. Ф. 598, ед. хр. 51–62)[3].

В фонде А.С. Башкирова сохранились следующие документы: дневники, чертежи, профили валов и рвов, краткие отчеты, составленные участниками экспедиции (Н.Ф. Калинин, А.К. Булич, Л.И. Вараксина, А. Рахим, З.А. Акчурина, А.А. Баишева, А. Хамит, З.Ш. Тагиров, А.А. Некрасов) (ОПИ ГИМ. Ф. 598, ед. хр. 51, 52, 59, 60; рис. 1–3); фото и рисунки билярской керамики, описи находок (там же, ед. хр. 52, 54–56, 62); видовые фотографии раскопок и их участников, вскрытых сооружений и объектов (там же, ед. хр. 51, 54, 57, 58; рис. 4–7). Помимо работ на Билярском городище экспедиция провела рекогносцировочное обследование памятников в его окрестностях: Балынгузского городища (документация составлена Л.И. Вараксиной, А.А. Некрасовым, включая план расположения шурфов и записку «Гора Балынгуз в окрестностях Билярска»; там же, ед. хр. 52, 61), Николаев-Баранского II городища (Л.И. Вараксина, А.А. Некрасов; там же, ед. хр. 59), городища по Старо-Протяжной дороге (Горкинское?) (Н.Ф. Калинин, А.А. Некрасов, Али Рахим; там же, ед. хр. 59). По окончании работ в Биляре Н.Ф. Калинин и Л.И. Вараксина провели разведочные работы в Джукетау: составили глазомерный план городища (с датой съемки 29.06.1928 г.) и сняли профили его валов и рвов (ОПИ ГИМ. Ф. 598, ед. хр. 61), а Али Рахим и А.К. Булич обследовали булгарские надгробные памятники в ряде мест Чистопольского кантона (там же, ед. хр. 59; Приложение 3).

А.С. Башкиров осуществлял общее руководство работами в Биляре, вел фотосъемку окрестностей городища, всех этапов раскопок, вскрытых объектов и архитектурных сооружений. Наиболее ценными его помощниками являлись Н.Ф. Калинин и Л.И. Вараксина – основная практическая полевая работа (глазомерная съемка объектов, нивелировка, составление планов и чертежей и др.) легла на их плечи. Часть сотрудников была в распоряжении В.Н. Сементовского (см. Приложение 4), выполнявшего инструментальную съемку Билярского городища и его оборонительных сооружений. Среди рабочих материалов Башкирова сохранились рукописи «Внутренний вал Билярского городища (с планом и 4 профилями)», «План части знания, открытого в Билярске у внутреннего вала», «План части здания при “форте № 2” Билярского городища», «Список археологических находок на вале Билярского городища» и др. (ОПИ ГИМ. Ф. 598, ед. хр. 52, 59).

Важную информацию о ходе и итогах экспедиции содержат документы, связанные с организацией работ Поволжской этнолого-археологической экспедиции в 1928–1929 гг. и передачей коллекций в Центральный музей ТССР (см. Приложения 1 и 2; рис. 8–11). В их числе и письмо Н.Ф. Калинина А.С. Башкирову от 21.02.1929 г. (см. Приложение 5), повествующее о передаче фотографий и чертежей объектов и профилей Билярского городища, перебеленных им и Л.И. Вараксиной. Из этого письма явствует, что Николай Филиппович полон надежд на продолжение раскопок в Биляре летом 1929 г.

В этом комплекте документов отложились также черновые записи А.С. Башкирова: «Памятники болгаро-татарской культуры на Волге» на французском языке (заметка подготовлена, вероятно, для какого-то информационного издания) и «Казанский городской музей. Археологический музей при Казанском университете» (1928 г.) с обзором интересовавших ученого археологических материалов, заметка З.Ш. Тагирова «Болгары до Золотой орды: (Краткий историко-экономический очерк)» в газете «Красная Татария» (№ 139 от 17.06.1928 г.) с автографом автора «Дорогому учителю и руководителю проф. А.С. Башкирову. 5/VII-1928» (там же, ед. хр. 60). Заметка Тагирова (рис. 12) появилась перед началом работ экспедиции 1928 г. и ставила своей целью познакомить широкие круги читателей с историей волжских булгар.

Среди массы документов, связанных с работами в Биляре, в архиве А.С. Башкирова отложились также материалы разведочного обследования Камаевского городища (дневники раскопок, профили вала и рва на стрелке, а также проезда) (А.К. Булич, 8.07.1928; З.Ш. Тагиров, Л.И. Вараксина), Казанского кремля (дневники и чертежи раскопок в усадьбах ТатЦИКа и Наркомпроса, выполненные Н.Ф. Калининым и Л.И. Вараксиной) (ОПИ ГИМ. Ф. 598, ед. хр. 48, 59–61), Болгарского городища (в основном фотографии архитектурных памятников) (там же, ед. хр. 48–50). Судя по документам, разведочные шурфы в Болгаре в 1928 г. не закладывались.

В этом году А.С. Башкиров стал членом Ученого совета Музея восточных культур. На

[3] См. полную опись этих материалов: Белозерова, 2017.

научных заседаниях совета в рамках обсуждения проектов по изучению тюркской культуры в СССР была заслушана серия его докладов и сообщений, в том числе «Летние работы в Билярске, на Тамани и в Хорезме» (Войтов, 2003, с. 88, 91, 106, 108, 125). В тот момент работы ученого в различных регионах СССР были подчинены общей тематической задаче, связанной с плановым изучением торговых и караванных путей, соединявших в древности Среднюю Азию с Поволжьем и Крымом (там же, с. 24).

Раскопки А.С. Башкирова на крупнейших булгарских археологических памятниках явились продолжением дореволюционных исследований, осуществлявшихся Обществом археологии, истории и этнографии при Казанском университете, но, к сожалению, они стали эпизодом в многогранной деятельности ученого тех лет и не вылились в долгосрочную программу изучения городов Волжской Булгарии. Негативная оценка исследований Башкирова на Билярском городище – как методики раскопок, так и сделанных им выводов – хорошо известна специалистам-булгароведам (см. подробнее: Халиков, 1976, с. 22–24). Планомерные археологические работы на памятнике возобновились в 1967 г., спустя 40 лет после раскопок экспедиции по изучению болгаро-татарской культуры (там же, с. 24–56). В районе «форта», через всю территорию которого Башкиров заложил серию шурфов, в некоторых местах расширенных в раскопы, и где он вскрыл остатки кирпичного здания (рис. 7) и часть могильника (7 захоронений), в 1969–1972 гг. было изучено большое здание общественного назначения (Халиков, Шарифуллин, 1967) и один из наиболее ранних билярских некрополей – II Билярский могильник (Халикова, 1967). По следам разведочных шурфов Башкирова на валах внутреннего города в районе «форта» (рис. 5) их стратиграфия была изучена в 1968 г. П.Н. Старостиным в раскопе VII (Халиков, 1967, с. 49, 50).

Подводя итог исследованиям А.С. Башкирова на Болгарском, Билярском и Джукетауском городищах, важно отметить, что помимо археологического изучения культурного слоя и выявленных в нем объектов и находок исследовались строительно-конструктивные и архитектурно-художественные особенности общественных, культовых и мемориальных сооружений домонгольского и золотоордынского времени. В ходе работ Поволжской этнолого-археологической экспедиции Али Рахим продолжил изучение булгарских и булгаро-татарских эпиграфических памятников. В рамках сотрудничества Академического центра НКП ТССР и Института этнических и национальных культур народов Востока РАНИОН удалось издать книгу «Памятники булгаро-татарской культуры на Волге» (Башкиров, 1928), посвященную изучению оборонительных сооружений Болгара и его главных архитектурных памятников – Четырехугольника, Большого минарета и Белой палаты.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

В Коллегию Научно-исследовательского Института этнических и национальных культур народов Востока СССР РАНИОН

Объяснительная записка к выполнению Поволжской этнолого-археологической экспедиции по изучению булгаро-татарской культуры, проводимой Институтом народов Востока РАНИОН совместно с Академическим центром Наркомпроса Татарской ССР летом 1929 года

Работа по изучению булгаро-татарской культуры, начатая год тому назад Институтом народов Востока[4] совместно с научными силами Татреспублики будет продолжаться и в настоящем году. Летом 1928 г. было проведено экспедиционное обследование в области изучения памятников истории материальной культуры: были начаты работы на городище Биляр, в Казанском Кремле и на городище Урмат[5] в районе так наз. Эски-Казани.

Летом 1929 г. Институт народов Востока намерен продолжить изыскания в означенных пунктах и в особенности на городище Биляр. Но если исследовательские работы 1928 г. были с чисто археологическим уклоном, то летом 1929 г. они, сохраняя археологический характер полностью, одновременно вносят и характер этнологический по изучению быта в живых его условиях (язык, материальная культура).

[4] Полное название – НИИ этнических и национальных культур народов Востока РАНИОН.

[5] Речь идет о Русско-Урматском селище и Камаевском городище. Работы здесь велись под руководством И.Н. Бороздина

К этому широкому обследованию присоединяется ряд исследователей Татреспублики, оно соответствует и тем задачам, которые имеет Институт народов Востока. В постановке изучения булгаро-татарской культуры, конечно, не предполагается узкий подход, имеющий в виду только культуру определенной этнической группы. Уже при первом подходе к Биляру мы столкнулись в памятниках материальной культуры с весьма четкими пережитками глубокой древности, понимание которых проясняется методом яфетической теории, которая от штудий над языком направляет нас к памятникам материальной культуры, как материалистическое выражение сущности вещей.

Примером служат следующие памятники: на территории Биляра обнаружена керамика шаровидной формы тулова с весьма высоким бортом широкого горла; она покрыта штампованным и насечным орнаментом в виде волн в одну линию и волн пучками или же в виде ломанных угольных отрезов в елочку. Посуда эта имеет черную или коричневую глину, смешанную с крупно-толченой ракушкой[6]. И в форме сосуда, и в форме орнамента представлены чрезвычайные пережитки форм глубоких доисторических культур так называемой «срубной культуры», которая широкими потоком обнаруживается на юге Восточной Европы. Было бы удивительно говорить об этой культуре на городище Биляр в бытовании форм времени раннего средневековья, если бы элементы так называемой «срубной культуры» были чужды территории данного края. Они были обнаружены в верстах 70-ти от Биляра в Самарской губернии два года тому назад[7].

Упомянутая мною билярская керамика имеет свое широкое распространение в Прикамьи и в бассейне р. Чепцы.

Культура булгар отныне не может быть изучаема, как культура других племен территории в оторванном виде. Это ярко осветил в своей работе акад. Марр «Чуваши-яфетиды на Волге» [1926], который, выясняя культурную роль чувашей и в булгарской жизни Волжско-Камского края, ставит вопрос изучения булгар в неразрывную связь с другими племенами восточной половины Восточной Европы. Изучение культуры в свете яфетической теории будет вестись при освещении материала и вымерших поколений и живущих.

Конкретный план исследовательских работ заключается в следующем (он проработан совместно с учеными Татреспублики):

1) Продолжение изысканий на городище Биляр, а именно: а) раскопки городища в юго-западной части с выяснением культурных наслоений на широком пространстве; б) продолжение раскопок здания с центральным отоплением и в) продолжение детальных инструментальных топографических обмеров обороны городища и его окрестностей.

2) Обследование этнолого-археологическое Елабужского и Мензелинского кантонов в рекогносцировочном порядке со сбором материалов по материальной культуре и языку.

Со стороны Института народов Востока принимают участие два действительных члена – А.С. Башкиров и Ю.В. Готье и аспиранты – археологи и этнографы, со стороны Татреспублики – проф. Н.И. Воробьев, Н.И. Ашмарин, [Н.-Б.З.] Векслин, В.Н. Сементовский, Али Рахим, Н.Ф. Калинин и 5 сотрудников Центрального музея и других учреждений, из которых три – из татар.

Начало работ намечается на 1-е июня с.г. Основными органами со стороны Татреспублики, заинтересованными в означенной работе, являются Академический центр, Общество по изучению Татарстана, Центральный музей, Отдел по делам музеев Татреспублики, Дом татарской культуры и др.

В Татреспублике в прошлом году означенными учреждениями и Институтом народов Востока образован Ученый Комитет по изучению булгаро-татарской культуры, который и является руководящим органом. Выполнение работ возложено на особую рабочую Комиссию. На проведение вышеизложенных работ была составлена еще в прошлом году смета, которая вошла в общую смету Института народов Востока по параграфу экспедиций суммой на 3500 рублей. При сем прилагается конкретная рабочая смета предполагаемых расходов. Она является частью половинной доли общей сметы на экспедицию. Вторая половина проходит по Татреспублике от Академического центра. Представляемая смета в сумме 2924 р. 90 к.

Означенная Поволжская экспедиция, организованная в полном контакте с местными учреждениями, является лучшим образцом конкретной научно-исследовательской связи

[6] Речь идет о круговой и близкой к ней керамике прикамско-приуральских истоков, изученной впоследствии по материалам Биляра Н.А. Кокориной (1976) и Ф.Ш. Хузиным (1986).

[7] См. подробнее о проблеме северной периферии срубной культурно-исторической общности: Кузьминых, 2000.

Института народов Востока с местами и ярким свидетелем того, что она актуальна и связана с требованиями момента в деле советского строительства. Наркомпрос Татреспублики и ряд научных учреждений Татреспублики прекрасно учитывают важность научного кооперирования сил, которое в области обследования местных культур прошлого и настоящего приносит крупную пользу для создания истории края, основанной пока только на письменных источниках, для учета и изучения бытовых условий, необходимых при создании твердой экономики края и при борьбе за новый быт. Комплексный этнолого-историко-археологический уклон экспедиции, на который она встает в настоящем году, имеет серьезное значение и для практической работы аспирантов.

[А.С. Башкиров]

ОПИ ГИМ. Ф. 598, ед. хр. 53, л. 1.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

АКТ

1929 года 26 января, мы нижеподписавшиеся, представитель Института народов Востока в Москве профессор Алексей Степанович Башкиров, с одной стороны, и представители Музейного отдела Татнаркомпроса Петр Евгеньевич Корнилов и Центрального Музея ТССР Николай Филиппович Калинин, с другой стороны, составили настоящий акт в двух экземплярах в следующем: первый сдал раскопочный материал по археологическим работам 1928 года на территории ТССР в количестве:

1) планшеток с нашитыми предметами (керамика, железо, бронза, кость, стекло и др.), перефотографированных и сданных по одному к планшету) – 37.

2) фрагментированных сосудов различных форм – 25.

3) фрагментов человеческого черепа, челюстей, костей животных и т.п. – 6.

А последние приняли означенные предметы для передачи в Центральный музей ТССР. Профессор Института народов Востока А.С. Башкиров Ученый секретарь Музейного отдела ТНКП П.Е. Корнилов

Зав. Археологическим отделом Центрального музея ТССР Н.Ф. Калинин

ОПИ ГИМ. Ф. 598, ед. хр. 53, л. 7.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Краткий предварительный отчет о поездке членов археологической экспедиции А. Рахима и А.К. Булича в 1928 г. в деревню Каргали с целью обследования булгарских надгробных памятников, находящихся в этом районе Чистопольского кантона ТР

По приезде археологической экспедиции из раскопок в Билярске в г. Чистополь 28 июня из ее состава были выделены два члена – Али Рахим и А.К. Булич для обследования булгарских надгробных памятников, находящихся в районе между дер. Каргали (вол[остной] центр) и гор. Чистополь.

29-го июня весь день прошел в подготовительных работах к поездке. Требовалось найти опытного фотографа и соответствующий фотоаппарат, каковых в наше распоряжение представлено не было. Фотографы-профессионалы из Чистополя или отсутствовали или же были заняты. Пришлось взять с собой молодого фотографа-любителя, местного жителя Авдеева, который, однако, весьма успешно и добросовестно выполнил требуемую от него работу.

Экспедиция выехала на место своего назначения в тот день вечером на 2-х подводах и, переночевав в дер. Каргалях в доме местного учителя М. Зяббарова, на другой день с утра приступила к работе. Главная наша работа заключалась в исследовании и фиксации памятников с древнего кладбища, лежащего в поле дер. Старое Ромашкино (по-татарски Иске Раман) в нескольких сотнях метров вправо от Бугульминского почтового тракта по пути из гор. Чистополя в дер. Каргалы приблизительно в 5 километрах от последней и приблизительно в 2– 2½ км от татарских деревень Сарсаз и Старое Ромашкино[8].

Общее число могильных плит 16, из которых 14 расположены на треугольном участке земли площадью приблизительно около гектара, а 2 – за оврагом в распаханном поле приблизительно в 150 м (по прямому направлению) к востоку от главного могильника (ближе к трак-

[8] Речь идет, вероятно, о Русскосарсазском кладбище (Археологические памятники… 1988, с. 66). Информация о работах Али Рахима в описании памятника не отражена.

ту). Площадь, где сосредоточены 14 памятников, ограниченная, с одной стороны, оврагом, а с двух других пашней, крестьянами не распахивается. Однако туда часто заходят пасущиеся стада. Когда-то территория могильника была огорожена изгородью, поставленной почитателями этих могил из окрестного татарского населения. Но в настоящее время изгородь разрушена и растаскана.

Памятники мы нашли в таком состоянии: 8 – вполне хорошо сохранившихся и целых; один – разбитый на 2 куска с хорошо сохранившимися надписями; один – расколовшийся на 2 куска с хорошо сохранившейся нижней частью надписей; один – то же в 2-х кусках с отбитыми надписями, из которых сохранились 1½ строки на нижней части; один – то же в 2-х кусках, но с очень плохо сохранившимися неудобочитаемыми надписями, один – во фрагментах с сохранившимся верхним орнаментом и частью надписи; 3 – совершенно разрушенных, без надписей.

Камни с надписями были нами тщательно промыты и очищены от лишая, после чего было приступлено к их фиксации. Был снят глазомерный план территории могильника, и все 14 камней нанесены на него и перенумерованы. Затем я записал обычным арабским шрифтом все доступные прочтению тексты с камней.

Затем было приступлено к фотографированию и эстампированию камней, оба процесса были сопряжены со значительными затруднениями: фотоаппарат заряжался только 4 пластинками и благоприятный момент для съемки из-за однообразной орнаментации плит на восток был ограничен двумя часами в день (с 10 до 12). Из-за пасмурной погоды и дождя половина первого рабочего дня [была] потеряна. Эстампированию мешали сильный ветер с неблагоприятной стороны, дожди все время суток и, наконец, козы, которые срывали и рвали эстампажи, оставленные по необходимости на ночь для просушки на камнях. Бумаги, захваченной нами, хватило только на половину камней, пришлось прикупить простой серой оберточной бумаги.

Однако, несмотря на всю неблагоприятную обстановку, за 3 дня работы задание наше было выполнено почти полностью. Все интересные в отношении надписей или орнамента камни были сфотографированы, 4 из них тщательно зарисованы, эстампажи сняты со всех интересных текстов (как целых, так и фрагментарных), за исключением 2-х испорченных. Контуры и орнаменты памятников зарисовал Авдеев, подписи же мною.

Из разобранных мною текстов с датами, написанными по-булгарски <...>, выясняется, что все памятники относятся к началу 14-го века <...>, незнакомые имена погребенных пока поддаются чтению с трудом; арабские изречения везде читаются отчетливо. Очень интересна орнаментация камней, с характерными для булгарских надгробий мотивами, весьма художественно выполненными и не повторяющимися в своих деталях.

Работа наша продолжалась в течение 3-х дней с 30 июня по 2 июля. 3 июля был нами составлен акт о передаче обследованных памятников на хранение каргалинскому школьному работнику Мирсаяфу Зяббарову. Копия с акта, заверенная волисполкомом, при сем прилагается. Еще 2 июля фотограф Авдеев был отправлен мною в Чистополь, который по пути должен был заснять 2 булгарских же камня в дер. Татарский Толкиш (один с тамгами на боковых гранях)[9]. Из-за плохих пластинок и неблагоприятного часа (после полудня) эти снимки вышли не совсем удачными.

3-10 июля мы вдвоем с Буличем отправились осматривать необследованный и не упоминаемый в литературе и малоизвестный могильник в поле, принадлежащем деревне Исляйкино[10]. Здесь нами были обнаружены 5 камней, 4 из них с надписями и один с очень оригинальной орнаментацией. Даты на памятниках пока разобрать не удалось, но, судя по стилю подписей, они без сомнения относятся к 14 веку. За неимением приспособлений нам не удалось промыть камни и разобрать как следует текст. Разобранный текст мною записан. За отсутствием фотографа зафотографировать новонайденные памятники не удалось.

3/VIII, вечером, экспедиция возвратилась в Чистополь и на следующий день выехали в Казань.

Али Рахим

6/VII–1928 г.

ОПИ ГИМ. Ф. 598, ед. хр. 59, л. 20-21об.

[9] Речь идет, вероятно, о Татарскотолкишском 1 и 2 кладбищах с надгробиями XIV в. (Археологические памятники… 1988, с. 68).

[10] Речь идет об Исляйкинском кладбище (Археологические памятники… 1988, с. 70). Али Рахим оказался прав, предварительно датируя надгробия XIV в.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Краткий отчет о работе в экспедиции Института народов Востока по изучению булгаро-татарской культуры аспиранта А. Баишевой

10 мая 1928 года я была командирована Институтом для участия в работе экспедиции по изучению булгаро-татарской культуры в г. Казань. На совместном заседании экспедиции и Ак[адемического] центра Татреспублики были намечены пункты обследования: Билярск Чистопольского кантона, район Чистополя, Кремль Казани и Эски Казань под руководством проф. А.С. Башкирова. По прибытии к месту назначения в Билярск для работы были выделены две группы: археологическая и топографическая. Вначале я работала с топографической группой под руководством проф. В.Н. Сементовского. Работа заключалась в знакомстве с топографической съемкой местности Билярска, вала и городища с нанесением раскопок, а также составления карты. Сотрудниками группы была проведена работа – практика по глазомерной и маршрутной съемке.

По окончании работ в топографической группе я начала работать в археологической группе экспедиции по расчистке здания вала городища и по обследованию Билярского городища по закладыванию шурфов, руководила шурфами № 25, № 27, № 35. По окончании работ на Билярском городище было приступлено к разбору добытого материала и его инвентаризации и упаковке. Кроме того, в составе членов экспедиции была предпринята разведка Барановского городища[11] и местности Балынгуз[12]. Работа в районе Чистополя свелась к разведкам городища Джукетау[13], где мной был исследован разрез восточного вала городища и руководство шурфами[14].

В Казани работа заключалась в ознакомлении с коллекциями Центрального музея Татреспублики и музея Общества археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете как сравнительным материалом к добытому экспедицией материалу.

А. Баишева.

ОПИ ГИМ. Ф. 598, ед. хр. 59, л. 22-22об.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Письмо Н.Ф. Калинина А.С. Башкирову от 21.02.1929 г.

Дорогой Алексей Степанович, посылаю Вам расписки, протоколы и «прочую такую вещь», а посылкой – фотографии и чертежи[15]. Несколько все-таки задержался.

Начнем вскоре составление плана работ на лето. Вы, вероятно, уже составили или составляете[16]. Когда соединим наши проекты в единый?

Сейчас очень занят с переселением археологического отдела в новое помещение[17]. В конце марта – начале апреля думаю побывать в Москве. Надеюсь Вас увидеть.

Уважающий Вас Н. Калинин.

21/II– 1929 г.

ОПИ ГИМ. Ф. 598, ед. хр. 59, л.104–104об.

ЛИТЕРАТУРА

Археологические памятники бассейна р. Черемшан / Отв. ред. А.Х. Халиков, сост. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1990. 112 с.

[11] Речь идет, скорее всего, о Николаев-Баранском II городище (Археологические памятники, 1990, с. 80).

[12] Речь идет, прежде всего, о Балынгузском городище и прилегающих к нему памятниках (Археологические памятники, 1990, с. 77–80).

[13] Работы 1928 г. не нашли отражения в истории изучения памятника (Археологические памятники, 1988, с. 60, 61).

[14] Материалы раскопок А.С. Башкирова и Н.Ф. Калинина в 1928 г. хранятся в Национальном музее РТ (Ефимова, 1980, с. 114).

[15] Речь идет о документации работ экспедиции летом 1928 г.

[16] См. Приложение 1.

[17] Постановлением Научного совета ЦМТР от 21.02.1929 г. археологический отдел был выделен из состава исторического отдела. На Калинина выпала большая работа по переучету, реструктуризации и каталогизации археологических фондов (цит. по: Руденко, 2014, с. 370).

Археологические памятники Центрального Закамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. 98 с.

Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР (1919–1956 гг.): Указатель / Ред. Н.Н. Воронин, М.А. Тиханова. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 264 с.

Башкиров А.С. Памятники булгаро-татарской культуры на Волге. Казань: Татполиграф, 1928. 118 с., 15 табл.

Башкиров А.С. Экспедиция по изучению болгарско-татарской культуры летом 1928 года: (Краткие отчетные сведения) // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Казань: Академический центр НКП ТССР, 1929а. Вып. 3. С. 27–36.

Башкиров А.С. Очередные проблемы изучения болгаро-татарской культуры // Татарстан. 1929б. № 3. С. 26–28. (на татар. яз.)

Белозерова И.В. Обзор научного архивного фонда археолога А.С. Башкирова из Отдела письменных источников ГИМ // МИРАС – НАСЛЕДИЕ. Том 1. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 гг.: в 3 т. / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань, 2017. С. 575–580.

Белозерова И.В., Кузьминых С.В. Жизненный путь и научное наследие профессора А.С. Башкирова // МИРАС – НАСЛЕДИЕ. Том 1. Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 гг.: в 3 тт. / Сост. и отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань, 2017. С. 100–126.

Бороздин И.Н. Археологические разведки в Кремле. I. Разведка близ Киприановской церкви // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Вып. 3. Казань: Академцентр НКП ТССР, 1929. С. 37–40.

Ватлин А.Ю., Канторович А.Р. Из истории отечественной археологической науки (несостоявшийся судебный процесс 1935 года) // РА. 2001. № 3. С. 123–131.

Векслин Н.-Б.З. Изучение Татарстана за 10 лет (1920–1930) // Очерки по изучению местного края. Казань: Дом татар. культуры, 1930. С. 99–186.

Винокуров Н.И. Профессор А.С. Башкиров – археолог, историк, преподаватель (штрихи биографии) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Вып. XVII. Керчь: НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, ЦАИЦентр археологических исследований БФ «Деметра», 2016. С. 92–117.

Войтов В.Е. Материалы по истории Государственного музея Востока (1918–1950). Люди. Вещи. Дела. М.: ГМВ; СканРус, 2003. 495 с.

Воробьев Н.И. Материальная культура казанских татар: (Опыт этнографического исследования). Казань: Дом татар. культуры, Академцентр ТНКП, 1930. 464 с.

Гольмстен В.В. Общество археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском государственном университете: (История и деятельность) // Бюллетень ОАИЭЕ. Самара, 1925. № 1. С. 2–9.

Городцов В.А. Краткий отчет о деятельности Археологической секции Отдела по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы за 1918–1922 годы // СА. 1985. № 4. С. 269–271.

Ефимова А.М. (сост.). Каталог археологических коллекций Государственного музея ТАССР. Вып. II. Эпоха железа, Волжская Болгария, золотоордынские города, Казанское ханство, коллекции XVI–XVII вв. Казань: ГМТР, 1980. 231 с.

Зудина В.Н. Самарское Общество археологии, истории, этнографии и естествознания: Археологические изыскания // Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 5: «Золотое десятилетие» самарского краеведения / Сост. Э.Л. Дубман, В.Н. Зудина; науч. ред. Э.Л. Дубман, П.С. Кабытов. Самара: Самар. ун-т, 2008а. С. 12–93.

Зудина В.Н. Архивное и музейное «строительство», Самарский истпарт: Музейное «строительство» // Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 5: «Золотое десятиле-

тие» самарского краеведения / Сост. Э.Л. Дубман, В.Н. Зудина; науч. ред. Э.Л. Дубман, П.С. Кабытов. Самара: Самар. ун-т, 2008б. С. 309–395.

Кокорина Н.А. Лепная и близкая к ней керамика Билярского городища (по материалам 1967–1972 гг.) // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 212–227.

Кузьминых С.В. Северная периферия срубной культурно-исторической общности (историографический аспект) // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи: ММНК / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: Воронеж. ун-т, 2000. С. 140–148.

Кузьминых С.В., Белозерова И.В. Василий Алексеевич Городцов и Казань: поездка 1920 года // Поволжская археология. 2014. № 4 (10). С. 186–202.

Кузьминых С.В., Сафонов И.Е., Сташенков Д.А. Вера Владимировна Гольмстен. Материалы к биографии. Самара: Офорт, 2007. 168 с.

Лысенко Ю.М. Деятельность археологических экспедиций в Дагестане. 1920–1930-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 3, ч. 2. С. 141–143.

Марр Н.Я. Чуваши–яфетиды на Волге. Чебоксары: Чув. гос. изд-во, 1926. 74 с.

Пятышева Н.В. А.С. Башкиров [1885–1963. Некролог] // СА. 1963. № 3. С. 316–317.

Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). Казань: Школа, 2014. 768 с.

Сементовский В.Н. Билярское городище // Уч. зап. КГПИ. Вып. 1. Казань, 1939. С. 130–138.

Смолин В.Ф. По развалинам древнего Булгара: (Спутник экскурсанта. Обзор развалин древнего города). Казань: Госиздат ТССР, 1926. 87 с.

Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. 2-е изд., доп. М.: Знак, 2006. 344 с.

Халиков А.Х. История изучения Билярского городища и его историческая топография // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 5–56.

Халиков А.Х., Шарифуллин Р.Ф. Караван-сарай древнего Биляра // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 75–100.

Халикова Е.А. Билярские некрополи // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 113–168.

Хузин Ф.Ш. Лепная керамика // Посуда Биляра / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. С. 4–23, 103–113.

Информация об авторах:

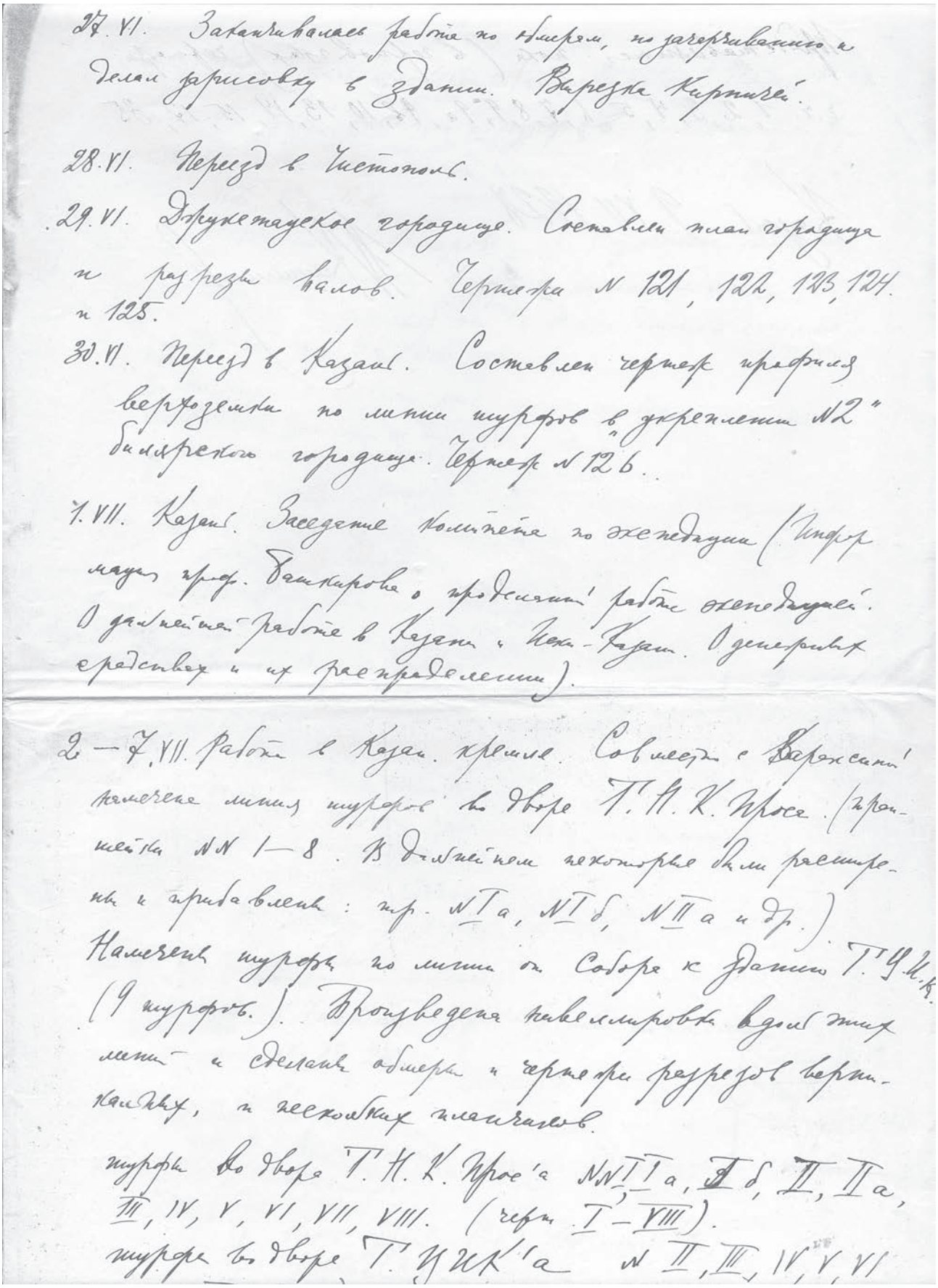
Кузьминых Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН, чл.-корр. Германского археологического института, зарубежный член Финского общества древностей (г. Москва, Российская Федерация); kuzminykhsv@yandex.ru

Белозерова Ирина Валентиновна, старший научный сотрудник, Государственный Исторический музей, Отдел письменных источников (г. Москва, Российская Федерация); irina.belozero@yandex.ru

About the Authors:

Kuzminykh Sergei V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; Kuzminykhsv@yandex.ru

Belozyorova Irina V. Senior researcher, State Historical Museum, Department of written sources, Moscow, Russian Federation; irina.belozero@yandex.ru



27.VI. Заканчивались работы по обмеру, по зачерчиванию и делал зарисовку в здании. Выезд Картиев.

28.VI. Переезд в Чистополь.

29.VI. Дружелюбное городище. Составлен план городища и разрезы валов. Чертежи № 121, 122, 123, 124 и 125.

30.VI. Переезд в Казань. Составлен чертеж профиля верхушки по линии шурфов в „укрепление №2" Билярского городища. Чертеж № 126.

7.VII. Казань. Заседание комитета по экспедиции (Информация проф. Башкирова о продолжении работы экспедиций. О дальнейшей работе в Казани и Нижн.-Карам. О денежных средствах и их распределении).

2—7.VII. Работы в Казан. кремле. Совместно с Барышниковым намечена линия шурфов во дворе Т.Н.К. Проса. (привязка №№ 1—8. В дальнейшем некоторые из шурфов расширены и прибавлены: шурфы № I а, № I б, № II а и др.) Намечены шурфы по линии от Собора к зданию Т.У.Ц.К. (9 шурфов.) Произведена нивелировка вдоль этих линий и сделаны обмеры и чертежи разрезов вертикальных, и несколько планчиков.

шурфы во дворе Т.Н.К. Проса № I а, I б, II, II а, III, IV, V, VI, VII, VIII. (чертежи I—VIII).

шурфы во дворе Т.У.Ц.К.а № II, III, IV, V, VI

Рис. 1. Фрагмент краткого отчета Н.Ф. Калинина. Казань, 9.07.1928 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 598, ед. хр. 59, л. 18).

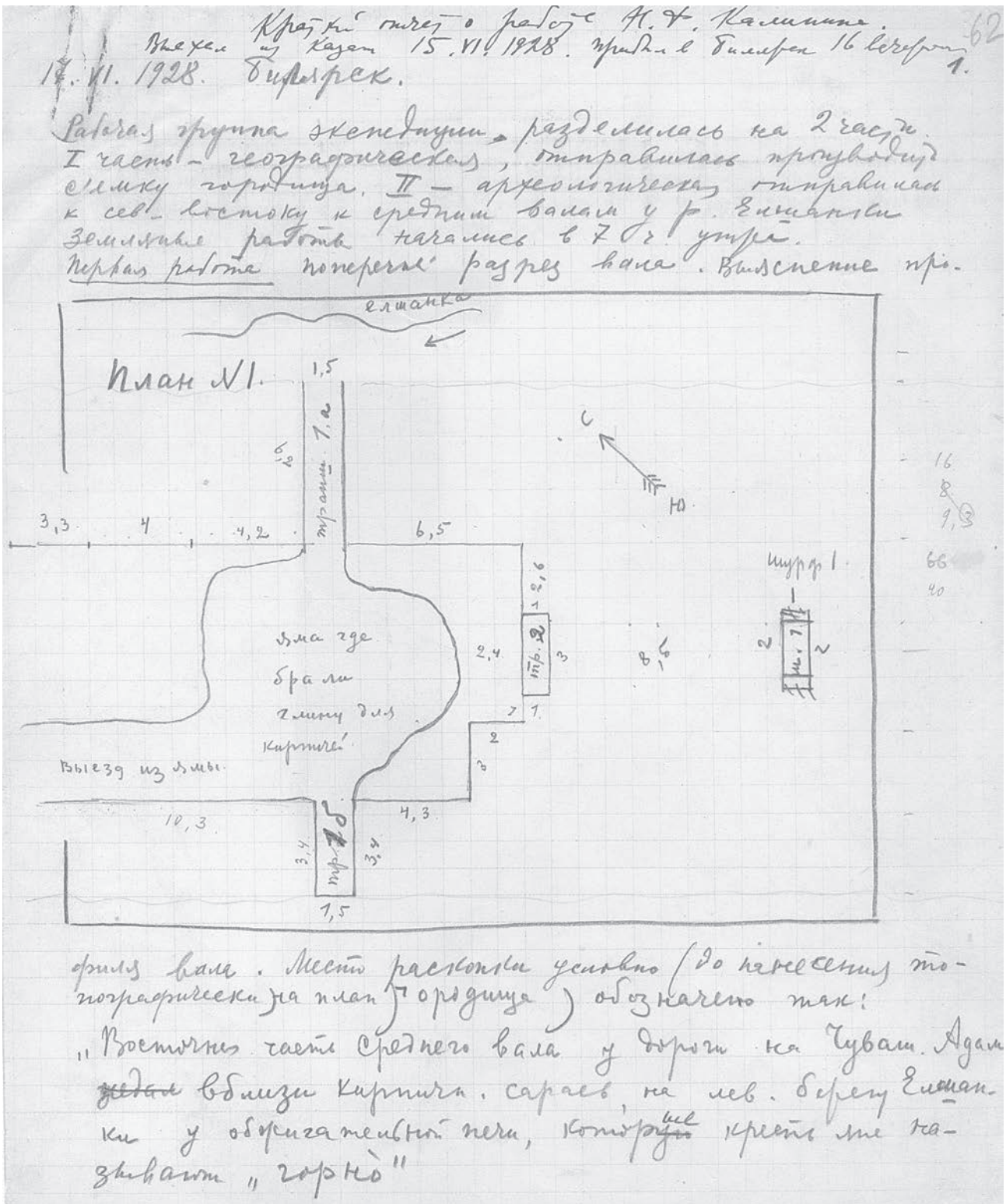


Рис. 2. Фрагмент краткого отчета Н.Ф. Калинина о работе в Биляре. Казань, 9.07.1928 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 598, ед. хр. 60, л. 62).

19

14-ый шурф
зондажем городища по старо-протяжен-
ной дороге, вырытый под наблюдением
Али Рахима 22-го июня 1928 г.

Первый штык был закончен под наблюдением Башкирова. После 4-х штыков на дне шурфа был обнаружен материк, но так как в одного угла дна была обнаружена яма заполненная черноземом, то шурф был увеличен новым шурфом по диагонали примыкавшим к первой. Новый шурф был разрыт также до материка, а затем после зачистки дна отдельно раскопана яма вырытая в глине материка. Эта яма котлообразной формы имеет в поперечнике около 75 см шурфы и яма имеют такое очертание:

В шурфах и яме обнаружено большое количество черепков и костей крупного рог. скота, мелкого скота и несколько костей курицы. Найдены из отдельных вещей пряслица и 2 костяные шила грубой работы. Материал двойного шурфа и ямы по штыкам следующий:

Али Рахим

22/VI - 28 г.

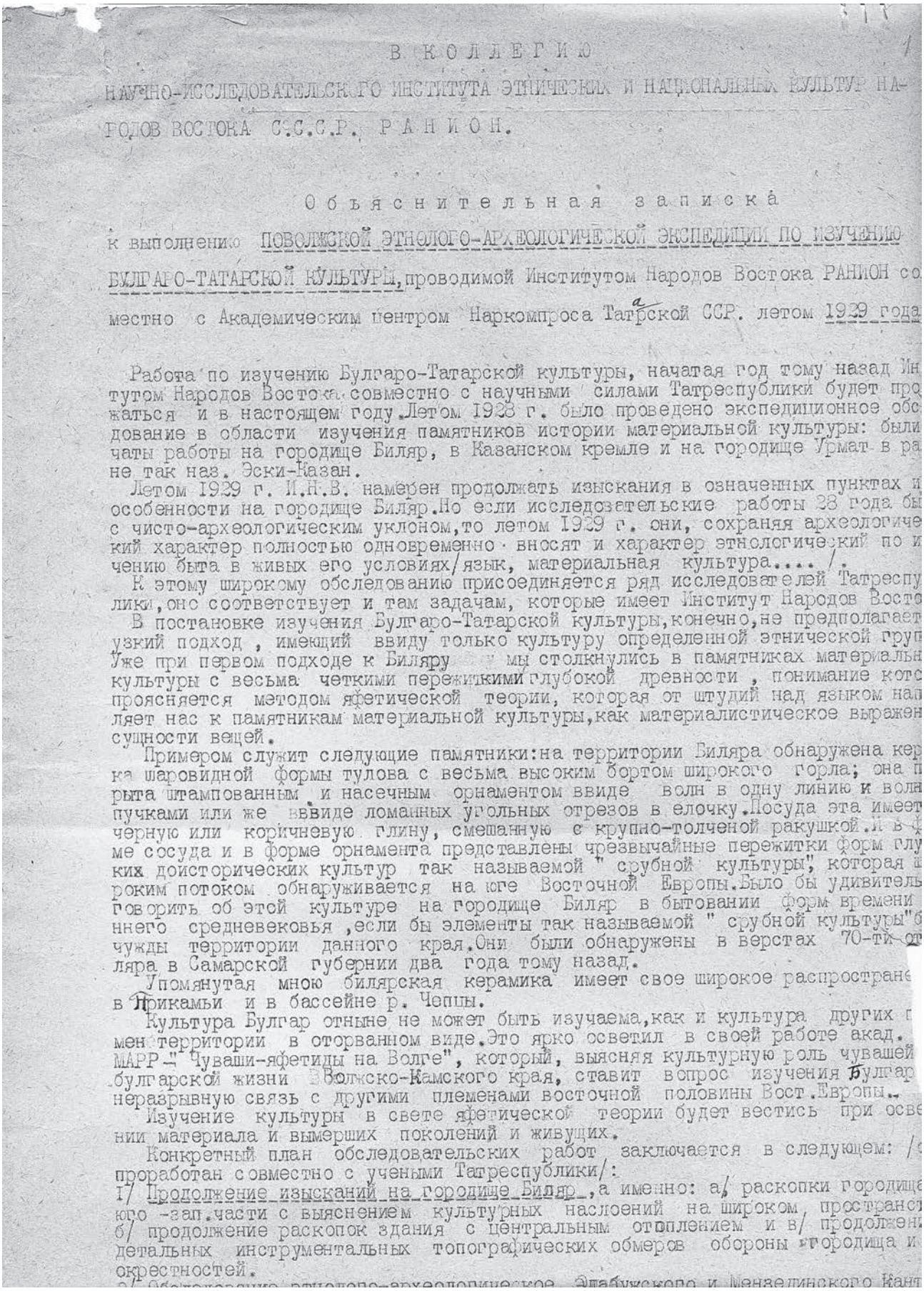
Рис. 3. Отчет Али Рахима о раскопках городища на Старо-Протяжной дороге. 22.06.1928 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 598, ед. хр. 59, л. 19).

Рис. 4. Раскопки Билярского городища в 1928 г.; в центре – А.С. Башкиров. Фото. (ОПИ ГИМ. Ф. 598, ед. хр. 57, л. 23).

Рис. 5. Раскопки Билярского городища в 1928 г.; Фото. (ОПИ ГИМ. Ф. 598, ед. хр. 57, л. 28).

Рис. 6. Раскопки Билярского городища в 1928 г. Фото. (ОПИ ГИМ. Ф. 598, ед. хр. 57, л. 63).

Рис. 7. Участники раскопок Билярского городища в 1928 г. Фото. (ОПИ ГИМ. Ф. 598, ед. хр. 57, л. 68).



В КОЛЛЕГИЮ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ЭТНИЧЕСКИХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР НАРОДОВ ВОСТОКА С.С.С.Р. РАНИОН.

Объяснительная записка

к выполнению ПОВОЛЖСКОЙ ЭТНОЛОГО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ БУЛГАРО-ТАТАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ, проводимой Институтом Народов Востока РАНИОН со местно с Академическим центром Наркомпроса Татарской ССР. летом 1929 года

Работа по изучению Булгаро-Татарской культуры, начатая год тому назад Институтом Народов Востока совместно с научными силами Татреспублики будет продолжаться и в настоящем году. Летом 1928 г. было проведено экспедиционное обследование в области изучения памятников истории материальной культуры: были начаты работы на городище Биляр, в Казанском кремле и на городище Урмат в районе так наз. Эски-Казан.

Летом 1929 г. И.Н.В. намерен продолжать изыскания в означенных пунктах и особенности на городище Биляр. Но если исследовательские работы 28 года бы с чисто-археологическим уклоном, то летом 1929 г. они, сохраняя археологический характер полностью одновременно вносят и характер этнологический по изучению быта в живых его условиях/язык, материальная культура.... /.

К этому широкому обследованию присоединяется ряд исследователей Татреспублики, оно соответствует и тем задачам, которые имеет Институт Народов Востока.

В постановке изучения Булгаро-Татарской культуры, конечно, не предполагает узкий подход, имеющий ввиду только культуру определенной этнической группы. Уже при первом подходе к Биляру мы столкнулись в памятниках материальной культуры с весьма четкими пережитками глубокой древности, понимание которых проясняется методом яфетической теории, которая от штудий над языком направляет нас к памятникам материальной культуры, как материалистическое выражение сущности вещей.

Примером служит следующие памятники: на территории Биляра обнаружена керамика шаровидной формы тулова с весьма высоким бортом широкого горла; она покрыта штампованным и насечным орнаментом ввиде волн в одну линию и волн пучками или же ввиде ломанных угольных отрезов в елочку. Посуда эта имеет черную или коричневую глину, смешанную с крупно-толченой ракушкой. И в форме сосуда и в форме орнамента представлены чрезвычайные пережитки форм глубоких доисторических культур так называемой "срубной культуры", которая широким потоком обнаруживается на юге Восточной Европы. Было бы удивительно говорить об этой культуре на городище Биляр в бытовании форм времени позднего средневековья, если бы элементы так называемой "срубной культуры" были чужды территории данного края. Они были обнаружены в верстах 70-ти от Биляра в Самарской губернии два года тому назад.

Упомянутая мною билярская керамика имеет свое широкое распространение в Прикамьи и в бассейне р. Чепцы.

Культура Булгар отныне не может быть изучаема, как и культура других племен территории в оторванном виде. Это ярко осветил в своей работе акад. МАРР – "Чуваши-яфетиды на Волге", который, выясняя культурную роль чувашей в булгарской жизни Волжско-Камского края, ставит вопрос изучения Булгар в неразрывную связь с другими племенами восточной половины Вост. Европы.

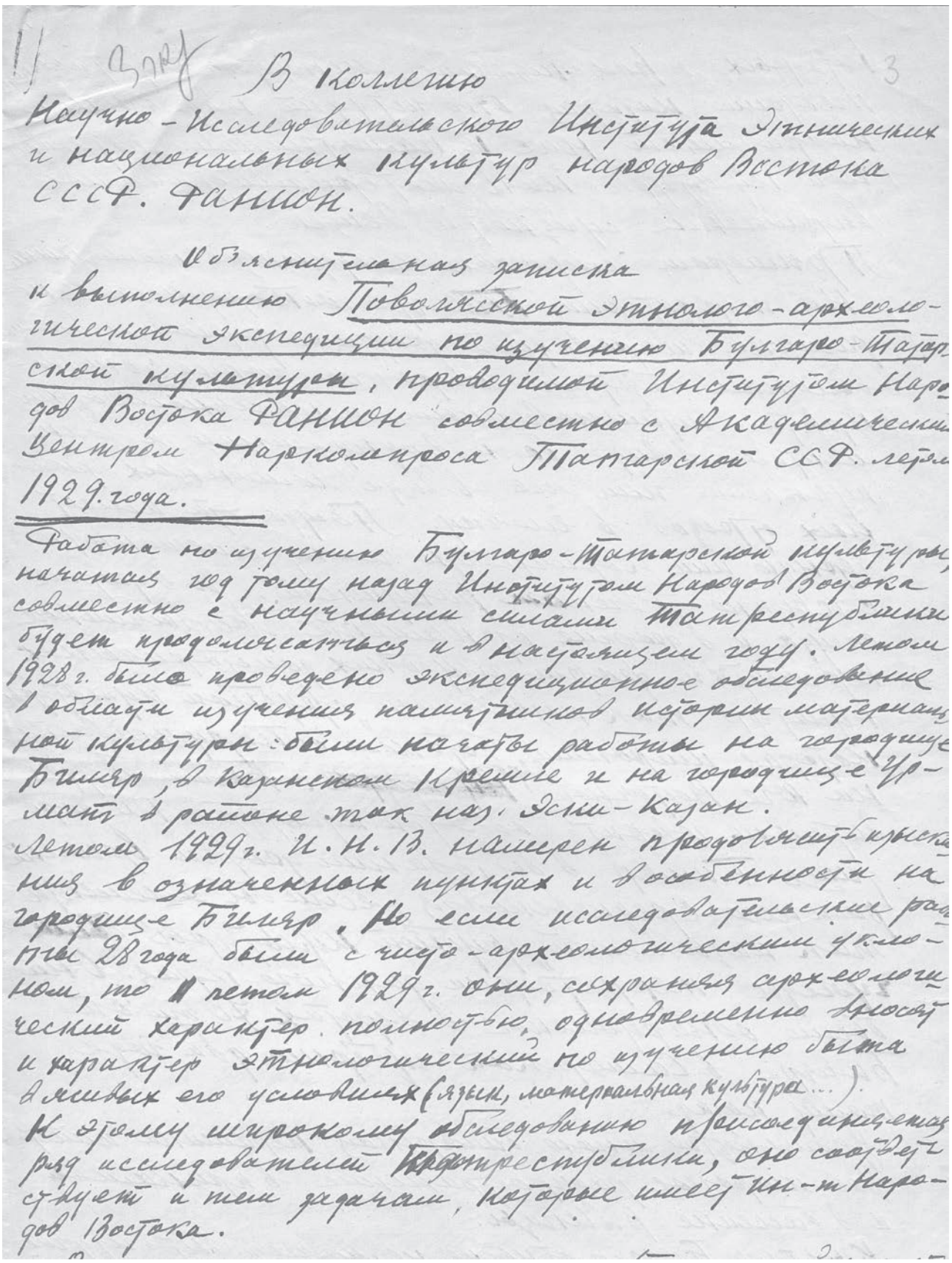
Изучение культуры в свете яфетической теории будет вестись при освещении материала и вымерших поколений и живущих.

Конкретный план обследовательских работ заключается в следующем: /составлен проработан совместно с учеными Татреспублики/:

I/ Продолжение изысканий на городище Биляр, а именно: а/ раскопки городища в юго-зап. части с выяснением культурных наслоений на широком пространстве б/ продолжение раскопок здания с центральным отоплением и в/ продолжение детальных инструментальных топографических обмеров обороны городища и его окрестностей.

2/ Обследование этнографо-археологическое Элабужского и Мензелинского кант

Рис. 8. Объяснительная записка А.С. Башкирова в Коллегию НИИ этнических и национальных культур народов Востока РАНИОН о плане работ Поволжской этнолого-археологической экспедиции в 1929 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 598, ед. хр. 53, л. 1).



В Коллегию
Научно-Исследовательского Института Этнических
и национальных культур народов Востока
СССР. ФАНИОН.

Объяснительная записка
к выполнению Поволжской этнолого-археологической экспедиции по изучению Булгаро-Татарских культур, проводимой Институтом Народов Востока ФАНИОН совместно с Академическим Центром Наркомпроса Татарской ССР. летом 1929. года.

Работа по изучению Булгаро-Татарской культуры начата год тому назад Институтом Народов Востока совместно с научными силами Татреспублики будет продолжаться и в настоящем году. Летом 1928 г. была проведена экспедиционное обследование в области изучения памятников истории материальной культуры: были начаты работы на городище Булгар, в Каменном Кремле и на городище Урмат в районе тех нас. Эски-Кыран.
Летом 1929 г. И. Н. В. намерен продолжить раскопки в означенных пунктах и в особенности на городище Булгар. Но если исследовательские работы 28 года были с чисто-археологическим уклоном, то и летом 1929 г. они, сохраняя археологический характер полностью, одновременно носят и характер этнологический по изучению быта и живых его условий (язык, материальная культура...).
К этому широкому обследованию присоединяется ряд исследователей Татреспублики, что соответствует и тем задачам, которые ставит Ин-т Народов Востока.

Рис. 9. Объяснительная записка А.С. Башкирова в Коллегию НИИ этнических и национальных культур народов Востока РАНИОН о плане работ Поволжской этнолого-археологической экспедиции в 1929 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 598, ед. хр. 53, л. 3).

С М Е Т А

Поволжской этнолого-археологической экспедиции по изучению Булгаро-Татарск
культуры, проводимой Институтом Народов Востока Р А Н И О Н совместно с Ака
мическим Центром Наркомпроса Татарской ССР. летом 1929 года.

Часть расходов по Институту Народов Востока

Срок экспедиции 45 дней.

Ответственные руководители со стороны Ин. Народов Востока действительные чл
мы А.С. Башкиров и Ю.В. Готье./со стороны Татреспублики Н.О.Воробьев, Векс
и Н.И. Ашмарин/.

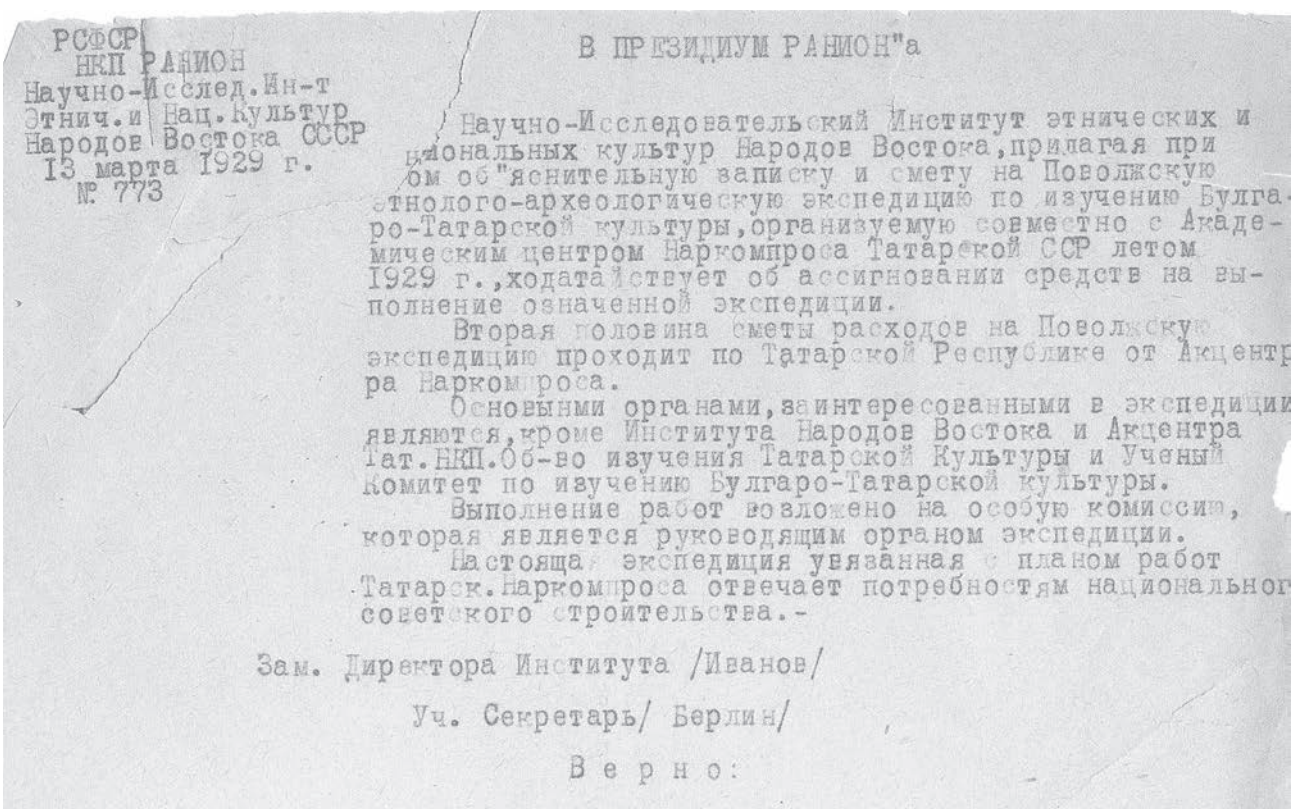
I. Расходы по личному составу.

1.	Суточные 2 действит. членам И.Н.В. по 3 р. на 45 сут. / 2 х 3 х 45 /			270 р.
2.	" 5 аспирантам И.Н.В. по 1 р. 50 к. / 5 х 1.50 х 45 /			337 -50
3.	" 1 рисовальщику по 2 р.	На 45 сут.	/2 х 45 /	90 - -
4.	" 1 топографу по 3 р	" 40 сут.	/3 х 40 /	120 - -
5.	" 20 рабочих " 1-50-	" 25 "	/20х1.50х35/	750 - -
6.	Оплата помещения на 7 чел. по 50 к.в день на 35 дн./7х50х35/			122 -50
			Итого	1690 р.-

II. По перевозкам.

1.	Жел. дорога Москва-Казань и обратно 6 чел. при скидки в 50% по 15 руб. оба конца	90 р.
2.	Параход Казань-Чистополь 7 чел. по 6 р. 50 к.	45 - 50
3.	4 подводы Чистополь-Биляр и обратно по 8 р. конец / 4 х 8 х 2 /	64 - -
4.	Параход Чистополь -Элабуга 7 чел. по 4 р.	28 - -
5.	" Элабуга-Красный Бор 7 чел. по 3 р. 50 коп.	24 - 50
6.	" Красный бор -Казань 7 чел. " 9 р. 50 к.	66 - 50
7.	Переезд на лошадях по Чистопольск. и Элабужск. кантонам 10 дней по 4 подв. по 4 р.	160 - -
8.	Переотправка научного багажа Красный Бор - Москва 40 пуд. по 2р.	80 - -

Рис. 10. Смета Поволжской этнолого-археологической экспедиции на полевые работы 1929 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 598, ед. хр. 53, л. 2).



РСФСР
НКП РАНИОН
Научно-Исслед.Ин-т
Этнич.и Нац.Культур
Народов Востока СССР
13 марта 1929 г.
№ 773

В ПРЕЗИДИУМ РАНИОН"а

Научно-Исследовательский Институт этнических и национальных культур Народов Востока, прилагая при сем об"яснительную записку и смету на Поволжскую этнолого-археологическую экспедицию по изучению Булгаро-Татарской культуры, организуемую совместно с Академическим центром Наркомпроса Татарской ССР летом 1929 г., ходатайствует об ассигновании средств на выполнение означенной экспедиции.

Вторая половина сметы расходов на Поволжскую экспедицию проходит по Татарской Республике от Акцентра Наркомпроса.

Основными органами, заинтересованными в экспедиции являются, кроме Института Народов Востока и Акцентра Тат.НКП.Об-во изучения Татарской Культуры и Ученый Комитет по изучению Булгаро-Татарской культуры.

Выполнение работ возложено на особую комиссию, которая является руководящим органом экспедиции.

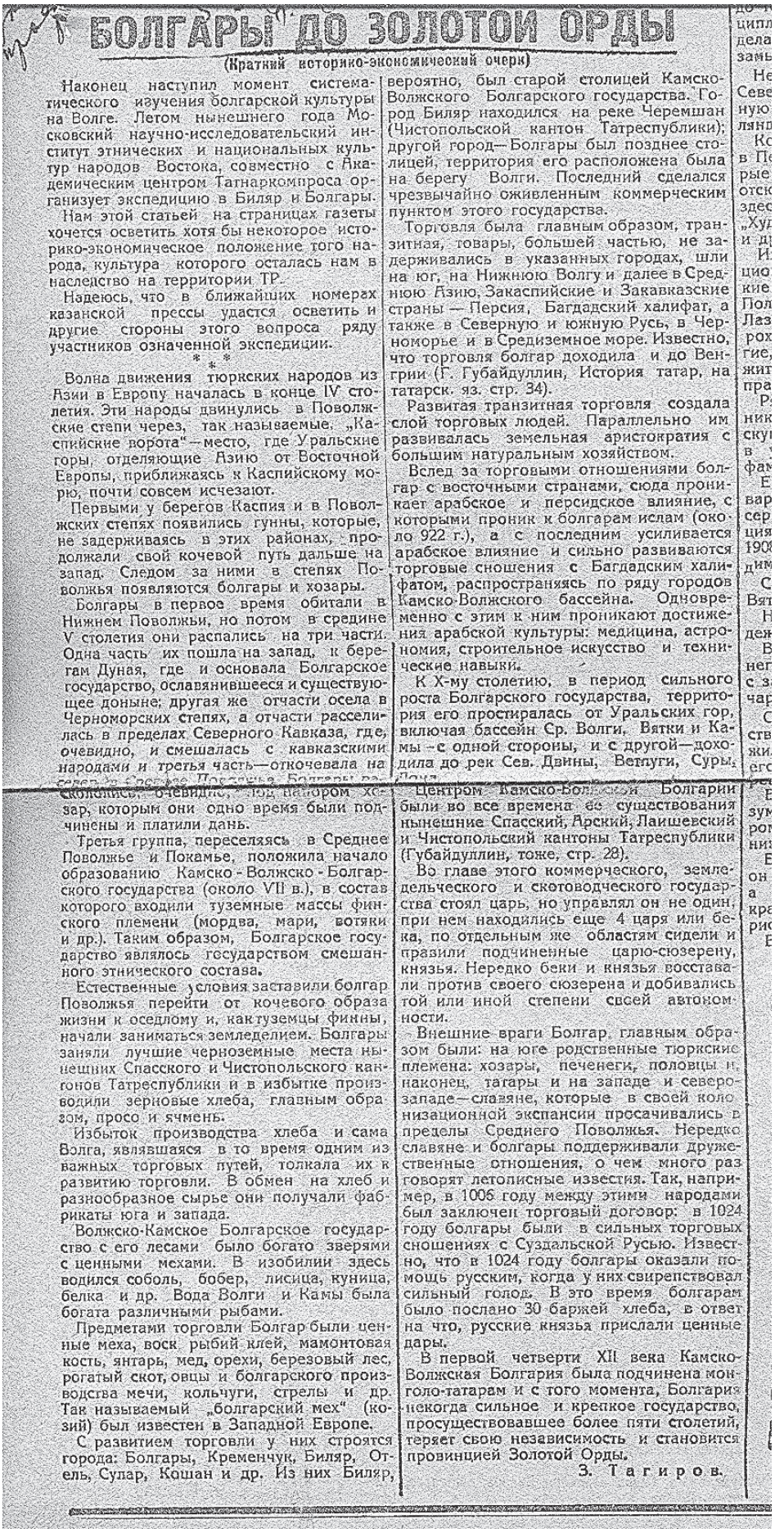
Настоящая экспедиция увязанная с планом работ Татарск.Наркомпроса отвечает потребностям национального советского строительства.-

Зам. Директора Института /Иванов/

Уч. Секретарь/ Берлин/

В е р н о:

Рис. 11. Сопроводительное письмо НИИ этнических и национальных культур народов Востока СССР в Президиум РАНИОН от 13.03.1929 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 598, ед. хр. 53, л. 8).



БОЛГАРЫ ДО ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

(Краткий историко-экономический очерк)

Наконец наступил момент систематического изучения болгарской культуры на Волге. Летом нынешнего года Московский научно-исследовательский институт этнических и национальных культур народов Востока, совместно с Академическим центром Татнаркомпроса организует экспедицию в Биляр и Болгары.

Нам этой статьей на страницах газеты хочется осветить хотя бы некоторое историко-экономическое положение того народа, культура которого осталась нам в наследство на территории ТР.

Надеюсь, что в ближайших номерах казанской прессы удастся осветить и другие стороны этого вопроса ряду участников означенной экспедиции.

* * *

Волна движения тюркских народов из Азии в Европу началась в конце IV столетия. Эти народы двинулись в Поволжские степи через, так называемые, „Каспийские ворота"—место, где Уральские горы, отделяющие Азию от Восточной Европы, приближаясь к Каспийскому морю, почти совсем исчезают.

Первыми у берегов Каспия и в Поволжских степях появились гунны, которые, не задерживаясь в этих районах, продолжали свой кочевой путь дальше на запад. Следом за ними в степях Поволжья появляются болгары и хозары.

Болгары в первое время обитали в Нижнем Поволжьи, но потом в средине V столетия они распались на три части. Одна часть их пошла на запад, к берегам Дуная, где и основала Болгарское государство, ославянившееся и существующее доныне; другая же отчасти осела в Черноморских степях, а отчасти расселилась в пределах Северного Кавказа, где, очевидно, и смешалась с кавказскими народами и третья часть—откочевала на

[illegible] Болгары разделились, очевидно, под натором хозар, которым они одно время были подчинены и платили дань.

Третья группа, переселяясь в Среднее Поволжье и Покамье, положила начало образованию Камско-Волжско-Болгарского государства (около VII в.), в состав которого входили туземные массы финского племени (мордва, мари, вотяки и др.). Таким образом, Болгарское государство являлось государством смешанного этнического состава.

Естественные условия заставили болгар Поволжья перейти от кочевого образа жизни к оседлому и, как туземцы финны, начали заниматься земледелием. Болгары заняли лучшие черноземные места нынешних Спасского и Чистопольского кантонов Татреспублики и в избытке производили зерновые хлеба, главным образом, просо и ячмень.

Избыток производства хлеба и сама Волга, являвшаяся в то время одним из важных торговых путей, толкала их к развитию торговли. В обмен на хлеб и разнообразное сырье они получали фабрикаты юга и запада.

Волжско-Камское Болгарское государство с его лесами было богато зверями с ценными мехами. В изобилии здесь водился соболь, бобер, лисица, куница, белка и др. Вода Волги и Камы была богата различными рыбами.

Предметами торговли Болгар были ценные меха, воск, рыбий клей, мамонтовая кость, янтарь, мед, орехи, березовый лес, рогатый скот, овцы и болгарского производства мечи, кольчуги, стрелы и др. Так называемый „болгарский мех" (козий) был известен в Западной Европе.

С развитием торговли у них строятся города: Болгары, Кременчук, Биляр, Отель, Супар, Кошан и др. Из них Биляр, вероятно, был старой столицей Камско-Волжского Болгарского государства. Город Биляр находился на реке Черемшан (Чистопольской кантон Татреспублики); другой город—Болгары был позднее столицей, территория его расположена была на берегу Волги. Последний сделался чрезвычайно оживленным коммерческим пунктом этого государства.

Торговля была главным образом, транзитная, товары, большей частью, не задерживались в указанных городах, шли на юг, на Нижнюю Волгу и далее в Среднюю Азию, Закаспийские и Закавказские страны — Персия, Багдадский халифат, а также в Северную и южную Русь, в Черноморье и в Средиземное море. Известно, что торговля болгар доходила и до Венгрии (Г. Губайдуллин, История татар, на татарск. яз. стр. 34).

Развитая транзитная торговля создала слой торговых людей. Параллельно им развивалась земельная аристократия с большим натуральным хозяйством.

Вслед за торговыми отношениями болгар с восточными странами, сюда проникает арабское и персидское влияние, с которыми проник к болгарам ислам (около 922 г.), а с последним усиливается арабское влияние и сильно развиваются торговые сношения с Багдадским халифатом, распространяясь по ряду городов Камско-Волжского бассейна. Одновременно с этим к ним проникают достижения арабской культуры: медицина, астрономия, строительное искусство и технические навыки.

К X-му столетию, в период сильного роста Болгарского государства, территория его простиралась от Уральских гор, включая бассейн Ср. Волги, Вятки и Камы—с одной стороны, и с другой—доходила до рек Сев. Двины, Ветлуги, Суры, [illegible]

Центром Камско-Волжской Болгарии были во все времена ее существования нынешние Спасский, Арский, Лаишевский и Чистопольский кантоны Татреспублики (Губайдуллин, тоже, стр. 28).

Во главе этого коммерческого, земледельческого и скотоводческого государства стоял царь, но управлял он не один, при нем находились еще 4 царя или бека, по отдельным же областям сидели и правили подчиненные царю-сюзерену, князья. Нередко беки и князья восставали против своего сюзерена и добивались той или иной степени своей автономности.

Внешние враги Болгар, главным образом были: на юге родственные тюркские племена: хозары, печенеги, половцы и, наконец, татары и на западе и северо-западе—славяне, которые в своей колонизационной экспансии просачивались в пределы Среднего Поволжья. Нередко славяне и болгары поддерживали дружественные отношения, о чем много разговорят летописные известия. Так, например, в 1006 году между этими народами был заключен торговый договор: в 1024 году болгары были в сильных торговых сношениях с Суздальской Русью. Известно, что в 1024 году болгары оказали помощь русским, когда у них свирепствовал сильный голод. В это время болгарам было послано 30 баржей хлеба, в ответ на что, русские князья прислали ценные дары.

В первой четверти XII века Камско-Волжская Болгария была подчинена монголо-татарам и с того момента, Болгария некогда сильное и крепкое государство, просуществовавшее более пяти столетий, теряет свою независимость и становится провинцией Золотой Орды.

З. Тагиров.

Рис. 12. Заметка З.Ш. Тагирова «Болгары до Золотой орды)» в газете «Красная Татария» (№ 139 от 17.06.1928 г.).

УДК 903(024)

ЛЕПНАЯ ПОСУДА В БУЛГАРСКИХ ПАМЯТНИКАХ НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ

© 2017 М.С. Купцова

MOLDED POTTERY IN BULGARIA SITES OF LOWER KAMA REGION

Основной задачей статьи является анализ средневековой лепной посуды, полученной при раскопках Кирменского и Елабужского городищ, как одного из показателей этнокультурных процессов, протекавших на территории Нижнего Прикамья в X–XIII вв.

Ключевые слова: Волжская Булгария, угорское население, прикамско-приуральская керамика, лепная посуда, Елабужское городище, Кирменское городище.

Analisys of medieval pottery from excavations at the Elabuga and Kirmen hillforts is main objective of the article. The pottery under study is regarded by the author as one of the indicators ethnic-cultural processes that occurred in the Lower Kama territory in the 10th -13th centuries

Keywords: Volga Bulgaria, Ugric population, Kama and Cis-Urals ceramics, molded pottery, Elabuga hillfort, Kirmen hillfort.

Для рассмотрения особенностей лепной посуды Прикамья IX–XV вв., использованы материалы Кирменского и Елабужского городищ. Елабужское (Чертово) городище расположено на правобережье устья р.Тоймы, правого притока р. Камы. Занимает северо-восточную половину большого мыса коренной террасы Камы, возвышающегося над ней на 50–64 м. Восточный склон мыса представляет собой крутой каменистый спуск к реке. В разрезе различных исторических этапов Елабужское городище носило определенные обусловленные периодом функции: в ананьинский период выступала в роли убежища в случае опасности; в X–XIII вв. использовалась в качестве военной крепости (с XII столетия, в связи со строительством белокаменной мечети-цитадели, усиливается его значение как культового центра); в XVII–XVIII вв. на его территории функционировал Троицкий мужской монастырь (Нигамаев, 2005, с. 5–7).

Кирменское городище расположено в 18 км от Камы. Городище занимает второй от с. Средние Кирмени мыс, ограничиваясь с запада глубоким оврагом, с юга и юго-востока – р. Кирменкой, левого притока р. Омарки, правого притока Камы (Нигамаев, 2005, с. 36).

Среди всех материалов, обнаруженных на раскопках, самым массовым является керамический материал. По рассматриваемой проблематике следует выделить «постпетрогромскую» керамику (по Е.П. Казакову) или VII группу керамики по классификации Т.А. Хлебниковой. Среди исследователей до сих пор нет единства по вопросу трактовки происхождения данной керамики. Существует несколько точек зрения: Е.П. Казаков выделяет носителей данной керамики в отдельную археологическую культуру с появлением их в последней четверти X столетия (Казаков, 2004, с. 120–128). Е.М. Берс объединяла их в «калмацкую» культуру IV–V вв., оставленную «калмацкими людьми» – башкирами Зауралья (Берс, 1963, с. 102). В.Ф. Генинг поддерживал предложенную дату Е.М. Берс, но связывал их с ломоватовской культурой, а носителя определил как угорский. В.Н. Чернецов также относил их к угорской этнической группе (Чернецов, 1971, с. 40). Т.А. Хлебникова, выделяя данную керамику в отдельную группу, датировала ее появление началом X в. и связывала их с угорским населением, но не без влияния верхнекамского населения. Данные выводы получили поддержку в работах Н.А. Кокориной (Кокорина, 1976) и Ф.Ш. Хузина (Хузин, 1986; 2008). В свою очередь, В.Д. Викторова, В.М. Морозов, С.Д. Чаиркина, Р.Д. Голдина, И.Ю. Пастушенко рассматривали данную керамику как оставленную населением горно-лесного Зауралья VI–IX вв. (Викторова, Морозов, 1993, с. 186). Как видим, пока еще нельзя точно назвать примерные истоки формирования носите-

лей данной керамики, возможно, они были зауральскими и приуральскими.

По данным Елабужской археологической экспедиции на Кирменском городище данная керамика представлена круглодонными сосудами раковинного теста с подцилиндрической горловиной, орнаментированными веревочно-гребенчатым орнаментом по горловине и плечику или нарезками по скошенному краю венчика. Всего из 13 раскопов Кирменского городища насчитывается порядка 8254 фрагментов (11% от общего количества всей керамики) (Купцова, 2013, с. 172). По данным Елабужского городища данная группа керамики достигает более 36% от общего количества керамики (Хузин, 2011, с. 77). По данным А.З. Нигамаева за 2015 г., данная группа керамики составляет 33% от общего количества (Нигамаев, 2015, с. 54). В отдельных участках городища она превышает 94–95% от общего количества керамики X–XIII вв. (Нигамаев, 2005, с. 45). Елабужское городище – единственный памятник домонгольской Булгарии, в керамическом комплексе которого керамика с толченой раковиной встречается в таком большом процентном соотношении.

Реконструкция данной посуды затруднена, т.к. она сохранилась в сильно измельченном виде из-за плохого обжига и тонкой стенки сосудов (3–6 мм). Но по всем очертаниям можно выделить горшковидныеи чашевидные сосуды как на Кирменском городище, так и на Елабужском городище (Купцова, 2013, с. 172). Сосуды круглодонные, большинство сосудов без ручек. Широкая часть тулова ≈ 10–15 см.

Интересным является горшковидный сосуд, обнаруженный на Елабужском городище. Раструбообразной формы горловина украшена характерной для данной группы керамики шнуровым орнаментом, тогда как плечики – гребенкой. Цвет черепка серо-бурый, толщина стенок – 0,4 см, на переходе от венчика к тулову 0,5–0,6 см. Сосуды с данными пропорциями рассматриваемой группы, как правило, составляют ≈ 50% от всей посуды VII группы.

Среди всей керамики VII группы, интерес также представляет фрагмент горловины со шнуровым орнаментом и насечками по скошенному краю венчика с отверстием для подвешивания, что не совсем характерно для данной группы посуды.

По данным Кирменского городища посуда VII группы представлена в виде сосуда с цилиндрической, раструбообразной, бочковидной горловиной и с горловиной в виде усеченного конуса. Встречаются экземпляры, у которых гребенчатый штамп по плечику заменен резными зигзагами. Заметное место занимают неорнаментированные сосуды. На наш взгляд, это является результатом развития (перерождения) VII группы керамики в данном регионе. Результатом данного «перерождения» может служить группа посуды, внешне имеющая на поверхности следы фрагментарной орнаментации. Более 70% венчиков имеют прямой срез, закругленную и заостренную форму. В орнаментации посуды рассматриваемой группы появляется элементы узора, что характерно для более поздних прикамских групп керамики (Нигамаев, 2005, с. 51).

Результаты исследований последних лет позволяют говорить, что к периоду булгарской колонизации на территории Елабужского городища проживало население угров. Факт присутствия языческого II некрополя в очередной раз доказывает, что носители гребенчато-шнуровой керамики освоили Елабужское городище до прихода сюда булгар-мусульман. Выбор места для регулярного проживания объясняется природными условиями местности.

ЛИТЕРАТУРА

Берс Е.М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1963. 116 с.

Викторова В.Д., Морозов В.М. Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург, 1993. С. 173–192.

Казаков Е.П. Постпетрогромская культура: истоки, время, территория // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2004. С. 120–128.

Кокорина Н.А. Лепная и близкая к ней керамика Билярского городища (по материалам 1967–1971 гг.) // Исследования Билярского городища / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 212–227.

Купцова М.С. Керамический комплекс Кирменского городища // XLV Междунар. Урало-Поволжская студенческая конф. Тез. докл. Ижевск, 2013. С. 171–173.

Нигамаев А.З. Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы. Своеобразие материальной культуры населения / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2005. 228 с.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1984. 240 с.

Хузин Ф.Ш. Лепная керамика // Посуда Биляра / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. С. 4–23; 103–113 (ил.).

Хузин Ф.Ш. К вопросу о так называемой «постпетрогромской культуре» // Камский торговый путь. Материалы Всерос. науч. конф. / Редкол. А.М. Калимуллин, А.З. Нигамаев и др. Елабуга, 2008. С. 11–22.

Хузин Ф.Ш. Исследования по булгаро-татарской археологии / Отв. ред. А.Г. Ситдиков. Казань, Ин-т истории АН РТ, 2011. 468 с.

Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. М.: Наука, 1971. 120 с.

Информация об авторе:

Купцова Мальвина Станиславовна, аспирант кафедры всеобщей и Отечественной истории Елабужского института Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Елабуга, Республика Татарстан, Россия). malvina2711@bk.ru

About the Author:

Kuptsova Malvina S. graduate student, Elabuga Institut of Kazan (Volga region) Federal University, (Elabuga, Russian Federation)

УДК 902.64

ХРОНОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПЕРСТНЕЙ С ПАМЯТНИКОВ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

© К.В. Моряхина

CHRONOLOGY OF RINGS FROM MONUMENTS OF PERM CIS- URAL OF THE MIDDLE AGES

В статье представлена хронология средневековых перстней, которые получают распространение в Пермском Предуралье в VII–XIV вв. На основе абсолютного и относительного датирования, а также применения дискриминантного анализа было выделено 10 хронологических групп, часть из них друг друга перекрывают. Анализу были подвергнуты 237 перстней местного и импортного происхождения. На протяжении рассматриваемого периода перстни встречаются практически в равном количестве, пик их ношения отмечается в X–XI вв. Связано это с распространением перстней-«колпачков». В результате проведенного исследования были сделаны выводы о хронологических особенностях применяемых техник изготовления и сплавов металла.

Ключевые слова: археология, хронология, перстни, средневековье, Пермское Предуралье, методы датирования, дискриминантный анализ, техника изготовления, местное производство, импорт.

The article presents the chronology of medieval rings, which are distributed in the Perm Cis-Ural region in the 7th-14th centuries. On the basis of absolute and relative dating, as well as the application of discriminant analysis, 10 chronological groups were singled out. Some of these groups are overlapping each other. 237 rings of local and imported origin were subjected to analysis was. Throughout the period under study, the rings were found in practically the same quantity, the peak of their wearing has been noted in the 10th-11th centuries. This was due to the spreading of the rings-”caps”. As a result of the study, conclusions were drawn about the chronological features of the applied manufacturing techniques and metal alloys.

Keywords: archaeology, cronology, rings, Middle Ages, Perm Cis-Urals, dating methods, discriminant analysis, manufacturing techniques, local production, import.

Перстни – одна из менее распространенных категорий украшений в Пермском Предуралье в эпоху средневековья. Ввиду этого хронология данных изделий до настоящего времени не была разработана. Как правило, в публикациях перстни относят просто к одной из археологических культур: ломоватовской (VII–XI вв.) или родановской (XI–XIV вв.). Стоит отметить работу Н.Б. Крыласовой «Хронологические особенности материальной культуры X–XI вв. (по материалам Рождественского могильника в Пермском крае)», где наряду с другими материальными объектами представлена узкая датировка украшений рук. Исследователем на основе кластерного анализа и датировки по аналогиям погребения Рождественского могильника были разделены на 14 хронологических групп, соответственно и сам материал. Перстни представлены в трех хронологических группах: вторая половина X–XI вв. (перстни-«колпачки»), конец X–XI вв. (пластинчатый бесщитковый перстень), XI в. (перстни спиралевидный, «с усами», с овальным щитком и выступами по центру, с овальным щитком и орнаментом «волчий зуб») (Крыласова, 2013).

В данной статье проанализирована встречаемость 237 перстней со средневековых памятников Пермского Предуралья. Хронология данных изделий (рис. 1) основывается на абсолютном (радиоуглеродный анализ, монеты) и относительном (по аналогиям) датировании. Абсолютное датирование, несмотря на его преимущества, носит ограниченный характер. В комплексах с украшениями только в 9 случаях присутствуют монеты: на Каневском, Бояновском, Деменковском, Плесинском, Огурдинском могильниках. Все эти памятники относятся к урьинской стадии ломоватовской культуры, в поздних могильниках монет не обнаружено. Радиоуглеродный анализ проведен для памятников, где ведутся археологические работы в последние годы, – это Рожественский археологиче-

ский комплекс, Бояновский и Плотниковский могильник. Ввиду этого для большей части материала невозможно установить датировку на методы абсолютного датирования. Поэтому для разработки хронологии украшений из закрытых комплектов дополнительно был проведен дискриминантный анализ, который позволяет рассчитать вероятность попадания каждого объекта в ту или иную группу (Шмуратко, 2012, с. 90), в данном случае – в хронологическую группу.

Дискриминантный анализ проводился в статистическом пакете для социологических исследований (SPSS 13.0). Зависимой (группирующей) переменной была выбрана «принадлежность к хронологической группе» (по первоначальной классификации основанной на датировки по аналогиям). Независимыми переменными выбраны все информативные признаки – сопутствующей материал в погребениях с перстнями. Анализу были подвергнуты 135 перстней из 11 могильников (Антыбарский, Бояновский, Важгортский, Деменковский, Каневский, Огурдинский, Плесинский, Плотниковский, Рождественский, Телячий Брод, Урьинский), датирующихся VII–XV вв. В результате было выделено 8 хронологических групп. Датировка перстней с поселенческих памятников устанавливалась преимущественно на основе аналогий, поскольку зачастую культурный слой поврежден сельскохозяйственными работами или постройками.

В Пермском Предуралье перстни получают распространение с VII в. В эпоху Великого переселения народов данная категория изделий не встречается ни на поселенческих памятниках, ни в погребениях (Генинг, Голдина, 1973). Это могло быть связано с изменением этнического состава и погребальной обрядности, поскольку на более ранних памятниках (эпоха РЖВ) перстни встречаются (Голдина, 2014, рис. 4: 18).

В VII–IX вв. (рис. 1) в Пермском Предуралье появляются перстни со вставкой. Конструктивные части изделия изготавливались по отдельности путем литья, после чего при помощи пайки соединялись. Данные перстни представлены в единичных экземплярах (3 экз.) и встречаются в соседней неволинской археологической культуре, где датируются аналогичным образом (Голдина, 2012, с. 43). С VIII в. начинают встречаться импортные изделия со вставкой – перстни «салтовского типа» из Приазовья (из салтово-маяцкой культуры) (Плетнева, 1989. С. 115), кованые со вставкой из Предкавказья (от алан) (Кантемиров, Дзаттиаты, 1995, табл. X–XXXVI). Перстни «салтовского типа» получили широкое распространение от Венгрии до Зауралья, зачастую на местах они изготавливались в подражание оригинальным, в том числе в Пермском Предуралье. Импортные изделия были изготовлены из низкопробного серебра или бронзы, дужка уплощается по центру, в качестве вставки использовались сердолик, желтое, красное или синее стекло, бусина. Местные изделия выполнены из бронзы, отличаются массивной дужкой, «неаккуратными» лапками, в качестве вставки использовались красное или синее стекло, бусина. Наряду с импортными украшениями в это время появляются новые варианты местных цельнолитых перстней из бронзы: с прямоугольным неорнаментированным щитком, с ромбическим, пуговкообразным, конусовидным щитками, шумящие перстни. Последние были характерны в целом для финно-угорского мира, но в каждой культуре имели свои особенности. В Пермском Предуралье изделия украшались геометрическим орнаментом, в качестве привесок использовались утиные лапки, которые могли соединяться как напрямую со щитком, так и через звено цепи. Перечисленные изделия широко датируются – VIII–X вв. (рис. 1), в совокупности встречаются в 69 экземплярах. Территориальной привязки указанные перстни не имеют, они встречаются на всех изученных памятниках VIII–X в.

В погребениях IX в. встречаются перстни с овальным щитком, неорнаментированные или орнаментированные псевдозернью (рис. 1), но особого распространения они не получают (3 экз.).

На X–XI вв. (рис. 1) приходится пик встречаемости перстней (80 экз.). Большой популярностью в этот период у местного населения пользуются серебряные перстни-«колпачки». Щиток изделия представляет собой полусферу, декорированную пирамидками зерни и поясками тосированной проволоки по краю щитка и вокруг вставки, расположенной на вершине полусферы. Основа-пластина щитка и дужка изготавливались по отдельности, после чего путем пайки все части скреплялись. Такие изделия появляются в начале X в. и, немного видоизменяясь, бытуют практически до конца XI в., что позволяет выделить два варианта перстней. Первый характерен для X в. – это перстни-«колпачки» с пирамидками зерни от

6 до 10 зерен, полусфера и шинка изготовлены из высокопробного серебра. Второй для XI в. – это перстни-«колпачки» с пирамидками зерни из 15 зерен, полусфера изготавливалась из серебра и часто покрывалась золочением, шинка – из сплава на основе меди (Моряхина, 2015, с. 165). Такие изменения свидетельствуют о развитии ювелирного ремесла в Пермском Предуралье, но при этом качество зерни в сравнении, например, с Волжской Булгарией остается низким. Зернь неровная и крупная. В качестве вставки использовалось синее или красное стекло. Перстни-«колпачки» выступают в качестве хронологического маркера для могильников X–XI вв. На данный момент на всех изученных памятниках этого периода они были обнаружены.

В рассматриваемый период распространяются перстни с имитацией сканно-зернового декора. Это могут быть изделия, представляющие упрощенный вариант «колпачка» (отливается по восковой модели), или перстни с широкосерединным щитком. У последних щиток орнаментирован по центру плетенкой и по краям пирамидками из трех зерен. В начале XI в. они выходят из употребления.

Помимо этого в единичных экземплярах встречаются бесщитковые пластинчатые перстни, с овальным щитком и насечками, с овальным щитком и полушарными выступами, шумящие перстни. Шумящие перстни в XI в. видоизменяются в сравнении с ранними вариантами: в качестве декора используется псевдозернь, привески-«бубенчики» крепятся к щитку при помощи щитковых звеньев цепи и располагаются по нижнему краю щитка.

Литые перстни X–XI в. встречаются на памятниках, расположенных на правом берегу верхнего течения р. Камы (Рождественский археологически комплекс, Анюшкарское городище, Плесинский, Степаново Плотбище могильники).

Импортные украшения представлены перстнями «с усами» из Новгорода (Седова, 1981, с. 129) и широкосерединным перстнями, орнаментированными желобками, из Скандинавии (Сумина, 1999, рис. 3: 14).

С XI в. отмечается влияние и увеличение импорта Волжской Булгарии и Древней Руси на исследуемую территорию.

Из Волжской Булгарии на территорию Пермского Предуралья первоначально в *XI–XII вв.* попадают кованые серебряные перстни с круглым щитком, симметрично украшенным пирамидками зерни (8 экз., рис. 1). Такие изделия изготавливались и местными мастерами, которые дополнительно использовали золочение. В XII–XIII вв. привозились кованые серебряные перстни с чернением (3 экз., рис. 1). Такие украшения получают распространение в Волжской Булгарии в XI – начале XIII вв., пик их встречаемости приходится на XII в. (Руденко, 2014, с. 53–57). Местные мастера довольно быстро начали изготавливать перстни (5 экз.) в подражание булгарским. Вероятно, что булгарские мастера переезжали в Пермское Предуралье или обучали пермских мастеров. Пермские изделия отличаются от булгарских неаккуратностью нанесения орнамента и его упрощенностью, тонким слоем черни. Булгарские перстни и изготовленные в подражание им, как правило, встречаются на крупных археологических памятниках — Рождественское и Саламатовское I городища, Калинское селище, могильник Телячий Брод.

После вхождения Волжской Булгарии в состав Золотой Орды поток импортных вещей снижается, в том числе перстней. Всего один перстень XIII–XIV вв. можно отнести к золотоордынскому.

Параллельно с этим украшения из разных городов Древней Руси постепенно начинают попадать в Пермское Предуралье (рис. 1). В XI–XII вв. встречаются на рассматриваемой территории перстни с шестиугольным щитком (6 экз.) из Белозерья, в XIII в. — перстни с квадрифольным щитком (2 экз.), с овальным щитком и орнаментом в виде розетки (1 экз.) из Новгорода, в XIII–XIV вв. – перстень с солярным знаком (1 экз.) из Новгорода и перстень с ромбическим щитком и кружковым орнаментом (1 экз.) из Белозерья. В XII–XIV вв. в Новгороде и Твери получают распространение разъемные перстни с овальным щитком (3 экз.). Такие изделия были обнаружены и в Пермском Предуралье, скорее всего, импортного происхождения. Они могли быть орнаментированы расходящимися линями, знаком бесконечности или монограммой «N». С падением Волжской Булгарии количество изделий из Древней Руси увеличивается, но оно не превалирует над местными украшениями. Главное различие между древнерусскими и пермскими перстнями – техника изготовления. Древнерусские отливались в разъемные формы и имели разомкнутые концы, пермские были неразъемными, изготовленными по восковой модели. Вещи древнерусского импорта встречаются на Саламатовском I городище, Плотниковском и Телячий Брод могильниках.

Под влиянием финно-угорского мира начиная с X в. начинают изготавливать спиралевидные перстни (22 экз., рис. 1). Ранние варианты в сечении представляют собой прямоугольную платину, которая была изготовлена путем литья. В XI–XIV вв. используется волоченная проволока из бронзы или серебра. Поздние варианты XIII–XIV вв. в отличие от предшествующих уложены разрежено в 4–7 витков. Такая же тенденция отмечается по материалам Новгорода, где спиралевидные перстни появляются в XI в.

В XI–XIII вв. у вятичей получают широкое распространение ложновитые перстни, которые оттуда попадают, в том числе на территорию Пермского Предуралья (рис. 1). Местными мастерами впоследствии была заимствована форма, и они изготовляли такие перстни сами. На это указывает наличие бракованных изделий. Такие перстни (7 экз.) встречаются на памятниках Пермского Предуралья XI–XIV вв.

На протяжении конца XI–XIV вв. продолжают существовать местные типы украшений (рис. 1). В XI–XII вв. получают распространение кольцеобразные перстни, перстни с овальным щитком и змеиными головами по бокам, перстни, вырезанные из пластины (16 экз.), в XIII в. – серебряные кованые перстни с орнаментом в виде пересекающихся линий или плетенки (6 экз.). Кованые перстни являются продуктом местного производства, но общая техника была заимствована из Волжской Булгарии. К отличительным особенностям таких перстней можно отнести сочетание золочения и чернения, чернение фона, нанесение рубчатого бордюра по краям.

В XI–XIII вв. местные украшения изготавливали с применением разнообразных техник: литья по восковой модели, ковки, вырезания из пластины. Стоит отметить, что в это время в городах Древней Руси переходят на массовое производство и начинают использовать разъемные формы. В Пермском Предуралье сохраняется привычный способ литья по восковой модели. Поэтому изделия могут отличаться по размеру щитка, иметь незначительные различия в декоре. Особенно это заметно по перстням со змеиными головами по бокам щитка. На таких украшениях щиток мог быть не орнаментирован, либо украшен расходящимся линиями или рубчатым бордюрам. Также и сама голова змеи могла быть с ярко выделенными деталями или быть стилизованной.

Памятники XIV–XV вв. в Пермском Предуралье мало изучены, поэтому не представляется возможным выделить типичные перстни для этого периода.

В целом перстни практически в равном количестве встречаются в Пермском Предуралье в VII–XIV вв. В VIII–XI вв. бытовали устойчивые варианты перстней, с конца XI–XIV вв. ни один из вариантов перстней не встречается массово, представлены они в 1–4 экземплярах. Связано это как с изменениями в структуре населения, изменения хозяйственных форм в Пермском Предуралье, так и с влияниями извне на развитие местного ремесла. Самый распространенный тип перстней в Пермском Предуралье, несмотря на сложность изготовления, – это перстни-«колпачки». Данное украшение пользовалось популярностью как среди женщин, так и среди мужчин.

Для VII–X вв. характерно в основном применение техники литья и использование в качества материала многокомпонентной бронзы. С X в. начинают распространяться кованые перстни, изготовленные из высокопробного серебра, но по-прежнему сохраняется роль литья при выборе способа изготовления. В XI–XIII вв. отмечается многообразие в использовании формообразующих техник: литье, вырезание из пластины, ковка. Распространение кованых перстней, безусловно, было влиянием Волжской Булгарии. В качестве сплавов для литых изделий в XII–XIV вв. используются многокомпонентная бронза и легкоплавкие металлы, для кованых – серебро. Основным способом нанесения декора на перстне было литье, но в разные периоды пользовались популярностью и другие декоративные приемы: в X–XII вв. – зернь и торсированная проволока, которые постепенно заменяются чеканкой, гравировкой и чернением в XII–XIII вв. Каменная вставка на щитке перстня используется как украшение в VIII–XI вв.

Доля импортных перстней в Пермском Предуралье со временем увеличивается. В VIII–X вв. импорт практически сводится к перстням со вставкой из салтово-маяцкой культуры, в XI–XIV вв. встречаются кованые перстни из Волжской Булгарии и литые разъемные перстни из Древней Руси.

ЛИТЕРАТУРА

Генинг, В.Ф., Голдина, Р.Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // ВАУ. 1973. Вып. 12 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. С. 58–121.

Голдина Р.Д. В.Ф. Генинг и проблемы изучения гляденовско-пьяноборского времени в Приуралье // Поволжская археология. 2014. № 1 (7). С. 26–45.

Кантемиров Э.С., Дзаттиаты Р.Г. Тарский катакомбный могильник VIII–IX вв. н.э. // Аланы: история и культура. Alanica III. Владикавказ, 1995. С. 259–314.

Крыласова Н.Б. Хронологические особенности материальной культуры X–XI вв. (по материалам Рождественского могильника в Пермском крае) // Вестник Перм. ун-та. 2013. Вып. 1. С. 104–115.

Моряхина К.В. Перстни-«колпачки» с территории Пермского Предуралья // Тр. КАЭЭ. Вып. X. / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГГПУ, 2015. С. 159–163.

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1989. 288 с.

Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Том II. Казань: Заман, 2014. 528 с.

Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.

Сумина И.А. Металлические перстни средневекового Белозерья // Тр. ГИМ. Вып. 111. М, 1999. С. 167–189.

Шмуратко Д.В. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье в контексте культурно-исторических процессов эпохи Великого переселения народов (статистический анализ погребальных комплексов). Дисс… канд. ист. наук. Казань, 2012. 232 с.

Информация об авторе:

Моряхина Кристина Викторовна, ассистент кафедры древней и средневековой истории России, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Российская Федерация); kmoryaxina@mail.ru

Information about the author:

Morjakhina Kristina V., Assistant of the Department of Ancient and Medieval History of Russia, Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russian Federation); kmoryaxina@mail.ru

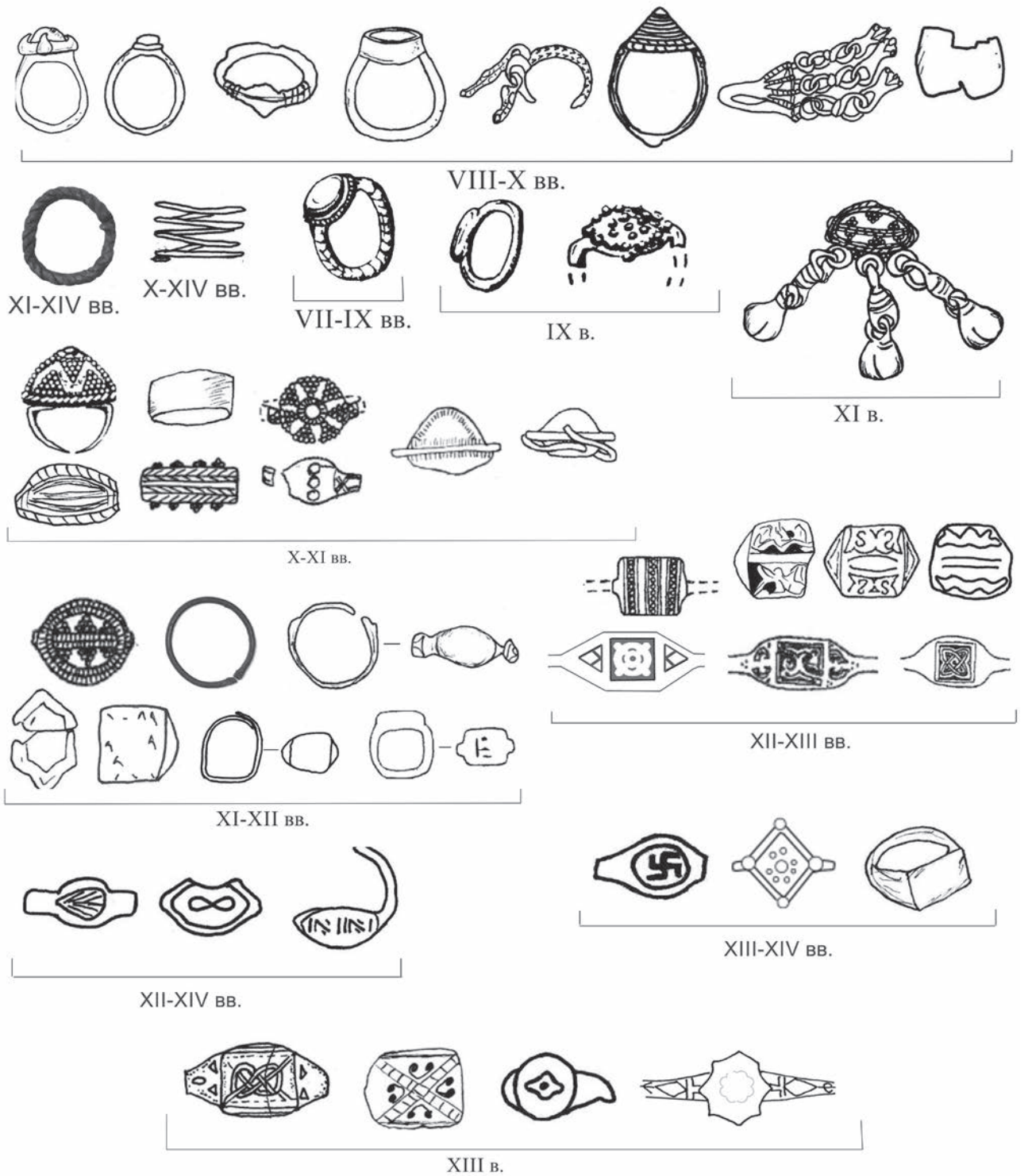


Рис. 1. Хронологические группы перстней Пермского Предуралья.

УДК 069

АРХЕОЛОГИЯ В МУЗЕЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРИЕМА И УЧЕТА КОЛЛЕКЦИЙ (ИЗ ОПЫТА МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ ТАТАРСТАНА ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.Х. ХАЛИКОВААН РТ)

© А.С. Мухаметшина

ARCHEOLOGY IN MUSEUM: PROBLEMS OF ACCEPTANCE AND ACCOUNTING OF COLLECTIONS (from experience of the Museum of Archaeology of Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov)

В статье рассматриваются особенности приема археологических коллекций в музейные фонды, проблемы оформления археологических коллекций в музейной учетной документации; представлена действующая система учета коллекций Музея археологии. Археологические коллекции принимаются в фонды Музея археологии на основании установленных законодательством норм в области музейного дела и дела сохранения археологического наследия. В рамках данной статьи изложена выстроенная и опробованная в Музее археологии система учета на примере новых поступлений 2014-2016 гг.

Ключевые слова: Музей археологии Татарстана, археологическая коллекция, учет, экспертная фондовая комиссия, коллекционная опись, книга поступлений, инвентарная книга, полный учетный номер предмета.

The article discusses the features of the reception of the archaeological collections in Museum collections, the problems of registration of the archaeological collections in Museum documentation. Also the current accounting system to the collections of the Museum of archaeology is presented. Archaeological collections are accepted in the Museum of archaeology on the basis of established norms in the field of Museum Affairs and the preservation of archaeological heritage. On the example of new arrivals 2014-2016 to the Museum of Archaeology the Accounting system, which was built and tested in the Museum, are explained by the author.

Keywords: Museum of Archaeology, archaeological collection, accounting, expert stock Commission, collector's inventory, book receipts, inventory book, the full account number of the subject

Как ни одна другая историческая наука, археология тесно связана с музеями. Музейные коллекции – основа научно-исследовательской работы археолога. Функция музея – сохранение археологического наследия – предусматривает и сохранение полученных в ходе исследования археологических материалов, обеспечение безопасного хранения и юридической защиты археологических коллекций, включение их в музейное собрание и их доступность для последующего изучения.

Археологические фонды Музея археологии Татарстана комплектуются коллекциями, полученными в ходе археологических работ научными полевыми экспедициями Института археологии им.А.Х Халикова АН РТ на основании Открытых листов, выданных Министерством культуры РФ. Особенностью комплектования обозначенных коллекций является необходимость сохранения в исследовательских целях всего объема получаемых в ходе археологических работ находок, в том числе массового материала, включающего антропологический, археозоологический материалы, фрагменты изделий из органических материалов (ткани, кожа, дерево и т.п.), технологические и сырьевые остатки древних производств. Такая позиция комплектования музейного собрания отличает Музей археологии от других музеев в республике и обеспечивает доступность всего комплекса археологических материалов для ученых-исследователей.

Проблема приема-передачи в музей археологических коллекций становится в последнее время актуальной площадкой взаимодействия между музеями и исследователями (Бердникова, 2014; Руденко, 2015;

Яншина, 2007). Опыт учетно-хранительской составляющей фондовой работы с археологическими коллекциями в музеях предполагает необходимость комплексного подхода к сохранению движимого археологического наследия, детальную разработку и организацию действенной цепочки учета археологических коллекций (Коткин, 2011; Макаров, 2002; Нестеров, 2013).

Учет музейных коллекций и музейных предметов является одним из основных направлений фондовой работы любого музея вне зависимости от ведомственной принадлежности, имеющего в собственности, во владении или в пользовании музейные предметы и музейные коллекции. Принятые изменения к Закону «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», вступившие в силу с 1 января 2017 года, актуализируют систему музейного учета, совершенно четко обязывают музеи и иные организации обеспечить государственный учет музейных предметов и музейных коллекций, ведение и сохранность учетной документации, связанной с этими музейными предметами и музейными коллекциями.

В результате государственного музейного учета закрепляется юридический статус за принимаемыми коллекциями и предметами, обеспечивается юридическая охрана музейного собрания и прав на полученные в результате изучения музейных предметов и коллекций научных данных (Брюшкова, 2010, с. 30). Как верно замечено Яншиной О.В., своевременно и правильно не поставленные на учет археологические коллекции впоследствии теряют свою научную значимость: утрачивается полевая документация, стираются или становятся нечитаемыми полевые шифры на предметах, утрачиваются и /или разрушаются предметы (Яншина, 2007, с. 101). Со временем становится практически невозможным восстановить информацию о коллекции, соответственно, коллекция или отдельные предметы из нее не включаются в научный оборот.

Особенно актуально это для Музея археологии, где в хранении находится уникальный информационный материал, интереснейшие и богатейшие коллекции, имеющие высокую научную значимость, но своевременно не поставленные на учет: многочисленные коллекции с исследований академических экспедиций 60-80 гг. XX века, которые «де-факто» хранятся и систематизируется в фондохранилище Музея археологии. Такой материал имеет статус дофондового хранения, что легализует нахождение их в хранении Музея археологии, заключающееся во внесении коллекций в Книгу дофондового хранения, с присвоением каждой коллекции порядкового номера; последующей научной и музейной обработке коллекций; подготовке ее к приему в музейное собрание Музея археологии.

Музей археологии, имеющий десятилетнюю историю, совсем недавно обратился к проблеме государственного учета археологических коллекций. Это обусловлено спецификой археологического материала, статусом музея в составе профильного академического института, историей и традициями комплектования археологических коллекций предшествующими научно-исследовательскими структурами.

Порядок учета археологических коллекций Музея археологии разрабатывался с учетом действующих норм и требований в музейном деле и деле сохранения археологического наследия. Это уже упомянутый Закон «О Музейном фонде РФ и музеях в РФ» в редакции от 03.07.2016 г.; действующая на сегодняшний день Инструкция по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР, 1985 г.; Закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», отдельные статьи которого имеют самостоятельное значение.

Положения, регулирующие деятельность в области археологии, отражены в Законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», Законе «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии»; «Положении о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации».

В период деятельности Музея археологии Татарстана в составе Института истории им. Марджани Академии наук РТ, была реализована большая работа по постановке музейных коллекций на государственный учет. Так, были разработаны структура фондов и шифры коллекций, музейные предметы были внесены в Книгу поступлений основного фонда, инвентарные книги.

В 2012 г в состав государственной части музейного фонда РФ на основании трехстороннего договора и приказа Министерства

культуры РФ было включено 195 предметов археологии. В состав государственной части вошли материалы эпохи бронзы и средневековья, собранные Раннеболгарской археологической экспедицией (рук. Е.П. Казаков) в 80-ые годы XX в. на памятниках Алексеевского и Спасского районов РТ.

Учитывая прежний положительный опыт учетной деятельности и принимая во внимание современные требования в музейном законодательстве, руководствуясь изменениями, регулирующими деятельность в области археологии, Музеем археологии уже в составе Института археологии была начата работа по выстраиванию ныне действующей системы учета.

Прежде всего, в целях выявления историко-культурной и научной ценности поступивших коллекций, определения их места в музейном собрании была создана Экспертная фондовая комиссия, утвержденная приказом Академии наук РТ, в которую вошли руководители структурных подразделений Института археологии, а также отдельные высококвалифицированные специалисты.

В целях нормативного осуществления первичного учета были разработаны и утверждены Ученым советом Института археологии «Требования к подготовке археологических материалов для передачи в Музей археологии», разработан алгоритм процедуры приема-передачи археологических коллекций, определен состав фондов.

По окончании полевых работ и камеральной обработки находок исследователь обязан сдать полученный в ходе исследования материал в музей (Федеральный Закон № 73-ФЗ от 25.06.2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», ст. 45.1, п. 13). Музей археологии осуществляет прием археологических коллекций на временное хранение для подготовки их к рассмотрению на Экспертной фондовой комиссии, фиксируя учетную процедуру Актом.

Составлению Акта предшествует сверка предметов по полевым описям и фактическая прием-передача коллекций от исследователей. Сдающей стороной выступает исследователь, держатель Разрешения (Открытого листа), принимающей стороной – ответственный за учет музейных фондов и научный сотрудник музея, определенный на последующую обработку коллекции для представления ее на заседание экспертной фондовой комиссии.

По завершении сверки предметов передаваемой коллекции, научным сотрудником музея составляется Заявка, в которой содержится научно-обоснованная рекомендация по отнесению коллекции к основному или научно-вспомогательному фонду, учитывая музейную, культурную значимость предметов коллекции.

На основании полевой описи (уточненной при сверке, в случае необходимости), копии Открытого листа и Заявки составляется Акт приема предметов на рассмотрение Экспертной фондовой комиссии.

Далее на заседании Экспертной фондовой комиссии, рассматривается вопрос о приеме предметов в музейный фонд; предметы относятся в основной, научно-вспомогательный фонды, определяется принадлежность предметов к коллекциям Музея археологии.

В Музее археологии разработаны критерии включения предметов в основной и научно-вспомогательной фонды с учетом характеристики археологического памятника, с которого происходит материал.

Так, к основному фонду относятся культурные ценности, имеющие особое значение для истории и культуры, предполагающие возможность их индивидуального изучения и экспонирования, в том числе:

– все археологические материалы, имеющие самостоятельное научное значение (индивидуальные находки из раскопок и разведок археологических памятников), а также предметы с ярко выраженными признаками, позволяющими изучение древних технологий без разрушения самих предметов;

– все целые, восстановленные или частично восстановленные в процессе камеральной обработки предметы и сосуды, образцы керамики с разными типами орнамента, все материалы с малоисследованных памятников, из погребений и закрытых комплексов, а также определенная часть массового материала, которая несет научную информацию о данном памятнике;

– все нумизматические материалы.

К научно-вспомогательному же фонду относятся культурные ценности, являющиеся предметами истории и культуры, но имеющие вспомогательное значение для музейного собрания: неорнаментированные фрагменты глиняной посуды, отходы производства при изготовлении каменных орудий в виде невыразительных сколов и отщепов, серийные бытовые предметы; подлинные предметы, представляющие интерес для собрания музея,

но поступившие в неудовлетворительном состоянии сохранности, требующем значительной реставрации, В случае восстановления данных предметов или стабилизации их состояния реставрационными средствами возможен перевод данных предметов в основной фонд.

Решение Экспертной фондовой комиссии оформляется протоколом, предметы, в результате экспертизы которых установлено их музейное значение, подлежат приему в музей в постоянное пользование (Инструкция по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР, п. 93).

На этом этапе появляется особенность в учете археологического материала, так как археологические предметы в большинстве своем объединены в коллекции, порядок и формы учетных операций по отношению к которым несколько отличаются от нормативных правил.

Так, в акте приема на постоянное хранение, вносится суммарная запись об археологической коллекции, то есть, указывается коллекция, а не перечисляются предметы, как в отношении других источников. Описание же предметов, составляющих принимаемую коллекцию, с фиксацией размеров, сохранности предметов, места обнаружения и обязательным сохранением полевого шифра представляется в Коллекционной попредметной описи, составленной научным сотрудником Музея археологии. В Коллекционной описи фиксируется тип и название памятника, год и автор раскопок, административное и географическое местонахождение памятника, общее число артефактов, название, материал, сохранность каждого предмета.

Именно на такую Коллекционную опись делается ссылка в графах акта «сохранность» и «размеры», именно такая опись наряду с другими документами является основанием для составления Акта приема на постоянное пользование.

Таким образом, Коллекционная опись, которая при учете других видов источников либо отсутствует вовсе, либо появляется лишь при инвентаризации музейных коллекций, при учете же археологического материала содержит полную информацию о предметах коллекции и именно на нее в учетных документах проставляется ссылка в процессе оформления коллекций в музей.

Далее происходит процедура фиксации археологических коллекций в Книге поступлений Музея археологии и сопровождается суммарной записью, которая расписывается в попредметной Коллекционной описи. На такую коллекционную опись в Книге поступлений проставляется соответствующая ссылка и коллекции присваивается учетный номер по Книге поступления.

Первый этап учета музейных предметов и музейных коллекций завершается актированием и регистрацией музейных предметов в Книгах Поступления с целью юридического закрепления их за музеем.

Наступает так называемая вторая ступень учета-инвентаризация, регистрация музейных предметов в Инвентарных книгах (Инструкция по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР, п.103).

В Музее археологии при инвентаризации не происходит деления археологических коллекций по видам материала, назначению предметов или другим критериям. Археологическая коллекция рассматривается Музеем археологии источником комплексной информации только во всей своей целостности, со всеми ее составляющими. Именно поэтому особенность инвентаризации для археологических коллекций выражается в неделимости комплекса предметов. В основу инвентаризации коллекций археологии положен принцип – «Археологический памятник» – «Археологический материал с памятника».

За единицу учета принята археологическая коллекция, суммарная запись о которой производится в Инвентарной книге «Археология», а описание предметов, составляющих ее, опять же представлено в Коллекционной описи, которая является приложением к Инвентарной книге «Археология». Таким образом, в отличие от других видов памятников, археологические материалы подвергаются научной обработке уже в процессе составления коллекционной описи.

В целях соответствия требованиям нормативного инвентарного описания в Музее археологии практикуется составление коллекционной описи сразу с подробными описаниями предметов, требуемыми замерами предметов.

Разработанная Музеем археологии форма Коллекционной описи содержит графы, отражающие необходимые данные по учету предметов в Книге поступления и Инвентарной книге. В форму же коллекционной описи введена графа «Инвентарный номер», который является продолжающимся, чтобы

отражать количество предметов в коллекции (фонде). Графа с полевым шифром предмета также сохраняется.

На этом этапе специфика в учете археологических музейных коллекций видится в объединении так называемой первой (регистрация в Книге поступлений) и второй (регистрация в Инвентарной книге) ступеней учета, где попредметная Коллекционная опись становится приложением, как к Книге поступления, так и к Инвентарной книге «Археология». Фактически обе ступени государственного учета при работе с предметами археологии проходят одновременно и тесно связаны друг с другом, в результате чего предмету присваивается полный учетной номер. Он включает в себя аббревиатуру музея, в числителе – номер коллекции по Книге поступления, через дробь порядковый номер предмета по коллекционной описи, в знаменателе – номер предмета по инвентарной книге «Археология».

Таким образом, в результате учетной обработки археологических коллекций формируется пакет учетной документации, где содержится полная и разносторонняя информация о переданной археологической коллекции, обеспечивается юридическая защита археологических коллекций и информации о них.

Показателем действия системы учета музейных коллекций в Музее археологии является приказ Министерства культуры РФ № 2162 от 21.09.2016 о включении в состав государственной части музейного фонда РФ, 2539 предметов, являющихся собственностью Республики Татарстан.

Таким образом, тщательно подготовленная к передаче в музей археологическая коллекция – гарантия оперативного, качественного и нормативного учета и включения археологической коллекции в музейное собрание.

В перспективе актуально использование информации об археологических коллекциях, археологических предметах, сформированной в результате постановки ее на государственный учет, в системе геопортала «Археологическое изучение Татарстана» Института археологии им. А.Х Халикова АН РТ.

ЛИТЕРАТУРА

Бердникова Н.Е. Археологические объекты, коллекции и проблемы хранения // Известия Иркутск. гос. ун-та. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2014. Т. 10. С. 94 –109.

Брюшкова Л.П. Учет культурных ценностей как новое направление научных исследований // Актуальные проблемы современного музейного дела. Вып. 8. М.: АПРИКТ, 2010. С. 27–34.

Коткин К.Я. Специфика фондовой работы с археологическими коллекциями, перспективы их изучения и использования. 2011. URL: http://kgkm.karelia.ru/site/section/568 (дата обращения:12.06.2015).

Макаров Н.П. К вопросу о комплектовании, обработке и описании археологических коллекций музеев // Тр. Красноярского краевого краеведческого музея. Вып. 1. Красноярск, 2002. С. 19–28.

Нестеров Е.А. Учет и хранение археологических материалов в краеведческих и исторических музеях Алтайского края в 1990–2000 гг. // Вестник Томского гос. ун-та. 2013. № 3 (11). С. 34–40.

Руденко К.А. Проблемы сохранения археологического наследия в Татарстане (музейные коллекции: комплектование и хранение) // Сохранение археологического наследия: проблемы и перспективы. Материалы конференции «Противодействие незаконной деятельности в области археологии» (Москва, 9–10 декабря 2013 г.). М.: ИА РАН, 2015. С. 44–51.

Яншина О.В. К закону об археологическом наследии России // Радловский сборник: научные исследования и проекты МАЭ РАН в 2006 г. / Отв. ред. Чистов Ю.К., Михайлова Е.А. СПб.: МАЭ РАН, 2007. С. 99–102.

НОРМАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Федеральный закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496/ (дата обращения: 24.01.2017).

Федеральный закон от 03.07. 2016 № 357-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации». // «Российская газета». № 7019. URL: https://rg.ru/2016/07/12/muzei-dok.html (дата обращения: 20.07.2016).

Федеральный Закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 16.03.2014).

Федеральный закон от 23.07.2013 № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии». // «Российская газета». № 6139. URL: https://rg.ru/2013/07/26/arch-dok.html (дата обращения 10.12.2013).

Положение о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации. М., 2013 // ИА РАН: сайт. URL: http://www.archaeolog.ru/media/polozhenie-opi.pdf (дата обращения 10.12.2013).

Информация об авторе:

Мухаметшина Асия Салимзяновна, заведующая Музем археологии Татарстана, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики татарстан (г. Казань, Россия); as-0702@mail.ru

About the Author:

Muhametshina Asiya S., Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; as-0702@mail.ru

УДК 903:53+502.8

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ БУЛГАРО-ТАТАРСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ

© 2017. Н.Г. Набиуллин

PROBLEMS OF PRESERVATION BULGARO-TATAR CEMETERIES

Некрополи являются особыми объектами культурного наследия, которые в целях сохранения предлагается рассматривать как часть системы культурно-природного ландшафта и одновременно как места совершения древних религиозных обрядов.

Ключевые слова: археология, Волжская Булгария, Улус Джучи (Золотая Орда), охрана памятников, некрополи, могильники, надмогильные камни.

Cemeteries are a special objects of cultural heritage, which must be preserved and may be considered as part of the cultural and natural landscape and at the same time as of the place of ancient religious ceremonies.

Keywords: archaeology, Volga Bulgaria, the Jochi Ulus (the Golden Horde,) protection of monuments, cemeteries, burial grounds, gravestones stones.

Типичные проблемы сохранения булгаро-татарских некрополей проиллюстрируем на примере Крутогорского могильника комплекса Джукетау и Старо-Ромашкинского кладбища (Набиуллин, 2003, с. 44–61; 2013, с. 144–148). Оба некрополя расположены на территории современного Чистопольского муниципального района РТ и в силу своей научной значимости единственными здесь получили категорию памятников российского (федерального) значения еще в советское время, в середине прошлого века (Постановление № 1327). Территория Джукетау, кроме этого, имеет еще и статус историко-культурной заповедной территории, где Крутогорский могильник расположен в границах зоны с резервационным режимом использования (Постановление № 542). В плане сравнения потенциальных проблем сохранения этих памятников можно добавить, что первый расположен в черте современного города Чистополь, часть его занята Чистопольским элеватором, он не имеет внешних признаков; второй – в отдалении от населенных пунктов, здесь сохранились надмогильные камни (знаки) золотоордынского времени.

Не останавливаясь здесь на характеристиках названных некрополей, укажем лишь, что каждый из них является представительным памятником домонгольского и золотоордынского периодов булгаро-татарской истории соответственно. Изученная часть Крутогорского могильника – один из ранних участков Джукетау. Сохранившиеся надмогильные памятники Старо-Ромашкинского кладбища датируются в пределах 1305–1335 гг., что сопоставимо с другими близлежащими относительно синхронными памятниками – Татарский Толкиш (1348), Джукетау (1320), татарское кладбище на территории г. Чистополь (1309–1321), памятник с утраченным местом нахождения, хранящийся в городском Краеведческом музее (1335) и др.

Площадка Крутогорского селища – традиционно одно из излюбленных мест пикников со всеми соответствующими атрибутами и последствиями. Она захламлена мусором, отходами производства Чистопольского элеватора. В 1997 г. здесь был открыт могильник, получивший одноименное селищу название. Он был открыт при осмотре обнажений траншеи: пытаясь предотвратить вывоз зерна с элеватора, его администрация периодически перекапывает участки проезда, что приводит к новым разрушениям и повреждениям памятника.

Начиная с 2007 г. в нарушение режимов содержания и использования историко-культурной заповедной территории «Джукетау» велось строительство комбикормового цеха. Это привело к непосредственному повреждению и разрушению участков Крутогорского селища и могильника и негативным последствиям – общему возрастанию антропоген-

ного воздействия на объект археологического наследия и окружающий исторически сложившийся природно-культурный ландшафт, включающий в том числе расположенную в непосредственной близости линию оборонительных сооружений городища.

В 2010 г. в непосредственной близости от последних на площадке могильника были построены очистные сооружения Чистопольского элеватора, к которым с его территории подходит линия ливневой канализации. Сток канализации выводится на участок естественного склона, проходит по указанной несанкционированной траншее, повреждает культурный слой, захоронения и другие объекты, размывает плодородную почву, вызывает прогрессирующую овражную эрозию. Сток канализации проходит недалеко от места старого родника, который планировалось благоустроить, и впадает в приток р. Кама.

Примером масштаба и стремительности утраты немногочисленных сохранившихся надмогильных камней является другой памятник – Старо-Ромашкинское кладбище («Ханское кладбище», «Ташбилге»). В 1920-е годы основатель Чистопольского музея А.К. Булич фиксировал здесь «двенадцать каменных могильных плит с арабскими надписями… Прежде таких могильных памятников было значительно больше – еще недавно *около ста плит* (курсив наш. – *Н.Н.*), но затем они были разбиты и расхищены местным населением» (Булич, 1926, с. 78). Статус категории памятника российского (федерального) значения, полученный еще в советское время, никак не повлиял на его сохранность. Сравнение опубликованных в 1970-х годах материалов (Хакимзянов, 1978, с. 112–117, 130, 131, 170–175, 182, 183) с современным состоянием эпиграфических памятников показывает, что некоторые из них ныне утрачены (не найдены, не идентифицированы), перемещены, повреждены; эпитафии, особенно рельефные, читаются хуже.

Примерно такая же картина выявляется в отношении эпиграфических памятников татарского кладбища на территории г. Чистополь, при том дополнении, что оно является еще и действующим (Гариф и др., 2009. С. 346–357).

В современном российском законодательстве, регулирующем правовые отношения в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия, под сохранением понимаются меры, направленные на обеспечение физической сохранности и сохранение историко-культурной ценности объектов культурного наследия (№ 73-ФЗ, п. 1 ст. 40).

В перечне элементов (объектов) археологического наследия, имеющем в целом довольно неупорядоченный вид, какой-либо их дифференциации, в том числе в смысле соотношения целого и части, нет. Перечень содержит в том числе и прямые указания на «стелы», «грунтовые могильники», «древние погребения», «места совершения древних религиозных обрядов» и другие элементы археологического наследия (№ ФЗ-73, ст. 3). Получается, что по умолчанию в их отношении действуют общие правила, согласно которым «в случае невозможности[1] обеспечить физическую сохранность объекта археологического наследия под сохранением этого объекта археологического наследия понимаются спасательные археологические полевые работы… с полным или частичным изъятием археологических предметов из раскопов» (№ 73-ФЗ, п. 2 ст. 40).

Очевидно, нужно признать, что некрополь и его первичный «объект» – он же субъект некогда существовавшей исторической действительности – если в правовом понимании и является так называемым «объектом недвижимого имущества», то весьма специфическим.

В отношении надмогильных камней напрашивается соответствие в виде обычно не употребляемого в булгаро-татарской археологии правовому понятию «стела», применимого, на наш взгляд, прежде всего к объектам вне контекста (в том числе музейным предметам). Находящаяся *in situ* «стела» одновременно является элементом «неделимой сложной вещи», причем не отдельно взятого «древнего погребения», а «грунтового могильника». При таком подходе предмет охраны расширяется, и под него подпадают в том числе и «частично или полностью скрытые в земле… следы существования человека в прошлых эпохах… основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки…» (№ 73-ФЗ, ст. 3).

Критерии и методы определения границ объекта археологического наследия (территории объекта археологического наследия), актуальные для памятников типа поселений, как известно, для некрополей имеют свои

[1] При этом непонятно, что такое «невозможность»; видимо, какая-то неведомая производственно-хозяйственная необходимость.

особенности и не всегда применимы при обосновании их границ.

Теоретически при наличии двух и более надмогильных знаков, принадлежащих одной археологической культуре, независимо от степени их синхронности участок между ними становится вероятной территорией некрополя и потенциальным для локализации новых объектов. Но, во-первых, крайние сохранившиеся *in situ* надмогильные знаки дают площадь, меньшую по сравнению с совокупной потенциальной площадью некрополя; во-вторых, такой способ не работает в отношении некрополей без сохранившихся внешних признаков.

Применительно к некрополям также стоило бы сразу же исключить непосредственную увязку с культурным слоем не только в связи с известными особенностями его формирования на таких территориях, но и вероятностью подмены объекта другим, например, перекрывающим или подстилающим некрополь культурным слоем селища.

Здесь хотелось бы заметить, что легальное определение «культурного слоя» к тому же может быть буквально истолковано так, что для признания его таковым необходимо непременное условие включать в себя «археологические предметы» («движимые вещи»). Другими словами, возможна ситуация, когда связанный с некрополем какой-то культурный слой (в научном понимании) со «следами существования человека в прошлых эпохах» и будет выявлен, а «археологические предметы» в нем – нет, что тем более неудивительно для некрополя, особенно мусульманского[2].

Это иллюстрирует пример Крутогорского могильника, с площадки которого по склону сполз почвенный слой, в результате чего сформировались достаточно мощные напластования практически без находок (Хамзин, 2016, лл. 17–25).

По этим же материалам культурные остатки содержатся в синхронных отложениях на противоположной стороне естественного оврага, что позволяет предположительно рассматривать его как границу данного участка некрополя (там же).

Подобные известные особенности топографии некрополей (ограниченность оврагами, ложбинами и др.) при определении их границ обычно учитываются как дополнительные признаки (критерии), т.к. эти предположения умозрительны без раскопок, проведение которых, в свою очередь, вне охранно-спасательных задач, особенно на некрополях, весьма нежелательно.

На наш взгляд, указанные критерии могут стать и одними из основных, если попытаться подойти к некрополю как части системы культурно-природного ландшафта и одновременно как «месту совершения древних религиозных обрядов».

Строго говоря, в «собственно» археологическом или узком смысле слова под «местами совершения древних религиозных обрядов» следовало бы подразумевать непосредственно их материальные остатки, следы[3]. Однако очевидно, что при подходе к подобным объектам с точки зрения исторической науки или как к объектам историко-культурного наследия они не являются в полном смысле материальными или исключительно материальными.

Это важно отметить, поскольку, на наш взгляд, здесь мы встречаем своеобразные «осколки» первоначального понимания сути историко-культурного (археологического) наследия как культурной ценности (в том числе нематериальной) до последующего произошедшего ее выхолащивания, низведения «памятников истории и культуры» до «объектов недвижимого имущества».

Такие «реликты» возвращают нас к пониманию самостоятельной культурной ценности контекста и комплексного характера объектов археологического наследия, сочетающих в себе черты природных и историко-культурных объектов (Шухободский, 2011, с. 137). При таком подходе мы приближаемся к изначальным базовым положениям Европейской конвенции об охране археологического наследия, согласно которым, «объектами (элементами) археологического наследия считаются все остатки (останки), предметы (объекты) и

[2] Таким образом, применительно к некрополю при оперировании понятием «культурный слой» с целью, например, «подсчитать» ущерб от его повреждения или уничтожения ожидаем не только знакомое каждому археологу «здесь ничего ценного нет», но и активное включение в «аргументацию» всех известных правовых новелл – «археологических предметов» не обнаружено, следовательно, это не «культурный слой» и не «объект археологического наследия».

[3] Очевидно, археологически уловимы материальные следы длившихся или регулярных «древних религиозных обрядов» и иных действий в исторической действительности. Там, где действия носили кратковременный, одномоментный, одноактный характер, материализация и, соответственно, последующая археологизация были минимальны.

любые другие следы человечества (человеческой деятельности) прошлых эпох… сохранение и изучение которых помогает восстановить (проследить) историю человечества и его связь с природной (окружающей) средой» (European Convention, art. 1).

Пока, правда, трудно представить реализацию такого «многослойного» подхода к некрополю, в том числе из-за размытости существующих легальных понятий объектов (элементов) археологического наследия и их соотношения, небезупречности системы достопримечательных мест, частью которой могли бы стать некрополи как «места совершения древних религиозных обрядов» и т.д.

Существуют также противоречия норм права с моральными и другими социальными нормами (Набиуллин, 2016, с. 217–228). В качестве некоторых тем для будущих специальных обсуждений видятся такие, как проблема верхних хронологических рамок захоронений (в контексте «столетнего рубежа» объектов археологического наследия); этические вопросы, связанные с подходом к останкам человека как к объекту антропологии, музейному предмету и другие.

В качестве иллюстрации можно вернуться к приведенному в начале публикации примеру с Крутогорским могильником, где обширный предмет обсуждения сужается до сугубо материального понимания и сводится к тому, что канализация размывает определенные площади, объемы культурного слоя, захоронения. Поэтому в рамках так называемых «мероприятий по сохранению» памятника возник вариант пустить канализацию также поверх площадки некрополя, но в сточной трубе. С таким «консенсусом» и «балансом» между хозяйственной деятельностью и «сохранением» памятника трудно согласиться с позиции норм морали.

Если соотнесенность некрополей с системами культурно-природных ландшафтов в большей степени связана с эстетическим восприятием, их позиционирование как «мест совершения древних религиозных обрядов» вносило бы некую этическую составляющую. Оно рождало бы в известном смысле моральное, идеологическое восприятие как мемориального места, чего-то большего, чем антропологическое и анатомическое «могильник со скелетами», что особенно актуально для некрополей без надмогильных знаков и других выраженных внешних признаков.

Сохранение некрополей непосредственно связано с их государственной охраной, где первоочередными мероприятиями являются постановка на государственный учет, установка информационных надписей и обозначений. Представляется, что территории древних кладбищ, а также отдельные надмогильные камни должны быть ограждены.

Над надмогильными камнями необходимо предусмотреть навесы, организовать проведение реставрационных работ памятников. В то же время из-за неизбежной в последующем физической утраты надмогильных камней как минимум из-за неблагоприятного воздействия сил природы хотелось бы предложить провести специальную дискуссию о возможности переноса таких объектов в музеи, в условия, где обеспечены необходимые режимы их хранения, предусмотрев при этом соответствующую замену оригиналов качественными копиями.

ЛИТЕРАТУРА

Булич А.К. Болгарские городища в Чистопольском кантоне ТАССР // Вестник Научного общества татароведения. 1926. № 4. С. 77–79.

Гариф Н.Г., Исмагилов Н.Ф., Набиуллин Н.Г. Итоги археологических работ в окрестностях Джукетау (по материалам, полученным в ходе археологических изысканий, проведенных летом 2007 года в городе Чистополе) // Материалы Междунар. науч. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)» // Золотоордынское наследие / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Вып. 1. Казань, 2009. С. 346–357.

Набиуллин Н.Г. Могильники Джукетау (Часть I. Крутогорский могильник) // Краеведческие чтения и среды. Вып. 3: Материалы заседаний, прошедших в Национальном музее Республики Татарстан в 2002–2003 гг. Казань: РИЦ «Школа», 2003. С. 44–61.

Набиуллин Н.Г. Новые исследования Староромашкинского комплекса археологических памятников // Средневековая Евразия: симбиоз городов и степи. Материалы II Междунар. Болгарского форума / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань, 2013. – С. 144–148.

Набиуллин Н.Г. О сохранении булгаро-татарских некрополей // Материалы III Междунар. конгресса исламской археологии в Казани / Отв. ре. Х.М. Абдуллин, А.Г. Ситдиков. Казань, Ин-т археологии АН РТ, 2016. С. 217–228.

Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий волжских булгар / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. М.: Наука, 1978. 206 с.

Хамзин Р.Н. Научный отчет о проведении археологических охранно-спасательных работ на объекте федерального значения «Джукетау» в 2015 г. Казань, 2016 / Научный архив ИА РАН. 255 л.

Шухободский А.Б. Объект археологического наследия как отдельный феномен культурных ценностей // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2011. Вып. 4. С. 136–140.

НОРМАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

European Convention on the Protection of the Archaeological Heritage (Revised). Valetta. 6.01.1992.

Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

Постановление Совета Министров РСФСР от 30.08.1960 № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР».

Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 20.08.1999 № 542 «Об объявлении культурного слоя комплекса «Джукетау» X–XV вв. – памятника археологии федерального (общероссийского) значения в Чистопольском районе Республики Татарстан историко-культурной заповедной территорией».

Информация об авторе:

Набиуллин Наиль Гатиатуллович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация), кандидат исторических наук; juketaw@mail.ru

About the Author:

Nabiullin Nail. G. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; juketaw@mail.ru

УДК 902/904

ГОРОДА ПРИКАМЬЯ В ПОЗДНЕДОМОНГОЛЬСКИЙ И РАННЕЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ПЕРИОДЫ: К ВОПРОСУ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

© 2017 А.З. Нигамаев

В статье на материалах полевых исследований последних десятилетий, прежде всего, на данных по XVIII группе керамики по классификации Т.А. Хлебниковой, делается вывод о преемственном развитии материальной культуры населения городов предмонгольского и раннезолотоордынского времени.

Ключевые слова: археология, Волжская Булгария, Нижнее Прикамье, предмонгольское время, золотоордынский период, города, могильники, население, миграция, керамика.

The article presents the materials from field investigations of last decades, first of all the data on the 18th ceramic group which was classified by T.A. Khlebnikova. Conclusion is made about the continuity in development of urban material culture of the pre-Mongolian and early Golden Horde periods.

Keywords: archaeology, Volga Bulgaria, Lower Kama region, pre-Mongolian time, Golden Horde period, towns, burial grounds, population, migration, ceramics.

Булгарский город – одна из традиционных областей исследований отечественных археологов-медиевистов. Актуальность исследования различных исторических проблем, связанных с его возникновением, развитием, экономикой, культурой, экологией и населением всегда будет на высоком уровне. Как важнейший компонент цивилизации, булгарский город проецирует в себе сложные этнокультурные процессы, отразившиеся в богатом археологическом материале.

В последние несколько десятилетий произошло бурное развитие археологии средневековых городов Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья. Как важные составляющие современной историографии нужно рассматривать труды Ф.Ш. Хузина (2000), А.М. Губайдуллина (2002), Н.Г. Набиуллина (2011), А.Г. Ситдикова (2006), З.Г. Шакирова (2014) и др. Расширяется список прикамских памятников, в том числе и остатков городов, удостоенных вниманием археологических экспедиций (Руденко, 2013; Нигамаев, 2005).

К настоящему времени в прибрежной полосе Нижней Камы (20–25 км по обе стороны) обнаружено чуть менее 400 булгарских памятников IX–XIV вв., большую часть которых составляют селища. Почти половина памятников датируются домонгольским временем, около трети продолжали существовать и в золотоордынский период, а остальные возникли после монгольских завоеваний. Наиболее значимыми и относительно неплохо исследованными среди них являются такие города. как Джукетау, Кашан (Кашан I, Городищенское городище), Чаллы, Кирмень, Алабуга, представленные как целые археологические комплексы. Все они возникли в первой половине домонгольского периода и продолжали существовать в золотоордынскую эпоху. Поэтому материалы из этих комплексов интересны и в плане этнокультурной ретроспекции.

Общеизвестно, что монгольские завоевания существенно уменьшили общее количество булгарских городов (Халиков, 1989). Разрушение городов, угон уцелевших горожан в плен и отток окрестного населения на север за Каму и есть объективные причины упадка городской жизни в Закамье в раннезолотоордынский период. Но такой подход к проблеме был бы слишком упрощенным. Дело в том, что определенные проблемы в функционировании городов Закамья начались задолго до монгольских вторжений. Следует признать, что в этой части территории государства городских поселений, появившихся во второй половине XII – начале XIII вв. археологически не обнаружено. Причины могут быть самые разные, в том числе перенаселение региона, кризис сельского хозяйства. Но более вероятным следует признать именно экологические проблемы, прежде всего, резкое уменьшение лесных массивов вокруг крупных городов как источников строительного материала и топлива.

В последние годы в исторической литературе все чаще стали звучат утверждения о смене населения городов в середине XIII в.

или строительстве городов (пусть и наиболее значимых) новым пришлым населением (Руденко, 2013; Измайлов, 2009), вымирании булгарского населения в 60-е гг. XIV в. (Schamiloglu, 2016).

Появление новых групп населения в регионе, тем более его полная смена, должна была найти отражение в археологическом материале. За более чем двадцатилетние исследования Елабужского (городище, посад, II–IV могильники) и Кирменского (городище, II, III селища) комплексов не дало ни одной находки, не считая т.н. «аскизского» материала, которую можно было бы как-то связать центрально-азиатским или южно-сибирским населением. Такая же картина в Чаллынском комплексе, Омарском и Дигитлинском городищах, на Элеваторной горе с Челнинским селищем (Наб. Челны), функционирование которых в золотоордынский период не оспаривается. Конечно, миграции в данный период были. И, безусловно, превалировали центробежные передвижения. Но источники показывают и обратное направление этих миграций, т.е. из окраин в центр государства.

В изучении этнического состава городского населения, как и этнических процессов в целом, определяющими и лучшими показателями выступают керамическая посуда и украшения. В керамике, прежде всего, берется статистика находок, хотя она не всегда объективно отражает соотношение этнических групп. Явное доминирование в прикамских городских поселениях булгарской гончарной керамики (I гр. по классификации Т.А. Хлебниковой, 1988) объясняется, прежде всего, тем, что она сама являлась товарной продукцией или служила тарой для других товаров. Учитывая, что города и военные опорные пункты на окраинах были больше зависимы от поставок из центра, статистическая доля булгарской керамики на городищах должна быть на порядок больше реальной доли проживавшего в нем булгарского населения. Но фактически в сельских поселениях данного периода доля булгарской керамики еще выше. Более того, как показывают материалы Староромашкинского городища (погиб 1236 г.), изменения в производстве общебулгарской керамики, появление которых принято связывать с раннезолотоордынским упадком (узкое перекрестное лощение, изменение цвета керамики, появление валика у кувшинов, запесоченность теста и т.д.), начинают прослеживаться еще в предмонгольское время.

Одним из довольно сложных проблем, изученных в последнее время в результате раскопок в прикамских городах, является вопрос о времени появления на Нижней Каме населения, связанного с родановской культурой. Последняя представлена посудой черного, бурого, серого оттенков из глиняного теста с большим содержанием толченой раковины, с оригинальными ручками подтреугольного сечения с горизонтальной площадкой в верхней части («языком»), украшенной гребенчатом штампом. Такую посуду, представленную горшковидными, чашевидными и котловидными круглодонными с приуплощенностью сосудами, основываясь на материалах Западного Закамья, прежде всего, Болгарского городища, Т.А. Хлебникова (1988а) выделила в XVIII группу своей классификации. По ее мнению, все из обнаруженных в Болгаре фрагментов происходят из слоев второй половины XIII – начала XV вв. При этом, будучи весьма заметным в общем составе посуды золотоордынского периода, данная керамика встречается как в центре, так и на периферии города. В Джукетау такая керамика также встречается преимущественно в золотоордынском слое. В Билярском городище она абсолютно не представлена, поэтому время распространения керамики XVIII группы было определено золотоордынским периодом.

Как показывают, археологические исследования прикамских городов, проникновение родановского населения на территорию Волжской Булгарии начинается задолго до монгольских завоеваний. В домонгольских отложениях посада Алабуги родановская посуда (XVIII гр.) составляет более половины керамического комплекса. Исходя из принципа, что население, связанное с традиционной посудой, количественно занимает большее место, чем представлена его посуда, можно предположить, что финно-пермское население посада Алабуги занимало не менее 2/3 от общего количества жителей. И это население поддерживало постоянные связи со своим исходным регионом. Доминирование в керамическом комплексе посуды населения Верхнего Прикамья или Западного Приуралья в целом является спецификой материальной культуры населения Восточного Предкамья. Но это население в предмонгольское время сумело продвинуться вглубь Волжской Булгарии. В незначительном количестве керамика XVIII группы встречается в комплексе посуды Староромашкинского городища, который погиб в 1236 г. и больше не восстанавливался (Нигамаев, 2015, с. 37).

Появление в прикамских городах носителей XVIII группы посуды было последним крупным проникновением финно-пермского

населения в Волжскую Булгарию. Следующая миграция в восточные районы Нижнего Прикамья связана с чияликским (угорским) населением.

Говорить о каком-то крупном включении степного населения в состав жителей городов Нижнего Прикамья не приходится. По крайней-мере, в предкамских памятниках их следы полностью отсутствуют. Все выявленные на сегодняшний день могильники степняков в пределах Волжской Булгарии располагаются в бассейнах рек Самара, Черемшан и в районе слияния Волги с Камой, в том числе в низовьях р. Актай (II Коминтерновское, V Семеновское) (Казаков, 2014, с. 238). В связи с вышесказанным для рассуждений о начале смены населения городов, как и всего региона, в раннезолотоордынский период нет оснований.

ЛИТЕРАТУРА

Губайдуллин А.М. Фортификация городищ Волжской Булгарии / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань, 2002. 230 с.

Измайлов И.Л. Волжская Булгария XIII в.: автономия или ханский улус // Золотоордынское наследие. Материалы Междунар. науч. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». Вып. 1 / Отв. ред. и сост. И.М. Миргалеев. Казань, 2009. С. 31–41.

Казаков Е.. Хронология древностей Волжской Болгарии в системе средневековых миграций Восточной Европы // Поволжская археология. 2014. № 3. 2014. С. 222–242.

Нигамаев А.З. Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы. Своеобразие материальной культуры населения / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. 225 с.

Набиуллин Н.Г. Джукетау – город булгар на Каме / Науч. ред. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 143 с.

Нигамаев А.З. Археологические работы на Староромашкинском городище в 2013 году // В мире научных открытий. 2015. № 11 (71). С. 33–40.

Руденко К.А. Кочевники в Булгарском улусе Золотой Орды (по данным археологии) // Поволжская археология. 2013. № 2. – С. 189–211.

Ситдиков А.Г. Казанский Кремль: историко-археологическое исследование / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань, 2006. 288 с.

Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань: Татар. кн. изд-во, 1989.220 с.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1988.

Хлебникова Т. А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 35–48.

Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. / Отв. ред. А.М. Белавин. Казань, 2000. 480 с.

Хузин Ф. Ш., Набиуллин Н. Г. Булгарский город Джукетау на Каме (по материалам раскопа III 1991, 1993 гг.) // Археологическое изучение булгарских городов / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань, 1999. С. 90–113.

Шакиров З.Г. Средневековая округа Биляра: к методике исследования поселенческой структуры и ресурсного потенциала // Поволжская археология. Казань, 2014. № 2. С. 37–48.

*Schamiloglu U.*Gravestones and the history of medieval tatar civilization: a brief overview // Ислам и тюркский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории и религии. Казань, 2016. С.76–81.

Сведения об авторе:

Нигамаев Альберт Зуфарович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всебщей и отечественной истории Казанского (Приволжского) Федерального университета (г. Елабуга, РТ), alnig.07@mail.ru

About the Author:

Nigamaev Albert Z. Candidate of Historical Sciences, Associated Professor, Elabuga Institut of Kazan (Volga region) Federal University, (Elabuga, Russian Federation)

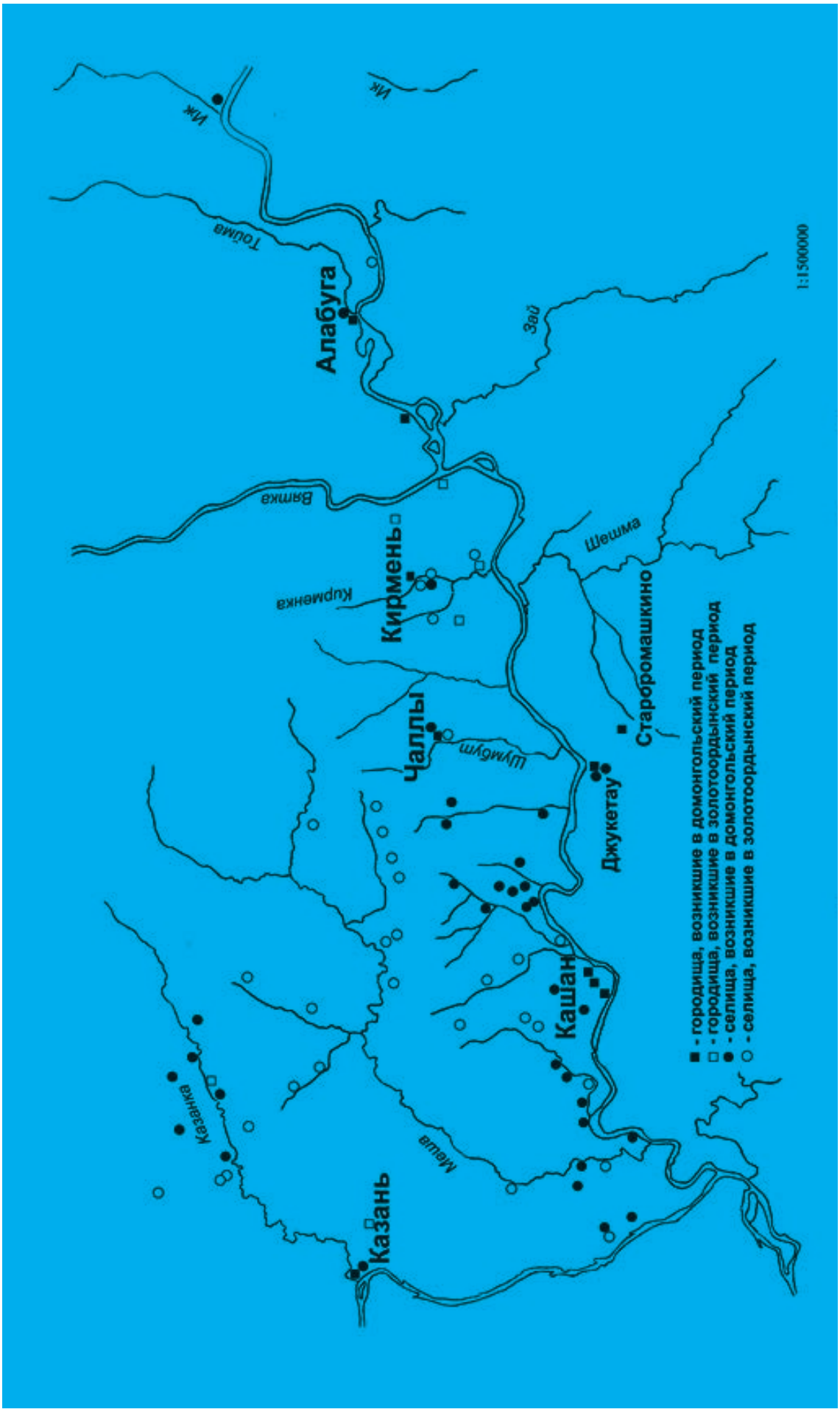


Рис. 1 Болгарские поселения на территории Нижнего Прикамья

УДК 902/904

ВЫЖУМСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ В ПОВЕТЛУЖЬЕ

© Т.Б. Никитина

VYZHUM ARCHAEOLOGICAL COMPLEX IN THE CONTEXT OF CULTURAL RELATIONS IN VETLUGA RIVER AREA

В статье дан краткий обзор средневековых материалов из Выжумского археологического комплекса: Выжумский, Выжумский II и III могильники. По Выжумскому могильнику введены в научный оборот новые данные с учетом раскопок 2015–2016 гг. Новый материал и анализ обряда и инвентаря по погребальным комплексам из ранее известных памятников, позволили подойти к переоценке некоторых материалов в хронологическом и культурноисторическом аспектах.

Ключевые слова: археология, Поветлужье, средневековье, марийская культура, слявянизированные финны, топография, датировка, погребальный обряд, украшения.

The article gives a brief overview of medieval materials from the Vyzhum archaeological complex: Vyzhum II and III burial grounds. New data on the Vyzhum burial ground including excavation 2015-2016 have been introduced into scientific circulation. New materials and the analysis of burial rite and inventory in the burial complexes of the previously known sites allowed to approach the revaluation of certain materials in chronological and cultural and historical aspects.

Keywords: archaeology, Vetluga River area, the Middle Ages, Mari culture, Slavic Finns, topography, dating, burial rite, decorations.

В 1900–2000 м к ЮЮЗ от кордона Нижний Выжум, в 8200 м к СЗ от центра пос. Юркино Юринского района Республики Марий Эл на правом берегу р. Выжум (левый приток р. Ветлуга) располагается несколько археологических памятников различных эпох (рис. 1).

В 1986 г. Г.А. Архипов впервые ввел в научный оборот понятие Выжумский археологический комплекс (Архипов, 1976, с. 7), обьединив в него следующие памятники: Выжумские стоянку I и поселение II, относящиеся к эпохе неолита и энеолита; Выжумский I могильник XVI–XVII вв. на месте стоянки I, Выжумский II могильник XII–XIII вв. на месте поселения II; Выжумский III могильник XII–XIII вв. и Выжумский могильник (кладбище). На совокупность памятников под общим названием «Выжумский археологический комплекс» в 2011 г. составлен паспорт.

Для изучения эпохи средневековья значительный интерес представляют Выжумские могильники.

Выжумский II могильник был выявлен в 1958 г. МарАЭ под руководством А.Х.Халикова в процессе раскопок жилища эпохи энеолита. Памятник располагается на коренной террассе правого берега р. Выжум. В юго-восточной части по краю жилищной впадины обнаружены отдельные находки и одно разрушенное средневековое захоронение. В 1971 г. во время проведения работ в зоне Чебоксарского водохранилища при раскопках энеолитического поселения было обнаружено 6 захоронений, близких ранее обнаруженному. В 2005 г. Т.Б. Никитиной на площади 84 кв. м вскрыто еще 3 погребения (Никитина, отчет 2005 г.).

Выжумский III могильник обнаружен в 1971 г., расположен на песчаной дюне коренной террасы левого берега р. Выжум в 130 м к СЗ от известного ранее Выжумского II могильника. Дюна располагается на коренной террасе левого берега Выжум. В 1971 г. была изучена площадь 452 кв. м, в восточной части которой выявлено 24 захоронения.

Выжумский могильник (кладбище) археологами не изучался, так как считался объектом достаточно поздним. По этой причине, вероятно, не введен в «Археологическую карту Республики Марий Эл». Памятник расположен в 45–50 м к В от Выжумского III и в 180 м к ССВ от Выжумского II могильников на песчаной дюне, заглубленной в лесном

массиве на расстоянии 150 м с юга и на расстоянии 120 м с запада от края террассы.

Летом 2012 г. в МарНИИЯЛИ поступили сведения о том, что в районе Выжумского археологического комплекса появились неизвестные люди, которые проводят археологические раскопки. Весной 2013 г. отрядом МарАЭ под руководством автора данной статьи проведен осмотр территории Выжумского археологического комплекса и окрестностей (Никитина, отчет о разведках в 2013 г.). На территории Выжумского могильника (кладбища) зафиксированы следы более 30 ям и закопушек различного размера, местами заметны следы засыпанных траншей, в которых обнаружены фрагменты металлических изделий. По ним стало очевидным, что обьект не поздний и связан с периодом средневековья. В 2013 г. было заложено два раскопа общей площадью 136 кв. м: раскоп 1 в западной части памятника, раскоп 2 – в восточной, изучено 10 погребений и 6 жертвенных комплексов между могилами. Оба раскопа показали наличие погребений и перспективу для последующего изучения (Никитина, Отчет о раскопках в 2013 г.). В 2014 г. были продолжены раскопки памятника в рамках программ «Культура России» при поддержке Министерства культуры Российской Федерации и «Культура Республики Марий Эл» при поддержке Министерства культуры и по делам национальностей РМЭ»; на площади 294 кв. м изучено 11 погребений, 10 жертвенных комплексов между могилами (Никитина, отчет 2014 г.). В 2015 г. изучена площадь 153 кв. м, на которой располагалось 11 объектов эпохи средневековья: 6 погребений (полных и разрушенных) и 5 жертвенных комплексов в межмогильном пространстве (Никитина, отчет 2015 г.). В 2016 г. исследованиями охвачены небольшие площадки между участками, плотно занятыми крупными деревьями, которые не разрешили рубить органы лесного хозяйства, и участками, уничтоженными кладоискательскими раскопками. В результате общая вскрытая площадь составила 164 кв. м и представлена разрозненными участками: раскоп 4 – 105 кв. м; раскоп 2-16 – 30 кв. м, траншея 3 – 13 кв. м, раскоп 1-16 – 16 кв. м; удалось выявить 9 погребений и 1 жертвенный комплекс (Никитина, отчет 2016 г.).

Первым исследователем Г.А. Архиповым Выжумский II и Выжумский III могильники обьединены в один круг памятников, связанных с марийской средневековой культурой XII–XIII вв. К этому же кругу памятников отнесены Починковский и Руткинский могильники (Архипов, 1986).

Следуя логике исследователя, очевидно, что подобный вывод был основан, прежде всего, на сходстве погребальных обрядов населения, оставившего эти памятники, а точнее из-за отсутствия обряда кремации; датировка базируется на многочисленных аналогиях в славяно-русских материалах. К сожалению, при определении хронологии не произведен анализ материала по закрытым комплексам.

Рассмотрев инвентарь по погребальным комплексам, нам удалось внести некоторые предварительные уточнения в датировку Выжумского III могильника, имеющего серию отличий от других могильников XII–XIII вв.; предположить, что дата ряда погребений в восточной части могильника укладывается в пределы конца XI в., не выходя за рубеж XI–XII вв. (Никитина, 2002, с. 199–205).

Раскопки Выжумского могильника еще более укрепили позицию относительно более ранеего бытования Выжумского III могильника, а также позволили подойти к переоценке некоторых материалов в культурноисторическом аспекте.

Выжумский могильник.Погребальный обряд представлен кремацией (4 погр.), ингумацией (28 погр.), кенотафами (2 погр.) и жертвенными комплексами в межмогильном пространстве (22 жк). Преобладающей ориентировкой является северная (С, СЗ, СВ), в одном случае (п. 17) обнаружена ориентировка головой на ЮЗ. В ногах или в изголовье помещались дополнительные комплексы вещей, бронзовые или железные котлы. Бронзовые котлы обложены берестой с внешней и иногда с внутренней стороны, в отдельных из них внутрь поставлена деревянная чаша. Практиковалось использование подстилок и покрытий из дерева или луба. На вновь изученном памятнике обнаружено значительное количество жертвенных комплексов в межмогильном пространстве. Они имели вид неглубокой ямки, в которую помещены вещи, преимущественно украшения, завернутые в мех и ткань. Отдельные ямки имеют подстилку из войлока или войлочные коврики. Жертвенные комплексы между могилами являются признаком, характереным для более ранних марийских могильников IX–XI вв. Высокий процент железных сосудов среди металлических котлов также является достаточно ранним признаком, позволяющим отнести исследуемый объект ко времени не позднее рубежа XI–XII вв.

В составе инвентаря выделяются украшения, маркирующие марийскую культуру Ветлужско-Вятского междуречья: головные цепочки (пп. 9, 17, 22, 34, жк 4), височные кольца, в том числе и браслетообразные с одним отогнутым концом (пп. 17, 18, 24, жк 9, 15) (рис. 2: 3), накосники с металлическими и костяными пронизками и копоушками (п. 6, 9, жк 13), различные шумящие подвески (рис. 2: 7, 15, 19). В погребениях также встречаются кожаные ремни с металлическими пряжками и накладками (рис. 2: 2, 8, 16–18) и большое количество браслетов (рис. 2: 9), что также характерно для могильников Ветлужско-Вятского междуречья X–XI вв.

Коньковые подвески из погребения 17 (рис. 2: 2) имеют очень близкие аналогии с прикамскими подвесками типа 3: реалистические головки коней соединены с основой короткими стерженьками, отверстие в виде замочной скважины оконтурено линиями зерни, встречаются в X–XI вв. (Белавин, Крыласова, 2008, с. 381, рис. 187: 8). Подвески Выжумского могильника отличаются от прикамских длиной цепочек, на которых крепились утиные лапки; в Прикамье они имели не более 7 звеньев, а на Выжумском могильнике 23 звена. Такое отличие обьясняется различным функциональным назначением: на Выжумском могильнике это нагрудные украшения, а в Прикамье использовались в составе накосников.

Треугольно-каплевидные подвески из погребения 2 аналогичны украшению из п. 1 Веселовского могильника марийской культуры второй половины XI в. (Никитина, 2012, с. 64). Похожие изделия Л.А. Голубевой включены в третий вариант типа V и вполне справедливо отнесены к XI в. (Голубева, 1982, с. 120).

Таким образом, Выжумский могильник по основным чертам погребального обряда и вещевого инвентаря можно связать с памятниками марийской культуры X – начала XII вв.

Значительный интерес представляет тот факт, что в материалах могильника достаточно многочислены вещи, имеющие аналогии в памятниках Древней Руси и прилегающих территорий конца XI–XII вв. Наиболее вариативны браслеты: витые и плетеные с завязанными концами (жк 3, 4, 7, 15, п. 25, 32, 33) (рис. 2: 13), с концами в форме звериных головок (пп. 6, 21, 22, 25, 26, 29, 32, 33, жк 4, 2, 14). Витые браслеты с завязанными на две стороны концам имеют аналогии в древнерусских древностях с X до конца XI вв. (Левашова, 1967, с. 219; Макаров, 1997, с. 120, 125, 126; Зайцева, 2008, с. 10; Жилина, 2014, с. 163). Витые завязанные браслеты из серебра известны в русских кладах X–XI вв. (Корзухина, 1954, табл. V, XI), в погребении на Старорязанском городище XI в. (Даркевич, 1974, рис. 47: 4, с. 47).

Звериноголовые браслеты в X в. распространились на территории, заселенные славянами и финнами из Прибалтики. Они известны во владимирских, подмосковных, смоленских, калужских курганах, а также в Белоруссии, южном Приладожье и на Ижорском плато, где они датируются, в основном, XI - началом XII вв. (Седова, 1981, с. 112). Железные крученые гривны (пп. 2, 10, 22, 32) распространены на территории Руси в X–XI вв., в основном вдоль торговых путей, связывающих Северную Европу со странами Востока (Фехнер, 1967, с. 63; Седова, 1997, с. 66). Гривны из погребений 16 и 27 по оформлению плоских раскованных концов аналогичны витым гривнам XI–XII вв. Владимиро-Суздальской и Новгородской земель (Фехнер, 1967, с. 71–73), Белозерья и Поонежья (Макаров, с. 117, табл. 138, 151; Зайцева, 2008, с. 106), Костромского Поволжья XI - начала XII вв. (Рябинин, 1986, с. 60), Кольского полуострова (Горюнова, Овсянников, 2002, с. 219, рис. 7).

Отмеченные типы изделий имели широкое распространение не только на древнерусской территории, но и на смежных территориях, в том числе являются не редкой находкой в могильниках Ветлужско-Вятского междуречья X–XI вв. (Никитина, 2012), и могли проникнуть в результате торговых или культурных контактов. Они, как правило, не образуют монолитных комплексов, встречаются в погребениях совместно с изделиями, маркирующими марийскую культуру. Более поздним обликом отличаются несколько погребений на юго-восточной окраине могильника с рубчатыми (ложновитыми) перстнями, которые широко распространены на всей территории Древней Руси XII–XIII вв. (Зайцева, 2008, с. 123–124).

Выжумский III могильник имеет ряд признаков в погребальном обряде, сходных с Выжумским могильником: различные варианты северной ориентировки (от северо-западной до северо-восточной), подстилки и покрытия из дерева и луба или бересты, медные или железные котлы преимущественно в ногах, дополнительные комплексы вещей в погребениях, наличие жертвенных комплексов между могилами. Медные котлы (рис. 3: 14) обложены берестой, в них поставлена деревянная

чаша или туес,. Сохраняются головные уборы, включающие головную цепочку из проволочных звеньев (пп. 11, 13, 17, 21) (рис. 3: 5), наборные накосники с костяными пронизками (рис. 3: 6,7,8,10–12) и височные кольца (рис. 3: 4). Интересно, что маркирующие украшения содержались преимущественно в захоронениях женщин-литейщиц, которые являлись хранителями этнической традиции. Височные кольца становятся мельче, классических браслетообразных колец не обнаружено. Костюм по-прежнему содержит значительное количество шумящих украшений (рис. 3: 2), оберегов в виде подвесок птичек, коньков, копоушек (рис. 3: 9), наборные пояса с металлическими накладками (рис. 3: 1, 3).

На этом могильнике не зафиксирована кремация. Из-за плохой охранности костей невозможно делать выводы относительно кенотафов. Вещей с выраженными этномаркирующими признаками становится меньше. Жертвенные комплексы и основная масса погребений с диагностирующими украшениями расположены на восточной части дюны, обращенной в сторону Выжумского могильника. В комплексах этих погребений также выделяется ряд вещей, имеющих аналогии на древнерусской территории. Ассортимент инокультурных изделий тот же, что и на Выжумском могильнике, по-прежнему, среди них преобладают браслеты: витые с завязанными концами (пп. 5, 8, 11, 15) (рис. 3: 13), витые петлеконечные (п. 9, 13), со звериноголовыми концами (пп. 11, 12). Единичны находки височных колец с напускными металлическими бусинами (п. 13, 23). Как и на Выжумском могильнике подобные вещи рассредоточены по различным погребениям и скорее проникли на данную территорию без их носителей в качестве предмета торговли или обмена.

Иная картина наблюдается в западной части территории Выжумского III могильника. Здесь выделяется небольшая группа захоронений (пп. 19, 20, 23, 24), в которых концентрация инокультурных изделий наиболее выражена, увеличивается типовое многообразие вещей; маркеров марийской культуры не обнаружено. Датируются эти погребения не ранее рубежа XII вв. В качестве примера можно привести погребение 22 (рис. 4). В нем найдена пластинчатая подвеска в форме птички с рельефным орнаментом на поверхности (рис. 4: 15), которая по классификации Е.А. Рябинина относится к типу V группы 1 пластинчатых изображений одноголовых птиц и датируется XII–XIII вв. (Рябинин, 1981, с. 18–190), Л.А. Голубева верхнюю границу этих изделий доводила до XIV в. (Голубева, 1979, с. 23). Пластинчатый браслет с зауженными, загнутыми в трубочку концами (рис. 4: *16*) имеет аналогии среди вятичских древностей и в слоях Новгорода конца XI–XIV вв. (Арциховский, 1930, с. 21; Левашова, 1967, с. 236; Седова, 1981, с. 113), в верхневолжских и верхнеднепровских памятниках второй половины XII–XIII вв. (Рябинин, 1986, с. 65). Лунница (рис. 4: 4) относится к типу круторогих (Седова, 1981, с. 24) или узкорогих (Успенская, 1967, с. 103) и использовалась в XI–XII вв. (Гольмстен, 1914, с. 95–98; Успенская, 1967, с. 103;), в слоях Новгорода в XII–XIII вв. (Седова, 1981, с. 24). Монетовидные привески (рис. 4: 13) также получили распространение в XII–XIII вв. (Рябинин, 1986, табл. IV–13, с. 73). Этой же дате соответствуют рубчатые перстни (рис. 4: 6, 7) и бусинные височные кольца.

Более ярко комплекс вещей древнерусского облика проявился на ***Выжумском II могильнике***. Почти все погребения содержат рубчатые перстни (рис. 5: 6,7), овальные кресала с прорезью (рис. 6: 4), иногда зубчатой и т.д. древнерусского облика. На Выжумском II могильнике вещи, характеризующие марийскую культуру IX–XI вв., не выделяются. Погребальный обряд представлен только ингумацией. Жертвенных комплексов между могилами не обнаружено. По ряду специфических деталей погребального обряда: ориентировка, котлы в ногах, медные котлы, облицованные берестой, деревянная чаша в котлах, топор рядом с котлами, – Выжумский II могильник обнаруживает определенное сходство с Выжумским III могильником.

В Выжумском II и западной части Выжумского III могильников отмечается также серия вещей ,характерных для славянизированных финнов: треугольные подвески из колец или спиралей, спаянных в форме пирамидки (рис. 5: 9,10,12,15в), треугольные рамчатые из гладкой проволоки (рис. 5, 11), конусовидные подвески с 2–3 петлями для шумящих привесок (рис. 5: 14а). Еще А.Е. Рябинин отмечал, что фибулы с перемычкой (рис. 5: 1) характерны для территорий с выраженными культурными связями между финно-уграми и смешанным славянофинским населением, пластинчатые сплошные уточки с привесками (рис. 5: 15б), щитковое завязанное кольцо с овальными расширени-

ями (рис. 5: 4) для костромкого населения (Рябинин, 1986, с. 57, 81).

По всей вероятности, Выжумский III могильник оставлен славянизированным финно-угорским населением. Численность его невелика; в настоящее время известно всего 9 погребений и одно почти совсем разрушенное. Возможно, что с этим же населением связаны несколько захоронений в западной части Выжумского II могильника, отражающие процесс этнического смешения пришлых славянизированных финно-угров с марийским населенем.

К XII в. в связи с развернувшейся «крестьянской и феодальной (княжеской) колонизацией» Волго-Окского междуречья племена мери и муромы на основной территории их проживания были ассимилированы. «Финно-угорские коллективы, оказавшиеся вне зоны ранней древнерусской колонизации, еще длительное время сохраняли этническую самобытность» (Рябинин, 1997, с. 186, 196). Более затяжной характер носила аккультурация финно-угров, обитавших на левобережье Костромского региона. По мнению Е.А. Рябинина, приволжские чудские группировки полностью ассимилировались лишь к концу XIII в. (Рябинин, 1986, с. 110; 1997, с. 196). Вполне вероятно, что определенная часть финно-угорского населения, сохранившая свое этническое своеобразие и, прежде всего, языческие верования, но в той или иной степени подверженная воздействию древнерусской культуры (так называемые славянизированные финны), уходит на восток. По этому поводу Казанский летописец писал: «Наполни такими людьми землю ту еще ина черемиса, зовомая остяки, тое же глаголют ростовская чернь, забежавши та от крещения русского в болгарских жилищах» (Сказание о царстве Казанском, 1959, с. 27).

Существуют многочисленные легенды о том, что часть убежавших мерян поселилась на черемисских землях (Корсаков, 1872, с. 30–31; Ключевский, 1987, с. 299; Акцорин, 1990, с. 70–71; Морохин, 1994, с. 20).

Многосторонние контакты славянизированных финнов с местным населением получили отражение в материалах Выжумских могильников.

ЛИТЕРАТУРА

Акцорин В.А. Марий, марий, кушеч тый уланг? (Откуда ты родом, мари?) // Ончыко. 1990. № 3. С. 67–71.

Архипов Г.А. Марийцы XII–XIII вв. (К этнокультурной истории Поветлужья). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1986. 115 с., ил.

Арциховский А.В. Курганы вятичей. М., 1930. 223 с.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПГПИ, 2008. 603 с.

Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. Вып. Е1-59. М.: Наука, 1979. 113 с.

Голубева Л.А. К истории треугольной подвески // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УдмНИИЯЛ при СМ Удм. АССР, 1982. С. 110–124.

Горюнова В.М., Овсянников О.В. Клад конца X – начала XIII вв. в устье р. Варзуги (Терский берег Кольского п-ова) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья / Отв. ред. А.Н. Кирпичников. СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2002. С. 211–220.

Даркевич В.П. Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966–1969 гг.) // Археология Рязанской земли / Отв. ред. А.А. Монгайт. М., 1974. С. 19–71.

Жилина Н.В. Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М.: «Либроком», 2014. 390 с.

Зайцева И.Е. Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X–XIII вв. Т. 2. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: Наука, 2008. С. 57–141.

Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 592 с.

Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 226 с.

Корсаков Д.А. Меря и Ростовское княжество. Казань: Университетская типография, 1872. 266 с.

Ключевский В.О. Курс русской истории. М.: Мысль, 1987. 432 с.

Левашева В.П. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. (Тр. ГИМ. Вып. 43) / Под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Советская Россия, 1967. С. 207–252.

Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: «Скрипторий», 1997. 386 с.

Морохин Н.В. К истории этнической группы и ее изучения // Нижегородские марийцы: Сб. материалов для изучения этнической культуры марийцев / Сост. Н.В. Морохин; науч. ред. В.А. Акцорин. Йошкар-Ола, 1994. 249 с.

Мугуревич Э.С. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Рига: Изд-во «Зинатне», 1965. 144 с.

Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 432 с.

Никитина Т.Б. Отчет по проведению спасательных археологических раскопок Выжумского могильника в Республике Марий Эл в 2016 году // НРФ МарНИИЯЛИ, б/н.

Никитина Т.Б. Отчет о работах третьего отряда Марийской археологической экспедиции в РМЭ в 2005 году // НРФ МарНИИЯЛИ, д. 1108.

Никитина Т.Б. Отчет о работах третьего отряда Марийской археологической экспедиции в 2013 году на раскопках Выжумского могильника в Республике Марий Эл // НРФ МарНИИЯЛИ, оп. 1. д. № 1172.

Никитина Т.Б. Отчет о разведках Третьего отряда Марийской археологической экспедиции в Юринском районе Республики Марий Эл летом 2013 г. // НРФ МарНИИЯЛИ, оп. 1. Д. № 1180.

Никитина Т.Б. Отчет по проведению спасательных археологических раскопок Выжумского могильника в Республике Марий Эл в 2014 г. // НРФ МарНИИЯЛИ, д. 1195.

Никитина Т.Б. Отчет по проведению спасательных археологических раскопок Выжумского могильника в Республике Марий Эл в 2015 году // НРФ МарНИИ, д. 1220.

Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // САИ. Вып. Е1-60 / Отв. ред. А.Н. Кирптчников. М: Наука, 1981. 125 с.

Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья / Отв. ред. А.Н. Кирпичников. Л.: Наука, 1986. 160 с.

Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе древней Руси / Отв. ред. А.Н. Кирпичников. СПб.: СПбГУ, 1997. 260 с.

Седов В.В. Изборск в раннем Средневековье. М.: Наука, 2007. 413 с.

Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.

Успенская А.В. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Тр. ГИМ. Вып. 43 / Под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Советская Россия, 1967. С. 88–132.

Фехнер М.В. Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Тр. ГИМ. Вып. 43 / Под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Советская Россия, 1967. С. 55–87.

Хвощинская Н.В. Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовье). СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2004. 428 с.

Информация об авторе:

Никитина Татьяна Багишевна, доктор исторических наук, заместитель директора, ГБНУ «Марийский научно-исследовательский НИИ языка, литературы истории им. В.М.Васильева» (г. Йошкар-Ола, Россия); tshikaeva@yandex.ru

About the Author:

Nikitina Tatyana B., Doctor of Historical Sciences. Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Mari El Republic, Russian Federation; tshikaeva@yandex.ru

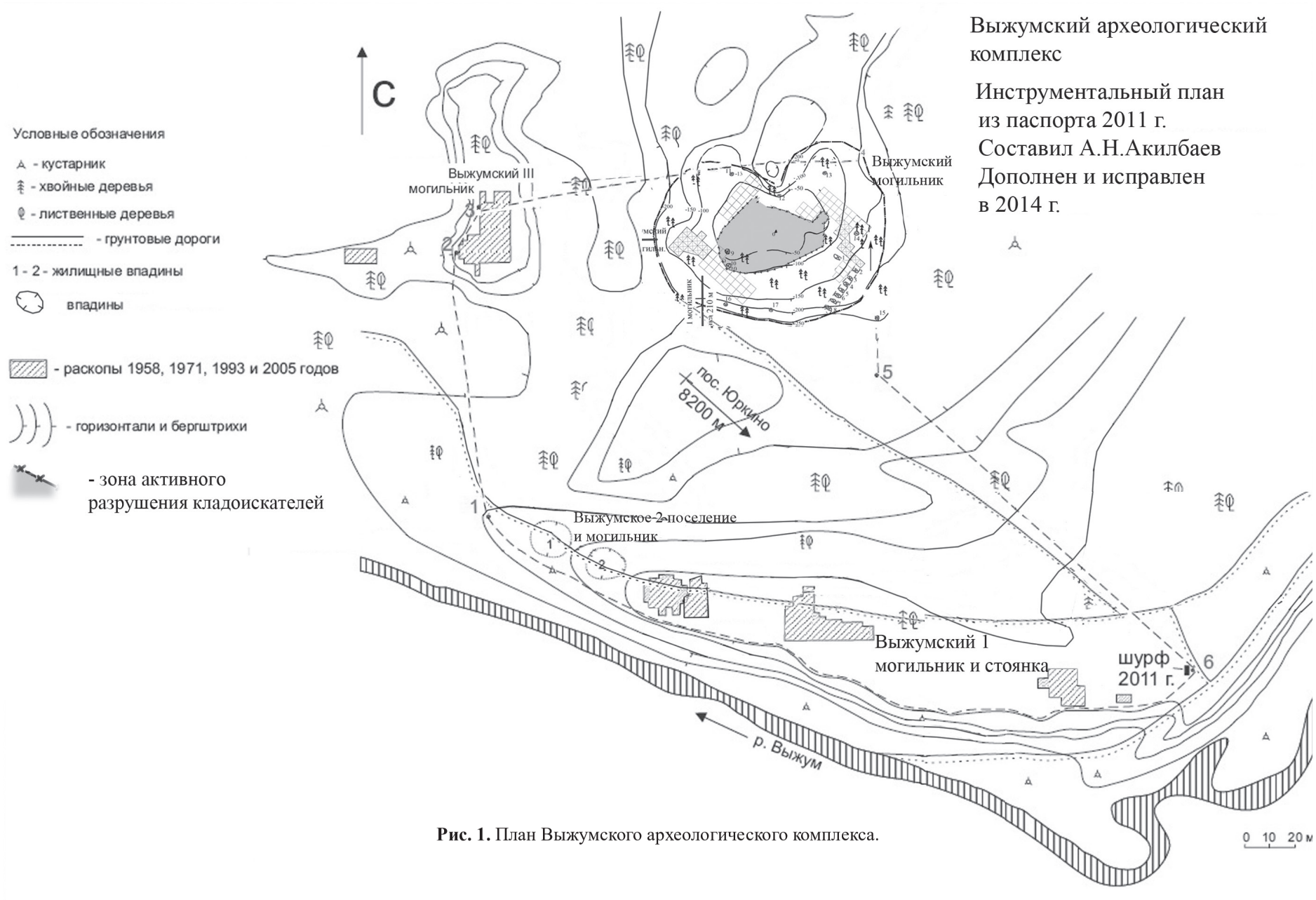


Рис. 1. План Выжумского археологического комплекса.

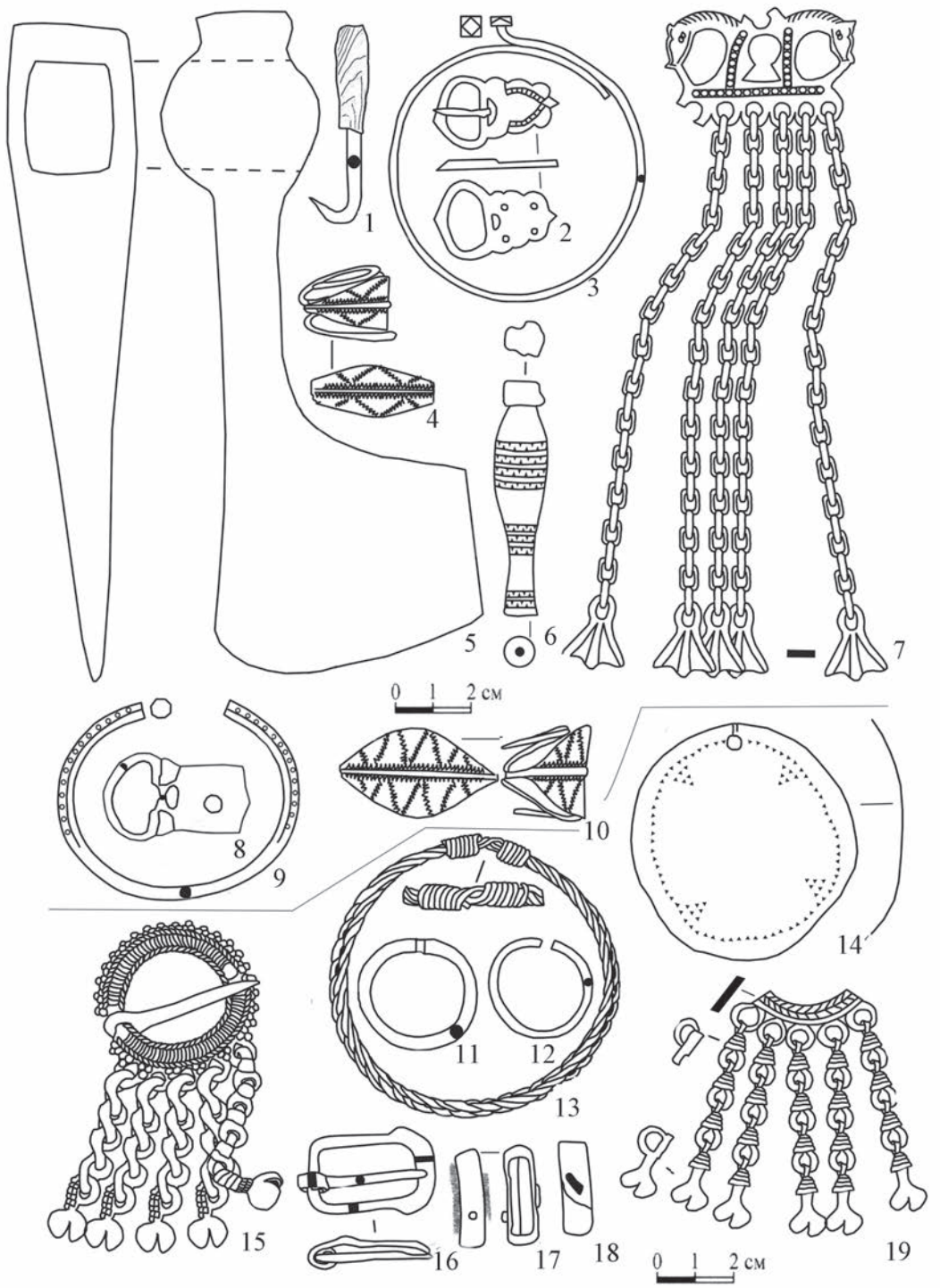


Рис. 2. Выжумский могильник: 1–10 – погребение 17; 11–19 – жк 7.

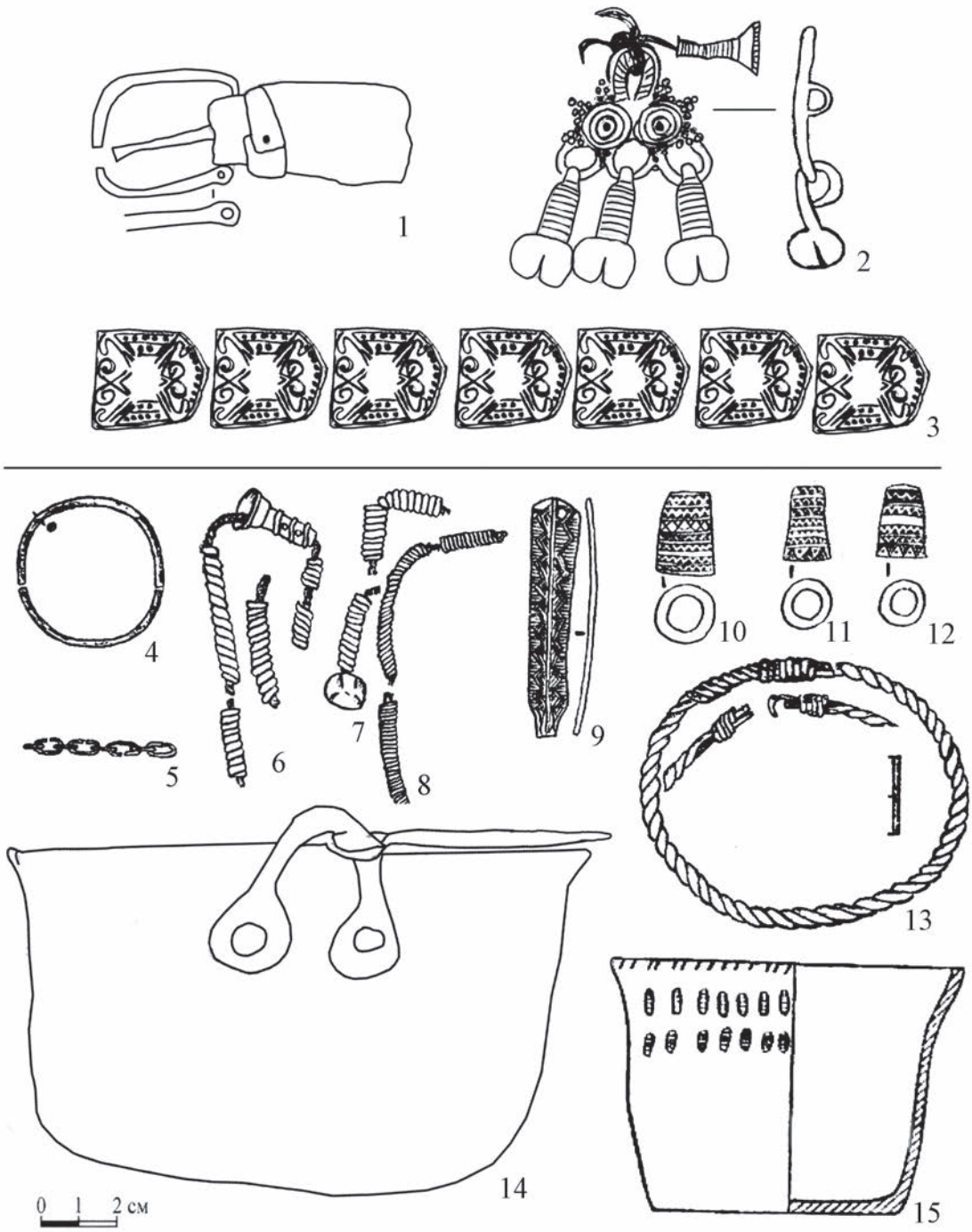


Рис. 3. Выжумский III могильник: 1–3 – погребение 14; 4–14 – погребение 21.

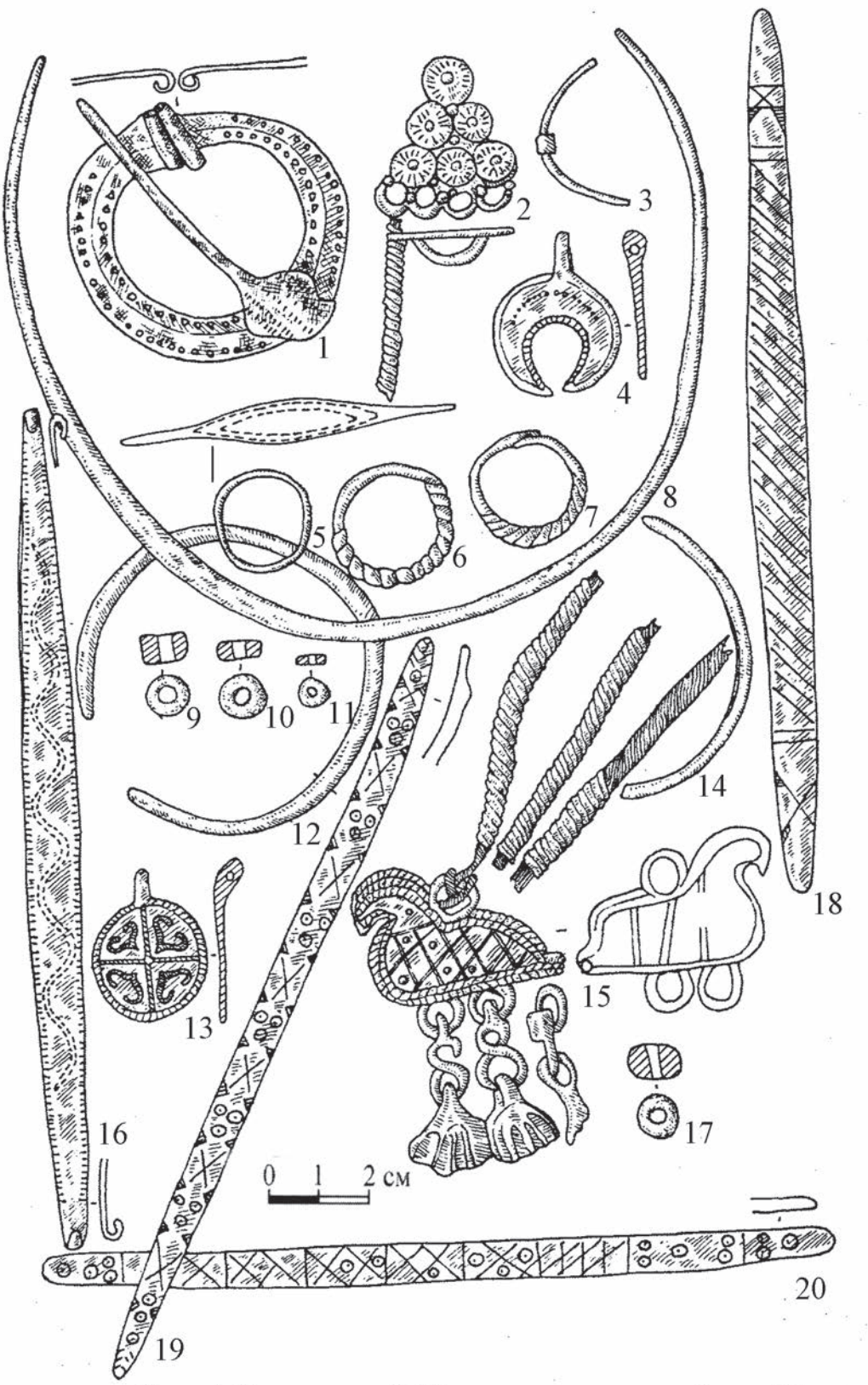


Рис. 4. Выжумский III могильник: погребение 22

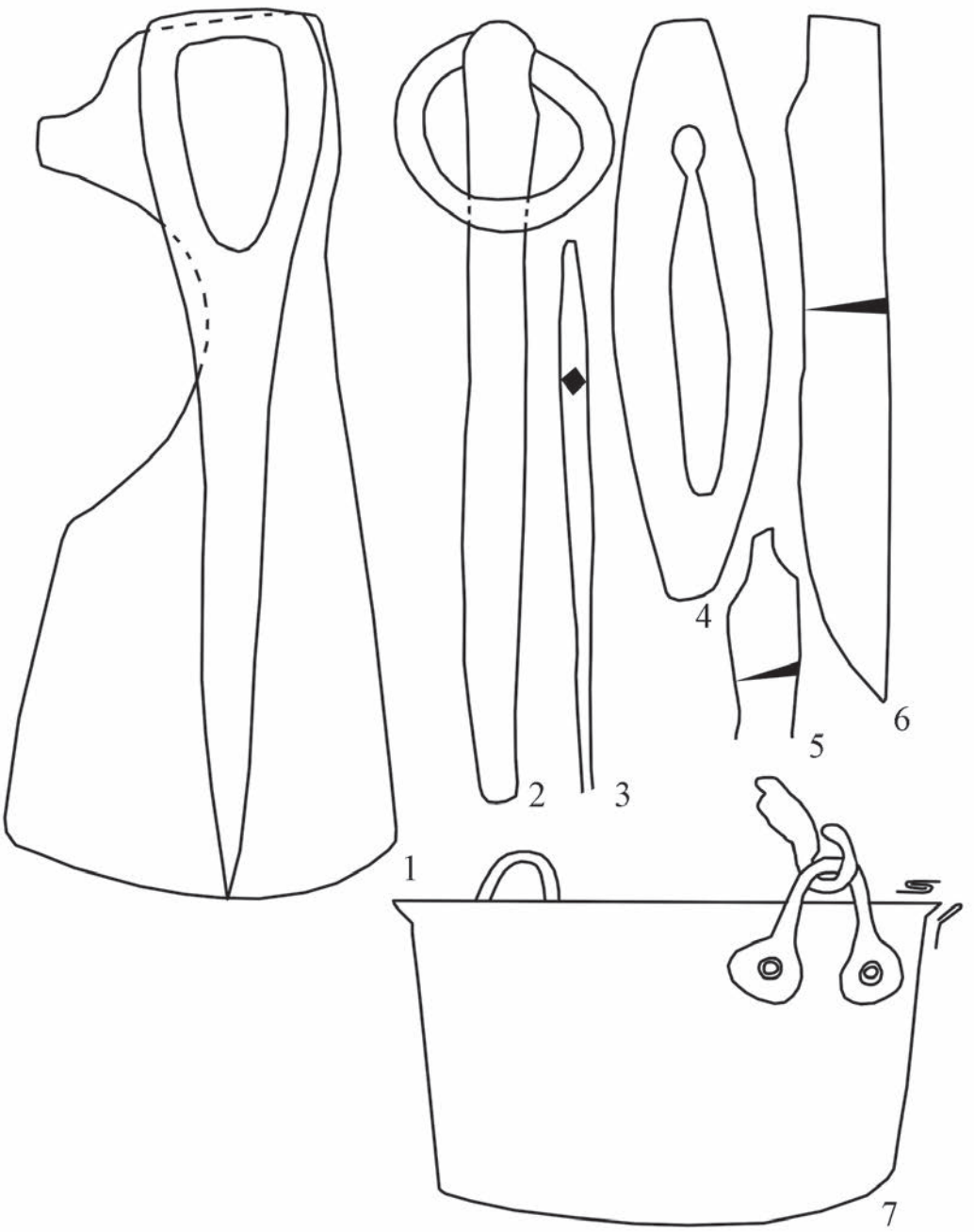


Рис. 5. Выжумский II могильник: погребение 3 (продолжение).

УДК 903(024)

ТЕХНИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПА V БИЛЯРСКОГО ГОРОДИЩА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проектов № 16-06-00453 «Ремесло Билярской моноцентрической агломерации по данным естественнонаучных методов» и №14-06-31184 «Сфероконические сосуды Волжской Булгарии».

© **А.Р. Нуретдинова**

TECHNICAL CERAMICS FROM EXCAVATION V AT BILYAR FORTIFIED SETTLEMENT

Статья посвящена технической керамике, найденной на территории усадьбы кузнецов-ремесленников Билярского городища. В число инструментария билярских ремесленников входили тигли, льячка, сфероконические сосуды и лощила. Кроме сравнительно-типологического анализа тиглей и сфероконусов, в работе рассматриваются данные состава металлов на стенках тиглей, полученные сканирующей электронной микроскопией (SEM), и химического состава формовочной массы сфероконических сосудов, проведенного рентгенофлюоресцентным спектральным анализом (XRF). Особого внимания заслуживает склад сфероконусов, обнаруженный на раскопе.

Ключевые слова: археология, Биляр, Волжская Булгария, техническая керамика, тигли, сфероконические сосуды.

The article addresses technical ceramics found on the territory of the estate of blacksmiths-artisans at the Bilyar fortified settlement. Among the tools of craftsmen at Bilyar there were crucibles, open flat-bottom spoon, sphero-conical vessels and polishers. In addition to the results of comparative typological analysis of crucibles and sphero-conical vessels, the article presents data on the composition of metals on the walls of crucibles made by scanning electron microscopy (SEM) and the chemical composition of the molded mass of sphero-conical vessels carried out by X-ray fluorescence spectral analysis (XRF). Particular attention should be paid to the discovery of a warehouse of sphero-conical vessels on the excavation site.

Keywords: archaeology, Bilyar, Volga Bulgaria, technical ceramics, crucibles, sphero-conical vessels.

Для исследования булгарского ремесла в силу источниковых возможностей наибольший интерес представляет техническая керамика, встречаемая в пределах ремесленных мастерских. Одним из ранних производственных комплексов в Биляре являются исследованные А.Х. Халиковым в 1967–1968 гг. остатки усадьбы кузнецов-металлургов во внутреннем городе (раскоп V). Общая площадь составила 184 кв. м (Халиков, 1976, с. 64). Культурный слой на раскопе представлен двумя стратиграфическими горизонтами – ранним и предмонгольским. Большая часть слоя сильно нарушена многолетней распашкой и позднейшими перекопами. Непосредственно под пашней были выявлены и исследованы объекты жилого и производственного характера (рис. 1).

В северо-восточной части раскопа были выявлены два жилых дома наземного типа, а в юго-западной и южной – остатки ремесленных комплексов (кузниц). Исследователем выявлены следы 12 горнов и прослежено их функционирование от начала формирования культурного слоя до слоя гибели города в пределах X – начала XIII вв. Характер объектов и находки дали возможность определить специализацию обнаруженных производственных комплексов как мастерскую, или несколько мастерских, изготавливающих железные цилиндрические замки (Халиков, 1976, с. 74). Однако такое большое количество керамических тиглей и находка литейной формы наводит на мысль о том, что здесь занимались также обработкой цветных металлов (Хузин, 2001, с. 224).

Техническая керамика на раскопе V представлена несколькими категориями: сфероконические сосуды (более 400 экз.), тигли (более 50 экз.), льячка (1 экз.) и лощила

(3 экз.). Материалы были частично опубликованы А.Х. Халиковым (1976; 1986), а позднее тигли были рассмотрены в обзорных работах С.В. Кузьминых (1985; Кузьминых, Семыкин, 2005). На сегодняшний день материалы находятся в разрозненном состоянии: большая часть хранится в фондах археологии Национального музея Республики Татарстан (НМ РТ), часть – в Музее археологии АН РТ (МА АН РТ), единично – в фондах БГИАМЗ.

Тигли и льячка. В статье А.Х. Халикова отмечено, что с P.V-1967г. происходят 24 тигля, с P.V-1968 г. – более 100 обломков и целых экземпляров небольших цилиндрической формы тонкостенных тиглей (Халиков, 1976, с. 74). Однако исследовать удалось лишь 53 тигля, находящихся в наличии в фондах НМ РТ (рис. 2 и 3). Местонахождение остальных тиглей неизвестно. Также в коллекции представлен один небольшой фрагмент льячки (рис. 3: 28).

Согласно типологии билярских тиглей С.В. Кузьминых и Ю.А. Семыкина (2006, с. 264), все 53 тигля относятся к типу I – подцилиндрические с округлым дном, высотой от 2,7 до 8,2 см, толщиной стенок от 0,1 до 0,6 см. Среди них можно выделить 46 тиглей средних (h – 3,6–8,2 см) и 7 малых (h – 2,7–3,5 см) размеров. Подцилиндрические тигли являются характерными для средневековых памятников. В целом коллекция тиглей с раскопа V Билярского городища отличается стандартизацией формы.

Находки льячек на булгарских памятниках малочисленны. Найденный на раскопе один обломок льячки был маленьким по размерам (h=2 см, d≈4,5-5 см).

Таблица 1. Тигли Раскопа V Билярского городища

№	Шифр	Описание	Размеры[1]	Примечание
	15080-220?	тигля малых размеров фр-т	h=2,3см, d=2,05см, t=0,3см	рис.2:1
	15080-2021	тигля малых размеров фр-т	h=2,7см, d=1,9см, t=0,3см	рис.2:2
	15080-	тигля малых размеров фр-т	2,3×1,75см, t=0,2-0,25см	рис.2:3
	15080-2094	тигля малых размеров фр-т	1,45×2,15см, t=0,3см	рис.2:4
	15080-2094	тигля малых размеров фр-т	1,6×1,95см, t=0,3см	рис.2:5
	15080-2094	тигля малых размеров фр-т	2,05×2,2см, t=0,3см	рис.2:6
	15080-2094	тигля малых размеров фр-т	3,05×1,9см, t=0,3см	рис.2:7
	15080-209?	тигля средних размеров фр-т	2×2см, t=0,4см	рис.2:8
	15080-2313	тигля средних размеров фр-т	h=3,75см, d≈3,1см, T=0,55см, t=0,3см	рис.2:9
	15080-1136(?)	тигля средних размеров фр-т	h=4,9см, T=0,6см, t=0,3-0,35см	рис.2:10
	15080-2094	тигля средних размеров фр-т	4,2×3см, t=0,35-0,45см	рис.2:11
	15080-2094	тигля средних размеров фр-т	1,6×2,75см, T=0,65см	рис.2:12
	15080-2366	тигля средних размеров фр-т	3,25×3,4см, t=0,35-0,45см	рис.2:13
	15080-2537	тигля средних размеров фр-т	3,15×2,7см, d≈3,3см, t=0,35-0,4см	рис.2:14
	15080-2537	тигля средних размеров фр-т	4,35×2,55см, t=0,3-0,35см	рис.2:15

	15080-143 (или 9)7	тигля средних размеров фр-т	h=2,8см, d=3,35см, t=0,3-0,4см	рис.2:16
	15080-2537	тигля средних размеров фр-т	2,8×2,7см, t=0,4см	рис.2:17
	15080-2094	тигля средних размеров фр-т	2,05×2,95см, t=0,45см	рис.2:18
	15080-2094	тигля средних размеров фр-т	3,5×1,7см, t=0,3-0,5см	рис.2:19
	15080-2590	тигля средних размеров фр-т	2,5×3,55см, t=0,35-0,45см	рис.2:20
	15080-2077	тигля средних размеров фр-т	2,6×3,4см, t=0,3-0,35см	рис.2:21
	15080-2094	тигля средних размеров фр-т	2,7×3,5см, t=0,35-0,45см	рис.2:22
	15080-1851	тигля средних размеров фр-т	2,9×2,35см, d≈3см, t=0,45-0,5см	рис.2:23
	15080-2094	тигля средних размеров фр-т	2,9×3,6см, t=0,25-0,4см	рис.2:24
	15080-2094	тигля средних размеров фр-т	2,7×2,9см, t=0,3-0,7см	рис.2:25
	15080-2094	тигля средних размеров фр-т	2,25×2,9см, t=0,45-0,5см	рис.2:26
	15080-253 (или 8)7	тигля средних размеров фр-т	h=5,1см, d=3,55см, t=0,35-0,45см	рис.3:1
	15080-2537	тигля средних размеров фр-т	h=5,5см, d=3,6см, t=0,4см	рис.3:2
	15080-2537	тигля средних размеров фр-т	5,7×2,4см, t=0,25-0,4см	рис.3:3
	15080-2021	тигля средних размеров фр-т	2,8×3,5см, t=0,6см, T=0,9см	рис.3:4
	15080-2537	тигля средних размеров фр-т	3,65×3,05см, t=0,4см	рис.3:5
	15080-2094	тигля средних размеров фр-т	4,1×3,05см, t=0,35-0,4см	рис.3:6
	15080-2021	тигля средних размеров фр-т	h=1,35см, T=1,2см	рис.3:7
	15080-2021	тигля средних размеров фр-т	h=3,45см, d≈3,85см, t=0,5см	рис.3:8
	15080-2094	тигля средних размеров фр-т	2,95×2,4см, T=0,6см	рис.3:9
	15080-2094	тигля средних размеров фр-т	1,95×2,7см, t=0,5см	рис.3:10
	15080-2027	тигля средних размеров фр-т	2,1×2,5см, t=0,4см	рис.3:11
	15080-	тигля средних размеров фр-т	h=1,8см, T=1см, t=0,3см	рис.3:12
	15080-1147	тигля средних размеров фр-т	h=2см, d≈3,5см, t=0,3-0,4см	рис.3:13
	15080-1147	тигля средних размеров фр-т	2,8×2,9см, t=0,5-0,8см	рис.3:14
	15080-1851	тигля средних размеров фр-т	2×3см, t=0,55-0,75см	рис.3:15
	15080-1941	тигля средних размеров фр-т	h=1,5см, t=0,4см	рис.3:16
	15080-2094	тигля средних размеров фр-т	4,5×3см, t=0,35-0,55см	рис.3:17
	15080-2094	тигля средних размеров фр-т	h=4,15см, d≈3,8см, t=0,35-0,4см	рис.3:18
	15080-2537	тигля средних размеров фр-т	h=3,2см, d≈3,2см, t=0,35см	рис.3:19

	15080-505	тигля средних размеров фр-т	h=2,2см, d=3,25см, t=0,35-0,4см	рис.3:20
	15080-2094	тигля средних размеров фр-т	h=1,55см, t=0,5см	рис.3:21
	15080-786	тигля средних размеров фр-т	h=3см, t=0,4-0,5см	рис.3:22
	15080-2433	тигля средних размеров фр-т	2,7×2,1см, t=0,35см	рис.3:23
	15080-2537	тигля средних размеров фр-т	2,5×3,65см, dв≈3,3см, t=0,3-0,45см	рис.3:24
	15080-2094	тигля средних размеров фр-т	1,75×3,2см, t=0,4см	рис.3:25
	15080-2094	тигля средних размеров фр-т	h=2,7см, d≈3,2см, t=0,25см	рис.3:26
	15080-2505	тигля средних размеров фр-т	1,2×2,2см, t=0,35-0,45см	рис.3:27
	15080-191	льячки фр-т	3,2×3,2см, T=1,2см	рис.3:28

Для аналитической обработки было выбрано 5 тиглей (3 экз. – средних, 2 экз. – малых размеров) с целью выявления металлов, которые плавили в керамических тиглях. В качестве наиболее эффективного и щадящего метода выбрана сканирующая электронная микроскопия (SEM с микрозондовым рентгеноспектральным анализом / X-ray electron probe analysis), проведенная в Междисциплинарном центре аналитической микроскопии Казанского (Приволжского) федерального университета (аналитики – Ю.Н. Осин, А.А. Трифонов)[1].

Таблица 2. Результаты анализа тиглей сканирующей электронной микроскопией (SEM)

	SiO_2	Al_2O_3	MgO	Na_2O	K_2O	CaO	TiO_2	FeO	CuO	P_2O_5	Ag_2O	PbO	ZnO	SO_3	SnO_2	As_2O_3	CoO
Тигель №1 (рис. 2:1)																	
Спектр 1	17,8	4,6			0,45	0,53	0,41	1,94	0,98	10,51	0,4	62,37					
Спектр 2	1,3	1,85				7,49		3,49	0,95	20,42	0,51	63,98					
Спектр 3	1,56	1,57				0,67		8,12	1,24	16,61	0,43	69,8					
Спектр 4		0,69				1,09		0,27	0,91	15,91	0,58	80,55					
Спектр 5	64,51	15,85			1,11	0,64	0,88	3,96	1,23		1,89	9,93					
Спектр 6	3,26	3,2			0,44	1,07		35,46	2,1	21,58	1,66	31,23					
Тигель №2 (рис. 2:2)																	
Спектр 1	60,55	8,58			8,55	2,17	10,05	1,33	1,59		1,53	3,85		1,47		0,33	
Спектр 2	96,59			0,58		0,17		1,39	0,28		0,56			0,27			
Спектр 3	2,81	0,89				0,83		5,64	1,71	1,13	76,66						
Спектр 4	2,12	0,98			0,34	5,53		83,14	3,17	2,06	0,69		1,83				
Тигель №27																	
Спектр 1	0,7	1,78							6,42	1,6	63,24			24,9			
Спектр 2	1	1,2				1,83		5,03	80,25			4,53		2,53	3,63		
Спектр 3		3,21				0,51		0,53	85,98	5,65	1,7		0,24	2,18			
Спектр 4	8,08	3,65						4,79	18,62	2,58	16,15		7,25	6,31	29,06		
Тигель №30																	
Спектр 1	1,27	0,83						97,9									
Спектр 2	51,73	20,82	3,24		11,31	3,14	1,02	6,82	0,68	1,25							

[1] Исследования проводились на рабочей станции AURIGA CrossBeam. Микроскоп совмещен со спектрометром энергетической дисперсии INCA X-MAX. Разрешение спектрометра 127 эВ. Предел обнаружения 1500-2000 ppm. Анализ проводился при ускоряющем напряжении 20КэВ и рабочем отрезке 8,5 мм, что позволяет избежать минимальных погрешностей. Глубина зондирования составляет менее 1 микрона.

Спектр 3	4,31	1						3,67	3,18	1,97					85,86		
Спектр 4	3,08	1,97			0,54	1,24		2,5	88,74	1,16				0,78			
Спектр 5	49,85	12,99	4,85		1,56	25,04	0,76	1,41		3,54							
Тигель №52																	
Спектр 1	3,7	0,36	0,48		1,69	10,86	0,24	45,02	5,26	30,68			0,02	1,06			0,61
Спектр 2	2,36	1	0,23	0,49	0,15	0,35		95,01				0,4					
Спектр 3	3,63	0,8	0,43		1,45	11,15	0,23	48,04	6,6			26,59		0,84			0,24
Спектр 4	52,96	16,64	2,59		4,71	4,76	0,74	11,05	1,92	3,95				0,61			

Керамические тигли и льячки обладают огнеупорными свойствами: способны выдерживать температуру более чем 1000º С. Это зависит как от состава глины, так и от добавленных в формовочную массу неорганических и органических примесей. Например, высокое содержание фосфора и кальция некоторых тиглей раскопа V можно объяснить добавлением органических примесей. В составе формовочных масс плавильных сосудов много кремния и алюминия, но должно быть мало оксидов железа, щелочей (Na_2O, K_2O) и щелочноземельных металлов, которые действуют как размягчающие тесто флюсы (Ениосова, Ререн, 2001, с. 245). На данный момент необъяснимым явлением остается большое количество содержания железа в тиглях раскопа V. Расширение аналитической выборки булгарских тиглей и перепроверка результатов другими методами помогут в решении этого вопроса.

Исследование качественного состава металлов на стенках тиглей показали, что в тиглях малых размеров плавили высокопробное серебро (табл. 2, № 2, Ag – 76,66%) и свинец (табл. 2, № 1, Pb – 69–81%; Ag – менее 1%). В двух тиглях средних размеров из трех плавили оловянную бронзу (табл. 2, №№ 30 52) и в одном тигле – серебро (табл. 2, № 27).

Сфероконические сосуды. Впервые обзорную публикацию билярских сфероконических сосудов представил А.Х. Халиков в сборнике «Посуда Биляра» (Халиков, 1986). Обнаружив большое число сфероконических сосудов в раскопе V Билярского городища, А. Х. Халиков задался целью описания и классификации данного вида посуды. Благодаря Альфреду Хасановичу имеется строгая типология билярских сфероконусов. Среди типообразующих признаков А. Х. Халиков выделил особенности строения тулова, внутри каждого типа по отдельным деталям горловины исследователь наметил несколько разновидностей.

Согласно полевой документации только из объектов раскопа за два года найдено 189 экз. сфероконусов (149 экз. – Р. V-1967 г., 40 экз. – Р. V-1968 г.). В статье А.Х. Халикова «Сфероконические сосуды» в сводке билярских сфероконусов числятся 25 целых, 95 крупных фрагментов, 386 обломков, итого 406 экз. Однако при обращении к коллекции отмечено большее количество – более 600 экз.

В статистическую обработку вошло 394 экз. сфероконических сосудов из фондов НМ РТ и 229 экз. из фондов Музея археологии АН РТ, большую часть которых составляют сосуды группы 2 – серо- и желтоглиняные.

Сфероконические сосуды в коллекции раскопа V представлены двумя группами: 1 – красноглиняные и 2 – серо- и желтоглиняные (Нуретдинова, 2011). При этом мы исходим из того, что вариации цвета сосудов обусловлены характером (температура, атмосфера в печи) и особенностями (спецификой) сырья, т.е. цвет рассматривается в данном случае как признак технологический. Внутри каждой группы по морфологическим признакам выделяются типы. В качестве типообразующих признаков взяты морфологические (форма тулова). Внутри типов по особенностям оформления сосудов, пропорциям, наличию или отсутствию отдельных конструктивных элементов, орнаментации выделяются подтипы.

Группа 1 – красноглиняные сфероконусы разных оттенков (от красного до бурого) – представлена на раскопе немногочисленными фрагментами. Все они относятся к сосудам округлой формы ***типа 1, III*** по типологии булгарских сфероконусов (Нуретдинова, 2011).

К подтипу *1.III.1* (подтип I,8, по типологии А.Х. Халикова) относятся сосуды (5 экз.) со шляпковидной головкой и округлым дном (найдены лишь в обломках и фрагментах). Диаметр максимально приближается к высоте тулова, что придает основному объему шарообразную форму. Сосуды данного подтипа, как правило, орнаментированы горизонтальными резными линиями по плечикам (одна, две или три) и являются доминирующими на ранних торговых булгарских поселениях в слое X–XI вв. (Билярское II, Измерское I, Семеновское I селища), а также зафиксиро-

ваны в ранних слоях Сувара (Нуретдинова, 2016, с. 10). Большая часть сосудов бурого цвета является продуктом, очевидно, местного производства. Аналогии данному подтипу обнаружены среди материалов Закавказья: Двина (Джанполадян, 1982, рис. 48), Байлакана (Минкевич-Мустафаева, 1959, с. 180), а также Ближнего Востока (Ettinghausen, 1965, p. 218, pl. XLV, A).

Одним фрагментом представлен *подтип 1.III.2* – сосуды с округлым дном и больших размеров (толщина стенок не менее 3 см). Внешняя поверхность почти всегда залощена. Целых форм на булгарских памятниках не обнаружено. Всего их на сегодняшний день (вместе с фрагментом с р. V) известно 14 экз.; все происходят из Биляра. Ближайшие аналогии имеются среди материалов Сарая[2] (Ленц, 1904, табл. VII, 13). Аналогичные сосуды известны в Грузии (Валиулина, 2005, с. 161) и, по сообщению Е.М. Макаровой, в Дербенте.

В **группу 2** вошли сосуды серого и желтого цвета с оттенками (светло-серые, светло-желтые, желто-серые, серо-зеленые и т.д.). Желто-серый и серо-зеленый цвет черепка встречается у среднеазиатских (Галиева, 2001, с. 52) и закавказских (Джанполадян, 1982, с. 17) сфероконусов. Обычная неполивная керамика Средней Азии и Азербайджана преимущественно имеет желтый цвет черепка, серый цвет черепка сфероконусов приобретался в результате обжига.

Группа 2 доминирует на раскопе V (более 99%). Данный факт интересен тем, что на Билярском II селище выявлена иная картина – сосуды группы 2 единичны, хотя, как считает Е.А. Беговатов, данные комплексы – остатки металлургического производства, найденные на селище и усадьба кузнецов-ремесленников в Биляре – синхронны (Беговатов, 2001, с. 152).

Наиболее многочисленно представлены два типа:

Тип 2.I – сосуды эллипсоидной формы с расширенным в верхней трети туловом – 34 экз.

Подтип 2.I.1 – сосуды со шляпковидной головкой, плавно переходящей в расширенные плечики, сосуд завершается коническим дном. Размеры сосудов данного подтипа[3]: H=9,5–13 см, D=7,3–10 см, d_1=0,8–1 см. На сегодняшний день на Билярском городище известно более 200 серых и серо-зеленых сосудов целых и во фрагментах. Сосуды представлены на Билярском (174 экз.), Болгарском (10 экз.) и Суварском (37 экз.) городищах, Билярском II селище (2 экз.). Ближайшие аналогии данный подтип находит в сфероконусах закавказского города Ани (Джанполадян, 1982, с. 16), Средней Азии (Галиева, 2000, с. 57) и Ближнего Востока (Pentz, 1988, p. 91, fig. 2). На сосудах имеются знаки, выполненные после обжига.

Подтип 2.I.5 – сосуды со шляпковидной головкой, широкой и уплощенной платформой (рис. 3, 5) (Тип I,4 по типологии А.Х. Халикова) или своеобразным «колоколом» в основании шейки, с коническим дном; встречаются на большинстве раскопов Билярского городища (35 экз.). Размеры: H=13,9см, D=9,5 см, h_3=1–2,5 см, d_3=4,5–6 см. Все сосуды сероглиняные или серо-зеленые. Близкие аналогии данным сосудам известны в Хорезме и на Ближнем Востоке (Pentz, 1988, p. 91, fig. 2).

Тип 2.II – сфероконические сосуды с цилиндрической формой тулова – 30 экз. (рис. 4: 1–4). Размеры: H=10–11 см, D=7,5–8,5 см.

Подтип 2.II.1 – сосуды со шляпковидной головкой и уплощенным коническим дном – 30 экз. (рис. 4, 1). Размеры: H=10–11 см, D=7,5–8,5 см. На многих имеются знаки, нанесенные после обжига. Большая часть имеет желтый цвет черепка, реже – зеленовато-серый. Сфероконические сосуды с цилиндрическим и подцилиндрическим туловом известны среди материалов Ани и Двина (Джанполадян, 1982, табл. I, 3–4).

Для определения химического состава формовочной массы сфероконических сосудов был проведен количественный спектральный и рентгенофлюоресцентный спектральный анализ (XRF), выполненные в Институте геологии и нефтегазовых технологий Казанского федерального университета (табл. 3, аналитики – Г.А. Баталин, Б.И. Гареев).

Аналитическая выборка составила 12 проб, из них две пробы – № 3 и № 10 (табл. 2) относятся к группе 1 – красноглиняные, остальные – к группе 2 – серо- и желтоглиняные.

[2] Не уточняется, Старый Сарай или Новый Сарай.

[3] D – диаметр тулова, d_1 – диаметр отверстия, d_2 – диаметр шляпки, d_3 – диаметр платформы, H – высота сосуда, h_1 – высота шляпки, h_3 - высота платформы, h_4 – высота от D до дна, h_5 – высота тулова, T – толщина дна, t – толщина стенки.

Таблица 2. Результаты рентгенофлюоресцентного спектрального анализа (XRF) формовочных масс сфероконусов с р.V Биляра

№	SiO2	Al2O3	Fe2O3	K2O	MgO	Na2O	TiO2	CaO	Cl	Cr2O3	Sm2O5	Nd2O3	P2O5
1	61,55	13,66	5,89	2,71	3,3	1,4	0,9	9,79	0,25	0,1			
2	54,43	14,61	7,5	3,47	3,9	1,6	0,84	12,96	0,24				
3	67,54	16,82	6,1	2,99	2,3	1,1	0,96	1,16	0,23				0,35
4	54,45	14,19	7,46	2,92	3,8	1,5	0,92	13,98	0,29				
5	57,84	13,6	6,37	2,87	4,3	1,5	0,82	12,12	0,25				
6	57,64	14,33	5,79	2,78	4,6	1,5	0,7	11,51	0,23				0,53
7	50,79	12,1	10,2	3,6	3,3	1,3	1,16	16,37	0,46	0,14			
8	54,06	14,38	7,16	2,94	4,4	1,7	0,93	13,35	0,35	0,13	0,13	0,11	
9	55,74	13,26	7,22	3,02	4,4	1,2	0,84	13,6	0,2	0,11			
10	68,57	16,2	6,34	2,65	2	1,3	1,06	0,95	0,3	0,11	0,1		
11	55,2	15,11	7,3	2,82	3,7	1,6	0,91	12,31	0,39	0,12			
12	47,29	13,85	12,4	3,37	3,6	1,2	1,33	14,92	0,8	0,32	0,13	0,27	

Сырьем для керамических сфероконусов служили глина и отощители. Важнейшей составной частью глины является глинозем (Al_2O_3), кремнезем (SiO_2), оксиды щелочноземельных металлов (CaO, MgO), оксиды щелочей (Na_2O и K_2O) и др. Кроме того, в формовочную массу добавляли всевозможные отощители – добавки, уменьшающие пластичность глины: органические вещества растительного характера. В качестве минеральной добавки служил окатанный кварцевый песок.

По данным химического состава формовочной массы, выборка четко распадается на два блока. В первый блок вошли пробы №№ 3 и 10 – красноглиняные (один из них бурый). Особенностями данного блока является высокое содержание кремнезема (SiO_2 – 67,54–68,57%) и глинозема (Al_2O_3 – 16,2–16,82%), а также низкое содержание оксидов щелочноземельных металлов (CaO – 0,95–1,16%, MgO – 2–2,3%). Эти образцы были изготовлены из бескарбонатного или малокарбонатного сырья, при этом содержат заметное количество вторичных (связанных с этапами использования и захоронения) карбонатов. Замес не очень качественный: формовочная масса неоднородноя, крупнопористоя, в том числе есть протяженные щелевидные поры. Степень аморфизации силикатной фазы, свидетельствующей о температуре обжига, несколько ниже, чем в блоке 2. Данные химического состава формовочной массы данной выборки соотносятся с ранее проведенными анализами других билярских сфероконусов (см. Nuretdinova, 2015; Nuretdinova, Valiulina, 2016). Оба экземпляра являются продукцией местного производства, а именно билярского микрорегиона.

Второй блок (пробы №№ 1, 2, 4–9, 11 и 12), состоящий из серо- и желтоглиняных экземпляров, характеризуется низким содержанием кремнезема (SiO_2 – 47,29–61,55%) и глинозема (Al_2O_3 – 12,1–15,11%), но высоким содержанием оксидов щелочноземельных металлов (CaO – 9,79–16,37%, MgO – 3,3–4,6%). Данный блок объединил все импортные образцы. Керамика этой группы высококальциевая, изготовленная из сильно карбонатного сырья, отличается более качественным замесом, плотным сложением формовочной массы. Макропористость формовочной массы связана преимущественно с разрушением при обжиге и/или выкрашиванием при шлифовке зерен отощителя.

К сожалению, на данный момент скудность эталонной базы химического состава формовочных масс импортных для средневолжского региона сфероконусов не дает нам возможности локализовать возможные регионы изготовления. Вероятнее всего, это памятники Центральной Азии.

Раскоп V Билярского городища – один из немногих булгарских комплексов, где четко удалось зафиксировать концентрацию сфероконических сосудов. В небольшой яме (D=60 см), вскрытой в культурном слое под ямой № 12, на гл. 70–85 см от поверхности был обнаружен склад сфероконусов (22 целых и 6 в обломках) (Халиков, 1976, с. 69). Скопление расположено между жилой

[4] По сообщению С.И. Валиулиной.

(одно из сооружений атрибутировано как вероятная баня) и ремесленной (кузницы) зонами.

Дальнейшие исследования булгарских памятников позволили выявить еще несколько скоплений данной категории посуды. На раскопе III Билярского II селища (металлургический комплекс) на дне ямы 2, на глубине 130 см был обнаружен склад сфероконусов (14 экз.) и терочный камень (Шакиров, 2002). На раскопе CLXV-2011 г. Болгара было обнаружено скопление сфероконусов (18 шт., рис. 2) в слое XIV в. К сожалению, ограниченная площадь раскопа и невозможность связать данное скопление с каким-нибудь сооружением не позволяют однозначно сформулировать причину концентрации данного вида посуды в этом месте (Беляев, Нуретдинова, 2015).

Лощила. Особенностью оформления булгарской красноглиняной керамики является наличие лощения. Лощение наносилось лощилом (инструмент с заполированной поверхностью) на предварительно увлажненную поверхность подсушенных сосудов в виде вертикальных или горизонтальных полос (Васильева, 1988, с. 117). Благодаря этому приему сосуд приобретал глянцевый вид, а его поверхность уплотнялась. Из раскопа V происходит три лощила. Все изготовлены из стенок неполивных сосудов, о чем указывает наличие ротационных следов.

Проведенное исследование плавильных сосудов раскопа V подтверждает предположение Ф.Ш. Хузина о том, что на данной территории не только изготавливали железные цилиндрические замки, но и занимались обработкой цветных металлов (Хузин, 2001, с. 224). Результаты исследования состава металлов на стенках тиглей, выполненные сканирующей электронной микроскопией (SEM) показывают, что в них выплавляли серебро, свинец и оловянную бронзу.

По данным химического состава формовочной массы выборка из 12 сфероконусов четко распадается на два блока:

1 – красноглиняные с высоким содержанием кремнезема и глинозема, а также низким содержанием оксидов щелочноземельных металлов. Эти образцы были изготовлены из бескарбонатного или малокарбонатного сырья и обжигались при менее высоких температурах, чем сосуды из блока 2.

2 – серо- и желтоглинянные; характеризуются низким содержанием кремнезема и глинозема, но высоким содержанием оксидов щелочноземельных металлов. Данный блок объединил все импортные образцы. Керамика этой группы высококальциевая, изготовленная из сильно карбонатного сырья, отличается более качественным замесом, плотной структурой формовочной массы.

На сегодняшний день остается открытым вопрос о функциональном назначении сфероконических сосудов. Однако, в отличие от среднеазиатского, ближневосточного и закавказского регионов, в домонгольской Волжской Булгарии картина концентрации этой категории посуды в ремесленных центрах наиболее выразительно указывает на производственную функцию сосудов.

ЛИТЕРАТУРА

Беговатов Е.А. Ремесленный комплекс Билярского II селища // Древние ремесленники Приуралья / Отв. ред. В.И. Завьялов. Ижевск: УдмИИЯЛ УрО РАН, 2001. С. 148–159.

Беляев А.А., Нуретдинова А.Р. Сфероконические сосуды раскопа CLXV Болгарского городища // Поволжская археология. 2015. № 4 (14). С. 301–310.

Васильева И.Н. О технологии производства неполивной керамики Болгарского городища // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 122–146.

Галиева З.С. Сфероконические сосуды Средней Азии: к вопросу о типологии и хронологии // Средняя Азия. История. Археология. Культура: материалы конф., посвящ. 50-летию научной деятельности Г.В. Шишкиной / Отв. ред. Т.Г. Алпаткина. М.: Пересвет, 2000. С. 52–61.

Джанполадян Р.М. Сфероконические сосуды из Двина и Ани. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1982. 49 с.

Ениосова Н. В., Ререн Т. Плавильные сосуды новгородских ювелиров // Новгородские археологические чтения – 3: Материалы междунар. конф. «Археология средневекового города» / Под ред. Е.А. Рыбиной. Великий Новгород: Новгород. гос. объед. музей-заповедник, 2011. С. 243–254.

Кузьминых С.В. Инструментарий билярских ювелиров и меднолитейщиков // Культура Биляра / Отв. ред. А.Х. Халиков. М.: Наука, 1985. С. 84–103.

Кузьминых С.В., Семыкин Ю.А. Цветная металлообработка // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 2. Волжская Булгария и Великая Степь / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. С. 258–272.

Ленц Э. О глиняных сосудах с коническим дном, находимых в пределах мусульманского Востока // Записки Вост. отд-ния Имп. Рус. археол. о-ва. Т. XV. 1904. С. 0101–0112.

Минкевич-Мустафаева Н.В. Раскопки гончарных печей на городище Орен-Кала (Раскоп IV) // МИА. 1959. № 67. С. 174–185.

Нуретдинова А.Р. Сфероконические сосуды Суварского городища. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. 52 с.

Нуретдинова А.Р. Типология сфероконических сосудов Волжской Булгарии // Материалы Междунар. науч. конф. V Халиковские чтения «Урало-Поволжье в древности и средневековье», посвящ. 80-летию со дня рождения А.Х. Халикова / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Ин-т истории АН РТ, ООО «Фолиант», 2011. С. 150–160.

*Халиков А.*Х. Отчет о работах на Билярском городище в 1967г. / Научный архив ИА РАН, Ф-1. Р-1. № 3512, 1968.

Халиков А.Х. Сфероконические сосуды // Посуда Биляра / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. С. 72–83, 138–141 (ил.).

Халиков А.Х. Усадьба ремесленников-металлургов // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 64–74.

Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. / Отв. ред. А.М. Белавин. Казань: «Мастер-Лайн», 2001. 480 с.

Шакиров З.Г. Склад сфероконусов с Билярского II селища // Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья. Материалы Вторых Халиковских чтений / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2002. С. 172–174.

Ettinghausen R. The uses of sphero-conical vessels in the Muslim East. Journal of Near Eastern Studies. Vol. XXIV, No. 3. 1965. P. 218–229.

Nuretdinova A., Valiulina S. Technical ceramics from the workshop of alchemist, jeweler and glassmaker in Bilyar // YOCOCU2014. Professionals' Experiences in Cultural Heritage Conservation in America, Europe, and Asia / Ed. A. Macchia, F. Prestileo, S. Cagno and F. Khalilli. – [Б.м.]: Cambridge Scholars Publishing, 2016. P. 202–241.

Nuretdinova A.R. Sphero-conical vessels of Volga Bulgaria // GlobalPottery 1. Historical Archaeology & Archaeometry for Sotieties in Contact / Ed. J. Buxeda i Garrigos, M. Madrid i Fernandez, J.G Inanez. Oxford: Archaeopress, 2015. P. 103–115.

Pentz P. A medieval workshop for producing "Greek fire" grenades // Antiquity. V. 62, No 234. 1988. P. 89–93.

Информация об авторе:

Нуретдинова Алсу Ренатовна, главный хранитель музейных предметов Археологического музея, Казанский федеральный университет (г. Казань, РФ); alsu.nuretdinova@rambler.ru

Information about author:

Nuretdinova Alsou – chief curator of funds, Archaeological Museum of Kazan Federal University (Kazan, Russia Federation); alsu.nuretdinova@rambler.ru

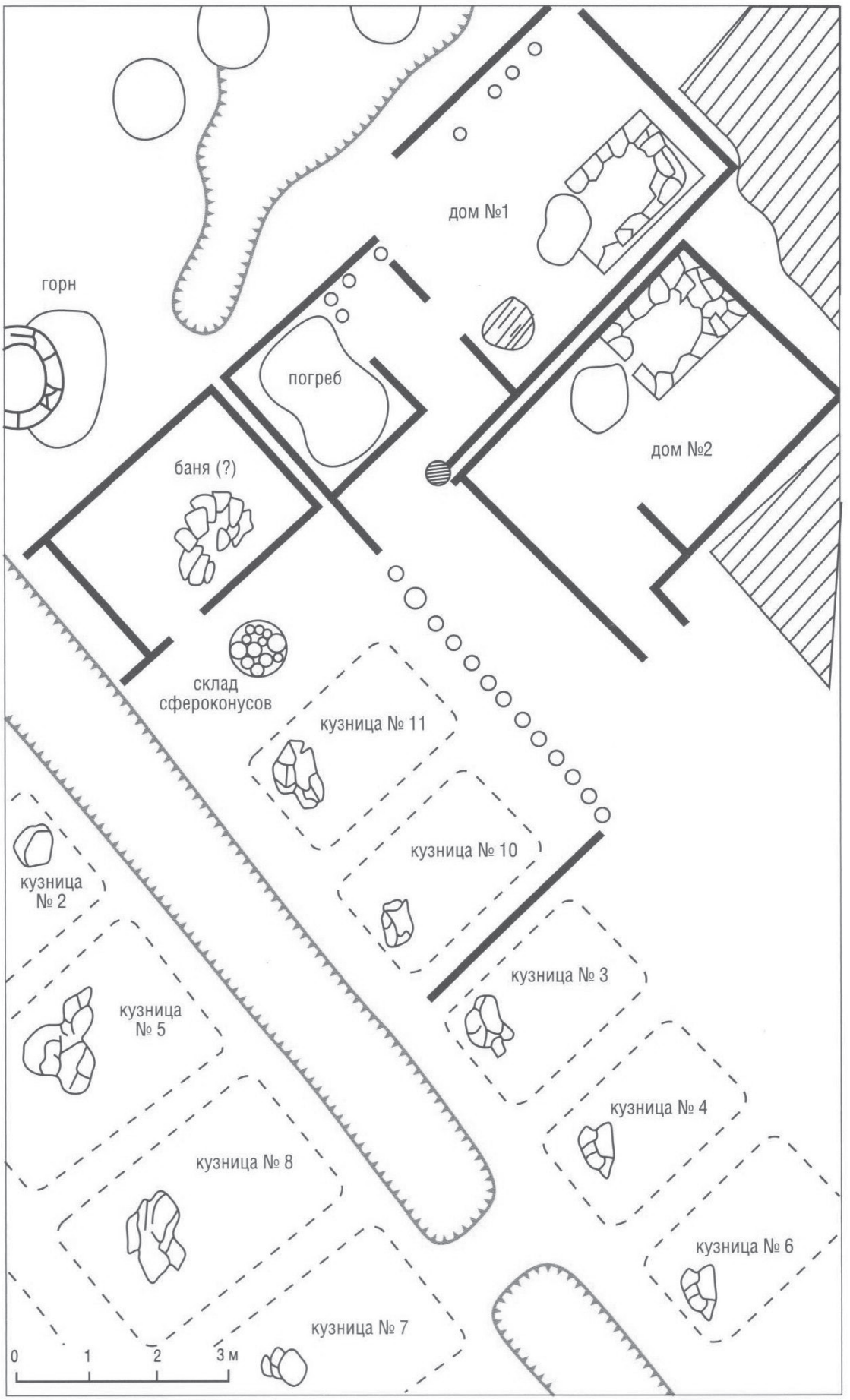


Рис. 1. План Раскопа V Билярского городища.

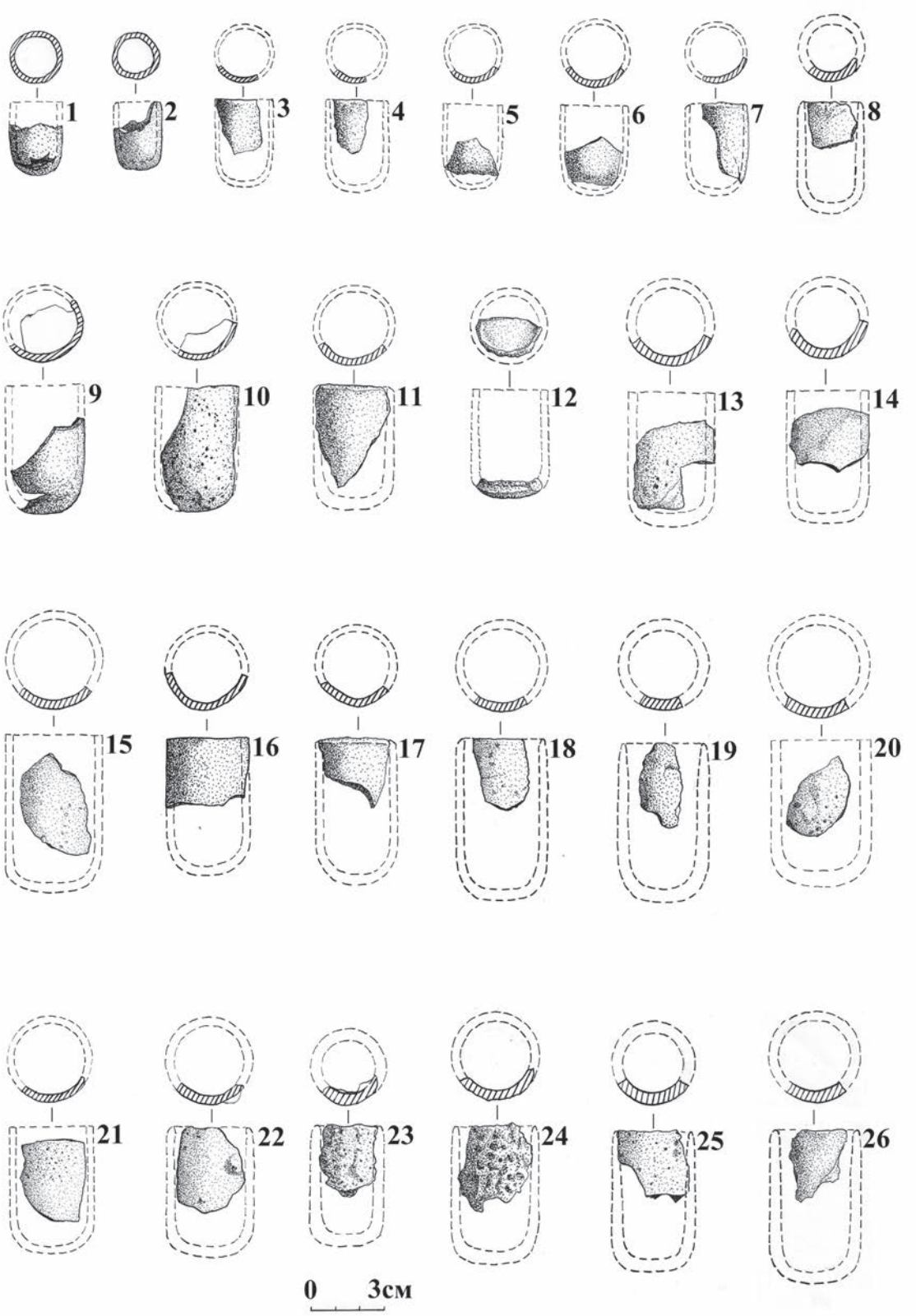


Рис. 2. Тигли раскопа V Билярского городища.

Рис. 3. Тигли и льячка раскопа V Билярского городища.

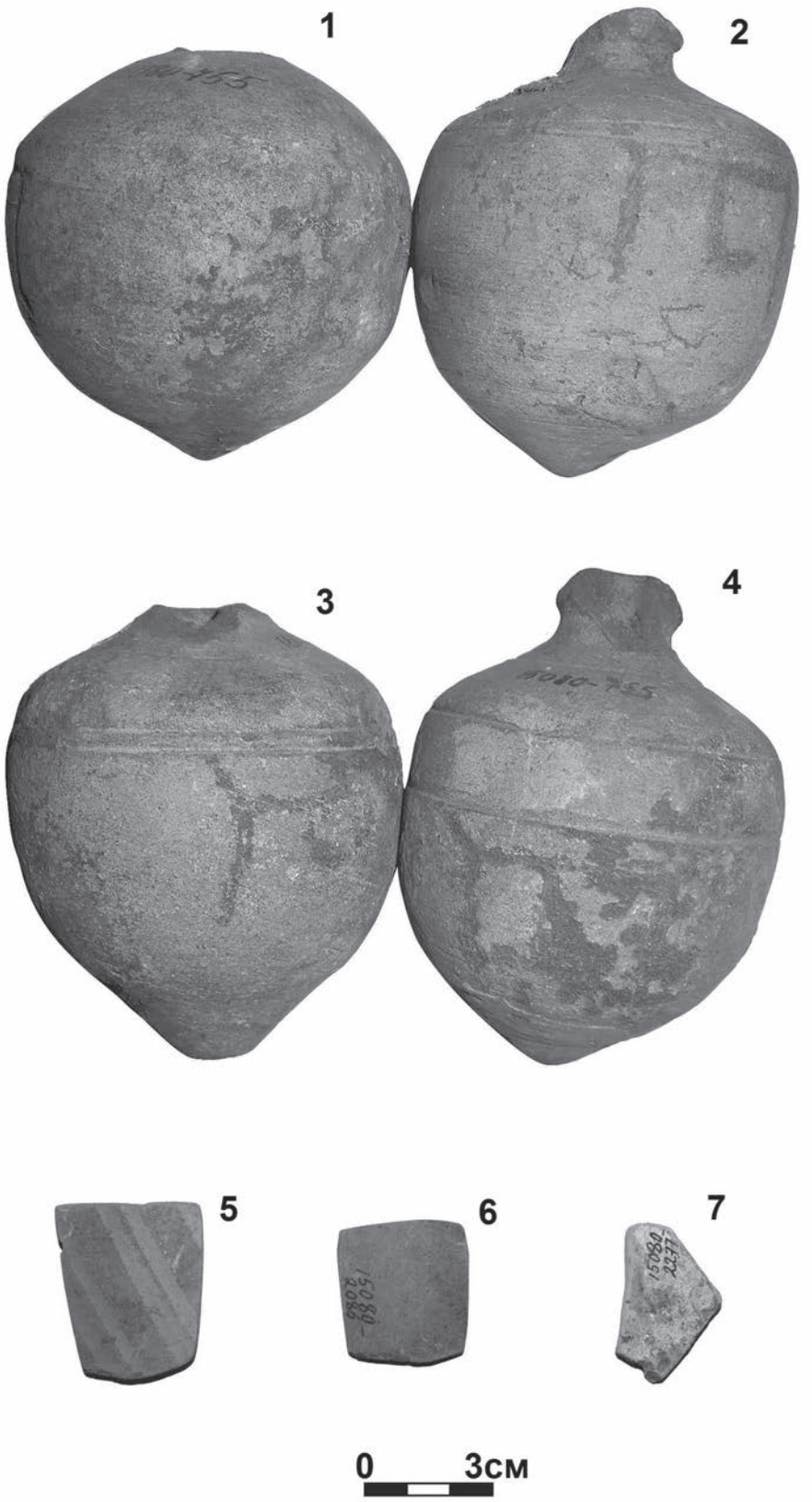


Рис. 4. Сфероконические сосуды (1–4) и лощила (5–7) раскопа V Билярского городища.

УДК 903/904(574)

ЗУБНАЯ ЩЕТКА ИЗ ГОРОДИЩА КАСТЕК

© А.А. Нуржанов

TOOTHBRUSH FROM THE KASTEK HILL-FOPT

В статье анализируется интересная находка из культурного слоя городища Кастек (Южный Казахстан) – длинная (225 мм) костяная палочка светло-желтоватого цвета. Автор полагает, что данный предмет однозначно служил зубной щеткой; пучки волос, скорее всего, животного происхождения (конский волос), не сохранились. Наиболее близкие аналогии нашей находке известны среди костяных изделий Каракорума – важнейшего городского центра доревнемонгольского государства эпохи наивысшего его подъема.

Ключевые слова: археология, Казахстан, тюрки, средневековье, зубная щетка, цитадель, цивилизация.

An interesting finding from cultural layer of the Kastek hill-fort (South Kazakhstan) is analized in the article. It is long (225 mm) bone stick light yellowish stick made of bone. The author believes that this item definitely served as toothbrush. The tufts of hair, most likely of animal origin, not preserved. The closest analogies to our finding have been known among the bone items of Karakorum – the most important urban center of ancient Mongolian state during its highest rise.

Keywords: archaeology, Kazakhstan, Turks, middle ages, toothbrush, citadel, civilization.

В первые десятилетия VII в. на трассе Великого Шелкового пути, переместившегося в Южный Казахстан и Жетысу, появились города. Некоторые из них сформировались как ставки тюркских каганов, другие были основаны согдийцами как торговые фактории. Доля оседлого и городского населения увеличивалась вплоть до начала XIII в., то есть, на протяжении шести-семи столетий в рамках таких государств, как Тюргешский, Карлукский, Караханидский каганаты. Для их экономики характерно сочетание скотоводства и земледелия, сопровождающееся ростом и расширением оседлых форм хозяйствования, возникновением селений и городов.

Жетысу занимает Шу (Чу)-Балхашский бассейн, средняя высота которого колеблется в пределах 300–400 м над уровнем моря, наиболее низкое место – низовья Шу. Продольная ось Шу-Балхашского междуречья проходит через низовья Шу, Балхаш, Алаколь и через Жунгарские ворота уходит в Западный Китай к озеру Эби-Нур (Аболин, 1930, с. 60–61).

К югу от р. Иле начинается Заилийский Алатау. Западная часть территории между правым берегом р. Шу и песками, которая носит название Кульжабасы, Хантау, имеет многочисленные перевалы, удобные для колесного транспорта. Через Курдайский перевал проходит дорога, соединяющая Илийскую и Чуйскую долины. Еще один путь проходит через перевал Кастек, соединяя долину Или с котловиной Иссык-Куля и долиной Шу. Перевал Кастек издревле служил для связи долин Шу и Иле (Умурзаков, 1978, с. 53–58). Упоминание об этом перевале сохранилось и в источниках XV в., описывающих поход Тимура. В 1375 г. армия Тимура из долины Иле шла в Атбаш через перевал Кара-Касман (Кастек) (Бартольд, 1966, с. 81–83).

Средневековое городище Кастек-1 находится в 2,5 км от с. Кастек, на левом побережье р. Кастек у подножья горы Суык-Тобе. Географические координаты: 43º03’03,54″ С; 75º59’09,11″ В, на высоте 1296 м над уровнем моря. Городище расположено на месте выхода речки из горных теснин на относительно широкую часть прилавков, образующих возвышенное плато, при этом река еще сохраняет стремительность своего течения, создавая своеобразный звуковой фон местности (рис. 1).

Центральная часть памятника представляет собой несколько возвышенный над общей поверхностью подчетырехугольный участок, ориентированный углами по сторонам света. Размер по линии С–Ю – 210 м, В–З – 150 м, что составляет 4 га. Он обнесен

крепостной стеной, которая выглядит как оплывший вал толщиной до 15 м, высотой около 4 м. По гребню вала видны впадины и всхолмления на месте оборонительных башен. В топографии городища выделяются 14 башен и 32 крупных домовладений, располагавшихся внутри стен. Имеется значительное число других построек, расположенных, главным образом, вдоль реки. Вокруг вала с трех сторон, кроме восточной, прослеживаются следы былого рва глубиной 0,5–2 м и шириной 3–4 м, с восточной стороны город располагался на высоком берегу реки, остаток построек не нем не зафиксировано. Въезды находятся напротив друг друга в середине стен.

Конструкции верхнего строительного горизонта, выявленные на глубине 0,6–0,8 м, были представлены основанием стен, сложенных из нескольких рядов булыжников средних и крупных размеров. Некоторые камни обрушились и сместились и, таким образом, не занимают четкого первоначального местоположения по отношению к основанию стен. Слой намытой глины, мусора и зольно-угольные прослои чередовались в раскопе. Они были насыщены раздробленными костями животных и мелкими фрагментами керамики; встречались обломки сосудов разного размера и формы, украшенные зигзагообразным орнаментом.

Интересной находкой из культурного слоя памятника является длинная (225 мм) костяная палочка светло-желтоватого цвета, плотная и массивная. Обнаружена в помещении № 6, относящегося к X в., во втором строительном слое. Она имеет несколько вытянутую плоско-выпуклую часть головки размером 36,5 мм х 10,5 мм, шейку, переходящую на четырехгранную (6 х 5 мм в середине и 6 х 5,5 мм в конце) ручку. Головка имеет лицевую плоскую сторону с двумя двухсторонними парными нитевидными, неглубокими, аккуратно выполненными надрезами по длине головки. Вдоль этих двух парных линий в цепочку расположены по 5 цилиндрической формы отверстия-ячейки диаметром 2,5 мм, глубиной 3,5–4 мм. Отверстия на головке не сквозные, т.е., не до конца просверлены. Нижняя часть отверстий в совокупности формирует лицевую часть продолговатой кармашки. Двухрядные 10 отверстий замыкаются в нижнем и верхнем концах головки еще двумя идентичными по диаметру и глубине, но сквозными отверстиями (рис. 2).

Противоположная сторона головки несколько выпуклая и гладкая, имеет по сагиттальной линии третью линию надреза длиной 25 мм, но более широкую и глубокую, переходящую и формирующую заднюю стенку с гребенчатым выступом по центральной части кармашки по длине головки, которая также являются несколько скошенным дном 5 цилиндрических парных ячеек. Данные трасологических исследований указывают, что предмет изготовлен вручную – по всей поверхности отмечаются частые прерывистые насечки от режущего инструмента.

Что касается вопроса о функциональном назначении изучаемого предмета, то мы полагаем, что он однозначно служил зубной щеткой; пучки волос, скорее всего, животного происхождения (конский волос), естественно, не сохранились. Одной из подтверждающей версией в пользу данной версии является то, что ручка предмета в средней части деформирована на лицевую сторону в результате регулярного силового воздействия руки человека во время чистки зубов.

Наиболее близкие аналогии нашей находке известны среди костяных изделий Каракорума – важнейшего городского центра доревнемонгольского государства эпохи наивысшего его подъема (Левашова, 1965, с. 310–312, рис. 164: 1, 7, 8). Представляет интерес находка зубной щетки из слоя XI. Основа ее имела форму узкой массивной лопаточки с длинной цилиндрической ручкой. На лопаточке – два продольных ряда по одиннадцати сквозных от верстий, расположенных в прочерченных бороздках. С этой стороны, по-видимому и выступали щетинки щетки, оборотная же сторона – гладкая, хорошо заполированная, как и весь предмет. Общая длина – 10,8 см; длина лопаточки – 3–3,5 см, ширина – 0,6 см; толщина ручки – 0,4 см (Левашова, 1965, с. 310, рис. 164: 1).

Древние приемы обработки кости хорошо изучены С.А. Изюмовой. Она отмечает в частности, важную роль шлифовки при обработке древнейших костяных орудий и второстепенное значение ее после появления железных инструментов (Изюмова, 1949, с. 48). Кастекский материал ярко подтверждает это положение – применение распила кости уменьшило необходимость шлифовки. Костяные изделия Кастека дают прекрасные образцы ровных краев-срезов. Изучение этих срезов и обработанной поверхности изделий установливает, что местные мастера, кроме универсального инструмента – железного ножа, пользовались при обработке кости пилой и напильником. Но даже при употре-

блении железных инструментов кость, как материал, требовала предварительной обработки – обезжиривания и размячения посредством кипячения в воде, что, очевидно и делалось кастекскими мастерами.

Человечество начало заботиться о гигиене полости рта очень давно. Упоминание об уходе за зубами и соответствующих средствах встречается уже в письменных источниках Древнего Египта. Относительно регулярная практика гигиены полости рта известна со времен Древней Греции. Ученик Аристотеля Теофраст свидительствовал о том, что у греков считалось достоинством иметь белые зубы и часто чистить их. В письмах греческого философа Альцифрона, жившего во II в. до н.э., встречается упоминание о распространенном в то время средстве гигиены – зубочистке (Феофаст, 1979, с. 96). В средневековом арабском мире понятие гигиены полости рта, как принято считать, внес пророк Мухаммед. Арабы чистили зубы по установленному ритуалу с помощью палочки из ароматного дерева с расщепленным наподобие кисточки концом и зубочистки из стебля зонтичного растения. Многие правила гигиены, предложенные Мухамедом, существующие в наши дни, известны из работ мусульманского теолога прошлого века Ибн Абдина: «Зубы следует чистить естественной щеткой в случае, если: 1) они стали желтыми; 2) если изменилься запах изо рта; 3) после того как вы встали с постели 4) перед молитвой; 5) перед омовением» (Ибн Абидин, 1423/2003, с. 123). Не исключено, что зубочистка с городища Кастек принадлежала одному из благочестивых мусульман, строго соблюдающих предписания Корана.

ЛИТЕРАТУРА

Аболин Р.И. От пустынных степей Прибалхашья до снежных вершин Хан-Тенгри // Геоботаническое и почвенное описание южной части Алма-атинского округа Каз АССР. Ч. 1. Ташкент, 1930.

Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893–1894 гг. // Сочинения. М.: Наука, 1966. Т. 4.

Изюмова С.А. Техника обработки кости в дьяковское время и в Древней Руси // КСИИМК. 1949. Вып. XXX.

Ибн Абидин. Раддуль Мухтар аляд Дуррил Мухтар. Дару Алямиль Кутуб: 1423/2003.

Левашова В.П. Костяные изделия из Кара-Корума // Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965. С. 308–315.

Нуржанов А.А. Средневековый город Жетысу // Сб. материалов Международной науч.-практич. конф. «История тысячелетней Алматы: археологические и письменные сведения». Алматы, 2016. С. 65–78.

Умурзаков С.У. К исторической топонимике Киргизии // Ономастика Средней Азии. М.: Наука, 1978. С. 53–58.

Феофаст. Этические характеры / Пер., вступ. статья и примеч. Г.А. Стратановского Г.А.). Л.: Наука, 1979.

Информация об авторе:

Нуржанов Арнабай Абишевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Археология им. А.Х. Маргулана МОН РК (г. Алматы, Казахстан); arnabai@mail.ru

About the Author:

Nurzhanov Arnabaj A., candidate of historical Sciences, leading researcher, Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan (Almaty, Kazakhstan); arnabai@mail.ru

Рис. 1. Средневековый городище Кастек. Вид из севера.

Рис. 2. Средневековая зубная щетка.

УДК 902/904

КОЖАНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ЦАРЕВОКОКШАЙСКА XVIII–XIX ВВ. С БАЗАРНОЙ ПЛОЩАДИ ЙОШКАР-ОЛЫ

© А.Д. Огородников

LEATHER PRODUCTS OF TSAREVOKOKSHAISK 18-19 CENTURIES. FROM SITE OF YOSHKAR-OLA MARKETPLACE

В статье описывается археологическая кожа, найденная в ходе раскопок ПАЭ 2008-2010 гг. Находки распределяются по группам – конструктивным деталям обувных конструкций: обувные головки, задники поднаряд и т. д. Производится анализ качества и количества найденных кожаных изделий. На основании имеющихся данных нельзя однозначно сделать выводы о фасоне обуви жителей Царевококшайска в XVIII–XIX вв. Но можно выделить преобладающие формы, которыми являются сапоги, хотя встречается и обувь низких форм, являющаяся, судя по размеру подошвы, женской. Отдельно рассматривается детская обувь. Все найденные изделия совпадают по форме и конструкции с аналогичными находками в Центральной России на данный период. Анализ находок показывает, что все они, за одним исключением, созданы квалифицированными ремесленниками.

Ключевые слова: археологическая кожа, Царевококшайск, Йошкар-Ола, Новое время, обувные конструкции и формы, рукавицы, сапоги, бахилы, поршни, детская обувь, фасон.

The article describes the archaeological leather, found during excavations PAE 2008-2010 Shoe findings are divided into groups in accordance with their constructive details: the shoe head, heel wedges podnart, etc. An analysis of the quality and quantity found leather products is carried out. Based on available data, it is impossible to make conclusions about the type of shoes of the inhabitants of Tsarevokokshaisk in the XVIII-XIX centuries, But it is possible to allocate the predominant forms, which are the boots, although common shoes and low forms, which, judging by the size of the sole female. Special attention is paid to children's shoes. All found items are the same form and design to similar finds in Central Russia during the period under study. The analysis of the finds made of leather demonstrates that all of them, except for one, were created by skilled artisans.

Keywords: archaeological leather, Tsarevokokshaisk, Yoshkar-Ola, New time, footwear designs, shoe form and style, mittens, boots, boot covers, baby shoes.

В 2008 и 2009 годах Поволжской археологической экспедицией проводились обширные охранные археологические работы на территории исторической части г. Йошкар-Олы под строительство культурно-исторического комплекса «Царевококшайский кремль». В 2008 г. было раскопано 716 кв. м, в 2009 – 2254 кв. м, в 2010 был заложен небольшой раскоп площадью 55 кв. м. Общая площадь раскопов составила 3015 кв. м. Археологическое исследование проводилось на месте торговой площади старого Царевококшайска, находившейся здесь в XVIII–XIX вв.

Одним из результатов данного полевого исследования стало большое количество археологической кожи. В отсутствии этнографического материала и малого количества письменных источников изучение найденных в ходе раскопок кожаных изделий позволит составить представление об одной из сторон жизни и быта жителей старого Царевококшайска.

Кожевенный материал крайне разнообразен. Его можно разделить по следующим параметрам: толщина кожи, качество выделки и принадлежность к тому или иному виду шкур животных. По толщине разброс идет от 0,5 до 4 мм. Наиболее толстая кожа, как правило, относится к подошвам и каблукам, самая тонкая – поднаряд кожевенных изделий. Качество выделки очень сильно отличается. Встречается как очень грубая, так и очень качественная выделка, она различна для разных элементов обувной конструкции и для различных изделий. Большинство изделий из кожи сделаны из шкур крупного рогатого скота, но есть два изделия из кожи явно другого происхождения, являвшейся, скорее

всего, оленьей. Обнаружен фрагмент изделия из свиной кожи.

В ходе полевого исследования торговой площади Царевокошайска было отобрано 348 индивидуальных находок кожаных изделий, подавляющая часть из которых относится к элементам конструкций обуви. Из них 22 целых и относительно полных обувных конструкций, позволяющих восстановить фасон и технологию производства кожаной обуви. Отдельно было найдено 42 обувные головки, 35 задников и их фрагментов, 92 подошв и их элементов и 58 каблуков. Из идентифицированных фрагментов археологической кожи выявлено одна кожаная рукавица, кожаная заплатка и, предположительно, накладка на туес или колчан из толстой кожи с богатым марийским орнаментом, созданным путем тиснения.

Из 42 находок *обувных головок* 10 представлены двухслойными головками с поднарядом, около десяти являются фрагментами, на основании которых трудно установить, верхний это или нижний слой головки. 4 фрагмента идентифицируются как поднаряд. Таким образом, можно говорить о том, что конструктивно все головки обуви, кроме детской, шившейся по упрощенной технологии, имели поднаряд. Сам поднаряд был как цельный, так и составной в большинстве случаев. Составной поднаряд чаще всего был симметричным, но в трех случаях собран из разных по размерам частей. Поднаряд всегда полностью повторяет форму головки. Сами головки по морфологическим признакам можно разделить на имеющих заостренный верх на подъеме и прямой, а также острую оконечность головки или округлую. Заостренный верх имеет 31 головка, прямой верхний срез у 15 головок. Причем если головки с заостренным верхним срезом однозначно можно отнести к частям обуви высоких форм, то головки с прямым верхним срезом могут принадлежать как сапогам, так и к обуви низких форм. По носкам можно разделить их на округлые и заостренные, 15 имеют заостренный носок, 31 головка оканчивается скругленным, по остальным находкам форму носка ввиду плохой сохранности установить не удалось. Тиснение и какой-либо орнамент на головках обуви отсутствует.

Всего найдено 35 *задников* целых и их фрагментов, из них 9 в составе обувных конструкций, 26 – отдельно. Все задники, входящие в обувной комплекс, имеют жесткую конструкцию. Из числа задников, найденных отдельно, только два имеют деревянный вкладыш, остальные 24 находки являются, скорее всего, фрагментами конструкции задника, так как мягкий задник не прослеживается в относительно целых местных обувных конструкциях. Из общего числа находок 21 имеет заостренный верхний срез, свидетельствующий о вероятном использовании этих задников в конструкции сапог. Восемь находок имеют прямой срез, два из них – задники, найденные вместе с другими элементами обувной конструкции, которые, скорее всего, относятся к низким формам обуви. Четыре задника имеют выгнутый верхний срез, и скорее всего, являются внутренней частью конструкции. Из 9 полностью сохранившихся задников 6 имеют внутри остатки деревянного тлена или бересты, что говорит о деревянном вкладыше; у остальных внутренний вкладыш кожаный.

Подошвы найдены в количестве 92 шт. (целые и фрагменты), из них 67 отдельно, 25 – в комплексе с другими элементами обувной конструкции. К сожалению, у некоторых фрагментов невозможно установить какие-либо морфологические признаки ввиду плохой сохранности. По остальным же есть возможность распределить по типам фасона: вид носка – острый или округлый, высота обуви – башмаки и сапоги, характер перейм на подошве и многослойность или однослойность подошвы, отсутствие или наличие каблука, его высота. Морфологические признаки подошвы важны для установления фасона обуви и дальнейшего сравнительного анализа с находками кожаной обуви в других регионах. Из общего количества находок подошвы 41 имеет острый носок и только 9 имеют округлый. 51 одна находка подошвы имеет ярко выраженную перейму. У 21 подошвы перейма слабо выражена или не выражена совсем. Из числа последних у 12 находок имелся острый носок и только у двух фрагментов – округлый. 25 подошв с острым носком имеют ярко выраженную перейму, у пяти подошв с округлым носком перейма так же хорошо прослеживается. 11 фрагментов подошвы имеют многослойную структуру, включающую стельку, на которую нашивалась верхняя часть обуви, прокладку и лыка или бересты и саму подошву. Стелька отличается от подошвы гораздо меньшей толщиной кожи (1–1,5 мм), тогда как подошва может достигать толщины до 5 мм, но не менее 3-х мм. Нижний слой такой конструкции отличается сквозным способом крепления к стельке. Однослойные подошвы из толстой кожи, как

правило, крепятся с верхом обуви с помощью потайного шва в области носка и переймы и сквозной прошивкой в области пятки, что было нужно для одновременного крепления каблука. Такой способ крепления соответствует и стелькам многослойных подошв, являющихся конструктивно более сложными.

На основании длины подошв можно сделать вывод о соотношении женской и мужской обуви. Известно, что длина женской стопы колеблется обычно от 20 до 25 см, мужская от 25 до 29 см. Из тех подошв, у которых можно установить длину, можно предположить, что соотношение женской и мужской обуви составляло 1 к 2.

В коллекции находок 16 *рантов* для соединения подошвы с верхом; из них только одна находка в конструкции вместе с многослойной подошвой, остальны найдены отдельно. Рант, видимо, не являлся обязательным элементом обувной конструкции.

Всего выявлено 58 *каблуков*, все они являются наборными и имеют от одного сохранившегося слоя до 23 слоев кожи толщиной от 0,5 до 2 мм. 39 каблуков и их фрагментов найдено отдельно, остальные вместе с подошвой и другими элементами обувных конструкций. Все найденные каблуки полностью повторяют форму пяточной части подошвы. Высоких каблуков, где насчитывается более 10 слоев кожи, найдено всего три, один имеет 16 слоев, остальные не более 13. Самый высокий каблук достигает высоты 4 см. 32 каблука имеют отверстия от гвоздей или в них остались гвозди. Уверенно говорить об отсутствии подбойки каблука гвоздями можно лишь в пяти случаях. 24 каблука имеют комбинированную систему крепления – гвоздями по центру и нитками по краю. Остальные отверстия по центру не имеют, но часто присутствуют гвозди по краю наряду со следами прошивки. В четырех случаях имеются бессистемные следы набойки гвоздей по всей площади каблука.

На основании найденных в ходе раскопок изделий из кожи можно представить следующую картину производства и использования кожаной обуви горожанами Царевококшайска XVIII в. Анализ задников и обувных головок позволяет говорить о преобладании высоких форм кожаной обуви – сапогов. Одна находка голенища не может быть в этом случае аргументом, так как голенища вообще являются достаточно редкой находкой ввиду их частого повторного использования в сапожном ремесле (Осипов, 2006, с. 48). Уверенно говорить о количестве низкой обуви трудно, ибо многие находки обувных головок, задников и подошв могут принадлежать как к высоким, так и низким формам обуви. Можно говорить лишь о том, что они имели определенное распространение. В описаниях современников также упоминается, что население предпочитало в основном обувь высоких форм – сапоги (Келлер, 2013, с. 90).

Вместе с тем следует отметить некоторую особенность обувных конструкций. Часто встречаются односоставные подошвы, наличие которых в одном слое со сложными обувными конструкциями может говорить, во-первых, о широком распространении среди местных жителей такого вида обуви как бахилы, упоминаемого в этнографической литературе (Русский традиционный костюм, 1998, с. 27). Бахилы присутствуют в списке товаров, продаваемых на проходившей недалеко от Царевококшайска Покровской ярмарке в Козмодемьянском уезде (Михайлов, 1972, с. 196). Во-вторых, возможно, что изготавливалась обувь более упрощенной конструкции. Об этом может говорить достаточно сложная форма некоторых однослойных подошв, не характерная для промысловой обуви. Вся обувь (как высоких, так и низких форм) имеет сходную конструкцию, за исключением нескольких находок.

В ходе раскопок было найдено два детских сапожка. Они выполнены в целом по такой же технологии, что и обувь для взрослых. Имеют поднаряд в области головки и жесткий задник, на подошве одного из них сохранились следы от гвоздей в области каблука. Первый сапожек, судя по размеру, принадлежал ребенку в возрасте до трех лет, второй носил ребенок 7–8 лет.

В общей массе находок кожаных изделий было обнаружено также две редкие формы обуви, видимо, не типичные для горожан. Во-первых, это кожаный поршень, выполненный из двух слоев тонкой дубленой кожи. Судя по его размерам, он относится либо к женской, либо к подростковой обуви, последнее наиболее вероятно. Во-вторых, это туфля с цельнокроеным верхом. Она имеет полный поднаряд и составной задник. Ее конструкция в целом повторяет обувные формы XVIII в., отличие заключается только в цельнокроеной верхней детали. Имеет отверстия для шнуровки.

Среди материалов, найденных в ходе археологических раскопок Йошкар-Олы, было идентифицировано восемь изделий из кожи, не относящихся к обувным формам.

В числе них найдена *рукавица.* Она однослойная сделана из кожи толщиной около 1 мм. Конструктивно представляет собой сложенный вдвое кусок кожи, выкроенный по форме ладони с отверстием для большого пальца и расширяющийся к низу.

Найдена была кожаная *заплатка*, судя по форме и отсутствию следов износа, вероятно, была для одежды, в районе локтя или колена.

Особый интерес представляет кожаная *накладка* с тисненым орнаментом в марийском стиле. Она представляет собой прямоугольник со сторонами 26 х 11 см при толщине кожи 2,5 мм. По узким краям остались отверстия, судя по размерам, от шнуровки. По всей вероятности, это накладка на колчан.

Обзор археологической кожи был бы неполным без упоминания обувных *подковок*. Все они полностью соотносятся с подковами, представленными в классификации Д.О. Осипова, и имеют аналоги среди находок в городах Центра и Северо-Запада России.

В Царевококшайске из 17 обувных подковок, найденных в 2008–2009 годах на территории базарной площади, 3 экземпляра относятся к ранним врезным с шипами, остальные 14 снабжены отверстиями под крепление гвоздями. (Археологическое изучение Йошкар-Олы, 2015, с. 123).

Итак, большинство найденных элементов относятся к обуви так называемой жесткой конструкции. Они имеют поднаряд головки, жесткий задник, состоящий из трех слоев кожи или имеющих берестяной или лыковый вкладыш. Встречается и однослойная подошва, часть таких находок можно отнести к распространению у горожан и жителей уездов в качестве обуви кожаных бахил, часть, вероятно, представляла собой упрощенную конструкцию повседневной обуви. Большинство образцов находят аналогии в конструкциях, найденных в Москве и др. городах Центра и Северо-Запада России. Надо отметить только полное преобладание высоких форм кожаной обуви над низкой. Из 42 головок, у которых сохранился верхний срез, 34 можно однозначно отнести к элементам сапог, из оставшихся десяти только четыре уверенно относятся к головкам туфель. Из 35 задников и их фрагментов 25 можно смело отнести на основании формы к элементам конструкции высокой обуви. Все найденные элементы обувной конструкции являются изделиями профессиональных ремесленников. Об этом говорит и достаточное совершенство форм и очень аккуратные и ровные швы, которые требуют значительного навыка.

ЛИТЕРАТУРА

Археологическое изучение Йошкар-Олы – Царевококшайска (к 430-летию города) / Отв. ред. Йошкар-Ола: ОО ИПФ «Стринг», 2014. 180 с.

Келлер А.А. Статистическое описание Царевококшайского уезда Казанской губернии. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ; Нац. библиотека им. С. Г. Чавайна, 2013. 154 с.

Михайлов С.М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары, 1972. 424 с.

Русский традиционный костюм: иллюстрированная энциклопедия / авт.-сост. Н. Соснина, И. Шангина. СПб.: Искусство-СПБ, 1998. 399 с.

Осипов Д.О. Обувь Московской земли XII–XVIII вв. М.: Наука, 2006. 202 с.

Информация об авторе:

Огородников Алексей Дмитриевич, аспирант историко-филологического факультета МарГУ (г. Йошкар-Ола, Российская Федерация) лаборант отдела финно-угорской археологии, ИА АН РТ, (г. Казань, Российская Федерация) skif125@mail.ru

About the Author:

Ogorodnicov Alexey Dmitrievich, graduate student of the Faculty of History and Philology of Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation) laboratory assistant in branch of Fino-Ugric archeology, Institute of Archeology of the Academy of the Sciences in Tatarstan Republic. (Kazan, Russian Federation) skif125@mail.ru

УДК 737(470.24) «12/13»

КЛАДЫ ДЖУЧИДСКИХ МОНЕТ НА ТЕРРИТОРИИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

© П.Н. Петров

HOARDS OF ZHUCHI COINS ON THE TERRITORY OF NIZHNY NOVGOROD REGION

Настоящее исследование посвящено вопросам денежного обращения на территории Нижегородской области в XIII–XV вв. Изучению подверглись только монетные клады, происходящие с изучаемой территории и состоящие или содержащие джучидские монеты. Клады из серебряных монет русской удельной чеканки (не имеющие в своем составе джучидской составляющей) не рассматривались. Целью работы явилась попытка формирования представлений о монетном обращении на территории Нижегородского княжества в указанный период на основе изучения кладов серебряных монет. Собрана вся известная автору информация о находках кладов (учтено 20 кладов интересующего состава). Введена в научный оборот информация о трех новых кладах. Проведена оценка топографии находок. Установлено, что клады концентрируются в основном на водоразделах Волги, Оки и Суры, а также, видимо, вдоль активно эксплуатировавшихся дорог. Оценена динамика интенсивности тезаврации кладов. Показано, что «провалы» в интенсивности тезаврации кладов в 1380-е, а также в 1400-е – 1410-е гг. связаны с определенными историческими событиями, а резкий рост в 1370-е гг. – с походами на Булгар.

Ключевые слова: археология, нумизматика Поволжье, Нижегородская область, Золотая Орда, дирхам, топография, клад, XIV-XV века.

The present study focuses on issues of monetary circulation on the territory of Nizhny Novgorod region in the XIII-XV centuries. Only coin hoards originating from the study area and consisting of or containing zhuchi coins have been studied. The hoards of silver coins of the Russian specific issue (not having zhuchi component in its composition) have not been considered. The aim of this work was an attempt to define an opinion on the monetary circulation on the territory of the Nizhny Novgorod Principality during the period under study based on the analisys of the hoards of silver coins. The author collected all known information about the finds of treasures (recorded 20 treasures interested). The scientific information on the three new treasures is introduced into scientific circulation. The evaluation of the topography of the finds have been fulfilled. It has been determined that the hoards were concentrated mainly in the watersheds of the Volga, the Oka and Sura, and also, apparently, alongside actively used roads. The dynamics of the intensity of hoarding treasures have been evaluated. It is shown that the “dips” in the intensity of hoarding hoards in the 1380th and the 1400th–1410th were associated with certain historical events, but their sharp rise in 1370th – with campaigns against the Bulgars.

Keywords: archaeology, numismatics, the Volga region, Nizhny Novgorod region, the Golden Horde, dirham, topography, treasure, 14-15 centuries.

Ключик к пониманию процессов, происходивших в монетном обращении Среднего и Нижнего Поволжья в XV в., заключен в понимании характера монетного обращения в Нижегородской и Мордовской землях в XIV–XV вв. Завоевание рынков поволжских ханств русским монетным серебром началось именно в XV в. и происходило постепенно. Но какие этапы были пройдены на этом пути, какова их хронология – ответы на подобные вопросы науке еще только предстоит дать. Поэтому изучение особенностей монетного дела и денежного обращения, в первую очередь, Булгарского вилайата в XV в., а затем и Казанского ханства необходимо рассматривать не только с позиции процессов внутри ханата, но и обязательно со стороны происходившего у ближайших соседей – в русских княжествах.

Двадцать лет минуло с тех пор, как автор этих строк опубликовал первый свод находок кладов джучидских монет с территории Нижегородской области (Петров, 1997). Но количества собранной информации было

недостаточно для оценки динамики тезаврации кладов. За прошедшее время количество новой информации существенно пополнилось, что позволяет провести предварительный анализ этих нумизматических объектов. Для решения поставленной задачи напомним некоторые сведения об уже упоминавшихся нами кладах.

1. г. Нижний Новгород. Клад был найден в Нижегородском Кремле, напротив церкви Симеона Столпника, недалеко от деревянного колодца. Сведения опубликовал А.А. Кротков в 1913 г. Всего в глиняном горшке найдено 183 монеты. 6 из них А.А. Кротков осмотрел и 3 атрибутировал – младшая из них помечена именем Джанибек хана (Петров, 1997, с. 9, № 1). По таким кратким сведения установить время тезаврации клада невозможно.

2. с. Большая Уда, Сергачский уезд Нижегородской губ., 1895 г. Сообщение о находке 165 золотоордынских серебряных монет XIV в., которые были переданы в Нижегородскую архивную комиссию (Петров, 1997, с. 10, № 4). По таким кратким сведения установить время тезаврации клада невозможно.

3. д. Б.Андреевка, Княгининского уезда Нижегородской губ., 1883 г. Клад найден в 1 версте от деревни. Он содержал 29 шт. серебряных монет. Клад смешанного состава – монеты суздальские, рязанские, тверские, псковские, Василия Темного и татарские подражания (Петров, 1997, с. 10, № 6). Время сокрытия клада, скорее всего, укладываются в хронологические рамки 1425–1446 гг. – «первого» этапа правления Василия II, когда он еще не был ослеплен.

4. д. Теплый Стан Курмышского уезда, 1900 г. «На урочище Волчий был найден клад из 79 серебряных монет», битых в период правления от Узбек-хана и до Мухаммада-Булака. Атрибуция А.К. Маркова (Петров, 1997, с. 11, № 9). Время тезаврации клада по имеющейся информации – 1370-е гг.х.

5. с. Испухань Курмышского уезда. Найден клад из 27 серебряных монет и каменный молоток. (Петров, 1997, с. 11, № 7). Время тезаврации клада установить невозможно.

6. с. Гагино Сергачского уезда, 1894 г. В ходе раскопок В.А. Снежневского в могильнике было найдено 9 джучидских медных и серебряных монет 1316–1363 гг. (Петров, 1997, с. 11, № 10). Время тезаврации 1363–1365 гг.

7. с. Ожгибовка Пильненского района, 1936 г. В урочище «Клады» был обнаружен клад серебряных монет весом в 3 кг. Атрибутировано М.В. Сузиным 456 экземпляров. В осмотренном составе клада было 327 данго джучидских от Токты до Токтамыша, удельные монеты княжеские от Дмитрия Донского до Бориса Константиновича Городецкого, а также русские подражания джучидским монетам, 62 экз. Обрезанных джучидских монет – 267 шт. В первой публикации сокрытие клада было отнесено к 1390-м гг. (Петров, 1997, с. 11, № 11).

8. с. Ильинское (д. Мангулиевская) Нижегородского уезда, 1867 г. В реке Алатырь крестьянином А.Н. Хмелевым был найден клад из 42 серебряных джучидских монет, битых от имени ханов от Джанибека до Токтамыша с самой младшей датой 796/1393–1394 г. Атрибуция В.Г. Тизенгаузена. Неясно были ли среди этих монет обрезанные вкруг данги и, если да, то какие весовые параметры они имели (Петров, 1997, с. 12, № 12). Время тезаврации – конец XIV – начало XV в.

9. с. Кубаевка Горбатовского уезда, 1867 г. Найден клад серебряных монет (800 экз. – русские, 488 – джучидские) с 3 слитками (вес одного 23 зол. 77 дол.). Атрибутировано 116 русских монет – Василий II и 78 джучидских – от Токты до Токтамыша (Петров, 1997, с. 12, № 13). Время сокрытия клада, скорее всего, укладываются в хронологические рамки 1425–1446 гг. – «первого» этапа правления Василия II, когда он еще не был ослеплен.

10. с. Монадыши Ардатовского уезда, 1871 г. Найден клад серебряных монет XIV в. (Петров, 1997, с. 12, № 14). Время тезаврации установить невозможно.

11. с. Тарханово Ардатовского уезда, 1881 г. Найден клад из 44 серебряных джучидских монет XIV в. (Петров, 1997, с. 12, № 15).

12. с. Разнежье Воротынского района Горьковской обл., 1956-1957 гг. Найден клад джучидских серебряных монет в кубышке. С.А. Янина атрибутировала 416 экз., присланных в ГИМ. В составе клада находились данги от Токты до Абдаллаха 770/1368–1369 г., подражаний 34 экз., а также монета Джалаиридов – Шейх Хасан Бузург 750/1349–1350 г. Большинство монет обрезаны (Петров, 1997, с. 13, № 16). Время тезаврации – начало 770-х/с 1368~1371 гг.

13. с. Ветошкино Сергачского уезда, 1909 г. Найден клад серебряных джучидских монет. Общий объем – 1831 экз. Атрибуция А.К. Маркова – данги от Токты до Азиз-Шейха 767/1365–1366 г., подражаний – 2 экз.

(Петров, 1997, с. 13, № 17). Время тезаврации – около 770/1368-1369 г.

14. г. Городец Нижегородской области, 1960 г. 4 монеты найдены в ходе раскопок А.М. Медведева одной из землянок. Два данга – Джанибека 741/1340–1341 и 747/1346–1347 гг., 1 – Мурида (Гулистан) 764/1362–1363 г. и 1 – Мухаммад-Тулака 773/1371–1372 г., а также 6 ладьевидных слитков. Три из 4-х данга обрезаны (Петров, 1997, с. 13, № 18). Время тезаврации – 770-е/1370-е гг.

15. с. Окулово Горбатовского уезда Нижегородской губ., 1906 г. Под Воскресенскими горами был найден клад из 71 экз. серебряных монет, крестика тельника и слиток меди размером с зерно боба. Все монеты относятся к княжеским выпускам, в том числе и русские подражания джучидским монетам (Орешников, 1907). Датировка времени тезаврации клада автором – рубеж XIV–XV вв. Поскольку с тех пор наши знания в разделе русской удельной нумизматики существенно обогатились, то требуется переатрибуция монет клада для уточнения времени его тезаврации, что, однако, затруднительно, поскольку в фототаблицах приведены монеты лишь выборочно. После выхода этого перечня в научный оборот была введена новая информация о находках кладов на территории современной Нижегородской области.

16. г. Ворсма, Богородский район Нижегородской области, 2011 г. Монеты собраны на пашне, представляют собой некогда единый комплекс – клад. В его состав входило 56 серебряных монет: 21 данга джучидов и 35 денег Московского и Нижегородско-Суздальского Великих княжеств. Младшая джучидская монета – Азиз-Шейх, Сарай ал-Джадид, 768/1366–1367 г. Лишь 4 экз. джучидских дангов не были обрезанные, остальные с весом в интервале от 0,69 до 1,17 г. Русские монеты времени Дмитрия Донского (именные и анонимные), Василия I (именные и анонимные), Василия Кирдяпы, Василия Кирдяпы и Василия I, двусторонние русские подражания, в том числе штемпельно связанные с выпусками Василия Кирдяпы/Василия I разных типов. Время тезаврации, по предположению публикаторов, середина 1390-х гг. (Волков, Гончаров, 2015а; Волков, Гончаров, 2015б).

17. Городетский район Нижегородской области, 2010 г. Найден клад конца XIV в., часть из которого удалось отследить П.Г. Гайдукову и И.В. Гришину. Авторы зафиксировали 67 серебряных монет из этого комплекса. Среди них 19 экз. великого княжества Московского и 3 экз. его уделов, 29 денег великого княжества Суздальско-Нижегородского, 15 экз. русских подражаний джучидским дангам и 1 экз. золотоордынский данг Джанибека, обрезанный в кружок (вес 1,08 г). Среди русских монет нет экземпляров, чеканившихся после присоединения Суздальско-Нижегородского княжества к Москве в 1392 г. Время тезаврации клада авторы отнесли к началу 90-х годов XIV в. (Гайдуков, Гришин, 2011).

18. д. Лекаревка, Пильненский район Нижегородской области. Время обнаружения клада неизвестно, опубликован в 2014 г. Состав клад 22 джучидских дирхама рубежа XIII–XIV вв. Младшая монета бита при Узбек-хане в Сарае в период 713–721/1313–1321 гг. Основная масса монет – дореформенные дирхамы хана Токты Сарая (7 экз.), Маджара (1 экз.) и Укека (11 экз.). Лишь одна монета Токты помечена 710/1310–1311 г. 91% монет помечен годами выпуска 693–710/1294–1311 гг. Клад сформирован в основном в период до монетной реформы в центральном регионе в 710 г.х., а его состав указывает на связь с кладами Нижнего Поволжья (Лебедев, Орлов, 2014, с. 18–19). Тем не менее, время тезаврации клада, скорее всего – первая четверть XIV в.

Кроме этой информации в конце XX – начале XXI века автором также была собрана информация о находках кладов, которая в кратком изложении приводится ниже. Более подробная публикация этих нумизматических объектов еще ждет своего часа.

19. Пильненский район Нижегородской области, 2001 г. Клад найден случайно на распашке в 1 км от неназваной находчиком деревни. Состав клада – 10 серебряных монет: Булгар – Джалал ад-Дин 814/1411–1412 г. (2 экз.); Шадибек 805/1402–1403 г. (2 экз.); Пулад год утрачен (4 экз.) + «Раджан» Пулад (1 экз.); Тимур(?) год утрачен (1 экз.). Время тезаврации – второе десятилетие XV в.

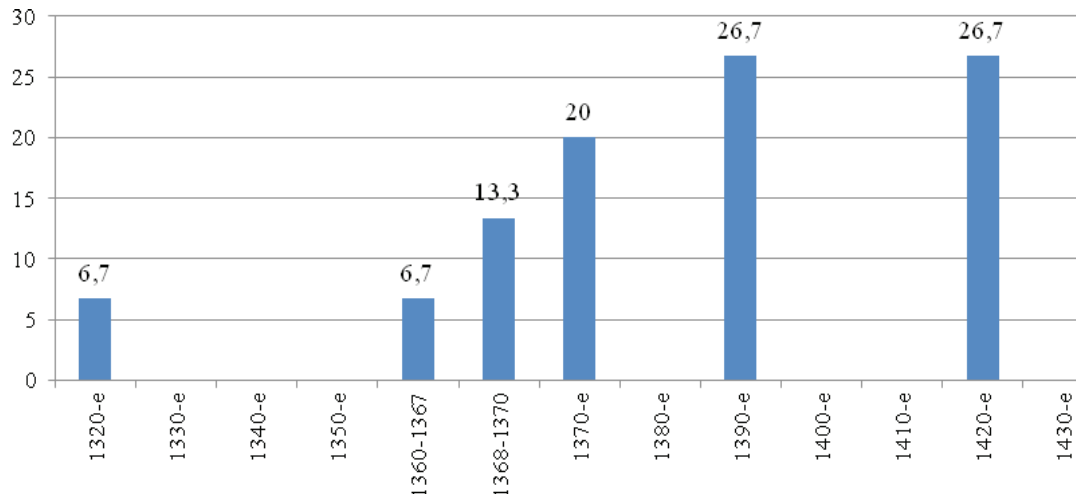
20. Починковский район Нижегородской области. Общий объем клада остался неизвестен. Удалось изучить 297 серебряных монет. Состав осмотренной части клада – Токта 710/1310–1311 г., Узбек, Джанибек, Бирдибек, Кулпа, Хызр, Навруз, Килдибек, Мурид, Азиз-Шейх, Бек-Пулад, с легендой Джанибек покойный, Абдаллах, Гийас ад-дин Мухаммад и Тулак (=Булак), с им. Гийас ад-дина Мухаммада и «очковидной» тамгой, Токтамыш, Шадибек, Кибак, подражания и редукции, с русскими надчеканка-

ми – 4 экз. (надчеканки буквенные – Г, ПС, Д, а также рязанская тамга «мордка»), надчеканки ордынские 2 экз., Тимуриды (мири) с именами: Суйургатмиша и амира Тимура (2 экз.), Махмуда и амира Тимура (2 экз). Время сокрытия клада по младшей монете с именем Кибак-хана (816~818/1413~1415 гг.) – не ранее 1413–1414 гг. Время находки клада неизвестно, информация получена в 2003 году. Клад долго хранился у потомков находчика.

21. д. Силинский Майдан, Лукояновский район Нижегородской обл., 1941 г. История обнаружения этого клада удивительна. По рассказам очевидца находки (он был тогда мальчишкой), в 1941 г., за несколько месяцев до начала войны, в ходе полевых работ на Денежной горе (напротив деревни) был распахан трактором клад серебряных монет, о чем стал известно официальным органам. Часть монет к тому моменту уже разошлась по рукам, но большинство монет все-таки по требованию властей было собрано и трактористом-находчиком монеты были сданы в Арзамасский антирелигиозный музей, где заключили, что клад не ценный, но оставили в музее. Монеты принимали по счету, и, якобы называлась цифра около 12 тысяч монет. Вскоре (перед войной же) музей был закрыт. Пока проследить судьбу Силинского клада, сданного в музей, не удалось, возможно, он пошел в переплавку на нужды фронта. Поиск продолжается. Но у населения практически в каждом доме оставалось по нескольку десятков монет. В послевоенное время на этом поле сажали картошку и при каждом этапе земляных работ еще находились монеты. Проверка этого устного сообщения мной в 2009 г. показала, что у населения до сих пор действительно есть монеты из этого клада. Удалось найти мужчину, который мальчишкой бегал за трактором в момент находки клада. Он без колебаний показал место, где была найдена основная масса монет. Проверка этого участка металлодетектором действительно позволила обнаружить несколько джучидских монет. Всего удалось собрать информацию о 222 джучидских монетах. В состав осмотренной части входят данги от Токты 710/1310–1311 г. до Гийас ад-дина Мухаммада, а также 10 экз. подражаний и редукций + 4 поддельные монеты (медные покрытые серебром). Младшей монетой является данг Мухаммада-Тулака 770-х/1368–1378 гг. Обрезанных дирхама 82 экз., но весовые стандарты, под которые обрезались монеты, разнообразные от 0,85 г до 1,37 г. Время сокрытия клада, скорее всего, 770-е /1370-е гг.

Постараемся проанализировать время сокрытия зафиксированных кладов. Клад № 15 в этом анализе учитываться не будет, поскольку неясно, присутствовали в нем монеты именно джучидского чекана или нет (этот клад включен в наш перечень с иной целью). Не учитываем также клады № 1, 2, 5, 10 и 11, для которых невозможно установить ориентировочные годы превращения их в сокровища. То есть, хронологическому анализу подвергается 15 монетных комплексов. Представим имеющуюся информацию в графическом виде (гистограмма 1).

Гистограмма 1. Зависимость количества кладов (в%) от времени их тезаврации



Из графика видно, что клады XIII в. в Нижегородской области отсутствуют, а клад первой четверти XIV в. зафиксирован лишь один. Далее следует тридцатилетний период, в который тезаврация кладов не фиксируется. То есть, можно заключить, что период XIII – первой половины XIV вв. не был активным в плане проникновения золотоордынской монеты в Нижегородское княжество. Лишь в 1360-е годы число кладов увеличивается и достигает максимума в 1370-е годы. В 1390-е годы и на рубеже XIV–XV вв. количество кладов опять возрастает.

Во второй половине 1420-х годов количество невостребованных хозяевами сокровищ также увеличилось. Стоит напомнить, что речь идет не обо всех кладах, сокрытых в этот период в течение 100 лет на территории Нижегородской области, а лишь о тех, которые состоят из джучидских дирхамов или имеют их в своем составе.

С середины XIV в. в Нижегородском княжестве происходили заметные изменения в местной материальной культуре, что выразилось в изменении оформления бытовой посудной керамики, появлении значительного количества импортов восточного происхождения. В 1350 г. в Нижний Новгород был перенесен стол из Суздаля князем Константином Васильевичем. Рогожский летописец фиксирует пребывание восточных купцов в Нижнем Новгороде в первой половине 1360-х годов. Кроме того, в 1360-х годах чума, захватившая Нижнее и Среднее Поволжье, повлияла на перемещения населения из этих регионов, что, безусловно, обусловило приток джучидской монеты в Нижегородское княжество вместе с потоком переселенцев. Увеличение населения и монетной массы естественным образом связано с фиксируемой динамикой тезаврации монетных кладов с джучидскими монетами.

В нумизматике Нижегородской земли (возможно не только Нижегородской) существует проблема, связанная с пониманием характера монетного обращения, его организацией и состава обращавшейся монетной массы. Дело в том, что если до 1370-х годов. полновесные джучидские монеты пусть не в значительных количествах, но поступали в Нижегородское княжество, то в 1370-х годах приток полновесных монет если не прекратился полностью, то существенно снизился, и в обращении появилось много обрезанных вкруг дангов. При внимательном изучении гурта таких монет иногда действительно обнаруживаются следы обрезки, но чаще возникает ощущение, что монеты уже чеканились на готовых небольших кружках заранее юстированных под вес обрезанных джучидских дирхамов. Причем они могли поступать как с территории Булгарского вилайата, так и производиться на месте. Эти монеты практически копируют джучидские дирхамы (как правило, джанибековские выпуски). В это же самое время в Нижегородском княжестве (и не только в нем) начинается чеканки княжеской монеты. Причем эта монета очень легко отличима от джучидской, в первую очередь, своей продолговатой формой. Эта форма монеты образуется вследствие использования проволочной технологии изготовления монетных заготовок. Именно поэтому внешнему реперу русские княжеские выпуски легко отличить от джучидских XIV в. Здесь и встает несколько вопросов. Первый – если княжеская проволочная монета столь индивидуальна, то кто и где воспроизводил монету джучидского облика (осуществлял обрезку дирхамов вкруг или изготавливал такую монету по полному циклу)? Второй – не является ли столь значительное количество обрезанных вкруг джучидских монет XIV в. на Нижегородчине результатом активизации торговых отношений с Булгарским вилайатом (ведь именно на Булгарской земле обрезка вкруг серебряной монеты началась в 1370-е годы или несколькими годами ранее)? Третий – могут ли клады этого времени подсказать хронологию изменений состава монетной массы, обслуживавшей рынки Нижегородской земли (т.е., не является ли «подражание» джучидским обрезанным монетам неким этапом при переходе к обслуживанию рынков только княжеской проволочной серебряной монетой)?

1370-е годы ознаменовались походами нижегородцев на Булгар: в 1370 г. против Хасана, а в 1376 г. по просьбе Мамая захватили Булгар и посадили там даругу и таможенника. Не исключено, что значительная доля обрезанных серебряных монет с Булгарских земель поступила в обращение в Нижегородский край именно в результате этих исторических событий. Но в 1377 г. произошло Пьянское побоище, в результате были тотально разорены Нижний Новгород и его округа, и подобное повторилось в 1378 г. Поход Тохтамыша на Москву также не мог способствовать восстановлению и развитию торговли в Нижегородском княжестве. В результате этих событий в 1380-х годах наблюдается резкий спад тезаврации кладовых комплексов.

В 1392 г. московский князь Василий Дмитриевич перекупает в Орде ярлык на Нижний Новгород, куда отправляется первый наместник великого князя. Произошла смена собственников, повлекшая за собой передел собственности. Фиксируется новый приток населения и купцов, что стимулировало торговую активность и денежное обращение. В конце 1390-х годов татарский отряд с Василием и Семеном Дмитриевичами захватывает Нижний Новгород, но закрепиться в нем они не смогли из-за ответных мер, предпринятых Москвой. Все эти события не способствовали развитию торговли, но способствовали тезаврации кладов, о чем и свидетельствует приведенный график.

Поход Едигея, разорившего Нижегородские земли в 1408 г., видимо, также повлиял на количество спрятанных сокровищ в первом десятилетии XV в. В 1420-х годах умер нижегородский князь Даниил Борисович и Нижний Новгород опять переходит во владение московских князей. И на графике опять наблюдается всплеск количества превращений денег в сокровища.

Динамика составов кладов выглядит следующим образом: до 1370-х годов включительно клады состоят исключительно из монет джучидских типов. В кладах 1390-х гг.х. появляются в значительных количествах монеты русской княжеской чеканки. Тенденция совместного обращения сохраняется вплоть до периода правления Василия II. Надо сказать, что клад № 15 со временем тезаврации на рубеже XIV–XV вв. далеко не единственный опубликованный нижегородский клад, состоящий исключительно из серебряных денег княжеской чеканки (см. напр.: Мартьянов, Федоров-Давыдов, 1989). Но в это же самое время подвергались тезаврации клады, содержащие и джучидские обрезанные монеты. Этот факт не позволяет нам обнаружить тот хронологический рубеж, когда джучидские данги вышли из обращения, освободив место исключительно княжеской монете как минимум до середины XV в. То есть, монетное обращение в Нижегородском княжестве было открыто для джучидской монеты, что создавало условия для чеканки серебряной монеты джучидского типа местными дельцами, а также способствовало возникновению воровского монетного промысла (см., напр., состав клада № 21). Джучидская монета XIV в. к середине XV в. практически полностью вышла из обращения в Среднем и Нижнем Поволжье. Джучидские серебряные акче первой половины XV в. почти не поступали в монетное обращение Нижегородчины – их находки крайне редки. Кладик № 19 в этом смысле является уникальным, а с учетом обстоятельств его находки на распашке в поле, где нет ни культурного слоя и никаких иных признаков проживания людей (находок керамики или иных предметов), он, скорее всего, является случайной утратой небольшого кошелька.

Топография находок кладов с джучидскими монетами на территории Нижегородской области порайонно приведена на рис. 1.

Согласно уже имеющейся у нас информации можно утверждать, что клады с содержанием джучидских монет XIV–XV вв. находят не только на юге области, но и на водоразделах рек Волги, Оки и Суры. Фиксируются клады также вдоль р. Пьяны. Следует отметить обнаружение наибольшего количества кладов именно в южной части Нижегородской области. Примечательно, что зафиксированные клады с содержанием джучидских акче XV в. (№№ 3, 9, 19 и 20) все найдены в районах, расположенных южнее г. Нижнего Новгорода.

Сделанные выводы отражают тенденцию в характере монетного обращения и изменении состава монетной массы, обслуживавшей местные рынки. Но для более полных и корректных заключений необходимо учесть максимально возможное количество известных нижегородских кладов именно русских монет рассматриваемого периода, а также продолжить сбор информации о кладах с джучидскими монетами. При этом требуется переатрибуция серебряных монет русской чеканки в нижегородских кладах интересующего нас периода, уже опубликованных в XX в. Переатрибуция монет, осуществленная на основе современного уровня нумизматических знаний, позволит уточнить время сокрытия этих кладов и их состав. Кроме того, требуется проведение детального структурного и химического анализа обрезанных монет джучидского типа, находимых на территории Нижегородской области. К сожалению, очень большое количество кладов, найденных за последние 17 лет на Нижегородчине, безвозвратно утрачено благодаря действиям любителей кладоискательства. В научный оборот введено менее 10% сделанных находок.

Рис. 1. Карта-схема районов Нижегородской области, в которых были обнаружены исследуемые клады джучидских монет. 1 – Починковский р-он, 2 – Лукояновский р-он, 3 – Первомайский р-он, 4 – Ардатовский р-он, 5 – Пильненский р-он, 6 – Сергачский р-он, 7 – Княгининский р-он, 8 – Воротынский р-он, 9 – Павловский р-он, 10 – Богородский р-он, 11 – г. Нижний Новгород, 12 – Городецкий р-он.

ЛИТЕРАТУРА

Волков И.В., Гончаров Е.Ю. Небольшой клад золотоордынских монет XIV в. из Нижегородской области // Восемнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, Коломна. 20–25 апреля 2015 г. Тез. док. и сообщ. / Отв. ред. И.В. Ширяков. М.: ГИМ, 2015а. С. 145–147.

Волков И.В., Гончаров Е.Ю. Клад золотоордынских и русских монет XIV в. из окрестностей г. Ворсма Нижегородской области («Ворсма-1») // Русское денежное обращение в X–XVII вв. Нумизматический сборник к 60-летию Петра Григорьевича Гайдукова / Отв. ред. И.В. Волков. М.: ГИМ, 2015б. С. 64–77.

Гайдуков П.Г., Гришин И.В. Городецкий клад // Шестнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тез. док. и сообщ. (Санкт-Петербург, Репино. 18–23 апреля 2011 г.) / Отв. ред. В.А. Калинин. М.: ГЭ, 2011. С. 125–127.

Лебедев В.П., Орлов А.С. Два клада рубежа IX–X и XIII–XIV вв. из Нижегородской области // Нумизматика Золотой Орды. 2014. № 4. С. 16–21.

Мартьянов В.Н., Федоров-Давыдов Г.А. Арзамасский клад русских монет конца XIV – начала XV в. // НЭ. 1989. Вып. XV. С. 132–143.

Орешников А. Окуловский клад русских денег // ИАК. 1908. Вып. 27. С. 1–14.

Петров П.Н. Находки джучидских монет на территории Нижегородской области // Древности Нижегородского Поволжья. Вып. II. Нумизматический сборник. Т. 1 / Отв. ред. П.Н. Петров. Нижний Новгород: Конвек, 1997. С. 9–24.

Информация об авторе:

Петров Павел Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия)**;** ppn@zmail.ru

About the Author:

Petrov Pavel N., candidate of historical Sciences, senior researcher, Institute of archaeology named after A. H. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia); ppn@zmail.ru

УДК 902/904

ФОРМИРОВАНИЕ ГОРОДСКИХ ЦЕНТРОВ ХАНСКОГО ДОМЕНА УЛУСА ДЖУЧИ (ГОРОДИЩЕ МОШАИК)

© Е.М. Пигарев

THE FORMATION OF URBAN CENTRES OF THE KHAN'S DOMAIN OF THE ULUS OF JOCHI (FORTIFIED SETTLEMENT MOSHAIC)

Автором анализируются новые данные по локализации золотоордынского городища Мошаик и его округи. Приводится история исследований археологического памятника. Рассматриваются принципы формирования городской округи и оформления ее границ с учетом географических условий. Дается характеристика Волжской дельты, где естественные географические преграды, каковыми являлись крупные и средние реки, превращались в административные границы между микрорегионами, сформированными золотоордынскими городами и связанными с ними административно и экономически многочисленными поселениями. Предлагается своя условная модель «микрорегиона Мошаик» с описанием административных границ и археологических объектов золотоордынской эпохи, находящихся на этой территории. Приводятся данные письменных источников XVI–XIX вв., характеризующих этот населенный пункт. Рассматривается вопрос о появлении современного названия средневекового поселения.

Ключевые слова: археология, Улус Джучи, Золотая Орда, Мошаик, Суммеркент, Волга, Болда, дельта, город, поселение, могильник, округа.

The author analyzes new data on the localization of the Golden Horde settlement Moshaic and its surroundings. The history of research of an archaeological monument are presented. The principles of formation of urban districts and the design of its borders, taking into account geographical conditions are considered. The author characterises the Volga Delta, where natural geographic barriers, which are large and medium-sized rivers became the administrative boundary between micro-regions formed the Golden Horde cities, and related administrative and cost numerous settlements. He introduses its own provisional model of "micro Mosaic" describing administrative boundaries and archaeological sites of the Golden Horde, located on this territory. The data on written sources of the XVI-XIX centuries characterizing the town are given. Also the issue of the emergence of the modern name of a medieval settlement is disscussed.

Keywords: archaeology, Jochi Ulus, the Golden Horde, Moshaic, Commercant, Volga, Bolda river, Delta, town, settlement, burial ground, neighbourhood.

Начало 1243 г. – возвращение монгольских войск из Западной Европы в причерноморские и прикаспийские степи – считается временем возникновения золотоордынского государства (Егоров, 2009, с. 27). На протяжении XIII в. происходило становление государственной структуры, сформировавшееся полностью к началу XIV в. Основой административно-территориального деления этого государства была улусная система. Центр государства, левый берег Волги, являлся ханским доменом. Улусы Сарай, Хорезм, Крым, Дешт-и-Кыпчак являлись крупнейшими административными единицами, возглавляемыми наместниками хана – улусбеками. Каждый из этих улусов, в свою очередь, делился на ряд более мелких территорий – «областей», возглавляемых эмирами более низкого ранга. Предполагается, что вся территория Золотой Орды в XIV в. разделилась на 70 «областей». Особые административные единицы представляли собой золотоордынские города, возглавляемые начальниками (Егоров, 2009, с. 163–168). Развитие государства требовало создания постоянных опорных пунктов государственной власти, что вызвало активную градостроительную деятельность по всей территории Улуса Джучи, в том числе и в ханском домене. В этот период шло как строительство новых городов, так и использование поселений, появившихся в домонгольское время.

Низовья р. Волга, а точнее ее дельта и Волго-Ахтубинская пойма, являлись столич-

ным регионом, центром ханского домена. Волжская дельта, на территории которой находятся практически все известные нам золотоордынские памятники Астраханской области, формируется рекой Волга и ее крупными рукавами – реками Ахтуба, Бузан, Бахтемир, Старая Волга, Кизань, Болда, Кигач. Главные рукава, являясь естественными природными границами, делят всю эту территорию на ряд микрорегионов, в каждом из которых обнаружены золотоордынские населенные пункты. К настоящему времени здесь известно 59 поселений или усадебных комплексов и 6 городищ: Селитренное, Красноярское, Ахтубинское, Мошаик, Шареный бугор, Самосдельское (Пигарев, 2010, с. 347–350). Селитренное городище является остатками столицы Улуса Джучи, крупнейшим его городом Сарай (ал-Махруса, ал-Джедид). Городища Самосдельское и Мошаик возникают на рубеже XI–XII вв. как крупные городские центры области Саксин и продолжают существовать в составе Золотой Орды (Васильев, 2016, с. 153). В настоящей работе мы рассмотрим одно из них – городище Мошаик.

Городище Мошаик находится в Приволжском районе Астраханской области, на восточной окраине города Астрахани, на территории поселков Мошаик, Войково, Садовый. Оно расположено на правом берегу р. Прямая Болда, являющейся одним из основных волжских рукавов. Площадь городища около 250 га. Занимает бугор Бэра, вытянутый по линии запад-восток и прилегающие к бугру территории. Следов оборонительных сооружений не фиксируется. Значительная часть городища, особенно наиболее высокая его часть, расположенная на бугре, застроена. Остальная часть территории подверглась достаточно серьезному современному хозяйственному освоению: выборка грунта, нивелировка, распашка, садоводство и т.д. Мощность культурного слоя на некоторых участках памятника достигает 2,5 м.

До 1980-х годов в научной литературе о городище Мошаик упоминалось в связи с находкой здесь медной иконки с изображением святого Георгия (Полубояринова, 1978, с. 122–125, рис. 44) и в книге В.Л. Егорова: «Находится у пос. Мошаик на восточной окраине г. Астрахани. Золотоордынское название населенного пункта неизвестно. Площадь городища около 70 000 м^2. Археологические исследования выявили здесь типичные золотоордынские постройки» (Егоров, 2009, с.1 18). Скупые сведения об этом населенном пункте нам дают дореволюционные издания: «Был еще городок Чунгур, в полуверсте от поселения Машаик, в семи верстах от Астрахани, за Казачьим бугром. Гмелин рассказывает, что еще в его время тут находили серебряные и золотые татарские монеты, кольца, серьги, зарукавья и всякую мелочь» (Небольсин, 1852, с. 59); «...в селении живут юртовские татары, потомки золотоордынских татар...; 49 дворов, 1 мечеть» (Списки, 1861, с. XII; 9); также: «число дворов 60, мечетей 2, школа 1; ...При ерике Казачьем. Название получило от того, что между татарами жил человек, отличавшийся добродетельною и трудолюбивою жизнью и считавшийся святым Мошаек или Мошаик...» (Труды, 1877, с. 56). Написание предлагается двух видов: селение Мошаикское или Машаикское. Здесь важно, что в обоих случаях дается попытка краткой исторической характеристики населенного пункта, явления не характерного для подобных изданий, что выделяет это селение из общего ряда описываемых. Еще более интересную информацию мы получаем при изучении Ключаревской летописи, составленной ключарем Астраханского Кафедрального собора Кириллом Васильевым. В повествовании о мятеже, поднятом в 1705 г. архимандритом Рувимом против Митрополита Астраханского и Терского Сампсона есть упоминание об интересующим нас населенном пункте: «Преосвященный, скрываясь ..., потом находился более трех недель у татар в Мамаикском улусе, а напоследок уехал с калмыком Аюкою Таши ... и жил в калмыцких улусах, за рекою Болдою» (Ключаревская, 1887, с. 39–43). Здесь приводится два важных сообщения. Во-первых, уточняется, что река Болда являлась границей между улусами. Во-вторых, указывается название населенного пункта – Мамаикский улус, находящегося в 5–7 верстах от Астрахани. т.е. на месте современного пос. Мошаик. В процессе освоения нижневолжских земель, после присоединения Астраханского ханства к Русскому государству, русские неоднократно использовали старые (традиционные) названия населенных пунктов, переводя или транскрибируя их, что, видимо, произошло и в нашем случае: Мамай иске – Мамаикский – Машаикское – Машаик – Мошаик. Если учесть, что автор Летописи пользовался еще более древними архивами и записями, о чем есть указания в рукописи, мы можем предположить, что одним из владетелей или «начальников» золотоордынского города был некто по имени Мамай.

В 1978 г. Е.В. Шнайдштейн были проведены первые археологические исследования памятника. На раскопе площадью 37 кв. м были обнаружены хозяйственные ямы и остатки жилого сооружения из сырцового кирпича с подпольем и системой отопления. В стене подполья между сырцовыми кирпичами найдена монета 1310 г. (Шнайдштейн, 1979, с. 7–13). Исследователем отмечены прослойки чистого речного песка без находок, разделяющие строительные горизонты и, связываемые с крупными паводковыми подтоплениями территории. Кроме того, была собрана коллекция керамического материала, включающая в себя как обломки гончарных, так и лепных сосудов. В это же время были обследованы первые разрушаемые погребения, которые были обнаружены на бэровском бугре «Татарский», расположенном на окраине пос. Мошаик (Пантелеев, 2010, с. 92).

Последующие работы на городище проводились в 1999 г. Д.В. Рябичкиным (Рябичкин, 1999), 2004–2006 гг. С.А. Пантелеевым, 2009 г. И.Ю. Мирсияповым, 2011–2012 гг. А.Г. Ситдиковым (Ситдиков, 2014, с. 12–13).

С.А. Пантелеевым были обработаны и проанализированы погребения с могильника, относящегося к городищу, обнаруженные в разные годы. По мнению исследователя, на могильнике выделяются ранние булгарские погребения, датируемые серединой IX–X вв.; погребение, относящееся к печенего-огузскому кругу X–XI вв.; мусульманские погребения X–XI вв. и XIII–XIV вв. (Пантелеев, 2010, с. 105).

Изучение керамического комплекса памятника показало присутствие в его культурных слоях золотоордынской красноглиняной гончарной керамики с линейно-волнистым орнаментом и большого процента керамики лепной, с неровным костровым обжигом, с такими характерными элементами, как раковинообразные лепные ручки котлов, витые двухленточные ручки, венчики, украшенные пальцевыми вдавлениями, массивные ножки светильников, Х-образные в сечении, а также стенки сосудов, украшенные прочерченными по сырой глине растительными и геометрическими узорами. Подобного рода керамика очень часто встречается на гузских памятниках X в. в Северном Хорезме, Саркеле. В Астраханской области подобные находки известны на Самосдельском городище (Попов, 2008, с. 207).

По мнению исследователей, городище возникает на рубеже XI–XII вв. (Ситдиков, 2013, с. 158). Местоположение городища Мошаик в самой узкой части волжской дельты позволяет предположить, что оно обслуживало переправу. Д.В. Васильев считает, что городище Мошаик является наиболее вероятным претендентом на то, чтобы локализовать на нем город Суммеркент (Васильев, 2016, с. 153). Комплекс монет, собранных в окрестностях Мошаика, укладывается в хронологические границы от начала XIV в. до 20-х годов XV в. (Гречкина, 2013, с. 98). На наш взгляд, в период экономического развития Улуса Джучи для усиления управленческой структуры домена и контроля над водными торговыми магистралями возникла необходимость в организации еще одного малого административного центра. Для достижения этих целей, старое доордынское поселение превратилось в новый административно-территориальный центр под предполагаемым названием Суммеркент. О его экономической стабильности свидетельствует и то, что за сто лет своего существования город имел устойчивое денежное обращение, представленное надежной цепочкой монет, последовательно сменявших друг друга в денежном деле Золотой Орды (Гречкина, 2013, с. 99).

Как уже говорилось выше, городище Мошаик расположено на вершине волжской дельты, в самой узкой ее части, на правом берегу реки Прямая Болда, являющейся одним из основных волжских рукавов. Два крупных волжских рукава, реки Бахтемир (с запада) и Бузан (с востока), образуют центральную часть дельты. По нашему мнению, именно эти две реки и образуют границы «Мошаикского улуса» (рис. 1). Определенное подтверждение этому мы находим в переписке ногайского мирзы Измаила с царем Иваном Васильевичем от 1562 г. Измаил, чьи кочевья располагались от Бузана до Яика, просил Ивана Васильевича разрешения на кочевку по Бузану, на что был получен ответ: «а о Бузане есмя сыскивали. Ино сказывают изстари по Бузан был рубеж Астраханский при прежних царях... И ты б своей стороны по Бузану людям своим велел кочевати, а за Бузан бы не перелазили...» (Хлебников, 1907, с. 69).

В настоящее время известен ряд объектов золотоордынской эпохи, которые условно можно отнести к округе городища Мошаик:

1. Городище Мошаик – центр улуса (описание дано выше);

2. Грунтовый могильник «Кан-тюбе». Памятник расположен в 5 км к ЮВ от с. Татарская Башмаковка, на левом берегу р. Волга. В процессе археологических

исследований, проведенных в 1969 г., было раскопано 145 погребений, относящихся к золотоордынскому периоду. В ряде погребений наблюдались явные отклонения от канонов ислама: разные формы могильных ям, неустойчивость поз, находки вещей в могилах, наличие золы, угля, подстилок из камыша (Шнайдштейн, 1992а, с. 29).

3. Грунтовый могильник «Мошаик». Находится у пос. Мошаик на восточной окраине г. Астрахань, на правом берегу реки Болда. В 1978 г. во время исследований городища на могильнике было вскрыто 8 безинвентарных погребений, которые автор отнес к золотоордынскому времени (Шнайдштейн, 1992, с. 9).

4. Поселение «Алаучук». Памятник расположен на территории аэропорта г. Астрахань (Пантелеев, 2005, с. 4). Золотоордынское название населенного пункта не известно. Археологических исследований не проводилось.

5. Поселение «Барский». Памятник расположен в 1,46 км к юго-востоку от пос. Мошаик на правом берегу р. Болда (Пантелеев, 2003, с. 5). Золотоордынское название населенного пункта не известно. Археологических исследований не проводилось.

6. Грунтовый могильник «Касыпак-Тобе». Памятник расположен в 0,65 км к югу от пос. Стекольный завод, на правом берегу р. Кизань (Кутуков, 2005, с. 4). Археологических исследований не проводилось.

7. Поселение «Началовский-I». Памятник расположен в 1 км к югу от с. Началово (Васильев, 1992, с. 16). Золотоордынское название населенного пункта не известно. Археологических исследований не проводилось.

8. Грунтовый могильник «Началовский-II». Памятник расположен в 1,6 км к югу от с. Началово (Васильев, 1992, с. 16). Археологических исследований не проводилось.

9. Грунтовый могильник «Бараний». Памятник расположен в 2,4 км к югу от с. Началово (Васильев, 1992, с. 17). Археологических исследований не проводилось.

10. Грунтовый могильник «Артельный». Памятник расположен в 3,5 км к югу от с. Началово (Васильев, 1992, с. 17). Археологических исследований не проводилось.

11. Поселение «Малый Чека». Памятник расположен в 3,55 км к югу от с. Началово (Васильев, 1992, с. 18). Золотоордынское название населенного пункта не известно; археологических исследований не проводилось.

12. Поселение «Большой Чека». Памятник расположен в 3,88 км к югу от с. Началово (Васильев, 1992, с. 18). Золотоордынское название населенного пункта не известно. Археологических исследований не проводилось.

13. Поселение «Красный». Памятник расположен в 650 м к юго-западу от бэровского бугра Большой Чека (Васильев, 1992, с. 19). Золотоордынское название населенного пункта не известно. Археологических исследований не проводилось.

14. Поселение и грунтовый могильник «Песчанный». Памятник расположен в 1,66 км к юго-западу от бэровского бугра Большой Чека (Васильев, 1992, с. 19). Золотоордынское название населенного пункта не известно. Археологических исследований не проводилось.

15. Поселение «Камышин». Памятник расположен в 2,1 км к югу от бэровского бугра Большой Чека (Васильев, 1992, с. 20). Золотоордынское название населенного пункта не известно. Археологических исследований не проводилось.

16. Поселение «Болдинский». Памятник расположен в 2,45 км южнее бэровского бугра Большой Чека (Васильев, 1992, с. 20). Золотоордынское название населенного пункта не известно. Археологических исследований не проводилось.

17. Поселение «Черный». Памятник расположен в 2,9 км южнее бэровского бугра Большой Чека (Васильев, 1992, с.21). Золотоордынское название населенного пункта не известно. Археологических исследований не проводилось.

18. Грунтовый могильник «Садовый». Памятник расположен в 0,5 км к югу от с. Началово (Шнайдштейн, 1980, с. 3). Археологических исследований не проводилось.

19. Поселение «Хлебный». Памятник расположен в 7,5 км к юго-западу от пос. с/з Начало, на правом берегу р. Болда (Шнайдштейн, 1980, с. 4). Золотоордынское название населенного пункта не известно. Археологических исследований не проводилось.

20. Поселение «Седой». Памятник расположен в 3 км севернее ПМК № 35 (Шнайдштейн, 1980, с. 5). Золотоордынское название населенного пункта не известно. Археологических исследований не проводилось.

21. Поселение «Татарская Башмаковка -I». Памятник расположен в 1,5 км к югу от с. Татарская Башмаковка на бэровском бугре Большой Змеиный (Шнайдштейн, 1980, с. 5). Золотоордынское название населенного пункта не известно. Археологических исследований не проводилось.

22. Поселение «Татарская Башмаковка -II». Памятник расположен в 2 км к югу от с. Татарская Башмаковка (Шнайдштейн, 1980, с. 10).Золотоордынское название населенного пункта не известно. Археологических исследований не проводилось.

23. Поселение «Кирпичный -II». Памятник расположен в 5 км к югу от с. Татарская Башмаковка (Шнайдштейн, 1980, с .9). Золотоордынское название населенного пункта не известно. Археологических исследований не проводилось.

24. Поселение «Золотой». Памятник расположен в 0,45 км к северу от с. Фунтово-I и в 3,3 км к юго-западу от с. Евпраксино (Кутуков, 1995, с. 2). Золотоордынское название населенного пункта не известно. Археологических исследований не проводилось.

25. Поселение и грунтовый могильник «Казлар-Тобе». Памятник расположен на восточной окраине с. Яксатово (Кутуков, 1995, с. 4). Золотоордынское название населенного пункта не известно. Археологических исследований не проводилось.

26. Поселение «Тимошкин». Памятник расположен в 1,9 км к юго-западу от с. Евпраксино (Кутуков, 1995, с. 5). Золотоордынское название населенного пункта не известно. Археологических исследований не проводилось.

27. Грунтовый могильник «Большой Долгий». Памятник расположен в 4,5 км к юго-востоку от с. Семибугры (Кутуков, 2005, с. 10). Археологических исследований не проводилось.

28. Городище Тумак-тюбе. Памятник расположен в 4,7 км к юго-западу от пос. Присельский, на левом берегу реки Волга. В ходе археологических раскопок были изучены погребения, хозяйственные ямы, полуземлянка с суфой, тандыром и канами (Котеньков, 1992, с. 2). Золотоордынское название населенного пункта не известно.

29. Грунтовый могильник «Касыпак-Тобе». Памятник расположен в 525 м южнее пос. Стекольный завод, на правом берегу р. Кизань (Васильев, 1992, с. 22). Археологических исследований не проводилось.

30. Грунтовый могильник «Кара-Тобе». Памятник расположен в 1,2 км к юго-востоку от с. Татарская Башмаковка, на правом берегу р.Кизань (Васильев Д.В., 1992, с.22). Археологических исследований не проводилось.

31. Грунтовый могильник «Ялан-Тобе». Памятник расположен в 1,1 км южнее пос. Стекольный завод, на правом берегу р.Кизань (Васильев, 1992, с. 23). Археологических исследований не проводилось.

32. Грунтовый могильник «Жулан-Тобе». Памятник расположен в 350 м южнее пос. Кизанский Рыбзавод, на правом берегу р.Кизань (Васильев, 1992, с. 24). Археологических исследований не проводилось.

33. Грунтовый могильник «Ажанай». Памятник расположен на юго-западной окраине пос. Присельский, на правом берегу р. Кизань (Васильев, 1992, с. 25). Археологических исследований не проводилось.

34. Грунтовый могильник «Кюзене». Памятник расположен в 1 км юго-западнее пос. Присельский, на правом берегу ерика Широкий (Васильев, 1992, с. 25). Археологических исследований не проводилось.

35. Грунтовый могильник «Промысловый». Памятник расположен в 2,7 км южнее с. Татарская Башмаковка, на левом берегу р.Волга (Васильев, 1992, с. 26). Археологических исследований не проводилось.

36. Грунтовый могильник «Бос-Тобе». Памятник расположен в 400 м юго-восточнее пос. Ассадулаево, на левом берегу р.Волга (Васильев, 1992, с. 26). Археологических исследований не проводилось.

37. Грунтовый могильник «Коц-Тобе». Памятник расположен в 260 м юго-западнее с. Татарская Башмаковка, на левом берегу р. Волга (Васильев, 1992, с. 27). Археологических исследований не проводилось.

38. Грунтовый могильник «Джидале». Памятник расположен в 2 км к юго-востоку от с. Татарская Башмаковка, на правом берегу р. Кизань (Васильев, 1992, с. 28). Археологических исследований не проводилось.

39. Грунтовый могильник «Троицкий». Памятник расположен в 1,75 км к северо-востоку от с. Иванчуг, на правом берегу р.Камыча (Юрьев, 1997, с. 1). Археологических исследований не проводилось.

Таким образом, в настоящее время нам известен 41 археологический объект золотоордынского времени (1 город, 19 поселений, 21 могильник), которые мы можем условно объединить в одну административно-территориальную единицу – микрорегион «Мошаикский улус» с центром на городище Мошаик. Несомненно, с продолжением исследований на этой территории количество археологических памятников Золотой Орды, тяготеющих к этому городищу, существенно возрастет.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев Д.В. Отчет о научно-исследовательских археологических работах в Наримановском, Икрянинском, Приволжском, Лиманском и Камызякском районах Астраханской области в 1991 г. Астрахань, 1992. Архив АГОИАМЗ, НВ 13244.

*Васильев Д.В.*Дельта Волги в XIII веке (по материалам Самосдельского городища и новых памятников, выявленных в дельте) // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Междунар. конф., посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань; Ялта, Кишинев, 2016. С. 153–155.

Гречкина, Т.Ю., Кутуков Д.В., Скисов С.Ю. Новые нумизматические материалы полевого сезона 2013 года // Астраханские краеведческие чтения. Вып. V / Отв. ред. А.А. Курапов. Астрахань: Изд-ль Сорокин Роман Васильевич, 2013. С. 96–100.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. / Отв. ред. В.И. Буганов. М.: Книжный дом Либроком», 2009. 248 с.

Ключаревская летопись. История о начале и возобновлении Астрахани, случившихся в ней бунтах, о архиереях в оной бывших, а также о воеводах, градоначальниках и губернаторах. Астрахань, 1887. 89 с.

Котеньков С.А. Отчет об археологических раскопках на городище Тумак-Тюбе Камызякского района Астраханской области в 1991 г. Т.1. Астрахань, 1992. Архив АГОИАМЗ, НВ 13304/1.

Кутуков Д.В. Отчет об археологических разведках в Приволжском районе Астраханской области в 1994 году. Астрахань, 1995. Архив АГОИАМЗ, НВ 13980/18.

Кутуков Д.В. Отчет об археологических разведках на территории Приволжского, Володарского, Икрянинского, Камызякского и Лиманского районов Астраханской области в 2004 г. Астрахань, 2005. Архив АГОИАМЗ.

Небольсин П. Очерки Волжского понизовья. СПб, 1852. 204 с.

Пантелеев С.А. Отчет об археологических разведках в приволжском районе Астраханской области в 2002 г. Астрахань, 2003. Архив ИА РАН.

Пантелеев С.А. Отчет об археологических исследованиях в Приволжском районе Астраханской области в 2004 г. Астрахань, 2005. Архив ИА РАН.

Пантелеев С.А. Об археологических исследованиях на грунтовом могильнике городища Мошаик // Научный Татарстан. 2010. № 4. С. 92–106.

Пигарев Е.М. Золотоордынский город и его округа на Нижней Волге. Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия / Материалы III Междунар. Нижневолжской археол. конф. Астрахань: ИД «Астрахан. ун-т», 2010. С. 346–351.

Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде / Отв. ред. Т.В. Николаева. М.: Наука, 1978. 135 с.

Попов П.В. К вопросу о датировке городища Мошаик // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 9. Волгоград: ВолГУ, 2008. С. 206–226.

Рябичкин Д.В. Отчет об археологических исследованиях в Астраханской области в 1999 г. Астрахань, 1999. Архив АГОИАМЗ, № НВ 15499.

Ситдиков А.Г. Отчет об археологических разведках на территории Приволжского, Камызякского и Красноярского районов Астраханской области в 2013 г. Казань, 2014. Архив ИА РАН.

Ситдиков А.Г. Отчет об археологических раскопках на городище Мошаик в Приволжском районе Астраханской области в 2011–2012 г. Казань, 2013. Архив ИА РАН.

Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые центральным статистическим комитетом министерства внутренних дел / Астраханская губерния. СПб.: Тип. Карла Вульфа, 1861. 88 с.

Труды Астраханского Губернского статистического комитета. Вып. 5. Астрахань: Губернская типография, 1877. 198 с.

Хлебников П.Х. Астрахань в старые годы. Вторая половина XVI века. СПб., 1907. 156 с.

Шнайдштейн Е.В. Отчет об археологических исследованиях в Астраханской области в 1978 г. Астрахань, 1979 . Архив АГОИАМЗ. № НВ 14499.

Шнайдштейн Е.В. Отчет об археологических разведках в Наримановском районе Астраханской области в 1979 г. Астрахань, 1980. Архив АГОИАМЗ, НВ 14493.

Шнайдштейн Е.В. Средневековый Мошаик // Материалы Четвертой краевед. конф. (часть II). Астрахань, 1992.

Шнайдштейн Е.В. Северный Прикаспий в древности. Учебное пособие. Астрахань, 1992а.

Юрьев А.Д. Отчет о научно-исследовательских археологических работах на территории Красноярского и Камызякского районов Астраханской области в 1996 году. Астрахань, 1997. Архив АГОИАМЗ, НВ 14577.

Информация об авторе:

Пигарев Евгений Михайлович, кандидат исторических наук, начальник УНАЭЦ МарГУ (Йошкар-Ола, Россия); pigarev1967@mail. ru

About the Author:

Pigarev Evgenij M., candidate of historical Sciences, head of UNEAC Mari state University (Yoshkar-Ola, Russia); pigarev1967@mail. ru

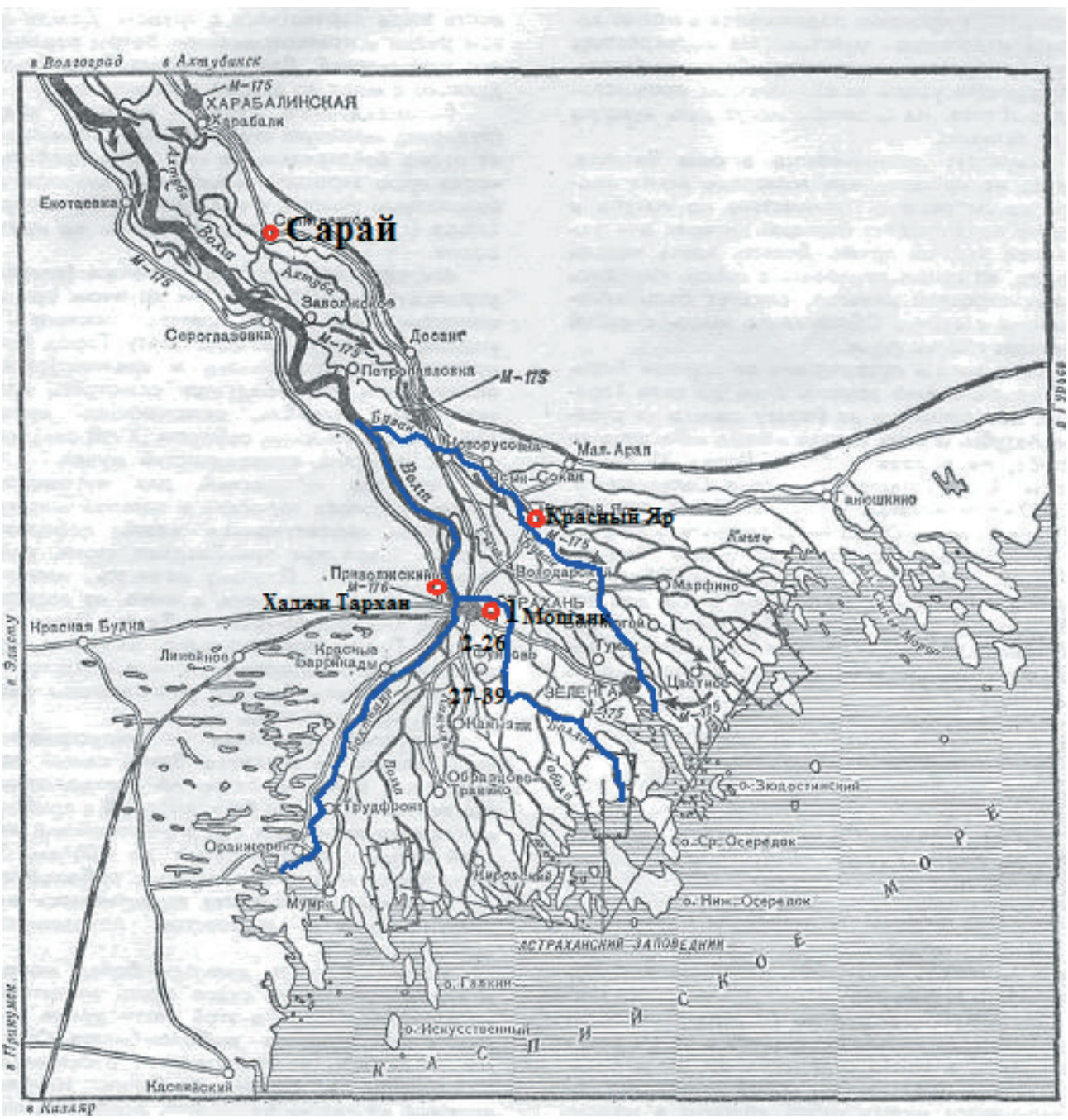


Рис.1. Схема расположения археологических памятников эпохи Золотой Орды на территории Астраханской области (выделен микрорегионМошаик (Мошаикский улус): 1 – городище Мошаик, 2 – могильник «Кан-тюбе», 3 – могильник «Мошаик», 4 – поселение «Алаучук», 5 – поселение «Барский»,6 – могильник «Касыпак-Тобе», 7 – поселение «Началовский-I», 8 – могильник «Началовский-II», 9 – могильник «Бараний», 10 – могильник «Артельный», 11 – поселение «Малый Чека», 12 -поселение «Большой Чека», 13 – поселение «Красный», 14 – Поселение имогильник «Песчанный», 15 –поселение «Камышин», 16 – поселение «Болдинский», 17 – поселение «Черный», 18 – могильник «Садовый», 19 – поселение «Хлебный», 20 – поселение «Седой», 21 – поселение «Татарская Башмаковка-I», 22 – поселение «Татарская Башмаковка-II», 23 – поселение «Кирпичный -II», 24 – поселение «Золотой», 25 – поселение и могильник «Казлар-Тобе», 26 – поселение «Тимошкин», 27 – могильник «Большой Долгий», 28 – городище Тумак-тюбе, 29 – могильник «Касыпак-Тобе», 30 – могильник «Кара-Тобе», 31 – могильник «Ялан-Тобе», 32 – могильник «Жулан-Тобе», 33 – могильник «Ажанай», 34 – могильник «Кюзене», 35 – могильник «Промысловый», 36 – могильник «Бос-Тобе», 37 – могильник «Коц-Тобе», 38 – могильник «Джидале», 39 – могильник «Троицкий».

УДК 930.2

ЭВОЛЮЦИЯ ПЕРМСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ В МНОГОВЕКОВЫХ ТРАДИЦИЯХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ И ВОЛГО-КАМЬЯ

© **А.Б. Пичугин**

EVOLUTION OF THE PERM ANIMAL STYLE IN THE CENTURIES-OLD TRADITIONS OF THE PEOPLES IN CENTRAL RUSSIA AND VOLGA-KAMA REGION

Статья посвящена Пермскому звериному стилю – одному их древнейших и богатейших культурных проявлений в истории этносов России. Рассматривается проблема его эволюционного развития, объясняется его семантика и межкультурная взаимосвязь в этнографическом и археологическом ракурсах. Автор делает попытку связать древнейшие культурные проявления раннего средневековья Евразии с этнокультурными традициями народов Центральной России и Волго-Камья.

Ключевые слова: археология, семантическая значимость, культурное проявление, христианская культура, этнография, культовые предметы, этнокультурная эволюция, торговые отношения, миграционные процессы.

The paper focuses on the Perm animal style which is the one of the most ancient and most beautiful cultural manifestations in the history of the Russia ethnoses. The issue of his emergence is considered; its semantics and cross-cultural interrelation in the historical and archaeological relations are explained. Authors do attempt to connect the most ancient cultural manifestations of the Eurasia early Middle Ages with the modern ethnocultural traditions of the Volga and the Cis-Ural regions.

Keywords: archaeology, semantic importance, cultural manifestation, christian culture, ethnography, cult objects, ethnocultural evolution, trade relations, migratory processes.

Образы пермского звериного стиля – одного из самых сложных и высокохудожественных стилей Евразии – отложили свои отпечатки в культуре индоиранских народов. Они отражают культурные традиции, основные черты идеологии и социальной направленности его носителей. Говоря о пермском зверином стиле, различают две предметные направленности в его понимании – культовые предметы, имеющие обрядовое и религиозное значение, и вещи, имеющие функцию украшений или предметов быта (более поздняя его форма). Этот яркий высокохудожественный стиль, по мнению профессора А.М. Белавина, как и другие подобные раннесредневековые направления в искусстве (Печерский и Западносибирский стили), исходит из одной культурной платформы, сформировавшейся в Предуралье в I тыс. до н.э. (Белавин, 2001, с. 20).

Основой для этой платформы на начальном этапе его существования, по мнению Л.В. Чижовой (Чижова, 1987) и В.А. Оборина (Оборин,1976, с. 16) послужил угорский компонент. Он и поспособствовал дальнейшему развитию пермского звериного стиля в Прикамье. Семантической особенностью пермского звериного стиля в период его расцвета (ломоватовская культура; Голдина,1985, с. 286, Спицин, 1902) являются космогонические образы и сюжеты, составляющие основу «трехчленного мира» – мира духов, мира людей и мира мертвых. Они представляют собой ажурные предметы мелкой металлической пластики, исполненные в технике литья с изображениеми лося, человеко-лося, ящера, водоплавающих и хищных птиц, оленя и коня, которые несут в себе глубокий сакральный смысл. Эта сакрализация прослеживается еще в ранних орнаментативных сюжетах ананьинской эпохи – круге или то, что с ним связано (как пример: круглые металлические бляшки, глиняные и костяные пряслица с изображением свернувшегося «в кольцо» животного, Оборин, 1976, с. 14). В ананьинскую эпоху круговой орнамент олицетворял собой границы «внутреннего» и «внешнего», являясь «хранилищем» личного порядка и сохранения от внешнего хаоса и разрушения.

С кругом или круглыми формами также связана семантика солнца, отражающая возрастание роли подсечного земледелия (Оборин, 1976) и женского начала (Токарев, 1992, с. 19).

Распространенным мифологическим образом в пермском зверином стиле является сюжет птицы с личиной человека на ее груди. Он, по всей видимости, олицетворяет человеческую душу и показывает общие урало-алтайские и угорские космогонические корни. Образ птицы-человека – наиболее древний в мировой мифологии. Он прослеживается в легендах, мифах, преданиях и представлениях иранской и индийской традиций. Этот образ распространен повсеместно на всей территории Евразии и относится многими исследователями к орнитоморфным идолам, которые находят свое отражение в культе птицы (Косарев, 1994, с. 188). Образ «крылатого Карса» или «небесного Карса» очень похож на образ птицы- человека и описывается в легендах народов ханты и манси. Он представляет собой мифологическую гигантскую птицу с человеческим лицом и большим клювом. Это существо, по преданиям, могло оказывать помощь человеку, а иногда, напротив, выступая в образе чудовища, разрушать целые селения (Бонгард-Левин, 1983, с. 129).

Культурные и религиозные заимствования угорских народов Западной Сибири принесены в Предуралье и Поволжье племенами ананьинской культурно-исторической общности в I тыс. до н.э. Именно эта культура воспроизвела в себе основы пермского звериного стиля.

Первыми документальными свидетельствами научного интереса к изучению проблемы на территории Прикамья являются исследования древнего некрополя вблизи с. Ананьино, произведенные управляющим Вятской удельной конторой П.В. Алабиным, К.И. Невоструевым и И.В. Шишкиным в 1858 г. При исследовании 48 погребений могильника, Алабин в своих заметках указал на его связь со скифами и датировал эти погребения I в. н.э. В советской исторической науке о связи ананьинской общности со скифо-сарматским миром писали такие исследователи, как В.А. Оборин (Оборин, 1976, с. 14), О.В. Данилов (Данилов, 1982), А.Х. Халиков (Халиков, 1977, табл. 1, 2). М.Ф. Обыденнова и Ф.М. Миннигулова выявили в образах копытных животных, хищных зверей, хищных и нехищных птиц ананьинской культуры (Васильев, 2002, с. 37) общие черты с искусством савроматов. Эти наблюдения говорят о тесных контактах населения Прикамья с племенами скифского мира. Помимо этого, наличие среди ананьинских артефактов предметов ближневосточного и греческого происхождения говорит о тесных торговых связях с Причерноморьем и Кавказом. Благодаря этим связям, ананьинское бронзолитейное производство было известно далеко за пределами своего региона. Например, бронзовые кельты «ананьинской» работы встречаются на всей территории Западной Европы и Скандинавии (Кузьминых, 1983, с. 174).

По мнению К.И. Корепанова, под влиянием скифской культуры у ананьинской исторической общности сформировался свой местный культ волка, лося, медведя, птицы, солнца, дерева (Корепанов,1990, с. 109). Это влияние у них прослеживается во многих изделиях мелкой пластики, керамики и изделиях из кости (Ашихмина, 2006, с. 24). В эпоху ананьинской культуры, по мнению многих исследователей, появились значительные изменения в организации общества (Збруева, 1954, с. 150; Голдина, 2004, с. 195,). В это время в регионе возникают имущественные расслоения, которые начинают напоминать «военную демократию», при которой сформировался класс элиты или дружины военачальников.

Стилистической основой для сюжетов и образов пермского звериного стиля, послужил, по мнению О.В. Данилова, культ коня и оленя, олицетворявших солнце. Причем этот культ складывался у ананьинцев под влиянием индоиранских народов. Между тем, В.А. Оборин полагал, что большинство сюжетов в ананьинком искусстве зародилось на местной основе (Оборин,1976, с. 31). К ним можно отнести сюжеты птицы с личиной на груди и водоплавающей птицы. Появление культа коня в Волго-Камье можно объяснить большой значимостью этого животного в хозяйственной жизни ананьинских племен. В дальнейшем эти сюжеты послужили культурной и этнографической особенностью в прикладном и ювелирном искусстве средневековой Северо-Восточной Руси и Волжской Булгарии (Белорыбкин, 2006, с. 418). Так, металлическая пластика с изображениями птицы и лошади была очень популярна как на Руси, так и в Булгарии. Это подтверждается найденными археологами на территориях Волжской Булгарии (Хлебникова, 1963), и Северо-Восточной Руси (Рябинин, 1981, с.48.) мастерских по производству зооморфных украшений. В этих регионах пермский звериный стиль, бытовавший на территории Евразии в эпоху раннего железа,

«затухает», не находя своего продолжения. По всей видимости, древние и более сложные финно-угорские космогонизмы (ящеры, человеко-ящеры, медведи и т.д), прослеживающиеся в родовых общинах, не находят себя в феодальных обществах Центральной Европы. Происходит их дальнейшая унификация. Северорусская и финно-угорская металлическая пластика ограничивается лишь несколькими животными образами – конем и птицей (Рябинин,1981, с. 59).

Таким образом, в изделиях металлической пластики Восточной Европы прослеживается тенденция одночастных композиций. Такие изделия являются явным доказательством процесса эволюции и трансформации семантических образов, несущих в себе историческую и культурологическую основы. По ним можно проследить некоторую культурную взаимосвязь этносов Прикамьмя с чудью Приладожья, длившуюся на протяжении X–XII вв. (Рябинин, 1981, с. 59).

В этнографическом аспекте общие черты культурного влияния пермского звериного стиля на регионы центральной России проявляются в народной вышивке северорусских вышивальщиц, о чем упоминает В.А. Городцов (Городцов, 1926, с. 9). В частности, он делает акцент на общий для многих культур символизм птицы, дерева, солнца, воды и женщины. Семантическая значимость женщины прослеживается во всех культурах с глубокой древности. Персонаж женщины в культуре славян – частое явление. Он прослеживается в народной вышивке и может переходить из образа в образ. Символизм женщины с жестами адорации может переходить в композицию креста или храма. В данном случае общие черты храма как места для оберега нуждающихся в покаянии душ и женщины, раскинувшей руки, оберегающей или держащей узду всадников – суть одно и то же и являет собой пережитки язычества, которые по всей вероятности влились в христианскую культуру Северо-Восточной Руси не без участия пермского звериного стиля. Роль женщины как одной из важнейших составляющих древнего финно-угорского мира, прослеживается и в археологических материалах Рождественского V и VI могильников, где богатые захоронения женщин-литейщиц наглядно показывают их высокий социальный статус (Старостин, 2009, с. 9). Мотив «двуглавого животного», который присутствует в семантике пермского звериного стиля, также нашел свое отражение в русской народной вышивке, а археолог Б.А. Литвинский, изучая истоки изображений «божественных близнецов» Средней Азии, находит их в тагарском и таштыкском искусстве Южной Сибири (Литвинский, 1978, с. 117). Коньковые привески или парные протомы известны в раннесредневековой культуре Хазарии, по мнению Г.Г. Король, «как элемент особой группы салтовских древностей, возможно имеющий тюркский компонент в своем составе» (Король, 2007, с. 198). Проблему, отражающую синтез славянских и финно-угорских культурных элементов, наиболее полно и глубоко описал в своей книге «Зооморфные украшения древней Руси X–XIV вв. Е.А. Рябинин (Рябинин, 1981).

Как было отмечено выше, унификация пермского звериного стиля перешла в зооморфный стиль с ограниченным числом сакрализации животных. Образ птицы вместо «культового» стал популяризованным. Этот образ нес одинаковый сакральный смысл среди племен муромы, мари и мокши, а образ водоплавающей птицы нашел себя в золотых и серебряных украшениях булгарского ювелирного искусства – желудевидных височных подвесках (Руденко, 2011, с. 220) и может говорить о продолжении древних традиций пермского звериного стиля только в несколько другом, измененном виде (Пичугин, 2011, с. 151). В связи с этим будет уместным провести общие черты между подвесками «уточками», опубликованными Ооориным (Оборин, 1976, табл. 16а; Пермская область, датировка V–VI вв. н.э.) и Рябининым (Рябинин, 1981, с. 115, табл. XVIII, тип 1; Приладожье, датировка XI в.), где несмотря на широкую географию их локализации и существенной разницы в датировке, улавливаются их общие черты.

Таким образом, Пермский звериный стиль можно считать одним из основополагающих проявлений в формировании культуры этносов Евразии. Трехчленное деление мира и выделение в них сакрально-космогонических образов было распространено на обширных территориях Западной Сибири, Предуралья и Поволжья. Со временем под воздействием псевдофеодальных обществ перешедший за Урал пермский звериный стиль не находит здесь в первозданном виде своего будущего. Происходит его упразднение, которое в дальнейшем изменит свое назначение и смысловой посыл с культового и ритуального на повседневный и традиционный. Следы этой унификации прослеживаются в этнографии народов коми, удмуртов, мордвы, мари, татар

и доходят до региона Костромского Поволжья. Они раскрывают лакуны межкультурных традиций Российского государства. Более обширное и детальное изучение проблемы пермского звериного стиля как одного из главных сателлитов в эволюции традиций народов Поволжья, Предуралья и Восточной Европы, предполагает выявление новых взаимосвязей между их прошлым и настоящим.

ЛИТЕРАТУРА

Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А. Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тысячелетие до н.э.). Ижевск, 2006. 220 с.

Бонгард-Левин Г.М. , Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. М.: Изд-во «Мысль», 1983. 206 с.

Городцов В.А. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве // Тр. ГИМ. Вып. I. М., 1926. 32 с.

Белавин А.М. Об этнической принадлежности Пермского средневекового звериного стиля // Тр. КААЭЭ. Вып. 1–2. Пермь, 2001. С. 14–24.

Белорыбкин Г.Н., Зеленцова О.В. Восточнофинские племена Среднего Поволжья. Мордва и Волжская Булгария // История татар с древнейших времен (в семи томах). Том II. Волжская Булгария и Великая степь / Ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Изд-во «РухИЛ». 2006. 959 с.

Васильев С.А. Искусство древнего населения Волго-Камья в ананьинскую эпоху (истоки и формирования). Дис… канд. ист. наук. СПб., 2002. 530 с.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Изд-во «Удмуртский ун-т». 2004. 422 с.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Иркутск, 1985. 286 с.

Данилов О.В. Культ солнца у ананьинцев // Вопросы этнической истории в первобытную эпоху. Йошкар-Ола, 1982. С. 59–61.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху// МИА. 1952. № 30. 326 с.

Король Г.Г. Северокавказский всадник на парных конях: истоки иконографии и семантика // КСИА. 2007. Вып. 221. С. 194–204.

Корепанов К.И. О факторах формирования ананьинского искусства звериного стиля // Взаимодействие древних культур. Пермь. 1990. С. 106–111.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. Человек и природная среда. М.: Наука, 1984. 303 с.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза) / Отв. ред. Е.Н. Черных. М.: Наука, 1983. 258 с.

Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М.: Наука, 1978. 216 с.

Оборин В.А. Древнее искусство народов Прикамья. Пермь, 1976. 190 с.

Пичугин А.Б. Ислам как фактор формирования государственности Волжской Булгарии // Вестник Казан. технол. ун-та. 2011. Т.14. № 24. С. 151–152.

Руденко К.А. Булгарское золото: филигранные височные подвески. Древности Биляра. Том I. Казань: Заман, 2011. 256 с.

Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. / Отв. ред. А.Н. Кирпичников. Л.: Наука, 1981. 125 с.

Спицын А.А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. СПб.: Тип. Безобразова и Ко. 1902. 150 с.

Старостин П.Н. Рождественский V могильник / Отв. ред. Д.Г. Бугров. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. 144 с.

Токарев С.А. Мифы народов мира. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1992. 719 с.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа / Отв. ред. А.В. Иванов. М.: Наука, 1977. 266 с.

Хлебникова Т.А. Основные производства волжских болгар периода X – начала XIII вв. Дис. ... канд. ист. наук // Архив ИА РАН. Фонд Р-2. № 1918. М., 1963.

Чижова Л.В. Культовое литье лесной полосы Евразии в системе анимистических представлений угро-самодийцев // Новые археологические исследования на территории Урала / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Удмурт. ун-т, 1987. С. 121–134.

Информация об авторе:

Пичугин Андрей Борисович, соискатель, Казанский национальный исследовательский технологический университет; магистрант Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); p_andre76@mal.ru

Information about the author:

Pichugin Andrei B., applicant, Kazan national research technological University; graduate student of the Udmurt state University (Izhevsk, Russia); p_andre76@mal.ru

УДК 902.62

СТРАТИГРАФИЯ ОСТОЛОПОВСКОГО СЕЛИЩА XI – XII ВВ. В АЛЕКСЕЕВСКОМ РАЙОНЕ ТАТАРСТАНА

© К.А. Руденко

STRATIGRAPHY OF THE OSTOLOPOVO SETTLEMENT OF THE XI – XII CENTURIES IN ALEKSEEVSKY DISTRICT OF TATARSTAN

Статья посвящена хронологии Остолоповского селища в Алексеевском районе Республики Татарстан. Культурный слой селища датируется началом XI – второй половиной XII в. Для датировки были использованы аналогичные артефакты из поселений Волжской Булгарии и хронологических разработок материалов Древней Руси, нумизматические находки из культурного слоя, радиоуглеродный анализ C_{14}. Было установлено, что культурный слой сформировался на черноземе (погребенная почва), который прослеживается практически на всех раскопах. Выделено 5 слоев: слой I: XX в.; слой II: первая – вторая треть XII века; слой IIIп (третий поздний): вторая половина XI века – начало XII в.; слой IIIр (третий ранний): начало XI в. – первая половина XI в.; слой IV: рубеж X – XI – начало XI вв.; слой V: погребенная почва. Слой IV: это верхний горизонт слоя V. Наиболее мощные отложения III слоя. Они разделяются на два из-за произошедшего ближе к середине XI в. пожара (или пожаров), от которого пострадали многие усадьбы селища. Этот слой наиболее представителен в западной части поселения. В восточной части он прослеживается участками. В восточной части поселения основные отложения относятся ко II слою. В конце XI – начале XII вв. селище было практически полностью разорено, а немалая часть жителей погибла. Спустя какое-то время жизнь на поселении возобновилась. В этот период сформировался II стратиграфический слой. К концу XII в., а может быть и чуть раньше, селище угасло. После этого данное место не обживалось и не распахивалось, что сохранило сформировавшийся культурный слой без существенных повреждений.

Ключевые слова: археология, Волжская Булгария, стратиграфия, культурный слой, средневековая хронология, нумизматика, арабские монеты, селище, поливная керамика.

The article addresses chronology of the Ostolopovo settlement in Alekseevsky District of Tatarstan Republic. The occupation layer is dated back to the beginning XI – second half XII centuries. Similar artefacts from settlements of Volga Bulgaria and chronological workings out of materials of Ancient Russia, numismatical finds from an occupation layer, radio carbon analysis C14 have been used for dating. It has been established that the occupation layer was formed on chernozem (buried soil) which was traced practically on all excavation. 5 layers were allocated: a layer I: the XX century; a layer II: the first - second third XII centuries; layer IIIп (the third late): second half XI centuries - the beginning of XII century; layer IIIp (the third early): the beginning of XI century - first half XI centuries; a layer IV: boundary X - XI centuries - the beginning of XI century; a layer V: buried soil. A layer IV: it is the top horizon of a layer V. The most extensive thickness is characteristic of the layer III deposits. They are divided into two sub-layers because of dangerous event – fire (or fires) which took place in the middle of XI century, from which many manors of the settlement have suffered. This layer is most representative in the western part of the settlement. In eastern part of the settlement the basic cultural deposits have been concerned to the layer II. At the end of XI – the beginning of XII century the settlement was ruined almost completely, and the considerable part of inhabitants was lost. After any time life on settlement has renewed. During this period it was generated II stratigraphy a layer. By the end of XII century, and can be and hardly earlier Settlement has died away. After that this place did not grow roots and did not swing open that has kept the generated occupation layer without essential damages.

Keywords: archaeology, Volga Bulgaria, stratigraphy, an occupation layer, medieval chronology, numismatics, Arabian coins, settlement, glazed ceramics.

Селище расположено в 2,5 км к востоку от с. Речное (Остолопово) в левобережье р. Кама, на берегу водохранилища. Оно занимает останец коренной террасы, вытянутый в направлении ССВ – ЮЮЗ. С юга оно отделено от берега глубоким подтопленным оврагом; с запада, северо-запада и северо-востока затопленная водохранилищем пойма р. Шентал-

ки. Территория памятника интенсивно разрушается водами водохранилища (рис. 1: *А*).

Известное с XIX в., селище было археологически описано и зафиксировано в 1965 г. Т.А. Хлебниковой, а в 1969 г. ей же на нем были проведены небольшие раскопки. С 1997 г. стационарные исследования на селище проводит К.А. Руденко, в результате которых за период 1997–2011 гг. было вскрыто свыше 900 кв. м. площади (Руденко, 2012). Мощность культурных отложений на селище вне сооружений не превышает 70 см и составляет в среднем 50–60 см. Особенно важна стратиграфия этого памятника, которая в силу ряда особенностей его существования имеет четкое деление на слои (Руденко, 2012, с. 137, рис. 2: 3,4; 2015а, с. 139–144), что отличает Остолоповское селище от исследованных на сегодняшний день булгарских селищ (Казаков, 1991, с. 27). Отмечалось, что стратификация культурного слоя селища обусловлена как естественным ростом культурных отложений, так и несколькими скачкообразными периодами интенсивного слоеобразования, связанные с пожарами и военным разгромом поселения, в результате которых большинство построек сгорело или было разрушено.

Разнообразный вещевой материал, встреченный в этих слоях, позволяет надежно датировать их. Опорой в этом случае являются редкие для булгарских селищ артефакты, к числу которых относятся привозные предметы, монеты (для периода XI–XII вв. на булгарских памятниках находка не частая), а также фрагменты поливной импортной посуды (Руденко, 2016, с. 1472–1486). Использованы и данные датирования по углероду C_{14}. При определении датирующих артефактов мы исходили не только из общепризнанной хронологии средневековых древностей Восточной Европы с современными коррективами, прежде всего, новгородских, а также из тех возможностей, которые дают локальные хронологические шкалы, например, по погребальным комплексам Среднего Предуралья (Крыласова, 2007), и узко датированные закрытые комплексы с булгарских памятников, синхронных Остолоповскому селищу (Руденко, 2015).

Первой описала стратиграфию селища Т.А. Хлебникова. Ей было выделено четыре стратиграфических слоя[1], отличавшихся по цвету и плотности. *Первый слой* – дерн, *второй* – темно-серая плотная супесь мощностью от 8 до 35–40 см без сооружений, в нем найдены наконечник стрелы, скоба, край медного сосуда и два глиняных прясла[2]; *третий* – светло-серая рыхлая супесь от 12 до 40 см вне ям и 60–80 см мощности в заполнении ям, в этом слое обнаружены железные ключи, ножи, обломки навесных замков, бронзовая пластина и бусы, в нижнем горизонте более плотном по структуре найдены шиферные и глиняное прясла, ножи, обломок жернова; *четвертый* – плотный, более темный, бурого оттенка с органическими остатками, супесчаный- суглинистый грунт – переработка подстилающего культурный слой получернозема (Хлебникова, 1969, л. 10,11). Последний слой, вне объектов, был прослежен Т.А. Хлебниковой лишь местами (Хлебникова, 1974, с. 59).

Отметим, что раскопом Т.А. Хлебниковой, располагавшимся на краю обрыва в средней части юго-юго-восточной части острова, был исследован не участок селища со «спокойной стратиграфией», а место где было жилище и располагалась хозяйственная постройка (Хлебникова, 1969, л. 6). На дне ямы 1, которую Т.А. Хлебникова считала самой ранней, было найдено проволочное серебряное височное кольцо в полтора оборота (рис. 1: 8) (Хлебникова, 1969, л. 13). В целом заполнение этой ямы, как и других объектов, исследованных в 1990-х годах на 2/3 состояло из светло-серой супеси (Хлебникова, 1969, л. 7), судя по аналогичному заполнению на раскопе II 1997 г., это зола и кухонные остатки, что и отмечала Т.А. Хлебникова, называя их сбросовыми. Судя по отчету практически все индивидуальные находки были привязаны к постройке и хозяйственной яме. Так, на дне жилища были найдены, кроме фрагментов керамики, железный нож, обломки жернова и три глиняных прясла (рис. 1: 12,13,14). Над ними в «сбросе из обожженной глины» найдены: железная скоба, ключ от навесного замка, наконечник стрелы, кусок жернова, две

[1] В отчете Т.А. Хлебникова рассматривала три слоя: I слой (1– 2 штык: мощность 35–40 см) плотная супесь темно-серого цвета; II слой – светло-серая рыхлая, белесая супесь (3 штык: мощность от 12 до 40 см); III слой – темно-серая супесь – погребенная почва (4–5 штык) (Хлебникова, 1969, лл. 10–11).

[2] В публикации (Хлебникова, 1974, с. 60, прим. 9) указано местонахождение находок: археологический кабинет Казанского ИЯЛИ КФАН СССР (сейчас Институт археологии АН РТ), полевой шифр: Ост–V–69. Однако в 1997 г., когда были возобновлены раскопки на селище, и в последующие годы обнаружить эту коллекцию в фондохранилище ИЯЛИ не удалось.

бусины (рис.1: 1,4), шиферное биконическое прясло (рис.1: 15) (Хлебникова, 1969, л. 13).

По мнению исследовательницы, все отложения культурного слоя датируются X–XI вв. с возможностью конца IX – начала X в., а дневной уровень ямы 1 – началом X в. (Хлебникова, 1974, с. 59, 60, рис. 1; Хлебникова, Казаков, 1976, с. 126). Она писала: «Речь идет о датировке поселения в целом, так как датирующие вещи происходят по сути из всех трех стратиграфически различающихся напластований культурного слоя. <...> Содержание самого нижнего из них будет показательно для периода возникновения поселения, а вышележащие материалы относятся уже к последующему периоду его жизни» (Хлебникова, 1984, с. 82).

Основанием для такой датировки послужили 1) бусы: восьмигранная призматическая кремниевая[3] (рис.1: 2); мозаичная шаровидная глухого стекла (рис. 1: 4); рифленая зеленоватого стекла (рис. 1: 3); 2) железные наконечники стрел: черешковые – ромбические (рис. 1: 10) VIII–XIV вв. и «пламевидные» (?) или клиновидные (рис. 1: 11), тип 71, по А.Ф. Медведеву бытовавшие в VIII – половине XI в, наиболее часто встречаются в IX–X вв. (Хлебникова, 1984, с. 81, 82); 3) бронзовый наконечник ремня (рис. 1: 6); 4) серебряное височное кольцо диаметром 3 см в 1,5 оборота[4] (рис. 1: 8); 5) шиферные прясла (рис. 1: 9, 15), в том числе и с диаметром отверстия в 8,5 мм[5]; 6) цилиндрический, «болгарского типа» замок (Хлебникова, 1984, с. 81); 7) фрагмент поливного сосуда красноглиняного теста с гравировкой по белому ангобу с желтой поливой (Хлебникова, 1974, с. 60). Узкая дата существования этого селища была подчеркнута исследователем и в более поздней публикации, хотя и без детальной аргументации (Хлебникова, 1984, с. 75).

При этом в публикациях второй половины 1970-х годов, в частности в совместной с Е.П. Казаковым статье, основной аргумент в ранней датировке этого селища является уже керамический материал. По мнению Т.А. Хлебниковой в яме 4 раскопа 1969 г. найденные фрагменты керамики аналогичны погребальной посуде Танкеевского могильника IX–X вв. и «рифленой» керамике салтовского типа X в. (Хлебникова, Казаков, 1976, с. 126). Однако датировки по керамике для этого памятника не подтвердилось.

Основной комплекс датирующих находок из раскопок Т.А. Хлебниковой, привлекая имеющиеся на сегодняшний день аналогии, относится к концу X – началу XI в.: 1) бусы каменные и стеклянные бытуют на булгарских памятниках в основном в конце X – первой половине XI в.; позднюю дату (XI в.) позволяет предположить находка мозаичной бусины, встречающихся на булгарских памятниках региона с XI–XII вв.; 2) наконечники стрел указанных типов ранее XI в. на булгарских поселениях не встречаются (Руденко, 2010); 3) бронзовый наконечник ремня относится к поздним типам такого рода украшений, практически утратившим декоративные характеристики предшествующего времени и может быть датирован концом X – первой половиной XI в.; 4) проволочные височные кольца закрученные в несколько оборотов бытуют до начала XIII в.; 5) шиферные прясла с отверстием большого диаметра встречаются весь домонгольский период; 6) одноцилиндровые замки «болгарского типа» использовались преимущественно в XI–XII вв. 7) поливная керамика на булгарских памятниках встречается с конца X в., но чаще в XI–XII вв.

Сами по себе стратиграфические наблюдения Т.А. Хлебниковой не вызвали особых дискуссий, однако, по поводу ранней даты возникновения поселения были возражения. В начале 1990-х годов Е.П. Казаков высказал мнение, что Остолоповское селище возникло во второй половине X – начале XI в., правда, не делая ссылок на конкретные артефакты (Казаков, 1991, с. 161), тем самым скорректировав свою позицию, обозначенную в совместной статье с Т.А. Хлебниковой (1976 г.). Датировка Е.П. Казакова оказалось в целом верной.

Стратиграфическая картина, описанная Т.А. Хлебниковой, отражает структуру культурных отложений в районе функционирования жилой постройки (соор. 1 по Отчету: Хлебникова, 1969, л. 30) и расположенных рядом хозяйственных построек, которые, собственно, и попали в ее раскоп (отсюда и отмеченное ей распределение находок по слоям), однако, основные наблюдения ученого и подтвердились последующими исследованиями. Отметим только, что слой светло-

[3] В публикации 1976 г. она названа яшмовой (Хлебникова, Казаков, 1976, с. 126); полевой шифр: Ост–V– 69/ 1283.

[4] Полевой шифр: Ост–V– 69/ 569 (Хлебникова, Казаков, 1976, с. 127, прим. 106).

[5] В данном случае, Т.А. Хлебникова косвенно ссылается на разработки В.А. Мальм по шиферным пряслам, где она утверждала, что прясла с диаметром отверстия в 6–8 мм наиболее ранние (Мальм, 1971, с. 197–206).

серой рыхлой супеси (Хлебникова, 1984, с. 82, табл. 6) – это сброс золы и кухонных остатков и он является частным случаем конкретного участка поселения не имеет соответствий в общей стратиграфии памятника. Это учитывала и сама Тамара Александровна, сделав акцент на донное заполнение самой ранней ямы и на IV слое – переработанной почвы (Хлебникова, 1974, с. 59–60).

В ходе исследований мы выделили в отдельный слой погребенную почву (V слой). На раскопе Т.А. Хлебниковой он был переработан и фактически не фиксировался. Он весьма мощный – местами до 60 см, кроме того, в верхнем горизонте его иногда обнаруживаются артефакты, «затоптанные» в древности или попавшие сюда через норы грызунов. В целом стратиграфическая картина на раскопах в разных частях селища оказалась несколько сложнее, чем это представлялось изначально, прежде всего, за счет многочисленных прослоек и линз, особенно на тех участках, где были выбросы золы, кухонных остатков и т.п.

Стратиграфия (рис. 2), зафиксированная на раскопах 1997–2009 гг. следующая: первый слой – дерн 5–7 см.; второй слой – темно-серая супесь 12–27 см.; третий слой – серая рыхлая супесь 12–40 см.; четвертый слой – светло-серая с буроватым оттенком присутствует чаще всего в раскопах западного побережья (фиксируется, как правило, в местах сброса кухонных остатков) или серо-буроватая супесь 10–20 см.; пятый слой – темно-серая с коричневатым оттенком суглинисто-супесчаная почва – погребенный чернозем до 60 см. Он стабильно прослеживается практически на всех участках.

В зависимости от конкретного участка поселения стратиграфическая картина варьируется, что хорошо видно по приведенным профилям раскопа VII (рис. 1; 2). Большая часть территории поселения к концу XI в. здесь превратилась в пустошь, поэтому участки слоя III здесь прослеживаются неравномерно, а где-то и отсутствуют вовсе (рис. 2: 3). Отметим, что близ построек наблюдается изменение цветности и иногда даже структуры V слоя, чаще всего при сохранении древнего микрорельефа (рис. 2: 2). Наличие любой постройки сильно влияет на соотношение мощности основных слоев, а также появления различных прослоек и линз, связанных, как правило, с перестройками или строительством / строительными горизонтами (Руденко, 2012, с. 128, рис. 2: 4). Впрочем, встречаются и участки «спокойной стратиграфии», чаще всего в раскопах на восточном побережье (Руденко, 2012, с. 128, рис.2: 2).

СЛОЙ 1 – XX – начало XXI в. Дерн и поддерновый слой мощностью до 10 см, фиксирующийся до глубины 5–7 см от поверхности, отмечен на всем памятнике. В этих напластованиях встречается в незначительном количестве современный мусор: битое бутылочное стекло, мелкие современные или советские монеты, железные гвозди, куски пластика и т.п.; очень редко – фрагменты керамики, гвозди, кирпич XIX – начала XX в.

СЛОЙ 2, **первая – вторая треть XII в.** Темно-серая плотная супесь, отложившаяся на глубине от 12 до 27 см от современной поверхности. Он отмечен практически на всей территории памятника, однако, если на восточном побережье он откладывался стабильно и достаточно равномерно, то на западном побережье он фиксируется участками, чередуясь с многочисленными линзами и прослойками (рис. 2: 2) образовавшимися при сбросе мусора и разборке старых построек. Слой можно датировать следующими находками. На раскопе XII в этом слое найдены крупные фрагменты от медных котлов и чаш, которые изготавливались в XII в. Из других предметов отметим овальные двулезвийные кресала (рис. 3: 2), широко бытовавшие с XII в. в Восточной Европе, хотя и появляются они в Прикамье в конце XI в. (Крыласова, 2007, с. 159). Также в этом слое выявлены фрагменты корпусов и пружинных механизмовотнавесныхцилиндрическихзамков (рис. 4: 5, 6) типа Б по Б.А. Колчину, появившиеся в Новгороде во второй половине XI в. (Кудрявцев, 2012, с. 121), но получившие широкое распространение в XII в. Часть навесных замков и ключей (раскоп XVIII, уч. 13, № 26, – 43 см от 0) (Руденко, 2009, с. 340, рис.16–11; 2015а, с. 141, рис. 4: 14) из этого слоя относится к типу В по Б.А. Колчину, датированных со второй половины XII в. (Кудрявцев, 2012, с. 124, табл.).

Не противоречат дате большинства изделий этого слоя железные детали и украшения конской упряжи, булгарские реплики аскизских изделий (рис. 3: 3, 4, 5; 5: 1, 5), например, пряжка аскизского типа (раскоп XVIII, уч.4, – 26 см от 0) (Руденко, 2009, с. 339, рис. 15: 3), датированные XII в. (Руденко, 2001, с. 76). В целом с селища происходит выразительный комплекс изделий, опубликованный нами ранее (Руденко, 2001, с. 51, 98, рис. 12: 1–12). Причем в подъемном материале были обнару-

жены и собственно аскизские изделия (Руденко, 2001, с. 98, 193, рис. 12: 11, 12; табл. XXIII: 14, 15, 16, кат. №№ 490, 492, 492).

Интерес представляют железные наконечники стрел. Первый из них (рис. 5: 4) – дротовый ромбического сечения, с головкой клиновидной формы ромбического сечения, с узелковым упором (d=0,6 см); плечики вогнутые, перехват квадратного сечения (0,4 х 0,4 см), черешок (L=4,5 см), круглого сечения, заострен в нижней части; общая длина 9 см, ширина 0,8 см; пропорции пера 1: 5 (раскоп III, уч. 18, – 23 см, № 24) (Руденко, 2000, с. 125, рис.45: 35; 2003, с. 388, № 550, табл. XXIX, № 550). Наиболее близкая аналогия происходит из подъемного материала с Лаишевского селища (Руденко, 2010, с. 126, табл. XXIX, № 544).

Второй наконечник стрелы (рис. 5: 2) – долотовидный дротовый круглого (d=0,5 см) и квадратного (0,8 х 0,8 см) сечений, с упором. Головка призматической формы, уплощенная (2,6 х 0,9 см), объем ее увеличивается в нижней части и уменьшается в верхней к режущей кромке, причем в нижней части уплощена с боков. Черешок круглого сечении согнут, видимо, от удара на 90^0; общая длина 7,6 см, ширина 0,8 см: пропорции 1: 4,1 (раскоп IV, уч. 2, - 29 см) (Руденко, 2003, с. 329, № 249, табл. XVI, № 249). Такие наконечники встречаются достаточно широко на булгарских памятниках в слоях XI–XII вв. (городища Сувар, Билярское, Городок) (Руденко, 2010, с. 170, табл. XVI: 247–260).

В этом слое встречаются небольшие кубические гирьки (рис. 3: 6), такие же по форме, но меньше по размеру и весу были зафиксированы и в нижележащих слоях (рис. 6: 7). Такие артефакты многочисленны на булгарских селищах второй половины X – первой половины XI в. (Казаков, 1991, с. 150, 151, рис. 48: 9–14), что, впрочем, не исключало их бытования на протяжении всего домонгольского периода.

К домонгольскому времени в целом относятся находки целых шиферных прясел и их обломков из этого слоя (рис.3: 7; 4: 3), например, на раскопе II (уч.6, - 20 см, № 1) (Руденко, 2000, с. 125, рис. 45: 39). Шиферные прясла колесовидной формы найдены и в сооружениях, дневной уровень которых относится к II слою на раскопе III (я. 1, - 142 см, № 1) и раскопе II (яма 7, -76 см) (Руденко, 2000, с. 125, рис. 45 - 38, 40). Эти артефакты в булгарских древностях датируются достаточно широко, причем, если на селищах, они в основном относятся к домонгольскому времени, то на крупных городищах, например, на Булгарском встречаются в слоях золотоордынского времени, вплоть до начала XV в. из-за длительного использования (Полубояринова, 1993, с. 34). На Болгарском городище шиферные прясла встречаются с X – первой половины XI в. и во второй половине XI – начале XIII в. (Полубояринова, 1993, с. 33). Отметим, что наиболее ранней находкой является шиферное прясло из погребения 1105 Танкеевского могильника третьей четверти X в. (Казаков, 1991, с. 153). Можно уточнить, что на селищах домонгольского времени мурзихинского микрорегиона, к которому тяготеет Остолоповское селище, шиферные прясла фиксируются с XI в. (Руденко, 2015, с. 237, 292, рис. 9: 32–36; 43: 2).

Для датировки важны фрагменты привозной поливной керамики, обнаруженные в раскопах в данном слое. Они подробно описаны в специальной статье (Руденко, 2016, № 14, 17, 18, 19), поэтому здесь мы отметим только факт их обнаружения. Это в основном фрагменты чаш или небольших кувшинчиков, скорее всего, иранского производства, датирующихся XII в. Первый – венчик чаши XI–XII вв. с подглазурной росписью с внутренней стороны (рис. 4: 7; раскоп XVII, уч. Б-5; пл. 2). Второй – фрагмент стенки сосуда кашинного теста с глухой поливой белого цвета с внутренней стороны (рис. 4: 8; раскоп XII, 2 пл., отвал). Аналогичные сосуды датируются второй половиной XII в. (Froom, 2008, p. 54–55, cat.17). Третий – фрагмент стенки кругового фаянсового сосуда кашинного теста с глухой двусторонней поливой белого цвета; с наружной стороны с пятном бирюзового цвета (рис. 4: 9; раскоп VIII, уч. 5, пл. 1). Четвертый – фрагмент придонной части кругового фаянсового сосуда кашинного теста, с глухой двусторонней поливой белого цвета; с наружной стороны с бирюзовой полосой (рис. 4: 10; раскоп VIII, уч. 9, пл. 2).

К этому слою относится дневной уровень разных сооружений как хозяйственных, так и жилых, причем последние представляли собой наземные турлучные дома с очагами, сложенными из камней и без подпола, иногда с прокаленными площадками под домом. Печи от таких построек описаны нами как очаги №№ 1 и 3 (раскоп II). К верхнему горизонту этого слоя относится прослойка III а (светло-серая рыхлая золистая супесь) к которому относятся следующие сооружения: яма 3, раскопа XII, яма 3 раскопа XVII и ямы 1, 2, 3, 4 раскопа XX. Заполнение котлованов этих

сооружений (чаще всего сбросовое) происходило в середине, третьей четверти XII в.

СЛОЙ 3п (третий поздний); **вторая половина XI – начало XII в**. серая супесь, а также на раскопах в западной части зафиксирована прослойка светло-серой рыхлой супеси (прослойка III а). Наиболее четко зафиксирован на раскопах XVII–XXI, но практически не прослеживается на восточном и юго-восточном побережье. Для этого слоя характерны предметы быта (напр., глиняные прясла (рис. 4: 2), обломки ножей, фрагменты медной посуды) и вооружения, в числе которых железные наконечники стрел (рис. 4: 4), колчанные крючки, а также клад свинцовых конусов (рис. 4: 1) и обрубленных кусочков свинца (Руденко, 2012, с. 134, рис. 8: 11, 13; 2015а, с. 141, рис. 4: 15,16). Помимо этого, к данному слою можно отнести и находки нескольких кусочков рубленого серебра и фрагменты серебряных изделий из ювелирной мастерской (Руденко, 2012, с. 134, рис. 8: 4, 5).

К этому слою можно отнести дневной уровень (33–47 см) следующих сооружений: постройка 1 и яма 1 раскопа I; очаг 2 и ямы 1, 2, 3, 5, 6, 7, 9 раскопа II; ямы 1, 3, 4, 5, 6 раскопа IV; яма 1 раскопа VI; яма 2 раскопа VII; яма 1 раскопа VIII; ямы 1 и 2 раскопа XII; ямы 1, 2, 3, 4 раскопа XVI; ямы 4, 5, 6 раскопа XVIII; яма 2 раскопа XXI. Заполнение ям происходило на рубеже XI–XII – первой половине XII в. (предположительно на протяжении 70-х гг. XI – 40-х гг. XII в.). Не рассматривая подробно находки из этих объектов, отметим некоторые из них, дающие достаточно узкие датировки.

Материалы раскопа I, в том числе находки из ямы 1 опубликованы (Руденко, 2002, с. 36, 50, рис.). Из датирующих предметов из этой постройки отметим железный ключ от навесного замка типа В по Б.А. Колчину, бытовавший с XII в. Из ямы 1 раскопа XVI происходит донная часть стеклянного сосуда (рис. 5: 6) по результатам спектрального анализа, отнесенного к классу Na_2– O– CaO– SiO_2 (Столярова, 2008, с. 274, табл. 1). По аналогиям он может быть отнесен к достаточно большой группе миниатюрных сосудов (флаконов – для парфюмерии) сирийско-египетского производства XII в., которые в несколько ином дизайне бытовали и в XIII в. (Carboni, 2001, p. 304, cat. № 80a). Но ближе всего по цвету и форме соответствуют остолоповской находке египетские парфюмерные сосуды XI–XII вв. (Carboni, Waitehouse, 2002, p.139, cat. № 55).

Ряд построек, относящихся к этому слою, объединяет наличие в них человеческих останков: целых скелетов (яма 5 раскопа XVIII, см.: Руденко, 2012, рис. 4: 1); частичного скелета (яма 6 раскопа X (XII), см.: Руденко, 2012, рис. 4: 2), частей человеческого скелета (постройка 1 раскопа I). Кроме того, останки еще одного индивидуума были обнаружены непосредственно в этом стратиграфическом слое (Руденко, 2011, с. 12–15; 2012, рис. 4: 3), а отдельные косточки (чаще всего фаланги пальцы рук и ног) нередко встречаются в самом слое. Ямы 5 и 6 раскопа XVIII и находки из них опубликованы (Руденко, 2010а, с. 203–206). В яме 5 были обнаружены останки трех индивидуумов: двух взрослых и одного подростка со следами тяжелых травм; погребенных заживо (Руденко, 2010а, с. 220, рис. 17; 2012, рис. 5); в яме 6 раскопа X (XII) найдены расчлененные останки взрослого человека без головы. Причем они располагались на уже отложившихся сбросах в яму, но при этом затем были перекрыты грунтом с мусором. Кости от этого индивидуума встречались на второй (5 ед.) и третьей (5 ед.) выборках, а на четвертой, где были расчищены сложенные кости скелета, уже случайно «запавший» в грунт 1 фаланга руки. В заполнении котлована постройки 1 раскопа I встречены 7 человеческих костей, вероятно, от одного костяка. Таким образом, эти артефакты фиксируются на раскопах северной и южной стороны, т. е. практически на всей территории поселения.

Очевидно, с этими событиями связано разрушение многих построек на селище, следы пожаров, сопровождавшихся гибелью домашних животных, например, собак в условиях аналогичных тем, что зафиксировано в яме 5 раскопа XVIII, полный скелет, одной из которых был обнаружен в хозяйственной яме в северной части селища. В результате пожара, хотя и без жертв, погибла постройка 1 (раскоп XVIII). Анализ угля из этого объекта на C_{14}, показал дату – 940$\pm$30 лет, а с учетом калибровки – XI – первая половина XII в. – 1020 – 1180 гг. (Руденко, 2009, с. 321, приложение 1). Таким образом, датировать данный период истории селища можно концом XI – началом XII в. (Руденко, 2009, с. 322). Данная ситуация была подтверждена и материалами раскопа XX, когда было зафиксировано перекрытие отложений этого слоя напластованиями, образовавшимися при выкиде земли (материковый суглинок и чернозем погребенной почвы) из огромных котлованов сооружений, возведенных в следующий период жизни сели-

ща и соответствующих слою II. Подробный анализ этой стратиграфической ситуации был опубликован ранее (Руденко, 2012, с. 138–140) и здесь не рассматривается.

СЛОЙ 3р (третий ранний); начало XI в. – первая половина XI в.: серая рыхлая супесь мощностью от 12 до 40 см. Наиболее значительные отложения фиксировались на юго-западной части селища. Из датирующих вещей, обнаруженных в данном слое (Руденко, 2015а, с. 143, рис. 6), отметим следующие. Фрагмент литой металлической чаши (рис. 5: 7) (3,7 х 3,4 х 0,2 см; m=9,65 г; раскоп XIX, уч. 1, пл. 3, – 47 см, № 44). Чаша была изготовлена из высокооловянистой бронзы: Ag 0,017; Al 0,38; As 0,18; Bi 0,0094; Co 0,19; Cu 76,74; Fe 0,092; Mg 0,32; Mn 0,018; Ni 0,029; P 2,05; Pb 0,21; Si 1,1; Sn 18,53; Sb 0,018; Zn 0,036 (аналитик Р.Х. Храмченкова). Состав металла близок тому, который применялся при изготовлении иранских изделий, в том числе и чаш X – первой половины XI в. (Никитина, Руденко, 1992, с. 62, табл. 1; Melikian– Chirvani, 1974, p. 148,149). Декор на сохранившейся части сосуда имеет близкие аналогии в торевтике Ирана, в частности, Герата и Нишапура XI в. (Melikian– Chirvani, 1974, p. 136, 139, fig. 17; 23; Baer, 1983, p. 102, fig. 79).

Железные навесные замки т.н. «болгарского типа» (рис. 6: 8) – одноцилиндровые с скользящей пружиной на специальном стержне, появляющиеся на булгарских памятниках с XI в. Широкое их распространение в Булгарии приходится на это столетие, однако, сильно потесненные двухцилиндровыми замками, они тем не менее в какой-то мере использовались и в XII в. На Остолоповском селище в отложениях XII в. они не встречаются.

Железные пластинки от доспеха (Руденко, 2012, с. 134, рис. 8: 1,2; 2014а, с. 47–54), вероятно, от нагрудника пластинчатого панциря имеют аналогии в материалах конца X – XI в., например, аналогичные пластины встречены на доспехе из Ак-Бешима, датированном рубежом X–XI в., а также на городище Талгар (средневековый Тальхир) (Бехтер, 2002, с. 155, рис. 6: 2; Воякин, Савельева, 1999, с. 84, рис. 1). Встречаются они или близкие им в других регионах, например, в Западном Казахстане, на Алтае, но с более широкими датировками (Кубарев, 2005, с. 106–107). Эти пластины отличаются от уже известных из Билярского городища, как и от аналогий с древнерусских памятников домонгольского времени, например, из раскопок в Гомеле, где в остатках мастерской оружейника конца XII – начала XIII в. было найдено значительное количество железных пластинок от доспехов (Лупиненко, Макушников, 2010, с. 455, рис. 1).

Долтовидный наконечник (тип Б5) дротовый, круглого (d=0,7 см) и квадратного сечений, с упором. Головка призматической (уплощенной) формы. Объем ее увеличивается в нижней части и уменьшается в верхней части (раскоп XVIII, уч. 14, № 36, – 71 см от 0) (Руденко, 2009, с. 312, 342, рис. 17: 10). Аналогичный наконечник найден на булгарском Западновойкинском городище (Руденко, 2003, с. 472, 473, табл. XV, № 246). Наконечники этого типа встречаются на булгарских памятниках не ранее XI в. (Руденко, 2010, с. 118, 119, табл. XV, XVI).

Долотовидный наконечник (рис. 5: 3) дротовый, круглого (d=0,5 см) и прямоугольного (0,6 х 0,5 см) сечений, с упором. Головка призматической формы (2 х 0,8 см), уплощенная, контур головки трапециевидный (фас) с расширением в верхней части. Режущая кромка выпуклая; шейка коническая. Длина 4,6 см, ширина 0,6 см; пропорции пера 1: 3 (Раскоп IV, уч.4, – 50 см) (Руденко, 2003, с. 338, № 288, табл. XVIII, № 288). Встречаются на памятниках Восточной Европы со второй половины XI в. (Руденко, 2010, с. 120).

Железные кубические гирьки (рис.6: 7) и разновесы, встречаются в XI – начале XII в. (Руденко, 2015, с. 235, рис. 6: 10,11,12). В X–XI вв. кубические гирьки часто встречаются с боченковидными железными гирьками в бронзовой оправе со знаками на торцовых сторонах (Руденко, 2015, с. 357, рис. 105: 66). Они в количестве 2 экз. найдены в подъемном материале на селище. Вес этих артефактов – 39,25 и 39,71 г. Аналогичные им встречаются в материалах древнерусских памятников X–XI вв., например, в псковском некрополе, где в ряде случаев они сопровождались торговым инструментарием – миниатюрными весами (погр. 57 по обряду кремации) (Малышева, 2012, с. 166–168, 246, 247, 264, табл. XXXIII: 2, 3; L–4). Бронзовые гирьки такого типа вместе с разновесами и ½ саманидского дирхема 951/2 г. найдены в камерном погребении № 5 Старовознесенского некрополя в Пскове, датированном второй половиной X в. (не ранее 952 г.) (Ершова, 2016, с. 241– 243, 253, рис. 10, прил. 3, кат. № 9). Интересно, что гирьки этого типа на порядок отличаются по весу от похожих из курганных могильников Ярославского Поволжья X–XI вв. (Недошивина, 1963, с. 72–73, табл.). В целом отмечается, что появление гирек этого типа в Северо–

Восточных землях Древней Руси относится к концу X – началу XI в. (Черепнин, 1893, с.11). Здесь они представлены на поселениях, например, в Старой Рязани и в курганных древностях Владимирской губ. (Черепнин, 1893, с. 1, табл. 1).

В этом слое найден фрагмент железного скобчатого однолезвийного кресала с бронзовой рукоятью. Аналогичное по форме кресало, только железное, происходит из погребения (жертвенного комплекса) № 80 Дубовского могильника (Никитина, 2012, с. 391, рис. 285: 5). По поясным накладкам жертвенный комплекс может быть датирован X – началом XI в. (Никитина, 2012, рис. 285: 2, 4). Отметим, что из этого же комплекса происходит пуговица (Никитина, 2012, рис. 285: 1), аналогичная пуговица найдена в этом же слое Остолоповского селища (раскоп XX).

Поливная керамика[6] из этого слоя представлена фрагментами чаш и кувшинов (Руденко, 2016, №№ 7, 9–13). Из них интерес представляют следующие. Первый – фрагмент верхней части красноглиняного сосуда (рис.7: 7; раскоп XIX, уч.1) коричневого цвета с черными полосами под прозрачной глазурью, произведенного в Мавераннахре в XI–XII вв. Второй – фрагмент стенки кругового сосуда розового теста с двусторонней подглазурной росписью (полумайолика) (рис. 7: 8; раскоп XVII, уч. А–3). На внешней стороне сосуда на коричнево-красном фоне геометрический рисунок. Относится к группе глазурованной керамики караханидского времени (конец X – XI вв.) широко распространенной в северо-восточном Иране, Мавераннахре (Watson, 2006, pp. 226, 227, Cat. № Gb.10;12; Grube, 1994, p. 91, cat. №83). Третий – фрагмент стенки кругового тонкостенного сосуда розового теста с односторонней подглазурной росписью с внутренней стороны (рис. 7: 9; раскоп XII, уч. 11). Рисунок – розетка из точек на коричневом фоне. Аналогичный декор встречен на керамике Нишапура X в. (Watson, 2006, p. 226, Cat. № Gb.11). Четвертый – фрагмент стенки кругового сосуда (рис. 7:10; раскоп XII, уч. 3), украшенный спиральными завитками. Сосуды этого типа была распространена в XI–XII в. в государстве Караханидов, включая Северо–Восточный Иран, Мавераннахр (Watson, 1994, p. 85, cat. №№ 75,76; Froom, 2008, p. 36, 37, cat. № 10; с. 118–119). Пятый – фрагмент сосуда (рис. 7: 11; раскоп IX, уч. 4; пл. 2), аналогичный предыдущему. Шестой – фрагмент венчика керамической чаши, украшенный геометрическим орнаментом (рис. 7: 12; раскоп XVII, уч. А–2; пл. 2). Близкие аналогии встречены на памятниках Восточного Ирана X–XI вв. (Watson, 2006, p. 230, cat. № Gb.15).

Из этого слоя происходит часть футляра односторонней гребенки (расчески) (раскоп XVIII) (Руденко, 2009, с. 342, рис. 17: 6). Такие гребенки были, как правило, небольшого размера, около 8–12 см в длину, и состояли из нескольких вытянутых пластин с зубьями, плотно примыкавшими друг к другу и скрепленными при помощи металлических штифтиков с двумя боковыми накладками (ширина 0,7 см), в данном случае полуовального сечения. Аналогии таким артефактам имеются в комплексах X – начала XI в. псковского некрополя, в материалах Старой Ладоги, датированных X в., курганах 422, 70, 137 Тимеревского могильника второй половины X – XI в. (Малышева, 2012, с. 274, табл. LXII: 4, 5; Старая Ладога, 2003, с. 88, 90, кат. №№ 210, 211; Фехнер, 1963, рис. 41: 10, 11, 12). По мнению М.В. Фехнер, гребни с костяными футлярами распространяются в Западной Европе, а также в Северо-Восточной Руси с середины X в. (Фехнер, 1963, с. 40).

Рассматриваемый артефакт своим дизайном отличается от северорусских и скандинавских гребенок X в., хотя и там встречаются поделки, украшенные циркульным орнаментом (Фехнер, 1963, с. 41, рис. 23: 12) и обнаруживает большую близость к находкам с древнеудмуртского городища Иднакар, обнаруженных в слоях X–XI в. (Иванова, 1998, с. 205, рис. 97: 8, 9). На булгарских памятниках такие поделки крайне редки. Наибольшее сходство обнаруживает расческа, обнаруженная на II Билярском селище (раскопки Е.А. Беговатова), которая может быть датирована второй половиной-концом X – первой половиной XI в.

Важной для датировки этого слоя является находка на раскопе IV (уч. 2, 3, над ямой № 1, инд. №1, – 62 см от «0» раскопа) в северной части селища монеты Буидов (Бувейхидов)[7], чеканеной от имени эмира Абу Талиба (387–391 / 997–1001), во время правления халифа ат-Та'и (363–381 / 973– 991) (Ал- амир ал-Умара ас-сайид Абу Талиб б. Фахр ад-давла ва-Фалак ал- Умма Миджад ад-давла – чтение П.Н. Петрова). Город и дата на этом экземпляре не видны – они на почти не сохранившейся круговой легенде, но по типу, содержанию

[6] Благодарю В.Ю. Коваля за консультацию в атрибуции фрагментов поливной керамики.

[7] Определение В.П. Лебедева и П.Н. Петрова.

легенд, по мнению В.П. Лебедева, – это город Кумм, где такие монеты чеканились в 387 / 997 г. П.Н. Петров считает, что она могла быть бита в 990/991 г. Монета весом 7,14 г. немного потерта и имеет сквозное отверстие. Последний факт может свидетельствовать об использовании ее в качестве украшения, но полностью не исключает и вероятность того, что она имела хождение в другом качестве, в том числе и денежного знака (Петров, 2012, с. 69).

Впрочем, насчет монетного обращения в Волжской Булгарии в начале XI в. с использованием дирхемов бувейхидов можно сомневаться, тем более что такие монеты на булгарских памятниках являются редкостью. Известны находки монет этой династии на Арбузовском, Старомайнинском и Головкинском селищах в Ульяновской области: целые, обрезанные (½) и с отверстиями, как правило, парными. В кладах на территории Булгарии они встречаются в исключительных случаях, отражая видимо какой-то небольшой промежуток времени их поступления в регион в конце X в. Так, например, из 1785 монет Билярского клада, зарытого на рубеже X и XI в., дирхемы Бувейхидов составляют 2,2% (39 экз.) (Беговатов, 2005, с. 31). Относительно небольшой их процент и в кладах за пределами Волжской Булгарии. Например, в Новгороде в Неревском II кладе они составляют несколько процентов (Янина, 1963). В кладе у д. Васькова Псковской области из 4662 монет бувейхидских монет – 6,2% (Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991, с. 23). Примерно такое же соотношение и в других кладах на территории Древней Руси. Из захоронений с монетами на древнерусских землях бувейхидские монеты встречены всего в двух случаях (Равдина, 1988, № 64, 204). Причем монета, аналогичная остолоповской, найдена в кургане 448 Тимеревского могильника (раскопки 1976 г.) конца X – начала XI в. с разнообразным набором вещей погребального инвентаря, в числе которых и полусферические железные гирьки в бронзовой облицовке (Равдина, 1988, с. 117). Одна бувейхидская монета, чеканеная от имени халифа ал-Мути, найдена в погребении 60 Дубовского могильника в Марийском Поволжье (Федоров-Давыдов, 1984, с. 161). Погребение дотировано X в. (Никитина, 2012, с. 73, 57–58, рис. 265–А). Одна целая с одним отверстием бувейхидская монета и половинка найдена в межмогильном пространстве Рождественского могильника X–XI вв. в Пермском крае (Вильданов, 2008, с. 537, цв. вкл. М/24). Примерно в этот же период бувейхидские монеты встречаются в Норвегии, например, в составе денежно-вещевого клада на о. Готланд у с. Фельхаген, приход Бьерке, зарытом не ранее 991 г. (Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991, с. 94, 156, № 334).

Даже если мы примем за исходную гипотезу, что монета сначала какое- то время была в обращении, а затем использовалась в качестве украшения, то можно предположить, что она была потеряна не ранее 1000–1010 гг. (например, максимальный разрыв между чеканкой монеты и ее выпадением в клад составляет промежуток в 14–17 лет (Янина, 1963, с. 288)), но с учетом использования ее в монисто или в ожерелье, то это произошло примерно в середине XI в. Монета изготовлена из сплава серебра, меди, свинца и в небольшом объеме олова (т.н. «черный дирхем») (табл. 2); кроме того, в сплаве имеются и довольно редкие примеси видимо естественного происхождения (табл. 1). По составу металла она имеет совпадения по количеству серебра и меди с отдельными монетами Бувейхидов Билярского клада (табл. 3, № 33), но также и ряд отличий в микропримесях.

Таблица 1. Состав металла монеты по данным исследований, проведенных на рентгенофлуоресцентном спектрометре (рентгено– спектральный анализ – РСА)

Элементы												примечание
Fe	**Cu**	**As**	**Se**	**Zr**	**Ag**	**Sn**	**Hf**	**Ta**	**Ir**	**Pb**	**Zn**	
0,75	31,7	4,1	0,01	0,03	31,8	1,78	0,33	0,84	0,84	27,8	–	лицевая сторона
0,22	27	4,1	0,01	0,05	40,3	1,81	0,27	1,07	0,8	28,3	0,14	оборотная сторона

Аналитик Ю.А. Подосенова

Таблица 2. Состав металла монеты по данным эмиссионного спектрального анализа – ЭСА (на ДФС– 458, МФ– 2)

Элементы																
Ag	**Cu**	**Pb**	**Sn**	**Au**	**As**	**Sb**	**Bi**	**Zn**	**Ni**	**Fe**	**Mg**	**Mn**	**P**	**Si**	**Al**	**Co**
20,06	70,18	6,95	0,047	0	0,24	0,12	0,25	0,014	0,017	0,016	0,056	0,014	1,18	0,78	0,025	0,0003

Аналитик Р.Х. Храмченкова

Таблица 3. Состав металла монет бувейхидов из Билярского клада по данным эмиссионного спектрального анализа (Беговатов, 2005, с. 42, табл. А, №№ 31,32,33,34)

№п/п	Элементы										
	Ag	**Cu**	**Pb**	**Sn**	**Au**	**As**	**Sb**	**Bi**	**Zn**	**Ni**	**cpAg**
31	47,28	47,31	4,27	0,29	0,04	0,22	0,19	0,29	0,01	0,03	
	47,08	46,93	4,67	0,47	0,04	0,19	0,18	0,28	0,01	0,05	
32	47,66	49,48	2,27	0,03	0,03	0,25	0,25	0,05	0,01	0,02	
	48,07	47,3	2,64	0,34	0,04	0,28	0,39	0,19	0,03	0,05	
33	22,28	73,22	3,21	0,02	0,29	0,45	0,27	0,16	0	0,08	
34	37,26	54,92	6,52	0,06	0,03	0,33	0,63	0,18	0,01	0,04	41,61

В любом случае, время правления халифа ат-Та'и (363–381 / 973–991) будет тем рубежом, ранее которого этот слой датирован быть не может.

Можно было бы счесть находку этого дирхема случайностью, однако такие монеты с отверстиями для подвешивания были известны с этого памятника и раньше из подъемного материала (Руденко, 2002, с. 52, рис. 7: 5) (рис. 8: 8); причем одна монета с полностью утраченной легендой была найдена в середине 2000-х годов на месте размытого жилища, близ места раскопа VI, в котором был обнаружен вышеописанный бувейхидский дирхем. Из размытого культурного слоя происходит также круглая подвеска (1,6 х 1,2 см) с одним грубо пробитым отверстием, сделанная из свинцово- оловянистого сплава с «оттиском» дирхема на лицевой стороне (рис. 8: 9).

К этому слою относятся дневные уровни (глубина –47–65 см) следующих объектов: ямы 4 и 8 раскопа II; яма 2 раскопа IV, яма 4 раскопа VI; ямы 4,5 и 6 раскопа VII; яма 3 раскопа VIII; яма 4 раскопа XII; ямы 1 (продолжение ямы 4, раскопа II); 2а и 2б раскопа XVII; яма 1 раскопа XVIII (продолжение ямы 2 раскопа XVII (2006 г.), а также ямы 2,3, того же раскопа; ямы 1–5 раскопа XIX; яма 1 раскопа XXI; яма 1 раскопа XXII.

Из этих объектов отметим яму 3 раскопа VIII, в которой был найден железный наконечник стрелы (тип Б28), дротовый, ромбического (0,6 х 0,6 см) и круглого (d=0,5 см) сечений, с упором. Головка в виде ромбической пирамиды (3,9 х 1,1 см) переходит в коническую шейку; плечики вогнутые, упор конический круглого сечения (d=0,5 см), длина 7,9 см, ширина 1 см; пропорции 1: 4 см (Руденко, 2003, с. 370, № 439, табл. XXIV, № 439). Аналогичный наконечник происходит с этого памятника из подъемного материала (Руденко, 2003, с. 481, табл. XXIV, № 439). Аналогии ему известны на памятниках второй половины X – начала XI в.; бытовали они и в XII в. (Руденко, 2010, с. 124).

Нижнюю границу возникновения объектов этого слоя маркирует находка в яме 1 раскопа XXI обломка монетовидной подвески, отлитой с оригинала серебряного дирхема X в. Время хождения таких украшений – с первой половины XI в. Отметим, что с селища из подъемного материала известно еще

две таких литых монетовидных подвески (ЛМВП). Из них одна с двумя сквозными отверстиями для крепления имеет вес 8,46 г. и изготовлена с монеты 997 г. (Лебедев и др., 2012, с. 164,167, табл. 1: 2, № 16). Отлита она из медного сплава с добавкой олова, свинца и цинка (табл. 4). При этом анализ окислов с поверхности этой ЛМВП дает иной их химический состав (табл. 5).

Таблица 4. Состав металла ЛМВП по данным эмиссионного спектрального анализа – ЭСА (на ДФС–458, МФ–2) (по: Лебедев и др., 2012, табл. 3, № 16)

элементы									
Ag	**As**	**Bi**	**Cu**	**Fe**	**P**	**Pb**	**Sn**	**Sb**	**Zn**
1,2	0,2	0,1	82,2	0,1	0,02	5,6	7,6	0,25	2,5

Таблица 5. Состав металла ЛМВП по данным исследований, проведенных на рентгено-флуоресцентном спектрометре (рентгено-спектральный анализ – РСА) (по: Лебедев и др., 2012, табл. 4, № 16)

элементы							
C	**O**	**Cu**	**Sn**	**Si**	**P**	**Fe**	**Ca**
15.8	35,2	6,4	23,8	1,1	1,1	14,9	1,7

Такие артефакты встречены на расположенном на Каме Мурзихинском селище. Состав металла этих изделий достаточно близок к остолоповским ЛМВП по соотношению элементов (Руденко, 2015, с. 142, ан. №№ 7, 10, рис. XIV: 7, 8).

Исследователи отмечают, что такие подвески, копирующие куфические дирхемы, встречаются совместно с подлинными саманидскими и бувейхидскими дирхемами X в. (что в последнем случае подтверждается материалами Остолоповского селища), впрочем, время их бытования более широкое, охватывая практически весь домонгольский период (Лебедев и др., 2012, с. 173). Однако остолоповские подвески аналогичны подобным артефактами из погребений №№ 33, 40, 82 и жертвенного комплекса (№ 82) древнемарийского Дубовского могильника (Никитина, 2012, с. 52, 53, 61, 69, 350, рис. 244; 282Б), отлитыми в одной форме (Федоров-Давыдов, 1984, с. 165, 172, №№ 40–44) и, скорее всего, время их «выпадания» синхронно с дубовскими (Лебедев и др., 2012, с. 164, табл. 1, № 16). Инвентарь этих погребальных и поминальных комплексов не выходит за рамки конца X – начала XI в.

В период первой половины XI в. (скорее всего, ближе к середине столетия) часть усадеб селища сгорела в пожаре, что зафиксировано на раскопах IV–VI. Собственно, это событие, видимо, и стало причиной структурных отличий в формировании отложений культурного слоя XI столетия, отразившихся, прежде всего, в цвете и структуре, что дает возможность разделить третий слой на поздний и ранний.

Слой III-р коррелирует с V слоем стратиграфической шкалы Булгарского городища XI – начала XIII в. и находками, содержащимися в нем (Хлебникова, 1987, с. 54–64, рис. 6), а также с III стратиграфическим слоем рубежа X – первой половины XI в. Мурзихинского селища (Руденко, 2015, с. 89). Предметный комплекс III слоя также может быть сопоставлен с отложениями Алексеевского городища и находками из него, которые можно отнести к XI–XII вв. (напр., грушевидные бронзовые пуговицы-подвески второй половины X – первой половины XI в., ключи от замков типа Б и В по Б.А. Колчину; железный наконечник стрелы XI в.), причем Т.А. Хлебникова отмечала аналогичное соотношение групп керамики Остолоповского селища и Алексеевского городища (Хлебникова, 1971, с. 161, 173, табл. II). Также уместны сопоставления со II–м уровнем планировки средней части городища Иднакар в Удмуртии, относящимся к X–XI вв. (Иванова, 2012, с. 112, рис. 1).

СЛОЙ 4, **рубеж X–XI – начало XI в.** светло-серая с буроватым оттенком присутствует чаще всего в раскопах западного побережья (фиксируется, как правило, в местах выброса кухонных остатков) или серо– буроватая супесь 10–20 см.

К этому слою относятся дневные уровни нескольких сооружений. Это яма 1 раскопа IV, заброшенная не позднее середины XI в.; яма 1 раскопа VI последняя функционировала скорее всего на рубеже X–XI в. и вторично использовалась в первой половине XI в. Также сюда относятся ямы 1а и 3 раскопа VI, а также яма 1 раскопа XIV, сооруженные в конце X – начале XI в. и заброшенные после вторичного использования в середине – второй половине XI в.

СЛОЙ 5 – темно-серая с коричневатым оттенком суглинисто– супесчаная почва – погребенный чернозем до 60 см.

Рассмотрим распространение находок из раскопов по стратиграфическим слоям в количественном отношении (были проанализированы материалы раскопов III–VIII, давшие 56 индивидуальных находок). Первый слой находок не дал. Ко второму слою относилось 16% находок, концентрировавшихся как в пестроцветных прослойках, так и в отложениях самого слоя. Причем в нижнем горизонте слоя зафиксированы находки наконечников стрел (глубина –29 см от условного 0). К слою IIIп относится 19,6% находок, равномерно распределявшихся по площади раскопов, тяготея к котлованам заброшенных построек. Преобладают здесь бытовые предметы (ножи, глиняные прясла и т.п.). На границе с IIIр слоем найдена пластина от доспеха (уч. 9 раскопа VI). К третьему раннему слою относится 17,8% находок, причем к границе слоев IIIп и IIIр (верхний горизонт слоя IIIр) тяготеют находки предметов вооружения: железных наконечников стрел и панцирных пластин, которые были обнаружены практически на одном уровне –49 и –53 см от условного 0 (Руденко, 2003, с. 133–135). В четвертом слое были сделаны единичные находки.

Описанная выше ситуация с находками в общем характерна и для других участков селища, исследованных раскопками. Вместе с тем абсолютно одинаковых стратиграфических ситуаций даже на рядом расположенных раскопах не встречено. Объясняется это особенностями функционирования отдельных участков поселения и расположенных здесь построек. Отсюда и разнообразие прослоек, линз другого цвета и структуры и проч. Так, судя по раскопам III–VIII на западном побережье, культурный слой здесь стал отлагаться в начале XI в. и связан с со строительством жилой постройки (яма 3 раскопа III). Подготовка котлована, а также рытье хозяйственных ям (№№ 1 и 4 раскопа VI) сопровождавшееся перемещением чернозема из погребенной почвы и материкового суглинка сформировали основу слоя серой супеси (слой IIIр), а также прослойки суглинистого пестроцвета в нем. Верхний горизонт серой супеси практически на всех участках раскопа содержал включения мелких угольков и перекрывался отложениями серой рыхлой супеси (за исключением участков 5, 8, 11–19 раскопа VII), также содержавшей угольки и предметы со следами огня. Судя по тому, что верхняя часть ям 2, 3 раскопа IV и ямы 5 раскопа VI была заполнена той же серой рыхлой супесью, а яма 1 раскопа IV и яма 4 раскопа VI засыпана ей полностью, то вполне очевидно, что прекращение их существования было связано с пожаром, уничтожившим деревянные конструкции.

Часть объектов на этой части селища после расчистки территории после пожара была вскоре восстановлена: стала вновь эксплуатироваться яма 1 раскопа VI и вырыта яма 1 раскопа VII. Ямы 1 и 2 раскопа VI, как и само жилище (яма 3 раскопа VII) были заброшены и стали свалками для бытовых отходов и мусора (уровень –52, –53 см), то есть в период формирования верхнего горизонта слоя IIIр. Находок в этих отложениях немного, что существенно контрастирует с вышележащими отложениями слоя IIIп. Это связано с тем, что на этой территории, превратившейся в пустошь, существенно возрастает интенсивность выброса мусора, хотя жители предпочитали более северные участки, куда выносили помимо отходов еще и золу из печей, мелкие камни из разрушенных или ремонтируемых сооружений и конструкций. Сюда же (участки 11–13 раскопа VI) попали пережженные керамические изделия из сгоревшего дома, перекрытые прослойкой суглинка.

Судя по микростратиграфии засыпанных объектов (яма 3 раскопа VII и яма 1 раскопа IV), можно понять, что в котлованы чаще всего выливались жидкие отходы, что приводило к быстрому оплыванию стенок котлованов, а также с санитарной целью эти ямы периодически засыпались землей или глиной. Вне этих помойных ям выбрасывали прочий мусор, в том числе и золу из печей домов, функционировавших на поселении в это время, но при этом его не бросали близко к забору, оставляя от 1,5 до 2 м зоны безопасности, видимо, от случайного возгорания горячих углей или золы (участки 1–4 10 раскопа VII). Подтверждает эти наблюдения и анализ массового керамического материала по категориям (лепная – по группам – и круговая посуда) и по пластам вскрытия.

Описанная выше ситуация с пожаром на конкретной усадьбе на селище сформировала определенные нюансы стратиграфической ситуации: прослойки серого пестроцвета, суглинистые выкиды из котлованов построек и т.п. сугубо индивидуальны и в абсолютно таком виде, чередовании и сочетании уже не встречаются.

Таким образом, культурный слой Остолоповского селища датируется в рамках начала XI – второй половины XII вв. Сформировался он на луговом черноземе (погребенная почва), который прослеживается практически на всех раскопах, а судя по обнажениям культурного слоя – на всем селище. Выделено 5 слоев: слой I – XX – начало XXI в.; слой II – первая – вторая треть XII в.; слой IIIп (третий поздний) – вторая половина XI – начало XII в.; слой IIIр (третий ранний) – начало XI в – первая половина XI в.; слой IV – рубеж X–XI – начало XI в.; слой V – погребенная почва. Слой IV – это по сути верхний горизонт слоя V (погребенная почва), изменивший структуру и частично цвет в результате хозяйственной деятельности на территории поселения.

Наиболее мощные отложения III слоя, который разделяется на два из-за произошедшего ближе к середине XI столетия пожара (или пожаров) от которого пострадали многие усадьбы селища. Этот слой наиболее представителен в западной части поселения; в восточной части он прослеживается участками. В восточной части поселения основные отложения относятся ко II слою, который на исследованных участках селища «ложится» непосредственно на погребенную почву. В конце XI – начале XII в., селище было практически полностью разорено. Однако спустя какое-то время жизнь здесь возобновилась, но с особой интенсивностью в восточной части, что привело к образованию II стратиграфического слоя. К концу XII в., а может быть и чуть раньше, селище угасло. После этого это место не обживалось и не распахивалось, что сохранило сформировавшийся культурный слой без существенных повреждений. Учитывая, что немалая часть селища размыта водохранилищем, то остается вопрос о времени его возникновения. Его можно отчасти решить, проанализировав подъемный материал, собранный за годы раскопок, чему будет посвящена отдельная работа.

ЛИТЕРАТУРА

Беговатов Е.А. Заметка по нумизматике Прикаспийских государств рубежа X–XI вв. (Саманиды, Симджуриды, Буиды, Зийариды // Древности Поволжья: эпоха средневековья. (Исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Материалы II Всерос. конф. / Науч. ред. К.А. Руденко. Казань: Школа, 2005. С. 3–42.

Бехтер А.В. Комплекс железных изделий объекта VIII // Суяб Ак- Бешим / Ред. М.Б. Пиотровский. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 142–156.

Вильданов Р.Ф. Монеты из раскопок на Рождественском археологическом комплексе в Карагайском районе Пермского края // Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПГУ, 2008. С. 536–542.

Воякин Д.А., Савельева Т.В. Предметы вооружения средневекового Тальхира // Проблемы древней и средневековой истории Казахстана. Материалы II Междунар. чтений по творчеству М.Х. Дулати / Отв. ред. М.К. Козыбаев. Алматы: Изд-во «Дайк– Пресс», 1999. С. 82–94.

Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К. Граффити на восточных монетах: Древняя Русь и сопредельные страны. Л.: Изд- во ЛГУ, 1991. 192 с.

Ершова Т.Е. Камерное погребение 5 // Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века: в 2 т. Т. II: Камерные погребения древнего Пскова (по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг.) у Старовознесенского монастыря). – СПб.: Нестор-История, 2016. С. 235–256.

Иванова М.Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск: УдмИИЯЛ УрО РАН, 1998. 294 с.

Иванова М.Г. Проблемы хронологического обоснования уровней планировки средней части городища Иднакар // Исследования по средневековой археологии Евразии / Ред. К.А. Руденко. Казань: РИЦ, 2012. – С. 104–112.

Казаков Е.П. Булгарское село X– XIII вв. низовий Камы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.

Крыласова Н.Б. Хронология кресал пермского Предуралья // Известия Челябинского научного центра. 2007. Вып. 1 (35). С. 157– 161.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2005. 400 с.

Кудрявцев А.А. Хронология замков и ключей средневекового Новгорода (по материалам Неревского раскопа) // РА. 2012. № 4. С. 119–124.

Лебедев В.П., Беговатов Е.А., Храмченкова Р.Х. Монетовидные литые подвески Волжской Булгарии // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 2 / Ред. И.М. Миргалеев. – Казань: ИИ АН РТ, 2012. С. 163–174.

Лупиненко Ю.М., Макушников О.А. О чешуйчатом доспехе восточнославянского ратника XII–XIII вв. (по материалам раскопок в Гомеле) // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. В 2-х тт. Том I / Ред. Е.Н. Носов, С.В. Белецкий. М.: Ломоносовъ, 2010. С. 454–466.

Макарова В.Н., Халиков А.Х. Поливная или глазурованная керамика билярского производства // Посуда Биляра / Отв. ред. А.Х. Халиков. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. С. 53–60.

Мальм В.А. Шиферные пряслица и их использование // История и культура Восточной Европы по археологическим данным / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Советская Россия, 1971. С. 197–206.

Малышева Н.Н. Раннегородской некрополь древнего Пскова (по материалам раскопов на территории Среднего города) // Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века: в 2–х т. Т.1. Раннегородской некрополь древнего Пскова (по материалам раскопов на территории Среднего города) / Отв. ред. И.К. Лабутина. СПб.: Нестор– История, 2012. С. 26– 91.

Недошивина Н.Г. Торговый инвентарь // Ярославское Поволжье X–XI вв.: по материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников / Ред. А.П. Смирнов. М.: ГИМ, 1963. С. 71–74.

Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско– Вятского междуречья. (Серия: Археология евразийских степей. Вып. 14) / Отв. ред. Е.П. Казаков. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2012. 408 с.

Никитина Т.Б., Руденко К.А. Чаши из могильника «Нижняя Стрелка» // АЭМК. Вып. 21. Средневековые древности Волго-Камья / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1992. С. 51–71

Петров П.Н. Принципы датировки захоронений по монетам (вопросы методологии) // Культурный слой. Вып. 1 / Отв. ред. Е.А. Молев. Н. Новгород: Изд-во ун- та, 2012. С. 60–78.

Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Булгария в X–XV вв. – М.: Наука, 1993. 124 с.

Равдина Т.В. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. М.: Наука, 1988. 152 с.

Руденко К.А. Датировка находок «аскизского» круга из Волжской Булгарии // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Сб. материалов Всерос. науч.-практич. конф. / Отв. ред. К.А. Руденко, Г.Н. Белорыбкин. Казань; Пенза: ГОМ РТ; МВЦ «Заречный», 2000. С. 48–127.

Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. Казань: «Заман», 2001. 256 с.

Руденко К.А. Волжская Булгария в системе торговых путей средневековья (по материалам раскопок Речного (Остолоповского) селища в Алексеевском районе Татарстана) // Великий Волжский путь: история формирования и развития / Отв. ред. М.А. Усманов Часть II. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2002. С. 31–52.

Руденко К.А. Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. Исследование и каталог. Казань: Заман, 2003. 512 с.

Руденко К.А. К вопросу о булгарских жилищах домонгольского времени (по материалам Остолоповского селища в Алексеевском районе РТ) // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. С. 309–352.

Руденко К.А. Средневековое оружие Волго-Камья: железные наконечники стрел VIII–XVII вв. н.э. (справочник-определитель археологического материала): руководство для практической работы. Уфа: Изд-во ВЭГУ, 2010. 254 с.

Руденко К.А. О необычных захоронениях на Остолоповском селище X– XII вв. в Татарстане // Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования / Отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: Наука, 2010а. С. 202–224.

31. *Руденко К.А.* Атрибуция погребения на Остолоповском селище XI– XII вв. в Татарстане // Поволжские финны и их соседи в древности и средние века: материалы III Всерос. науч. конф. / Отв. ред. В.В. Гришаков. Саранск, 2011. – С. 12–15.

Руденко К.А. О некоторых итогах исследования Остолоповского селища в Алексеевском районе Республики Татарстан // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 123–145.

Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). Казань: РИЦ «Школа», 2014. 768 с.

Руденко К.А. О защитном вооружении булгарского воина XI в. (по материалам булгарского селища (Остолоповского) у с. Речное) // Военная археология: Сб. материалов Проблемного совета «Военная археология» при ГИМе. Вып. 3 / Отв. ред. О.В. Двуреченский. М.: МедиаМир; Тула: Куликово поле, 2014а. С. 47–54.

Руденко К.А. Украшения из лазурита XI –XIII вв. из Волжской Булгарии и древности Сибири // Древности Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2014б. № 7(19). С. 224–244.

Руденко К.А. Исследования VI Алексеевского и Мурзихинского селищ в Татарстане в 1992–1996 гг. Казань: ЗАО «Издат. дом «Казанская недвижимость», 2015. 400 с.

Руденко К.А. Хронология булгарских селищ конца X–XIII в. в Западном Закамье (по материалам исследований 1992–2011 гг.) // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Н.А. Макарова / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. – М.; Вологда: Древности Севера, 2015а. С. 135–154.

Руденко К.А. Волжская Булгария и Восток в XI–XII вв. (по материалам раскопок Остолоповского селища в устье реки Шенталы Алексеевского района Республики Татарстан) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2016. Т. 158, кн. 6. С. 1472–1486.

Старая Ладога: древняя столица Руси. Каталог выставки / Науч. ред. Б.С. Короткевич. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. 190 с.

Столярова Е.К. Стеклянные украшения булгарских селищ низовий Камы // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды) / Ред. К.А. Руденко. Казань: Школа, 2005. С.43–66.

Федоров-Давыдов Г.А. Монеты из Дубовского могильника // (АЭМК. Вып. 8. Новые памятники археологии Волго-Камья / Ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1984. С. 160–172.

Фехнер М.В. Изделия косторезного производства // Ярославское Поволжье X–XI вв.: по материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников / Ред. А.П. Смирнов. М.: ГИМ, 1963. С. 39–42.

Хлебникова Т.А. Отчет о работах отряда археологической экспедиции ИЯЛИ им Г. Ибрагимова по исследованиям булгарских поселений зоны Куйбышевского водохранилища в 1969 г. Казань, 1969 / Архив ИА РАН. Р-1, № 3919. 75 л.

Хлебникова Т.А. Алексеевское городище. (К вопросу о своеобразии ранне-болгарской культуры района Нижнего Прикамья) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971. С. 156–174.

Хлебникова Т.А. Некоторые итоги исследования булгарских памятников Нижнего Прикамья // СА. 1974. № 1. С. 58–68.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Булгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1984. 240 с.

Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 32– 88.

Хлебникова Т.А., Казаков Е.П. К археологической карте ранней Волжской Болгарии на территории ТАССР // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1976. С. 109–136.

Черепнин А.И. Древние рязанские гирьки. Рязань: Тип. губ. правления, 1893. 12 с. (отдельный оттиск из: Тр. VII АС).

Янина С.А. Второй Неревский клад куфических монет X в. // МИА. 1963. № 117. С. 287–331.

Baer E. Metalwork in Medieval Islamic Art. N.–Y.: State University of New York Press, Albany, 1983. 372 p.

Carboni S. Glass from Islamic Lands. The al– Sabah Collection, Dar al-Athar al-Islamiyyah, Kuwait National Museum. L.: Thames & Hudson, 2001. 416 p.

Carboni S., Waitehouse D. Glass of the Sultans. N.–Y.: Metropolitan Museum of Art, 2002. 330 p.

Grube E.J. Cobalt and lustre. The first centuries of Islamic pottery: The Nasser D. Khalili collection of Islamic art. Vol. IX / ed. J. Raby. N.– Y.: Oxford University Press, 1994. 348 p.

Melikian– Chirvani A. S. The White Bronzes of Early Islamic Iran // Metropolitan Museum Journal. 1974. Vol. 9. PP. 123– 51.

Froom A. Persian Ceramics from the collection of the Asian Art Museum. – San Francisco: Asian Art museum, 2008. 128 p.

Watson O. Ceramics from Islamic lands. N.–Y.: Thames & Hudson, 2006. 512 p.

Информация об авторе:

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный университет культуры и искусств; научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); murziha@mail.ru

Information about the author:

Rudenko Konstantin A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Kazan State University of Culture and Arts; researcher, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russia); murziha@mail.ru

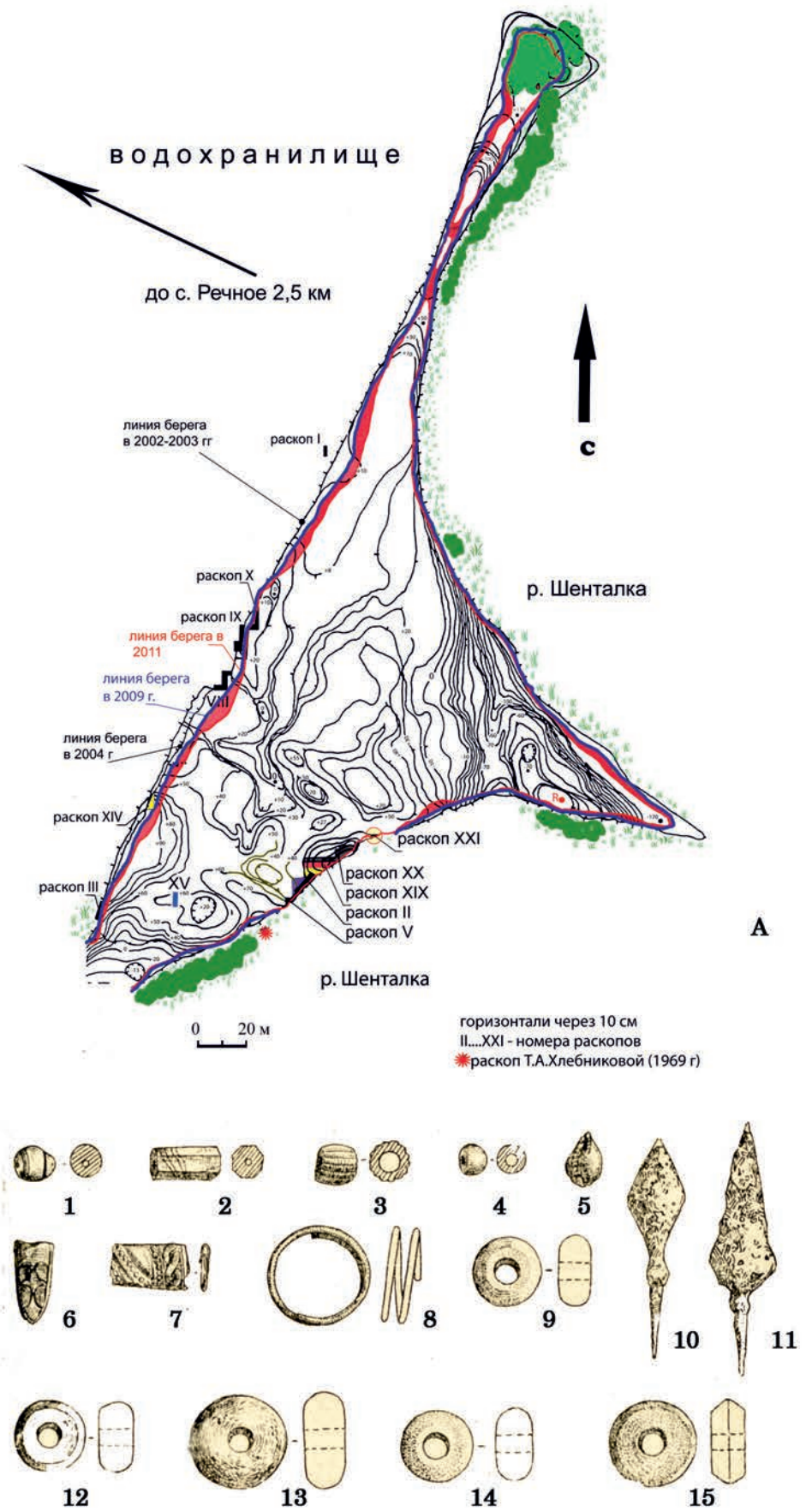


Рис.1. Остолоповское селище. Общий план селища с обозначением раскопов (*А*); индивидуальные находки из раскопа Т.А. Хлебниковой (по: Хлебникова, 1974) (*1– 5*).

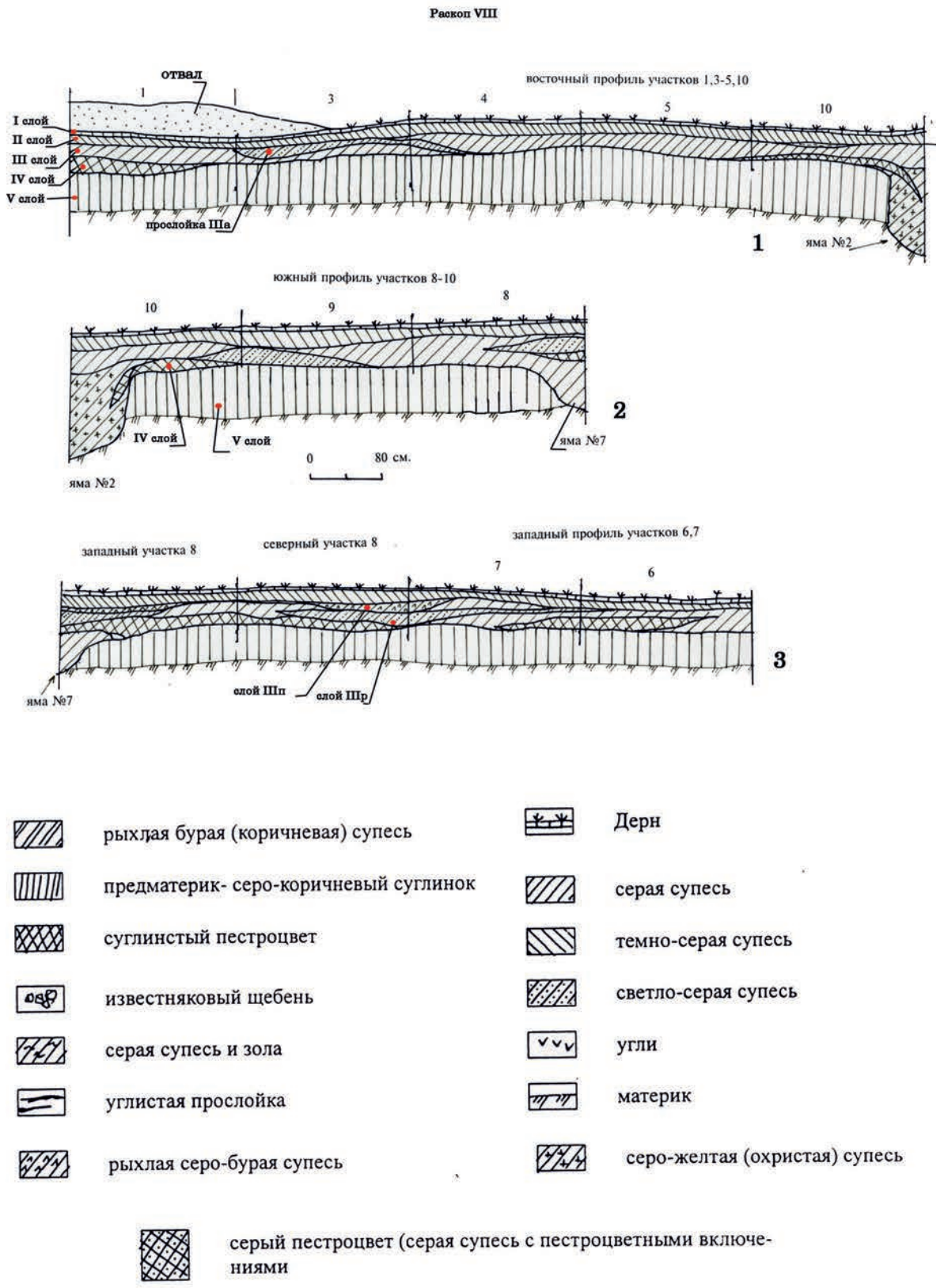


Рис.2. Остолоповское селище. Стратиграфия раскопа VII.

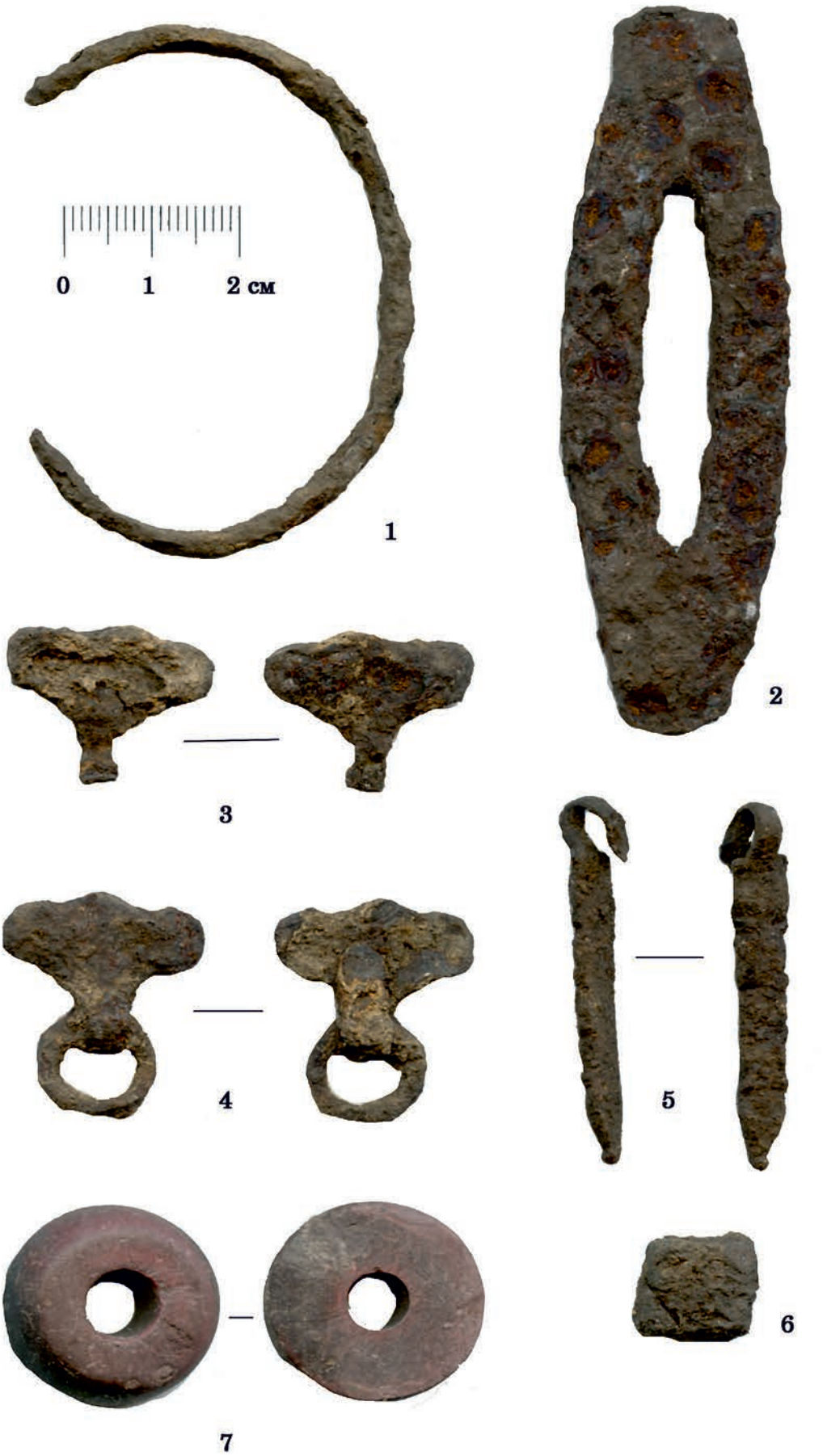


Рис.3. Остолоповское селище. Слой II. Изделия из железа (*1– 6)* и камня (*7*).

Рис.4. Остолоповское селище. Слой IIIп (*1, 2, 4*); остальные – слой II. Изделия из железа (*4– 6*), камня (*3*), свинца (*1*) и глины (*2, 7– 10*).

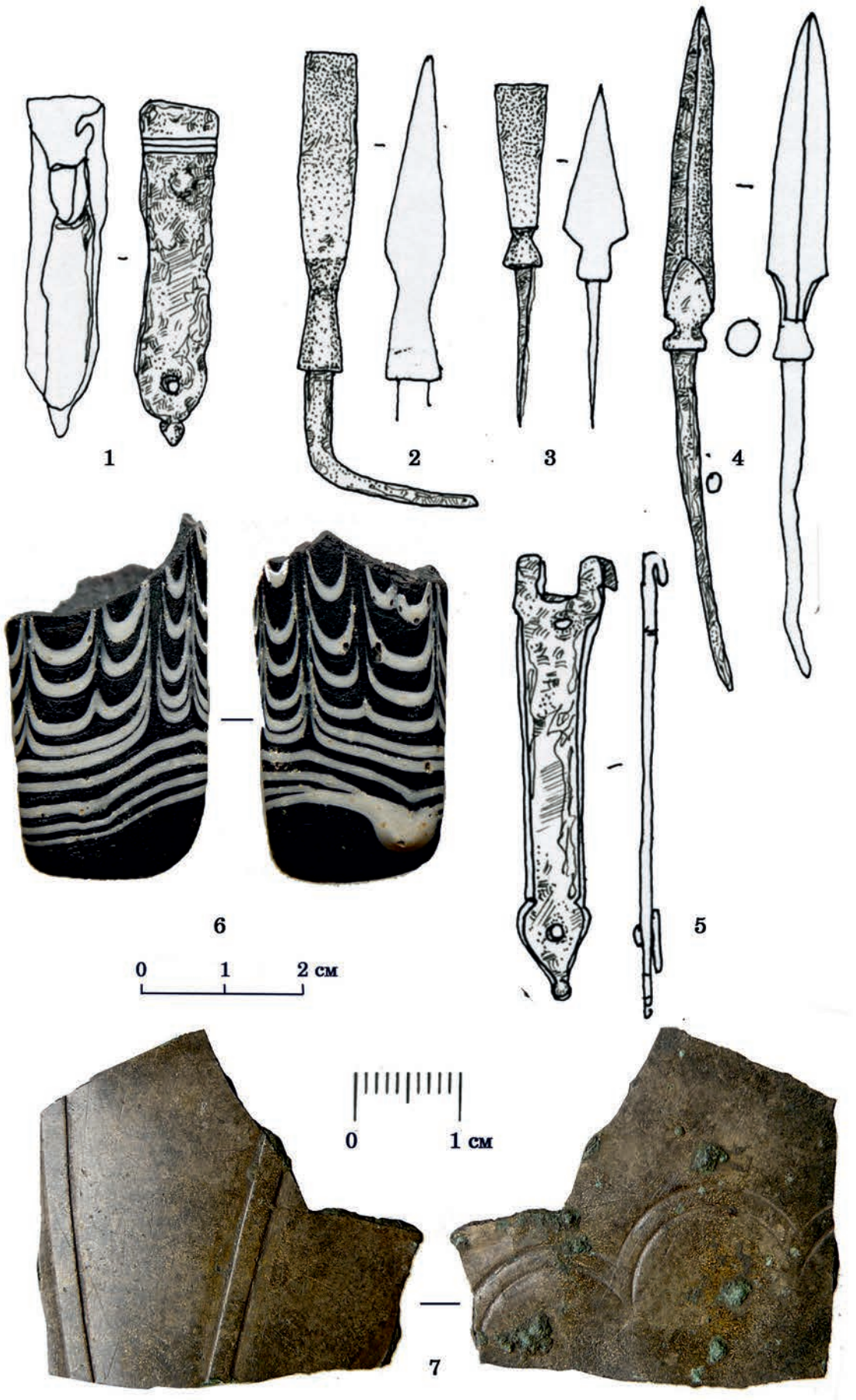


Рис.5. Остолоповское селище. Слой IIIр (*5*,*7*); слой IIIп (*6*); слой II (*1*, *2, 4, 5*). Изделия из железа (*1– 5*), стекла (*6*), бронзы (*7*).

Рис.6. Остолоповское селище. Слой III р. Изделия из камня (*1,2*), бронзы (*3, 5*), свинца (*4*), железа (*6– 8*).

Рис.7. Остолоповское селище. Слой IIIр. Изделия из бронзы (*1*), свинца (*2*), железа (*3– 6*), глины (*7– 12*).

Рис.8. Остолоповское селище. Подвески из монет (*7, 8*), подвески монетовидные (*1– 5*) и подвеска из отливки с оттиском монеты (*9*).

УДК 902/904

ЖИЛЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ ПЕРИОДА КАЗАНСКОГО ХАНСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАНСКОГО КРЕМЛЯ В 1971–1978 ГГ.)

© Н.Р. Садриев, В.А Валеева, А.Л. Сиразиев

HOUSING AND HOUSEHOLD BUILDINGS OF THE KAZAN KHANATE PERIOD (BASED ON MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH ON THE TERRITORY OF THE KAZAN KREMLIN IN 1971–1978)

Анализ и систематизация археологических материалов жилой и хозяйственной застройки и монументальных каменных зданий занимает важное место в изучении планиграфических особенностей градостроительной культуры, описании применяемых конструкций, строительных материалов и сохранившихся архитектурных деталей. Все выявленные на сегодня постройки периода Казанского ханства были найдены в ходе археологических работ. Исследование всех археологических данных, полученных в Казани при вскрытии раскопами, позволяет воссоздавать не только планировку и топографию города, но и проследить динамику его развития, ставить вопросы о реконструкции архитектурного облика города, установить специфику хозяйственной и ремесленной деятельности для отдельных территорий и объектов.

Ключевые слова: Казанское ханство, жилища, город, постройка, топография, археология, татары, Казань, раскопки, градостроительство, архитектура

Analysis and systematization of archaeological materials of Housing and household buildings and monumental stone buildings occupies an important place in the study of the planning features of the urban development culture, the description of the applied structures, building materials and preserved architectural details. All the buildings of the Kazan Khanate period discovered today were found during archaeological works. Complex researches of the whole variety of archaeological data obtained in Kazan at the opening of large areas with excavations allow us to recreate not only the layout and topography of the city, but also to trace the dynamics of its development, raise questions about the reconstruction of the architectural appearance of the city, establish the specifics of economic and craft activities for individual territories and Objects.

Keywords: Kazan khanate, dwellings, city, buildings, topography, archeology, Kazan, excavations, urban development, architecture.

Археологические исследования 1970–1980-х годов дали новые материалы для изучения построек Казанского ханства. Наиболее плодотворными были раскопки 1971–1978 гг. В это врем, под руководством А.Х. Халикова проводились широкомасштабные исследования в Казанском кремле (Халиков, 1983). В раскопках принимали участие Л.С. Шавохин и А.Г. Мухамадиев. Всего было заложено 20 раскопов и 36 шурфов общей площадью около 1600 кв. м (Ситдиков, 2006). В данных раскопах было выявлено около трех десятков объектов, связанных с периодом существования Казанского ханства. Сохранность сооружений неудовлетворительная, так как они разрушены и перекрыты более поздними объектами. Многие объекты сохранились лишь фрагментарно, в основном в виде древесного тлена или обугленных деревянных деталей. Поэтому наземную часть сооружений и его внутренние конструктивные элементы зачастую бывает сложно реконструировать.

Первые объекты, связанные с Казанским ханством, выявились в раскопе I **1971 года**. Раскоп был заложен в низкой северо-восточной части Казанского кремля, под склоном Кремлевского холма.

На глубине -185 см от 0 вскрылись остатки *сооружения № 5*, представляющего собой сруба с хорошей сохранностью дерева (рис. 1). Сруб вскрыт неполностью, так как уходил в северо-западную стенку траншеи. Он заполнен пестроцветом, насыщенным углем и золой. Особенно интенсивен слой пожарища у самой поверхности деревянной конструкции, которая в некоторых местах обгорела.

Сооружение № 6, представляло собой половину крупного бревна, лежащего поперек траншеи на глубине -250 см от 0 и уходящего обоими концами в стенки траншеи (рис. 1). Выше его поперек траншеи в развале лежали несколько бревен, а один короткий обрубок бревна вдоль траншеи. На верхней полукруглой поверхности половине бревна вырублен длинный паз шириной и глубиной 8 см, в который вставлены небольшие обрубки пластин, входящие в этот паз. Поверхность бревен в развале местами обуглена. В нижней части бревенчатого развала проходит пестроцвет с углем и золой, которой сменяется в верхней части желто-серой супесью и суглинком. Рядом с поперечным нижним бревном развала у края мостовой лежит обрубок бревна с вырубленным пазом. Здесь же в грунт заглублен обрубок – половина березового бревна высотой 46 см. Противоположная сторона сооружения не сохранилась. Среди находок можно выделить плохо сохранившийся железный предмет, скорее всего, цилиндрический замок с бронзовой отделкой, обломки камня, фрагмента красной нелощеной керамики.

Кроме вышеописанных сооружений в раскопе были обнаружены две ямы, являющие остатками меднолитейной мастерской, о чем свидетельствует большое количество обнаруженного в их заполнении меднолитейного шлака. (Шавохин, 1971).

В раскопе II **1972 г.**, заложенном на расстоянии 3,4 м к западу от Кремлевской стены и в 8 м к югу от того места, где она расширяется уступом, было обнаружено *сооружение № 6* (рис. 2). В предматериковом слое серо-коричневого грунта на глубине 320 см от 0 лежали два бревна диаметром 14 и 18 см, длиной 120 см, уходящие одно над другим в северную стенку раскопа, почти перпендикулярно с небольшим отклонением к западу. Между ними поперек был расположен ряд обрубков бревен длиной 22 и 35 см, диаметром 12 и 16 см (Шавохин, 1972).

В раскопе I **1973 г.**, расположенном в 2,5 м к западу от кремлевской стены и в 4,6 м к северу от ее выступа на повороте стены к югу от Воскресенской башни, было обнаружено *сооружение № 4*. Выявилось оно на глубине 302–315 см от 0. Был вскрыт ряд бревен и доска, положенные по юго-западному краю подпрямоугольной ямы, вскрытой неполностью, уходящей юго-восточной стороной под южную стенку раскопа, а северо-восточная граница ямы перекопана поздним котлованом. Яма заполнена серым пестроцветным грунтом. Среди находок обнаружены обломки камня, кости животных и фрагменты красной нелощёной керамики (Шавохин, 1973).

1974 год был более насыщен на объекты Казанского ханства. Раскоп I разбитый в саду против здания Губернаторского дворца к югу от него и в 10,5 м. к северу от здания типографии, расположенной северо-западнее Благовещенского собора. В раскопе были выявлено 12 объектов, связанных с периодом Казанского ханства. Это *хозяйственные ямы: 2а, 2б, 4, 5, 6, 9, 13, 15, 16, 23, 25* и *яма № 11* – подполье несохранившегося дома в виде подпрямоугольного пятна ямы размером 460 х 435 см. В яму опущен почти квадратный сруб из тонких бревен, очень плохо сохранившихся. Сруб, вероятно, поднимался на всю высоту стенок ямы, и нижний венец соответствовал уровню земляного пола. По находкам, среди которых глиняная обмазка, фрагменты керамики, известняк, металл, кость, можно предположить, что это – подполье несохранившегося дома ремесленника, занимавшегося меднолитейным производством. О том, что это подполье, свидетельствует отсутствие входа, в него можно было попасть только по приставной лестнице. Отсутствие печи говорит о том, что сооружение не могло служить жилым помещением. В заполнении ямы найдено 320 фрагментов керамики различных типов. Абсолютное преобладание фрагменты красной нелощеной керамики. Небольшое количество фрагментов русской керамики объясняется за счет перекоп, на поздних напластованиях (Шавохин, 1974).

Одним из наиболее интересных комплексов объектов периода Казанского ханства можно назвать сооружения № 4, 5, 6, 8 и 9 в раскопе I **1975 г.** у Благовещенского собора. Срезы их отчетливо видны в северном профиле стенки раскопа. Каждое сооружение относится к разным строительным горизонтам.

Сооружение № 4 относится к верхнему строительному горизонту времени Казанского ханства, датировано первой половиной XVI в. Сооружение представляет собой остатки обгоревшего бревенчатого сруба прямоу-

гольной формы. Сруб продолжается в северную стенку раскопа. От восточной и южной стенок сруба сохранился лишь нижний венец. С западной стороны – три венца обугленных бревен 12–16 см. толщиной и общей высотой 40–45 см. Углы рублены в обло с выступом на 8–26 см. На уровне нижнего венца прослеживается обгоревший досчатый настил пола. Среди находок встречены бронзовая ложечка, сердоликовая бусина, известковое напрясло, глиняное напрясло, фрагмент китайской фарфоровой чаши синего фарфора, деревянный набалдашник бутылочной формы длиной 4,4 см, фрагменты чугунного котла, железные и бронзовые предметы плохой сохранности, кувшин без венчика.

Сооружение № 5 проявилось в виде плохо сохранившегося бревенчатого сруба. От сруба сохранились лишь отпечатки 7 венцов бревен. Обломки кирпича и обожженной глины. Находки из заполнения представлены фрагментами красной лощенной керамики, чугунной трубой, обломков кувшина с несколько расширяющимся горлом, заканчивающимся заостренным верхним краем. По горлу прочерчены несколько редких, тонких горизонтальных линий. Кувшин имел небольшую уплощенно-овальную ручку и лощение тонкими, сравнительно редкими полосами по тулову.

Сооружение № 6 относится ко второму горизонту III слоя, датируется концом XV – началом XVI вв.

Синхронно сооружению № 4 было *сооружение № 8*. Вскрытый полностью прямоугольный сруб имел размеры 310–320 х 320–344 см. Сруб в 4–5 венцов общей высотой 50–70 см сложен из бревен диаметром 10–15 см плохой сохранности с углами, рубленными в обло с выступом концов на 10–15 см. Находки из заполнения представлены свинцовой двусторонней пломбой, серебряным кольцом невысокой пробы, обломком бронзовой пластины со стрельчатым завершением, рельефным растительным орнаментом и стилизованной арабской надписью на одной стороне, бронзовой крупной тонкой обкладкой с бортиком, железным ножиком с костяной ручкой, железным круглым стержнем, неполивной и поливной керамикой.

С третьим строительным горизонтом III слоя связано *сооружение № 9*. Оно датируется второй половиной XV в. Прямоугольной формы сруб из березовых бревен, сохранился на 5 венцов. Прослеживаются следы пола. Находки: неполивная керамика, кирпич, металлические предметы плохой сохранности, деревянная миска, черная бусина, напрясло (Шавохин, 1975).

Материалы раскопа I **1977 г.**, заложенного в 10–12 м от южной стены башни Сююмбике представлены *сооружениями 4, 4б* и *9*. Все они представляли из себя остатки домов с характерными подпольными помещениями. Заполнение сооружений представлено фрагментами керамики. В заполнении сооружения 9 обнаружен хорошо сохранившийся высокий кумган и серебряная чаша-тripод.

В раскопе II со слоем Казанского ханства стратиграфически связаны ямы 3, 3а, 3б, 5 и 6. Заполнение их представляло собой в основном пестроцвет с фрагментами керамики и костей животных.

В раскопе III**,** было обнаружено *сооружение № 1*. Заполнение его обнаружено значительное количество керамики (117 фрагментов), кусков обожженной глины, металлические предметы, железный замок и бронзовая застежка (Мухамадиев, Шавохин, 1977).

Сооружения периода Казанского ханства отличаются прежде всего тем, что в нижележащих слоях полностью отсутствует характерная русская керамика, а выше проходит слой пожарища, который можно связать со взятием Казани войсками Ивана IV в 1552 г.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Ситдиков А.Г. Казанский Кремль: историко-археологическое исследование. Казань, 2006, 288 с.

Халиков А.Х. История археологического изучения г. Казани // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1983. С. 111–138.

Шавохин Л.С. Отчет о работах в Казанском Кремле. 1971 г. / Архив научного фонда музея археологии РТ. Ф. 2, оп. 1, д.1.

Шавохин Л.С. Отчет о работах в Казанском Кремле. 1972 г. / Архив научного фонда музея археологии РТ. Ф. 2, оп. 1, д. 2.

Шавохин Л.С. Отчет о работах в Казанском Кремле (ксерокопия). 1973 г. / Архив научного фонда музея археологии РТ. Ф. 2, оп. 1, д. 3.

Шавохин Л.С. Отчет о работах в Казанском Кремле. Р.II (ксерокопия, неполн.). 1974 г. / Архив научного фонда музея археологии РТ. Ф. 2, о. 1, д. 4.

Шавохин Л.С. Отчет о работах в Казанском Кремле (ксерокопия). 1975 г. / Архив научного фонда музея археологии РТ. Ф. 2, оп. 1, д. 5.

Мухамадиев А.Г., Шавохин Л.С. Отчет о раскопках в Казанском Кремле. Р. I, II, III, IV, V 1977 г. / Архив научного фонда музея археологии РТ. Ф. 2, оп. 1, д. 6.

Информация об авторах:

Садриев Наиль Равилевич, научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова (г. Казань, Российская Федерация); nail.sad@mail.ru

Валеева Валентина Александровна, сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова (г. Казань, Российская Федерация).

Сиразиев Адель Ленарович, сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова (г. Казань, Российская Федерация.

About the Author:

Sadriev Nail R. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan,Russian Federation; nail.sad@mail.ru

Valeeva Valentina A. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. The Republic of Tatarstan,Russian Federation.

Siraziev Adel L. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.The Republic of Tatarstan,Russian Federation.

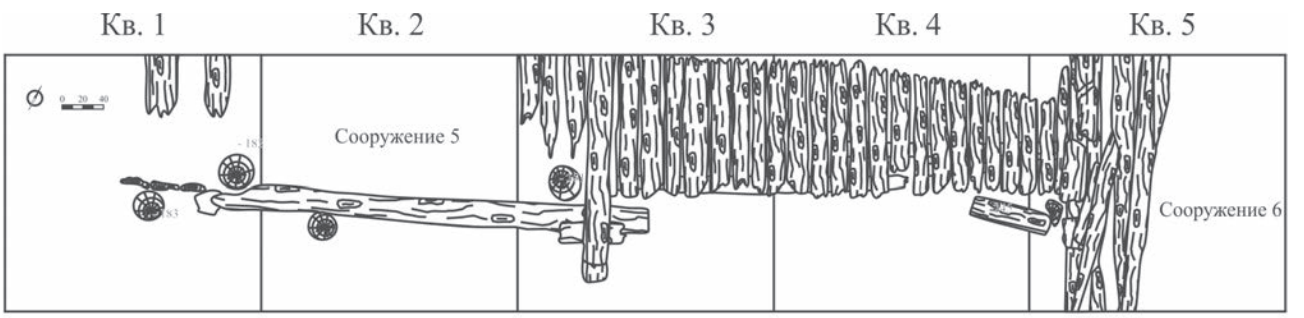


Рис. 1. Раскоп 1 1971 г. План сооружений № 5 и 6.

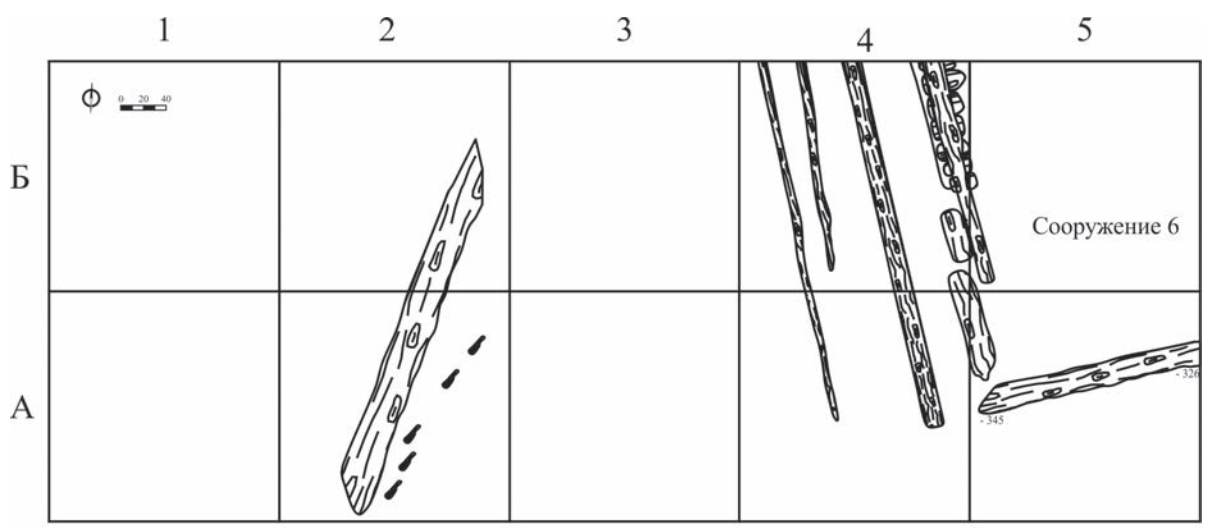


Рис. 2. Раскоп 2 1972 г. План сооружения № 6.

УДК

НОВЫЙ ТИП СРЕДНЕВЕКОВЫХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СООРУЖЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

© А.Н. Сарапулов

(Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект №17-46-590780 «Хозяйственно-культурный облик средневекового Предуралья (комплексное исследование» и проект №17-46-590037 «Ландшафты речных бассейнов и древний человек: освоение Верхней Камы в голоцене»)

A NEW TYPE OF MEDIEVAL FARM BUILDINGS IN THE PERM CIS-URALS

Статья посвящена описанию конструктивных особенностей нового типа хозяйственных сооружений, которые получили свое распространение на территории Пермского Предуралья в X–XI вв. в связи с переходом к новому хозяйственно-культурному типу пашенного земледелия. К этим сооружениям относятся специализированные ямы-зернохранилища, где зерно хранилось в сусеках в открытом и раздельном виде по видовому составу, а также ямы-подпечья, где наряду с предметами кухонной утвари и готовыми к приготовлению пищи продуктами питания в сосудах хранили очищенное зерно.

Ключевые слова: археология, Пермское Предуралье, хозяйственно-культурный тип, пашенное земледелие, зерно, ямы-кладовки, ямы-зернохранилища, жилища, ямы-подпечья.

The author considers design features of structures of a new type which were common in Perm Cis-Urals in the 10th -11th centuries when tillage was first performed. These constructures include specialized corn pits where different types of corn were kept separately in open sections as well as pits under the ovens where kitchen utensils, ready-to-cook meals, and cleaned grain in pottery were kept.

Keywords: archaeology, Perm Cis-Urals, economic-cultural type, tillage, corn, pantry pits, corn pits, dwellings, pits under the ovens.

Одной из задач полевой археологии, помимо извлечения и изучения артефактов, является исследование «археологизироанных следов» (сооружений и конструкций) при помощи планиграфического и стратиграфическго анализов культурного слоя. Это позволяет нам реконструировать жилые, хозяйственные и иные объекты, расположенные на поселениях. Жилые сооружения представляют большой интерес и достаточно активно изучаются учеными-археологами. Конструкции же, использовавшиеся в хозяйственных целях (прежде всего ямы) изучаются недостаточно. Они подробно описываются в полевых отчетах, но общей классификации и выделения особенностей хозяйственных ям, в частности, с территории Пермского Предуралья, практически не существует. Пожалуй, единственным примером является попытка классификации и подробного описания хозяйственных объектов Бартымского поселения неволинской культуры, выполненная Р.Д. Голдиной, И.Ю. Пастушенко и Е.М. Черных (Голдина, Пастушенко, Черных, 2011, с. 18–29). Большие и малые хозяйственные ямы были изучены рядом с бартымскими жилищами. В основу предлагаемой авторами схемы классификации положено выделение типов по форме сечения ямы и отделов – по форме в плане или в разрезе. В свою очередь, типы объединены в две группы – простые и составные. Представленная классификация, к сожалению, кроме как о морфологических признаках, не дает другой информации, в особенности об узкой хозяйственной специфике ям. Но, помимо этого, авторы еще и выделяют ямы-кладовые и погреба. Исходя из конструкции и состава находок внутри, их функциональная специфика связана с хранением, прежде всего, продуктов питания.

По-видимому, подобные ямы получили свое распространение на прикамских поселениях еще с раннего железного века. Внутри них, помимо мяса, рыбы и других

скоропортящихся продуктов, хранили и зерно, которое содержалось в крупных сосудах. Большое распространение такие хранилища получили в эпоху средневековья, когда земледелие и скотоводство начинает играть более существенную роль в хозяйстве населения Прикамья. Специализированных же ям-зернохранилищ на раннесредневековых ломоватовских поселениях не известно. Зерно, вероятно, хранили в керамических сосудах. Например, в нижнем слое VIII–IX вв. Лаврятского городища в постройке возле очага и в яме-кладовке найдены сосуды, в одном из которых хранились зерна ячменя (Оборин, 1956, с. 109–110). Ямы кладовки с толстостенными сосудами для хранения пищи обнаружены в нижнем слое IX–XI вв. Саламатовского I городища (Оборин, Балашенко, 1968, с. 32). В хозяйственной яме X в. на селище Запоселье I рядом с развалами больших сосудов было обнаружено скопление хорошо очищенного зерна (крупы) пшеницы, овса и ржи (Лебедева, 2011, с. 311).

Как отмечают многие этнографы, у народов Европы для хранения и переноски продуктов использовалась главным образом утварь из дерева (бересты). Особенности почвы в Пермском Предуралье не способствуют хорошей сохранности органических материалов, в частности, древесины. Н.Б. Крыласова, характеризуя средневековую посуду Пермского Предуралья, выделяет отдел, к которому относит керамическую тару, подразделяя ее на лепные горшки прикамского типа и гончарную посуду булгарского производства (корчаги и хумы). Лепные горшки прикамского типа, как правило, большие (диаметр по венчику 30–50 см), стенки толстые (8–12 мм), в большинстве случаев не орнаментированные, поверхность обработана грубо. Они слабо обожжены, на них нет следов нагара, иногда имеются отверстия в стенках, вероятно, предназначенные для вентиляции или для привязывания деревянных крышек для сохранности продуктов от грызунов (Крыласова, 2007, с. 45–48). Такие сосуды использовались в основном для хранения продуктов и встречаются чаще всего в ямах-кладовках. Корчаги и хумы булгарского производства представляли собой толстостенные сосуды с коротким низким горлом, диаметр которого меньше или равен половине диаметра тулова. Для этих сосудов характерно наличие двух небольших, но массивных ручек, прикрепленных к верхней части тулова. Корчаги и хумы имеют высокие пропорции, для них характерно расположение наибольшего диаметра тулова в верхней части и преимущественно небольшой диаметр горла – 10–20 см (хумы). Но имеются и широкогорлые сосуды с массивным венчиком, диаметр по горлу у которых составляет 20–30 см и более (толстостенные корчаги) (Крыласова, 2007, с. 45–48). Эти крупные сосуды также могли использоваться в качестве тары для хранения и перевозки сыпучих продуктов. На Рождественском городище фрагменты таких сосудов встречаются в хозяйственных ямах.

Мотыжная форма обработки земли в условиях подзолистых и дерново-подзолистых почв Верхнего и Среднего Прикамья не давала больших урожаев, требующих специальных ям для хранения зерна, поэтому начиная с раннего железного века и вплоть до конца I тыс. н. э. для его хранения использовали сосуды, которые находились в ямах-кладовках.

В XI–XII вв. на территории Пермского Предурлья наряду со сменой археологических культур (ломоватовской на родановскую) происходит изменение хозяйственно-культурного типа (ХКТ). Начинает использоваться пашенная форма обработки земли. Основным орудием для обработки почвы становится деревянное рало с железным наконечником – ральником. Появление пахотного орудия с применением тягловой силы ведет за собой и распространение специализированных орудий для сбора урожая, жерновых поставов для обработки зерна, что, вероятно, свидетельствует о значительном увеличении объемов выращиваемого зерна, требующего специальных условий хранения. Вероятно, с переходом к новому ХКТ и связано появление на поселениях Пермского Предуралья новых типов хозяйственных сооружений – специализированных ям-зернохранилищ и ям-подпечий. Первые, как правило, располагались вне жилищ, а вторые – в жилищах.

Сначала остановимся на ямах-зернохранилищах. Критериями для их выделения являются конструктивные особенности и наличие большого количества зерна на дне ямы вне сосудов.

Как упоминалось выше, обычно зерно хранили в больших сосудах, которые располагались в ямах-кладовках. Появление на поселениях зернохранилищ не свидетельствует о том, что способ хранения зерна в ямах-кладовках выходит из употребления. Они существуют совместно в зависимости от конкретного поселения и объемов выращиваемого зерна проживающим там населением.

Примерами ям-зернохранилищ могут явиться сооружения, изученные А.М. Белавиным на селище Телячий Брод и А.Н. Сарапуловым на Калинском селище.

На селище Телячий Брод, в его поздней части, относящейся к XI–XII вв., была зафиксирована яма на глубинах от 20 до 30 см от поверхности. На уровне фиксации яма представляла собой пятно темного, влажно-черного цвета в виде неправильной буквы «Т». Однако к глубине 50 см боковые отростки исчезли, и на уровне материка четко обозначилась яма подпрямоугольной формы размерами 110 х 205 см. Особенность заполнения верхней части ямы – сильная примесь угольков, к культурному слою усиливающаяся по мере разборки ямы, а на глубинах от 50 до 70 см в разрезе наблюдалась линза мощностью до 17 см, состоящая из древесного угля. Ниже ее шел обычный культурный слой. В придонной части ямы обнаружена еще одна мощная угольная прослойка, при разборке которой удалось выявить сгоревшие остатки дерева в виде плах толщиной 3–4 см, расположенных на дне и по периметру стен, а также перегородку из плахи, отделяющую примерно треть длины ямы. Плахи, составляющие стенки и перегородку, были укреплены кольями диаметром до 8 см, их остатки прослежены в виде обуглившихся приостренных на концах кольев в столбовых ямках конструкции.

Углистая прослойка в середине заполнения, по мнению автора раскопок, представляет собой остатки сгоревшей и обвалившейся деревянной крышки. На плахах, составлявших дно ямы, обнаружено обуглившееся зерно. Яма была, вероятно, перекрыта простой односкатной крышей, ее опоры располагались у южной стенки, где исследовано три столбовые ямки от столбов толщиной до 20–30 см. Здесь же наблюдалось подобие земляной ступеньки шириной около 40 см, которая сильно оплыла. Возможно, что вход в яму осуществлялся по приставной лестнице, поэтому он четко не оформляется. Глубина ямы до 150 см, дно ровное (Белавин, 1990, с. 6–7). Внешний вид и особенности конструкции придонной части ямы, а также находки карбонированного зерна на дне, заставляют считать эту яму остатками зернохранилища, где в сусеках, разделенных деревянным плахами, хранили, вероятно, разные виды зерна.

Подобная яма была обнаружена и на Калинском селище. Она была зафиксирована на глубине 20–30 см от поверхности. Очертания этой овальной ямы на материковом слое были отмечены на глубине 33–37 см. Глубина ямы составила 190 см от поверхности. Внутри зафиксированы две ступеньки на глубине 68 см и 73 см, служившие, по-видимому, для спуска в яму. На глубине 100 см в яме обнаружена крупная галька с черными следами нагара, явно побывавшая в огне. На глубине 135 см были зафиксированы остатки прямоугольной деревянной рамы в виде тонкой угольной плоски. По углам этой рамы отмечены столбовые ямки, которые, по-видимому, являются остатками столбов, фиксировавших ее по четырем углам. На глубине 140 см наблюдался тонкий слой оранжевой прокаленной глины в виде прокала в форме овального вытянутого пятна. На глубине 146–148 см обнаружены скопление крупных обожженных камней и фрагмент диска жернового постава. Еще одно скопление крупных обожженных камней зафиксировано на глубине 160–165 см. Очаг и прокаленные в огне камни предназначались, скорее всего, для прогрева и сушки ямы в холодное время. На глубине 180 см внутри рамы появляется еще одно углубление. На дне ямы зафиксирована полоса древесного тлена, разделяющая дно ямы на две части. По-видимому, это следы сусеков, разграничивающих яму. Притом одна часть дна ямы забутована светло-серой мокрой глиной, а другая часть – красной мокрой глиной. На дне ямы обнаружены карбонированные зерна злаков. По радиоуглеродному методу датировки культурный слой в яме был датирован XI в. (Le-9745: 940±30BP). Вокруг ямы располагались столбовые ямки, которые можно интерпретировать как следы столбов от навеса над хозяйственным сооружением (Сарапулов, 2012, с. 15–16).

В целом можно сделать вывод, что для данного типа ям-зернохранилищ характерны деревянные вертикальные стенки, ровный земляной, забутованный глиной либо выложенный деревом пол, отсеки внутри ямы, отделенные друг от друга стенками, вход в яму в виде ступенек, деревянная крышка, навес (крыша) над сооружением, большое количество зерна на дне ямы. Главным отличием подобных сооружений от универсальных ям-кладовок является наличие сусеков (отсеков), где хранили разные виды зерна свободно от сосудов, соответственно, и в придонной части ямы керамика не встречалась.

Нередко в ямах-зернохранилищах и ямах-кладовках отмечены следы очагов в виде прокалов, которые иногда, вероятно, служили причиной пожаров и затем вторичного исполь-

зования котлованов ям для других целей. Такие прокалы фиксировались в яме-кладовке с селища Запоселья I (Белавин, Крыласова, Лычагина, Скорнякова, 2014, с. 186), в яме-зернохранилище с Калинского селища (Сарапулов, с. 15–16), в ямах-кладовках Роданова городища (Талицкий, 1951, с. 39–40). Авторы публикаций хозяйственных сооружений Бартымского селища также отмечают, что в подобного рода ямах регулярно разводились костры, о чем свидетельствуют пятна прокалов на дне и на стенках (Голдина, Пастушенко, Черных, 2011, с. 23). По-видимому, костры разводились для просушки ямы и ее прогрева в холодное время.

Вместе с ямами-зернохранилищами, которые располагались вне жилищ, в самих жилищах в этот же период времени появляется другой тип ям. Следует отметить, что изучение жилищ с поселений Пермского Предуралья имеют давнюю и достаточного богатую историю (работы М.В. Талицкого, В.А. Оборина, Р.Д. Голдиной, Е.М. Черных и др.). Но в последнее десятилетие накоплен новый материал, применяются новые способы фиксации, что позволило выделить более четкие особенности прикамских средневековых жилищ. Н.Б. Крыласова, проанализировав новые материалы из раскопок Камской археолого-этнографической экспедиции, – 18 жилищ с четырех памятников: Запосельское I селище, Чашкинское II селище, Рождественское городище, Рачевское городище, – пришла к следующим выводам: у средневекового населения Пермского Предуралья преобладали дома больших размеров каркасно-столбовой конструкции преимущественно с двускатным перекрытием, вдоль длинных стен жилища для их утепления сооружались завалинки. Также вдоль стен по периметру жилища устраивались дощатые нары шириной около 2 м. Основным видом отопительных устройств являлись печи, сооруженные на ямах-подпечьях (Крыласова, 2016, с. 63–76). Как показывает анализ 16 сооружений с Рождественского и Рачевского городищ, ямы-подпечья получают свое распространение начиная с XI в., что мы также можем связать с переходом к новому ХКТ. Форма таких ям-подпечий была квадратной, либо прямоугольной, длина составляла от 2 до 4 м, ширина от 1,4 до 3,4 м. Глубина дна от поверхности – от 0,85 до 2,65 м. Стенки ям вертикальные, укреплялись деревянным каркасом, дно покрывалось деревянным настилом. Над ямой сооружался дощатый настил – «подина», который опирался на борта ямы. Этот настил служил основанием глинобитной подушки очага – «пода» печи (Крыласова, 2015, с. 125–137). Сама яма-подпечье использовалась для хранения там кухонной утвари, приготовленной пищи или продуктов, необходимых для каждодневного использования. В этих ямах в большом количестве обнаруживаются кости животных, развалы и отдельные фрагменты керамических сосудов. В одной из таких ям с Рождественского городища было обнаружено зерно. Палеобатонический анализ показал, что это были хорошо очищенные ячмень, пшеница, рожь и овес, а также единичные фрагментированные семена конопли (Трофимова, Крыласова, Сарапулов, 2016, с. 23–29). Следовательно, в ямах-подпечьях могли хранить в сосудах очищенное и готовое для приготовления пищи зерно, а вне жилищ в ямах-зернохранилищах хранились основные запасы зерновых. Помимо ям-подпечий в жилищах продолжали сооружать и универсальные ямы-кладовки, где наряду с другими продуктами и утварью могло храниться и зерно в сосудах. Такие ямы в родановский период известны на Рождественском, Родановом и Анюшкар городищах.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Начиная с раннего железного века на поселениях Пермского Предуралья, были распространены ямы-кладовки для хранения утвари, орудий труда и продуктов питания. Вероятно, особенное развитие они получили начиная с ломоватовского времени, когда скотоводство и земледелие начало играть еще более ведущую роль в хозяйстве. Такие универсальные ямы-кладовки сооружались в предуральских жилищах весь период средневековья. В них, помимо всего остального, в больших сосудах (в лепных горшках прикамского типа или гончарных булгарских корчагах и хумах) хранили зерно. В связи с переходом к пашенному земледелию в XI–XII вв. и увеличением объемов выращиваемого зерна наряду с ямами-кладовками начинают использоваться специализированные ямы-зернохранилища с разделенным внутри отсеками пространством, где разные виды зерна хранились в открытом и раздельном виде. А в жилищах стали появляться ямы-подпечья, где в сосудах наряду с другими продуктами питания хранили очищенное и готовое к употреблению зерно.

Необходимо оговориться, что еще необходим очень серьезный источниковедческий анализ полевых описаний и чертежей хозяйственных сооружений, который позволит выделить как универсальные ямы-кладовки, так и специализированные ямы для хранения зерна.

ЛИТЕРАТУРА

Белавин А.М. Отчет о раскопках могильника и селища Телячий Брод в 1989 году. Пермь, 1990. Архив МАЭ ПГГПУ.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Лычагина Е.Л., Скорнякова С.В. Археологические памятники Чашкинского озера. САИ. Вып. III. Пермь: ПГГПУ, 2014. 565 с.

Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М. Бартымский комплекс эпохи средневековья в Сылвенском поречье: Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 13. Ижевск, Пермь, 2011. 340 с.

Крыласова Н.Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: ПГГПУ, 2007. 352 с.

Крыласова Н.Б. Особенности средневековых печей (по материалам городищ Карагайского района Пермского края) // Тр. КАЭЭ. Вып. X / Под ред. Н.Б. Крыласовой. Пермь: ПГГПУ, 2015. С. 125–137.

Крыласова Н.Б. Особенности средневекового домостроительства на территории Пермского края // Вестник Пермского научного центра. 2016. № 3. С. 63–76.

Лебедева Е.Ю. Археоботаническая коллекция из селища ломоватовской культуры Запоселье I в Пермском крае // Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Лычагина Е.Л., Скорнякова С.В. Археологические памятники Чашкинского озера. САИ. Вып. III. Пермь: ПГГПУ, 2014. С. 304–314.

Оборин В.А. К истории земледелия у древних коми-пермяков // СЭ. 1956. № 2. С. 66–75.

Оборин В.А., Балашенко Л.А. Итоги изучения памятников позднего железного века и русской колонизации // Уч. зап. ПГУ. 1968. № 91. С. 28–48.

Сарапулов А.Н. Отчет о раскопках Калинского селища в Юсьвинском районе Пермского края в 2012 г. 2012. Архив МАЭ ПГГПУ.

Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // МИА. 1951. № 22. С. 33–96.

Трофимова С.С., Крыласова Н.Б., Сарапулов А.Н. Археботанические исследования средневекового Рождественского городища (Пермский край) // Вестник Пермского научного центра. 2016. № 3. С. 23–29.

Информация об авторе:

Сарапулов Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой древней и средневековой истории России Пермского государственного-гуманитарно-педагогического университета (г. Пермь, Россия); ans05@mail.ru

About Author:

Sarapulov Aleksey N., Candidate of Historical Sciences, Associated Professor of the Chair of Ancient and medieval History of Russia. Perm State Humanitarian-Pedagogical University. Sibirskaya str. 24, Perm, Russian Federation, 614990; ans05@mail.ru

УДК 902/904

К ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ НОСИТЕЛЕЙ ПОЗДНЕСАРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© Семенов И.Г.

ETHNIC IDENTITY OF THE BEARERS OF THE LATE SARMATIAN CULTURE

По мнению автора, позднесарматская культура может быть связана только с аланами. Культуру северокавказских катакомбных погребений II–V вв. следует идентифицировать с кавказскими гуннами. Часть из них в III в. мигрирует в Европу. Там ими со временем было создано очень сильное государство.

Ключевые слова: позднесарматская культура, культура северокавказских катакомбных погребений II–V вв., аланы, гунны.

By the author's opinion, Late Sarmatian culture can be associated with the Alans only. The culture of the North Caucasian catacomb burials of the II–V centuries should be identified with the Caucasian Huns. Some of them in the III century migrate to Europe. There they eventually created a very strong state.

Keywords: archaeology, Late Sarmatian culture, culture of the North Caucasian catacomb burials of the II–V centuries, Alans, Huns.

Как известно, диагностическими признаками позднесарматской археологической культуры являются подкурганные погребения, преимущественно индивидуальные – в меридианально ориентированных узких прямоугольных ямах или узких подбоях, а также северная ориентировка погребенных и искусственная деформация черепов (см., напр.: Малашев, 2009, с. 47). Нижняя хронологическая граница позднесарматской культуры – середина II в. н.э. (Мошкова, 1989; Безуглов, 2001). Верхняя хронологическая граница различается по отдельным регионам: для Северного Причерноморья и Нижнего Подонья это рубеж III–IV вв., для Поволжья и Южного Приуралья – IV в. (см., напр.: Малашев, 2009, с. 50). Последние по времени обобщающие работы по позднесарматской культуре принадлежат А.С. Скрипкину и М.Г. Мошковой (Скрипкин, 1984; 1996; Мошкова, 1989; Статистическая обработка, 2009).

Подавляющее большинство современных исследователей отождествляют эту культуру с аланами, правда, с различными оговорками. Обстоятельный обзор существующих точек зрения по данному вопросу представлен в одной из работ М.П. Абрамовой (Абрамова, 2007, с. 52–76). Только В.Ю. Малашев считает эту точку зрения недоказанной (Габуев, Малашев, 2009, с. 152).

Как мне представляется, доказательство указанной идентичности кроется в информации Аммиана Марцеллина (IV в.) об аланах: «Истр, пополнившись водой притоков, протекает мимо савроматов, область которых простирается до Танаиса, отделяющего Азию от Европы. За этой рекой аланы занимают простирающиеся на неизмеримое пространство скифские пустыни. Имя их происходит от названия гор. Мало-помалу они подчинили себе в многочисленных победах соседние народы и распространили на них свое имя, как сделали это персы. Из этих народов нервии занимают среднее положение и соседствуют с высокими крутыми горными хребтами, утесы которых, покрытые льдом, обвевают аквилоны» (Аммиан Марцеллин, 2000, с. 492–493).

Несколько ниже Аммиан Марцеллин пишет: «С другой стороны поблизости от места обитания амазонок смежны с востока аланы, рассеявшиеся среди многолюдных и великих народов, обращенных к азиатским областям, которые, как я узнал, простираются до самой реки Ганга, пересекающей земли индов и впадающей в южное море.

Аланы, разделенные по двум частям света, раздроблены на множество племен, перечислять которые я не считаю нужным. Хотя они кочуют, как номады, на громадном пространстве на далеком друг от друга расстоянии, но с течением времени они объединились под одним именем и все зовутся аланами вследствие единообразия обычаев,

дикого образа жизни и одинаковости вооружения. Нет у них шалашей, никто из них не пашет; питаются они мясом и молоком, живут в кибитках, покрытых согнутыми в виде свода кусками древесной коры, и перевозят их по бесконечным степям. Дойдя до богатой травой местности, они ставят свои кибитки в круг и кормятся, как звери, а когда пастбище выедено, грузят свой город на кибитки и двигаются дальше. В кибитках сходятся мужчины с женщинами, там же родятся и воспитываются дети, это – их постоянные жилища, и куда бы они не зашли, там у них родной дом. Гоня перед собой упряжных животных, они пасут их вместе со своими стадами, а более всего заботы уделяют коням. Земля там всегда зеленеет травой, а кое-где попадаются сады плодовых деревьев. Где бы они ни проходили, они не терпят недостатка ни в пище для себя, ни в корме для скота, что является следствием влажности почвы и обилия протекающих рек. Все, кто по возрасту и полу не годятся для войны, держатся около кибиток и заняты домашними работами, а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором для мужчины ходить пешком, и все они становятся вследствие многообразных упражнений великолепными воинами» (Аммиан Марцеллин, 2000, с. 493–494).

Представленный в данном описании факт широкого распространения имени алан в предгуннский период вполне соотносится с фактом доминирования позднесарматской культуры в степном поясе Восточной Европы. Это заключение и является доказательством идентичности позднесарматской культуры аланам. Еще один аргумент в пользу данного тезиса состоит в том, что информация Аммиана Марцеллина о кочевом образе жизни алан соответствует распространенности позднесарматской культуры именно в степной зоне.

В середине II в. н.э. из Нижнего Поволжья в Нижнее Подонье мигрирует крупная группа степняков (Безуглов, Копылов, 1989, с. 171–183). Часть ее осела в Танаисе. Как обращает внимание Д.Б. Шелов, с этого времени танаисские надписи фиксируют значительно больше имен горожан с иранскими именами, чем ранее. При этом набор этих имен по своему характеру существенно отличается от более ранних танаисских имен иранского происхождения (Шелов, 1974). Это свидетельствует о том, что новое население этого города было ираноязычным. А поскольку некоторое время спустя Аммианом Марцеллином в этом регионе фиксируются аланы, то можно достаточно уверенно полагать, что эти мигранты из Нижнего Поволжья являлись аланами. По уточнению С.И. Безуглова, прилив указанного нового населения из Нижнего Поволжья в Нижнее Подонье должен датироваться не ранее 135 года (Безуглов, 2001, с. 108–119).

По мнению С.И. Безуглова, у Аммиана Марцеллина название «аланы» – «явно не этноним в современном понимании термина; многоплеменной состав аммиановых алан подчеркнут самим автором в знаменитых пассажах XXXI, 2, 13 и 17. Особое значение может иметь лишь разделение Марцеллином «европейских алан» и «алан – прежних массагетов» (XXII, 8, 42 и XXIII, 5, 16; XXXI, 2, 12)» (Безуглов, 1990, с. 81).

«Аланы-танаиты, таким образом, представляли собой, – пишет далее С.И. Безуглов, – лишь небольшую локальную группу всех алан, охарактеризованных Аммианом. Из сопоставления фрагментов XXXI, 2, 12 и 3, 1 следует тождество алан-танаитов и алан – прежних массагетов (т.е. восточных, а не «европейских» алан)» (Безуглов, 1990, с. 81).

Основываясь на данной интерпретации сообщений Аммиана Марцеллина об аланах, С.И. Безуглов приходит к заключению и о принципиальных культурных отличиях алан-танаитов от других аланских групп, в частности, от «европейских алан» (см. ниже). Эта точка зрения разделяется и рядом других исследователей (Гудкова, Редина, 1999, с. 190; Симоненко, 2001, с. 77, 89–90; Габуев, Малашев, 2009, с. 152).

У Аммиана Марцеллина северо-причерноморские аланы действительно именуются «европейскими аланами» (22. 8. 42), но такое их именование связано только с тем, что, в соответствии с принятым у этого автора географическим разделением Европы и Азии по реке Танаис (31. 2. 13; в этом он следует Птолемею), все аланы, живущие к западу от этой реки, должны обозначатся именно «европейскими». Что же касается точки зрения С.И. Безуглова о том, что именование Аммианом Марцеллином алан «бывшими массагетами» (31. 2. 12) относится только к аланам-танаитам, то этот взгляд ни на чем не основан – у Аммиана Марцеллина нет ни намека на то, что именование «бывшими массагетами» может относиться только к одной из локальных групп алан. Оно у него относится ко всей совокупности аланских племен, включая и «европейских алан». Нет у него ни намека и на то, что аланы-танаиты в плане культуры чем-то отличались от осталь-

ных аланских групп. Из этого следует, что аланы в этот период являлись единой в отношении культуры этнической группой, разделенной, впрочем, по информации Аммиана Марцеллина (см. выше), на отдельные племена (Кулаковский, 1899, с. 114; Гаглойти, 1966, с. 106–112).

Именование Аммианом Марцеллином алан «бывшими массагетами» присутствует также и в его изложении обстоятельств похода Помпея на Кавказ в 66–65 гг. до н.э.: «Не стану говорить о Лукулле или Помпее, который, пройдя через земли албанов и массагетов (которых мы называем теперь аланами), разбил и это племя (персов) и видел Каспийское море» (23. 5. 16; цитируемый перевод: Аммиан Марцеллин, 2000, с. 288).

Такое же именование присутствует и в труде Диона Кассия (II–III вв.), правда, рассказывая о кавказском походе Помпея, он не упоминает о его столкновении с аланами (Dio Cass. 37. 1–2), но в другом своем сообщении – об аланском походе в Закавказье около 136 г. н.э. – он пишет о том, что аланы являются массагетами (Dio Cass. 69. 15).

Одним из источников данных представлений об аланах является труд Лукана (I в. н.э.). Именно он сообщает о разгроме Помпеем не только албан, но еще и алан (Lucan. 8. 133, 223; 10), правда, он не именует последних «массагетами». Упоминание алан в связи с кавказским походом Помпея является анахронизмом, так как, во-первых, имя алан становится известно лишь столетие спустя – во второй половине I в. н.э., и, во-вторых, другие источники (Аппиан, Плутарх, Дион Кассий), сообщая об этом рейде римлян, алан не упоминают вовсе (развернутый анализ источников по данной теме представлен в многочисленных работах (Манандян, 1939, с. 70–82; Lucullus, Pompey, 1992; Seager, 2002; Циркин, 2006)). Ввиду этого Е. Тойблер и В.Н. Гамрекели рассматривали упоминание Луканом в связи с этими событиями алан, как следствие смешения имен «албан» и «алан» (Taübler, 1909, S. 14; Гамрекели, 1961, с. 63). Нельзя с этим не согласиться (ср., однако, точку зрения Ю.С. Гаглойти (Гаглойти, 1966, с. 81 сл.)).

Трудно судить о причинах возникновения в ряде классических источников представления об аланах как о «масссагетах». Нельзя исключать того, что именование Аммианом Марцеллином (и Дионом Кассием) алан «бывшими массагетами» (31. 2. 12) может отражать его (или, точнее, его источника) представление о Средней Азии как о прародине алан, а именно в этом регионе Страбон (I в. до н.э. – I в. н.э.) фиксирует массагетов (Μασσαγέται; Strabo 11. 6. 2; 8. 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9; 15. 1. 6; 17. 3. 9). Впрочем, возможны и другие объяснения данного именования.

Кстати, отмеченное выше упоминание Аммианом Марцеллином «европейских алан» связано с использованием им неизвестного современной науке географического труда, относящегося к концу I–II в. О такой датировке свидетельствуют следующие два обстоятельства. Во-первых, среди северопричерноморских народов, упомянутых в соответствующем экскурсе Аммиана Марцеллина, отсутствуют готы, а они, как известно, мигрируют в Северное Причерноморье, начиная с последних десятилетий II в. (Буданова, 1999, с. 97–98). И, во-вторых, первая надежная фиксация алан в Европе относится ко второй половине I в., причем эти аланы локализуются на Дону и в Приазовье. Последний по времени и наиболее обстоятельный анализ этих сведений представлен в одной из работ *А.С.* Балахванцева (*Балахванцев*, 2009, с. 9–13).

Таким образом, если в одном случае Аммиан Марцеллин приводит очень архаичные для своего времени данные о народах Северного Причерноморья, то во втором – руководствуется уже материалами более близкого ему по времени источника об аланах.

В связи с рассматриваемой в настоящей работе проблемой можно отметить, что во второй половине III–IV в. в Нижнем Подонье и Северном Причерноморье наблюдается постепенное вытеснение позднесарматской культуры обрядом подкурганных катакомб. До недавнего времени этот обряд рассматривался в качестве одного из вариантов позднесарматской культуры, однако В.Ю. Малашевым была аргументирована неправомерность данной точки зрения (Малашев, 2009, с. 50).

В.Ю. Малашев связывает обряд подкурганных катакомб Нижнего Подонья с «центральнокавказской культурной традицией (аланской/раннеаланской культурой)» (Малашев, 2009, с. 50). Несколько раньше эта точка зрения была высказана С.И. Безугловым и В.П. Копыловым (Безуглов, Копылов, 1989).

Как мне представляется, указанные факты позволяют выделять соответствующие памятники в особую археологическую культуру – культуру северокавказских катакомбных погребений II–V вв.

В этой связи необходимо напомнить, что не позднее середины II в. н.э. у одной из

групп населения равнинно-предгорной зоны центральной части Северного Кавказа складывается обряд захоронений в катакомбах, в том числе и подкурганных. В первой половине – середине III в. крупные группы этого населения мигрируют в сопредельные области Затеречья, а также в низовья Сулака и в степную часть современного Ставропольского края. В этот же период носители данного обряда в значительном числе оседают и в более отдаленных регионах: в Нижнем Подонье, в Днепровском Левобережье, в Буджакской степи (близ дунайской дельты) и в сопредельной с ней части современной Республики Молдавия. Подробный анализ соответствующих археологических источников представлен в работах М.П. Абрамовой (Абрамова, 2001, с. 18–23; 2007, с. 52–76), а также в монографии Т.А. Габуева и В.Ю. Малашева (Габуев, Малашев, 2009).

*О*дни из первых обстоятельных работ по данной проблеме принадлежат Л.Г. Нечаевой. Ею было предложено, в частности, идентифицировать сарматские погребения в подбоях с гуннами, а катакомбы Северного Кавказа – с аланами (Нечаева, 1956; 1961), причем аланы, по ее предположению, являлись выходцами из Средней Азии (Нечаева, 1956, с. 14).

Полемизируя с Л.Г. Нечаевой, М.П. Абрамова отмечала, что «аланы, упоминаемые античными авторами, и северокавказские аланы – это далеко не идентичные понятия. Первые – это кочевые сарматские племена, с которыми римляне непосредственно сталкивались на границах своей империи на Дунае и в Закавказье во время многочисленных военных походов. Аланы Северного Кавказа – это оседлое население, обитавшее с середины I тыс. н.э. в центральных районах Северного Кавказа, где они локализуются многочисленными письменными источниками (византийскими, сирийскими и др.). Эти аланы, как и сарматские кочевники, были ираноязычны, однако по своему этническому составу они значительно отличались от кочевых аланских племен, поскольку включали в свой состав многочисленные группировки местного населения Центрального Предкавказья» (Абрамова, 2007, с. 59).

Как отмечала М.П. Абрамова, «если тезис Л.Г. Нечаевой о том, что подбойный обряд был принесен в Восточную Европу гуннами, не нашел поддержки у археологов, то точка зрения об аланской принадлежности подкурганных катакомб Северного Кавказа первых веков нашей эры была безоговорочно принята всеми» (Абрамова, 2007. С. 59).

Следует особо подчеркнуть, что под собственно аланами М.П. Абрамова в своих работах понимала исключительно носителей позднесарматской культуры. Она именует этих алан также «сарматами» или «сарматскими кочевниками». Что же касается носителей обряда подкурганных катакомб, то они у нее всегда, так же как и в цитировавшихся выше текстах, именуются «северокавказскими аланами», причем ею под данным сочетанием понимается оседлое население – в отличие от собственно алан, являвшихся кочевниками (см. выше).

В период с III в. до н.э. и до начала III в. н.э. катакомбный обряд погребения функционировал у ряда этнических групп Центрального Предкавказья, причем эти захоронения принадлежали элитным группам населения (Абрамова, 2007, с. 31). При этом суммарно таких погребений еще десятилетие назад было известно немного. Но именно с ними М.П. Абрамова и связывала происхождение подкурганных катакомб несколько более позднего времени, III–IV вв., причем обряд подкурганных катакомб, по ее мнению, развился в Предкавказье самостоятельно (Абрамова, 2007, с. 70–74).

Другая точка зрения принадлежит Т.А. Габуеву. По его мнению, эта группа памятников связана с мигрантами из Средней Азии. Что же касается предкавказских катакомб предшествующего периода, то они по ряду существенных признаков отличаются от катакомб III–IV вв. и поэтому не могут быть генетически с ними связаны (Габуев, 1997, с. 76, 77–78). Т.А. Габуев соглашается с М.П. Абрамовой в том, что ранние катакомбы Центрального Предкавказья (III в. до н.э. – начало III в. н.э.) никак не связаны с миграцией «сармат», а зарождаются там вполне самостоятельно (Габуев, 1997, с. 76). Что же касается подкурганных катакомб III–IV вв., то они, по мнению Т.А. Габуева, являются для данного региона новшеством (Габуев, 1997, с. 77–78). Их происхождение связывается им со среднеазиатскими аланами. Впрочем, этот свой тезис Т.А. Габуев считает гипотезой, требующей детального изучения (Габуев, 1997, с. 79).

В.Ю. Малашев полагает возможным, что носители обряда катакомбных погребений первых веков н.э. центральной части Северного Кавказа могли называться «аланами». В этом В.Ю. Малашев опирается на точку зрения С.И. Безуглова о том, что из данных

Аммиана Марцеллина следует, что аланы-танаиты в плане культуры отличались от европейских алан (Габуев, Малашев, 2009, с. 152) (подобный же взгляд отражен в коллективной монографии В.Ю. Малашева, М.С. Гаджиева и Л.С. Ильюкова: 2015, с. 115–162). Однако, как было показано выше, у Аммиана Марцеллина нет ни намека на это и, следовательно, нет никакой возможности связывать носителей данного обряда с аланами.

Этот обряд может быть отождествлен только с гуннами. Для аргументации данного тезиса необходимо, прежде всего, обратиться к данным древнеармянского автора Фавстоса Бузанда (V в.). По его сообщению, среди народов, принявших участие в нападении маскутского царя Санесана на Армению в 30-х годах IV в., были как аланы, так и гунны (История Армении, 1953, гл. 3. 7). Гунны и аланы упоминаются Фавстосом Бузандом также и в связи с событиями 60-х годов IV в., когда они привлекаются армянским царем Аршаком II (350–368) к отражению набегов персов на Армению (История Армении, 1953, гл. 4. 25).

Оба эти факта показывают, что в IV в. к северу от Дербентского прохода обитали и аланы, и гунны, а поскольку первые из них были связаны с позднесарматской культурой (см. выше), то в случае с идентификацией подкурганных катакомб с некими *другими* аланами для гуннов просто не найдется места на археологической карте Предкавказья, следовательно, с указанными памятниками могут быть идентифицированы только гунны.

Кроме того, поскольку известно, что в посталанский период именно гуннам и принадлежало военное доминирование в южной части Восточной Европы, то с ними и следует связывать указанные памятники, так как в противном случае для гуннов опять-таки просто не находится места на археологической карте данного региона.

До масштабных раскопок на могильнике Брут 2 и Зилгинском городище генезис катакомбного обряда на Северном Кавказе и его возможных истоков оставался не до конца ясным. Исследователям приходилось довольствоваться материалами очень многочисленных, но всё же сравнительно поздних памятников III–IV вв. Из этих источников вырисовывалась картина очень крупных миграций в Терско-Сунженское междуречье, в Нижнее Подонье, Днепровское Левобережье и Дунайско-Днестровское междуречье, о чем уже говорилось выше, причем масштабы миграций в Терско-Сунженском междуречье более чем впечатляющие – бесконечные курганные поля с тысячами погребений. Эти поля сопровождают остатки синхронных городищ и поселений. Миграции данного населения в Нижнее Подонье и Днепровское Левобережье были менее масштабными, но всё же достаточно впечатляющими. Так, в Нижнем Подонье выявлены уже сотни таких захоронений (Безуглов, 2008, с. 286).

Материалы могильника Брут 2 (Пригородный район Республики Северная Осетия – Алания) подтверждают отстаивавшееся М.П. Абрамовой представление о местных истоках катакомбных погребений Терско-Сунженского междуречья III–IV вв.

Напомню, что близ Брутского городища исследованы три связанных с ним могильника: курганный могильник Брут 1 (первая половина – середина V в.), грунтовой могильник V в. и могильник Брут 2 (вторая половина II в. – начало VII в., см.: Габуев, Малашев, 2007, с. 460–461; 2009, с. 9–10).

Могильник Брут 2 занимает площадь 4 кв. км. На нем представлены как грунтовые, так и подкурганные катакомбы, причем они располагаются там вперемешку. Вскрытые захоронения относятся к трем хронологически периодам: 1) вторая половина II – середина III в.; 2) конец IV – первая половина V в.; 3) конец VI – начало (первая треть?) VII в. (Габуев, Малашев, 2007, с. 460–461; 2009, с. 10, 143). Всего вскрыто 19 подкурганных катакомб, 27 безкурганных катакомб и 2 ямы без покойников. Большинство вскрытых захоронений относится к первому из указанных периодов.

Наличие хронологического разрыва между памятниками первого и второго периодов позволяют Т.А. Габуеву придерживаться своей прежней точки зрения о том, что подкурганные катакомбы центральной части Северного Кавказа III–V вв. могут быть связаны с миграцией среднеазиатского населения. Впрочем, основной его аргумент в данном случае состоит в расхождениях между различными деталями погребальных конструкций на могильнике Брут 2 первого и второго из указанных периодов (Габуев, Малашев, 2009, с. 10, 69–114, 164).

С этим не согласен В.Ю. Малашев, который разделяет точку зрения М.П. Абрамовой о самостоятельном развитии в данном регионе традиции катакомбных погребений (Габуев, Малашев, 2009, с. 10, 115–162, 164).

Проведенный В.Ю. Малашевым анализ материалов могильника Брут 2, а также и

синхронных ему городищ центральной части Северного Кавказа, показал, что население связанных с ними памятников переживало демографический взрыв, а также процесс стремительного экономического и социально-политического подъема. Со временем это вылилось во внешнюю экспансию, о которой говорилось выше (Габуев, Малашев, 2009, с. 158–162).

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М.П. Некоторые особенности культуры алан в первые века нашей эры // Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 15. Средневековые древности евразийских степей / Отв. ред. А.З. Винников, Т.И. Макарова, М.В. Макарова. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. С. 18–23.

Абрамова М.П. Монография «Курганные могильники Северного Кавказа первых веков нашей эры» // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сб. памяти М.П. Абрамовой / Отв. ред. В.И. Козенкова, В.Ю. Малашев. М.: ИА РАН: Таус, 2007 (МИА России. № 8 / ИА РАН, отд. скифо-сарматской археологии; отв. ред. серии Р.М. Мунчаев). С. 52–76.

Аммиан Марцеллин. Римская история (Res Gestae) / Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни; Вступ. ст. Л.Ю. Лукомского / Изд. 3-е. СПб.: Алетейя, 2000. 576 с.

Балахванцев А.С. Сарматы I–IV вв. н.э. по данным античных авторов // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV. Позднесарматская культура / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Вост. лит-ра., 2009. С. 9–13.

Безуглов С.И., Копылов В.П. Катакомбные погребения III–IV вв. на Нижнем Дону // СА. 1989. № 3. С. 171–183.

Безуглов С.И. Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9 / Отв. ред. В.Е. Максименко. Азов: Азовский краеведческий музей, 1990.

Безуглов С.И. Денежное обращение Танаиса (III в. до н.. – V н.э.) / Дис. …канд. ист. наук. М., 2001.

Безуглов С.И. Курганные катакомбные погребения позднеримской эпохи в нижнедонских степях // Проблемы современной археологии. Сб. памяти В.А. Башилова / МИА России. 2008. № 10. С. 284–301.

Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. Изд-е 2-е, испр. и доп. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. СПб.: Алетейя, 1999 (Сер. «Византийская библиотека», раздел «Исследования»). 320 с.

Габуев Т.А. Некоторые вопросы этнической истории Центрального Предкавказья в сарматское время // РА. 1997. № 3. С. 71– 81.

Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Элементы погребального обряда могильников Брутского городища // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сб. памяти М.П. Абрамовой / Отв. ред. В.И. Козенкова, В.Ю. Малашев. М.: ИА РАН: Таус, 2007 (МИА России. № 8 / ИА РАН, отд. скифо-сарматской археологии; отв. ред. серии Р.М. Мунчаев). С. 458–471.

Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа (МИА России. № 11 / ИА РАН, Гос. музей искусства народов Востока). Отв. ред. серии Р.М. Мунчаев; Отв. ред. тома Д.В. Деопик. М.: ИА РАН: ТАУС, 2009. 468 с.

Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси: Мецниереба, 1966. 256 с.

Гамрекели В.Н. Двалы и Двалетия в I–XV вв. н.э. Тбилиси: Изд-во АН Груз. ССР, 1961. 153 с., 7 л. ил.

Гудкова А.В., Редина Е.Ф. Сарматский могильник Градешка в низовьях Дуная // Старожитності Північного Причорномор'я і Криму. Збірник наукових праць. Вип. VII. Запоріжжя, 1999. С. 177–193.

История Армении Фавстоса Бузанда / Пер. с др.-арм. и коммент. М.А. Геворгяна; Под ред. С.Т. Еремяна; Вступ. ст. Л.С. Хачикяна. Ереван: АН Армянской ССР, 1953. 236 [2] с. (Серия «Памятники древнеармянской литературы»).

Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических и византийских писателей // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1899. Кн. 13. Отдел II. С. 94–168.

Манандян Я. А. Круговой путь Помпея в Закавказье // ВДИ. 1939. № 4. С. 70–82.

Малашев В.Ю. Позднесарматская культура: верхняя хронологическая граница // РА. 2009. № 1. С. 47–52.

Малашев В.Ю., Гаджиев М.С., Ильюков Л.С. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Махачкала: Мавраевъ, 2015. 452 с.: ил.

Мошкова М.Г. Савроматы и сарматы в Волго-Донском междуречье, Южном Приуралье и Северном Причерноморье // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989 С. 153–214.

Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV. Позднесарматская культура / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Вост. лит-ра., 2009. 176 с.

Нечаева Л.Г. Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе / Автореф. дис. … канд. ист. наук. Л., 1956. 16 с.

Нечаева Л.Г. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе // Исследования по археологии СССР. Л., 1961. С. 151–159.

Симоненко А.В. Европейские аланы и аланы-танаиты в Северном Причерноморье // РА. 2001. № 4. С. 77–91.

Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры / Под ред. М.Г. Мошковой. Саратов: Изд-во *Саратов*. ун-та, 1984. 150 *с*., ил., 2 отд. л. схем.

Скрипкин А.С. К вопросу этнической истории сарматов первых веков нашей эры // ВДИ. 1996. № 1. *С. 160–169.*

Циркин Ю. Б. Помпей Великий и его сын // Гражданские войны в Риме. Побежденные. СПб.: СПбГУ, 2006 (Серия «История и культура»). С. 138–208.

Шелов Д.Б. Некоторые вопросы этнической истории Приазовья в II–III н.э. по данным Танаисской ономастики // ВДИ. 1974. № 1. С. 80–93.

Lucullus, Pompey and the East // Cambridge Ancient History. 2nd ed. Volume IX: The Last Age of the Roman Republic, 146–43 BC / Ed. J.A. Crook, A. Lintott, E. Rawson. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

Seager R. Pompey the Great: a political biography. 2nd ed. Malden, MA; Oxford: Blackwell, 2002. 288 p.

Taübler R. Zur Geschichte der Alanen // Klio. Bd. IX. H. I. Leipzig, 1909. S. 14–28.

Информация об авторе:

Семенов Игорь Годович, доктор исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (г. Махачкала, Россия); i_semyonov61@mail.ru

About Author:

Semenov Igor G., doctor of historical Sciences, Institute of history, archaeology and Ethnography of the Daghestan scientific center, RAS (Makhachkala, Russia); i_semyonov61@mail.ru

УДК 902/904

МЕСТНАЯ КЕРАМИКА СЕМИКАРАКОРСКОЙ КРЕПОСТИ

© В.С. Флеров

LOCAL POTTERY OF THE SEMIKARAKORY FORTESS

Статья является первой публикацией керамики Семикаракорской крепости конца VIII – начала IX вв. Крепость расположена в нижнем течении р. Дон и принадлежит к памятникам Хазарского каганата. По гипотезе автора, крепость была ставкой хазарских каганов. Керамика из культурных напластований крепости относится к салтово-маяцкой археологической культуре.

Ключевые слова: археология, Хазарский каганат, салтово-маяцкая культура, керамика.

The article represents the first publication of pottery of the Semikarakory fortress (the end of 8th - beginning 9th a. g.). A fortress is located in the Lower Don region and belongs to the monuments of the Khazar khaganate. On the hypothesis of author it was probably a headquarter of Khazar khagans. The pottery from the cultural deposists at the fortress belongs to the Saltovo- Mayaki archaeological culture.

Keywords: archaeology, Khazar khaganate, Saltovo-Mayaki culture, pottery.

Литература о Семикаракорской крепости постоянно пополняется (Флеров, 2009*а*; 2015; 2016), но основной материал, обосновывающий его принадлежность к салтово-маяцкой культуре, – керамика до настоящего момента не был известен специалистам и публикуется впервые. Коллекция керамики из раскопок 1971–1974 гг. невелика – всего 567 фрагментов (табл.), среди которых преобладают горшки (224 экз.) и амфоры (238 экз.). Третье место занимают фрагменты лощеных сосудов (90 экз.). Эти цифры не следует абсолютизировать, но несомненное преобладание фрагментов амфор и горшков типично для поселений Нижнего Дона.[1]

Табл. Керамика Семикаракорской крепости (количество фрагментов)
Tab. Ceramics of Semikarakory fortress (amount of fragments)[1]

Участки крепости, квадраты	**Котлы лепные**	**Котлы круговые**	**Горшки круговые**	**Лощеные сосуды**	**Амфоры**	**Ойнохои**	**Пифосы**	***Всего на участке***
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*
Цитадель, кв. 25–30: северная и внутренняя стены цитадели, остатки кирпичного строения	1		10	6	18			*35*
Цитадель, кв. 31–44: траншея			1	6				*7*
Северная стена цитадели, кв. 45–46	1		5	2	2			*10*
Между северной стеною цитадели и северной стеною крепости, кв. 47–54: траншея			2					*2*
Башня и около нее, северная стена крепости, кв. 55–59, 61–73	3	6	118	60	111	3		*301*

[1] Импортная керамика в данную работу не включена, поскольку она не определяет облик культуры местного населения.

Северо-восточный угол крепости, кв. 74–82.			71	11	81			*163*
Восточная стена крепости у основания донжона, кв. 84–87.			17	5	18			*40*
Восточное кольцо–вал, кв. 60					8			*8*
На берегу протоки Салок							1	*1*
Всего фрагментов	***5***	***6***	***224***	***90***	***238***	***3***	***1***	***567***
%	*0,9*	*1,1*	*39,5*	*15,9*	*41,9*	*0,5*	*0,2*	*100*

Важное обстоятельство залегания фрагментов керамики в слоях крепости: они не образовывали скоплений. Это означает, что почти все фрагменты разбитых сосудов уносились в места, отведенные для мусора. Выявлено только два участка с незначительной концентрацией фрагментов, хотя и от разных сосудов. Первый – около «башни» на северной стене крепости, что объясняется расположением в ней мастерской по обработке металла. Работавшим в мастерской принадлежал и очаг из керамид. В нем сохранилось большинство обломков горшка, форму которого удалось реконструировать (рис. 9). Однако многих фрагментов и этого горшка не оказалось на месте. Второй – на северо-восточном углу крепости.

Горшки круговые. *О размерах горшков* можно судить по внешним диаметрам венчиков: от 14,5 до 20 см (рис. 1–3). Один, с диаметром венчика 28 см, мог принадлежать не горшку, а котлу с внутренними ушками (рис. 2: 6). Выбор между двумя вариантами труден.

Профили и степень отогнутости *венчиков* разнообразны. Такая же вариабельность венчиков на пос. Крымском, находящемся против Семикаракорской крепости на правом берегу Дона. На Крымском вариабельность венчиков даже более выразительна (Иванов, 2013, с. 59–63, рис. 8–12).

Особняком стоит один венчик с наклоном к центру, что совершенно не характерно для салтово-маяцких горшков (рис. 2: 7). Допускаю, что он принадлежал сосуду иной формы, не горшковидной (миска?).

Орнаментация. Среди венчиков лишь один орнаментирован наколами (рис. 2: 1).

На плечиках изредка встречается разных видов «волна», однорядная (рис. 2: 5; 4: 4) и многорядная (рис. 4: 5, 6, 9). В одном случае многорядная волна в сочетании с расчесами (рис. 4: 10). Только на одном фрагменте «гирлянды» (рис. 4: 7), которые более характерны для салтово-маяцкой лощеной керамики.

Наиболее распространенный орнамент на тулове – сплошной гребенчатый. Он встречается в сочетании с «волной» на плечиках и без нее (рис. 2–4; 7: 6; 8: 1–10; 9). Менее распространен гребенчатый орнамент с интервалами между линиями до 5 мм (рис. 5: 16). Иной тип орнаментации тулова встречен единожды – «ленты», выполненные гребенкой (рис. 6: 1; 8: 11).

Донца. Диаметры донец семикаракорских горшков находятся преимущественно в интервале 7,5–13,5 см (рис. 6; 7: 1–5). Судя по наклону остатков придонных стенок, они принадлежали преимущественно округлобоким горшкам.

Реже диаметры донец достигают 14–16 см (рис. 7: 2, 6). Форму горшка с такими размерами донец иллюстрирует сосуд из очага с диаметром дна 15 см (рис. 9). Внешний диаметр его венчика 16,6 см, высота 31 см.

Донца дают некоторые представления и о технологии изготовления горшков. Наиболее совершенные – таких около половины – имеют по окружности выступающие в сторону закраины (рис. 6: 1, 3; 7: 1, 2). У одного из маленьких горшков закраина направлена вниз (псевдо-поддон) (рис. 6: 2). При другой технологии стык дна и стенки сглажен (рис. 7: 4).

В подавляющем большинстве горшки изготовлены из хорошо промешанной глины с примесью песка. Формовка достаточно совершенная даже при том, что выполнялась на ручном круге. Цвет поверхности и излома – от черно-серого до светло-серого. Ряд фрагментов имели красноватую внутреннюю прослойку, поверхность некоторых с красноватым оттенком.

Клейма на донца горшков немногочисленны (рис. 6: 2, 4, 5, 6).

Коллекция фрагментов горшков Семикаракорской крепости невелика. Делать на ее основе какие-либо обобщения преждевременно. Предварительно можно выделить две основные формы. Первая представлена

высокими горшками с яйцевидным туловом (рис. 9). К таким же наверняка принадлежали венчик на рис. 8: 1 и придонные части на рис. 7: 5, 6. В общих чертах они напоминают горшки поселения у станицы Суворовской (Ляпушкин, 1958*а*, с. 327, рис. 6; с. 330, рис. 10). Именно в общих чертах, т. к. однотипные горшки не только каждого поселения, но и внутри одного, имеют свои особенности, отражающие «почерки» гончаров. Это отмечала еще С. А. Плетнева: «…несмотря на общее сходство, горшки разных городов и поселений всегда, хотя бы немного отличаются друг от друга» (Плетнева, 1967, с. 107).

Вторую форму семикаракорских горшков представляют округлобокие: часть горшка (рис. 6: 1) и фрагменты стенок (рис. 4: 1–9, 11, 14, 15). На Нижнем Дону образцом такого горшка является найденный на пос. Карнауховское (Ляпушкин, 1958б, с. 293, рис. 35). Такие же обнаружены в Правобережной Цимлянской крепости и Саркеле (Плетнева, 1959, с. 220–222, рис. 9: 1, 3; 1994, с. 393, рис. 56: 3).

Прочие формы на фрагментированном материале Семикаракорской крепости пока выделить не удается. В целом же семикаракорские горшки не отражают многообразие нижне-донских форм. Особенностями комплекса семикаракорских горшков являются следующие. Среди них нет крупных «тарных», часто грубых толстостенных, с венчиками ложновитыми или с косыми насечками, небрежной орнаментацией по тулову (Плетнева, 1959, с. 221, рис. 9: 7, 12, 13. Ключников, 2013, с. 170, 171, рис. 6: 6, 7; 7. Нидзелинская, Кулаков, 2013, с. 38, рис. 20: 8).

В Семикаракорской крепости не обнаружено фрагментов определенно лепных горшков. Случайно ли? По моим наблюдениям, очень небольшая примесь лепной керамики есть на всех салтово-маяцких памятниках (Флеров, 2009*б*).

Котлы с внутренними ушками – категория керамики, имевшая повсеместное распространение по территории салтово-маяцкой культуры. Не является исключением и Семикаракорская крепость.

Самая ранняя публикация нижне-донского, а если точнее, приазовского котла – котел из поселения на Золотой Косе, Миусский п-ов (Миллер, 1927–1928, с. 19). Первое описание нижне-донских котлов от Золотой Косы до Саркела принадлежит М. И. Артамонову (Артамонов, 1935, с. 48–54).

В Семикаракорах пять фрагментов котлов. Полагаю, их было несколько больше, но сходство глины, орнаментации и технологии не позволило уверенно определить обломки котлов среди более многочисленных, принадлежавших горшкам, если первые не имели специфических признаков.

Удалось графически восстановить форму одного котла (рис. 10*:* 1). Сделан он грубо, гребенчатая орнаментация на тулово нанесена небрежно. На венчике прерывающаяся волна. Котел приземистый: высота около 24 см, диаметр венчика 29,5 см, диаметр тулова 33 см, диаметр дна 19 см. Лепным его не назовешь, но в технологическом отношении он уступает фрагментам четырех других. Обломки лепных котлов не встречены, но их можно прогнозировать.

Найдена одна специфическая деталь котлов – «ушко» с двумя вертикальными отверстиями. На венчике косые насечки, на тулове сплошной гребенчатый орнамент (рис. 10: 4).

Три фрагмента отнесены к котлам исключительно по характерному для них нанесению орнамента на внутреннюю поверхность их венчиков. Два принадлежали небольшим котлам с диметрами венчиков 21 и 16,5 см. (рис. 10: 2, 3) Третий более крупный, внешний диаметр 26 см. Помимо косых оттисков гребенки на внутренней стороне венчика та же прерывающаяся волна (рис. 10: 5), что и на венчике реконструированного котла. Напомню, что котлу мог принадлежать обломок верхней части сосуда, который я не очень уверенно разместил среди венчиков горшков. На его венчике те же косо расположенные оттиски зубцов гребенки (рис. 2: 6). На Нижнем Дону косые насечки на венчике в сочетании со сплошным гребенчатым орнаментом на тулове и волной на плечиках встречаются на горшках. Как пример: горшок из низовий Дона (Парусимов, 1997, с. 97, рис. 2: 1). С другой стороны, сплошное покрытие тулова линейно-гребенчатым орнаментом в сочетании с волной на плечиках есть на тулове котла (Плетнева, 1959, с. 222, рис. 10: 7, 8).

Реконструкция днищ котлов без надежных обоснований невозможна. Поэтому реконструкции С. А. Плетневой круглодонного и плоскодонного котлов из Саркела приходится воспринимать как спорные (там же**,** с. 222, рис. 10: 1, 2). Более надежна реконструкция И. И. Ляпушкина котла Правобережного Цимлянского городища (1958*в,* с. 109, рис. 6: 5). Что касается четырех семикаракор-

ских фрагментов, то они слишком малы для реконструкции формы котлов. То, что реконструирован один, является большой удачей. В будущем целесообразно семикаракорские котлы изучать в совокупности с происходящими из поселения Крымское (Иванов, 2013, с. 59, рис. 8: 3). Среди недавних находок отмечу фрагмент салтово-маяцкого котла местонахождения Башанта-II (Очир-Горяева, Ситдиков, Кияшко, Нага, 2016, с. 26, рис. 3).

Столовая керамика. Определение «столовая» получило широкое распространение с выходом большой статьи И. И. Ляпушкина (1958*в*), а позднее книги С. А. Плетневой «От кочевий к городам». В широком смысле термин «столовая керамика» призван противопоставить ее другой – «кухонной». Обе рознятся не только формами и назначением, но технологией изготовления, орнаментацией. Значительная часть столовой подвергалась характерной обработке по поверхности – лощению. Лощением наносилась и орнаментация. Но следует отметить, что лощение использовалось не всегда. Как ни парадоксально, наиболее совершенные столовые сосуды (с наиболее плотным черепком) несли небрежное лощение. У крупных форм (пифосы, корчаги) нелощеными часто оставались нижние части тулова. Небольшие нелощеные фрагменты крупных столовых сосудов бывает трудно отличить от фрагментов горшков, особенно при отсутствии на тех и других специфической орнаментации.

Кратко коснусь разных подходов И. И. Ляпушкина и С. А. Плетневой к типологии лощеной керамики. Ляпушкин, независимо от технологии изготовления и обработки поверхности, все крупные сосуды объединял в группу «сосуды для хранения продуктов». В нее им включены и большие лощеные сосуды: «пифосообразные и кувшиноообразные». В группу «столовая» попадали кувшины одноручные, кружки, лощеные горшки с ручками, кубышечки и прочие мелкие формы (Ляпушкин, 1958, с. 110–116). Типология С. А. Плетневой прошла эволюцию от отраженной в ранней статье о керамике Саркела до завершенной к 1967 г., в которой в основу выделения столовой керамики положены «два устойчивых признака … состав теста и лощеная поверхность» (Плетнева, 1967, с. 114).

Научная значимость лощеной керамики Саркела состоит в том, что она, как впрочем, вся саркелская, имеет твердую нижнюю дату – не ранее 40-х годов IX в. Разумеется, это не означает, что найденные в Саркеле формы сосудов не появились ранее.

В Семикаракорской крепости найдено около 100 обломков столовой посуды. Немногие выразительные находки публикуются здесь.

Кувшины. Вероятно, самая многочисленная группа и довольно единообразная. Представление о ней дает собранная из фрагментов верхняя часть черно-серого кувшина с плотной глиной (рис. 11). Его форма удлиненно-грушевидная. Носик-слив лишь чуть приподнят над горловиной. Характерный признак – короткая ручка. Есть находка аналогичной (рис. 12: 1). Вся поверхность кувшина, включая горло, покрыта вертикальными полосами лощения. О форме нижней половины тулова можно судить по фрагменту другого кувшина с диаметром дна 13–14 см (рис. 12: 3). Опоясывающая его ложбина типична не только для нижне-донских салтово-маяцких кувшинов.

Найдены фрагменты других подобных кувшинов: венчиков горла, ручки и части плечика (рис. 12: 2, 3, 5–7).

Иному типу кувшинов принадлежит обломок верней части горловины с сохранившимся носиком-сливом (рис. 12: 4). Судя по заметному расширению горла, оно было коротким, а сам кувшин имел более приземистые очертания, нежели первый.

Кружка сероглиняная лощеная. Ее форму удалось восстановить графически (рис. 13: 2). Высота 15 см, диаметр венчика 8,3 см, диаметр помеченного горизонтальной ложбиной основания горла 10 см, диаметр тулова 14 см, диаметр дна 8 см. Форма кружки подсказала очертания и места крепления ручки.

Типы сероглиняных сосудов, от которых остались несколько обломков ручек определить трудно. Они могли принадлежать как кувшинам, так и кружкам (рис. 13: 1, 3–5).

Не берусь что-либо конкретно говорить о принадлежности фрагментов стенок с вертикальными полосами лощения (рис. 13: 6–9). Отмечу только, что нанесены они небрежно. Один фрагмент верхней части тулова имеет более сложную орнаментацию: треугольники, заштрихованные теми же вертикальными полосами лощения (рис. 13: 10). Толщина всех фрагментов, 6–8 мм.

Удалось восстановить нижнюю часть крупного сосуда с вертикальными линиями лощения. Диаметр его дна 11,2 см. Круто поднимающиеся стенки дают некоторое основание относить данный сосуд к пифосо-

образным с двумя ручками на плечиках типа найденных в Саркеле (Плетнева, 1959, с. 216, 217, рис. 4: 3; 5: 1).

Следующие два сосуда заслуживают особого внимания.

Краснолощеный сосуд с двумя ручками (рис. 14: 1). Его форму лишь приблизительно можно определить как округлобокую. Размеры: диаметр венчика по верхнему краю 11,5 см, диаметр на уровне расширения венчика 12,8 см, диаметр тулова 24,5 см. Глина песчанистая.

Две особенности сосуда: загнутый вовнутрь венчик, сидящий непосредственно на тулове и ложбинка на внешней поверхности ручки. Эти признаки не характерны для основной массы салтово-маяцкой столовой посуды. Но технология изготовления и залощеность не вызывают сомнений в его местном происхождении, как и украшение двумя горизонтальными канелюрами и волною. В музейных собраниях мне не приходилось встречать подобные сосуды. Такой формы сероглиняные округлобокие сосуды, но с прямыми венчиками-раструбами, известны в Саркеле (Плетнева, 1959, с. 216, рис. 4: 1–4, 6).

Особенностью столовой керамики Саркела является то, что наряду с серой в ней есть заметная доля красно-желто-глиняной, на что обратила внимание С. А. Плетнева (там же, с. 214). Теперь красноглиняная лощеная керамика зафиксирована в более ранней Семикаракорской крепости. Кроме описанного сосуда, найдены еще несколько фрагментов краснолощеных сосудов.

Одно примечание к семикаракорскому красноглиняному сосуду: технологически он однороден с красноватыми и желтыми лощеными кувшинами и иными типами сосудов Саркела, имеющими ритуальное назначение (Артамонов, 1935, с. 23, рис. 9 – сосуд в виде животного. Плетнева, 1959, с. 215, рис. 3),

Сосуд с кольцевым поддоном, представленный небольшим фрагментом (рис. 14: 2). Стоит особняком среди прочей керамики крепости. Поверхность серая, хорошо заглажена, но без лощения; излом красно-коричневый, глина насыщена песком. Сформован на гончарном круге, ножном (?).Толщина стенок – 8 мм. Поддон, отсутствие лощения и форма позволяют ставить вопрос о его инородном происхождении. Среди керамики салтово-маяцкой культуры подобных нет. Не исключаю, что фрагмент принадлежал сосуду XVII–XIX вв.

Состав керамики Семикаракорской крепости, датируемой концом VIII–IX вв., оказался типичен для поселений Хазарского каганата на Нижнем Дону, включая Саркел, построенный не ранее 841 г. *Ценность семикаракорской керамической коллекции в том, что вся она происходит из очень тонкого слоя, т. е. практически единовременна.*

ЛИТЕРАТУРА

Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону // ИГАИМК. Вып. 131. Л., 1935. 117 с.

Иванов А. А. Исследования юго-восточного участка Крымского городища в 2006–2008 гг. // Хазарские древности / Отв. ред. В. В. Ключников, А. А. Кулаков. Аксай, 2013. С. 50–65.

Ключников В. В. Помещение 2 и яма 18 на памятнике Золотые горки // Хазарские древности / Отв. ред. В. В. Ключников, А. А. Кулаков. Аксай, 2013. С. 163–175.

Ляпушкин И. И. Средневековое поселение близ ст. Суворовской // Тр. ВДАЭ. Т. I (МИА. № 62) / Отв. ред. М. И. Артамонов. М.; Л., 1958*а*. С. 323–336.

Ляпушкин И. И. Карнауховское поселение // Тр. ВДАЭ. Т. I (МИА. № 62) / Отв. ред. М.И. Артамонов. – М.; Л., 1958*б*. С. 263–314.

Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // Тр. ВДАЭ. Т. I (МИА. № 62) / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.; Л., 1958*в*. С. 85–150.

Миллер М.А. Керамика древних поселений Приазовья // Записки Краевого ОАИЭ. Кн. I (Т. II), вып. 3–4. Ростов-Дон, 1927–1928. С. 18–23.

Нидзелинская Л.Ю., Кулаков А.А. Раннесредневековое поселение Мартыново I на Нижнем Дону // Хазарские древности. / Отв. ред. В. В. Ключников, А. А. Кулаков. Аксай, 2013. С. 7–49.

Очир-Горяева М.А., Ситдиков А.Г., Кияшко Я.А., Нага Т. К изучению памятника эпохи раннего средневековья Башанта-II // Поволжская археология. 2016. № 4. С. 23–36.

Парусимов И. Н. Раскопки на территории заповедника «Золотые горки» // ИАИАНД. Вып. 14 / Отв. ред. В. Я. Кияшко. Азов, 1997.

Плетнева С. А. Керамика Саркела–Белой Вежи // Тр. ВДАЭ. Т. II (МИА. № 75) / Отв. ред. М. И. Артамонов. М.; Л., 1959. С. 212–272.

Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. (МИА. № 142) / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1967. 196 с.

Плетнева С.А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь, 1994. С. 271–396.

Флеров В.С. Семикаракорская крепость Хазарского каганата: строительство из сырцового кирпича, технология, сроки // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7. Донецк (Украина), 2009*а*. С. 479–488.

Флеров В.С. Лепные горшки, котлы и другие виды керамики как индикаторы салтово-маяцкой культуры // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве / Материалы IV Междунар. конф. памяти Г. А. Федорова-Давыдова / Донские древности. Вып. 10 / Отв. ред. А. А. Горбенко. Азов, 2009. С. 476–484.

Флеров В.С. Семикаракорская крепость: к происхождению фортификации Хазарского каганата // Бухарский оазис и его соседи в Древности и Средневековье. На основе материалов научных конференций 2010 и 2011 гг. / Тр. Гос. Эрмитажа. LXXV / Отв. ред. А. В. Омельченко, Д. К. Мирзаахмедов. СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. С. 318–336.

Флеров В.С. Из историографии середины XX – начала XXI в. Семикаракорской крепости и других хазарских памятников Нижнего Дона // КСИА. 2016. Вып. 245. С. 525–539.

Информация об авторе:

Флеров Валерий Сергеевич, сотрудник Института археологии РАН (г. Москва, Россия); valerij-flyorov@yandex.ru

About Author:

Flerov Valerii S., researcher, Institute of archaeology RAS (Moscow, Russia); valerij-flyorov@yandex.ru

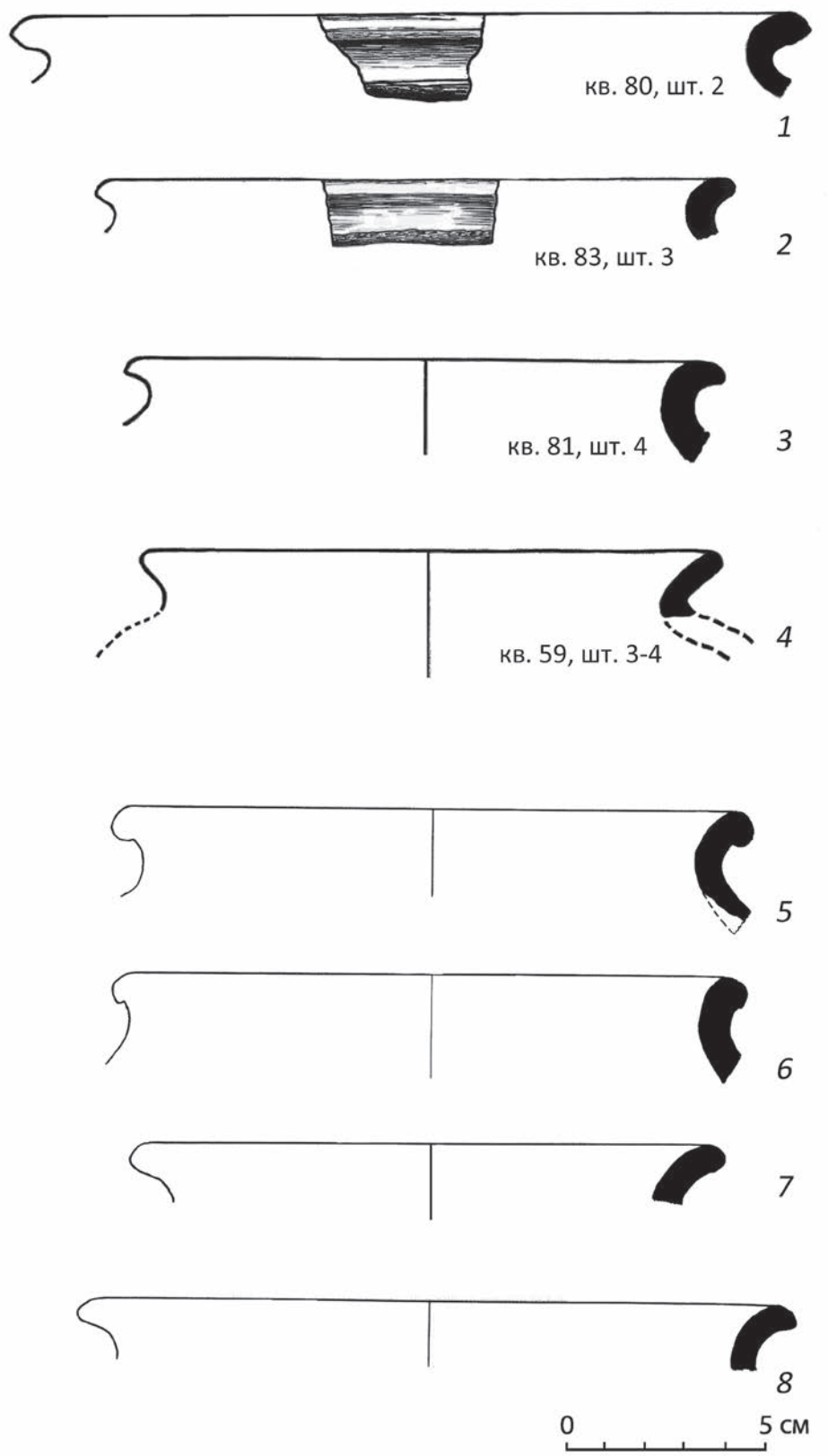


Рис. 1 . Венчики горшков.

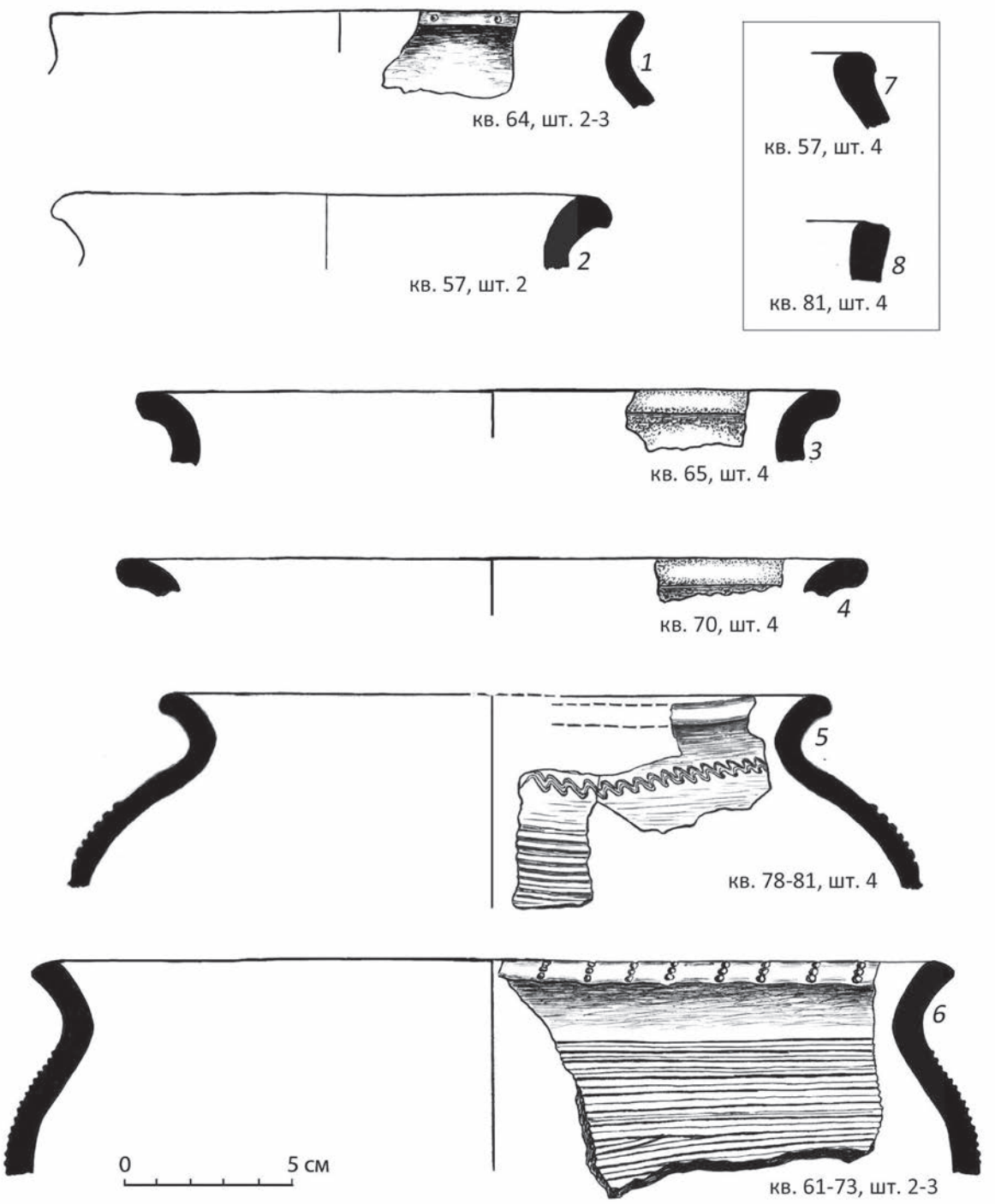


Рис. 2. Венчики горшков (1–6) и сосудов неопределенной формы (7–8).

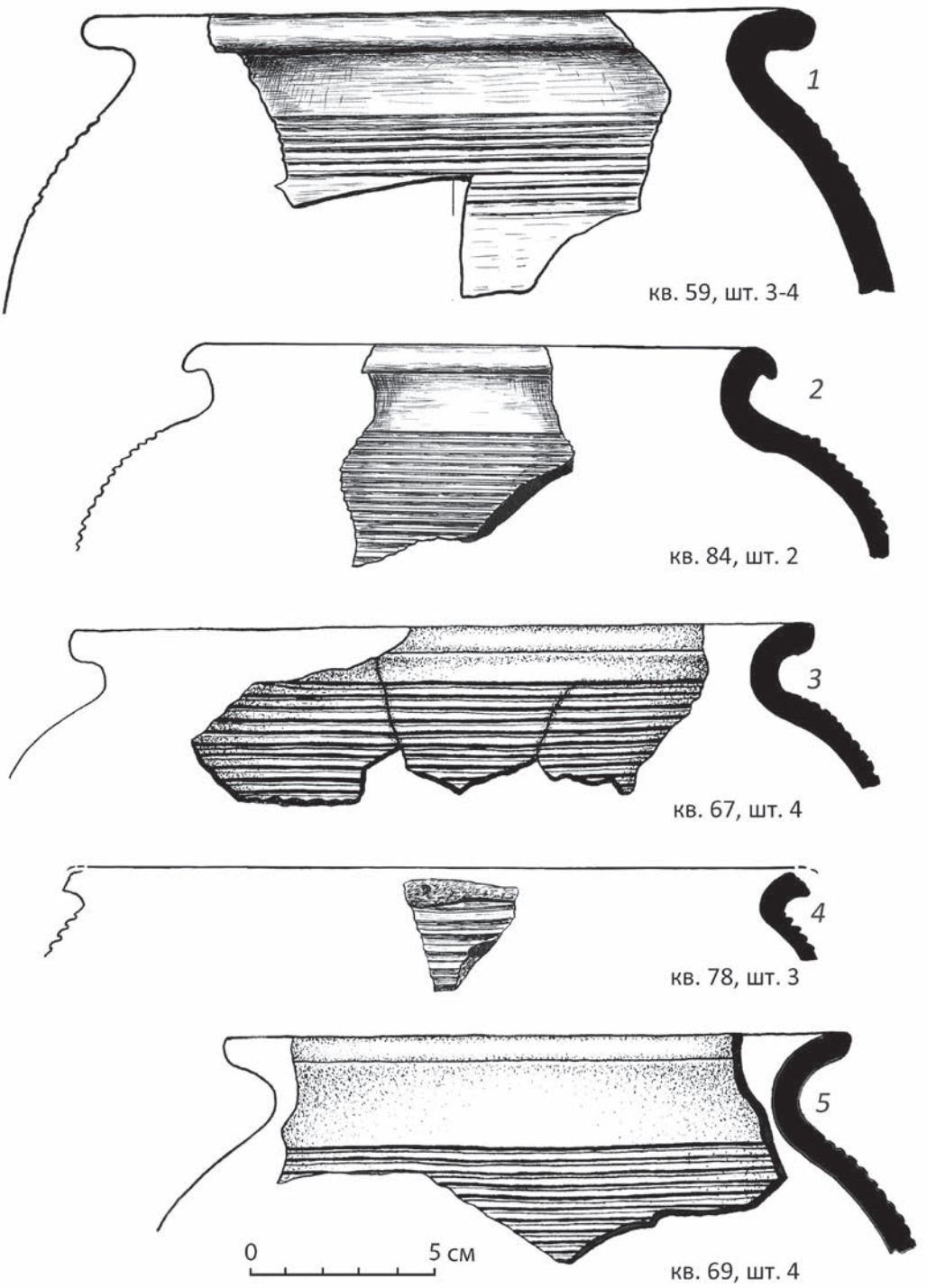


Рис. 3. Венчики горшков.

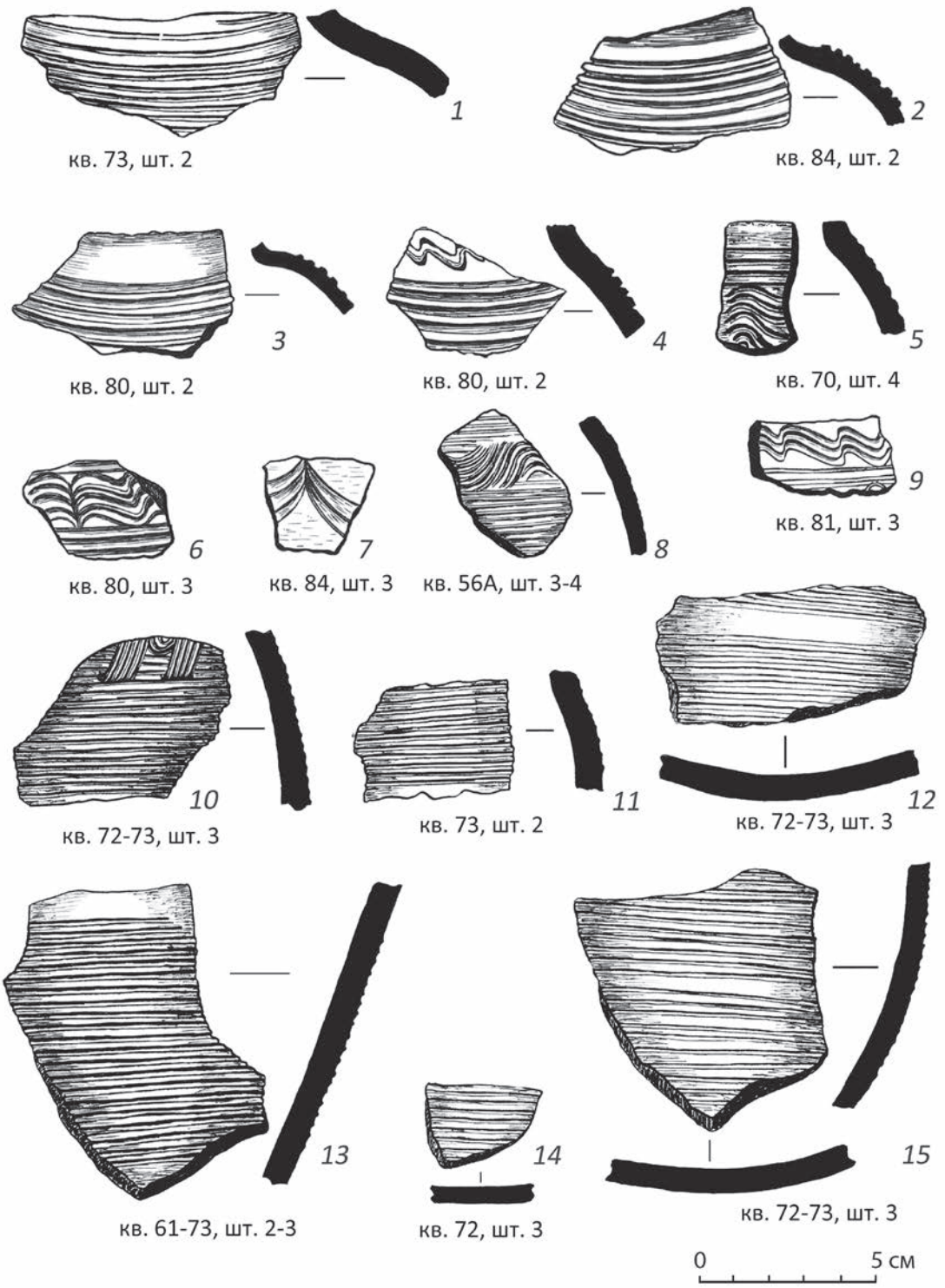


Рис. 4. Стенки горшков.

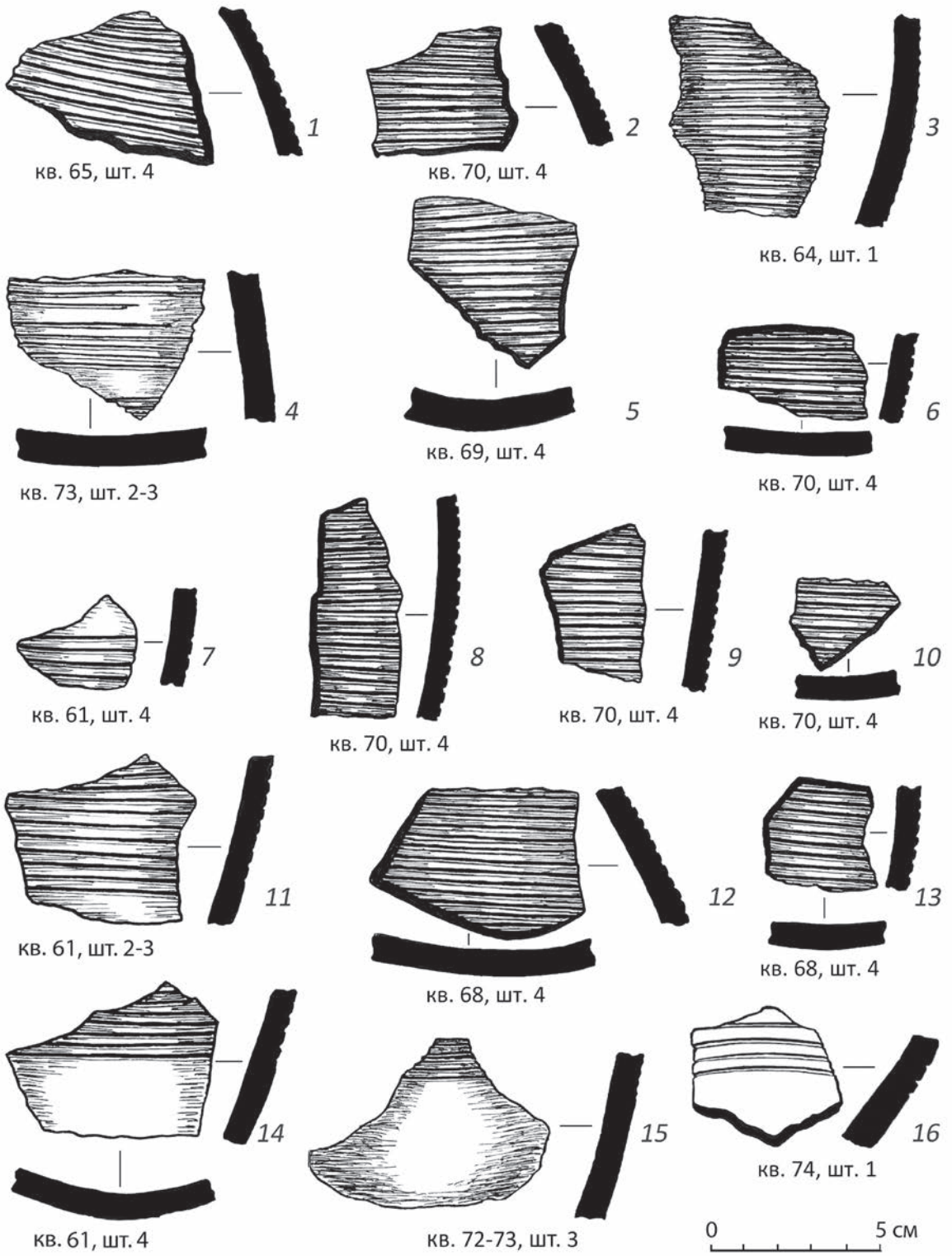


Рис. 5. Стенки горшков.

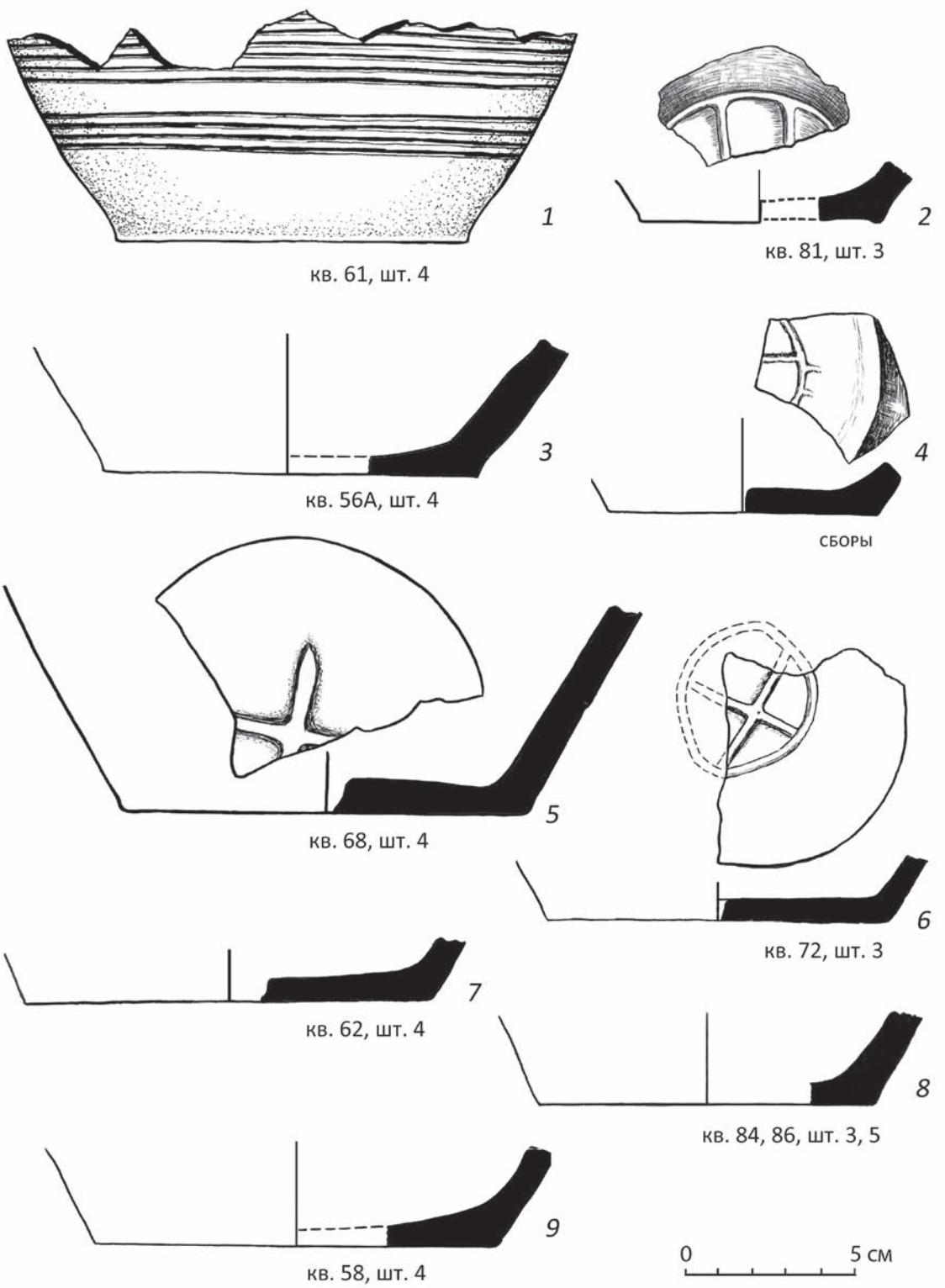


Рис. 6. Донца горшков.

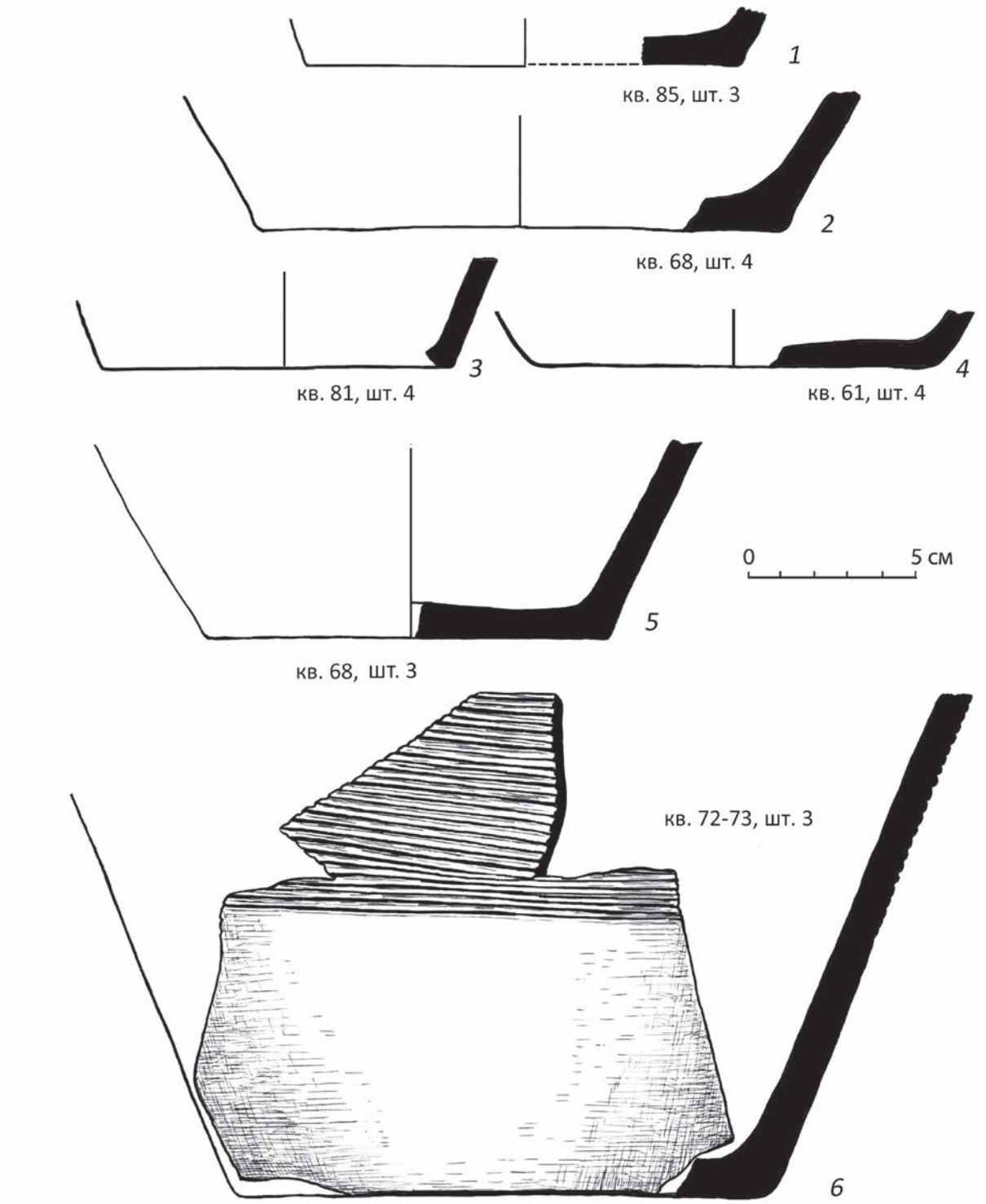


Рис.7. Донца горшков.

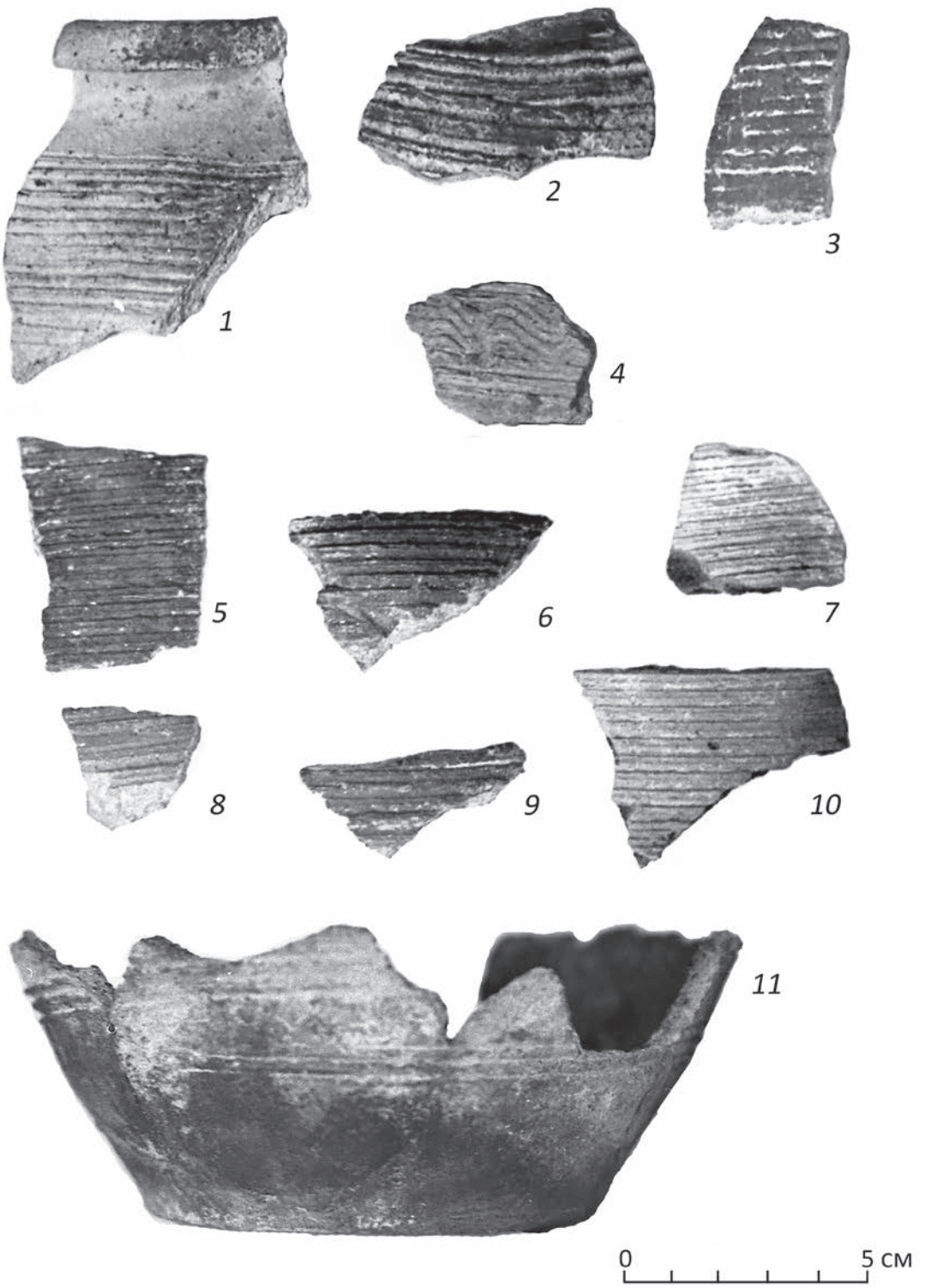


Рис. 8. Фрагменты горшков.
1, 3 – кв. 84–87; 2 – кв. 84, шт. 2; 4 – кв. 80, шт. 3; 5–10 – кв. 83; 11 – кв. 61, шт. 2–3.

Рис. 9. Горшок из очага у башни на северной стене крепости.

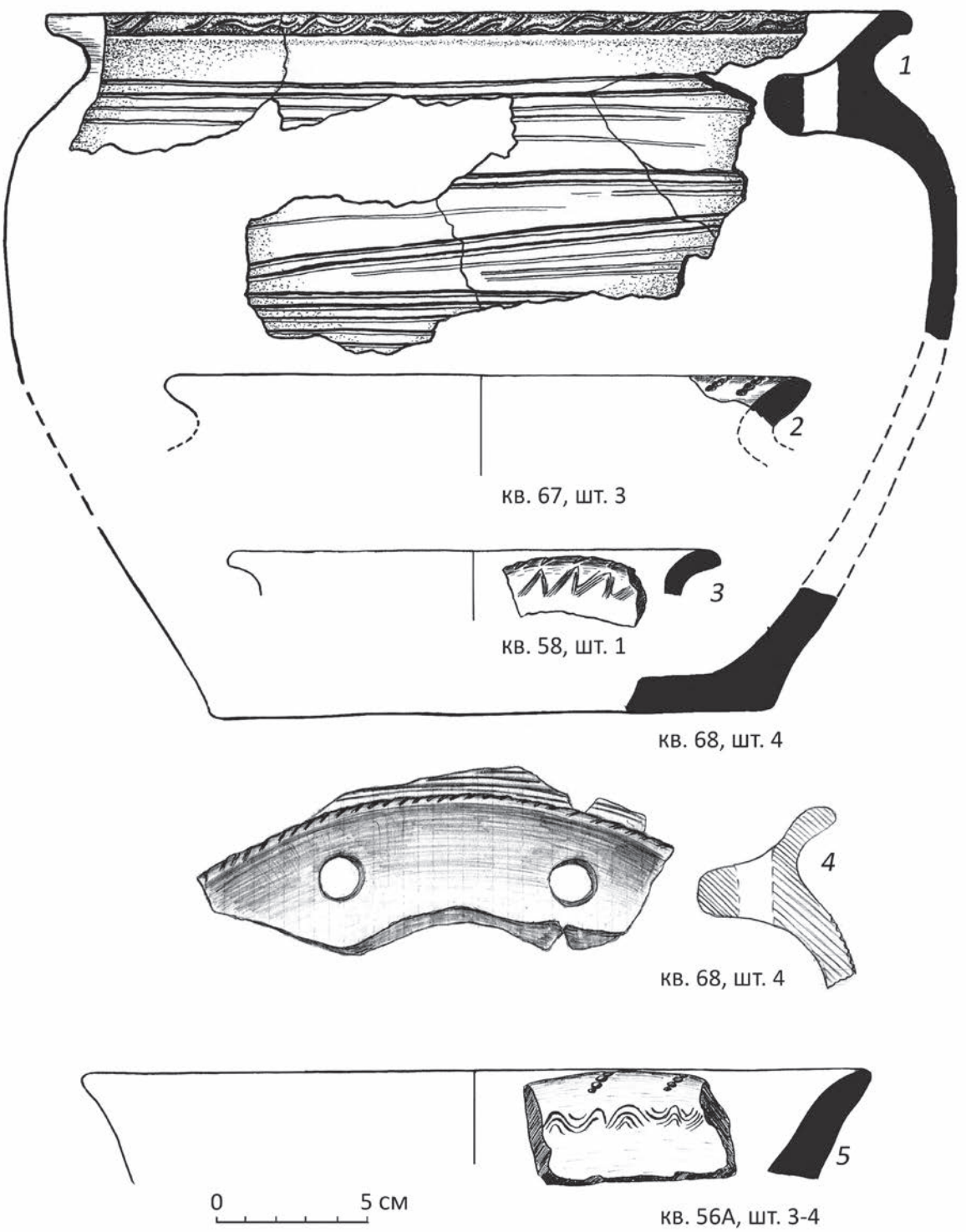


Рис. 10. Котлы с внутренними ушками .

Рис. 11. Кувшин с лощением.

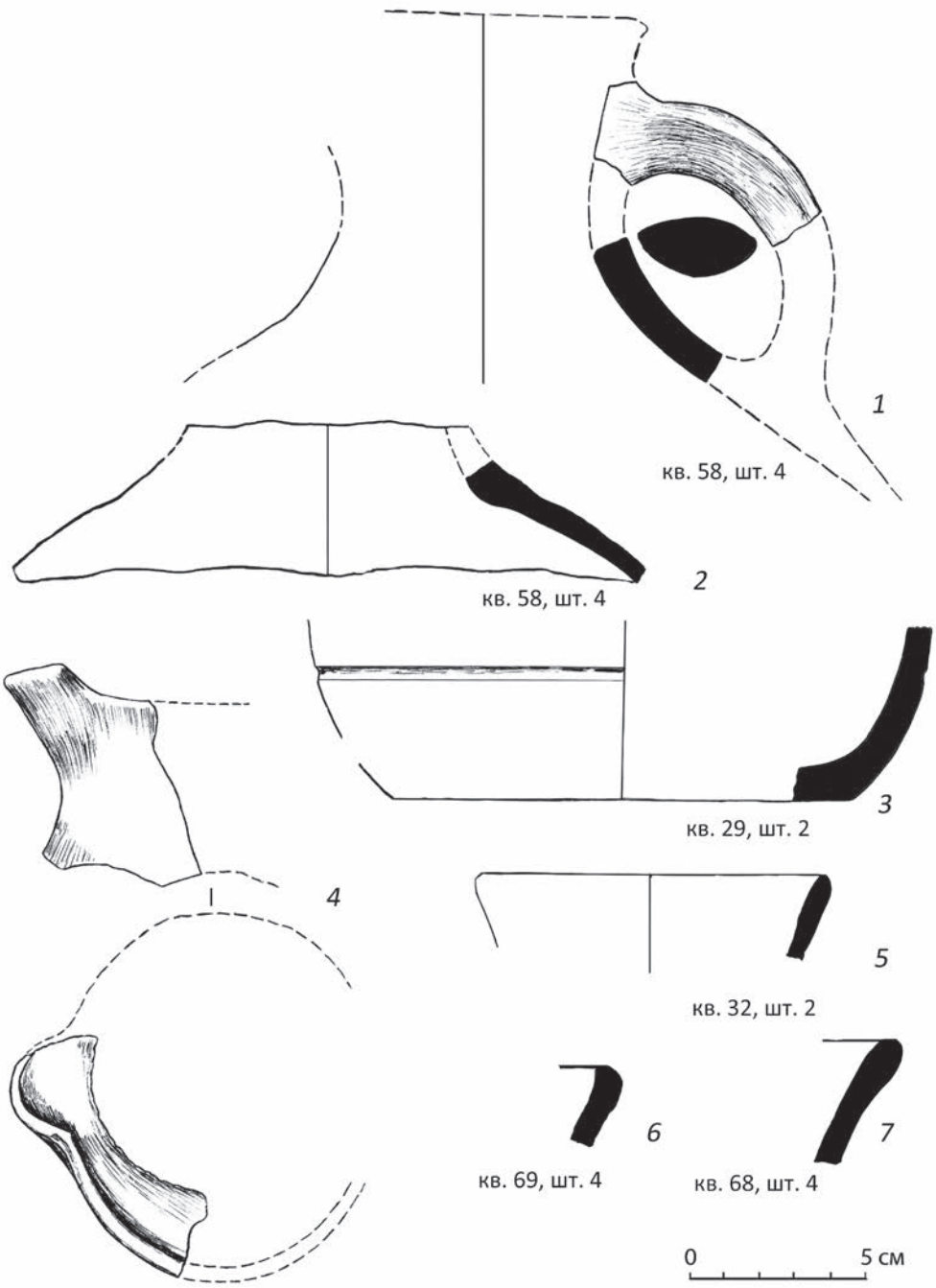


Рис. 12. Фрагменты кувшинов.

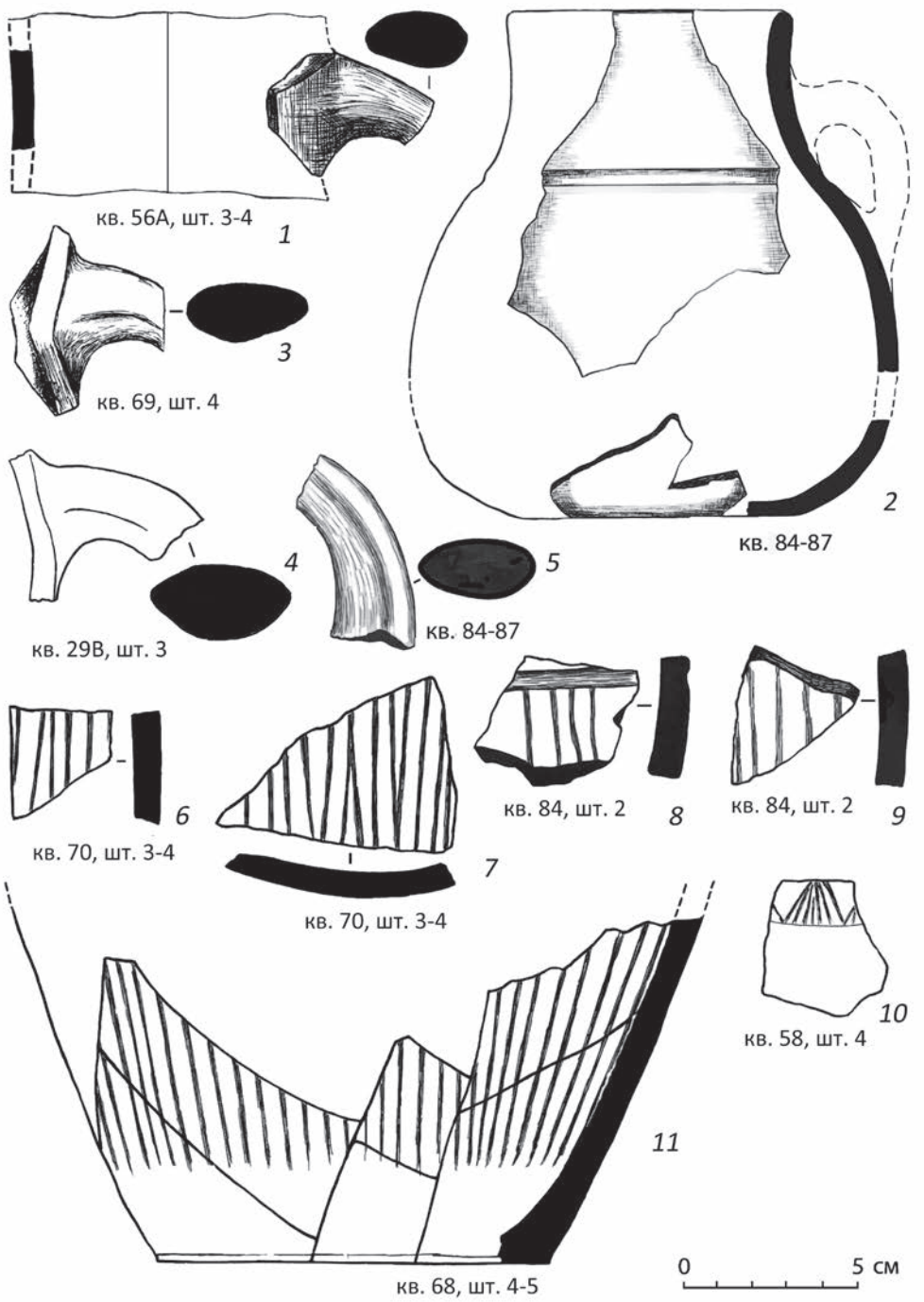


Рис. 13. Фрагменты столовой посуды.

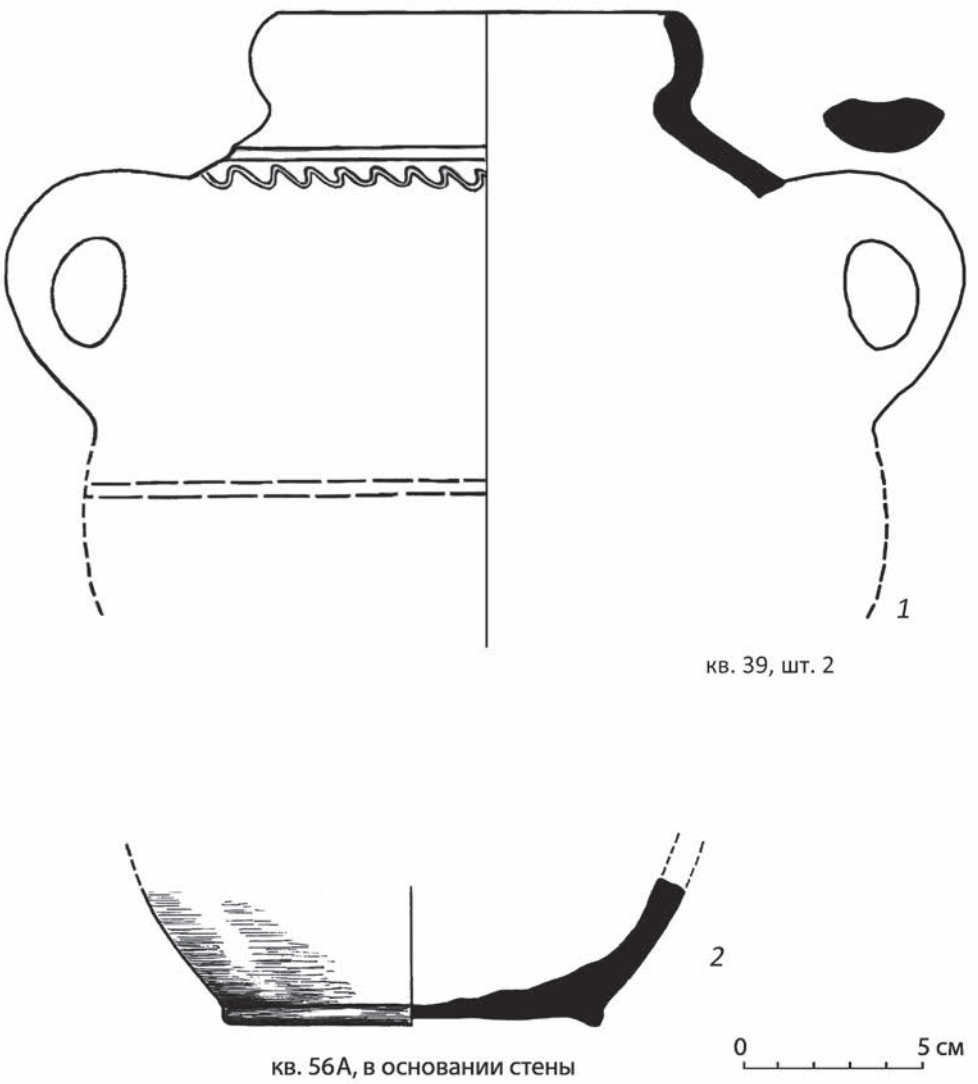


Рис. 14. Сосуды красноглиняный лощеный (1) и сероглиняный с кольцевым. поддоном, дата не определена (2).

УДК 343.3/.7

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ ТРЕБОВАНИЙ СОХРАНЕНИЯ ИЛИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ, ВЫЯВЛЕННЫХ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© И.А. Халиков

PROBLEMS OF CRIMINAL-LEGAL REGULATION OF SOCIAL RELATIONS ASSOCIATED WITH THE VIOLATION OF THE CONSERVATION OR UTILIZATION OF OBJECTS OF CULTURAL HERITAGE, THE REVEALED OBJECTS OF A CULTURAL HERITAGE OF THE RUSSIAN FEDERATION PEOPLES

В представленном исследовании рассматриваются особенности уголовно-правовой охраны объектов культурного наследия. Неудовлетворительная ситуация, складывающаяся в данной сфере, требует принятия должных мер уголовно-правового характера к лицам, нарушающим требования сохранения и использования объектов культурного наследия, выявленных объектов культурного наследия народов России. Предлагаются направления оптимизации уголовно-правовой охраны памятников истории и культуры.

Ключевые слова: объекты культурного наследия, выявленные объекты культурного наследия, уголовно-правовая охрана, памятники истории и культуры, нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия.

The present research deals with the peculiarities of criminal-law protection of cultural heritage. The unsatisfactory situation in this area requires appropriate measures of criminal law to the persons who violate the requirements of preservation and use of cultural heritage, the revealed objects of a cultural heritage of the peoples of Russia. It is offered directions of optimization of criminal law protection of monuments of history and culture.

Keywords: cultural heritage, the revealed objects of a cultural heritage, criminal legal protection, monuments of history and culture, the violation of the conservation or utilization of objects of cultural heritage.

Вопрос сохранения исторического и культурного наследия России является одним из приоритетных направлений деятельности государства. 02.12.2016 Президентом Российской Федерации В.В. Путиным по итогам проведенного совета по культуре и искусству были даны указания Правительству Российской Федерации совместно с общественными организациями, осуществляющими деятельность в сфере охраны культурного наследия, провести обсуждение комплекса вопросов, связанных с организацией государственной охраны и сохранения объектов культурного наследия народов Российской Федерации, контроля и надзора в сфере охраны культурного наследия. По итогам обсуждения, разрабатываются предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы в сфере охраны культурного наследия (Поручение президента, 2016).

На наш взгляд, изменение законодательства, регулирующего указанные правоотношения, должно быть проведено после обобщения правоприменительной практики и выявления проблем, с которыми сталкиваются сотрудники правоохранительных органов.

Остановимся подробнее на проблемах уголовно-правового регулирования общественных отношений, связанных с нарушением требований сохранения или использования объектов культурного наследия. В соответствии Федеральным законом № 245-ФЗ от

23.07.2013 (Собр. законод., 2013) УК РФ был дополнен ст. 243[1] УК РФ. Появление статьи, конкретизирующей ответственность за нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия, выявленных объектов культурного наследия Российской Федерации обусловлено желанием на государственном уровне усилить ответственность за нарушения закона в регулируемой сфере. Однако практическое применение статьи вызывает затруднения.

Так, согласно сведениям, предоставленным Информационным центром МВД России в 2013–2014 гг., уголовные дела по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 243[1] УК РФ, по территории Российской Федерации не возбуждались. В 2015 г. возбуждено 3 уголовных дела, в 2016 г. – 4. При этом ни одно из возбужденных уголовных дел не было завершено вынесением обвинительного приговора. Все они были приостановлены производством в связи с неустановлением лица, совершившего преступление (п. 1, ч. 1 ст. 208 УПК РФ), хотя диспозиция рассматриваемой статьи предполагает, что субъектом совершенного преступления является собственник или иной законный владелец объекта охраны. По всем расследованным в 2015–2016 гг. уголовным делам, собственник (иной законный владелец) памятника истории и культуры был изначально известен. Несовершенное уголовное законодательство, на фоне ежегодной утраты тысяч памятников истории и культуры по вине собственников, требует принятия действенных мер для изменения сложившейся ситуации.

Выборочное изучение материалов уголовных дел, возбужденных по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 243[1] УК РФ, позволило выделить и обобщить проблемы, требующие законодательного разрешения.

Первая проблема, затронутая нами ранее, связана с отсутствием в статье уголовного кодекса ссылки на субъект преступления, который, по нашему мнению, может быть только собственник или иной законный владелец объекта культурного наследия, выявленного объекта культурного наследия народов Российской Федерации.

По мнению А.Н. Трайнина, в некоторых случаях ограниченность круга субъектов преступления выражена не в форме прямого указания – «лицо, управляющее транспортным средством», «мать новорожденного» и т.д., а вытекает из общего содержания соответствующего состава (Трайнин, 1957). Диспозиция статьи 243[1] УК РФ, позволяет сделать вывод, что субъектом преступления может быть только «собственник» памятника истории и культуры или «иной законный владелец», с которым, в соответствии со ст. 47.6 Федерального закона № 73-ФЗ заключено охранное обязательство. При отсутствии указанного правоустанавливающего документа действия лица, вне зависимости от имущественных прав на объект охраны, подлежат квалификации по ст.243 УК РФ.

При нахождении объекта культурного наследия, выявленного объекта культурного наследия народов Российской Федерации в собственности, пользовании, хозяйственном ведении, оперативном управлении юридических лиц, субъектом преступления, предусмотренного ст. 243[1] УК РФ, будет руководитель юридического лица, выступивший в качестве стороны заключения охранного обязательства. Руководитель юридического лица может делегировать обязанности по соблюдению требований сохранения или использования объектов культурного наследия, выявленных объектов культурного наследия представителю руководимой им организации, наделив его соответствующими полномочиями.

В целях преодоления сложностей в определении субъекта совершенного преступления, статью 243[1] УК РФ необходимо изложить в следующей редакции: «нарушение собственником, представителем собственника или иным законным владельцем требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, либо выявленных объектов культурного наследия, повлекшее по неосторожности их уничтожение или повреждение…». Уточнение в диспозиции статьи признаков, характеризующих субъект преступления, будет способствовать устранению возникающих в правоприменительной практике противоречий.

Вторая проблема связана с отсутствием четких критериев и правовых оснований проведения экспертного исследования с целью определения характера и размера вреда, причиненного памятнику истории и культуры.

Теорией уголовного права не сформулированы четкие критерии оценки вреда,

причиненного объекту культурного наследия, а, следовательно, в настоящее время отсутствует и единая правоприменительная практика. Указанная проблема является ключевой на пути практического применения ст. 243[1] УК РФ и ее отграничения от схожего состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 7.13 КоАП РФ. Использование оценочного критерия совершенного преступления в «крупном размере» для правильного определения размера ущерба – денежного эквивалента проведенных восстановительных работ, не имеет однозначного толкования.

Сотрудники правоохранительных органов при вынесении процессуального решения чаще всего руководствуются сведениями об имущественном ущербе, расчет которого производится собственником, либо иным законным владельцем, непосредственно ответственным за сохранение или использование памятника истории и культуры. В своей практической деятельности они отождествляют понятие крупного размера вреда в результате повреждения памятника истории и культуры с материальным ущербом, причиненным собственнику объекта культурного наследия.

Так, сотрудниками органов внутренних дел УМВД России по г. Вологда Вологодской области РФ было отказано в возбуждении уголовного дела по факту разрушения объекта культурного наследия регионального значения – «дома Свешникова», расположенного по адресу: г. Вологда, ул. Пречистенская набережная, дом № 18, сгоревшего 14.06.2014. Принятое решение было аргументировано тем, что стоимость восстановительных работ составила до 200 тысяч рублей, что не образует крупного размера причиненного вреда. Сведения о его расчете предоставлены собственником здания, ответственным за сохранение и использование объекта культурного наследия. На этом основании он был освобожден от уголовной, а в последующем и от административной ответственности. Объект культурного наследия регионального значения полностью уничтожен.

В ходе проведенной проверки не были приняты к сведению те обстоятельства, что собственник здания, игнорируя требования охранного обязательства, не принял мер к сохранению архитектурного объекта, что привело к его разрушению. На основании мер прокурорского реагирования незаконное процессуальное решение было отменено.

Указанный пример наглядно иллюстрирует несовершенство действующей статьи Уголовного кодекса в части определения размера причиненного вреда. Актуальность данного вопроса обусловлена отсутствием единых критериев, используемых правоприменителем для определения крупного вреда, причиненного в результате преступления, который является «оценочным понятием».

При квалификации деяний по статьям УК РФ, имеющим оценочные понятия, усмотрение лиц, применяющих уголовно-правовые нормы, является чрезмерным. Исключить это усмотрение полностью невозможно, но его необходимо ограничить определенными правовыми рамками, определив правильное применение этих понятий, обозначив устойчивые во времени и в пространстве критерии, помогающие уточнить их содержание в том значении, которое имел в виду законодатель (Канубриков, 2015).

В соответствии со ст. 3 Федерального закона № 73-ФЗ от 25.06.2002 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее: Федеральный закон № 73-ФЗ, если не указано иное), объекты культурного наследия, признаются таковыми, если они возникли в результате исторических событий, представляют особую ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о их зарождении и развитии культуры. Следовательно, стоимость «нематериальных активов» должна определяться в ходе проведенного комплексного исследования, с привлечением специалистов, исходя из специфики восстанавливаемого объекта охраны. Они должны быть учтены при расчете стоимости восстановительных работ, а затем при определении размера вреда, причиненного в результате преступления.

Ориентиром определения характера и размера вреда являются одобренные 23.06.2015 Министерством экономического развития Российской Федерации Методические рекомендации (Метод рекоменд., 2015) по оценке объектов, отнесенных в соответствии с Федеральным законом № 73-ФЗ к объектам культурного наследия.

Методические рекомендации были призваны преодолеть пробел в законодательстве относительно критериев определения оценочной стоимости объекта, исходя из требований современных реалий. Возмож-

ность использования методических рекомендаций при оценке объектов культурного наследия носит рекомендательный характер. Группой экспертов было уделено внимание к требованиям задания на проведение оценки объекта, оценке земельных участков, объектам археологического наследия, акцентировано внимание на определении величины арендной платы за пользование объектом культурного наследия, наличию дополнительных обременений. Обращено внимание на рекомендации по проведению оценки в случае недостаточности данных (например, при отсутствии архитектурно-реставрационного задания на проведение восстановительных работ, исключительно уникальности объекта оценки). Требования, предъявляемые Методическими рекомендациями к объектам культурного наследия, распространяются и на выявленные объекты культурного наследия.

В соответствии с п. 4.3.1. Методических рекомендаций к объектам культурного наследия, в зависимости от преследуемой цели, может быть применена рыночная, инвестиционная, ликвидационная, кадастровая и другие виды оценки. По нашему мнению, для повышения объективности оценки причиненного вреда требуется комплексный подход, реализация всего спектра оценочных критериев. Это важно в правоприменительной деятельности для преодоления разночтений при расчете размера причиненного ущерба в практике работы следственных органов, суда.

В качестве особенностей оценки объекта культурного наследия Методические рекомендации предполагают, что исходя из исключительности объекта, связанного с определенными этапами развития истории и культуры, в их основу могут быть положены нематериальные активы, которые предполагают удорожание его фактической стоимости (п. 8.3.2. Методических рекомендаций).

Практика применения ст. 243^1 УК РФ, позволила нам сделать вывод об отсутствии правовых основ проведения экспертного исследования поврежденных, либо уничтоженных объектов культурного наследия в целях определения характера и размера вреда, причиненного преступлением. Так, 12.01.2015 дознавателями отдела дознания УМВД по г. Казани вынесено решение об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием признаков составов преступлений, предусмотренных статьями 167, 243, 243^1 УК РФ по факту повреждения объекта культурного наследия регионального значения – «Доходного дома И.Н. Киселева, 1910 г. постройки, архитектор К.С. Олешкович». Объект, включенный в государственный реестр, расположен по адресу: г. Казань, ул. Муштари, дом 2. Принятое процессуальное решение было аргументировано тем, что невозможно определить стоимость и размер восстановительных работ в связи с отсутствием методики проведения экспертного исследования, нахождением памятника истории и культуры в заброшенном, бесхозном состоянии. На основании отсутствия «ответа на запрос о размере причиненного ущерба» 14.05.2013 дознавателями УМВД России по г. Казани вынесено решение об отказе в возбуждении уголовного дела по факту проведения незаконных работ на придомовой территории объекта культурного наследия местного значения, расположенного по адресу: г. Казань, ул. Пушкина, дом № 58.

На наш взгляд, в целях осуществления эффективной государственной защиты объектов культурного наследия, выявленных объектов культурного наследия следует внести изменения в главу V «Государственная историко-культурная экспертиза» Федерального закона № 73-ФЗ, придав «государственный» характер экспертному исследованию определения размера причиненного вреда в результате совершенного преступления, административного правонарушения. Статью 28 Федерального закона № 73-ФЗ следует дополнить частью следующего содержания: «Государственная историко-культурная экспертиза (далее – историко-культурная экспертиза) проводится в целях … определения характера и размера вреда, причиненного объекту культурного наследия, выявленному объекту культурного наследия в результате совершенного преступления, административного правонарушения». Статью 30 Федерального закона № 73-ФЗ дополнить положением следующего содержания: «Объектами историко-культурной экспертизы являются: … объекты культурного наследия, выявленные объекты культурного наследия, подвергнутые уничтожению (утрате, разрушению), повреждению в результате совершенного преступления, административного правонарушения в целях определения характера и размера вреда, причиненного объекту охраны, определения объема и стоимости восстановительных работ, стоимости работ по сохранению археологического объекта (восстановительные работы) целесообразности воссоздания уничтоженного (утраченного) объекта культурного

наследия. Экспертное исследование может проводиться на основании постановления (определения, направления) компетентного органа в рамках проведения административного расследования, доследственной проверки, предварительного расследования, судебного разбирательства». Часть первую статьи 31 Федерального закона № 73-ФЗ дополнить частью 1.1 следующего содержания: «Проведение работ по сохранению объекта культурного наследия, выявленного объекта культурного наследия, подвергнутого повреждению либо уничтожению (утрате, разрушению) в результате совершенного преступления, административного правонарушения, запрещено до проведения историко-культурной экспертизы, кроме работ по консервации объекта, в соответствии со ст. 41 настоящего Федерального закона». Часть вторую статьи 31 Федерального закона № 73-ФЗ дополнить частью 2.2 следующего содержания: «Организация и проведение историко-культурной экспертизы объекта культурного наследия, выявленного объекта культурного наследия, подвергнутого повреждению либо в разрушению в результате совершенного преступления, административного правонарушения осуществляется федеральным органом охраны объектов культурного наследия и оплачивается за счет средств бюджета Российской Федерации». Второй абзац части 3 статьи 31 Федерального закона № 73-ФЗ изложить в следующей редакции: «Порядок определения размера оплаты историко-культурной экспертизы, касающейся объектов культурного наследия федерального значения, объектов культурного наследия, выявленных объектов культурного наследия федерального, регионального, местного значения, подвергнутых повреждению либо уничтожению (утрате, разрушению) в результате совершенного преступления, административного правонарушения, устанавливается Правительством Российской Федерации».

Часть вторую статьи 32 Федерального закона № 73-ФЗ дополнить абзацем следующего содержания: «Заключение историко-культурной экспертизы в отношении объектов культурного наследия, выявленных объектов культурного наследия (в том числе археологических объектов) должны обязательно включать сведения об объемах и стоимости в денежном эквиваленте восстановительных работ, а в отношении уничтоженного (утраченного, разрушенного) объекта культурного наследия, выявленного объекта культурного наследия, выводы о целесообразности работ по его воссозданию». Абзац второй части 2 статьи 32 Федерального закона № 73-ФЗ следует изложить в следующей редакции: «В случае несогласия с заключением историко-культурной экспертизы соответствующий орган охраны объектов культурного наследия по собственной инициативе, либо по заявлению заинтересованного лица вправе назначить повторную экспертизу в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, за исключением экспертных исследований, проведенных в целях определения характера и размера вреда объекту культурного наследия, выявленного объекта культурного наследия по инициативе компетентных органов в рамках административного расследования, доследственной проверки, предварительного расследования, судебного разбирательства». Часть 4 статьи 32 Федерального закона № 73-ФЗ предлагается изложить в следующей редакции: «Заключение историко-культурной экспертизы подлежит обязательному размещению федеральным органом охраны объектов культурного наследия, региональным органом охраны культурного наследия на официальных сайтах указанных органов охраны объектов культурного наследия в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», за исключением заключений историко-культурной экспертизы, проведенной по инициативе компетентных органов в рамках административного расследования, доследственной проверки, предварительного расследования, судебного следствия».

Примечание к ст. 243^1 УК РФ в качестве критерия определения вреда устанавливает стоимость «восстановительных работ», которая в денежном эквиваленте должна превышать пятьсот тысяч рублей. По нашему мнению «восстановительные работы», один из видов работ по обеспечению физической сохранности и сохранению историко-культурной ценности объекта культурного наследия, выявленного объекта культурного наследия (в том числе археологического объекта). «Восстановительные работы» не идентичны в своем содержании работам по ремонту и реставрации объекта охраны. Они должны проводиться в целях возвращения предмета охраны к исходному, имевшемуся до разрушения состоянию.

В целях преодоления разногласий в толковании УК РФ и законодательства, регламентирующего сохранение и использование объектов культурного наследия, целесообразно внести изменения в Федеральный закон

№ 73-ФЗ, дополнив его статьей 43.1 «Восстановительные работы» следующего содержания: «Восстановление памятника, ансамбля или достопримечательного места – научно-исследовательские, изыскательные, проектные и производственные работы, проводимые на основании заключения историко-культурной экспертизы в целях возвращения исходного до повреждения состояния, дальнейшего сохранения историко-культурной ценности объекта культурного наследия». Аналогичные по характеру и объему изменения следует внести в статью 47.2 «Требования к сохранению объекта культурного наследия, включенного в реестр выявленного объекта культурного наследия».

Предложенные изменения в законодательство могли бы способствовать преодолению трудностей правоприменительной практики. Способствовали бы своевременному установлению характера и размера вреда причиненного объекту культурного наследия, своевременному восстановлению и последующей охране.

Третья проблема связана с необходимостью правовой охраны исторических средовых объектов, которые, по определенным причинам, не являются объектами культурного наследия, выявленными объектами культурного наследия. Данному вопросу в последнее время уделяется повышенное внимание со стороны федеральных и региональных органов охраны объектов культурного наследия Российской Федерации, общественных организаций.

Определенный путь решения возникшей проблемы предложило Законодательное собрание г. Санкт-Петербурга. В изданном 24.12.2008 Законе № 820-7 «О границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга и режимах использования земель в границах указанных зон и о внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга «О Генеральном плане Санкт-Петербурга и границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга», был определен правовой статус памятников истории и культуры, по определенным причинам не признанным объектами культурного наследия (высокие региональные, местные стандарты признания объектом культурного наследия, отсутствия культурной ценности и др.). Им было дано терминологическое обозначение «исторические здания». В соответствии со ст. 2 приложения 2 Закона № 820-7 «историческими зданиями» признаются здания и сооружения, не находящиеся под государственной охраной как объекты культурного наследия, относящиеся к различным историческим периодам: в зонах охраны исторически сложившихся центральных районов – построенные до 1917 г. (здесь и далее год постройки включительно); в зонах охраны, расположенных за границами зон охраны исторически сложившихся центральных районов, – построенные до 1957 г.; деревянные одно- двухэтажные здания – построенные до 1917 г. (Админ. СПб, 2017).

Закон № 820-7 запрещает снос исторических зданий, за исключением разборки демонтажа находящихся в аварийном состоянии конструкций. Признание конструкции здания аварийной осуществляется на основании проведенного экспертного исследования. При этом Закон № 820-7 не обязывает собственника исторического здания проводить экспертизу в определенном специализированном учреждении, она в числе прочих документов представляется в Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры мэрии города Санкт-Петербурга (КГКИОП). При этом сотрудники КГКИОП не проводят проверку достоверности и полноты проведенного исследования технического состояния конструкции здания. Упущения в законе «на руку» собственникам исторического здания, желающим снести его. Историческая «реплика», построенного на месте снесенного здания, чаще всего не способствует сохранению индивидуальности исторически сложившихся районов города. Так, представителями общественной организации «Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры» был предотвращен снос дома № 11 по Владимирскому проспекту г. Санкт-Петербурга, где с 1842 по 1845 гг. проживал Ф.М. Достоевский, – «Дом Достоевского». По нашему мнению, опыт законодательной деятельности г. Санкт-Петербурга должен быть учтен на федеральном уровне. Историческое здание является создающим историческую и культурную ценность средовым объектом. Его охрана должна осуществляется Государством путем внесения изменений в Федеральный закон № 73-ФЗ и наделения его правовым статусом, схожим с объектами культурного наследия, выявленными объектами. Историческое здание, являющееся средовым объектом, культурно и эстетически неразрывно связанное с районом исторической городской застройки (иного поселения), должно

быть взято под уголовно-правовую охрану и стать предметом преступлений, предусмотренных статьями 243, 243[1] УК РФ.

Четвертая проблема обусловлена необходимостью дополнения ст. 243[1] УК РФ частью второй, предусматривающей возможность привлечения к уголовной ответственности должностных лиц, ответственных за повреждение или уничтожение объектов культурного наследия, выявленных объектов культурного наследия народов Российской Федерации.

Уголовным кодексом Российской Федерации оставлена без внимания возможность совершения указанных преступлений специальным субъектом – должностным лицом, наделенным функциями представителя органа исполнительной власти. Согласно п. 5 ч. 1 ст. 9 Закона № 73-ФЗ, к полномочиям федеральных органов государственной власти относится сохранение, использование и популяризацию объектов культурного наследия. Пункт 12 ч. 1 ст. 9 Закона № 73-ФЗ устанавливает порядок осуществления государственного надзора за содержанием, сохранением, использованием и государственной охраной объектов культурного наследия. Схожими по объему полномочиями наделены органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления, за исключением функции осуществления соответствующего надзора. В соответствии с п. 11 ст. 47.6 Закона № 73-ФЗ памятник истории и культуры, включенный в реестр, может быть предоставлен на праве хозяйственного ведения или оперативного управления унитарному предприятию или учреждению, представители которых несут ответственность за их сохранение и использование в пределах делегированных государством полномочий. Пункт 11 ст. 47.6 Закона № 73-ФЗ предусматривает возможность нахождения объекта в государственном управлении, что порождает необходимость выполнения охранных обязательств должностным лицом соответствующего органа исполнительной власти. Соответственно представитель органа исполнительной власти является полноценным «субъектом» рассматриваемого преступления, который наделен всеми правами и обязанностями представителя собственника.

Проведенное исследование продемонстрировало несовершенство законодательства, регламентирующего сохранение или использование объектов культурного наследия, выявленных объектов культурного наследия народов Российской Федерации. На наш взгляд, предложенные изменения будут способствовать повышению эффективности государственной политики по регулированию общественных отношений связанных с сохранением культурного наследия народов России.

ЛИТЕРАТУРА

Канубриков В.А. Оценочные признаки: проблемы применения и соответствие принципам Российского уголовного законодательства // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 2 (32).

Методические рекомендации по оценке объектов недвижимости, отнесенных в установленном порядке к объектам культурного наследия [Электронный ресурс]: Одобрены к применению Советом по оценочной деятельности от 23 июня 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.12.2016).

О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии: федеральный закон от 23.07.2013 № 245-ФЗ // Собрание законодательства Российского законодательства. 2013. № 30 (Ч. II).

Официальный сайт администрации Санкт-Петербурга. [СПб.], 2001–2017. URL: https://gov.spb.ru/law?d&nd=891801807&nh=1 (дата обращения 05.04.2017).

Поручение президента. Хранители наследия. [М.], 2008–2016 гг. URL: http://hraniteli-nasledia.com/articles/doslovno/novoe-poruchenie-prezidenta (дата обращения 25.01.2017).

Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957.

Информация об авторе:

Халиков Искандер Альфредович, старший преподаватель, Казанский юридический институт (филиал) федерального государственного казенного образовательного учреждения

высшего образования Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации (г. Казань, Россия); iskanderh@mail.ru

About Author:

Khalikov Iskander A., senior lecturer, Kazan law Institute (branch) Federal state educational institution of higher professional education Academy of the General Prosecutor of the Russian Federation (Kazan, Russia); iskanderh@mail.ru

УДК 902/904

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ КОЧЕВЫХ ПЛЕМЕН ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В IX–XI ВВ.

(Работа выполнена при поддержке Задания № 33.1389.2017/ПЧ на выполнение научно-исследовательской работы в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности)

© 2017 П.В. Харламов

WEAPONS COMPLEX OF THE NOMADIC TRIBES OF THE VOLGA-URAL REGION IN THE 9th–11th CENTURIES

В работе рассматривается комплекс вооружения средневековых кочевников по материалам археологических раскопок в степной и лесостепной зоне Волго-Уральского региона. Хронологические рамки исследования укладываются в IX–XI вв. Всего рассмотрено 70 погребальных комплексов, содержащих в составе инвентаря различное оружие. Рассмотренные погребения по этномаркирующим признакам в основном относятся к огузам и печенегам. Вооружение представлено разными видами оружия, которое могло использоваться как с целью нападения, так и защиты.

Ключевые слова: археология, Волго-Уральский регион, кочевники IX–XI вв., вооружение: дистанционное, клинковое, древковое, защитное.

In the article the complex of arms of medieval nomads on the basis of archaeological excavations in the steppe and forest-steppe zone of the Volga-Ural region is considered. The chronological framework of the study is in the IX-XI centuries. In total, 70 funeral complexes containing various weapons in structure of stock are analized. The burials under study according their ethno-marking signs generally belong to the Oguzes and Pechenegs. Arms are presented by various types which could be used both for the purpose of attack and defense.

Keywords: the archaeology, the Volga Ural region, nomads of the 9th-11th centuries AD, arms: remote, bladed, pylon, protective.

Степи Волго-Уралья на протяжении всей эпохи Великого переселения кочевников являлись проходным коридором в западную часть Евразийского континента. Данная территория не была обделена военными и этнополитическими событиями в IX–XI вв. Так, с начала IX в. начинается движение печенежских племен с территории Приаралья в Волго-Уральские степи (Иванов, Гарустович, Пилипчук, 2014, с. 238). Результатом этого продвижения явились: захват благоприятных земель для кочевок, вытеснение местного населения в лесную и лесостепную зону, постоянные конфронтации с Хазарским каганатом (Археология Южного Урала, 1993, с. 208). В конце IX – начале X вв. печенеги подвергаются нашествию огузов. Большая часть печенегов была вытеснена на правобережье Волги, откуда они уходят в южнорусские степи. Оставшаяся небольшая часть печенегов, которых, по всей видимости, увидел и описал в X в. Ахмад ибн-Фадлан, секретарь Багдадского посольства халифа Мактадира, подчиняется огузам и продолжает кочевать между реками Эмбой и Уралом (Якубовский, 1947, с. 51; Кригер, 1986, с. 115–118).

К памятникам огузо-печенежского времени относятся погребения, совершенные по обряду ингумации с конем или без такового. Этномаркирующие признаки были выделены в работах С.А. Плетневой, В.А. Кригера, В.А. Иванова и др. Всего в рассматриваемом регионе по данным В.А. Иванова известно 167 погребений IX–XI вв. (Иванов, Гарустович, Пилипчук, 2014, с. 131). В данной работе рассмотрено 70 погребений, содержащих различные комплексы вооружения (см. прил. 1).

Предметы вооружения в погребениях огузов и печенегов в основном представлены оружием дистанционного боя (лук, стрелы, колчаны), ближнего боя (сабли и палаши), редко встречаются комплексы защитного и древкового колющего вооружения.

Оружие дистанционного боя.

Лук – оружие метательного типа, предназначенное для ведения стрельбы специаль-

ными снарядами - стрелами. Сложносоставной лук включает довольно много отдельных частей, основными среди них являются детали кибити и накладки (Горбунов, 2006, с. 9).

Вещественными остатками кочевнических луков являются костяные накладки. Изредка вместе с ними находят деревянную основу лука - кибить. Накладки для лука являлись деталями, придающими жесткость определенным участкам деревянной основы, наиболее подверженной разрушению, а также усилению рефлекторных свойств кибити (Худяков, 1997; Горбунов, 2006). Всего по материалам погребений мы располагаем сведениями о 31 экз. остатков луков с различным количеством костяных накладок (от 1 до 8). Некоторые экземпляры обнаружены в поврежденных погребениях и практически не информируют о первоначальном количестве накладок. В то же время нужно учитывать, что некоторые костяные детали луков могли не сохраниться в земле.

В рассмотренных погребениях в основном встречаются срединные накладки, расположенные в центральной части деревянной основы лука, крепившиеся на кибить с боковой стороны. Центральная часть кибити иногда снабжалась фронтальной накладкой. Необходимо уточнить, что практически все экземпляры луков по вещественным остаткам накладок имели по две центральные накладки, служившие для лучшей жесткости и предохранения от переломов. Срединные накладки в основном двух типов: овальные и трапециевидные (по Г.А. Федорову-Давыдову, тип I и III (рис. 1: 21–22)).

Следующая группа накладок – концевые. Крепились на концы деревянной основы, как правило, имели вырезы под тетиву. По форме накладки делятся на два типа: тип 1 - изготовленные из длинных пластин дугообразной формы, конец накладки в области выреза тетивы широкий, с резким скосом (рис. 1: 23); тип 2 - дугообразной формы с плавными сужающимися сторонами (рис. 1: 24).

По количеству сохранившихся накладок условно можно выделить несколько типов луков по классификации Е.В. Круглова (Круглов, 2002, с. 74–80):

Тип 1. Полнокомплектные со срединными боковыми, концевыми и плечевыми накладками (КМ Верхнее Погромное 1/12[1], ОК Золотая Нива погребение 1 и 2, Тамар-Уткуль, курган 3). Наиболее хорошей сохранности лук происходит из курганного могильника Тамар-Уткуль, курган 3. Лук был уложен слева от погребенного, сохранился полный набор концевых, срединных боковых и тыльных плечевых накладок в количестве восьми экземпляров. Общая длина лука была около 115 см (рис. 1: 23).

Тип 2. Со срединными боковыми и плечевыми накладками (КМ Близнецы 3/2, Красный Яр 17/1, Калиновский 28/2, Кара Су I курган 8, Орлиное гнездо курган 2). Хорошей сохранности лук обнаружен в КМ Челкар III курган 12. Общая длина лука достигала 125 см.

Тип 3. Со срединными боковыми накладками (КМ Ленинский 2/3, 4/4, 15 поселок, Колычево 2/2, Яман 2/2, Калмак Чебан курган 8, Атпа II курган 2, Рахинка курган 3, Черный Яр курган 1).

Таким образом, кочевники IX–XI вв. использовали сложносоставные и сложные луки, усиленные костяными пластинами. По всей видимости, данные накладки принадлежали к конструкциям различных вариантов тюркского типа лука.

Стрелы – всего известно около 170 наконечников стрел различной степени сохранности, обнаруженых в мужских погребениях. Материалом для изготовления наконечников, как правило, служило железо, редко кость. Все стрелы черешковые. Наконечники стрел обнаружены в 43 погребениях. Также в работе использовались случайные находки из Актюбинской и Западно-Казахстанской областей (Кригер, 1979, с. 176; Книсарин, 2004, с. 130).

Для классификации наконечников стрел использована схема, ранее предложенная Г.А. Федоровым-Давыдовым с небольшими изменениями, внесенными В.А. Кригером (Федоров-Давыдов, 1966, с. 25–29; Кригер, 2012, с. 28–29). При классификации наконечников учитывались их морфологические признаки. Стрелы группируются на отделы по сечению пера и на типы по форме пера. В классификации использовано 145 наконечников удовлетворительной сохранности.

Отдел А. Трехлопастные и трехгранные в сечении наконечники.

Тип 1 (8 экз.) – треугольные и трехгранные (рис. 1: 1).

Тип 2 (9 экз.) – листовидной формы, трехлопастные (рис. 1: 2).

Тип 3 (1 экз.) – ромбические, трехлопастные (рис. 1: 3).

Отдел Б. Ромбические и четырехгранные в сечении наконечники.

Тип 1 (2 экз.) – вытянуто-ромбический формы (рис. 1: 4).

[1] Здесь и далее, числитель – номер кургана, знаменатель – номер погребения.

Тип 2 (5 экз.) – четырехгранные - бронебойные, боеголовковые (рис. 1: 5).

Отдел В. Плоские в сечении наконечники.

Тип 1 (30 экз.) – листовидные (рис. 1: 6).

Тип 3 (14 экз.) – ромбической формы (рис. 1: 7).

Тип 4 (12 экз.) – ромбической формы с удлиненной нижней частью (рис. 1: 8).

Тип 5 (33 экз.) – ромбической формы с максимальным расширением у основания пера (рис. 1: 9).

Тип 6 (3 экз.) – вильчатой формы (рис. 1: 10).

Тип 7 (5 экз.) – подтреугольной формы, резко сужающиеся от максимального расширения у острия, к основанию пера (рис. 1: 11).

Тип 8 (3 экз.) – лопаткообразные с тупым острием (рис. 1: 12).

Тип 11 (5 экз.) – лопаткообразной формы с заостренным острием (рис. 1: 13).

Тип 15 (1 экз.) – пятигранные (рис. 1: 14).

Отдел Г. Овальные в сечении наконечники.

Тип 1 (2 экз.) – овальные в сечении наконечники с коротким пером, конусовидной формы, пулевидные (рис. 1: 15).

Тип 2 (3 экз.) – аналогичные, но с длинным пером (рис. 1: 16).

*Тип 4 (*1 экз.) – овальные с каплевидными выемками в верхней части пера, образующими четырехгранник (рис. 1: 17).

Костяные наконечники обнаружены в 4 погребениях, различаются между собой по форме пера и по способу насада на древко стрелы.

Тип 1 (5 экз.) – удлиненно-ромбической формы, трехгранные (рис. 1: 18).

Тип 2 (1 экз.) – аналогичные, но четырехгранные (рис. 1: 19).

Тип 3 (1 экз.) – биконический, черешковый наконечник, удлиненно-пятиугольной формы (рис. 1: 20).

Наконечники стрел насаживались на деревянные древки. Длина древка стрелы зависела из индивидуальных антропологических особенностей лучника. На длину древка, как правило, влияла также длина и тип лука (Кищенко, 2003. с. 132–133). Древки изготавливались из ровных стволов молодых деревьев и доводилась до нужных форм и размеров. Порода деревьев зависела от климатических особенностей природной зоны проживания человека.

Колчаны-футляры для ношения и хранения стрел были необходимым видом воинского снаряжения средневекового всадника-лучника. Всего в рассмотренных погребениях обнаружено 29 колчанных комплексов.

В период развитого средневековья они изготавливались преимущественно из бересты, иногда орнаментировались или украшались резными костяными накладками.

Колчаны делятся на типы по материалу для изготовления каркаса жесткости и по способу изготовления футляра.

Тип 1 – берестяные, трапециевидной формы – самый распространенный тип колчанов на протяжении всего средневековья в степях Волго-Уралья. Представляет собой берестяной футляр, сшитый из древесной коры (рис 2: 1). Всего представлено 25 экз. различной степени сохранности. Их устье, как правило, в два раза уже, чем дно колчана, длина колчанов варьируется от 40 до 70 см (рис. 2: 1).

Тип 2 – материал изготовления футляра – кожа, которая натягивалась на железный каркас. Подобный тип колчанов прослежен в комплексах Калиновский 54/1, Ченин 8/4 и Солодовка I 5/4 (Шилов, 1959, с. 400; Лукашов, 1982, с. 28, рис. 88: 10,11; Мыськов, 1993. с. 82–83). Кожа, как правило, не сохраняется, фиксируется лишь небольшими фрагментами в виде окиси на металле.

Тип 3 – материал изготовления футляра - береста. Берестяной футляр помещался внутрь железного каркаса и скреплялся с ним железными клепками. Подобный тип колчанов известен в КМ Калиновский 45/2 (Шилов, 1959, с. 395–396).

Тип 4 – цельнодеревянные. Материалом для изготовления колчана служил цельный кусок дерева. Известен 1 экз. из курганного могильника Атпа II курган 2 (рис 2: 2). Длина колчана 40 см, на поверхности колчана имелись отверстия для продевания ремней крепления (Гуцалов, 1993, с. 162).

В рассматриваемых колчанах стрелы в основном помещались наконечниками вверх.

Обычный состав предметов крепления колчанов почти во всех погребениях стандартен – это преимущественно железные кольца и пряжки, дополненные в основном железным крюком, иногда встречаются костяные петли. Колчанный крюк, как правило, представлен одним экземпляром. Прямоугольная или фигурная спинка крючков имеет 3–4 сквозных отверстия для крепления к ремню. Степень изгиба крючков была различной.

Копья и дротики. Копье – древковое, колющее холодное оружие, состоящее из

металлического наконечника и древка. Иногда на обратный конец древка вставлялся металлический конусообразный вток. Как правило, до нас доходят только металлические детали древкового оружия – наконечники и втоки, на их основании приводятся данные об этом виде вооружения. Наконечники копий обнаружены в трех погребениях и представлены двумя типами.

Тип 1 – форма копья похожа на вытянутый треугольник, с остроугольным острием, у которого стороны сглаживаются при переходе во втулку. Перо практически не выделяется. К такому типу относится 2 наконечника из кургана 8 КМ Шалкар II и КМ Турбаза, курган 1. Размеры наконечника: общая длина наконечника от 17 до 24 см, диаметр 3–3,5 см (рис. 2: 3).

Тип 2 – вытянуто-ромбической формы. Наконечник пера похож на вытянутый ромб, стороны которого плавно преломляются при переходе во втулку. Длина пера практически в 2 раза длиннее втульчатого насада. Данный тип представлен 1 экз. из КМ Калиновский 28/2 (рис. 2: 4). Размеры наконечника: общая длина наконечника 28 см, длина пера 18 см, ширина у основания 2,8 см, длина втулки 10 см, диаметр 4,3 см (Шилов, 1959, с. 386).

Наконечники для кавалерийских копий, возможно, насаживались на длинное (3-4 м) и тонкое (до 4,5 см в диаметре) деревянное древко. Ширина древка копья, вероятно, ненамного превышала диаметр нижнего края втулки копья. Древки также могли отделываться металлическими накладками, усиливающими пробивную мощь копья, обмотками из сыромятной кожи и бересты для предотвращения скольжения и плотной фиксации древка копья в руке. Для транспортировки и ношения копья на древко надевался сыромятный ремень в районе плеча всадника, позднее получивший название у казаков – темляк. Судя по казачьим кавалерийским пикам, кочевниками эпохи средневековья мог использоваться ножник – кожаный ремень, крепившийся на древке копья в районе втока, в который продевалась нога для устойчивого поддерживания пики в вертикальном положении (Яровой, 2010).

В КМ Заплавное 3/3 обнаружено 3 наконечника легких метательных копий плохой сохранности, трудно поддающихся типологизации. Наконечники с листовидной формой пера в сечении ромбические. Втульчатая часть дротиков не сохранилась. Длина одного наконечника вместе с пером 9,5 см, другого 5,5 см, длина пера 2 см, от третьего сохранилось только перо длиной 2,5 см (Шилов, 1958). Наконечники дротиков, по данным археологических раскопок, насаживались на древки, диаметром около 2 см. Так, например, длина зафиксированного древка из погребения воина эпохи Золотой орды, у села Шумаево в Оренбургской области, достигала 112 см, а общая длина вместе с наконечником - около 125 см. Дополнительно древко было украшено тонкими листами серебряной фольги, плотно обжимавшими древко. В этом погребении было зафиксировано также, что дротики помещались в специальный чехол, изготовленный из ткани полотняного плетения и кожи (Матюшко, 2008, с. 143).

По всей видимости, применение дротиков могло использоваться со средней дистанции в ходе конного боя. Метание дротика по предполагаемой цели наносилось сверху вниз. Нельзя исключать и применение дротиков в качестве ударно-колющего оружия ближнего боя.

Оружие ближнего боя.

Клинковое оружие занимает особое место в комплексе вооружения кочевников. По количеству находок в погребениях, оно располагается на втором месте среди средств летального воздействия на человека, уступая по количеству только оружию дистанционного боя. Клинковое вооружение является ярким элементом социального неравенства кочевого населения и своеобразным показателем принадлежности мужчины к числу профессиональных воинов (Селезнев, 2011, с. 258).

На территории Волго-Уральского региона было обнаружено 14 экземпляров сабель различной сохранности, 9 из которых можно использовать для системного анализа.

Сабля – достаточно длинное оружие рубяще-режущего и колющего действия, предназначенное для ведения ближнего боя. Главное отличие от палаша состоит в изогнутом клинке, характер изгиба которого придает выпуклость основному (фронтальному) лезвию (Горбунов, 2006, с. 57).

Для классификации клинкового вооружения морфологические особенности разбиты на ряд признаков: отделы подразделяются по кривизне клинка; группы информируют о длине клинка; тип информирует о перекрестии и рукояти клинка и дает его характеристику (материал, форма, устройство).

Степень искривленности полотна клинка измерялась по методике, предложенной С.А. Плетневой. Кривизна сабель определяется наибольшим расстоянием от прямой, проведенной между самой выдающейся точкой у рукоя-

ти и концом сабли до спинки клинка (Плетнева, 1973, с. 18). По сечению основной части клинков все они относятся к трехгранным.

Исходя из типологических признаков, предложенных А.В. Евглевским и Т.М. Потемкиной, сабельные клинки по степени кривизны разбиваются на два отдела (Евглевский, Потемкина, 2000, с. 125):

Отдел I – слабоизогнутые, сабельные клинки с кривизною полотна от 0,1 до 1,9 см;

Отдел II – среднеизогнутые, сабельные клинки с кривизной полотна от 1,9 до 4 см;

Необходимо отметить, что практически все сабельные клинки были снабжены ножнами, которые со временем плотно прикипели к полотнам клинков и поэтому информацию о способах заточки лезвия (односторонняя или полуторная) невозможно установить.

Отдел I – кривизна сабель от 0,1 до 1,9 см.

Группа 1 – сабли длиною до 90 см.

Тип 1 – с прямым перекрестием. Представлен 1 экземпляром из КМ Новоникольский 7/13. Общая длина сабли 82 см. Рукоять не сохранилась. Перекрестье прямое, длиной 8 см. Ширина клинка у перекрестия 3,5 см (Шилов, 1975, с. 28; рис. 2: 5).

Тип 2 – с кольцеобразным бронзовым перекрестием. Известен 1 экземпляр из КМ Скатовка 5/2 (Синицын, 1959, с. 162). Общая длина сабли 88 см. Ширина лезвия у перекрестия 3,3 см. Перекрестье кольцеобразное напускное, длиной 6 см, овальное в плане изготовлено из бронзы. Рукоять прямая, с незначительным наклоном, длина 10,5 см (рис. 2: 6).

Тип 3 – без перекрестия. Известно 2 экземпляра, которые делятся на 2 варианта по типу навершия.

Вариант 1 – с каплевидным навершием. Известен 1 экз. из ОК Журов. Сабля из кенотафа (рис. 2: 7). Общая длина сабли 88 см. Рукоять с каплевидным навершием, со слабым наклоном в сторону лезвия, длиной 13 см. Навершие рукояти украшено железной каплевидной вставкой, длиной 5 см. Ширина лезвия у рукояти 4 см (Гарустович, Иванов, 2001, с. 135)

Вариант 2 – с грибовидным навершием. Прямая слабоизогнутая сабля из кургана 8/4 КМ Ченин (рис. 2: 8). Длина сабли 83 см. Навершие сабли железное грибовидной формы состояло из двух частей, на каждой из которых имелся штифт для крепления к деревянной основе. Длина рукояти около 13 см (Лукашов, 1980).

Группа 2. Сабли длиною более 90 см.

Тип 1 – с ромбическим перекрестием. Представлен 1 экз. из кургана 12 КМ Шалкар III (рис. 2: 9). Длина сабли 1,25 см, наибольшая ширина клинка у перекрестия 6 см. Перекрестие ромбической формы, длиной 15 см. Рукоять клинка имеет слабый наклон в сторону лезвия. На черен рукояти одето железное навершие. Размеры навершия: длина 1,6 см, ширина 1,6 см (Кушаев, 1993, с. 103–104).

Тип 2 – с прямым перекрестием. Известен 1 экземпляр из кургана 10 КМ Кара Су I (рис. 2: 10). Общая длина клинка 96 см. Перекрестье напускное, железное. Длина перекрестия 10 см, ширина клинка у перекрестия 3,5 см. Рукоять слабоизогнута в сторону лезвия. Длина рукояти 17 см, с небольшим бронзовым напускным навершием, которое крепилось с помощью бронзовой шпильки длиной 13,2 см (Кокебаева, 1980, с. 102).

Отдел II. Кривизна полотна сабель от 1,9 до 4 см.

Группа 1. Длина клинков более 90 см.

Тип 1 – с прямым перекрестием, с небольшим расширением у рукояти, и шаровидными увенчаниями на концах. Перекрестие напускное, овальное в плане. Представлено три экземпляра из КМ Рахинка, курган 3 (рис. 2: 11), КМ 15-й поселок 3/7, погребение из Сор-Айдына - дюнное захоронение. Размеры клинков: длина 92–93 см, ширина лезвия у перекрестия 3–4 см, длина перекрестия 5–8 см (Кригер, 1985; Шилов, 1958; Круглов, Марыксин, 2012, с. 414–415);.

Тип 2 – без перекрестия. Известен 1 экз. из КМ Яман 2/2. Железная сабля, однолезвийная плоская, слегка изогнутая. Сабля без рукояти, распалась на отдельные куски во время расчистных работ. Длина сабли 90 см. В области локтевых суставов обнаружен костяной продолговатый предмет похожий на костяную обкладку рукояти, состоящий из двух половинок, длиной 14 см, шириной 3 см. Таким образом, длина сабли с учетом костяной рукояти могла достигать 104 см. Ширина лезвия по центру клинка 4 см (Попов, 1976; рис. 2: 12).

Исходя из рассмотренной классификации, сабли разделены на основные отделы по степени кривизны полотна клинка. Различные исследования сабель VIII–XIV вв. констатируют изменение кривизны и длины полотна от прямых к более искривленным (Плетнева, 1973, с. 18; Измайлов, 1997, с. 21; Горбунов, 2006, с. 68–69). Данная тенденция подтверждается находками сабельных клинков в погребениях кочевников IX–XIV в степях Волго-Уралья.

Палаш, по определению ряда исследователей (Ю.С. Худяков, В.А. Иванов,

В.А. Кригер) – это рубяще-колющее оружие с прямым однолезвийным клинком. Главным фактором для отношения клинка к палашам является прямое полотно с односторонней или полуторной заточкой.

В работе использовано 6 экз различной сохранности, которые можно использовать для системного анализа.

Для классификации палашей их морфологические особенности разбиты на ряд признаков: отделы подразделяются по длине клинка, группы информируют о лезвии клинка (односторонняя или полуторная заточка лезвия) и его сечении, тип информирует о перекрестии и рукояти клинка и дает его характеристику (материал, форма, устройство).

Отдел I – клинки длиною до 90 см.

Группа I – представленные в группе клинки с односторонней заточкой имеют плохую сохранность. Выделенные признаки носят условный характер, но в целом отражают индивидуальные особенности. В поперечном сечении полотна клинков имеют треугольную форму.

Тип 1 – с крестообразным перекрестием и шаровидными увенчаниями на концах.

Вариант 1 – материал изготовления перекрестия – медь. Представлен одним экземпляром из КМ Ленинский 4/4 (рис. 2: 13). Фрагментированный железный палаш длиной 60 см, с медным напускным перекрестием, заканчивающийся шариками длиной 8,5 см. Ширина полотна у перекрестья – 3,5 см, в сечении клинок трехгранной формы. Рукоять клинка обломана, стержень рукояти изогнут, имеет наклон в сторону лезвия, длина сохранившейся части – 3 см (Шилов, 1956).

Вариант 2 – материал изготовления перекрестия – железо. Перекрестье напускное, овальное в плане. Представлен одним экземпляром из КМ Калиновский 26/2 (рис. 2: 14). Железный палаш в железных ножнах с деревянной наружной обкладкой. Конец клинка обломан. Длина сохранившейся части с рукояткой – 57 см. Ширина прямого перекрестия с двумя шарообразными окончаниями – 11 см. Длина рукояти – 8 см, стержень рукояти прямой, без навершия (Шилов, 1959, с. 382).

Тип 2 – с округлым наварным перекрестием. Рукоять имеет легкий наклон в сторону лезвия. Известен один экземпляр из разрушенного погребения у озера Челкар (рис. 2: 15). Клинок в обломках, общая длина сохранившихся частей – 53 см. Полотно клинка однолезвийное со слегка уплощенной овальной спинкой, конец клинка обоюдоострый, сужающийся. Черешок клинка в виде плоского стержня, который слегка наклонен в сторону лезвия. Перекрестье меча прямое, длиной 4 см (Максимов, 1969, с. 133–134).

Отдел II – клинки длиною более 90 см.

Группа II – трехгранные, с обоюдоострым острием.

Тип 1 – с кольцеобразным перекрестием. Перекрестье - напускное, овальное в плане. Представлен одним экземпляром из урочища Джангала - Бек- Бике (рис. 2: 16). Длина палаша – 104 см, наибольшая ширина – 4,5 см. Рукоять клинка слабоизогнутая в сторону лезвия, длина рукояти – 11 см, стержень рукояти имел один прямой, второй скошенный край, образуя небольшой уклон в сторону лезвия. Деревянная обкладка рукояти скреплялась со стержнем штифтом. Конец меча на расстоянии 30 см от острия заточен с обеих сторон (Синицын, 1950, с. 109).

Тип 2 – с крестообразным прямым перекрестием. Представлен одним экземпляром из КМ Покровка 1/4 (рис. 2: 17). Клинок плохой сохранности, распался в ходе археологических работ. Общая длина – около 95 см. Полотно клинка трехгранной формы, ширина лезвия – 4 см. Конец клинка имеет обоюдоострую заточку на расстоянии 31 см от кончика. Рукоять прямая длиной 10 см. На клинке фиксировались следы дерева от ножен, которые были обтянуты кожей и скреплялись железными шляпковидными гвоздями, длина гвоздей – 0,5 см, диаметр шляпки – 0,2 см. На гвоздях имеется окись цветных металлов (Харламов, 2016, с. 193).

В рассмотренных погребениях (КМ Калиновский курган 1/7, Киляковка 1/5, Колобовка II, курган 1) встречается символизация клинкового вооружения путем положения к усопшему различных частей клинков, вышедших из строя, либо негодных к употреблению. Не исключается преднамеренное разрушение оружия с целью обезвреживания (Евглевский, 2002, с. 405).

Палаши и сабли носились в ножнах, предназначавшихся для предохранения полотна клинка от негативного воздействия окружающей среды, для избежания нежелательных повреждений обмундирования и ран. Остатки ножен различной степени сохранности зафиксированы на всех клинках, используемых в типологической схеме. Корпус ножен изготавливался из дощечек, дополнительно обтянутых кожей либо берестой. Дополнительно ножны могли скрепляться металлическими обоймами. Обоймы изготавливались из желе-

за, бронзы и серебра. Металлические оковки из бронзы и серебра, как правило, размещались в срединной части (Ченин, 15-й поселок), либо от середины до наконечника ножен (погребение из Сор Айдина). Подобные обоймы украшались растительным и геометрическим орнаментом, иногда покрывавшиеся черной эмалью, либо имели вид полой трубочки без орнамента. Наконечники ножен зафиксированы на 6 экземплярах. Они представляли собой полые округлые трубочки с уплощенным дном, изготавливались из железа или из цветных металлов. Ножны подвешивались к поясу с помощью портупейных ремней, закреплявшихся с помощью обойм и петель. Количество петель на имеющихся экземплярах различное - от 2 до 3 штук. Как правило, верхние обоймы с петлями расположены в верхней части клинка у рукояти, а нижние петли крепилось ближе к центральной части. В петли продевался портупейный ремень, который крепился на поясном наборе. Клинок носился в наклонном положении на левом, либо на правом боку. Для удобного хвата рукой, верхний ремень делали короче нижнего. Подобное расположение фиксируется на половецких каменных изваяниях.

Защитное вооружение.

Одним из самых редких предметов вооружения является воинский доспех. Подобный тип вооружения не только играл важную роль в защите тела, но и служил своеобразным показателем развития всего военного дела (Измайлов, 1997, с. 111). В комплекс защитного вооружения кочевников IX–XI вв. входила защита корпуса (пластинчатые панцири и кольчуги) и головы (шлемы).

Воинский доспех являлся наиболее дорогим и тщательно оберегаемым предметом. В погребениях средневековых кочевников, иногда символизируя целый панцирь, в могилу клали отдельные пластины от него (Кригер, 2012, с. 29). Наличие комплексов защиты тела является ярким признаком элитных погребений (Бисембаев, 2010, с. 85).

В исследуемом регионе известно три погребения с пластинчатыми панцирями (урочище Бек-Бике – Джангала, КМ Чалкар III, курган 12 и из разрушенного погребения у кирпичного завода в г. Актюбинск). В одном погребении обнаружены обрывки кольчуги (Кара Су 1, к.1).

Пластинчатые панцири IX–XI вв., судя по расположению в погребениях, имели вид доходящей до середины бедер длинной рубахи с короткими рукавами. Пластинчатые доспехи относятся к ламеллярному и ламинарному способу крепления пластин. Крепление производилось через систему сквозных отверстий в пластинах, которые соединялись между собой при помощи кожаных и волосяных шнуров, либо нашивались на матерчатую или кожаную основу. Все пластины изготовлены из железа и различаются между собой по внешним формам, размерам и количеством крепежных отверстий.

В разрушенном погребении у кирпичного завода в г. Актюбинск вместе с панцирем обнаружен шлем, представлявший из себя бронзовую обтяжку несохранившейся железной основы (Гарустович, Иванов, 2014, с. 34). Обтяжка изготовлена из листовой бронзы, внутри заметны следы окиси железа. Вокруг основания бронзовой обтяжки «шлема» проделаны отверстия, возможно для крепления бармицы, либо к железному основанию. Из сопредельных регионов известны и другие образцы шлемов полусферической и сфероконической формы, которые, возможно, использовались кочевниками IX–XI вв в степях Волго-Уралья (Мажитов, 1981). Находки в небольшом количестве целых доспехов, отдельных пластин и фрагментов кольчуг говорят о наличии тяжелой панцирной конницы, облаченной в полный комплекс защитного вооружения.

Некоторые мужские погребения имели в составе инвентаря пояса, украшенные накладками из серебра и бронзы. Бронзовые накладки иногда инкрустированы золотом или серебром. Количество бляшек на поясах различное - от нескольких штук до несколько десятков. Очевидно, подобные пояса имели не столько декоративное, сколько социальное и сакральное значение. По мнению С.А. Плетневой, богато украшенные пояса являлись своеобразными «орденскими лентами», свидетельствующими о воинских заслугах погребенных воинов вне зависимости от их статуса в обществе (Плетнева, 2000, с. 43). Практически все рассмотренные погребения воинов сопровождались захоронениями лошадей, которые были снабжены остатками сбруи.

Некоторые лошади имели богатые украшения подпружных и уздечных ремней, украшенных многочисленными серебряными, бронзовыми накладками и пряжками из серебра и бронзы, иногда со следами позолоты.

Проведенный анализ оружия IX–XI вв позволяет сделать следующие выводы:

1. Основная масса кочевников была вооружена оружием дистанционного боя, о чем свидетельствует наличие остатков колчанов, стрел и костяных накладок для луков. Этот вид вооружения встречен в 63 рассмотренных погребениях. В целом комплекс стрел кочевников IX–XI вв. в наибольшей степени сопоставим с салтово-маяцкими комплексами, погребальных кочевнических комплексов Саркела-Белой Вежи и юга России (Комар, Сухобоков 2000; Плетнева, 1963, с. 242–243; Плетнева, 1958, с. 156–158). Это соответствует общему направлению развития средств дистанционного боя в кочевом мире в эпоху развитого средневековья, но и отличается в тенденции к сокращению различных форм сечений пера и увеличению более простых - плоских, от небольших наконечников к более крупным и массивным.

2. Более состоятельные слои населения имели комплексы вооружения для ближнего боя, состоящего из слабо и средне изогнутых сабель и палашей. Всего найден 21 экземпляр различной степени сохранности. Сравнительная редкость находок клинкового вооружения позволяет сделать вывод о редкости и большой ценности этого оружия. Эволюционное развитие клинкового вооружения проходило по пути удлинения лезвия и увеличения кривизны клинка (для сабель), что, по всей видимости, может являться хронологическим признаком. В то же время этот вид вооружения достаточно сложно использовать в качестве датирующего материала, поскольку разные его формы и типы долгое время сосуществовали (Кригер, 2012, с. 28). По всей видимости, в могилу к кочевнику саблю или палаш могли положить только тем людям, которые имели при жизни значительный статус и влияние на окружавшее их кочевое общество. Возможно, рассмотренные погребения принадлежали профессиональным воинам-батырам, либо главам семейных общин.

3. Немногочисленность находок наконечников копий и дротиков в ходе археологических исследований не согласуется с данными письменных источников, которые свидетельствуют об их массовом применении кочевниками средневековья во время военных действий (Бартольд, 1897; Шараф ад-дин Йазди, с. 323, 334). Вероятно, кочевники IX–XI вв. могли использовать копья без металлических наконечников. Например, казахи в XVII–XIX вв. часто использовали заточенные и обугленные для твердости деревянные копья (Кушкумбаев, 2001, с. 59). Древки копий применялись также для размещения опознавательных знаков и знамен с изображенными на них символами родов и племенных групп кочевников. Можно предполагать наличие у населения степей Волго-Уралья кавалерийских отрядов, специализировавшихся на копейном бое.

4. У кочевников IX–XI вв. имелись тяжеловооруженные всадники. Трудно сказать, формировались ли из них отряды панцирной кавалерии, поскольку данных на этот счет недостаточно. Преобладали в войске легковооруженные кавалеристы, основным оружием которых были лук и стрелы. Скорее всего, менее обеспеченные слои кочевого населения могли использовать кожаное или войлочное защитное вооружение. О наличии подобного вооружения свидетельствуют лишь письменные источники, пока археологические не могут дать подобный материал. По мнению Т.Д. Равдоникас, стеганая одежда достаточно долгое время служила доспехом и имела широкое распространение в неразвитых металлургических областях Европы и Азии (Равдоникас, 1978, с. 181). Защитное вооружение из мягких материалов продолжало применяться кочевниками Восточной Европы и Центральной Азии вплоть до Нового времени.

ЛИТЕРАТУРА

Археология Южного Урала / Отв. ред. А.В. Иванов. Стерлитамак: СГПИ, 1993. 233 с.

Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию в 1893–94 годах // Записки Академии наук, историко-филологический отдел, 8-я серия, Т. I, № 4. СПб., 1897. 198 с.

Бисембаев А.А. Кочевники средневековья Западного Казахстана. Актобе: Изд-во ИП Жанадилов С.Т., 2010. 248 с.

Васильева И.Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья: Научные труды. Том 230. Куйбышев. 1979. С. 202–240.

Гарустович Г.Н. Иванов В.А. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа.: Гилем, 2001. 212 с.

Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Материалы по археологии степных кочевников Южного Урала (IX–XIV вв.). Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. 327 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II.: Наступательное вооружение (оружие) // Барнаул: Изд-во Алтай. ун-та, 2006. 232 с.

Гуцалов С.Ю. Погребение средневекового воина в восточных отрогах Мугоджар // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993. С. 162–166.

Евглевский А.В., Потемкина Т.М. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1 / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ИА НАН Украины, 2002. С. 291–336.

Евглевский А.В. Семиотические аспекты функционирования сабли в погребальном обряде (по материалам кочевников Восточной Европы 2-й пол. IX–XIV вв.) // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 1. Донецк: ИА НАН Украины, 2000. С. 117–180.

Зарецкий И.А. Пос. Благословенка и Ак-Булак // Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936. / Под. ред. В.В. Гольмстен. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 152–153.

Иванов В.А. Гарустович Г.Н. Пилипчук Я.В. Средневековые кочевники на границе Европы и Азии / Отв. ред. А.В. Иванов. Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. 396 с.

Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII вв. / Отв. ред. А.Н. Кирпичниов. Казань; Магадан: Изд-во СВНЦ ДВО РАН, 1997. 212 с.

Кастанье И.А. Отчет о раскопках шести курганов в Актюбинском уезде летом 1906 года // Тр. ОУАК. Вып. XIX. Оренбург, 1907. С. 102–116.

Кищенко В.Г. Стрелы древних и средневековых культур Евразии: Реконструкция // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3 / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ИА НАН Украины, 2003. С. 131–192.

Книсарин Б.А. Комплекс вооружения средневековых кочевников Западного Казахстана VIII–XIV вв. Изв. НАН РТ. Серия обществ. наук. № 1 (247). Алматы, 2004. С. 124–135.

Кокебаева Г.Н. Памятники поздних кочевников Западного Казахстана // История материальной культуры Казахстана. Алма-Ата. 1980. С. 95–103.

Комар А.В. Сухобоков О.В. Вооружение и военное дело Хазарского каганата // Восточноевропейский археологический журнал. Вып. 2(3). 2000. URL: http://archaeology.kiev.ua/journal/020300/komar_sukhobokov.htm.

Кригер В.А. Погребение и случайные находки IX–XI вв. на территории Уральской области // Древняя история Поволжья: Научные труды. Том 230 / Отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев. 1979. С. 174–189.

Кригер В.А. Погребения кыпчакского времени в могильниках у пос. Лебедевка Уральской области // Памятники кочевников Южного Урала / Отв. ред. В.А. Иванов. Уфа. 1984. С. 102–117.

Кригер В.А. Отчет о раскопках 1985 г. в Среднеахтубинском районе Волгоградской области. Архив ВолКМ.

Кригер В.А. Средневековые кочевники Заволжья (обзор источников) // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья / Отв. ред. И.В. Сергацков. Саратов. Изд-во Саратов. ун-та, 1986. С. 114–132.

Кригер В.А. Кочевники Западного Казахстана и сопредельных территорий в средние века (X–XIV вв.). Уральск: ОФ «Евразийский союз ученых», 2012. 200 с.

Круглов Е.В. Сложносоставные луки Восточной Европы раннего средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4 / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ИА НАН Украины, 2005. С. 73–142.

Круглов Е.В., Марыксин Д.В. Новое погребение огузского воина-всадника из района Рын-песков Западного Казахстана // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 9. Донецк: ИА НАН Украины, 2012. С. 409–428.

Кушаев М.Г. Этюды древней истории степного Приуралья. Уральск: «Диалог», 1993. 172 с.

Кушкумбаев А.К. Военное дело казахов в XVII–XVIII веках. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 172 с.

Лукашов А.В. Отчет о работе Палласовского отряда Заволжской экспедиции ВГПИ за 1980 г. // Архив ИА РАН. Р.1, д. №8878.

Лукашов А.В. Отчет о работе Заволжской экспедиции ВГПИ за 1984 г. // Архив ИА РАН. Р.1, д. № 10840.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. / Отв. ред. А.К. Амброз. М.: Наука, 1981. 165 с.

Максимов Е.К. Позднекочевнические погребения Урало-Волжского района // Древности Восточной Европы / Отв. ред. Л.А. Евтюхова. М.: Наука, 1969. С. 133–134.

Мамонтов В.И. Ситников А.В. Средневековые погребения Царевского курганного могильника // Древности Волго-Донских степей. Вып. 3. Волгоград: Перемена, 1993, С. 183–208.

Мамонтов В.И. Раскопки курганов в Волгоградском Заволжье // Древности Волго-Донских степей. Вып. 6. Волгоград: Изд-во ВолГУ. 1998. С. 141–150.

Матюшко И.В. Захоронение забальзамированного воина XIII–XIV вв. на левобережье Иртека // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 6. Донецк: ИА НАН Украины. 2008. С. 141–156.

Мыськов Е.П. Погребения кочевников IX–XI вв. на Ахтубе // Древности Волго-Донских степей. Вып. 3. Волгоград. 1993. С. 69–84.

Нефедов Ф.Д. Археологические исследования в Южном Приуралье (1887–1888) и Прикамье (1893–1894) // Материалы по археологии восточных губерний Россси. Т. 3. М., 1899. 74 с.

Новожилов В.В. Клепиков В.М. Охранные раскопки в Среднеахтубинском районе Волгоградской области // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1997. С. 59–81.

Попов С.А. Отчет Оренбургской археологической экспедиции за 1976 г. Архив ИА РАН. Р-1, д. № 5960.

Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. 1958. № 62. С. 151–226.

Плетнева С.А. Кочевнический могильник близ Саркела-Белой Вежи // Тр. ВДАЭ. Том III. (МИА. № 109). М.; Л., 1963. С. 216–259.

Плетнева С.А. Древности черных клобуков / САИ. Вып. Е1-19 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1973. 96 с.

Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии / Науч. ред. В.Я. Петрухин. М. Изд-во «Мосты культуры», 2000. 241 с.

Пшеничнюк А.Х. Научный отчет о результатах археологических исследований в Оренбургской области в 1984 г. / Архив археологической лаборатории ОГПУ.

Садыкова М.Х. Тюркоязычные кочевники на территории Южной Башкирии // Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959. С. 152–169.

Селезнев Ю.В. Признаки принадлежности к элите Джучиева улуса в вещевой атрибутике // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Астрахань. 2011. С. 257–260.

Синицын И.В. Отчет о работе в пределах Саратовской области и Западного Казахстана в 1948 г. // Архив ИА РАН. Р.1, д. № 240.

Синицын И.В. Дневник археологических раскопок и разведок, проведенных летом 1949 г. Архив ИА РАН. Р-1, д. № 319

Синицын И.В. Археологические памятники на р. Малый Узень // КСИИМК. 1950. Вып. 32. С. 101–113.

Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда // МИА. 1959. № 60. С. 39–205.

Синицын И.В. Древние памятники в низовьях Еруслана // МИА. 1960. № 78. С. 10–168.

Смирнов К.Ф. Быковские курганы // МИА. 1960. № 78. С. 169–272.

Смирнов К.Ф. Отчет о работе Чкаловской экспедиции в 1956 г. // Архив ИА РАН. Р-1, д. № 1255.

Смирнов К.Ф. Отчет о работе Чкаловской экспедиции в 1957 г. // Архив ИА РАН. Р-1, д. № 1686

Равдоникас Т.Д. Одна из функций стеганой одежды народов Средней Азии // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана Сб. Музея антропологии и этнографии. Вып. 34. Л., 1978. С. 177–181.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966. 271 с.

Харламов П.В. Захоронение печенежского воина в кургане 1 могильника Покровка IX // АПО. Вып. 12. Оренбург. Изд-во ООО ИПК «Университет», 2016. С. 193–197.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. 160 с.

Шарафад-дин Йазди. «Книга побед». История Казахстана в персидских источниках // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 4. Алматы: Дайк-Пресс, 2006.

Шнадштейн И.В. Отчет об археологических раскопках в Ахтубинском районе Астраханской области в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1, д. № 10341.

Шилов В.А. Отчет о работах астраханской экспедиции в 1956 г. // Архив ИА РАН. Р.1, д. № 1314.

Шилов В.А. Отчет о раскопках Астраханской экспедиции в 1958 г. // Архив ИА РАН. Р-1,д. № 1850.

Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // МИА. 1959. № 60. С. 323–523.

Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. М.: Наука, 1975. 206 с.

Яворская Л.В. Средневековые погребения у пос. Верхний Балыклей // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1997. С. 148–160.

Якубовский А.Ю. Вопросы этногенеза туркмен в VIII–X веках // СЭ. 1947. № 3. С. 48–55.

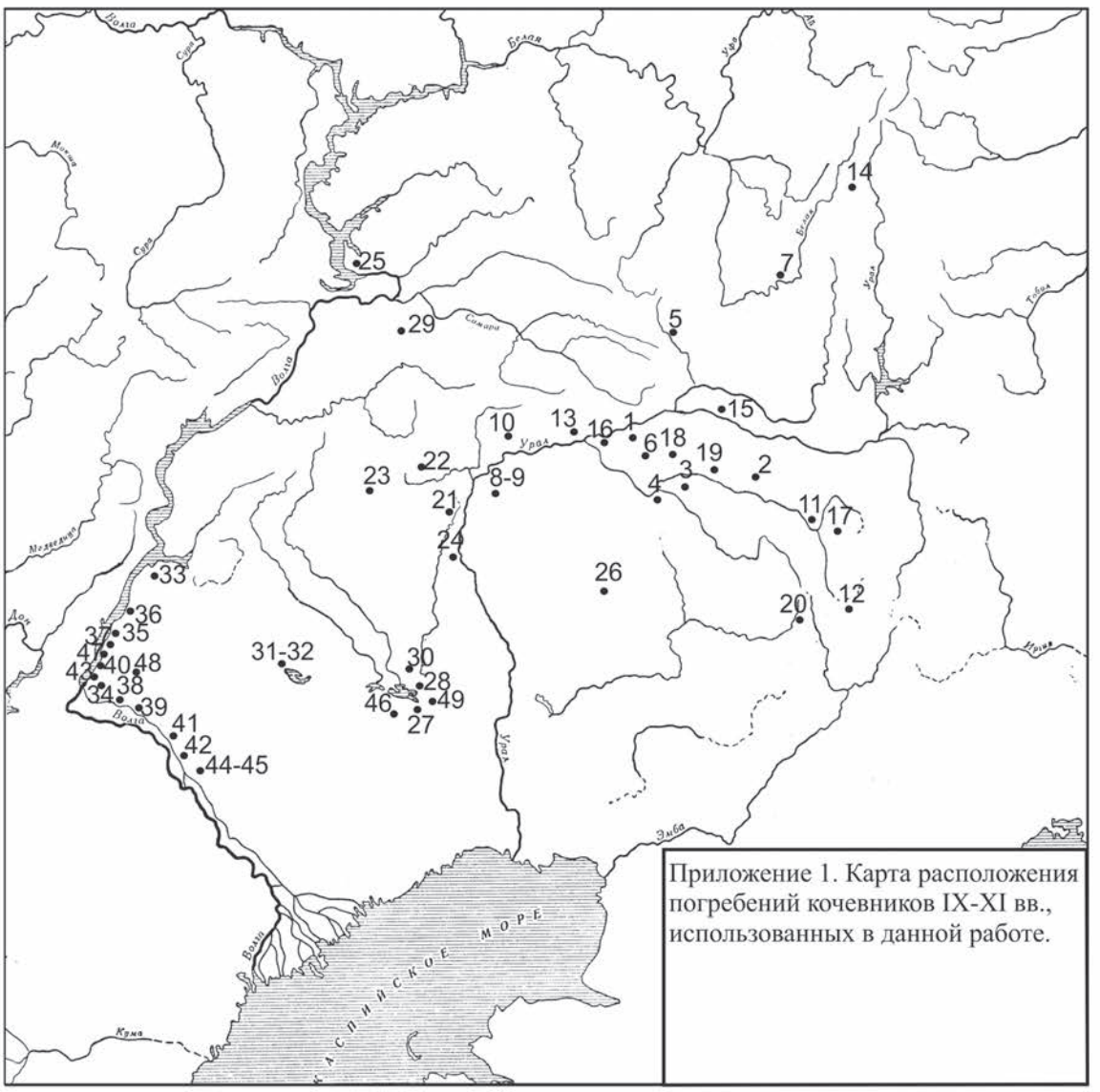
Яровой А. Пика в культуре донских казаков // URL: http://dikoepole.com/2010/03/27/pika_02-2/ (дата обращения: 25.02.2017)

Информация об авторе:

Харламов Павел Викторович, научный сотрудник, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия); kharlamovmore@rambler.ru

About Author:

Kharlamov Pavel V., researcher, Orenburg state pedagogical University (Orenburg, Russia); kharlamovmore@rambler.ru



Курганные могильники IX-XI вв: 1. Ханская могила (Нефедов, 1887-1888). 2. Акбулак (Зарецкий, 1935). 3. Черный Яр - Тамар-Уткуль (Смирнов, 1956; Иванов, 2001). 4. Покровка (Харламов, 2016). 5. Колычево (Мажитов и др., 1974). 6. Мертвецовский (Нефедов, 1887-1888). 7. Старое Мусино (Садыкова, 1959). 8. Челкар II и III (Максимов, 1969; Кушаев, 1993; Биссембаев, 2010). 9. Рубежка (Кригер, Железчиков, 1980), 11. Погребение у Кирпичного завода в г. Актюбинск (Гарустович, Иванов, 2014). 12. Атпа II (Гуцалов, 1993). 13. Яман (Попов, 1976). 14. Житимакский, 15. Погребение у с. Беляевка (Гарустович, Иванов, 2014). 16. Красный Яр (Пшеничнюк, 1984). 17. Жаман Каргала (Кастанье, 1906), 18. Пчельник (Нефедов, 1887-1888). 19. Близнецы (Смирнов, 1957). 20. Уркач I. 21. Орлиное гнездо. 22. Калмык Чабан. 23. Солянка. 24. Турбаза (Бисембаев, 2010). 25. Золотая Нива (Васильева, 1979). 26. Лебедевка VI (Кригер, 1984). 27. Кара Су I (Кокебаева, 1980, Кушаев, 1993, Биссембаев, 2010). 28. Погребение из Сор-Айдина (Круглов и др, 2012). 29. погребение у с. Александровка (Васильева, 1979). 30. Кос Оба (Кригер, 1979). 31. Ченин (Лукашов, 1981), 32. Эльтон - левый берег р. Хара (Лукашов, 1985). 33. Быково I (Смирнов, 1960), 34. Верхнее Погромное, 35. Новоникольское (Шилов, 1975). 36. Калиновский (Шилов, 1959). 37. Ленинский (Шилов, 1956). 38. Заплавное, 39. 15 поселок (Шилов, 1958). 40. Верхний Балыклей, 41. Царев, 42. Солодовка, 43. Киляковка (Мыськов, 1993). 44. Успенка (Шнадштейн, 1984). 45. Журов курган (Гарустович и др. 2001). 46. Кара Оба (Синицын, 1956) 47. Рахинка (Кригер, 1985). 48. Джангала - Бек-Бике (Синицын, 1948). *Наименования источников формата (Синицын, 1948) отсылают к основному списку литературы настоящей статьи.*

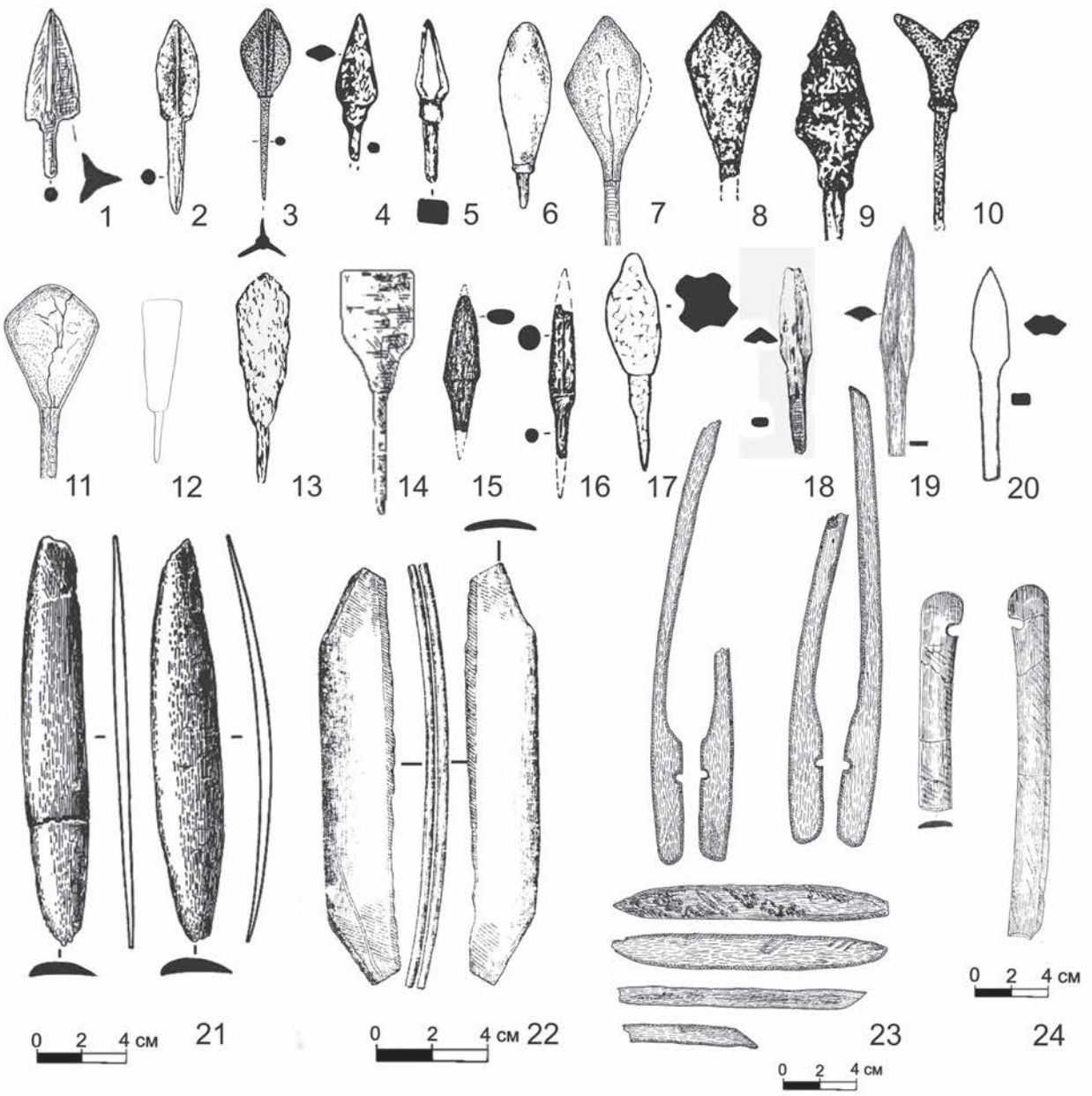


Рис. 1. Вещевой комплекс вооружения кочевников IX - XI вв. с территории степей Волго-Уралья.
1-20 типы наконечников стрел (без масштаба); 21-24 костяные накладки на лук: 1. КМ Лиман К.3; 2, 6. КМ Кара-Оба К. 10; 3, 10. Случайная находка из фондов АОИКМ; 4. КМ Кара-Оба К. 2; 5. Из разрушенного погребения у с. Александровка на р. Вязовка; 7, 11. КМ Покровка IX К. 1/4; 8. КМ Киляковка К. 3/2; 9. ОК Золотая Нива п.1; 12. КМ Джангала-Бек-Бике; 13. КМ Солянка II К. 1; 14. КМ Мертвецовский К.10; 15. КМ Солодовка К.5/4; 16. КМ Киляковка 1/5; 17. Км Кара Су I К. 20; 18. КМ Быково I К. 14/3; 19. Из погребения у с. Беляевка; 20.КМ Кос Оба К. 11; 21. КМ Калиновский К. 28/2; 22. КМ Рахинка К. 3; 23. КМ Тамар-Уткуль К. 3; 24. КМ В. Погромное К.1/12. Материал изготовления: 1-17 железо, 18-24 кость.

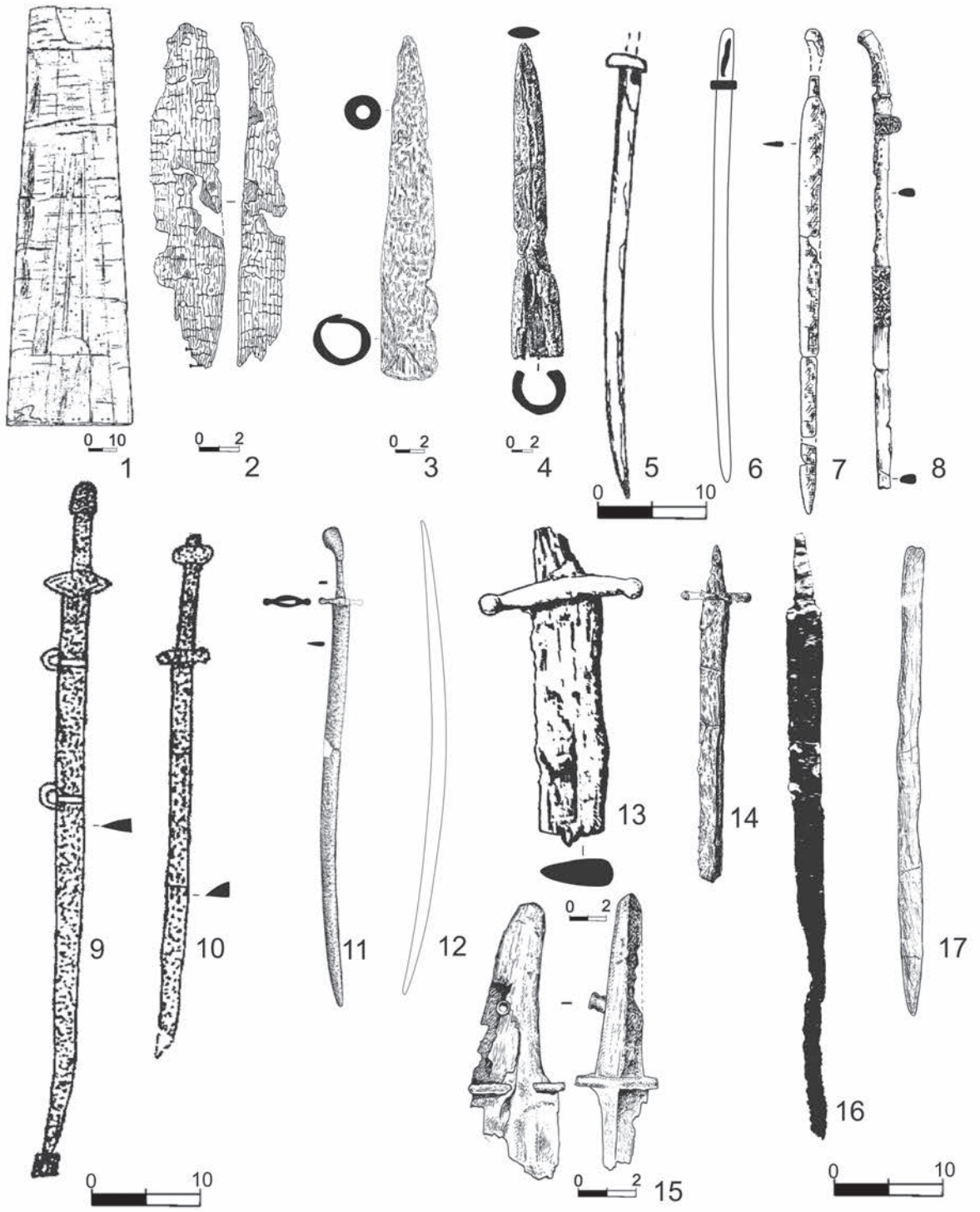


Рис. 2. Вещевой комплекс вооружения кочевников IX - XI вв. с территории степей Волго-Уралья.

1. Берестяной колчан; 2. Фрагменты деревянного колчана из КМ Атпа II К.2; 3-4. Наконечники копий из КМ Чалкар II К.8 и КМ Калиновский К. 28/2.

5 - 12 сабли. 5. КМ Новоникольский К.7/13; 6. КМ Скатовка К. 5/2; 7. ОК Журов; 8. КМ Ченин К.8/4; 9. КМ Челкар III К.12; 10. КМ Кара Су I К. 10; 11. КМ Рахинка К. 3; 12. КМ Яман К. 2/2.

13-17 палаши. 13. КМ Ленинский К. 4/4; 14. КМ Калиновский К. 26/2; 15. Из разрушенного погребения у озера Челкар. 16. Из развеянного погребения Джангала -Бек - Бике; КМ Покровка IX К.1/4. Материал изготовления: 1-2 береста-дерево, 3-17 железо.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГОИАМЗ – Астраханский государственный объединенный историко-археологический музей-заповедник

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан. Казань

АПО – Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург

АО – Археологические открытия. М.

АС – Археологический съезд

АЭБ – Археология и этнографии Башкирии. Уфа

АЭМК – Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола

БашГУ – Башкирский государственный университет. Уфа

БГИАМЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник

БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет. Уфа

БНЦ УрО АН СССР – Башкирский научный центр Уральского отделения АН СССР/РАН. Уфа

БФАН СССР – Башкирский филиал Академии наук СССР. Уфа

ВАС – Всероссийский Археологический съезд

ВАУ – Вопросы археологии Урала

ВГПИ – Волгоградский государственный педагогический институт

ВДАЭ – Волго-Донская археологическая экспедиция

ВДИ – Вестник древней истории. М.

ВолГУ – Волгоградский государственный университет

ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет

ГИМ – Государственный исторический музей. М.

ГЭ – Государственный Эрмитаж. Л./СПб.

ЖМВД – Журнал Министерства внутренних дел. М.

ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.

ИАК – Известия Императорской Археологической комиссии. М.

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук. М.

ИА РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан. Казань

ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск

ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.

ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР. Казань

КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция.

КГПИ – Казанский государственный педагогический институт

КГУ – Казанский государственный университет

КНЦ АН СССР – Казанский научный центр АН СССР

К(П)ФУ – Казанский (Приволжский) федеральный университет

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР/ РАН). М.

КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.

ЛГУ – Ленинградский государственный университет

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь

МарНИИЯЛИ – Марийский Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Йошкар-Ола

МАЭ – Музей археологии и этнографии

МГУ – Московский государственный университет

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР/России. М.

МОН РТ – Министерство образования и науки Республики Татарстан

НАН РК – Национальная академия наук Республики Казахстан. Алматы

НФ ИА АН РТ – Научный фонд Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан. Казань

НЭ – Нумизматика и эпиграфика. М.

ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии

ОАИЭЕ – Общество археологии, истории, этнографии и естествознания

ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет

ОУАК – Оренбургская Ученая архивная комиссия

ПГУ – Пермский государственный университет

ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет

ПенГПУ – Пензенский государственный педагогический университет

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

ПФ ИИиА УрО РАН – Пермский филиал Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук

РА – Российская археология. М.

РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. М.

СА – Советская археология. М.

САИ – Свод археологических источников. М.

СЭ – Советская этнография. М.

ТСА РАНИОН – Труды секции археологии Российской ассоциации Научно-исследовательских институтов общественных наук. М.

УдмИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский Институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук. Ижевск

УрГУ – Уральский государственный университет. Свердловск/Екатеринбург

УНЦ РАН – Уральский научный центр Российской академии наук. Свердловск/Екатеринбург

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ. № 1 2017.
Серийное издание

Подписано в печать 27.07.2017 г. Формат 60x84 1/8.
Усл.печ.листов 50,35. Гарнитура Times New Roman.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 1 100. Заказ № 17281.

ЗАО «Издательский дом «Казанская недвижимость».
420029, Республика Татарстан, Казань, ул. Декабристов, д. 2

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ЗАО «Издательский дом «Казанская недвижимость»
420054, РТ, Казань, ул. Актайская, д. 21
www.apress-kzn.ru

ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES Vol. 1, 2017
Serial edition

CJSC «Kazanskaya Nedvizhimost» Publishing House.
21, Aktaiskaya st., 420054, Respublic of Tatarstan, Kazan
www.apress-kzn.ru